Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова

История России XVIII—XIX веков

Под редакцией
А.В.Мелова

Annotation

"История России XVIII-XIX веков" - уникальное учебное пособие, созданное на основе новейших концепций российского исторического процесса. В издании предпринята попытка проследить воздействие природно-климатического и географического факторов не только на социально-экономическую жизнь страны, но и их влияние на государственно-политический строй, внутреннюю и внешнюю политику, культуру. Авторы этой книги - ведущие преподаватели исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова - академик РАН, лауреат Государственной премии РФ профессор Л.В.Милов и доктор исторических наук, профессор Н.И.Цимбаев - обобщили свой многолетний опыт исследования и преподавания истории России. Эпоха наивысшего могущества России впервые рассмотрена как история выживания общества в суровых условиях природы и климата Восточной Европы.

Новое учебное пособие предназначено для студентов-историков и других будущих профессиональных гуманитариев. Книга, несомненно, заинтересует широкий круг читателей, стремящихся глубже понять историю своей Родины.

- ИСТОРИЯ РОССИИ XVIII–XIX ВЕКОВ
  - Предисловие
  - Раздел I
    - Глава 1. Первые шаги государственной деятельности Петра I. Азовские походы и начало Северной войны
      -
      - § 1. «Двоецарствие» Ивана и Петра. Стрелецкие бунты и политика Софьи
      - § 2. Азовские походы. «Великое посольство»
      - § 3. Первые реформы
      - § 4. Создание Северного союза и осада Нарвы
      - § 5. Первый период Северной войны. Полтавская битва
    - Глава 2. Политика и экономика
      - § 1. Сельское хозяйство
      - § 2. Роль государства в развитии крупного производства
      - § 3. Мелкое производство и ремесло в петровской россии
      - § 4. Торговля

        - § 5. Положение крестьянства, дворянства и купечества
    - Глава 3. Реформы органов управления и суда
        - § 1. Губернская реформа
        - § 2. Сенат и коллегии
        - § 3. Реформа местного управления
        - § 4. Финансы и бюджет
    - Глава 4. Рождение петровской армии и флота. Социальные взрывы
        - § 1. Формирование новой армии
        - § 2. Создание флота
        - § 3. Волнения и восстания
        - § 4. Оппозиция в верхах. Трагедия царя и трагедия наследника
    - Глава 5. Война и дипломатия после Полтавы. Ништадтский мир
        - § 1. Итоги Полтавы и присоединение Прибалтики и Карелии
        - § 2. Война с Турцией. Прутская неудача
        - § 3. К господству на море
        - § 4. Завершение северной войны
        - § 5. Каспийский поход
    - Глава 6. Ломка старых традиций и зарождение новой культуры
        - § 1. Политические идеи. Инициативы. Проекты
        - § 2. Просвещение и наука
        - § 3. Литература. Театр
        - § 4. Трансформация придворного быта
        - § 5. Изобразительное искусство и архитектура
        - § 6. «Всяк человек смертен»
- Раздел II
    - Глава 7. Дворцовые перевороты
        - § 1. Борьба придворных партий за власть
        - § 2. Кондиции 1730 г. и бироновщина
        - § 3. Дворцовые перевороты середины века
    - Глава 8. Состояние сельской экономики. Проблемы финансов и государственного управления в 20-40-х гг. XVIII в.
        - § 1. Состояние сельского хозяйства
        - § 2. Переустройство государственного управления во второй четверти XVIII в.

- § 3. Областная контрреформа
- § 4. Эволюция финансовой политики. Социальные итоги
- § 5. Социальные взрывы в России после Петра I
- § 6. Национальное движение в Башкирии

- Глава 9. Россия и европейские державы после Петра I
  - § 1. Охлаждение отношения к России и появление «Северного блока»
  - § 2. Война за «польское наследство»
  - § 3. Восточный вопрос и русско-турецкая война 1735–1739 гг.
  - § 4. Русско-шведская война 1741–1743 гг. и проблема «австрийского наследства»
  - § 5. Семилетняя война (1757–1762)
- Глава 10. Россия в эпоху Екатерины II. «Просвещенный абсолютизм»
  - § 1. Императрица и трон
  - § 2. Российское дворянство и проблемы социально-экономического развития страны
  - § 3. Аграрный тупик нечерноземья и зарождение регионов зернового товарного производства
  - § 4. Власть, купечество, развитие промышленности и торговли
  - § 5. Политические иллюзии и реальная политика Екатерины II. «Просвещенный абсолютизм»
  - § 6. Секуляризация церковных земель
  - § 7. Уложенная комиссия 1767 г.
  - § 8. Конкурс вольного экономического общества
  - § 9. Полемика сатирических журналов
- Глава 11. Крестьянская война 1772–1775 гг.
  - § 1. Предвестники восстания
  - § 2. Начало восстания и осада Оренбурга
  - § 3. Второй этап восстания
  - § 4. Третий этап восстания
  - § 5. Идеология восставших. Неизбежность крушения замыслов Е. Пугачева
- Глава 12. Преобразования государственной машины и социальная политика
  - § 1. Губернская реформа
  - § 2. Реформа центральных учреждений

        - § 3. Жалованная грамота дворянству 1785 г.
        - § 4. Жалованная грамота городам 1785 г.
        - § 5. Управление окраинами империи
    - Глава 13. Формирование различных тенденций в общественно-политической мысли в России
        - § 1.Критика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II М. М. Щербатовым
        - § 2. Борьба двух тенденций в критике крепостничества. Формирование просветительства в России
    - Глава 14. Внешняя политика Российской империи во второй половине XVIII в.
        - § 1. Проект «Северной системы» Н. И. Панина и «диссидентский вопрос» в Польше
        - § 2. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и первый раздел Польши
        - § 3. Война на два фронта
        - § 4. Россия и Французская революция 1789 г. Второй и третий разделы Польши
    - Глава 15. Император Павел I
        - § 1. Контрреформы Павла I
        - § 2. Внешнеполитические аккорды России на грани веков
    - Глава 16. Культура России в XVIII в.
        - § 1. Просвещение
        - § 2. М. В. Ломоносов и русская наука
        - § 3. Литература и журналистика
        - § 4. Искусство
- Раздел III
    - Глава 17. Дореформенная экономика
        - § 1. Структура хозяйства и экономическое районирование
        - § 2. Социально-экономические последствия крепостной системы
    - Глава 18. Внутренняя политика Александра I
        - § 1. Правительственный реформизм
        - § 2. Аракчеевщина. Конституционные начинания
    - Глава 19. Русское общество времени Александра I
        - § 1. Общественная мысль
        - § 2. Движение декабристов

- Глава 20. Внешняя политика первой четверти XIX в.
  - § 1. Европейская политика Российской империи
  - § 2. Отечественная война 1812 г.
  - § 3. Россия и создание Венской системы
  - § 4. Восточный вопрос
- Глава 21. Внутренняя политика Николая I
  - § 1. Николаевское самодержавие
  - § 2. Социальная политика
- Глава 22. Общественная мысль николаевской России
  - § 1. Воззрения Чаадаева
  - § 2. Славянофильство и западничество
  - § 3. Зарождение «русского социализма»
- Глава 23. Внешняя политика Николая I
  - § 1. Россия в системе европейских международных отношений
  - § 2. Восточный вопрос. Россия на Кавказе
  - § 3. Крымская война
- Глава 24. Реформы Александра II
  - § 1. Отмена крепостного права
  - § 2. Административно-правовая модернизация
- Глава 25. Экономическое развитие пореформенной России
  - § 1. Пореформенная деревня
  - § 2. Пореформенная промышленность
  - § 3. Экономическая модернизация конца XIX в.
- Глава 26. Общественная жизнь второй половины XIX в.
  - § 1. Русское общество эпохи великих реформ
  - § 2. Народничество
  - § 3. Русский марксизм и рабочее движение
- Глава 27. Внешняя и внутренняя политика последней трети XIX в.
  - § 1. Внешняя политика и территориальная экспансия
  - § 2. Кризис имперской государственности
- Глава 28. Культура России XIX в.
  - § 1. Культура дореформенной России
  - § 2. Культура пореформенной России

- Хронологическая таблица

ИСТОРИЯ РОССИИ XVIII–XIX ВЕКОВ (Под редакцией академика РАН Л.В.Милова)

Предисловие

В данном пособии по истории России на основе обширных фактических данных с учетом новейших исследований рассмотрен период от крутых петровских преобразований до конца XIX в. В эти два столетия в экономике страны произошел феноменальный стремительный прорыв на пути модернизации, умноживший вместе с тем острейшие политические и социальные противоречия в обществе, XVIII–XIX вв. были временем могущества Российской империи, достигнутого ведущими силами общества прежде всего на основе исторически сложившихся «механизмов», радикально восполнявших ущербные следствия суровых природно-климатических условий Восточной Европы. Эти «механизмы» выживания общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта — крепостное право и соседская община — были унаследованы от предыдущих столетий.

В XVIII столетии Россия по-прежнему оставалась социумом с весьма ограниченным совокупным прибавочным продуктом, где продолжали функционировать так называемые компенсационные механизмы. Более того, в борьбе за выживание государство резко расширяет сферу действия крепостного права и ужесточает этот режим. Указанный процесс парадоксальным образом сочетался с активнейшей европеизацией страны. Силами государства был форсирован вялотекущий процесс отделения промышленности от земледелия и создана крупная промышленность, основанная на подневольном крепостном труде. В итоге активной внешней политики российский социум получил пространственно-географические условия для дальнейшего хозяйственного развития и ослабления отрицательного влияния сурового климата и природы. Тем не менее лишь со второй половины XVIII в. власти стали сокращать участие купечества в замене низшего звена государственной налогово-финансовой службы и уменьшать список казенных товаров и промыслов. Однако развитие промышленности, укрепление государственности, взлет дворянской культуры, блеск Петербурга и императорского двора сосуществовали с тяжкой жизнью огромного крестьянского населения, обрабатывавшего, в силу независящих от него обстоятельств, лишь небольшие наделы пашни и получавшего лишь низкие урожаи. Вопиющий контраст жизни разных слоев общества, тенденция ужесточения режима угнетения крестьянства породили просветительские идеи антикрепостничества и положили начало

так называемому крестьянскому вопросу. Однако в XVIII столетии и в начале следующего века проблема отмены крепостного права, как показано в настоящей книге, была неразрешима. Просветительская критика «прогнившего крепостничества» была лишь благородной критикой с морально-нравственных позиций. Тем не менее усиление крепостнического гнета екатерининское правительство прагматически сочетало с политикой либерализации промысловой деятельности крестьянства, что имело огромное значение в нейтрализации назревавших явлений социального кризиса в стране. Более того, политика российского «просвещенного абсолютизма» по модернизации законодательной основы государства сыграла важную роль в стабилизации общества в целом.

В разделе, посвященном истории России XIX в., важное место занимает вопрос об особенностях российской и имперской государственности с ее традиционной опорой на самодержавную политическую инициативу.

Для жизнеспособности общества этого столетия еще более актуальна, чем прежде, была проблема крепостного права. Этот российский феномен, был, как уже указывалось, исторически зародившимся «рычагом», способствовавшим выживанию общества с ограниченным объемом совокупного прибавочного продукта. Превращение России конца XVIII — начала XIX в. многотрудными усилиями всего общества в крупнейшее европейское государство с более или менее развитой промышленностью умаляло крепостничество в роли такого «рычага». Более того, крепостничество играло роль «оптимизатора» функционирования общества лишь в условиях господства натурального хозяйства. Превращение помещичьего хозяйства в активно действующее на аграрном рынке производство с применением «крепостнического рабства» круто меняло прежнюю функцию крепостного права на роль орудия деградации всей экономики в целом. Таким образом, исторически порожденное спецификой природных условий бытия крепостничество, несмотря на свою генетическую вторичность, стало одним из главных факторов отставания в социально-экономическом и деградации в нравственно-политическом развитии страны.

Другимключевым моментом была ярко выраженная радикализация русской общественной мысли, также восходящей к специфическим условиям развития России. Немаловажную роль в этом сыграла географическая близость России к высокоразвитым странам Западной Европы. Наряду с огромным прогрессивным влиянием западной цивилизации на Россию, эта близость демонстрировала в восприятии

существенной части русского общества особо разительный контраст в уровнях циви-лизационного развития Европы, с одной стороны, и России — с другой. Этот контраст создавал в общественных настроениях болезненно напряженную обстановку. Отсюда и особо обостренное восприятие российской действительности русской философской и политической мыслью. Русские мыслители долгие десятилетия вели мучительные поиски реальных путей избавления страны от бедственного положения огромной массы крестьянства, от слабого развития городов и т. д. Диапазон радикализма был очень широк: от феномена бюрократического либерализма до влияния в интеллигентской среде марксистских идей…

Наконец, еще один, далеко не последний момент истории России XIX в. Речь идет об особенностях развития промышленности. Поздний по времени и растянутый на полвека так называемый промышленный переворот генетически также может быть объяснен фактом своего бытия в социуме с ограниченным совокупным прибавочным продуктом, а отсюда и слабо выраженным процессом первоначального накопления капитала. Отмена крепостного режима и серия реформ буржуазного характера дали наконец простор капиталистическому развитию страны, т. е. ее настоящей модернизации. Однако потребность общества в этой модернизации исторически была реализована прежде всего в варианте своего рода точечного развития промышленности в районах, щедро обеспеченных минеральным сырьем — рудой, и в местах с готовой базой в виде очагов старинного мануфактурного производства. Корень проблемы также был, по-видимому, в низкой эффективности земледельческого производства. Его сугубо экстенсивный характер по-прежнему цепко удерживал десятки миллионов крестьян на земле, не давая возможности потенциальным повсеместным гигантским промышленным изменениям в стране. Не смог это совершить даже феноменальный по своим темпам промышленный подъем 1890-х гг. Аграрный вопрос, накаляя политическую обстановку, по-прежнему оставался своего рода ахиллесовой пятой российского гиганта.

Академик РАН

Л. В. Милов

Раздел I
Россия при Петре I

Глава 1. Первые шаги государственной деятельности Петра I. Азовские походы и начало Северной войны

Прежде чем ознакомить читателя с деяниями русских людей и российского общества в течение блистательного, хотя и драматического XVIII столетия, естественно подвести краткий итог истекшему «бунташному» веку.

Это было горестное для России столетие. Начало его ознаменовалось грандиозной трагедией в жизни российского общества — так называемым Смутным временем. К Смуте Россию привел сложнейший комплекс противоречий. В глубине этого запутанного клубка антагонизмов были объективно развивающиеся процессы становления единого Русского государства и его важнейшей подосновы в лице неотвратимого наступления режима крепостничества. Крепостные отношения были необходимейшим рычагом политической организации российского общества, специфичность которого заключалась в необычайно малом размере добываемого им совокупного прибавочного продукта.

Причиной этому были крайне неблагоприятные природно-климатические условия на большей части Восточно-Европейской равнины. В таких условиях основной производитель материальных благ общества — русский крестьянин — пахал гораздо меньшую площадь и получал в итоге гораздо меньший урожай, чем этого требовал объективный процесс не только развития общества, но и его самосохранения в жестоком режиме тогдашних международных взаимоотношений. Зловещий опыт недавнего монголо-татарского ига был ярким назиданием бесперспективности прежних традиций и мощным стимулом новых преобразований, важнейшим из которых было объединение русских земель в единое государство.

Объективная логика развития общества еще в период до начала активного объединительного процесса обнаружила первые признаки становления режима извлечения прибавочного продукта путем внеэкономического принуждения. Именно этот режим в лице складывающегося крепостничества в конечном счете и создавал минимально необходимые условия для жизнедеятельности российского общества в целом.

На протяжении XV–XVII вв. в процессе сложения и укрепления единого Русского государства вполне сформировались и его основные особенности. Упомянем лишь некоторые из них. В частности, важнейшую роль играли такие социально-политические институты, как общинный уклад жизнедеятельности крестьян и система крепостного права, а также использование трудовых ресурсов населения для государственных и даже домениальных служб, известное как «посошная служба» («посоха»). Это строительство крепостей, мостов, рвов, оборонительных «засечных» линий, возведение воеводских, волостельских и земских изб и дворов, работы на государевой десятинной пашне, заготовка княжеского, а затем и государева сена, уход за княжескими и царскими табунами, строительство сел, рытье прудов, обслуживание ямчужных амбаров, тесание ядер, создание пушечного запаса, ямская гоньба, подводная повинность и т. д. В эти работы вовлекались не только посадские люди и черносошные крестьяне, но нередко и население поместий и вотчин.

Компенсация бессилия государственного аппарата в создании органов фиска привела и к тому, что на посадских людей и волостных черносошных крестьян были возложены функции низшего звена финансового госаппарата. К числу ярких своеобразий «самоорганизации» социума с ограниченным прибавочным продуктом относилось образование государством обособленной верхушки крупного купечества в виде немногочисленной корпорации «гостей», а также членов «гостиной» и «суконной» сотен. Им даны были широкие торговые привилегии, но одновременно этому слою купечества передавалась важнейшая часть функций по организации государственной торговли и финансов.

«Гости» и члены «гостиной» и «суконной» сотен осуществляли эту функцию не без выгоды для себя, создавая иногда ситуацию произвола и наживая большие капиталы, но власти вынуждены были с этим мириться.

Создание в исторически сравнительно короткое время огромного в территориальном плане государства резко повысило требования к необходимому материальному и, в частности, бытовому обеспечению основной «несущей конструкции» «здания» государственного управления — верхушки господствующего класса. Однако российское общество, вечно страдающее от недородов, даже в XVI–XVII вв. еще не могло удовлетворить элиту государства в немалых запросах по части быта, экипировки и материального обеспечения посредством свободных товарно-денежных отношений. Поэтому с конца XVI в. намечается возрождение, казалось бы, уже исчезнувшей реликтовой «служебной организации» Древней Руси, создавшей сеть поселений, специализированных в

различных ремеслах и занятиях для обеспечения дружин и княжеских дворов. Речь идет о так называемом дворцовом хозяйстве. Подавляющее большинство дворцовых и казенных слобод (всего их было больше полусотни) располагалось в Москве. И это не случайно, ибо Москва по необходимости была средоточием всех важнейших функций социума. Население и экономика остальных городов были в несколько раз меньше. Последние изыскания историков позволяют считать, что так называемое дворцовое хозяйство действовало не только в интересах царя и его окружения, но и в общегосударственных масштабах. В XVII в. число казенных и дворцовых служб существенно возросло, а их функции были связаны с важнейшими задачами государства. Со временем такие «служебные организации» распространялись по значительной территории всего государства. Принципы организации этих служб были сходны с временами Древней Руси: мобилизация мастеров и работников с освобождением от налогов и повинностей для исправного несения разнообразной службы, насильственное прикрепление к службе, принудительные наборы специалистов по всему государству. В конечном счете этот уникальный феномен мобилизационной экономики, будучи органическим порождением социума с минимальным совокупным прибавочным продуктом, постепенно перерастал, как мы увидим, в различные формы казенного промышленного производства.

Немаловажной особенностью исторического процесса в Русском государстве XV–XVII вв. являлось своеобразие эволюции феодальной земельной собственности. С момента завершения объединения русских земель государство намертво сцементировало зависимость феодалов от центральной власти, создав сначала институт условных земельных владений на государственных территориях, а потом связав и владение вотчиной с обязательством непременной военной или чиновной службы. В итоге в XVI–XVII вв. институт развитой феодальной собственности так и не сложился, ибо каждый помещик или вотчинник напрямую был связан с государственной властью. Более того, создание поместной системы, хотя и не состоявшейся как фактор эффективной экономики, сыграло огромную роль в единении страны при явном дефиците материальных ресурсов для создания и функционирования адекватной для столь обширной территории государственной машины.

Вовлечение после тягчайших и трагических лет Смуты в хозяйственный оборот новых земель и восстановление старых пашен позволило в целом восстановить продовольственную базу страны, хотя урожайность по-прежнему оставалась очень низкой. В итоге почти все

население по-прежнему должно было заниматься сельским хозяйством. Во многих городах посадские люди имели пашенные земли, сеяли и убирали рожь, овес, пшеницу ит. п., что свидетельствовало о слабой степени отделения промышленности от земледелия, низком уровне урбанизации в стране.

Тем не менее XVII в. имел заметные сдвиги в общественном разделении труда. В ряде городских центров, которых миновали беды Смутного времени, резко сокращается роль земледелия, хотя во многих других городах земледельческие функции по-прежнему концентрируются на огородничестве и садоводстве. Вместе с тем в российских городах во второй половине XVII в. растет число ремесленников, расширяется круг ремесленных специальностей. В ряде регионов зарождается мелкотоварное производство. Специфичность его в России заключается в том, что оно во многом напоминало сезонное производство, т. е. промышленники работали с большими временными перерывами. В значительной мере такой ритм работы был свойственен и ремеслу. Посадский ремесленник копал огород, иногда пахал поле, сеял, жал, косил сено, ловил рыбу, заготавливал дрова и только какую-то, хотя и значительную, часть времени уделял своему ремеслу. В этом российский город существенно отличался от западноевропейского города.

Этот способ производственной деятельности пагубно влиял на возможность накопления денежных средств и укрупнения масштабов производства. Немалую роль в подобной ситуации играл такой фундаментальный фактор, как отсутствие в стране рынка рабочей силы. Как правило, он ограничивался узкой прослойкой пауперов — внезапно, в силу тех или иных причин разорившихся и выбитых из колеи нормальной жизни людей. Однако рано или поздно и они возвращались к основному для общества виду деятельности — земледелию.

В то же время государству необходимо было не только ремесло и промыслы, оно остро нуждалось в продукции крупного производства. Укрупнение ремесел шло черепашьими темпами. Поэтому одной из характернейших черт XVII столетия явилось форсированное усилиями государства развитие крупного промышленного производства, прямо или косвенно связанного с военно-хозяйственными потребностями страны. В XVII в. таких предприятий было очень немного, и экономический эффект их был ограниченным. Важнейшее место среди них занимали своеобразные концессии иностранцев и прежде всего доменно-молотовые комплексы. Работали они на военные и отчасти хозяйственные нужды казны при мощной финансовой и ресурсной поддержке государства.

Довольно сложны и неоднозначны итоги развития торговли. Как уже говорилось, вплоть до середины века городской посад был объектом тяжелейшего налогообложения. Это препятствовало массовому вовлечению в крупную торговлю представителей посада, и она традиционно сосредоточивалась в руках привилегированного купечества: «гостей» и «гостиной» сотни.

В целом в Средневековье наибольший экономический эффект для страны, государства и общества давала лишь крупнооптовая торговля с ее громадной прибылью. Но она во всем мире существовала почти исключительно как регулярная морская торговля. Не случайно наиболее богатыми и развитыми в экономическом отношении странами в Средние века в Европе, да и во всем мире, были крупные морские державы (Англия, Голландия, Бельгия, Франция, некоторые государства Италии и др.). Такого экономического эффекта сухопутная торговля никогда не давала.

В России же сухопутная торговля носила необычайно вялый, преимущественно сезонный характер из-за неблагоприятных природно-климатических условий. Длительный зимний период, распутицы межсезонья, отсутствие и экономическая невозможность создания хороших дорог и магистралей — все это обрекало страну на далеко не лучшую жизнь.

Вместе с тем объективные потребности экономики страны с исключительным господством земледельческого производства требовали вовлечения в экспортную торговлю не только мехов (а запасы соболя к концу века в Сибири заметно истощились) и иной уникальной продукции, но и массовой продукции сельского хозяйства (зерна, пеньки, масла, сала и т. п.). Однако это крупногабаритный товар, и перевозка его была выгодна только большими партиями, что ни экономически, ни технологически не под силу сухопутной торговле с ее гужевым транспортом. Единственная оптимальная перспектива ее развития была объективно связана с обретением морских портов и водных артерий, ведущих к таким портам. В XVII в. Россия имела лишь один морской порт, да и тот на далеком Севере — в Архангельске. Эффективные морские порты можно было обрести лишь силой. Однако Смута и разорение страны привели Россию к потере огромной территории западнорусских земель вплоть до Смоленска, к потере выхода страны к Финскому заливу. Провал попытки вернуть Смоленск показал, что даже в 30-е гг. Россия все еще была разоренным и слабым государством. При Михаиле Федоровиче обращения украинского казачества о российском подданстве оставлены были без последствий. Однако самоотверженная освободительная борьба Украины во главе с

гетманом Б. Хмельницким в конечном счете поставила все еще ослабленное Российское государство перед необходимостью решить вопрос о воссоединении и, как неизбежное следствие, вступить в длительную и изнурительную войну с Польшей, осложненную вступлением в Польшу и Прибалтику шведских войск и активизацией их действий против России. Объединенными усилиями казаков и русских была освобождена, но потом все же утеряна Белоруссия и часть Прибалтики. России удалось закрепиться лишь на части возвращенных русских земель. Включение Киева и Левобережной Украины в систему ослабленной экономики России, с ее тяжелым налоговым гнетом и неурядицами государственного управления, вскоре вызвало серьезные трения с казачьей верхушкой, привело к политической интриге ее гетманов, что еще более осложнило ситуацию на южных и юго-западных рубежах России. В 50—80-е гг. Россия предпринимает колоссальные усилия для укрепления южных границ строительством гигантских оборонительных засечных полос и «черт», с большим количеством крепостей, привлечением огромного числа людских ресурсов. К концу XVII в. основные усилия России сосредоточены на южных рубежах в борьбе за Киев, Левобережную Украину против Турции и Крыма. Но общий итог этой политики был минимальным. Весь груз стратегических задач страны остался практически нерешенным.

§ 1. «Двоецарствие» Ивана и Петра. Стрелецкие бунты и политика Софьи

30 мая 1672 г. у Алексея Михайловича родился последний — шестой — сын Петр, бывший четырнадцатым ребенком царя. Мать Петра, вторая жена царя, Наталья Кирилловна Нарышкина, была вдвое моложе 42-летнего мужа. Со второй женитьбой Алексея Михайловича отношения в его многодетном семействе, окруженном кланом родственников умершей первой жены, резко обострились. Немногочисленные родственники молодой жены оттеснили Милославских от трона и государственного управления. Однако это продолжалось недолго. В 1676 г. еще далеко не старый 47-летний царь внезапно умирает. Попытки Нарышкиных и Артамона Матвеева продвинуть на престол малолетку Петра Алексеевича кончились неудачей. Царем стал старший сын, 14-летний Федор Алексеевич. Это был неглупый, довольно образованный юноша, хорошо знавший польский и латинский язык и даже пробовавший свои силы в виршах, но он был тяжело больным человеком, неспособным ходить на

сильно опухших ногах. Он пробыл на троне шесть недолгих лет при полном господстве у трона Милославских со всеми царскими тетками и царевнами. Нарышкины с приходом Федора были отставлены от двора и сосланы. Воспитатель юной царицы-вдовы А. С. Матвеев, поначалу был отправлен в Верхотурье. Но быстро развернутая интрига с доносами и обвинением в погублении царя-отца резко изменила маршрут опального и загнала его в печально знаменитый и суровый Пустозерск. Лишь в последнее время судьба выдвинула на видные роли такие фигуры, как И. М. Языков, А. Т. Лихачев, отчасти В. В. Голицын, которые решали труднейшие вопросы государственного бытия. Языков, Лихачев и внезапно ставшая второй женой царя Федора Марфа Апраксина несколько изменили придворную атмосферу в пользу опальной Натальи Кирилловны Нарышкиной, облегчили судьбу А. С. Матвеева. Причиной тому, видимо, было слабеющее здоровье царя Федора и внезапная смерть после родов царицы Агафьи Грушевской с младенцем-наследником. Когда 27 апреля 1682 г. царь Федор скончался, из двух оставшихся наследников живой и энергичный десятилетний умница Петр был, по сути, вне конкуренции с больным и слабоумным братом Иваном.

Царевна Софья и стрелецкий мятеж. Однако все было не столь просто. Окружению Федора зрела оппозиция, выбравшая в качестве козырной фигуры в своей политической борьбе самую видную и энергичную из многочисленных дочерей Алексея Михайловича — царевну Софью. Так сформировалась «партия»: В. В. Голицын — И. А. Хованский — И. М. Милослав-ский. И когда на площади Кремля криками толпы было высказано предпочтение не старшему Ивану, а Петру, эта «партия» стала действовать.

В качестве «порохового заряда» для взрыва в Москве были избраны московские стрельцы, которые за годы правления Федора оказались жертвами понуждений, поборов и грабежей со стороны стрелецкого начальства, использовавшего федоровское безвременье для собственного обогащения. В ход были пущены слухи, провокации и т. п., возбудившие стрельцов и давшие выход застарелым стрелецким обидам и злобе на их начальство. Оказавшаяся на верху власти Наталья Кирилловна удовлетворяла все поначалу правдивые претензии стрельцов. Расправа и правеж над стрелецкими полковниками отнюдь не успокоили стрелецкие массы. В то же время внезапное возвращение ко двору Нарышкиных и серия пожалований пятерым братьям Натальи Кирилловны озлобили Милославских.

Срочно возвращенный 13 мая из дальней ссылки А. С. Матвеев не

успел осмыслить ситуацию, а уже в полдень 15 мая 1682 г. стрелецкие полки ринулись в Кремль, узнав, что якобы «задушили» царя Ивана. Живые и невредимые Иван и Петр, показанные стрельцам, не успокоили последних. Появился список «изменников-бояр», и кровавая расправа стала неминуема. В ней погибли А. С. Матвеев, И. М. Языков, М. Ю. Долгорукий, Ф. П. Салтыков, А. К. Нарышкин и др. 17 мая были убиты И. К. Нарышкин и немец-лекарь Д. фон Гаден. Всех оставшихся в живых Нарышкиных вновь выслали в глухие углы страны. Возбужденные массы «утвердили» на троне двух братьев, сделав слабоумного Ивана первым из них. Фактически же у власти встала царевна Софья Алексеевна.

Буйство стрельцов, возглавляемых Иваном Хованским, и амбиции достигли апогея к 6 июня 1682 г., когда их специальным указом возвели в ранг «надворной» пехоты, а на Красной площади воздвигли «столп», запечатлевший имена всех изменников и врагов трона. С этого момента Софья уже поняла, что может быть игрушкой в руках этой грозной силы, и приступила к решительным, хотя и «мягким», контрмерам против стрельцов.

Важным переломным моментом в стрелецком восстании была виртуозно устроенная Софьей стремительная казнь поднявших на бунт стрелецкие полки отца и сына Хованских. Движение с этого момента резко пошло на убыль. Уже 2 октября патриарх потребовал от стрельцов челобития с повинной. В конце декабря были казнены зачинщики и «пущие возмутители», а вплоть до мая следующего года «подчищали» последние следы окончившегося бунта.

С подавлением волнений стрельцов поднявшая их на бунт царевна Софья правила Россией семь лет. Умная, образованная, своевольная, она не была готова к подлинно государственной деятельности.

Мир с Польшей. Крымские походы. На правление Софьи пришелся важный и крупный успех: заключение «вечного мира» с Польшей в 1686 г. Это было достигнуто путем длительнейших и изнурительных дипломатических усилий, ибо в тугойи сложный узел сплелись интересы и противоречия России и Украины, с одной стороны, Польши — с другой, и Крыма и Турции — с третьей.

По миру с Речью Посполитой 1667 г. Киев был отдан России на 2 года. Практически же Россия владела им вплоть до переговоров 1680 г., и именно Киев был на них камнем преткновения. В итоге в 1686 г. Польша уступила древнейшую русскую столицу, хотя Москва вынуждена была уплатить ей за это гигантскую сумму в 146 тыс. золотых рублей. Так был осуществлен важный шаг в решении многовековой стратегической цели Русского

государства, которая исчерпывающе была изложена в 1685 г. гетманом Иваном Самойловичем в одном из посланий в Москву: «А так как вся тамошняя сторона Днепра, Подолия, Волынь, Подгорье, Подляшье и вся Красная Русь всегда к монархии Русской с начала бытия здешних народов принадлежали, то безгрешно бы было свое искони вечное, хотя бы и потихоньку, отыскивать, усматривая способное время».

Далее, Россия обязалась разорвать мир с турецким султаном и крымским ханом и послать войска к Перекопу для защиты польских войск. В 1687 г. Россия должна была направить в Крым все свои войска. Наступили тяжелые переговоры с гетманом И. Самойловичем, который убеждал не разрывать мир с Турцией и Крымом и предупреждал о возможном коварстве Польши (ведь папа римский легко отпустит грех клятвопреступления!).

Первый крымский поход состоялся в мае — июне 1687 г., а второй в феврале — мае 1689 г. Оба они были неудачными и повлекли тяжкие потери. Слишком тяжелы были условия похода в бескрайних, безлюдных, опаленных солнцем степях, о чем в свое время предупреждал Самойлович: «Одним походом всего Крыма не завоевать… на зиму рати надобно оттуда выводить, а если там оставить, то от голоду и от поветрия тамошняго многие помрут и оцынжают». Для завоевания Крыма необходима была и иная армия, и иное снаряжение, и иное ведение войны, а на громадную территорию России едва хватало воинских сил.

Юный Петр и восстание стрельцов 1689 г. В стороне от круговорота больших и малых событий, вдалеке от придворной суеты рос и мужал будущий Петр Великий. Положение царевича «третьей руки», шансы которого на престол были весьма невелики, создало для него обстановку относительно вольной, лишенной каких-либо регламентов жизни. С детства необычайно темпераментный, энергичный, он отличался не только любознательностью, пытливостью, но и практической сметливостью.

Сильнейшими увлечениями Петра были ремесла (плотничье, кузнечное, столярное и др.), он полюбил, еще с детства, корабельное дело и мореплавание. Наконец, всепоглощающей страстью отрока и юноши Петра было военное дело. С детства Петр уже обладал изрядным опытом общения с сотоварищами уличных игр и затей, а потом с ремесленным людом и, наконец, с огромной массой участников организуемых для него военных игр. Именно отсюда пошла уникальная «приземленность» Петра, умение видеть вещи и обстоятельства с практической точки зрения, дать им оценку, близкую к оценке простолюдина, горожанина, купца и т. п.

Пытливый юноша, обучаемый с детства отнюдь не лучшими

учителями, он с жадностью обретал знания в самых различных отраслях тогдашней науки и инженерной практики. Так исподволь поднималась уникальная личность, вышедшая из недр еще молодого царствующего дома Романовых, личность, для которой неотложные дела государства постепенно становились центром всех помыслов.

Если не считать бесконечных и скучных для подростка и юноши придворных церемоний, дипломатических приемов, богомольных шествий и поездок, то в целом Петр практически не касался государственных дел. Однако с годами он с очевидной беспощадностью обнаруживал для себя незавидную роль при полновластной Софье. Противоречия с ней нарастали. Когда-нибудь это должно было так или иначе кончиться. Нужен был лишь повод, интрига для открытого противостояния.

В августе 1689 г. вызов вновь бросила Софья, опиравшаяся, по слухам, на близкого ее сердцу человека: главу Стрелецкого приказа Ф. Л. Шакловитого. Интрига была похожа на интригу 1682 г. Снова в дело были пущены своевольные московские стрельцы. Сначала среди стрелецких начальников тайно апробировали текст челобития о венчании Софьи на царство. А потом пошли в ход слухи, что «царя-де Иоанна Алексеевича ставят ни во что, а меня-де (т. е. Софью. — Л. М.) называют там (в кругах Петра и Нарышкиных. — Л. М.) девкою, будто-де я и не дочь царя Алексея Михайловича». Были пущены в ход прямые провокации, озлоблявшие стрельцов по отношению к Наталье Кирилловне и Льву Кирилловичу Нарышкиным. В ночь на 8 августа стрельцов резко возбудил слух о том, что потешные полки Петра идут на них из села Преображенского, бывшего постоянной резиденцией Петра. Поднятые среди ночи стрельцы стали спешно готовить Кремль к обороне.

Однако сторонники Петра сообщили, что, наоборот, стрельцы идут на Преображенское, что на самом деле не соответствовало истине. Тем не менее, подняв с постели Петра, ему мигом дали одежду и коней, и с небольшой группой он вскачь домчался до могучих стен Троице-Сергиева монастыря. Вряд ли это поспешное действие было продиктовано страхом. Скорее всего Петр (или его советчик) мгновенно использовал хороший повод, чтобы сделать противостояние не интригой, а реальным действием.

Отъезд из столицы, разъединение в пространстве официальной правящей верхушки имело громадное политическое значение. Это было открытое объявление борьбы, образовалось два политических центра. Теперь дело было в «перетягивании каната», т. е. в решении вопроса, на чью сторону встанут бояре и дворяне, население столицы и т. д. Риск, конечно, был велик. Недаром впоследствии у царя уже смолоду

подрагивала голова, а лицо временами искажала судорога. Началась политическая дуэль посланиями, запросами и т. п. В ходе ее влияние Софьи постепенно падало. А когда на сторону Петра перешел даже патриарх Иоаким, Софья поняла, что, несмотря на стрелецкие полки в Кремле, она проиграла. И правительница решилась сама отправиться в Троицу.

Резкая перемена в соотношении сил мгновенно сделала Софью беспомощной. Теперь ей диктовал уже Петр (главным советчиком которого был, по-видимому, князь Б. А. Голицын). И Петр уже приказывает царевне вернуться в Москву. Вернувшись с дороги в Москву, она обнаружила, что и стрельцы от нее отвернулись. Стрелецкое начальство потянулось в Троицу. Начались разоблачения замыслов Софьи и Ф. Шакловитого.

6 сентября стрельцы потребовали выдачи Ф. Шакловитого.

7 сентября он был перевезен в Троицу и через 5 дней казнен с группой сообщников. Став отныне «зазорным лицом», Софья Алексеевна была заточена в Новодевичьем монастыре в Москве, где и умерла в 1704 г.

Петр на троне. Учебные бои потешных войск. Придя к власти, Петр не погрузился в текущее государственное управление. Этим занималось новое правительство (Л. К. Нарышкин, Б. А. Голицын, П. А. Лопухин. Т. Н. Стрешнев и др.). Сам же семнадцатилетний царь по-прежнему был целиком поглощен любимыми занятиями: военными играми и строительством кораблей. В последнем случае он как бы на ощупь двигался ко все более масштабным делам. Началось с найденного среди старья в амбаре Н. И. Романова маленького ботика, который после ремонта был спущен на реку Яузу. Потом ботик переправили на Просяной пруд в селе Измайлове. Затем Петр уже ищет большую воду и устремляется на Плещеево (Переяславское) озеро, оимои 1692 г. он строит там почти вполне серьезные корабли, распорядившись заготовить для этого большое количество материалов и продовольствия. В следующем году Петр отправляется с многочисленной свитой в Архангельск — настоящий порт, где знакомится с голландскими, английскими и иных стран кораблями, закладывает свой первый морской корабль.

Игра в сухопутные войны со временем также обретает все более серьезный объективный смысл, хотя внешне это вроде бы была потеха, в коей участвовали шутейные «генералиссимусы», «карлы», в ходу были карикатурные гербы и знамена. В течение пяти лет Петр разыгрывал сражения, где с традиционными стрелецкими формированиями, хотя последние были набраны из придворных конюхов, новых охочих людей и т. п., сражались войска нового строя. Объективно же военные маневры служили прекрасной школой для рождавшейся новой армии и прежде всего

потешных Преображенского и Семеновского полков. Учебные бои были далеко не безопасны. В одном из «боев» в июне 1690 г. порохом опалило лицо и самому Петру Алексеевичу. Самые грандиозные многодневные маневры состоялись 23 сентября — 18 октября 1694 г. под селом Кожуховым у Москвы-реки. Это были сложные учения с применением переправы через реку, осады, подкопов и устройства редутов. Был и штурм крепости, повторенный дважды. В маневрах участвовали многие тысячи людей.

В годы своеобразных «Петровых университетов» вокруг царя сплотилась неформальная, внешне эпатирующая своим поведением московскую традиционную знать «компания», с нарочитым демократизмом установившая «рядовое положение» в ней царя, который был как бы и не царь вовсе, а просто «господин капитан» Петр Алексеев. В этой компании был свой, ходульный, конечно, король, или «князь-кесарь» — князь Ф. Ю. Ромодановский. Правила игры были таковы, что «князь-кесарь» мог даже призвать к почтению по отношению к своей особе и «капитана Петра Алексеева».

Такая форма общения позволяла молодому царю действительно без обиняков овладевать навыками простого командира в бою, выслушивать и резкие замечания, что во много крат ценнее пустого угодничества. Вместе с тем петровская компания постоянно чередовала военные игрища и будничный труд с бурными застольями, сопровождавшимися инсценировками и экспромтами в шутовском иронично-саркастическом стиле. Пиршеством командовал «всешутейный отец Иоанникий, Пресбург-ский, Кокуйский и Всеяузский патриарх» Никита Зотов. Вполне возможно, что этот стиль был избран молодым Петром как стихийная реакция на весь уклад жизни старого московского царского двора, когда безумная роскошь, громоздкость и мучительнейшая величавая занудность придворных торжественных церемоний грозили утратой самой логики и цели этих действий.

В немалой степени этому способствовало и тесное общение юного царя с иностранцами, которые еще со времен царя Михаила Федоровича стали все чаще наезжать в Москву, где в конце концов образовалась обширная Немецкая слобода (Ко-куй). Здесь было множество разных типов: это и заезжие авантюристы и любители легкой наживы, однако много было и очень хороших специалистов-ремесленников, были и заводчики, купцы и т. д. Среди них у молодого Петра появилось множество знакомых, а потом и друзей, была и пассия: Анна Монс. Возможно, что именно этот круг людей принес Петру простоту и демократизм в

обращении, зачатки которого он усвоил еще мальчишкой в свободном уличном общении, живя без особой опеки и присмотра в Воробьеве, Измайлове, Преображенском.

В числе ближайших сподвижников молодого царя был народ различного происхождения: русские и иностранцы, знатные и простолюдины. Достаточно упомянуть лишь часть из них: Б. П. Шереметев, Ф. М. Апраксин, Г. И. Головкин, И. И. Бутурлин, Ф. Ю. Ромодановский, Ф. А. Головин, Н. И. Репнин, А. Д. Меншиков, П. П. Шафиров, П. И. Ягу-жинский, А. А. Курбатов, А. А. Виниус, Ф. Лефорт, П. Гордон, Я. Брюс и др.

§ 2. Азовские походы. «Великое посольство»

Азовские походы. В начале 1695 г. наступило время реальных действий Петра как государя, и этими действиями стали военные походы против Азова. Почему именно Азов? Ответ на это следует искать в соотношении тогдашних сил в Европе. В 80-х гг. в борьбе против грозной Османской империи сложился союз Польши и Австрии, к которому присоединилась долгие годы воюющая с турками Венецианская республика. После заключения с огромным трудом достигнутого мира с Польшей в 1686 г. Россия должна была выступить против Крыма и Турции, хотя и сил и средств для этого было явно недостаточно (походы В. В. Голицына вполне доказали это).

Успехи объединенных сил Австрии и Польши в Европе в борьбе с османами заметно ослабили Турцию. Окрепли надежды на Россию, на близкое с ее помощью освобождение православных народов Османской империи. Возросла активность православных балканских и иных иерархов церкви в переговорах с Московской патриархией и государственными властями. От России ждали действий, и в 1694 г. вопрос об Азовских походах был решен.

Сам же поход был как бы двойным. Огромная 120-тысячная поместная конница под командованием Бориса Петровича Шереметева и Запорожское войско устремились в низовья Днепра. В то же время другая армия численностью всего в 31 тыс. человек под руководством не одного, а трех генералов (Ф. Я. Лефорта, Ф. А. Головина и П. И. Гордона) направилась к Азову. Войско П. И. Гордона было передовым, и пешим строем достигло окрестностей Азова к 29 июня 1695 г. Остальное войско, в том числе и бомбардирская рота во главе с Петром Алексеевым, водным путем

отправилось по рекам Москве, Оке и Волге до Царицына, далее через волок на Дон, где погрузилось на суда и вскоре подошло к Азову, где был уже П. И. Гордон. Все боеприпасы, снаряжение и продовольствие заранее были отправлены на судах. Иначе говоря, ситуация на сей раз весьма выгодно отличалась от голицынских попыток движения через страшную от безводья и жары степь.

Начался многодневный артиллерийский обстрел Азовской крепости и одновременно земляные работы по подготовке штурма. Серьезнейшим препятствием для маневров осаждающих крепость были построенные турками на обоих берегах Дона две каменные каланчи, между которыми были протянуты три огромные цепи, перегородившие проход судов по реке и лишавшие осаждающих бесперебойного снабжения боеприпасами и продовольствием. 14–15 июля обе башни были заняты казаками. 6 августа был первый штурм. Однако плохая подготовка к нему и разобщенность действий Головина, Лефорта и Гордона привели к провалу штурма. В итоге 27 сентября принято было мучительное решение снять осаду и вернуться в Москву.

Однако, по словам С. М. Соловьева, именно с неудачи первого Азовского похода и «начинается царствование Петра Великого». Провал похода удесятерил энергию и напор молодого царя. Были выписаны с Запада инженеры, «подкопные мастера», корабельные плотники. В Москве построили 22 галеры и 4 брандера и по частям доставили на Дон. Близ Воронежа, Козлова и других городков тысячи работных людей должны были сделать 1300 стругов, 300 лодок, 100 плотов. Пролежав в январе почти месяц больной, Петр вскоре после похорон старшего брата Ивана, умершего 20 января, уезжает на верфь участвовать в фантастически быстрой стройке. В апреле 1696 г. суда с войском двинулись вниз по Дону. Теперь уже русский флот смог закрыть устье Дона и прервать всякое снабжение крепости. Началась осада. 16 июня начался обстрел из пушек и 2 тыс. донских и украинских казаков пошли на штурм. В канун всеобщего наступления, 18 июля, турки, проявив благоразумие, сдали крепость.

Опустевший и разрушенный Азов решено было заселить тремя тысячами семей из низовых городов и четырьмя сотнями калмыцких всадников. Решено также было строить новый флот.

«Великое посольство» 1697–1698 гг. Серьезные задачи, поставленные перед Россией, требовали новых людей, людей со знаниями, полученными на Западе. Молодой царь первый отправляется в ученье. Так в марте 1697 г. началось «великое посольство». Видимо, практика общения в компании, где Петр был как бы наравне с другими, а вовсе и не государь,

что давало возможность избежать формальных церемоний, не стесняясь приобщиться к обучению в любом мастерстве, была положена в основу организации «великого посольства». Ведь формально великими послами были Франц Яковлевич Лефорт, Федор Алексеевич Головин и Прокопий Богданович Возницын. С ними было 20 дворян и 35 волонтеров, а между ними, где-то там, как бы в толпе был и… Преображенского полка урядник Петр Михайлов. А что до «царя», то о нем было сказано уже в Риге, что он едет в Воронеж для корабельного дела.

Этот стиль был в Европе принят, что позволило Петру большей частью сохранять инкогнито и на практике реализовать девиз на печати своих писем: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». Как правило, Петр обгонял «великое посольство», без проволочек делая самое важное. Затем примыкал к посольству, какое-то время был вместе с ним. Но потом снова уезжал. Как частное лицо он из Риги проехал в Митаву и Ли-баву, откуда один морем отплыл в Кенигсберг, где учился артиллерийскому делу. Разумеется, были в Кенигсберге и дипломатические переговоры. В Амстердаме Петр был поначалу в сопровождении всего десяти человек. В местечке Саардам и в Амстердаме Петр Михайлов работал на верфи Ост-Индской компании плотником, сочетая эту работу с важными переговорами, знакомясь с реальной жизнью, слушая лекции по анатомии и т. п. Прожив в Голландии 4,5 месяца, Петр затем 3 месяца живет в Англии, работая на верфях, нанимая в Россию специалистов, овладевая ремеслом часовщика, проявляя интерес к астрономии и т. д. Далее путь его лежал в Вену с задачей склонить Австрию на продолжение войны с Турцией. Сделать это было очень трудно, так как в Европе затевалась война за «испанское наследство».

Австрийский император на все справедливые упреки Петра обещал лишь поддержать Россию на переговорах с Турцией и ничего не совершать без согласия царя. Следующая задача Петра — переговоры с Венецией. Однако тревожная весть, хотя и с месячным опозданием, об очередном волнении стрельцов заставила Петра выехать из Вены 19 июля 1698 г. и вернуться в Москву (хотя о подавлении волнений он узнал еще в пути).

Стрелецкий бунт 1698 г. Перед длительной поездкой за рубеж Петр принял все меры, дабы гарантировать стольному граду вообще и Кремлю в частности полную безопасность. Уезжая, Петр, например, дал срочные назначения на службу в далекую провинцию всем родичам своей уже опостылевшей жены Евдокии Лопухиной, на которой его женили в 17лет, но его с ней отношения дошли до полной отчужденности. Тем более Петр был предусмотрителен, когда речь шла о стрельцах, понимая, что общая

тенденция в перестройке армии не сулила стрелецким полкам никаких перспектив. После взятия Азова ни одно формирование московских стрельцов в столицу не вернулось. Когда «великое посольство» отъехало за рубеж, стрельцов в Москве вообще не было. Четыре полка из-под Азова были отправлены в Великие Луки, а потом в Торопец. Оторванные на месяцыи годы от семей, домов, от промыслов, стрельцы роптали. Около полутора сотен их бежало в конце концов в Москву. Разумеется, снова возникла интрига вокруг Софьи, к ней как будто подключилась и другая сестра — Марфа. В итоге стрельцов из Москвы выгнали. Но в Торопце, когда начался сыск беглых стрельцов, возник бунт. Теперь уже все торопецкие полки направились в Москву. Под Воскресенским монастырем боярин А. С. Шеин с войском разбил стрельцов, многих поймали и казнили.

Однако по возвращении гневного царя из-за рубежа начался грандиозный сыск стрельцов четырех бунтовавших полков. Это было начало кровавого террора. В сентябре в Москву свезли в общей сложности более 1700 стрельцов. С 17 сентября начались массовые казни. Сотни виселиц были приготовлены по Белому и Земляному городам. В 14 застенках в селе Преображенском велись жесточайшие пытки. 30 сентября у Покровских ворот было положено начало казни — 201 человек, за октябрь было казнено около тысячи человек. Возле стен Ново девичьего монастыря, у окон кельи царевны Софьи было повешено 195 стрельцов. Несколько месяцев в Москве не прикасались к останкам зарубленных топорами и повешенных людей. В казнях участвовал сам Петр и некоторые его сподвижники. Софья была пострижена под именем Сусанны и оставлена в монастыре. Сестру Марфу постригли и отправили в Александрову слободу. Наконец, еще в сентябре, в канун массовых казней, Петр насильно постриг в монахини свою опостылевшую супругу, преодолев при этом сопротивление церковных иерархов (ведь у Петра от Евдокии был маленький сын Алексей). В следующем, 1699 г. в Москву привезли и казнили еще около семи сотен несчастных стрельцов. Отныне стрельцам и их женам запрещено было жить в Москве, а стрельцам даже поступать в солдаты.

§ 3. Первые реформы

Говоря о первых преобразованиях Петра 1, необходимо помнить, что их корни находились в уходящем XVII в. Уже тогда были введены полки

нового строя (солдатские, рейтарские, драгунские), были основаны первые крупные железоделательные производства. В том же XVII в. обозначились и сдвиги в области быта и культуры: при Федоре, в 1681 г. было приказано являться при дворе в коротких кафтанах, а не в традиционных охабнях и однорядках, появились немецкое платье, первые бритобородые щеголи. При Федоре заведена была Славяно-греко-латинская академия и т. д.

Строительство Азовского флота. Первые армейские полки. Преобразования Петра i начались со строительства Азовского флота с помощью натуральной государственной повинности и чрезвычайных поборов, т. е. способов, типичных для деспотического крепостнического государства.

Организация постройки возлагалась на сформированные усилиями самих дворян, духовных чинов и горожан (по указу царя) специальные «кумпанства». Всего их было создано более 30. Техническая документация готовилась во Владимирском Судном приказе. Потом был учрежден Адмиралтейский приказ.

Строительство велось на Дону, в воронежских лесах. Лес заготовляли в соседних с Воронежем уездах. Срок работ по указу царя был чудовищно малым — 2 года. Столь стремительные темпы работ обеспечивались огромной массой насильно согнанных работных людей. Из-за рубежа были наняты за большие деньги специалисты, но далеко не все из них оказались подлинными мастерами. В работе активно участвовал и сам царь: и как «проектировщик», и как простой плотник, и как «менеджер».

Одновременно со строительством, и даже чуть раньше, Петр I обеспокоился кадрами морских офицеров: для их подготовки было отправлено за рубеж учиться 50 комнатных стольников и спальников.

В итоге если не весь задуманный флот, то целая эскадра была построена в срок. В марте 1699 г. уже готовились к предполагаемому Керченскому походу, ибо Петр I считал, что, не владея Керчью, флоту нельзя было войти в Черное море.

Эскадра уже в конце апреля вышла из Воронежа и через месяц была у Азова. Летом, 18 августа 1699 г. 22 российских корабля при громе пушечного салюта бросили якорь близ Керчи. В истории России это было великое событие, удивившее и озадачившее, в частности, и османского султана, и крымского хана.

Преобразования затронули также и армию. В ноябре 1699 г. появились указы о комплектовании профессиональной армии путем насильственного набора «даточных людей» (будущих рекрутов). В соответствии с нормами поставки солдат-рекрутов светские феодалы должны были поставить:

гражданские чины — одного человека от 20 крестьянских дворов, а военные чины — одного человека от 50 дворов. Существенно выше (один даточный от 25 дворов) была норма для церкви.

Почти одновременно началось формирование полков из наемных вольных людей. Платили им в год до И руб., т. е. почти вдвое больше, чем стрельцам. В феврале 1700 г. было обнародовано устное разрешение царя отпускать на волю холопов и крестьян с тем, чтобы они шли на службу в солдаты. В итоге первых шагов по созданию новой армии было сформировано 29 пехотных и два драгунских полка. Наряду с бывшими потешными полками (Преображенским, Семеновским, Лефорто-вым) они составили костяк новой армии.

Одновременно в новые земли Приазовья и в Азов энергично отправляли всякого рода несостоятельных должников, а также осужденных разбойников и грабителей (кроме убийц) на поселение и заведение жизни в тех краях. Введены были в Азо-ве и каторжные работы для строительства необходимых сооружений.

Так действовало государство в интересах общества в целом, не имея иных средств и возможностей.

Первые реформы. В области государственного управления важнейшей и первоочередной мерой оказалась реформа суда и налогообложения городского населения. Это была попытка введения своеобразного городского самоуправления. Прекрасно понимая крепостническую суть статуса посадского человека (и купца, и ремесленника), которого нещадно давила законными и незаконными поборами архаическая машина государственного управления, государь-реформатор решил изъять города из-под воеводского и приказного управления и подчинить их царю, рассчитывая при этом получить от налогов в бюджет больше денег, чем раньше. И это была главная задача. 30 января 1699 г. Петр издал указ о самоуправлении городов и выборах бурмистров. Избранные образовывали собой бурмистерские палаты, или ратуши. Главная Бурмистерская палата (Ратуша), подчиняющаяся царю, была в Москве и ведала всеми выборными людьми в городах России. Члены этой палаты прямо входили к государю с докладом (прежде всего — о денежных поступлениях).

Сначала система бурмистерских палат вводилась на местах на добровольных началах и с условием уплаты двойных налогов. В конечном счете жизнь заставила и добровольность самоуправления и двойные поборы отменить, и тогда реформа городского управления получила реальное воплощение.

В первые годы царствования Петра I громоздкая и рыхлая приказная система государственного управления структурно почти не изменялась. Первые преобразования в приказной системе намечали лишь контуры будущих отраслей государственного управления. Например, Иноземный и Рейтарский, Морской, Артиллерийский, Провиантский и другие приказы слились в новый Приказ Военных дел. Вместо Стрелецкого приказа возник Приказ Земских дел и т. д. Наряду с приказами возникали некоторые канцелярии. Плавному изменению подверглось и ключевое звено государственного управления — Боярская дума. Из сосредоточения родовитости и знатности это учреждение постепенно превращалось в собрание деятелей самого разного происхождения. Первым лицом в Думе стал простой стольник князь Ф. Ю. Ромодановский. В думные бояре теперь почти не возводили, а в силу возраста прежние думные бояре становились меньшинством. Да и практическая деятельность Думы шла на убыль. Заметна стала деятельность оперативных «консилий» и комиссий.

Немалая забота была проявлена и о казне. С легкой руки А. А. Курбатова, безвестного дотоле дворецкого Б. П. Шереметева, введена была гербовая бумага для деловых документов, что дало казне немалую выгоду, так как цена ее зависела от суммы заключаемой сделки, записанной на этой бумаге. В 1700 г. у владельцев территорий торжков отнято было право сбора пошлин, отменены архаичные тарханы. В 1704 г. все постоялые дворы были взяты в казну (как и доходы с них).

Важные коррективы были внесены в денежную систему. В конце XVII в. в ходу были серебряные копейки и денежки, но денежек не хватало и вместо них распространились суррогаты: разрубленные пополам или на трети копейки, а также кожаные «жеребьи» («доли» копейки). По указу царя с марта 1700 г. ввели вместо суррогатов медные денежки, полушки и полуполушки. С 1700 г. стали входить в оборот и крупные золотые и серебряные монеты. За 1700–1702 гг. денежная масса в стране резко увеличилась (почти в десять раз). Началось неизбежное обесценивание монеты.

Важнейшим направлением реформ было форсированное строительство казной железоделательных заводов (доменных и молотовых комплексов, оружейных мастерских). Их строительство велось на северо-западе России (в Карелии на Олонце, в Белозерье и в Устюжском крае). Но особенно активно велось строительство на Урале, где уже в 1701 г. введены были в действие Каменский и Невьянский заводы.

На манер судостроительных была попытка основать и купеческие компании, что растревожило западных негоциантов. Однако попытка эта

была бесплодной. Только на уровне проекта были и намерения Петра Іобъединить управление городов и уездов, основав так называемые провинции.

§ 4. Создание Северного союза и осада Нарвы

Петр и Северный союз. В период «великого посольства» Петр Ідовольно четко осознал ситуацию и расстановку сил в Европе. Главная неприятность для него — явный отход от совместных действий против турок Австрии, которую Франция втягивала в готовящуюся войну за «испанское наследство» против Голландии и Англии. А без этого серьезного союзника Россия не могла воевать с Османской империей. Таким образом, принятая было стратегия выхода к южным морям, несмотря на огромные усилия, становилась нереальной.

Вместе с тем Петр Івыявил иные возможности усиления России и стимулирования развития ее экономики. Они заключались в возвращении северо-западных земель, утраченных по несчастливому Столбовскому миру. Однако война с такой военной державой, как Швеция, в одиночку была также нереальной. Дипломатическое зондирование позволило Петру Іопределить возможных союзников. Так, курфюрст Бранденбургский предлагал России оборонительный союз. Переговоры в галицийском местечке Раве с Августом Іпозволили договориться о совместных действиях против Швеции.

С конца 1698 г. Август II,опираясь на договоренность с Петром, вступил в переговоры с Данией, имевшей к Швеции явные земельные притязания из-за отторгнутых территорий. Немало средств потратил Август IIи для привлечения на свою сторону политических верхов Польши (ведь Август IIвел переговоры от имени Саксонии), убедив их в выгодах возможного присоединения к Польше Лифляндии. Предстоящие переговоры с Россией были наиболее трудными, ибо курфюрст саксонский Август II и лидер лифляндского рыцарства Иоганн фон Паткуль желали сильно ограничить выгодыРоссии в будущей победе, суля ей только Карелию и Ингерманландию (чтобы русский царь «не шел дальше Наровы и Пейпуса»).

В первую очередь Петр I провел переговоры с Данией и уже в апреле 1699 г., по сути, был заключен договор о действиях против Швеции. Дело оставалось лишь за ратификацией. В сентябре 1699 г. в Москву от Августа II прибыли генерал-майор Г. К. Карлович и И. фон Паткуль под именем

Киндлера. Начались довольно длительные переговоры. Одновременно через датского посла П. Гейнса шли заключительные переговоры с Данией. Все беседы проходили в селе Преображенском в самом узком кругу полномочных лиц (Ф. А. Головин, переводчик П. П. Шафиров, Карлович и Гейне). Бывал на заседаниях и Петр I. Сохранение полнейшей тайны было крайне необходимым, ибо тогда же в Москву прибыла большая делегация шведов для получения подтверждения Россией условий Кардисского мира 1661 г., который, в свою очередь, закреплял пораженческие условия Столбовского мира, отдавшего Швеции российские земли по Неве и побережью Финского залива. Русские дипломаты и сам царь проявили недюжинную изворотливость и хладнокровие, приветливо встречая шведское посольство. Наиболее жаркие дебаты касались довольно пикантного момента: шведы требовали от русского царя закрепления договора кре-стоцелованием, т. е. присягой. Но Петр I отказался это сделать. После длительных споров шведскуюсторону убедили в том, что, поскольку Петр i дал клятву еще в 1684 г., при короле Карле XI, то сейчас необходимости в этом нет, хотя вместо Карла XI на шведском престоле теперь Карл XII. Более того, русским дипломатам удалось вставить в документы для Карла XII очень важную деталь: прямое указание на то, что при посещении русским царем Риги шведские власти своим поведением оскорбили честь Петра I, входившего, хотя и полуинкогнито, в состав «великого посольства». Это был весьма многозначительный момент. В итоге в ноябре 1699 г. Россия имела против Швеции договоры и с Саксонией, и с Данией.

Исполняя условия договора, войска Саксонии (без согласия Польши!) в феврале 1700 г. вступили в Ливонию и, взяв Дина-бург, неудачно осадили Ригу. Еще раньше Дания открыла военные действия против Голштинии, союзницы Швеции. Заняв несколько крепостей, датчане застряли на осаде сильнейшей крепости Теннинген. Тут против них уже выступили и шведы.

Август II требовал от Петра I вступления в войну. Но русский царь не мог этого сделать до заключения мира с Турцией и проявлял заурядное лицемерие в неизбежных напряженных разговорах со шведским посланником Книперкроном.

Мирс Турцией и начало Северной войны. В отношениях с Турцией усилия России заключить мир начались еще с участия думного советника Прокопия Богдановича Возницына в конгрессе в Карловице близ Белграда в октябре 1698 г., где при содействии Англии и Голландии Австрия быстро договорилась на выгодных ей условиях о мире с Турцией. На конгрессе добилась мира с Турцией и Польша. России предстояла еще нелегкая

дипломатическая борьба. Усилия Возницына, несмотря на увещевания и подношения, были тщетными. В конце концов переход к России Азова османы признали и согласились с существованием новых городков — Таганрога и Павлова. В свою очередь Возницын уступил Керчь, но о принадлежности нижнеднепровских городков страны не договорились. И все же 14 (24) января 1699 г. было подписано двухлетнее перемирие.

Стремясь закрепить приобретенное в мирном договоре с Турцией, Петр отправил в Константинополь нового полномочного представителя, думного дьяка, главу Посольского приказа Емельяна Украинцева и дьяка Ивана Чередеева. Чтобы воздействовать на османов психологически, послы отправились из Азова на 46-пушечном корабле «Крепость» в сопровождении эскадры из 10 кораблей, и на одном из них был сам Петр. Турки всполошились и пытались, правда, безуспешно, остановить в Керчи посольство, требуя следовать сухим путем. Но требование было отклонено, и военно-дипломатическая демонстрация состоялась.

Начались долгие девятимесячные переговоры. В итоге Россия сохранила Азов и приазовские земли по реке Миус. С кубанской стороны к России перешла территория с границей в 10 часах конной езды от Азова. Нижнеднепровские городки все-таки отошли к Турции с условием разрушения всех укреплений. Ежегодные платежи Крыму (позорные для России, но убедительно доказывавшие постоянную опасность крымского хана) были отменены. Русские корабли могли торговать только в Керчи. Все это Е. И. Украинцев утвердил, памятуя наказ Петра: «Только конечьно учини мир: зело, зело нужно». Примерно через месяц, 8 августа 1700 г. весть о 30-летнем мире с Турцией достигла Москвы, и уже 9 августа, сообщив Августу II, Петр приказал новгородскому воеводе двинуть войска к шведским границам. Война была объявлена «за многие неправды шведского короля» и «рижское оскорбление».

Осада Нарвы. Первоочередной целью царя был захват Нотебурга (Орешка) и Нарвы (Ругодива). Посланники Дании и Польши в России всячески стремились отвлечь Петра I от нарвского направления действий. Опасность этого для союзников четко обрисовал И. фон Паткуль: «В Нарве он (русский царь. — Л. М.) получит такое место, откуда может захватить Ревель, Дерпт и Пернау прежде, чем узнают об этом в Варшаве, а потом и Ригу и всю Ливонию». В принципе этот лифлян-дец четко прогнозировал стратегию Петра. Однако на практике сложилось все далеко не столь просто. Предстояла долгая, тяжелая для России и ее народа война.

Фактическая численность войск, осадивших Нарву, была чуть более 40 тысяч человек. Причем около 11 тыс. человек составляло дворянское

конное ополчение. Наиболее подготовленными были лишь три полка (Преображенский, Семеновский и бывший Лефортов полк).

Все войска разделены были на три группы («генеральства») с тремя командующими (А. М. Головин, А. А. Вейде и Н. И. Репнин). Общее, правда, чисто формальное, руководство было за А. М. Головиным.

Города Ям, Копорье и Сыренау сразу добровольно сдались русским, и 22 сентября передовой отряд вместе с Петром I появился под Нарвой.

Крепостные сооружения Нарвы имели пять смыкающихся бастионов и каменную стену, ограждавшую город с юга. Перед ней был частокол из вертикальных бревен (палисад). Дополнял этот комплекс блокгауз у реки и крепость Иван-город на другом берегу. Это очень осложняло задачу русских войск.

Лагерь осаждавших крепость охватил ее полукругом на левом берегу реки. Однако напротив средней, основной линии укреплений в крепости находилась высокая гора, откуда легко было расстрелять русский лагерь, левая часть которого плохо сообщалась с правой. Поскольку вся линия осадного лагеря была слишком растянута, то плотность огня резко упала. И это было большой ошибкой русского командования. Под Нарвой выяснилась слабость и разнокалиберность русской артиллерии. За два месяца осады не создано было ни одной бреши в крепостных укреплениях. Не подвели и траншеи к стенам. Желая иметь хоть какой-то успех, Петр пытался взять Иван-город, но не удалось и это. Значительная часть русских войск (в том числе и казаков-запорожцев) не прибыла к Нарве даже к злосчастному ноябрю 1700 г.

А тем временем беспечный Август II 15 сентября снял безуспешную осаду Риги. Карл XII неожиданно (при поддержке английских и голландских кораблей) высадился у Копенгагена в то время, когда датское войско было в Голштинии под Тен-нингеном. Копенгаген вынужден был сдаться, а король Фредерик IV заключил мир со Швецией и расторг союз с Августом II. Впрочем, еще на пути к Нарве Петр I понял, что датский король сдался шведам, но иного выбора уже не было. Ситуацию усугубляло и другое: посланный к Ревелю Б. П. Шереметев под угрозой превосходящего войска 18-летнего Карла XII быстро отступал к Нарве.

Самое печальное под Нарвой стряслось при неожиданной контратаке шведов 19 ноября (Петра I в это время в лагере не было, он отправился за войсками к Новгороду). Имея от пере-бежчика-лифляндца точные данные о расположении осаждающих, шведы Карла XII, скрытые от русских завесой пошедшего снега, пробили тонкую, растянутую на 7 верст линию осаждающих и ворвались в лагерь. Тотчас началась массовая измена

офицеров-иностранцев, включая и главнокомандующего в тот момент войсками герцога фон Круи. В панике конница во главе с Б. П. Шереметевым бросилась обратно через реку. Оборону стойко держали лишь бывшие потешные полки. Однако на другой день русские генералы капитулировали с условием свободного, с сохранением оружия и знамен (но без артиллерии), перехода на правый берег Нарвы. При отходе шведы, нарушив договоренность, напали на переправлявшихся и ограбили их. Это было полное поражение, принесшее около 6 тыс. погибших. Главное — армия лишилась всей огромным трудом созданной артиллерии.

§ 5. Первый период Северной войны. Полтавская битва

Точно так же, как и после поражения в первом Азовском походе, поражение у Нарвы буквально удесятерило энергию и организаторскую деятельность Петра I. В первую очередь его усилия были устремлены на восстановление боеспособности армии, пополнение ее рядов. Не менее важной задачей было создание (практически заново) артиллерии. На все это нужны были огромные деньги.

Международное положение России стало весьма сложным. Дания вынуждена была включиться в войну с Францией. Август II смог обеспечить безопасность Саксонии (но не Польши), отдав часть своих войск Австрии. В этих условиях Петр I предпринял энергичные усилия, чтобы удержать в союзниках Августа И. Он был вынужден 20-тысячный корпус Н. И. Репнина, не участвовавший в бою за Нарву, отдать в распоряжение Августа II, обещав еще и помощь в течение двух лет по 100 тыс. руб. Эти деньги добывали с огромным трудом, вплоть до приема частных пожертвований. По договору с Августом II Россия отказалась от притязаний на Лифляндию и Эстляндию и ограничилась интересами в Ингерманландии и Карелии.

Карл XII нанес Августу II сокрушительное поражение под Ригой и направился в Польшу, где, по словам Петра I, надолго «увяз». Отток шведских войск в пределы Речи Посполитой создал более благоприятную обстановку для России. Часть русской армии во главе с Б. П. Шереметевым в течение ряда лет действовала в ближних районах Лифляндии, постепенно набирая опыт в стычках и боях с хорошо вооруженными и сильными войсками шведов. Вскоре она стала одерживать и победы. Отбита была попытка шведского десанта в Архангельске, а еще раньше отбиты попытки захватить Гдов и Печерский монастырь. Таким образом, армия постепенно

обретала опыт, силу и боевой дух.

Длясоздания мощной артиллерии было развернуто строительство доменных и молотовых заводов на северо-западе России и на Урале. Особенно важным был ввод Каменского и Не-вьянского заводов в 1701 г. на Урале, ибо пушки из уральского металла были прочными и дальнобойными.

Для пушек нужен был не только чугун, но и медь. Царь-новатор поступает здесь весьма нестандартно. Он рассылает но стране повеление со всех «знатных городов и монастырей» собрать часть колоколов. К маю 1701 г. их скопилось в Москве около 90 тыс. пудов. Цифра громадная, но скандала в стране не вызвала: церковь не сочла себя ограбленной. В конечном счете русская армия получила действительно мощную артиллерию, и это сказалось на ближайших результатах войны.

Взятие Нотебурга и основание Санкт-Петербурга. Верно оценив обстановку, Петр і решил сосредоточить наступление в Ингерманландии и Карелии. В августе 1702 г. русские вытеснили шведов с Ладожского озера и района реки Ижоры. После этого была стремительно организована осада Нотебурга (острова-крепости в истоке Невы), которой руководил сам царь. 1 октября начался многодневный обстрел крепости мощной артиллерией, и к 5 октября в крепостных стенах образовались проломы, а две башни были сильно разрушены. Добровольцам раздали штурмовые лестницы, были заготовлены и многочисленные лодки. Ночью И октября в крепости возник пожар, а утром начался штурм, длившийся 13 часов (заминка произошла из-за коротких штурмовых лестниц и большой высоты обвалов от разрушенных ядрами верхних частей стен). В итоге 450 солдат крепости вместе со 142 орудиями капитулировали. Шведам было позволено уйти из Нотебурга с почетом, т. е. сохранив знамена, вооружение, имущество и пушки. Число жертв у осаждавших было очень велико. Однако русские воины сделали почти невероятное: они одолели могучие стены Нотебурга с одними лестницами. С тех пор Нотебург (Орешек) стал именоваться Шлиссельбург, т. е. ключ-город, а на памятной медали была выбита надпись: «Был у неприятеля 90 лет».

В апреле 1703 г. после мощного артиллерийского обстрела сдалась крепость Ниеншанц в устье Охты, впадающей в Неву у самого ее устья. Новую крепость решено было основать ближе к морю. Так 16 мая 1703 г. была заложена Петропавловская крепость, положившая начало Санкт-Петербургу. В мае были взяты древнерусские крепости Ям и Копорье. Через год была укреплена артиллерией крепость в заливе напротив устья Невы. Названа она была Кронштлот.

Реванш под Нарвой и война в Прибалтике. В 1704 г. окрепшая в боях русская армия подвергла осаде и штурму Дерпт. Шведы сдались, и это позволило быстро перебросить полки под Нарву, где осадные работы велись с начала июня. Теперь уже тактика русских войск была иной. Захватив устье Наровы, русские генералы лишили шведов возможной помощи с моря. Саму Нарву окружили 4 полка, остальные были в двух верстах от крепости. Кроме того, два полка осадили Иван-город. При артобстреле важнейшую роль играли батареи за рекой, почти недосягаемые для шведских крепостных орудий. Со взятием Дерпта под Нарвой собралось войско в 45 тыс. человек при 150 орудиях. Бреши теперь были пробиты всего за неделю, и 9 августа три колонны осаждающих (1600 человек) пошли на приступ. Бой длился 45 минут и кончился бегством шведов с позиций. Город был взят. Вскоре русские войска овладели и Иван-городом.

В итоге к концу 1704 г. русские войска овладели практически основной территорией Лифляндии и Эстляндии. В руках шведов остались лишь три крупных города: Рига, Ревель и Пер-нау. Все побережье Невы было также в руках России.

Между тем в Польско-Литовском государстве Карл XII имел немалый успех. Он вторгся в Литву, занял Варшаву, а после блестящей победы над Августом II в Клишовской битве взял и Краков. В Польше и Литве нарастало движение сопротивления, но отсутствие сильной государственной власти и вечные противоречия магнатских группировок мешали организации мощногосопротивления шведам. И если Люблинский сейм летом 1703 г. вроде бы ориентировался на борьбу со Швецией (на основе его решений Литва заключила союз с Россией против Швеции), то уже в конце 1703 г. возникала прошведская Варшавская конфедерация, объявившая Августа IIнизложенным. Вскоре ею был даже избран еще один король — познан-ский воевода Станислав Лещинский. Однако большая часть польского войска оставалась по-прежнему верной Августу Н, и в августе 1704 г. между Польско-Литовским государством и Россией был заключен Нарвский договор. Таким образом, России удалось избежать угрозы сепаратного мира Швеции с Августом II,и это помешало Карлу XIIсосредоточить все силы против России.

В 1705 г. после некоторых неудач русские войска взяли Митаву и Гродно, были отбиты морские атаки шведов на Крон-шлот и наступление на Шлиссельбург. К осени этого года совместными усилиями русских, польских и украинских войск от шведов были освобождены Литва, Курляндия, Малопольша и Украина. Но эти успехи, как ни странно,

породили вновь трения между союзниками. Поэтому при приближении большого войска Карла XIIк Гродно, где к зиме 1706 г. сосредоточились главные силы русских и польско-литовские формирования, Август IIспешно ушел с частью своих войск. К тому же в феврале шведы разбили 30-тысячное саксонское войско, шедшее навстречу Августу II.Оборона Гродно в этих условиях была очень рискованна, и Петр Iприказал отступить русским войскам к Волыни. Маневр был успешно осуществлен, и к 8 мая 1706 г. русская армия вышла к Киеву.

Измена Августаii и бои в Белоруссии и Украине. Карл XII с войском долгое время был на Волыни, а затем предпринял саксонский поход, закончившийся в сентябре 1706 г. тяжелым для Саксонии миром. Август II,отказавшись от союза с Россией, предоставил Карлу XIIвсю Саксонию как базу для ведения войны. В то же время перед русскими Август IIвел себя как и прежде и играл коварную роль союзника и соратника. Обнаружилось это лицемерие далеко не сразу.

Со своей стороны Петр I,как только Карл XIIушел за Одер, стремительно вторгся в Польшу и освободил территорию вплоть до Вислы, что помогло более или менее наладить (теперь уже без Августа II)отношения с поляками, и «прорусская» партия в Польше сохранила силу и влияние. Правда, усилия русских дипломатов восстановить Северный союз оказались бесплодны, но тем не менее шведы не получили поддержки ни от Польши, ни от Турции, ни от Крыма.

Замысел Петра I в новых условиях сводился к тому, чтобы в Польше «томить неприятеля», а «дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет». Началась длительная стадия подготовки и выбора момента для генерального сражения. Уже весной 1708 г. от Пскова до Украины на полосе в 200 км шириной всюду был спрятан от шведов в лесах хлеб и фураж, устроены засеки и завалы. Подготовлены были к оборонеВеликие Луки, Смоленск, Псков, Новгород, Петербург, а также Москва и Киев. Главные силы русских были в Полесье, чтобы иметь возможность двинуться к неприятелю в любом возможном направлении.

Карл XII, имея армию свыше 50 тыс. человек, из Саксонии двинулся вПольшу и далее вплоть до Гродно, которым он овладел в январе 1708 г. Летом он занял Минск и дал бой преградившей ему путь русской армии у села Головчина, после которого русские отошли под Смоленск. Заняв тем временем Могилев, Карл XII стремился обходным маневром выйти на дорогу в Москву. Однако бой у села Доброго, а потом у деревни Раевки отбил у шведов охоту идти на Москву. Тогда Карл XII, рассчитывая на

помощь гетмана И. С. Мазепы, а также и крымских татар, решил двигаться на Украину, а на соединение с ним из-под Риги спешил корпус К.-Э. Левенгаупта. Такое изменение планов шведского короля было большим успехом русских стратегов (и прежде всего Петра I).

В сентябре шведы после неудачных попыток отрезать русским путь на Украину остановились в Костеничах, ожидая Левенгаупта, имевшего не только большое войско, но и обоз боеприпасов и продукты. Однако русские решили разгромить Левенгаупта до соединения с главными силами. Это удалось сделать у деревни Лесной (на пути из Шклова в Пропойск), где 28 сентября в лесисто-болотистой местности состоялось крупнейшее сражение. Понеся огромные потери, шведы отступили к Пропойску, но и там на другой день были разбиты. Из 16-тысячного корпуса к Карлу XII пришли не более 6,5 тыс. измученных и голодных солдат. У русских погибло свыше тысячи человек и около трех тысяч было ранено. «Мать Полтавской баталии» — так назвал позднее Петр I битву у Лесной. Но сама «Полтава» была еще впереди.

Тем временем главные силы шведов пытались занять Ста-родуб, Мглин, Новгород-Северский, Почеп, Погар и др., но были встречены объединенным отпором и русских войск, и казаков, и местного населения, вставшего на борьбу с иноземцами. Украина решительно поднялась на борьбу со шведами. Об этом, в частности, выразительно сообщал А. Д. Меншикову его адъютант: «А от черкаса (так называли тогда жителей Украины. — Л, М.) худова ничево нет, служат верно, а шведам продавать ничего не возят, а по лесам, собрася компаниями, ходят и шведов зело много бьют, и в лесах дороги зарубают».

Измена Мазепы. А 28 октября 1708 г. гетман Мазепа после 5 лет тайных связей с Лещинским и шведским королем открыто присоединился к шведам, поправ интересы своего народа. Разумеется, Иван Степанович был довольно сложным и далеко не прямодушным человеком. «Хитростен же вельми был, как пристрастия людские узнавать», — отмечал хорошо знавший гетмана Феофан Прокопович. С. М. Соловьев привел любопытный эпизод из ранней молодости гетмана. Молодой польский шляхтич Ян Мазепа тайно ухаживал, если не сказать больше, за соседкой по имению. И однажды та, в очередной отъезд мужа, по делам послала Мазепе тайную весточку. Но письмо было перехвачено супругом. Вернувшись с дороги, он остановил на пути к своей супруге молодого Мазепу. На вопрос слуге, как часто Мазепа посещал его жену, слуга ответил: так много, как много волос на голове. Разъяренный супруг раздел догола Мазепу, привязал этого любовника к его собственной лошади лицом к хвосту, нахлестал ее, и в

таком виде Иван Степанович приехал к себе домой, вызвав весьма изрядный переполох у своих домочадцев. Карьера у короля Польши была с позором прервана, и из Варшавы бывший комнатный дворянин попал на Украину.

Украинский народ не разделил симпатий гетмана Мазепы. Из оказавшихся вместе с Мазепой 4–5 тыс. человек многие вскоре покинули шведский лагерь. А ведь Петр I беспредельно верил коварному лицемеру и оставлял без внимания в течение целого ряда лет немало серьезнейших предупреждений о готовящейся измене, и в частности от генерального судьи Василия Кочубея. Впрочем, в искренности последнего, может быть, усомнились из-за скандального романа старого Мазепы с дочерью Кочубея Матреной. Во всяком случае, слепо и безгранично доверявший Мазепе Петр I способствовал поверхностной, чисто формальной проверке этих доносов и даже сообщал Мазепе (!) о всех доносчиках. Более того, после пыток над доносчиками Петр I выдал Кочубея и его соратника Искру для казни самому Мазепе. В июле Мазепа отрубил им головы, а в конце октября открыто перешел в лагерь шведов.

Упреждая шведов, изумленный изменой Петр I послал А. Д. Меншикова взять ставку Мазепы — город Батурин. После штурма крепость, город и замок были разрушены и сожжены «в знак изменникам». Д\я шведов это была тяжелая потеря, и дело было не в самой крепости, а в огромных запасах оружия и продовольствия, заготовленного для них Мазепой. Когда случай привел Мазепу на пепелище, он воскликнул: «О, злые и несчастные наши початки! Вижу, что Бог не благословил мое намерение».

После измены началась борьба за влияние на народные массы. Гетман и король издавали универсалы. Издавал указы и царь, и сила доказательности последних оказала на украинский народ огромное влияние, раскрыв коварство и предательство Мазепы. 6 ноября 1708 г. был избран новый гетман Иван Ско-ропадский. В русских войсках резко повысили воинскую дисциплину, жестоко пресекая любые попытки пограбить местное население.

Осень 1708 и зима 1709 г. прошли в попытках Карла XII пробить себе путь на Москву по линии Белгород — Тула. На Украине тем временем все шире развивалась партизанская война со шведами: «…малороссияне везде на квартерах и по дорогам тайно и явно шведов били, а иных живых к государю привозили… и от того много войска шведского уменьшилося». В ожесточении шведы, да и мазепинцы, которые воевали теперь под новым знаменем, практически не отличавшимся от шведского по расцветке,

сжигали села и города, убивали местных жителей, угоняли в плен.

К апрелю 1709 г. маневры шведских войск привели к ситуации, когда взятие ими Полтавы могло открыть им возможность соединения с войсками С. Лещинского и шведского генерала Е. Д. Крассова. Кроме того, здесь близки были Запорожская Сечь и крымские татары.

Полтавский бой. В начале апреля шведы осадили Полтаву с ее 4-тысячным гарнизоном и вооруженным (около 2,5 тыс.) боеспособным населением. Украинский город отбивался от атак в течение двух месяцев.

Тем временем русское командование сосредоточило поблизости свои главные силы. А помощь Карлу XII не пришла, потому что в Польше успешно действовал русский корпус Г. Гольца, связавший войска Лещинского и шведские войска Крассова. По сути, шведы были под Полтавой в окружении. Однако в мае 1709 г. ситуация для Петра ухудшилась, так как осложнились отношения с Запорожской Сечью. В годы войны казаки, рискуя поссорить Турцию с Россией, дважды грабили греческих купцов из Порты, и султан потребовал огромной компенсации. Россия выполнила это, но взамен лишила казаков жалованья. В ответ в марте 1709 г. начался переход казаков к Мазепе. Петр же в мае 1709 г. приказал разгромить Сечь. В итоге 8 тыс. лишенных жалованья запорожцев оказались в лагере Карла XII. Так или иначе, но к середине июня был решен вопрос о генеральном сражении.

15 июня часть русских войск перешла Ворсклу, отделявшую их от шведской армии, осаждавшей Полтаву, и возвела у переправы укрепленные позиции. Перед фронтом и на правом фланге перед русскими была открытая местность. Левый фланг позиции уходил в густой лес, простиравшийся до самой Полтавы. Через 10 дней там, у деревни Яковцы, возвели другие укрепления под углом к основным. В итоге часть поля боя была лесистой, что было невыгодно шведам, предпочитавшим открытую местность. К тому же на поле будущей битвы русскими были сделаны отдельные укрепления-редуты.

А. Д. Меншиков командовал 24 полками кавалерии, вся пехота подчинялась Б. П. Шереметеву, а артиллерия — Я. В. Брюсу. Всего регулярных войск у России было около 42 тыс. человек и 5 тыс. нерегулярныхформирований. В армии шведов в целом было около 48 тыс. человек, из них боеспособных оказалось около 30 тыс. Незадолго до битвы сам король в одной из кавалерийских летучих стычек с казацким пикетом был ранен. Мчась на лошади, он получил пулю в пятку ноги, в итоге чего вся ступня была раздроблена. Мужественный король выдержал жестокую операцию и остался в войсках. Но командующим стал фельдмаршал К. Г.

Реншильд.

Боевые действия начал Карл XII, назначив атаку на 27 июня. В ночь перед атакой шведы сидели «без огня, без соломы, сена, еды и питья».

Внезапная и бесшумная ночная атака шведов была обнаружена разведкой Меншикова. Последовала атака русской конницы из-за редутов, и противник был опрокинут. Но тут же начался яростный натиск шведской армии на основные укрепления русских. Часть шведов сумела, неся потери, пробиться сквозь них, но, оторвавшись от основных сил, они погибли в лесу у Яковцов. Затем была отбита еще одна атака. С большими потерями основная часть шведского войска скрылась в лесу у Малых Будищ. Вот тогда наутро пошли в 2 линии в атаку 42 батальона русских в центр поля боя, а кавалерия — на флангах. Одновременно в атаку пошли от будищинского леса и шведы. Отбив шведов, русские начали наступление по всему фронту. Завязался жестокий рукопашный бой. Решающей была стремительная атака конницы Меншикова в правый фланг шведов. Войско Карла XII побежало. К 11 часам утра исход боя был решен. Шведы оставили на поле боя более 9 тыс. убитых. Около 3 тыс., вместе с фельдмаршалом Реншильдом, было взято в плен. У русских было более 1300 убитых и свыше 3 тыс. раненых.

Шведов преследовали 2 гвардейских и 2 пехотных полка, посаженные на коней. Гнали шведов и на другой день. Остатки их были перехвачены у Переволочны при впадении Ворсклы в Днепр. Здесь сдалось в плен около 17 тыс. солдат и захвачено 127 знамен и штандартов и 28 орудий. Карл XII и Мазепа с 2 тыс. шведов и казаков все же перешли на другой берег Днепра. Остатки их Г. И. Волконский настиг уже на реке Буг. В схватке было убито до 200 человек и 260 человек взято в плен. Но Карл XII и Мазепа бежали в Турцию.

Так была сломлена военная мощь Швеции, и наступил решающий перелом в ходе Северной войны. Так засияла и слава русского оружия. Россия заявила свои права на статус великой европейской державы.

Глава 2. Политика и экономика

§ 1. Сельское хозяйство

Становление абсолютистского государства еще более усилило традиционное вмешательство государства в развитие экономики, и это было необходимым условием форсированных темпов развития.

Великая деятельность великого государя была поистине всеобъемлющей. Даже такая неуправляемая сфера жизни общества, как сельское хозяйство, оказалась также предметом его внимания. Важнейшая мера Петра — внедрение в практику жатвы хлеба вместо традиционного серпа — литовской косы, косовище которой было длинным и удобным, а над косою укреплены длинные захваты для плавного переноса скошенных стеблей ржи или пшеницы в валок. При этом экономия труда была десятикратной, и такая коса за несколько десятилетий действительно стала широко распространенным орудием, но лишь в черноземных и степных районах. Царь распорядился разослать по губерниям несколько тысяч «литовок», а также и умельцев из прибалтийских крестьян.

Другим важным новшеством Петра I было упорное и настойчивое внедрение новых пород скота (рогатый скот из Голландии). Для производства тонких высококачественных сукон, в которых нуждалась и армия и верхи общества, шерсть российских овец не годилась. Поэтому в первой четверти XVIII в. правительство постоянно выписывало мериносных баранов из Испании и Силезии. Было организовано большое число овчар-ных заводов (особенно в Азовской губернии), разработаны правила содержания, кормления, стрижки овец и т. п. С 1722 г. казенные овчарни стали передаваться в частные руки. Такая раздача проводилась иногда и насильственно. В 1726 г. только на Украине число овец достигло 130 тыс. голов. Однако большая часть из них, видимо, была местных пород, и шерсть от них шла лишь на армейские нужды.

Казна энергично организовывала и конские заводы (в Азовской, Киевской и Казанской губерниях). В Астрахани в 1720 г. был устроен конский завод лошадей черкасской и персидской породы. Постепенно умножалось число и частных помещичьих конских заводов с «персидскими», «немецкими», «ногайскими», арабскими породами лошадей.

Большие усилия предприняла казна для резкого расширения посадок

на юге страны тутовых деревьев и разведения шелковичных червей. Были основаны шелковые «заводы» в Москве и под Царицыном, плантации под Киевом, Астраханью и на Северном Кавказе.

Наконец, при Петре I были предприняты первые попытки государственной охраны лесов. В 1703 г. было запрещено рубить лес толщиной в полметра в пределах 50-верстной прибрежной зоны больших рек и 20-верстной малых рек. Штраф полагался за рубку огромный — 10 руб. Для нужд населения разрешены были рубки таких пород леса, как ольха, ива, ясень, орешник и липа. В 1712, 1715, 1720 гг. вышли указы, полностью запрещающие рубку леса в пределах Новгородского, Торопецкого, Старорусского, Луцкого уездов, по берегам Меты, Свири, Невы и Финского залива. В 1719 г. лесами стало ведать Адмиралтейство, а в 1722 г. была введена должность вальдмейстера в районах крупных лесных массивов.

Дефицит рабочего времени русского крестьянина. Вместе с тем меры, предпринятые Петром i в отношении сельского хозяйства, имели лишь частичный успех. В конце XVII — первой половине XVIII в. для этой важнейшей сферы производства, как и в предшествующие столетия, был характерен низкий уровень развития, продиктованный сугубо объективными суровыми природно-климатическими условиями. Главное из них заключалось в очень коротком рабочем сезоне в земледелии (по старому стилю — с конца апреля до середины сентября). За этот период крестьянин должен был вспахать, заборонить яровое поле, посеять зерно и заборонить или запахать его, вывезти на паровое поле навоз, разбросать и запахать его, почистить луга, произвести сенокосные работы и убрать сено, вспахать паровое поле, посеять озимь, наконец, сжать и убрать урожай. На все это, исключая воскресные дни, природа отвела русскому крестьянину примерно 130 дней, из них около 30 дней уходило на сенокос. При минимальном соблюдении правил агрикультуры обработки земли и заделки семян семья из четырех человек при одной лошади могла обрабатывать очень небольшое по размеру поле: около 2,5 десятины (га) в яровом и озимом клину. Увеличить площадь пахоты можно было, лишь резко ухудшая обработку земли и заделку семян.

Обычно на нечерноземных просторах Центральной России при этих условиях урожайность была очень низкой. Урожай считали в «самах»: сколько одно семя («сам») дает урожайных зерен. В частности, в Ярославском уезде в конце XVII в. урожай ржи был от сам-1,0 до сам-2,2, овса — от сам-1,0 до сам-2,7, ячменя — от сам-1,6 до сам-4,4. В Костромском уезде рожь давала урожай от сам-1,0 до сам-2,5. В

плодородных вкраплениях почвы северных краев рожь имела урожай сам-3,6, овес — до сам-2,7, а в районе Кирилло-Белозерского монастыря в 70—80-е гг. XVII в. урожай ржи местами доходил иногда до сам-10, овса — до сам-5, а ячменя — до сам-6. В Нижегородском крае в первой четверти XVIII в. урожайность ржи в монастырских вотчинах в большинстве случаев колебалась от сам-2 до сам-2,5. Максимальный сбор овса достигал сам-2,5, но чаще сам-2. Из яровых урожайнее был ячмень (сам-3).

В XVIII в. по Вологодскому Северу рожь давала от сам-2 до сам-2,7, иногда до сам-4,2; овес — от сам-1,5 до сам-2,8; ячмень — от сам-1,3 до сам-6, иногда до сам-10. Столь печальную ситуацию усугубляли коварные ранние осенние и поздние весенние заморозки, губившие урожай и весенние всходы.

Если среднюю плотность высева ржи определить в 12 пудов на десятину, то чистый сбор (за вычетом семян) составит при урожае сам-2 всего 12 пудов с десятины, а на семью в 4 человека, имеющую посев в двух полях в 2,5 десятины, — 15 пудов ржи. При той же урожайности семья получит овса около 16 пудов. Поскольку овес в яровом поле занимал до 70 % площади, то львиная доля чистого сбора, состоящая из ржи и овса, составила бы 28 пудов. При средневековой норме питания в 24 пуда на взрослого едока такой запас зерна чудовищно мал и означал лишь голод. При урожае в сам-3 чистый сбор на эту же семью составил бы 56 пудов, а с ячменем — 64 пуда. При нормальном питании этого хватало на 2,7 полных едока. Следовательно, лишь сокращая норму питания, семья могла свести концы с концами. Однако предложенный здесь расчет не учитывает подкормку зерном или мукой скота, а за этот счет норма питания еще более уменьшалась. В итоге крестьяне должны были налегать на пустые щи, квашеную капусту, репу, редьку, квашения из ботвы свеклы, моркови, весной варили щи из сныти и т. п.

Дефицит кормов для скота. Казалось бы, выход мог быть простой — лучше удобрять землю и повышать урожайность. Однако в историческом Центре России стойловое содержание скота было необычайно продолжительным, а в суровые зимы калорийность кормов должна быть чуть ли не втрое больше, чем летом. Не следует забывать, что XV–XVIII вв. были по климату «малым ледниковым периодом». В лютые морозы молодняк скота и птицы приходилось держать в избах.

В то же время сенокос, вклиниваясь в земледельческие работы, занимал всего 20–30 дней, лишая крестьянина возможности заготовить нужный запас сена. Трагический парадокс русского крестьянина и земледельцев других народов Центра Русского государства заключался в

том, что при изобилии луговых просторов заготовка кормов в силу обстоятельств сводилась только к минимуму. Поэтому крестьянин обычно имел мало скота, а следовательно, и мало удобрений. Поэтому для концентрации рабочих рук семьи крестьян нередко не разделялись: отец и мать жили со взрослыми женатыми сыновьями или с семьями дочерей, увеличивая таким образом число рабочих рук и несколько укрупняя хозяйство.

Для восполнения ущерба от низких урожаев на неплодородных полях трехполья широко практиковались, как и в прежние века, подсека и лесные росчисти, сопровождавшиеся сжиганием поваленного лесного материала. Обогащенная калием почва давала 2–3 года большие урожаи, правда, с последующим резким падением плодородия, вынуждавшим крестьян к новым расчисткам леса. Такие работы велись практически постоянно и требовали объединенных усилий крестьянской общины.

Таким образом, путем величайших усилий русское крестьянство создавало необходимые условия жизни огромного социума. Однако на протяжении веков это был, как уже говорилось, социум с очень ограниченным совокупным прибавочным продуктом.

Малое плодородие большей части почв, предельно короткий рабочий период для земледельческих работ заставляли почти все общество заниматься земледелием. Земля, так сказать, цепко держала все население в своих руках, что резко тормозило процесс отделения промышленности от земледелия, замедляло развитие городов, торгово-ремесленных посадов и селений, наглухо тормозило образование рынка рабочей силы.

В этих условиях единственным способом гармоничного развития экономики и социума было создание промышленности самой государственной властью. Начало этому процессу было положено еще при первых Романовых основанием крупных железоделательных предприятий, являвшихся своего рода концессиями иностранного капитала, а также созданием казенных служб в металлообработке и производстве оружия. Однако все это имело достаточно скромные масштабы и не могло быть средством для стремительного промышленного развития. В начале царствования Петра Ізадача такого развития страны стала острейшей необходимостью.

§ 2. Роль государства в развитии крупного производства

Стратегические цели молодого царя, связанные с задачей выхода страны к морю и развития эффективной торговли, можно было реализовать только средствами победоносной войны, а боеспособность армии в эту эпоху уже напрямую зависела от уровня экономики и прежде всего от степени развития металлургической, текстильной, суконной и других отраслей промышленности.

Царь строит заводы. Поэтому первые годы XVIII в. связаны с активным строительством «железных заводов», почти на каждом из которых делали пушки, ядра и т. п. В дополнение к старым заводам XVII в. в 1702–1707 гг. строятся Липецкие, Козминские и Боринские заводы с общей численностью более 500 человек рабочих и мастеровых людей. В Карелии в 1703 г. строятся столь же крупные Петровский и Повенецкий заводы. Чуть позднее, в 1704–1705 гг. появился Кончезерский завод, а в Белозерском уезде — Тырпицкие заводы боеприпасов. Обонежские Устрецкие заводы А. Бутенанта были переведены в казну и перестроены. Правда, все эти заводы использовали отнюдь не богатые руды, да и качество металла было не лучшим, зато их большая или меньшая близость к театру военных действий имела неоценимое значение. Там же, на севере России, заведено было медеплавильное производство.

Одновременно правительство Петра I развертывает строительство металлургических заводов на Урале. В 1700 г. основаны строительством Невьянский и Каменский заводы, с 1702 г. стал действовать Уктусский железный завод, в 1704 г. — Ала-паевский завод. Наконец, в 1704 г. в далеком Нерчинске был основан крупный завод по добыче серебра, что имело огромное значение для будущего развития монетного дела и экономики страны. В итоге этого строительства была создана основа для кардинального оснащения армии мощной артиллерией и другими видами оружия. Уже после окончания Северной войны в 1723–1725 гг. была построена новая группа уральских заводов (Екатеринбургские заводы, Толмачевский и Аннинский железные заводы), что выдвинуло Россию в число крупнейших производителей черных металлов (третье место в Европе). Строительство железных заводов было дополнено созданием крупных верфей в Петербурге, Воронеже (Таврове), Москве, Архангельске, на Олонце и Сяси. К 1715 г. только на Петербургской верфи работало свыше 10 тыс. человек.

Дефицит наемных рабочих. Этот успех дался России немалой ценой. Ведь в стране, получающей низкие урожаи, почти всегда была постоянная потребность в расширении сферы земледелия, но увеличить пашенные угодья можно было, только увеличивая число крестьян-земледельцев.

Поэтому рынок труда в области промышленности практически отсутствовал. В первые годы строительства заводов основным резервом рабочей силы был слой пауперов, так называемых гулящих людей, в силу тех или иных причин оторвавшихся от хозяйства, крестьянской общины и т. п. Однако этих ресурсов не хватало, так как металлургическое производство требовало огромного количества вспомогательных работников с частичной занятостью на заводских работах. Государство еще в XVII в. решило эту проблему путем применения грубого насилия, принуждения, путем «приписки» государственных крестьян к заводским работам в счет уплаты государственных налогов и выполнения натуральных повинностей. В первой четверти XVIII в. на Урале число «приписных крестьян» достигло 25 тыс. душ мужского пола. Положение их было очень тяжелым. Ведь только до места работы многим приходилось проделывать путь до 100–200 верст, покидая свое хозяйство на четыре и более месяцев в году.

Государственная власть играла решающую роль в форсированном развитии крупного производства. В 1719 г. для руководства промышленностью создается Мануфактур-коллегия, а для горной отрасли — специальная Берг-коллегия (первоначально — Берг-привилегия). Оба ведомства следили за качеством продукции. Берг-коллегия особое внимание уделяла поиску руд, поощряла рудоискателей и рудознатцев, ссужала строительство горнорудных заводов.

Особую роль обе коллегии играли в развитии частного производства. Они ссужали предпринимателей на льготных условиях, освобождали числящихся в посадских людях и купцов от государственных служб («тягловые» натуральные повинности). Существенную роль коллегии играли в обеспечении предприятий рабочей силой. Они вербовали по контрактам иностранных специалистов, организовывали обучение за рубежом и т. д. Все функции коллегий отражены были в особых документах — «регламентах». В необходимых случаях государственные ведомства способствовали передаче и казенных заводов в частные руки (как, впрочем, и возврату в казну). Так, один из первых уральских заводов (Невьянский) уже в 1702 г. был передан Никите Демидову.

Частные заводы. Частное строительство металлургических заводов началось еще в конце XVII в. При Петре I оно велось как в центре страны, так и на Урале и в Сибири. В 20-е гг. на Урале резко возросло число медных заводов. Казна на базе богатых месторождений меди в Кунгурском уезде построила в Верхотурском уезде Ягушихинский завод, крупный Лялинский медный завод, а также Вышне— и Нижне-Пыскорские медные заводы и

Полевский медный завод. В это же время на Урале появились и частные медные заводы.

В центре страны небольшие частные и «компанейские» железные заводы появились в самых разных районах: в Боровском и Малоярославецком уездах два завода Меллеров, их же «мень-шовский» старый завод в Оболенском уезде, в Лихвинском уезде завод крепостного человека Одинцова, в Муромском уезде два завода Александра Халтурина, в Переяслав-Рязанском уезде три завода Якова Рюмина, Льва Логинова и К. Семен-никова и др.

Всего в пределах Центральной России в первой трети XVIII в. возникло свыше 28 частных и компанейских и 7 казенных железных заводов, один казенный и два компанейских медных завода. На Урале около полутора десятков медных казенных и частных заводов, около десятка частных и пять казенных железных заводов. В Петербурге, в Левобережной Украине и в Подмосковье развилось довольно крупное производство пороха.

Таким образом, страна совершила за четверть века громадный скачок в своем экономическом развитии, создав огромную отрасль мануфактурной промышленности с использованием энергии воды — металлургическое производство.

Продажа крестьян на фабрики. Практика использования «приписных» крестьян на частных заводах не решала всех проблем. Владельцы мануфактур все чаще требовали закрепления и квалифицированных рабочих за производством. Нанятые государством многочисленные иностранные специалисты были в России лишь временно. Постепенно создавались свои кадры высокой квалификации, но их было мало. В конечном итоге в 1721 г. впервые недворянам (а это основная часть заводовла-дельцев) дано было право покупки крестьян «к фабрикам». Так постепенно стала формироваться категория «посессионных крестьян» (название это появилось много позже, а тогда их называли «купленными»). Они были навечно закреплены за конкретным заводом или фабрикой независимо от того, что сам владелец завода мог смениться. Такой способ закрепления рабочей силы не всем был по силам, и дело кончилось тем, что в 1736 г. был издан указ, навечно закрепивший всех наемных работников за теми предприятиями, где они были в момент издания указа. В итоге в промышленности (и не только в металлургии, но и во всех отраслях крупного производства) стал господствовать подневольный крепостной труд.

Текстильные мануфактуры. В первой четверти XVIII в. в силу

резкого увеличения численности армии и флота быстрыми темпами стала развиваться текстильная и особенно парусно-по-лотняная промышленность. В частности, казной была создана в Москве адмиралтейская парусная фабрика, на которой работало более тысячи человек, в том числе около 350 ткачей, около 300 утошников, свыше 140 чесальщиков и самопрялыдиков. В Москве также было большое количество ткацких «мануфактур» частных компаний (штофная, позументная, пять полотняных, пять лентовых, пять каразейных, три суконных, чулочная, каламянковая, платочная и т. д.). В 20-х гг. XVIII в. число текстильных мануфактур достигло 40 (из них 24 только в Москве). Ряд казенных предприятий был передан купеческим компаниям, иногда принудительно созданным государством (Суконный двор в Москве в 1720 г. был отдан компании В. Щеголина, Полотняный скатертный завод — в 1711 г. компании А. Турчанинова). Среди владельцев было и дворянство, и новая знать (А. Д. Меншиков, А. В. Макаров, Ф. М. Апраксин, П. П. Шафиров, П. А. Толстой и др.). Некоторые частные фабрики были весьма крупными предприятиями (например, шелковая мануфактура Ф. М. Апраксина в Москве имела более 200 ткацких станов, в 20-х гг. переданная из казны полотняная мануфактура И. П. Тамеса имела более 300 станов; полотняная мануфактура Затрапезных насчитывала 250 ткацких станов). Парусно-полотняное производство постепенно появлялось и в других регионах.

Под влиянием войны и армейских нужд в первой четверти XVIII в. зарождалось и суконное производство. В 20-х гг. на Московском суконном дворе работало свыше тысячи человек. Крупное суконное производство возникло в Казани, Липецке и в Путивльском уезде.

За весь период деятельности Петра Великого в России возникло около 180 сравнительно крупных мануфактур, половина из которых принадлежала казне. Важно подчеркнуть, что Мануфактур— и Берг-коллегии допускали к строительству заводов и фабрик людей всех чинов и званий. Нужды крупного металлургического и текстильного производства, строительства крупнейших верфей в Петербурге, Воронежском крае, в Москве и т. д. вызвали к жизни целый ряд химических предприятий.

Квалифицированные рабочие мануфактур, практически полностью оторванные от натурального крестьянского хозяйства, получали плату за свой труд. Однако эта оплата не имела ничего общего(при полном внешнем сходстве)с капиталистической заработной платой, ибо платили крепостным, подневольным рабочим, а сама оплата являлась как бы компенсацией утраченных прав на жизненные средства, которые тот или иной работник в прошлом всегда имел в собственности как крестьянин. На

металлургических заводах ученики получали в год 12–17 руб., квалифицированные русские работники 15–18 руб., иногда до 30 руб. Работники высокой квалификации получали в год на сдельной работе от 70 руб. и более. Годовые оклады достигали 100–120 руб. В текстильной же промышленности прядильщик шерсти делал в день 2 фунта пряжи, получая в год от 9 до 20 руб. Ткач получал в год от 17,7 до 23,5 руб.

Однако сравнительно высокая оплата не шла ни в какое сравнение с теми тяжелыми условиями труда, какие существовали на мануфактурах. В среднем за год длина рабочего дня составляла чуть более 12 часов. У домны и ковальных горнов работали сутками. К этому следует добавить жестокую палочную дисциплину, телесные наказания и т. д. Таковым был крепостнический режим, ценою которого страна шла к своему могуществу.

§ 3. Мелкое производство и ремесло в петровской россии

Говоря о процессе отделения промышленности от земледелия, не следует забывать о специфичности условий России как внутриконтинентальной страны с низким объемом совокупного прибавочного продукта, как страны, основой хозяйства которой было главным образом земледелие. Хозяйствуя в суровых климатических условиях, население страны не могло довести земледелие до той степени эффективности, когда значительная часть людских ресурсов могла бы переключиться с земледелия на занятия ремеслом, стать горожанином и т. п. Отсюда сравнительно скромные темпы развития ремесла и роста самого городского населения. Городской ремесленник в значительной мере был связан с земледелием, имел огород, скот, иногда сеял зерновые, косил сено, ловил рыбу и т. п. На темпы развития городского ремесла сдерживающим образом влияло то обстоятельство, что сельский житель, имея громадное количество времени (6–7 месяцев в году), не целиком идущее на воспроизводство крестьянского хозяйства, также занимался промышленным трудом либо у себя дома, либо отходя в города, крупные промышленные районы и т. п. В итоге предложение ремесленного труда часто было больше спроса. Нередко заказы на изделия были лишь от случая к случаю. Все эти факторы существенно влияли на темпы и характер социально-экономического развития России.

Сравнительно небольшие, сосредоточенные не только в северо-западной части России, но и во многих районах Центра страны «гнездоватые» и болотные железорудные месторождения давно уже стали

основой для традиционных крестьянских промыслов и ремесленных занятий горожан. В одной только Галицкой провинции в 1724 г. было обнаружено свыше 500 ручных домниц и горнов. Множество их было в Карелии и других местах. Кузнечное и плавильное дело было сосредоточено в ряде промысловых сел (Ворсма, Павлово, Норская слобода и др.) и городов (Устюжна Железопольская, Тихвин, Белоозеро. Галич, Серпухов, Дедилов, Тула, Елец, Липецк, приуральские города и т. д.). В большинстве своем изделия городских и сельских ремесленников — это предметы домашнего обихода и крестьянского хозяйства. Однако на базе железных промыслов в некоторых центрах идет «вторичная», более узкая специализация. В Ярославле особо развивается производство медной, оловянной посуды, литье колоколов. В Павлове многочисленны замочники, ножевщики. В Туле и Москве издавна сосредоточено оружейное дело, в Твери — ковка гвоздей. С основанием Петербурга там сильно развивается корабельное дело и производство корабельных снастей. В Москве и ряде других центров сильно развивается серебряное и ювелирное дело. В конце первой четверти XVIII в. в Москве сосредоточено было около 7 тыс. ремесленников, не считая пришлых из села на заработки. Даже в Петербурге в это время было уже свыше 2,5 тыс. ремесленников. Большое число ремесленников было в Ярославле, Нижнем Новгороде, Туле и других городах.

Цеховое устройство ремесла. В 1722 г. в России было введено цеховое устройство. Не все понятно в причинах такого шага государства. Ведь в Западной Европе цехи в этот период уже были архаикой. Не исключено, что цеховое устройство ремесла было в этот период одним из путей завершения формирования сословного строя общества, ликвидации архаичного сословия «посадских людей», закрепощенных самодержавием. Немаловажным, видимо, было и стремление государства создать систему контроля за качеством ремесленной продукции. Ведь отныне мастер обязан был ставить личное клеймо на изделии. Важнейшим следствием цеховой структуры ремесла было упорядочение практики ученичества. При Петре I ученичество приняло огромное распространение.

Однако усилия властей по организации городского ремесла в значительной мере ослаблялись вследствие развития крестьянских промыслов. В межсезонье города России принимали значительную массу мастеров-сезонников из деревни. Казна стремилась упорядочить мелкое производство, издавая указы с разрешением деятельности того или иного заведения (так называемое «указное производство»). «Неуказные» же могли преследоваться казной.

Давление на городское ремесло сильнее всего ощущалось в текстильных промыслах. Стремясь резко увеличить экспорт холста и полотна, правительство в 1715 г. запретило крестьянам ткать узкий холст (а широкий ткать они не могли из-за крайней тесноты в избе), но уже в 1718 г. был сделан шаг навстречу крестьянским интересам и некоторые разновидности узких холстов были легализованы. В городах и промысловых селах помимо холста выделывали полотна и ткани самых разных сортов (каламянки, понитки, пестреди и т. п.).

Широко распространена была выделка домашних серых сукон, особенно в южнорусских и украинских регионах. В мелком производстве выделывали не только сермяжное (грубое) сукно, но и такие материалы из шерсти, как каразея, камлот, стамед и др.

Еще в XVII в. в России стала развиваться выделка кож для экспорта через Архангельск. Это была так называемая юфть — гладкая выделанная кожа крупного скота белого, красного, синего, черного и других цветов, а также сафьян из овечьей и козлиной кожи, подошвенные кожи и т. п. Спрос на эти кожи в Европе был очень большим. Делали их главным образом в Ярославле, куда буквально «по крупинке» свозили зимним путем огромное количество невыделанных кож. В первой четверти XVIII в. в связи с открытием Петербургского порта ареал распространения кожевенных «заводов» стал расширяться. Они появились в Осташкове, Суздале, Владимире, а также в Среднем Поволжье (Нижний Новгород, Арзамас, Казань, Чебоксары и др.). Много кожи закупала казна на армейское обмундирование.

В числе массовых ремесел была выделка мехов и шкур. По всей Центральной России в городах и селах выделывали шкуры волков, лисиц, корсаков, зайцев, не говоря уже о более дорогих мехах белки, куницы, бобра и т. д. Шубы и шапки, мерлушка на разные цели из овец романовской породы были на торгах и ярмарках многих городов страны. Массовым ремеслом было сапожное дело. В одной только Москве в 20-х гг. XVIII в. работало около 1,5 тыс. сапожников; большой спрос был на кожаные кошельки, ремни, портупеи, конскую сбрую и упряжь.

Важно отметить, что география промыслов по обработке кожи отчасти совпадала с основными маршрутами прогона скота из южнорусских и украинских районов к главным торгово-промышленным центрам страны. Много скота забивали в ближнем регионе Подмосковья (Калуга, Кашира, Зарайск и др.), а также в направлении городов Верхнего и Среднего Поволжья. Здесь же множились и «попутные промыслы» в виде салотопен, мыловарен, свечных заводов и т. д. (особенно много салотопен было в

Татарии и Чувашии, расположенных на маршрутах прогона скота из калмыцких, оренбургских, башкирских степей и т. п.).

§ 4. Торговля

Внутренняя торговля на базе географического разделения труда в значительной мере опиралась на торговлю зерном. В начале XVIII в. главный зерновой поток был связан с Москвой и Московским регионом. По Оке и Москве-реке зерновые товары, пенька, конопляное масло, мед, сало, шкуры и т. п. доставлялись сюда из ближайшего Черноземья. Хлебный поток через Нижний Новгород и Вышневолоцкий канал устремился и к Петербургу. В центральные губернии шел хлеб из Поволжья. С Украины в центр страны везли пеньку, шерсть, сало и другие продукты животноводства, а также воск, поташ, селитру.

Внутренняя торговля Петровской эпохи, как и в XVII в., состоялаиз нескольких уровней. Низший ее уровень — сельские и уездные торжки. куда один, реже два-три раза в неделю съезжалось крестьянство, мелкое местное купечество. А высший уровень торговли — оптовая торговля крупного купечества. Основными проводниками ее были ярмарки. Важнейшие из них в первой четверти XVIII в. — это Макарьевская ярмарка под Нижним Новгородом и Свенская ярмарка у стен Свенского монастыря близ Брянска.

Разумеется, наряду с ними функционировала огромная сеть мелкой ярмарочной торговли по всей России. Однако насыщенность торговыми операциями тех или иных районов была различной. Самым насыщенным был огромный регион Промышленного Центра России.

Косвенным показателем интенсивности движения товаров могут служить размеры годовых сумм таможенных платежей, поскольку при Петре I продолжала действовать разветвленная сеть внутренних таможен. По данным за 1724–1726 гг., из внутренних провинций наибольшую сумму сборов (141,7 тыс. руб.) имела Московская провинция, что намного превосходило сборы в остальных районах. В Нижегородской провинции сбор был равен 40 тыс. руб., в Севской провинции — 30,1 тыс. руб., в Ярославской провинции — 27,7 тыс. руб. Далее идут Новгородская провинция (17,5 тыс. руб.), Калужская (16,5 тыс. руб.). Симбирская (13,8 тыс. руб.). Орловская (13,7 тыс. руб.). Смоленская (12,9 тыс. руб.) и Казанская (11 тыс. руб.) (подсчет наш. — Л. М.). В остальных российских провинциях интенсивность товарооборота в основном в 2–3 раза слабее (3–

6 тыс. руб. таможенных сборов).

Для развития торговли Петр I предпринимает строительство ряда каналов, объединяющих водные пути разных речных бассейнов. Так, в 1703–1708 гг. был построен Вышневолоцкий канал, в 20-х гг. через Ивановское озеро были соединены бассейны рек Оки и Дона, выполнены проекты Тихвинского и Мариинского каналов, начато строительство Волго-Донского канала. Правда, последняя стройка заглохла, но была сооружена оборонительная линия, преградившая путь набегам ногайских орд на русские селения Поволжья.

Огромную роль в экономике России Петровской эпохи стала играть внешняя торговля. До 1719 г. порт Архангельска имел годовой оборот 2 млн 942 тыс. руб. (из них экспорт 74,5 %). К 1726 г. оборот Петербургского порта достиг 3 млн 953 тыс. руб. (экспорт около 60 %). Правда, оборот Архангельска упал к этому времени примерно в 12 раз.

Традиционным центром торговли со странами Востока была Астрахань. В середине 20-х гг. XVIII в. таможенный годовой сбор достигал здесь 47,7 тыс. руб. Если назвать сумму такого сбора по Петербургу (218,8 тыс. руб.), то станет ясно, что обороты астраханского порта были раза в четыре меньше. Но вместе с тем одних «рыбных пошлин» здесь платили до 44,2 тыс. руб., что почти не уступает таможенному сбору и подчеркивает огромную роль астраханских рыбных промыслов.

Особо следует отметить возрастающую роль Рижского порта, годовой оборот которого в середине 20-х гг. был свыше 2 млн руб. (сумма таможенных сборов 143,3 тыс. руб.). Он стал важнейшим после Петербурга центром внешней торговли России, открывшим путь к европейскому рынку огромному юго-западному региону страны. Через Западную Двину за рубеж пошли большими партиями такие громоздкие товары (невыгодные в сухопутном торге), как пенька, лен, парусина, кожи, сало, мед, воск, зерно и т. п. Ведь в те времена торговый путь по Днепру был тупиком не только из-за днепровских порогов, но и из-за враждебности сопредельных государств. Впрочем, в Левобережной Украине был ряд городов, имевших зарубежный торг через осевших там греческих торговцев и местное купечество (Киев, Нежин, Чернигов и др.).

На Балтийском побережье Россия стала использовать и такие порты, как Ревель (таможенный сбор 15,7 тыс. руб.), Нарва (10,4 тыс. руб.), Выборг (13,9 тыс. руб.).

Казенные товары и торговые монополии. Внешняя торговля играла очень существенную роль в доходах казны. При Петре Iчисло товаров, которыми торговала только казна, заметно возросло. Это не только икра,

рыбий клей, ревень, смольчуг, поташ, но и пенька, семя льняное и конопляное, табак, юфть, мел, соль, деготь, ворванное и квашеное сало, воловья шерсть, щетина, рыбий жир и др. Купцы, когда могли, откупали у казны право торговли тем или иным товаром и становились монополистами. Нередко царь и сам раздавал такие монопольные права. Так, А. Д. Меншиков имел монополию на вывоз дегтя, тюленьих шкур и архангельских рыбопродуктов. С 1719 г. список казенных товаров стал быстро сокращаться. При неурожае государство запрещало вывоз за границу хлеба (правда, торговля зерном была еще очень невелика). Запрещен был вывоз за рубеж украинской селитры.

Уже в ходе строительства крупных мануфактур Петр I стремился защитить молодое предпринимательство, отдельными указами запрещал ввоз из-за рубежа той или иной продукции. Запрет ввоза металлических игл последовал сразу вслед за постройкой игольного завода Рюминых и И. Томилина. Стоило наладить русское производство полотна, изделий из шелка и чулок, как тотчас ввоз этих товаров из-за рубежа был запрещен. В интересах отечественной суконной промышленности запрещен был вывоз шерсти. Покровительственная по отношению к русским промышленникам политика (совпадающая с принципами меркантилизма) завершилась созданием Таможенного тарифа 1724 г. Этот интереснейший законодательный акт был весьма гибким инструментом торговой и промышленной политики. Он ставил прочный заслон от проникновения даже высококачественных изделий западных стран, если отечественная промышленность вполне удовлетворяла внутренний спрос (пошлина в этом случае составляла 75 %).

Этот тариф, конечно, не отвечал потребностям дворянства, заинтересованного в иностранных товарах, да и купечество хотело иных тарифов. В 1731 г. был принят иной тариф, не имевший столь ярко выраженного покровительственного характера.

§ 5. Положение крестьянства, дворянства и купечества

Крестьяне. Тяжелейшее бремя форсированного развития экономики страны, да еще в период тяжелой войны несла, конечно, основная масса населения — крестьянство, составлявшее в это время 92 % всего населения страны и разделенное феодальными распорядками на целый ряд категорий (государственные, дворцовые, монастырские и помещичьи).

Внедрение капиталистических технологий в феодальную страну

вызвало к жизни еще более тяжелые и изощренные разновидности крепостного состояния: «купленные» к заводам (посессионное крестьянство), «вечно отданные» и т. п.

Расселение крестьян на территории страны к концу первой четверти XVIII в. сложилось следующим образом.

Если государственные крестьяне жили в основном в Черноземье (342 тыс. душ муж. пола — д.м.п.), Среднем Поволжье (336 тыс.), Приуралье с Сибирью (292 тыс.) и на севере Европейской России (около 120 тыс.), то помещичьи крестьяне были сосредоточены в историческом Центре страны. В Центрально-промышленном регионе их насчитывалось 1 млн 465 тыс. Заметно меньше помещичьих крестьян было в Центрально-земледельческом регионе (893 тыс.). Наибольшее число крепостных крестьян сосредоточено было в будущих Орловской, Тульской, Курской и Рязанской губерниях. Почти вдвое слабее была населена Тамбовщина, а освоение будущей Воронежской губернии при Петре I, по существу, только начиналось (38 тыс.) и основным тормозящим фактором заселения была, несмотря на оборонительные линии, опасность крымско-татарских и ногайских набегов с юга. В силу этой же причины очень слабо заселялись регионы Саратова и Астрахани (в будущей Саратовской губернии было всего 1,1 тыс. помещичьих крестьян и около 500 государственных). Когда в 1718–1720 гг. после жестокого рейда кубанской орды ногайцев, проникших вплоть до Пензы, Петром I была построена между Царицыном и Доном укрепленная черта (земляной вал и ров с оборонительными городками), в регионе сразу же стала «селитьба умножаться» и появилось земледелие («ныне хлеб довольно родится»). «И тако з божьею помощию Низовая Украина от тех кубанских набегов успокоена». Очень мало помещичьих крестьян было на севере Европейской России — всего чуть более 68 тыс. д.м.п. (Олонец, Архангельск и Вологда). Зато на Северо-Западе (в регионе Петербурга, Новгорода, Пскова) их было свыше 254 тыс. д.м.п. Дворцовых крестьян было в России в целом 509 тыс. д.м.п.

На особом положении была Прибалтика, давшая приращение населения России всего около 278 тыс. д.м.п. Население Левобережной Украины в пределах Киевской губернии, поделенной на десять полков, составляло 220 282 д.м.п. (включая казацких вдов). Из них посполитых (крестьян) было 106 тыс. д.м.п., а казаков около 69 тыс. д.м.п. Наконец, в землях Войска Донского было всего 29 тыс. д.м.п. вольных казаков. Края эти постоянно подвергались набегам и поэтому обживались с большим трудом.

Таким образом, в конце XVII — первой четверти XVIII в. интенсивно

осваивались, главным образом, земли Центрально-земледельческого региона и Среднего Поволжья (2,3 млн д.м.п.) и лишь отчасти Северного Приуралья (Вятская и Пермская губернии — 277 тыс. д.м.п.) и Сибири (будущие Тобольская, Томская и Иркутская губернии имели свыше 241 тыс. д.м.п., а так называемое иноверческое население достигало 717 тыс. душ). В будущей Оренбургской губернии крепостных крестьян было всего 16 тыс. д.м.п. и свыше 92 тыс. д.м.п. неподатного населения. В итоге в России в целом к началу 20-х гг. XVIII в. общая численность населения была равна 15,6 млн человек (подсчет по данным В. М. Кабузана).

В конечном счете совершенно очевидно, что, несмотря на всю привлекательность плодороднейших, безлюдных, хотя и засушливых южных районов Причерноморья, освоение их Россией было еще делом преждевременным и непосильным. Надо было обладать в Причерноморье не только людскими ресурсами, продовольственной и промышленной базами, но и гораздо более могучими военными силами, чем те силы, которые создал Петр I, чтобы выйти не только в Черное море, но и добиться возможности прохода судов через проливы. А этому противилась не только Турция, но и Европа.

Поэтому переориентация Петра I на освоение Балтийского побережья не была случайной, хотя поворот экономики страны на выход к балтийским портам был сопряжен в свою очередь с громаднейшими трудностями.

Одна из них — необходимость строительства и усовершенствования водных путей и выхода их к новому Петербургскому порту. Десятки тысяч крестьян, насильно мобилизованных государством, в течение многих лет рыли огромные каналы, строили верфи, шлюзы и плотины, мостили дороги, строили большое количество крепостей, заводов, фабрик. В болотах и болотистых равнинах в устье Невы огромные массы крестьян, собранных со всей страны, строили новую столицу России Санкт-Питербурх.

Крестьяне России составляли и основной костяк армии и отчасти флота. В период с 1699 по 1714 г. в армию было забрано свыше 330 тыс. даточных людей и рекрутов. А ведь это были, как правило, самые крепкие и самые активные по характеру люди. С 1705 г. одного рекрута забирали от 20 дворов, что для крестьянства было немалой нагрузкой на людские ресурсы. Лишь с 1714 г. норма снизилась: один рекрут от 40 дворов, а с 1715 г. даже от 75 дворов.

На государственных крестьян легла особо тяжелая в период Северной войны подводная повинность, доставка в армию продовольствия, фуража, боеприпасов и вооружения. Десятки городских посадских общин, не говоря

уже о крестьянах, несли постойную повинность, помещая в свои дома офицеров, солдат, рекрутов, снабжая кормом лошадей и т. п.

Организация основной системы водного транспорта, сводящаяся главным образом к подъему судов против течения рек, вызвала к жизни все время возрастающий отход больших масс крестьянства на речной судоходный промысел. С далекого Урала накопленный за целый год запас железной продукции на тысячах подвод подтягивался к рекам и речкам, мало-мальски пригодным к сплаву, погружался в суда и барки и по весенней воде буквально в 12–15 дней спускался по Чусовой и Каме в Волгу. Опоздаешь — жди следующего года.

Тяжесть труда, жестокие условия вечно скитальческой, полевой жизни на работах, недостаток питания — все это уносило тысячи и тысячи жизней. Казалось бы, цель была предельно проста: взять у Западной Европы передовую технику и технологию. Но на деле это обернулось резким ужесточением крепостного режима, появлением на свет такого феномена, как промышленный труд на крепостной основе.

Есть основания предполагать, что первое десятилетие Северной войны привело к заметному сокращению населения страны. С 1678 по 1710 г. податное население сократилось (в дворовом исчислении) с 791 тыс. дворов до 637 тыс. В районах, ближайших к военным действиям, эта убыль доходила до 40 %.

К концу второго десятилетия, по данным первой ревизии 1718–1722 гг., общее число всех крестьян России, платящих государственную подать, составило 6 552 377 душ муж. пола. Из них только помещичьих крестьян было 3 193 085 д.м.п. Введенная Петром I подушная подать для огромного числа государственных крестьян (1 млн 700 тыс. д.м.п.) означала резкое увеличение платежей. Ведь помимо обычного семигривен-ного подушного оклада на них возложили «вместо помещикова дохода» еще четыре гривны. Иначе говоря, государственные крестьяне стали платить и налог, и феодальную ренту (оброк) в пользу государства точно так же, как платили оброки и выполняли барщину помещичьи крестьяне.

Механизм взимания подушной подати был сведен к тому, что после первой ревизской переписи населения, а она учитывала поголовно все мужское население, было введено понятие «ревизская душа». Попав в государственные фискальные документы («ревизские сказки» и сводные ведомости), такая «душа» платила подати вплоть до следующей ревизии («платила» она даже, если человек умер).

Реально размеры платежей с каждого крестьянского двора устанавливала, исходя из спущенной сверху суммы, крестьянская община

(ведь формально подать платили и груднички-мальчики и глубокие старики). В действительности же платежи государству были выше и усугублялись произволом и лихоимством сборщиков податей. Так, крестьяне Иверского монастыря в Старорусском уезде за 1700–1708 гг. фактически заплатили с каждого двора по 16 руб. 12 коп. В 1719 г. в кашинской вотчине П. Бутурлина итоговые затраты двора на казну достигали 15 руб., а в его воротынской и перемышльской вотчинах — 12 руб. в год. У помещичьих крестьян, платящих в казну подать в 74 коп. с души м.п., были немалые повинности в пользу своего феодала-владетеля. Помещичий оброк был часто равен не 40 коп., а выше. Основная масса крестьян (около 62 %) помимо оброка выполняла на помещика и барщинные работы. Там же, где был денежный оброк, крестьяне поставляли помещику еще и столовые припасы, то есть снабжали говядиной, бараниной, курами, яйцами, гусями, утками, маслом, медом, грибами, орехами, холстом и т. п.

Самым тяжелым для крестьян была помещичья барщина, особенно в период летних работ. На барина пахали и сеяли в лучшее для этого время, жали хлеб в первую очередь. Для себя же крестьянин сеял позже и убирал позже, когда хлеб уже осыпался или был побит непогодой. Да и времени на себя крестьянину оставалось очень мало.

Вполне логично, что бремя эксплуатации крестьяне часто не выдерживали и пускались в бега. И, конечно, бежали на юг: туда, где была воля, туда, где было больше земли, туда, где было теплее. Только за 1719–1727 гг. было зафиксировано при проверке ревизии 198,8 тыс. душ беглых крестьян. Однако уже к концу правления Петра I система сыска была столь сильна, что довольно часто беглого возвращали владельцу. Кроме того, целая серия указов ужесточила наказание за утайку беглого крестьянина, начиная от штрафа и до ссылки на галеры. В 1700–1710 гг. было издано 6 указов о беглых, в 1711–1720 гг. — 10 указов, а в 1720–1725 гг, — 30 указов. Система выделения в каждой вотчине сотских, пятидесятских и десятских ввела неусыпный контроль над каждым крестьянским домом, фиксируя ежедневно появление каждого постороннего.

Города и купечество. По данным И. К. Кирилова, в первой четверти XVIII в. в России было 336 городов. В 125 из них были деревянные, а изредка и каменные крепости. Свыше 30 городов имели земляные укрепления и валы. Остальные города либо вообще не имели укреплений, либо утратили их в результате пожаров. Часть городов представляла собой просто военные крепости. Торгово-промысловое население было лишь в 189 городах России. В начале XVIII в. население городов было небольшим,

да и сами города, как правило, были невелики. По итогам первой ревизии с восполнением всех сокрытий податное городское население (торгово-промысловая его часть) насчитывало всего 295 793 человека муж. пола (включая сюда Левобережную Украину). Таким образом — посад составлял лишь около 3–4 % населения страны. В среднем на один город приходилось чуть более 1,5 тыс. человек муж. пола. Более двух тысяч человек муж. пола имело в России лишь три десятка городов. Торгово-промышленное население Москвы по первой ревизии составляло 13 673 человека муж. пола, в Ярославле — 8484 человека муж. пола, Калуге — 6400 человек муж. пола, Волхове — 3746 человек муж. пола, Олонце — 3656 человек муж. пола, Архангельске с Холмогорами — 2875 человек муж. пола, Твери — 2846 человек муж. пола, Орле — 2773 человека муж. пола, Вологде — 2622 человека муж. пола, Угличе — 2576 человек муж. пола, Новгороде — 2570 человек муж. пола.

Русские города были, как правило, без плотной застройки. Точнее, такая застройка занимала лишь центр города. В остальной части это были довольно просторные, раскидистые поселения с многочисленными садами, огородами. В малых городах были и пашни, и выгоны для скота.

Распределение посадского населения по регионам (в рамках границ будущих екатерининских губерний) было следующим. В Центрально-промышленном регионе (7 губерний) насчитывалось 80 151 человек муж. пола (3,5 % всего населения региона). Наибольшая численность посадского населения приходилась на Московскую (5,3 %), Ярославскую (4,25 %), Калужскую (4 %) и Тверскую (3,9 %) губернии. Меньше всего посадских было во Владимирской (1,9 %) и Нижегородской (2,3 %) губерниях. Вместе с тем именно в этом регионе еще с XVII в. большое развитие получили торгово-промысловые села.

Примерно тот же удельный вес городское податное население имело и в Центрально-земледельческом регионе (54 572 человека муж. пола, или 3,5 %). На первом месте здесь идут Тульекая (6,4 %), Воронежская (4,58 %) и Орловская губернии (4,1 %). Меньше всего численность посадского населения была в Курской (2 %) и Рязанской (2,2 %) губерниях. Для северо-запада России (будущие Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонецкая губернии) наибольший процент посадского населения был равен 5 % (в Олонецкой даже 6,6 %). Однако в последнем случае повышение доли городского податного населения объясняется общей слабой заселенностью края. То же самое характерно и для Нижнего Поволжья, где посадское население достигло 9,2 % (а в пустынной Саратовской губернии даже 66 %!). Особенно высок в силу тех же причин

удельный вес городского податного населения в Восточной Сибири (Томская губерния — 14 %, а Иркутская — 20 %). Вековые порядки городского самоуправления местечек во многом объясняют высокий удельный вес податного населения в Левобережной Украине (7 %).

Хотя в целом доля городского населения в России оставалась очень небольшой, фактическая населенность городов была существенно большей из-за сезонного притока в город торгово-промыслового крестьянства. Формально не принадлежа к городскому населению, многие тысячи крестьян существенную часть года жили и работали в городах.

К сожалению, нет полных данных о неподатной, привилегированной части населения городов России. Ее долю можно определить лишь очень приближенно. По наиболее полным данным, доля неподатного населения всей страны (по первой ревизии) достигала 6,1 %, или 444 тыс. человек муж. пола. В городах, конечно, жила только часть его. В наиболее крупных городах доля неподатного населения могла быть большей. Так, в 1701 г. в Москве податное население посада составляло около 42 % (6903 двора), а неподатное население — 53,7 %. В Твери неподатная часть населения достигала в 1728 г. 31,1 /о. Разумеется, в большинстве городов России неподатное население было очень небольшим. Но в южных городах России его доля резко возрастала за счет военного люда. В так называемых аграрных городах большинство населения составляли люди, занимающиеся «черною и огородною работой».

Как уже говорилось, в конце XVII в. посадская структура управления подверглась существенным переменам. Земские старосты, таможенные и кабацкие головы сменились бурмистрами и земскими избами, в Москве появился главный для всех посадов России орган управления — Бурмистерская палата, или Ратуша. Все денежные сборы были изъяты у воевод и шли в Бурмистерскую палату. Но в 1708–1710 гг. земские выборные бурмистры стали подчиняться губернаторам, а сбор налогов перешел к губернским канцеляриям. «Храмина российского купечества» была «рассыпана». Примерно через 8 лет снова грянули перемены. Были созданы городские магистраты. Выборы в них проходили под наблюдением местных губернаторов, а итоги утверждали в столице, в Главном магистрате. Бурмистры и ратманы выбирались пожизненно, а за заслуги могли быть пожалованы в шляхетство (т. е. в дворянство).

Магистраты вели статистический учет населения, распределяли налоги и повинности, размещали войска на постой, следили за деятельностью предприятий города, руководили избранием городских старост и старшин, устраивали ярмарки и т. п. В магистратах велись и

решались уголовные дела, различного рода тяжбы, магистраты контролировали процедуры взвешивания и измерения габаритов товаров и т. д. На магистраты была возложена функция контроля въезда и выезда из города, паспортный контроль и т. п. В 1727 г. магистраты вновь превратили в ратуши.

По регламенту Главного магистрата 1721 г. все население делилось на неподатное и податное. К первым относились дворяне, духовенство, военные, иностранцы и наиболее искусные ремесленники, получившие статус мастера (с момента организации цехов). Остальное население города, платящее государству подать в 1 руб. 20 коп. делилось на «регулярное» и «подлое». К регулярному, состоящему из двух гильдий, относились наиболее состоятельные люди. К первой гильдии были причислены наиболее крупные купцы, ростовщики, а также серебряники, золотари, иконники, живописцы, аптекари, доктора и т. д. Во вторую гильдию входили мелочные торговцы и ремесленники. С 20-х гг. в особую организацию — цехи выделились ремесленники, куда входили уже упомянутые мастера, а также подмастерья и ученики. Остальной люд города — «кормящиеся черною работою», лишенные права участвовать в посадском самоуправлении.

Купцы и ремесленники судились в своих городских магистратах, однако купцы-промышленники, владельцы мануфактур подлежали суду в Берг-коллегии и в Мануфактур-коллегии. Более того, они освобождались от казенных и городских служб.

Положение торгово-ремесленной части города в эпоху Петра I было необычайно тяжелым. На посад, как и на крестьянство, были взвалены большие налоги и повинности. С начала века наряду со старыми налогами (стрелецкие, ямские, полонянич-ные деньги и т. п.) были возложены и новые (драгунские деньги, корабельные, рекрутские и т. п.). Кроме постоянных, хотя и менее многочисленных налогов горожан донимали разного рода «запросные сборы».

На купцов и торговцев города и деревни при Петре обрушилось множество новых платежей, изобретенных специальными «прибыльщиками». Например, знаменитые петровские взимания за ношение старой русской одежды, за ношение бород (с купцов — по 100 руб., с дворян — по 60 руб., с простых горожан — по 30 руб.). С крестьян за бороду брали при въезде и выезде из города по одной деньге. Вместе с тем были упорядочены торговые сборы. Пестрота их сменилась единой «рублевой пошлиной» (5 % с цены сделки). Тяжким бременем на посадской общине лежали различного рода мобилизации на работы и

службы в казенных и городских структурах.

Многолетний тяжелейший налоговый пресс и груз повинностей привели к тому, что в начале века население городов, как и крестьянство, стало изрядно убывать (начиная с 1678 г. примерно на 10 %). Лишь к концу правления царя-преобразователя уровень городского населения стал постепенно восстанавливаться.

Дворянство. По неполным и не вполне точным данным, в конце XVII в. дворян-землевладельцев было свыше 15 тыс. человек. В их собственности было, по явно заниженным сведениям, 360–380 тыс. дворов. У духовенства в конце XVII в. было 126–146 тыс. дворов.

Уже к концу XVII в. резко выделяется очень небольшое число крупнейших землевладельцев и собственников крепостных душ. По 500 дворов и более имело всего 69 человек (0,46 %), а владельцев 1–2 тыс. дворов было всего 13 человек (0,09 %). Самых же крупных магнатов, имевших более 2 тыс. дворов, было всего 5 человек (из них князь М. Я. Черкасский имел более 9 тыс. дворов). В число двух десятков крупнейших душевладельцев входили представители старинных княжеских кланов: П. А. Голицын, П. М. Долгорукий, Ю. Ю. Одоевский, Я. Н. Одоевский, А. П. Прозоровский, П. И. Прозоровский, Н. И. Репнин, Н. П. Репнин, И. Т. Троекуров и др. К ним примыкали менее родовитые, но близкие царю Петру родичи (Нарышкины — свыше 7 тыс. дворов, Лопухины — свыше 3 тыс. дворов и т. д.). В 1696–1698 гг. дворян, владевших 100 и более дворами, было 535 человек (3,5 %). У них было 45 % всех дворов (170 тыс. дворов). Оценивая населенность двора в 6 душ муж. пола, мы получим общее число душ муж. пола крепостных у этой группы дворян в 1 млн 20 тыс. душ муж. пола (что, видимо, близко к истине).

К сожалению, данные о владении крепостными крестьянами не могут быть дополнены сведениями о землевладении, поскольку специфичность российского общества состояла, в частности, в том, что очень многие земельные владения были совместными или частично совместными для двух, трех, четырех и более помещиков.

Тем не менее основная особенность в развитии дворянского земле— и душевладения за четверть века видна довольно четко. Прежде всего размеры крупнейшего душевладения остались почти неизменными. Эта группа дворянства в 1719–1727 гг. насчитывала 617 человек, и, видимо, увеличение ее произошло за счет ближайшего окружения царя. У него к началу 20-х гг. было 788 тыс. душ муж. пола, что в переводе на дворы, считая на двор по 4 души муж. пола, составит примерно 197 тыс. дворов. В среднем на владельца придется по 319 дворов (или 1277 душ муж. пола).

При очень незначительном увеличении этой группы характер распределения крепостных душ не изменился (как, вероятно, не изменилось и землевладение).

Разумеется, рост дворянского душевладения и землевладения шел за счет государственного и дворцового крестьянства. За 28 лет с 1682 по 1710 г. было роздано 273 дворцовые волости, в которых находилось 43,9 тыс. дворов. Петр I в начале века щедро одаривал своих приближенных отнюдь не знатного происхождения (А. Д. Меншиков до 1710 г. получил 2157 дворов, Б. П. Шереметев — 2408 дворов, адмирал Ф. А. Головин — 110 дворов, В. Брюс — 634 двора и т. д.). Проводя широкие дипломатические маневры, Петр I одаривал и знатных иммигрантов (грузинский царь Арчил Вахтангович получил 3,3 тыс. дворов, молдавский господарь Дм. Кантемир — 700 дворов, сыновья князя М. Я. Черкасского — 7 тыс. дворов; получили русских крестьян грузинские князья Дадиановы, Багратиони, Мансвеловы и т. п.). К концу правления Петра I его фаворит, светлейший князь А. Д. Меншиков, приобрел всеми правдами и неправдами около 100 тыс. душ муж. пола. Есть мнение ученых, что только из дворцового фонда Петр I роздал около 175 тыс. душ муж. пола. За 1719–1727 гг. есть данные и о среднем слое дворян-землевладельцев, имевших от 100 душ муж. пола до 500 душ муж. пола. Их было 5019 человек (7,9 %). В то же время помещиков, имевших не более 100 душ муж. пола, в начале 20-х годов насчитывалось 58 835 человек, что составляло 91,3 % всех землевладельцев в Европейской России. Среди них подавляющая масса помещиков была мельчайшими душевладельцами (не более 20 душ муж. пола, имели 38 310 человек, или 59,5 %). Но им принадлежало всего-навсего 304 874 души муж. пола, или 9,5 % всех крепостных помещичьих крестьян.

Здесь мы сталкиваемся с главной особенностью в развитии класса дворян, заключающейся в резком увеличении его численности (хотя определять точные цифры роста рискованно). К 1719–1727 гг. общее число землевладельцев в России достигло 64 471 человека (с конца XVII в. увеличение в 2–4 раза). Вполне понятно, что интенсивная колонизация и земельные приобретения России в первой четверти XVIII в. лежат в основе столь стремительного увеличения дворянства. Ряды петровского дворянства, видимо, в немалом числе пополнили ратные люди. Наконец, еще один немалый источник роста мелких душевла-дельцев состоял в процессе дробления поместий.

Во всяком случае изданный 23 марта 1714 г. указ о единонаследии был продиктован реальными процессами в среде господствующего класса. Петр

I стремился прекратить стихийное измельчание поместий введением правила передачи поместья только одному из сыновей (а если в семье лишь одна дочь, то ей) с тем, чтобы остальные шли на государственную, гражданскую или военную службу. Однако дворяне дружно игнорировали нововведение, и уже в 1730 г. оно было отменено. Зато другое положение указа о единонаследии было решительно поддержано. Речь идет об окончательном уравнении статуса поместья со статусом вотчины. Несмотря на то что в этой части указ практически осуществлен был лишь в 30-е гг. XVIII в., он имел громадное значение в укреплении материального и социального статуса широких кругов дворянства и прежде всего того мелкого и мельчайшего дворянства, которое получало в раздачу вновь осваиваемые земли Юга и Среднего Поволжья.

Уравнивание статуса поместья и вотчины имело немалое экономическое значение, стимулируя развитие вотчинного господского хозяйства. Ведь в XVII в. в большой части поместий, особенно мелких, не было господских усадеб, т. е. не было собственно господского хозяйства. С указом 1714 г. появился стимул для роста числа таких хозяйств. В первой четверти XVIII в. появляются первые хозяйственные инструкции владельцев поместий для их управителей-приказчиков.

Среди важнейших событий в жизни российского дворянства Петровской эпохи было принятие 24 января 1722 г. «Табели о рангах» — государственного закона, создавшего своеобразную иерархию служебных разрядов и систему продвижения государственных чиновников, военных и лиц, состоящих при царском дворе. Все должности были поделены на две категории: военные и штатские. В каждой из категорий было 14 рангов, или классов, строго соотносящихся между собой, каждая штатская должность имела определенный военный эквивалент. Первый ранг во всех категориях был высшим (генерал-фельдмаршал, генералиссимус, адмирал, генерал-адмирал, генерал от инфантерии, от артиллерии, от кавалерии, а также канцлер, а позднее действительный тайный советник). Последний, 14 класс составляли соответственно должности корнета, прапорщика и коллежского регистратора. Отныне принцип приоритета знатности и родовитости при занятии должности навсегда уступил место принципу выслуги и полной последовательности прохождения всех рангов.

Петр I вводит ряд мер, заставляющих дворян соответствовать тем рангам, которые они в силу обязательной службы должны были занимать. С 1714 г. все дворянские дети должны были обучаться цифири и геометрии. Хотя большинство дворян должны были начинать воинскую службу с солдатского «фундамента», перед ними была открыта дорога в Морскую,

Артиллерийскую и Военную академии. Служба в привилегированных полках (Преображенском, Семеновском и др.) тоже служила своего рода образовательным этапом в карьере. Функции контроля за дворянской службой и обучением выполняли дворянские смотры (например, смотры 1721–1722 гг.) и герольдмей-стерская служба.

С «Табелью о рангах» чиновничий класс резко обособился от низшей бюрократии. При Петре I чиновник начиная уже с 14-го класса получал личное, а с 8-го класса — потомственное дворянство. Для военных чинов потомственное дворянство обреталось уже с 12-го класса.

Чиновники всех рангов так же, как и дворяне-землевладельцы, входили в разряд неподатных групп населения. Вся эта группа населения составляла, включая сюда женщин в количестве, равном числу мужчин, всего лишь примерно 7–8 % населения России. А ведь основная часть ее являлась своего рода несущем конструкцией всейструктуры самоорганизации общества, выполняла все государственные функции (административное и хозяйственное управление, судебно-правовое регулирование, финансы, внутренняя и внешняя безопасность, религиозно-культовые функции и т. д.). Столь незначительная численность этого слоя ярко отражает крайнюю упрощенность самой системы самоорганизации российского общества. Такая упрощенность была прямым следствием слабого развития производительных сил, следствием низкого объема получаемого обществом совокупного прибавочного продукта. Даже в канун реформы 1861 г. на долю этих групп общества приходилось всего около 12 % населения страны.

И не случайно, что в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи резче всего проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная. А государственные рычаги, несущие функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления. Это, видимо, составляло важнейшую особенность российской государственности.

Констатация примитивности структур самоорганизации российского общества еще резче подчеркивает колоссальную эффективность петровских преобразований, приведших к резкому подъему важнейших отраслей промышленности, наращиванию военной силы государства и созданию пространственно-географических условий своего экономического развития. Немалую роль в этом наряду с народом-тружеником, с крестьянством, сыграло и российское дворянство.

Глава 3. Реформы органов управления и суда

§ 1. Губернская реформа

Мы уже упоминали о том, что во второй половине XVII в. и особенно на грани XVII–XVIII вв. в системе центральных государственных учреждений происходили частичные изменения. Часть центральных приказов, общее число которых приближалось к 70, сливалась в более крупные образования, часть же создавалась заново. Изменения эти касались прежде всего группы приказов военно-оборонительного профиля и территориально-региональных приказов. Так, слились с Посольским приказом Приказ Великой России, Малороссийский приказ, Приказ Великого княжества Смоленского и так называемые четверти: Новгородская, Галицкая, Владимирская и Устюжская. С Приказом Большого дворца слились Конюшенный приказ, Дворцовый судный приказ и Приказ каменных дел. Создание Бурмистерской палаты (с 1 сентября 1699 г. она стала называться Ратушей) и придание ей функций центрального финансового учреждения привело к окончательной ликвидации областных финансовых органов (четвертей) и изъятию финансовых операций из сферы действия нового объединенного Посольского приказа, а также Разрядного приказа, приказов Большогодворца и Казанского дворца. Вместе с тем финансовые функции все еще оставались у Приказа Большой казны и др. К 1708 г. Ратуша собирала около половины всех доходов казны.

Надо отметить, что изменения в центральных органах до 1712–1715 гг. носили спонтанный характер и далеко не всегда давали необходимый результат. Это объясняется тем, что все силы и внимание самодержца занимала тяжелейшая война. Так, созданный для управления «потешными полками» Преображенский приказ лишь постепенно, под влиянием событий превратился в главный орган политического сыска. Так или иначе в связи с войной появились Адмиралтейский и Военный приказы, Приказ рудокопных дел и т. д.

Первой попыткой кардинальных административных реформ была губернская реформа 1708–1710 гг. Страна была разделена на 8 губерний, далеко не одинаковых по размеру территорий (Петербургская, Архангелогородская, Смоленская, Московская, Казанская, Киевская, Азовская и Сибирская). Во главе губерний стояли генерал-губернаторы (в

Петербургской — А. Д. Меншиков, в Азовской — Ф. М. Апраксин) и губернаторы (в Московской — Т. Н. Стрешнев, в Смоленской — П. С. Салтыков, в Киевской — Д. М. Голицын и т. д.). Разумеется, на должностях губернаторов были особо доверенные лица из окружения царя. Глава губернии, сосредоточивший в своих руках высшие военные и гражданские функции, имел помощника (вице-губернатора), обер-коменданта, ведавшего военными делами, обер-комиссара и обер-провиантмейстера (в их руках были денежные и хлебные сборы), а также так называемого ландрихтера, в руках которого было правосудие. Губернии первоначально делились на «уезды» с «комендантом» (т. е., по-старому, воеводой) во главе. Однако губернская канцелярия явно не справлялась с множеством уездов, и поэтому вскоре введена была новая, как бы промежуточная административная единица, «провинция», во главе с обер-комендантом. В 1713–1714 гг. появилось еще 3 губернии (Нижегородская, Астраханская и Рижская). С 1712 г. губернии стали делиться на провинции, а с 1715 г. провинции делились уже не на уезды, а на «доли» во главе с ландратом (в каждой доле должно было быть по 5536 дворов). Ландрат был лицом выборным от дворян, хотя всецело подчинялся высшей инстанции. Спустя некоторое время вместо «доль» появились «дистрикты», в каждом из которых теперь должно было быть 2 тыс. дворов. Заметим, что при проверке итогов первой ревизии военной администрацией появился еще один дистрикт — полковой, где размещался тот или иной полк, на содержание которого шли налоги данного дистрикта.

В провинции основными административными звеньями были комендант, камерир, организующий сбор налогов, и рентмей-стер, возглавлявший местное казначейство (рентерею). В провинции были также канцелярии рекрутских дел, розыскных дел, таможенная изба, канцелярия вальдмейстера (по охране лесов) и др. В дистриктах земские комиссары в первую очередь отвечали за сбор налогов и выполняли полицейские функции, разыскивали беглых солдат и крестьян, боролись с преступниками, чинили дороги, мосты и т. п.

§ 2. Сенат и коллегии

Знаменитый Сенат был «рожден» Петром I как бы экспромтом. Отправляясь в Прутский поход в феврале 1711 г., Петр обнародовал указ: «Определили быть для отлучек наших правительствующий Сенат, для управления…» Состав его был невелик (9 сенаторов), да и создан он был

вроде как временно. Вдогонку первому указу 2 марта пришел второй с перечнем полномочий (попечение о правосудии, устройстве государственных доходов, об общем управлении, торговле и хозяйстве). Вскоре Сенат стал высшим судебным и управленческим органом. Поначалу Сенат был коллегиальным органом из 9 сенаторов, обладающих равными голосами. Связь Сената с губерниями осуществляли губернские комиссары.

Практически одновременно с Сенатом Петр I основал новый контрольно-ревизионный институт так называемых фискалов. Это была целая армия официальных лиц, действующих тайным образом и выявлявших все неправедные действия, наносившие ущерб государству (казнокрадство, взяточничество, нарушение законопорядка и т. д.). Во главе всех фискалов стоял обер-фискал при Сенате. У него в подчинении было 4 фискала (два от купечества и два от дворянства). При губернских правлениях было также по 4 фискала, в городах — один-два фискала. Фискалы не получали жалованья, в награду за труды им полагалась в первые годы половина, а потом треть конфискованного имущества.

Фискалы все свои наблюдения отправляли в Расправную палату, откуда дела поступали в Сенат. Над самим Сенатом с 1715 г. надзирал специальный сенатский генерал-ревизор, а с 1721 г. контроль вели помесячно штаб-офицеры гвардии.

Постепенно пробивала себе дорогу и такая форма государственного управления, как коллегия. Еще в 1711 г. рудокопный офицер Иоганн Блиер подал проект организации особой коллегии для руководства горной промышленностью. В следующем году появились проекты организации Коммерц-коллегии и Ре-визион-коллегии, а в 1715 г. Коммерц-коллегия стала уже функционировать. Тогда же, в 1715 г., начата была проработка вопроса об организации центральных органов управления и изучение опыта Дании, Швеции и Австрии. Три наиболее важные коллегии (Военная, Адмиралтейская и Иностранная) стали работать уже в 1718 г. Всего было учреждено 11 коллегий (остальные восемь: Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, Коммерц-коллегия, Камер-коллегия, Штате-контор-коллегия, Вотчинная коллегия, Ревизион-коллегия и Юстиц-коллегия). Структура и функции коллегий вплоть до организации делопроизводства, процедуры заседаний были подробно разработаны в Генеральном регламенте и регламентах отдельных коллегий. Так была заложена основа унификации и бюрократизации государственного управления.

К числу центральных учреждений должен был принадлежать Синод, или Духовная коллегия. В свое время по совету Алексея Курбатова, одного из первых изворотливых царских «прибыльщиков», после смерти

патриарха Адриана царь назначил на этот пост лишь исполняющего обязанности (местоблюстителя), а выборы патриарха не провел. Причиной тому было сдержанное, если не враждебное, отношение духовенства к преобразованиям царя, причастность духовенства к делу царевича Алексея. В итоге в 1721 г. был образован Синод во главе с президентом, бывшим местоблюстителем Стефаном Яворским. Поскольку С. Яворский был уже в весьма преклонном возрасте, то фактическим главой Синода был вице-президент псковский архиепископ Феофан Прокопович. Именно он сочинил Духовный регламент — свод важнейших организационных и идеологических установлений, легших в основу деятельности всей церковной организации в новых условиях абсолютизма. По Регламенту члены Синода присягали, как и все чиновники, на верность царю и обязывались «в мирские дела и обряды не входить ни для чего». За всем этим незримо стояла незабытая опасность гордыни патриарха Никона. Теми же мотивами были продиктованы принципы коллегиального управления церковью и вменено в обязанность священникам нарушение тайны исповеди в случаях, «грозящих государственным интересам». Внешне все это, по рассказам, выглядело довольно устрашающе. Как пишет Н. И. Павленко, царь на встрече с иерархами церкви, уяснив, что они хотят избрать патриарха, поднял в руке Духовный регламент и заявил: «Вы просите патриарха, вот вам духовный патриарх!» А на ропот недовольных он обнажил кортик и со словами: «А противомыслящим вот булатный патриарх» — ударил им в стол.

В 1718–1722 гг. Сенат был реформирован. В частности, его членами стали все президенты коллегий. Была введена должность генерал-прокурора. С его появлением стала действовать целая армия прокуроров во всех центральных и губернских учреждениях. Ему же подчинялись и все фискалы империи. Генерал-прокурор и обер-прокурор Сената подчинялись только государю. Все поступившие в Сенат дела проходили через руки генерал-прокурора. Он мог опротестовать и приостановить решение Сената. Основная функция прокурорского контроля — забота о соблюдении правопорядка. Первым генерал-прокурором был Павел Иванович Ягужинский.

В 1721 г. в Петербурге был воссоздан на правах центрального учреждения Главный Магистрат, а на местах вновь образованы городские магистраты, в какой-то мере отражавшие сословные интересы купечества. Наконец, в дополнение к Преображенскому приказу для решения дел политического сыска в Петербурге была учреждена Тайная канцелярия.

§ 3. Реформа местного управления

Реформа центральных и местных органов власти была огромным шагом вперед по сравнению со старой приказно-вое-водекой системой государственной власти. Создана была система органов управления, каждое звено которой отличалось от других строго определенными функциями на всей территории страны. Новые органы управления имели коллегиальный характер. При этом все члены коллегии — от президента до асессора — были наемными чиновниками, получавшими государственное жалованье. Такое положение в свою очередь подразумевало профессионализм каждого чиновника. Это коренным образом отличало новую систему управления абсолютной монархии от старой феодальной системы. Отныне попытки использовать власть, должность, чин в корыстных целях были уже правонарушением.

Однако строительство новой бюрократической машины государственного управления шло отнюдь не гладко. Первая губернская реформа очень скоро выявила свою неэффективность. Трехуровневое управление оказалось излишне сложным. Поэтому уже с 1719 г. стала проводиться в жизнь вторая губернская реформа. Губернии были сохранены (к этому времени их было уже одиннадцать), но основной административной единицей становится провинция. Из 50 провинций наиболее важные, «знатные» возглавлялись генерал-губернатором, губернатором, вице-губернатором или обер-комендантом. Во главе остальных стояли воеводы. Провинции, созданные реформой 1719 г., стали предшественницами екатерининских губерний. Губернаторы всех 11 губерний имели реальную власть лишь в губернском городе и одноименной провинции. Круг полномочий воеводы был теперь очень широк: «во всем царского величества интерес и государственную пользу тщательно остерегать». Это финансовые, военно-хозяйственные, полицейские, торговые и многие другие направления деятельности. Число и структура провинциальных контор при воеводе не только сохранились, но и умножились.

Провинция делилась на дистрикты. Во главе их теперь стояли земские комиссары. Они собирали налоги, передавая их в рентерею, ведали полицией. Им подчинялись так называемые нижние земские комиссары, у которых в свою очередь были в подчинении сельские сотские и десятские, старосты и разного рода выборные люди, т. е. общинные структуры поддержания порядка.

Поначалу воеводам подчинялись города и городские магистраты. Но с 1721 г. магистраты подчинялись только Главному магистрату и городское население было исключено из ведения воевод. В период проведения первой ревизии система гражданской власти была существенно деформирована. В провинциях были созданы переписные канцелярии, а в дистриктах — полковые дворы с штаб— и обер-офицерами и воинскими командами. Переписные канцелярии главенствовали над гражданской администрацией. Помимо прямой обязанности контролировать сбор подушной подати, полковые дворы, подменяя гражданскую власть, выполняли полицейские и даже судебные обязанности. Правда, у воеводы была еще судебная власть.

Важнейшим звеном административных реформ было создание системы судебных органов. Наверху этой системы были Сенат и Юстиц-коллегия. В провинциях — хофгерихты или надворные апелляционные суды в крупных городах России и так называемые провинциальные коллегиальные нижние суды, которые тоже функционировали в крупных городах. В ведении провинциальных судов были гражданские и уголовные дела всех сельских жителей (исключая монастырских крестьян), а также горожан, не входящих в посад. Во всех остальных случаях действовал городовой (или земский) судья. Это был так называемый единоличный (тоже нижний) суд.

Таким образом, реформаторы стремились создать суд, независимый от исполнительной власти. Но на практике из этого ничего не вышло. Очень скоро воевода обрел право контроля за судебными инстанциями провинции и мог задержать приговор в случае несогласия с ним. В 1722 г. нижние суды были уничтожены. В тех же провинциях, где не было надворных судов, были введены новые провинциальные суды, возглавляемые уже воеводой. В глубинке действовали теперь назначаемые воеводой судебные комиссары.

В начале петровских преобразований были попытки внедрить в систему государственного управления сословно-выборное начало (с выборностью бурмистров и товарищей воевод). Однако в итоге лишь в городовых магистратах уцелели принципы выборности бурмистров и ратманов. Таким образом, главной тенденцией являлось усиление жесткой структуры власти, возглавляемой «самовластным монархом, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен». А из всех функций системы нового государственного управления наиболее широко представлены фискальная, оборонительная и карательно-охранительная.

§ 4. Финансы и бюджет

Как уже упоминалось, с конца 90-х гг. началась перестройка денежной системы. К 1704 г. вместо примитивной монетной системы, представленной одной лишь изготовлявшейся из серебряной проволоки однокопеечной монетой и ее частями, сложился полновесный набор серебряных монет в копейку, алтын (3 коп.), пятачок (5 коп.), гривенник (10 коп.), полуполтину (25 коп.), полтину (50 коп.) и, наконец, рубль. Вместо серебряных деньги (0,5 коп.) и полушки (0,25 коп.) стали выпускать медные монеты этого же достоинства. С 1718 г. из меди стали делать алтыны и полуполушки, а с 1723 г. пятачки, которые и стали в итоге самой мелкой медной монетой.

Чеканка монет еще с конца XVII в. сопровождалась уменьшением содержания серебра и меди в монетах. С 1711 г. серебряные монеты стали выпускаться 70-й пробы. При рыночной цене пуда меди в 6–8 руб. с 1704 г. из пуда стали делать медных монет на целых 20 руб. (38-я проба), а с 1718 г. — на 40 руб. Наконец, была введена в обращение золотая монета рублевого достоинства, а с 1718 г. ее сменил двухрублевик 75-й пробы. За 25 лет XVIII в. «денежные дворы» отчеканили серебряной монеты на 38,4 млн руб., а медной — на 4,3 млн руб.

Итогом денежной реформы стало создание полноценной монетной системы, основанной на десятичном принципе и полностью удовлетворявшей потребности экономики. Общий доход казны от выпуска монет составил 10,7 млн руб. Таким образом, денежная реформа в значительной степени содействовала успеху первого, наиболее тяжелого периода Северной войны. Ведь правительство Петра обошлось без иностранных займов. Между тем военные расходы в первый период войны достигали 70–80 % бюджета. В первые годы денежная реформа улучшила и бюджет. В 1680 г. прямые налоги составляли 33,7 %, косвенные — 44,4 %, а монетная регалия — всего 2,7 %. В 1701 г. доля прямых налогов сократилась до 19,8 %, доля косвенных почти не изменилась (40,4 %), а доля монетной регалии возросла до 26,8 % (выросла почти в 10 раз).

К концу второго десятилетия XVIII в. монетная регалия уже не давала прежнего эффекта, а огромное количество налогов дошло до возможного максимума. Вот тогда-то и пригодились идеи «прибыльщиков» о переходе от подворного к подушному обложению прямым налогом, что дало бы возможность резко увеличить число налогоплательщиков. 28 ноября 1718 г. вышел указ о переписи всего податного мужского населения. С 1722 г.

началась проверка результатов переписи — «ревизия». Она дала поразивший умы итог: было выявлено около 2 млн душ муж. пола, не попавших в перепись. С тех пор и сами переписи стали называть «ревизиями». Общий итог численности податного населения — 5,4 млн душ муж. пола. На них был положен расход на армию и флот. В частности, в 1724 г. бюджетный расход на армию был 3 млн 141 тыс. руб., на флот — 781 тыс. руб., что составило 62,82 % от всех расходов (6,24 млн руб.). Весьма знаменательным было появление государственных расходов на школы, академии и медицину — 64,7 тыс. руб. (1 %). В доходной части бюджета 1724 г. подушный налог составил 4,6 млн руб. (54 % всех доходов, равных 8,5 млн руб.). Косвенные налоги составили 2,13 млн руб. (24,9 %). Монетная регалия — 2,5 % всех доходов, пошлины — 1,8 %. Но соляной доход был очень существенным — 7,76 %. Особо следует отметить фактическое сокращение такого прямого налога, как ясак. Сумма его с конца XVII в. осталась почти неизменной (103 тыс. и 116 тыс. руб.). Однако, учитывая, что реальная стоимость денег к концу первой четверти XVIII в. снизилась вдвое, вдвое снизились и ясачные платежи. Это еще раз подчеркивает своеобразие новой русской империи — коренная основная нация в ней находилась в положении, гораздо худшем, чем окраинные народы. Отметим, что реальные доходы государства за период 1680–1724 г. в постоянных ценах возросли с 24,9 млн руб. до 76,7 млн руб., т. е. в 3 раза.

Наконец, о налогах, придуманных «прибыльщиками» и собираемых провинциальными конторами. Всего их насчитывалось около 70 видов. Однако реальное значение для бюджета имели немногие. Главными из неокладных сборов были, конечно, таможенные и кабацкие сборы, составлявшие нередко 20–30 /о всех сборов. Однако все эти неокладные (т. е. не твердо фиксированные по размеру) сборы к 20-м гг. играли уже второстепенную роль в бюджете страны.

Глава 4. Рождение петровской армии и флота. Социальные взрывы

§ 1. Формирование новой армии

Мы уже говорили, что судьба сложилась так, что ядром будущей армии Петра I стали его «потешные» полки и прежде всего Преображенский и Семеновский, а юношеские маневры и первые бои под Азовом и Нарвой легли в основу выработки тактических основ ведения боя. Да и в принципе петровская армия практически рождалась в огне долгих лет Северной войны.

Исходя из опыта XVII столетия, армия формировалась на основе принудительного набора так называемых даточных людей из числа помещичьих крестьян, дворовых людей и городского посада. Норма мобилизации по дворовой раскладке — один пеший «даточный» от 50 дворов и один конный — от 100 дворов. Рекрутскими наборами занималась исполнительная власть на местах и в центре. Сам термин «рекрут» вместо «даточного человека» появился в 1705 г., с тех пор и наборы стали называться «рекрутскими».

Всего за период с 1699 по 1725 г. было произведено 53 набора (21 основной и 32 дополнительных). В итоге в армию было взято в общей сложности 284 187 человек. Военная служба в то время была пожизненной и добровольцев было слишком мало. Поэтому наборы превращались в довольно жестокую экзекуцию. Так, очередная проверка в 1719 г. оставила свидетельство, что «когда в губерниях рекрут зберут, то сначала из домов их ведут скованными, а приведючи в город, держат в велицей тесноте по тюрьмам и острогам не по малу времени». А ведь еще в 1712 г. царь запретил ковать рекрутов и помещать их в колодки. Однако массовое бегство рекрутов заставляло это делать.

С годами к рекрутским наборам приспособились и крестьянские общины. Общинный сход, «лучшие люди» общины (старосты, десятские, сотские) норовили сплавить в рекруты наиболее строптивых членов общины, всякого рода смутьянов, буйных людей ит. п. В итоге в русскую армию попадал весьма своеобразный контингент, включавший в себя немалое число отчаянно смелых, порывистых, незаурядных по характеру людей. Армейская муштра, бои и походы делали из них в конечном счете

смелых и отличных воинов.

В 1708 г. Петр I довел число пехотных полков до 52, а кавалерийских до 33. К 1725 г., т. е. уже после окончания Северной войны, полевая армия насчитывала всего 73 полка (около 130 832 человек).

В первой четверти XVIII в. на вооружении пехоты состояла главным образом фузея (гладкоствольное семилинейное ружье). По тем временам это было лучшее оружие, по скорострельности намного превосходящее мушкет, хотя реальная дистанция огня составляла всего 60 шагов (при общей дальности боя в 300 шагов). Фузея с 1704 г. была снабжена модернизированным штыком для рукопашного штыкового боя.

Важнейшим моментом организации новой армии были артиллерийские части. Они были и в пехоте, и в кавалерии. У пехоты — это легкие мортиры, пушки «калибром» (т. е. по весу ядра) в 3 фунта. В гренадерских ротах — тяжелые гранаты, а гаубицы и мортиры — у кавалерии. Дальнобойность орудий была от 200 шагов (картечный огонь) до 3000 шагов (ядра и бомбы). В полевой артиллерии к 1725 г. было 2620 человек. Два больших оружейных завода в Туле и Сестрорецке, два крупных пороховых завода в Петербурге и на Охте, а также большая группа железоплавильных комплексов, в центре страны, на севере и на Урале вполне удовлетворяли нужду армии в оружии и боеприпасах. В сравнительно быстрое время государство наладило производство обмундирования для армии. Армия при Петре впервые имела единую форму (пехота — зеленые кафтаны и черные шляпы, кавалерия — синие кафтаны и черные шляпы).

Помимо полевой армии в стране была создана система расквартированных по селениям военных гарнизонов, предназначенных для внутренних целей охраны мира и порядка. В 1725 г. было 55 гарнизонных полков, состоящих из солдат и отчасти стрельцов, с общей численностью 74 127 человек. Гарнизонные полки имели мощные артиллерийские подразделения (2295 человек). В гарнизонах России к 1725 г., по данным И. К. Кирилова, было 9891 пушка и 788 мортир, не считая мелких орудий и гаубиц. Такого мощного артиллерийского парка Россия никогда не знала (а ведь с учетом армейской артиллерии это составляло как минимум свыше 15 тыс. орудий). Российская армия стала одной из сильнейших в Европе.

Помимо регулярной армии в состав вооруженных сил входили и так называемые нерегулярные части. Это ландмилиция, слободские полки, формирования яицких, донских, гребенских казаков и частей казанских пригородов и сибирских городов. Численность нерегулярных войск

доходила до 82,7 тыс. человек (не считая 30 тыс. калмыков). Всего под ружьем было свыше 339 тыс. человек. А ведь был еще и могучий флот.

В ходе военных действий обретался опыт ведения войны. Отличительной стороной русской военной стратегии той поры был отказ от так называемой кордонной стратегии, обеспечивающей защиту границы на направлениях ко всем важнейшим центрам страны. В основе ее был поиск момента и места для решающего удара по врагу, поиск момента для генерального сражения и активное маневрирование на всех участках войны. Оборона расценивалась лишь как средство накопления сил для перехода в наступление. В господствующий в мире принцип линейной тактики ведения боя Петр внес решительные изменения, применяя и линейные, и двухлинейные боевые порядки, а иногда и более сложные построения. При этом важнейшим моментом сражения была огневая артиллерийская подготовка, а завершающим этапом — штыковой бой, которого обычно избегали наемные войска западных стран. Маневр в русской армии был лишь способом занять наиболее выгодную для боя позицию. Причем ключевую роль в маневрировании играла созданная Петром I легкая кавалерия (корволант), способная на глубокие рейды и максимальную быстроту передвижения.

Накопление опыта обучения войск и боевых действий отражалось в форме уставов, инструкций и наставлений. Они стали появляться с первых же лет Северной войны («Строевое положение», «Краткое обыкновенное учение», «Учреждение к бою», «Для военной битвы правила» и др.). В составлении их непосредственное участие принимал царь. В 1716 г. был издан «Устав воинский», состоящий из трех книг. Огромное внимание в уставе уделено морально-нравственным аспектам воспитания русского воина. «Всякий начальный человек и солдат, — говорилось в Уставе, — должен и обязан быть имеет товарища своего от неприятеля выручать, пушечный снаряд оборонять, и прапорец и знамя свое, елико возможно, боронить так, коль ему люб живот и честь его». Таковы лишь отдельные, весьма яркие положения, воспитывавшие ратный дух россиянина.

§ 2. Создание флота

Как уже говорилось, путем огромного напряжения сил всей страны в конце 90-х гг. XVII в. был создан внушительный Азовский флот. С началом Северной войны необходимым стал и Балтийский флот, ибо без победы на море война со Швецией была бы бесперспективной.

В 1702–1704 гг. строительство кораблей развернулось сразу в нескольких местах: на реках Сясь, Свирь, Луга, Волхов, Ижора. Кроме семи фрегатов (первый из которых, «Штандарт», имел 28 орудий) было построено 91 судно. В конце 1704 г. созданная Петром на острове Котлин крепость имела уже более 70 орудий. К 1710 году в состав флота на Балтике входило 12 линейных кораблей. Сильный флот ускорил взятие русскими войсками Выборга, Риги, Ревеля.

Новый этап резкой активизации в строительстве кораблей наступает в 1711–1713 гг. На русских верфях уже строили мощные 52 и даже 60-пушечные корабли. 27 июля 1714 г. русский флот одержал крупную морскую победу над шведами у полуострова Гангут (Ханко). Победа позволила русскому флоту контролировать Аландские шхеры и побережье. Стремясь перенести войну на территорию врага, российский царь наращивал численность и мощных линейных кораблей, и шхерного флота. Окончательное утверждение на Балтийском море может быть приурочено к победе у острова Гренгам 27 июля 1720 г. К моменту окончания войны Россия имела на Балтике 29 линейных кораблей, 6 фрегатов, 208 галер и другие суда. И после войны, постоянно наращивая численность кораблей, Россия имела на Балтике самый мощный флот.

Создание Каспийского флота произошло уже в 20-е гг. XVIII в. До этого времени в Астрахани строились, главным образом, традиционные струги и бусы. К началу Каспийского похода 1722–1723 гг. у России было около 300 судов. И это сделало возможным овладение всем западным и отчасти южным побережьем Каспийского моря.

В первые годы создания русского флота помимо сложнейших экономических и технических проблем были огромные трудности с кадрами для флота. Это ведь только поначалу можно было нанять 600 зарубежных моряков (это были в основном славяне) и переквалифицировать армейских гвардейцев и солдат в моряки. С 1705 г. начались наборы специально для флота. В дальнейшем до 1715 г. было проведено 5 наборов, примерно по 1–1,5 тыс. человек каждый. Однако полностью комплектование флота стало реальностью только начиная с 1718 г.

В течение всех лет строительства флота разрабатывались и теоретико-организационные, и военно-тактические основы русского флота. В 1706 г. появился «Артикул корабельный», в 1710 г. — «Инструкция и артикулы военные Российскому флоту». В 1718–1722 гг. были подготовлены фундаментальный «Устав морской» и «Регламент адмиралтейский», ставшие подлинным достижением русской военно-теоретической мысли,

обобщением огромного боевого опыта Балтийского флота.

Важнейшим средством создания сильной и боеспособной армии и могучего флота было налаживание системы профессионального военного образования. Печальный опыт нарвского поражения определил недоверчивое отношение правительства к иностранцам-наемникам. Это вынудило государство стремительно создавать целую сеть военных школ, хотя нужда в западных военных специалистах все-таки оставалась. Первой военной школой была бомбардирская школа при Преображенском полку (1698–1699 гг.). В 1701 г. открылась первая большая (на 300 человек) артиллерийская школа в Москве. В 1712 г. стала действовать артиллерийская школа в Петербурге. В 1721 г. там же открылась артиллерийская школа для кадровых артиллеристов. Были организованы и две военно-инженерные школы. Наконец, в 1721 г. для подготовки низшего командного состава (унтер-офицеров) была создана огромная сеть гарнизонных школ (число их достигало 50).

Первое мореходное училище было организовано еще в 1698 г. в Азове. В 1701 г. в Москве открылась школа «математических и навигацких» наук, готовящая кадры и для армии, и для флота. В начале она была рассчитана на 200 человек, а с 1701 г. уже на 500 человек. В 1715 г. стала действовать петербургская Морская академия офицерских кадров. В 1716 г. была организована так называемая гардемаринская рота. Разумеется, практиковались и командировки на учебу в страны Западной Европы (в Голландию, Францию, Италию и другие государства). В конечном итоге к 20-м гг. Россия могла полностью обеспечивать и армию, и флот своими кадрами морских, пехотных, артиллерийских и инженерных офицеров. В 1714 г. все иностранные офицеры прошли через процедуру экзамена и не выдержавшие его были уволены со службы. В 1722 г. иностранцев разрешено было принимать в службу лишь при условии, «что по смерть им здесь оставаться».

§ 3. Волнения и восстания

Мятеж Астрахани. В первые годы петровских реформ, в наиболее тяжелое время Северной войны на народные массы свалились непосильные тяготы повинностей и налогов. Жестокая палочная дисциплина на крупных частных и казенных заводах и фабриках, правеж налогов и мобилизация на службу в городе — все это то в одном, то в другом месте вызывало острое сопротивление народа, сопровождавшееся волнением или бунтом. В 90-х

гг. тяжесть служебных повинностей и неурядиц с выплатой жалованья вызвали волну беспорядков и острых восстаний во многих городах, крепостях и острогах Западной и Восточной Сибири.

В 1705 г. вспыхнуло восстание в Астрахани, крупном торговом пограничном городе с пестрым многонациональным населением. В нем жили индийские, армянские, бухарские, иранские купцы и ростовщики. Большое количество гулящих и беглых людей привлекали сюда обильные рыбные запасы Каспия и дельты Волги. В городе был и ряд небольших предприятий. Но как «украинный» город Астрахань имела немало стрелецких и солдатских формирований.

Воинское начальство, как и во многих местах России, отличалось жестокостью обращения с подчиненными, самовольно использовало солдат и стрельцов в своем хозяйстве. Воевода Т. И. Ржевский был грубым самодуром, занимавшимся явным самоуправством. Злоупотребления офицерства, произвол и издевательства на фоне резкого увеличения количества налогов, стремительного роста цен закладывали основу для возмущения и беспорядков. Враждебные настроения против местной власти резко усилились среди стрельцов в связи с бесцеремонными акциями борьбы со старой русской одеждой, ношением бород. Людям прямо на улицах обрезали длиннополую одежду, стригли волосы. Недовольство постепенно нарастало. Уже за месяц до событий возник стрелецкий заговор. В довершение по городу внезапно пронесся нелепый слух о том, что все молодые женщины будут выданы замуж за иноземцев. В воскресенье 30 июля спешным образом было справлено 100 свадеб и перепившиеся стрельцы ночью зазвонили в набатные колокола и начали расправу с начальным людом и иностранцами. Гнев восставших был настолько велик, что стрельцы убили и казнили в первый же день восстания (30 июля) около 300 человек (командиров полков, офицеров, приказное начальство и иноземцев и др.).

Во главе восстания стояли наиболее активные участники заговора Григорий Артемьев, Гурий Агеев, Иван Шелудяк. Среди них были и богачи-старообрядцы (Яков Носов и др.). Горожане в активности намного уступали стрельцам. Да и само движение преследовало главным образом стрелецкие интересы и цели. Высшим органом восставших был сход, или казачий круг. Во главе исполнительной власти стала избранная сходом старшина. Были задействованы и все прежние органы городского управления. Восставшим удалось наладить жизнь города, собирались доходы от питейных заведений, с продажи соли, с таможен, налажена была полицейская служба, судебные разбирательства и т. д.

Однако стремление восставших привлечь к движению другие города Нижнего Поволжья и Дон потерпели неудачу.

Весть об астраханском восстании застала Петра I в только что взятой русскими войсками Митаве. На другой же день (12 сентября) царь поручил подавить восстание наиболее авторитетному полководцу Б. П. Шереметеву. Вместе с тем Петр параллельно предпринимал попытки уладить конфликт мирным путем. Делегация астраханцев во главе с конным стрельцом И. Г. Кисельниковым встретилась с царем в Гродно 24 ноября. Петр снабдил Кисельникова умиротворяющей грамотой, что в самой Астрахани вызвало у восставших некое раскаяние. Уже 13 января 1706 г. астраханцы целовали крест на верность царю. Однако фельдмаршал предпринял штурм Астрахани. Под следствием оказалось более 500 человек, в том числе 227 астраханских, 174 стрельца из других городов Нижневолжья и 120 солдат. Казнено было 314 человек, а 45 умерли под пытками.

Восстание Кондратия Булавина. Среди причин восстания, конечно же, было резкое ухудшение условий жизни («годы де ныне стали голодные, а подати с нас великие», «какой де это царь, мироед, выел свое царство все… и он де выест мирской корень»). Кроме того, немалую роль сыграло отчаяние тех, кто ушел на Дон в поисках воли. Дело в том, что после овладения Россией Азовом и строительства городов по Нижнему Дону и Приазовью органы сыска беглых стали активно прочесывать весь бассейн Дона, как раз те места, где с конца XVII в. в вольных казачьих городках была принята в казачество масса ново-пришлых. Еще в 1684 г., готовя почву для войны с Османской империей и Крымом и беседуя о том с гетманом Иваном Са-мойловичем, умнейший дипломат, думный дьяк Емельян Украинцев, по сути, предсказал будущие волнения на Дону: «Теперь многие люди ищут и желают службы, без войны жить не привыкли, а прокормиться им нечем. Донские казаки беспрестанно бьют челом великим государям, что у них река улюднела. Без-престанно казаки думают о войне, без которой прокормиться им нечем. Если не послать их на войну, то надобно давать большое жалование. Если теперь службы (т. е. войны. — Л. М.)не будет, то опасно от такого многолюдства, что ратные люди и донские казаки не начали какого-нибудь нового дела. Да и в малороссийских городах большое многолюдство, охочие и городовые полки желают службы. Чтоб они не встали и над тобою какого зла не сделали — подумай об этом!» Так проникновенно говорил думный дьяк войсковому гетману, прекрасно понимая экономические причины острых социальных противоречий в обществе и беды вспышек классовой борьбы.

Война с Турцией и Крымом и взятие Азова отодвинули опасность

взрыва. Но в начале XVIII в. «река улюднела» пуще прежнего. Массывольнопоселенцев, вчерашних крестьян ощущали резкое ухудшение своего положения, ибо рыбные и иные угодья ограничены в своих возможностях. Им противостояла прослойка зажиточных казаков-старожильцев, сосредоточенных в основном в нижнемтечении Дона, в районе казачьей столицы Черкасска. Кроме того, в громаднейшем регионе возле Дона, включая воронежские и тамбовские уезды и Нижнее Поволжье, народ был доведен до критического состояния бесконечными мобилизациями на строительство Воронежского, а потом Азовского флота, стремительно растущим числом налогов, изобретаемых петровскими «прибыльщиками», и, конечно, жестким гнетом помещиков. Кроме того, основная масса казачества со взятием Азова вошла в периодический контакт с царской администрацией, с часто наезжающими полковыми подразделениями и т. п. Жизнь казаков резко изменилась, а тут еще угроза потери бород и старорусских кафтанов. Отсюда зрело острое желание вернуть старину, вернуть старое правило — «с Дона выдачи нет».

Когда с большой группой казаков в поисках беглых отряд гвардейского майора князя Ю. В. Долгорукого стал лагерем у Шульгина-городка, на него напал огнем и мечом прошедший по Дону бывший бахмутский «солеварный атаман» Кондратий Афанасьевич Булавин, родом из Трехизбянской станицы на Северном Донце. Отряд Долгорукого был уничтожен. Это было 9 октября 1707 г. Так начался первый этап восстания. Однако довольно быстро войсковой атаман Лукьян Максимов с большим казачьим подразделением, отрядом из Азова и при поддержке калмыков разбил войско Булавина около городка Закотного. Мятежный атаман бежал в Запорожскую Сечь. Вскоре центром булавинских формирований становится Пристанский городок на реке Ворона. Отсюда во все концы Подо-нья, в Козловский и Тамбовский уезды полетели булавинские «прелестные письма» с призывом к восстанию и казаков, и крестьян. В этих документах ярче всего были отражены интересы самого казачества, сохранение их вольностей и автономии Дона. Вскоре волнения охватили Тамбовский, Воронежский, Борисоглебский, Верхнеломовский, Нижнеломовский уезды. К апрелю 1708 г. восстание охватило Слободскую Украину. Киевский воевода Д. М. Голицын писал, что «многие украинцы с донскими казаками объявили свойство и дружбу».

Восставшие 9 апреля разбили казачье войско атамана Лукьяна Максимова, и 7 тыс. повстанцев двинулись на Чер-касск, подойдя к нему 28 апреля. В самом Черкасске вспыхнул мятеж, и Булавин вошел в город, казнив Л. Максимова и пять старшин. Раздав народу казну и понизив цены

на хлеб, Булавин созвал казачий круг, где был избран войсковым атаманом. Однако в Черкасске оказалось много временно примкнувших к Булавину. Они лишь выжидали удобного для измены момента.

Тем временем восставшие разбились на ряд отрядов и начали походы на Изюм, где к ним присоединилось 1.5 тыс. запорожцев, к Саратову, где ими был взят Дмитриевск, и на Азов, куда направились основные силы во главе с Булавиным. Под Азовом восставшие потерпели неудачу и понесли большие потери. Отряды запорожцев и повстанцев дважды были разгромлены бригадой Ф. В. Шидловского. Еще до выхода из Черкасска сил Булавина на Азов в городе созрел заговор тридцати знатных казаков. После возвращения Кондратия Булавина они напали на его курень и убили атамана 7 июля 1708 г.

Однако восстание продолжалось. Атаман И. Некрасов с казаками и атаман И. Павлов с голытьбой захватывали на Волге суда и двигались вверх по Волге к Среднему Поволжью, где действовали восставшие башкиры. И. Павлов осаждал Саратов, а И. Некрасов — Царицын, который был взят еще около 7 июня. Здесь вскоре узнали о гибели Булавина. И. Некрасов потом ушел в городок Голубые, а И. Павлов остался в Царицыне, где его разгромили войска полковника Левингстона, прибывшие из Астрахани. Вскоре Волга была очищена от повстанцев. Под Бахмутом были разбиты запорожцы. А брат убитого Ю. Долгорукого, тоже гвардейский майор В. Долгорукий, назначенный в качестве основного усмирителя восставших после действий в Воронежском краю, в июле 1708 г. начал наступление на Черкасск. Однако новый войсковой атаман И. Зернщи-ков со всей старшиной принес повинную. 28 июля основная масса казаков целовала крест, а 200 булавинцев были казнены.

Остатки повстанцев действовали на Средней и Нижней Волге вплоть до марта 1709 г. Казаки И. Некрасова ушли в Турцию (их далекие потомки вернулись на родину лишь во второй половине XX в.).

Восстание К. Булавина было разгромлено на фоне продолжающихся то там, то здесь крестьянских выступлений и волнений. Они были в Смоленском, Дорогобужском, Вяземском, Переяславль-Залесском, Тверском, Старицком, Новоторж-ском, Серпуховском, Тарусском, Каширском, Лухском, Кине-шемском, Нижегородском, Костромском, Унженском, Галич-ском, Устюжском, Ярославском и других уездах. Крестьянскими волнениями в 1709–1710 гг. было охвачено около 60 уездов. Новые вспышки волнений были в 1719, 1720–1725 гг.

Излишне напоминать, что работные люди заводов и промышленных заведений, живя далеко не сладко, тоже поднимались на борьбу.

Волновались и бунтовали в конце XVII в. и в 20-х гг. XVIII в. приписные крестьяне Олонецких заводов. Летом 1703 г. были волнения в Кунгурском уезде, где восставшие нападали на Кунгур, пытаясь захватить воеводу. С заводов, как уже говорилось, постоянно бежали и работные и солдаты.

8 1708 г. бунтовали крестьяне заводов Меллера. Острейшую борьбу вели работные люди Московского Суконного и Хамов-ного дворов в 20-х гг. XVIII в., правда, участники этого движения постоянно апеллировали к высшим начальным инстанциям, жалуясь на свое невыносимое положение и «тюремный режим».

§ 4. Оппозиция в верхах. Трагедия царя и трагедия наследника

После массовых жесточайших казней московских стрельцов 1698 г. в самой столице сопротивление политике Петра I было надолго сломлено, если не считать дела «книгописца» Г. Талицкого, раскрытого летом 1700 г.

Беспрерывно разъезжающий по стране в делах и подвигах царь-труженик с нарастающей тревогой обнаруживал духовный разлад в собственной семье. Неладное происходило с сыном от первого брака с Евдокией Лопухиной Алексеем. Отец-царь, не понимая шока, испытанного маленьким царевичем от насильственной разлуки с матерью, упрятанной в монастырь, все время требовал от сына «служения отечеству». Десять лет отец боролся за сына, проявляя порой грубую настойчивость. Все было напрасно, Алексей лишь норовил уклониться от всякого дела. Он и сам признавался, что «со младенчества… ничему иному не обучился, кроме избных забав». Обучение, признавался царевич, «мне было зело противно». Арифметику он одолел лишь к 18 годам, хотя свободно владел немецким и отчасти французским языком. Три года стажировки за рубежом знаний ему прибавили немного. Уже взрослому молодому человеку царь-отец пытался поручать ответственные дела (заготовка провианта в Смоленске, укрепление обороны Москвы и т. д.), но выполнял он их плохо и ничем не интересовался всерьез. Еще юношей он окружил себя «компанией» по образцу петровской «компании», стал пить, причем помногу. В окружении людей недалеких и глубоко враждебных делам царя-отца Алексей все более «радел» о старине. Отчужденность отца и сына нарастала год от года. Насильственная женитьба на брауншвейг-вольфенбют-тельской принцессе Софье-Шарлотте, высокой, худой девице с оспинами на лице, ничего не изменила («жену мне на шею чертовку навязали»). К тому же принцесса

умерла от родов через четыре года (1715). Сразу же после похорон царь-отец поставил в письме к сыну вопрос весьма круто: либо кардинально изменить поведение, либо постричься в монахи. Окружавшие Алексея в Петербурге «компанейцы» (учитель Никифор Вяземский, Иван Афанасьев, бывший царский денщик и бывший главный интендант Адмиралтейства А. В. Кикин и др.) посоветовали податься в монахи, а там видно будет: «клобук не гвоздем к голове прибит».

Петр тяжело переживал безволие сына, тянул со своим решением и вновь пытался вразумить сына. Будучи в Копенгагене, он пригласил Алексея к себе, надеясь убедить сына переломить себя. Но окружение Алексея и прежде всего А. В. Кикин уговорили царевича использовать письменное приглашение в Копенгаген для бегства за рубеж (в Рим или Вену). Немалым стимулом к этому было желание Алексея сохранить любовную связь с крепостной Никифора Вяземского — Ефросиньей Федоровой. Кикин подготовил побег, и 10 ноября 1716 г. в дом вице-канцлера венского двора Ф. К. Шенборна вошел русский царевич и заявил, что «император должен спасти» его и что он хочет царствовать.

Тем временем в Копенгагене Петр так и не дождался исчезнувшего сына. Начался долгий розыск, и только в марте 1717 г. порученцы Петра установили, что Алексей находится в Эренберге. Однако на запрос Петра Карлу VI положительного ответа не получили. Предстояла сложная дипломатическая борьба с венским двором, который намеревался в защите Алексея объединиться с Англией.

Австрийцы между тем перевели царевича в Неаполь, где содержали под видом важного государственного преступника. Они даже инспирировали письменные обращения Алексея к российскому Сенату и архиереям. Это была уже серьезная, враждебная России акция.

Убедившись в лояльном отношении к себе со стороны Франции и отчасти Англии, Петр посылает в Вену П. А. Толстого и гвардейца А. И. Румянцева с жестким приказом вернуть Алексея в Россию. С ними помчалось к сыну-отступнику и гневное послание царя-отца с обещанием прощения в случае возвращения («буде же сего не учинишь, то, яко отец, проклинаю тебя вечно, а яко государь твой, за изменника объявлю…»). В Вене отказали требованиям Петра выдать Алексея, но П. А. Толстому разрешили вступить в переговоры с беглым царевичем. В долгих многомесячных переговорах Толстой проявил недюжинную изворотливость и настойчивость. Он пошатнул уверенность Алексея в прочности австрийской опеки. Более того, он, видимо, сумелтакже склонить на свою сторону девицу Ефросинью. В итоге 3 октября 1717 г.

Алексей объявил о согласии вернуться в Россию, где уже велась подготовка суда над ним. 3 февраля 1718 г. царевич въехал в первопрестольную Москву.

Следствие над царевичем и розыск по делу о его матери Евдокии были масштабными мероприятиями. В Москву собрались и двор, и сенаторы, и высшее духовенство, и генералитет. В состав суда было назначено 127 человек. На первой встрече царя с беглым сыном царевич умолял о прощении и о даровании ему жизни. Царь же потребовал отречения, на что царевич тут же согласился и подписал присягу новому наследнику (Петру Петровичу).

Получив от сына сведения о сообщниках, Петр возглавил следствие. Сразу же было взято под стражу 50 человек. Среди них были А. В. Кикин, И. Афанасьев, сенатор М. Самарин, шурин царя по первой жене А. Ф. Лопухин, сибирский царевич Василий, брат адмирала Ф. М. Апраксина П. М. Апраксин, князь В. В. Долгорукий и много других известных стране лиц. Допросы и пытки выявили, что Алексей открыл отцу едва ли половину своих замыслов. Тут же в Москве произведены были первые казни. Кикина колесовали, при этом руки и ноги отрубали в замедленном темпе, голову водрузили на кол.

18 марта весь двор отправился в Петербург. Там были продолжены следствие и суд. Причем теперь уже все дело было передано, как пожелал сам Петр, в руки «вернолюбивых господ министров, Сената и стана воинского и гражданского». Поступая так, Петр был предельно честным и проявлял величайшее мужество: «Я с клятвою суда Божия письменно обещал оному своему сыну прощение… ежели истину скажет, хотя он сие и нарушил…» Обращаясь к духовенству, Петр сказал: «Смотрите, как зачерствело его сердце… Соберитесь после моего ухода, вопросите свою совесть, право и справедливость, и представьте… ваше мнение о наказании… Я прошу вас не обращать внимания ни на личность, ни на общественное положение виновного… и произнести ваш приговор над ним по совести и законам. Но вместе с тем я прошу также, чтоб приговор ваш был умерен и милосерд…» 14 июня царевича перевели в Петропавловскую крепость. Начались средневековые жестокие пытки. На первом допросе был отец, а также А. Д. Меншиков, Я. Ф. Долгорукий, Ф. М. Апраксин, П. А. Толстой, П. П. Шафиров и др. Царевичу дали 25 ударов. Экзекуция длилась один час. Спустя 10 дней был объявлен приговор, скрепленный 127 подписями: царевич достоин смерти и как сын и как подданный. Церковные же иерархи от категоричности уклонились. Однако приговор не был приведен в исполнение. Несчастный царевич, не выдержав пыток и

стресса, умер 26 июня «пополудни в 7-м часу».

Так завершилась великая трагедия царя-преобразователя, положившего на алтарь Отечества всего себя, без малейшего остатка, не остановившегося даже перед нетленными отношениями отцовства.

Суздальский розыск подтвердил догадки царя о связях петербургских сторонников царевича с окружением его матери, хотя причастность самой Евдокии доказана не была. Главный грех бывшей царицы — блуд с неким капитаном Степаном Гле-бовым, был доказан неопровержимо, ибо в нем сознались оба. Глебова посадили на кол. Бывшую царицу на этот раз по-настоящему сделали монахиней, сослав в Ново-Ладожский монастырь под строгий надзор петербургского губернатора А. Д. Меншикова. Оттуда она была освобождена лишь при царствующем внуке Петре II в 1727 г.

Глава 5. Война и дипломатия после Полтавы. Ништадтский мир

§ 1. Итоги Полтавы и присоединение Прибалтики и Карелии

Полтавская виктория кардинально изменила международное положение России. В Польше сразу же укрепилось положение Августа II, а Станислав Лещинский вынужден был бежать. В Торуне в октябре 1709 г. произошли переговоры Петра I с Августом II и был заключен новый оборонительно-наступательный договор против Швеции и шведского ставленника С. Лещинского. Между прочим был заключен и тайный артикул о разделе Прибалтики. По нему к России отходила не только Ингрия, но и Эстляндия с Ревелем. Польше же доставалась Лифляндия, точнее, не Польше, а Августу II как саксонскому курфюрсту.

Резко изменила свою позицию Дания, пойдя на открытый союзный договор с Россией (11 октября 1709 г.), причем без всякой военной и финансовой помощи. Таким образом, Северный союз был восстановлен. Более того, 21 октября 1709 г. был совершен оборонительный договор с Пруссией, по которому она должна была не пропускать через прусскую территорию шведские войска. После конца войны за «испанское наследство» Пруссия давала шанс Северному союзу на еще более тесное сотрудничество. Наконец, 3 июля 1710 г. Россией была заключена на 12 лет конвенция с Ганновером, что казалось очень важным ввиду перспектив курфюрста Ганновера стать королем Англии.

Французское правительство тоже стало искать пути сближения с Россией. Оно было готово даже уговорить султана на проход русских через проливы в Средиземное море. Наконец, даже Турция, пусть на короткое время, была под впечатлением Полтавской виктории.

В весьма невыгодном положении очутились Голландия и Англия, не приняв на себя посредничество в замирении Швеции и России. Да и победа России не соответствовала интересам этих держав. Поэтому их дальнейшие усилия были направлены лишь на срыв мира России и Швеции.

Между тем Б. П. Шереметев по приказу Петра осадил Ригу, а войска А. Д. Меншикова устремились в Польшу. Быстрые и энергичные боевые действия русских войск в 1710 г. привели к целому ряду побед над шведами. В руки победителей перешли такие крупные крепости, как

Ревель, Выборг, Рига, Пернов и Кексгольм. К осени 1710 г. Эстляндия, Лифляндия и Карелия были освобождены от шведских войск. Поскольку политика изъятия имений немецких баронов в шведскую казну, реализованная в конце XVII в., вызвала сильное недовольство господствующих слоев Прибалтики, а тяготы шведско-русской и шведско-польской войны разорили крестьян, то антишведские настроения прибалтийско-немецкого дворянства к моменту изгнания шведов были очень сильны. А крестьянство даже оказывало русским войскам поддержку. Россия же вернула редуцированные имения их старым владельцам, восстановила сословные учреждения дворянства. На российскую военную и гражданскую службу охотно пошло местное дворянство.

Успехи русских войск способствовали резкому усилению влияния России в Курляндии, что было закреплено браком герцога Фридриха-Вильгельма с племянницей Петра I Анной Иоанновной.

§ 2. Война с Турцией. Прутская неудача

Однако эйфория побед на Балтике сменилась новой военной грозой на Юге России. Турецкие правящие круги и крымский хан желали взять реванш за поражение в годы Азовских походов. Немалые усилия прилагал к этому и Карл XII, находившийся в Турции. Приложили здесь руку и Франция, и Англия, да и Австрия, и Венеция… Ведь никто не хотел видеть сильной Россию. Осенью 1710 г. Турция объявила России войну, а российский посол П. А. Толстой был посажен в турецкую тюрьму.

Настал период лихорадочных приготовлений к военным действиям. Не очень благоприятная в этот момент ситуация для русских войск в Польше (в который раз!) заставила российское командование сделать все, чтобы не допустить прорыва Карла XII в Польшу, а турецких войск — в Заднепровскую Украину. С этой целью М. М. Голицын должен был преградить путь татарам в Галиции и Подолии, а И. И. Бутурлин — обеспечить гарнизонными и украинскими полками оборону Украины. Адмирал Ф. М. Апраксин должен был оборонять Азов от огромного турецкого флота и десантных турецких войск. От кубанских татар заслон должен был поставить казанский губернатор П. М. Апраксин.

В январе 1711 г. стремительный рейд крымского хана к Харькову был отбит, как разбиты были силы поляков, татар и части запорожцев в Правобережной Украине.

Рассчитывая на обещанную помощь валашского господаря Бранкована,

молдавского господаря Д. Кантемира, на помощь австрийских сербов и Августа II (а это в общей сложности более 80 тыс. человек), русская армия устремилась к югу, надеясь, что полки Б. П. Шереметева к 15 мая из-под Риги будут у Днестра. Однако все планы рухнули. Шереметев опоздал почти на 2 недели, а 120-тысячная турецкая армия в конце мая уже построила через Дунай мосты. Бранкован же выдал русские планы визирю и не пропустил через свои земли отряды сербов. Дмитрий Кантемир пришел к Шереметеву лишь с небольшим отрядом, а Август II не прислал никого. Столь неблагоприятную ситуацию усугубила ошибка Б. П. Шереметева, который не выполнил приказа Петра I оставить главные силы у Днестра, но стремительным броском 15-тысячного соединения пытался предупредить появление турок у Дуная. Узнав, что турки уже на Дунае, Шереметев медленно двинулся вниз вдоль Прута. Вместо Шереметева Петр все же посылает к Дунаю конный корпус К. Э. Ренне, а главные силы русских концентрируются на Днестре возле Сорок лишь к началу июня (только 12 июня был сооружен мост через Днестр).

Таким образом, русские войска потеряли выигрыш и во времени и в маневре. Тем не менее Петр посылает от Сорок к Пруту по уже выжженным голым степям главные силы армии. Это было страшное испытание, так как в голой степи не было ни капли воды. Как писал Юст Юль со слов самого Петра: «У солдат от действия жажды из носу, из глаз и ушей шла кровь». Дойдя до воды, «многие опивались ею и умирали». 29 июня через Прут были наведены мосты, и войска потянулись на правый берег. Однако истощенные русские войска, войдя в Яссы, не обнаружили обещанного Д. Кантемиром провианта (в то лето был сильный неурожай). А ведь войска были без хлеба уже на подходе к Днестру. Молдавский господарь все же смог поставить русским войскам 15 тыс. баранов и 4 тыс. волов, но хлеба так и не было. Решением главного командования русские войска продолжали движение вниз по течению Прута. Но, не попав на Дунай, русские лишили себя поддержки славянских народов, борьба которых могла нарастать лишь при продвижении российских войск в глубь земель, подвластных османам.

Роковую же роль сыграло отсутствие должной разведки. Соединившиеся вместе войска Н. И. Репнина, А. А. Вейде и Б. П. Шереметева численностью в 38 тыс. человек 8 июля обнаружили себя окруженными огромными силами врага (100–120 тыс. человек). 9 июля началось сражение. Вместе с тем в стане врага не было согласия в планах ведения войны. Тамошние шведы предлагали взять русских измором, а визирь начал сражение, в котором османы понесли огромные потери.

Утром 10 июля янычары отказались идти в бой. Начались переговоры. Прошло двое суток напряженнейших ожиданий. Наконец, 11 июля из лагеря турок вернулсяП. П. Шафиров и доложил Петру i о заключенном мире.

Мир, подписанный Шафировым и визирем, предписывал возврат туркам Азова, разрушение Таганрога, Каменного затона. Россия отныне не должна была вмешиваться в проблемы Польши и обязалась пропустить Карла XII в Швецию (что только разъярило шведского короля).

В целом трагическая неудача Петра I в Прутском походе обошлась России минимумом потерь да сдачей Турции двух заложников (П. П. Шафирова и сына Б. П. Шереметева Михаила). Правда, многочисленные сбои в армейском механизме Петр стал лечить весьма кардинально: число иностранцев в полках было ограничено одной третью, а в дальнейшем подозрительность к ним резко возросла.

Турция еще дважды (в конце 1711 г. и в конце 1712 г.) пыталась объявить России войну, и лишь в 1713 г. был подписан Адрианопольский мир, подтвердивший условия мира на Пруте.

§ 3. К господству на море

Пока шла война с османами, русские дипломаты в Европе в середине августа добились от Англии и Голландии согласия на возможность ввода русских войск в Померанию для действий в германских владениях Швеции. Еще в конце мая 1711 г. была достигнута договоренность с Августом II о совместных действиях в Померании (при оговорке, что русские на саму территорию Померании никаких видов не имеют). Реальные военные действия начались лишь в июне 1712 г. с блокады Штеттина и Штральзунда. После разгрома шведов русскими при Фридрих — штадте и капитуляции шведов, укрывшихся в Теннингене, армия А. Д. Меншикова вернулась на восток. Из-за несогласия союзников «компания пропала даром». За всем этим в большинстве случаев стояла Англия и отчасти Голландия. Морские державы никак не хотели пускать Россию на Балтику, желая ограничить приобретения русских максимум Нарвой. А России крайне необходимы были незамерзающие порты.

В марте 1713 г. Утрехтским миром был положен конец войне за «испанское наследство». Казалось бы, угроза создания новой антирусской коалиции вполне реальна. Однако попытки Англии поднять против России Голландию, Пруссию и Австрию провалились. Наоборот, в июне 1714 г.

Россия заключила с Пруссией договор о союзе и гарантии (Пруссии гарантирован Штеттин, а России — Ингрия, Карелия, Эстляндия с Ревелем и в перспективе новые захваты у Швеции).

Все это позволило России сосредоточить свои действия в Финляндии, подготовив для этого специальный галерный флот (около 200 единиц). В ходе этих действий русские войска заняли Гельсингфорс, а вскоре и город Ваза, и таким образом все важнейшие опорные пункты на восточном побережье Ботнического залива были к началу 1714 г. в руках России.

На следующем этапе воины решающие действия были за флотом, поскольку предстояло еще раз атаковать Або и Аландские острова. Шведская эскадра (17 линейных кораблей, 5 фрегатов и более десятка других кораблей) стояла у мыса Ган-гут. Русские же решили применить галерный флот, стоявший в бухте Тверединде. Перехитрив шведов, они заблокировали часть шведского флота. Трехчасовое ожесточенное сражение окончилось победой русского флота (27 июля 1714 г.). 3 августа российские войска заняли Або. За ним последовал Умео.

В итоге кампании 1714 г. не только Финляндия, но и все южное побережье Балтики было освобождено от шведов. Уже в 1713 г. указом Петра I вся архангельская торговля была переведена в Петербург. «Окно в Европу» стало действовать при продолжающемся сопротивлении Карла XII, захватывающего голландские и английские корабли на Балтике. Им в 1715 г. был издан «Каперский устав», открывший войну против всех нешведских торговых судов. Англия направила свой флот на Балтику, а в октябре 1715 г. был заключен союз между Петром I и новым английским королем Георгом I (ганноверским курфюрстом) ценой приобретения последним герцогств Бремен и Верден. В итоге этого доброжелательства России, несмотря на привлечение к Северному союзу Пруссии и Ганновера, уже с конца 1716 г. определился резкий поворот Англии к открытой вражде с Россией (резервы курфюрста были исчерпаны, он уже отражал интересы Англии).

§ 4. Завершение северной войны

1716 год был годом максимального успеха политики России. К завоеванным территориям прибавилась Финляндия, Курляндия, Данциг. Войска России были в бывшей шведской Померании, в Дании. Одно время соединенная эскадра России, Дании, Англии и Голландии была под командованием самого Петра I. Действия союзников переключились в

район Копенгагена с задачей проникнуть в южную Швецию. Однако снова несогласованность действий привела к срыву планов. Усилиями Англии Северный союз снова распадался. Данию толкали к нападению на русских. Георг I сам отдал приказ адмиралу Д. Норрису напасть на русский флот и войска (правда, адмирал не выполнил его). Пожалуй, лишь Пруссия была за сохранение русских войск в Мекленбурге и Австрийской империи. К сближению с Россией стремилась и Франция. 15 августа 1717 г. в Амстердаме был заключен договор России, Франции и Пруссии, дававший гарантию существующих владений заинтересованных сторон.

Изменение политики Франции заставило Карла XII пойти на переговоры с Россией. 10 мая 1718 г. был открыт Аландский конгресс. К осени державы вроде бы договорились. Тем не менее шведы тянули время, пока неожиданно все не оборвалось: 30 ноября 1718 г. при осаде норвежской крепости был убит Карл XII, а вслед за этим глава шведской делегации на конгрессе Г. Г. Герц был арестован и казнен.

Тем временем в Европе против русских заключили договор Георг I, Август II и Австрия. В дипломатических борениях прошел весь 1719 г., продолжались и аландские переговоры. Англия добивалась уступок от Швеции и в августе 1719 г. заключила с ней договор, окончательно утвержденный 1 февраля 1720 г. Так был положен конец Аландскому конгрессу. Англия уже готовилась разгромить русский флот, и эскадра Норриса вошла в Балтийское море.

На этом фоне заключение с Портой в ноябре 1720 г. «вечного мира» было явным успехом России. А сближение с Францией и мирное сотрудничество с Голландией внушало России новые надежды. Пруссия и Польша заняли по отношению к России весьма осторожную позицию, хотя в июне 1720 г. Пруссия заключила договор со Швецией. С военной точки зрения 1720 г. был для России успешным. Десанты на западном побережье Ботнического залива разгромили шведские гарнизоны, напали на Умео и ряд иных пунктов. А 27 июля 1720 г. российский флот одержал блестящую победу над шведами при Гренга-ме, захватив 4 фрегата, 104 пушки, 407 пленных. Английский флот, будучи в Балтийском море, не рискнул предотвратить поражение шведов. Российский флот на Балтике сохранял свою грозную силу.

С этого момента шведы, в конце концов, решились на мирные переговоры. На них решено было собраться в г. Ништадт (Финляндия). Конгресс открылся в конце апреля 1721 г., но война не прекратилась. В 1721 г. новый пятитысячный десант под командой П. Ласси вторгся в шведские земли, пройдя по ним около 300 км. Английский флот вновь

попытался сразиться с русскими. После четырехмесячных переговоров мир со Швецией был заключен 30 августа 1721 г. Швеция уступила России в «совершенное непрекословное и вечное владение и собственность Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгом и его округом, с городами Ригою, Динамюн-дом, Перновом, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Кексгольмом и с островами Эзелем, Даго и Меном и всеми другими землями от курляндской границы до Выборга».

Россия в итоге долгой и мучительной войны заняла важнейшее место в Европе и, став морской державой, способствовала развитию своей экономики.

§ 5. Каспийский поход

После 1721 г. и мира со Швецией внешняя политика Петра I обретает уже черты имперской. Расширяя круг своих экономических интересов, российское правительство пыталось найти торговый путь в далекую Индию. Россия стремилась установить более тесные связи со Средней Азией. Однако экспедиция А. Бековича-Черкасского была уничтожена хивинцами. Пристальный интерес проявляла Россия к ситуации в Закавказье и Иране. Власть Сефевидов переживала острый кризис, что ослабило Иран и создало угрозу свержения династии и нападения соседей. Еще в 1717 г. в Иран направлен был в качестве посла А. П. Волынский с задачей налаживания торговли с Ираном и Индией. От зорких глаз посла не ускользнули все признаки кризиса власти в стране, что рождало идеи присоединения к России смежных с ней территорий, подвластных Ирану. Волынским был заключен торговый договор, по которому российские купцы получили свободу закупки шелка-сырца.

Тем временем в Иране восстали афганцы, шахский престол захватил афганец Мир-Махмуд. В Ширване и Дагестане вспыхнули протурецкие восстания. С падением шаха Хоссейна Османская империя стремилась к захвату всего Ирана, а это создавало еще более серьезную угрозу российским интересам в Закавказье, где ждали помощи России армяне и грузины, а также на побережье Каспия.

В этих условиях Россия предприняла дипломатический нажим, потребовав от Турции отказа от претензий на владение Закавказьем. Зрела война. Для похода в Иран была снаряжена 46-тысячная армия и создана каспийская флотилия. Поход начался летом 1722 г. Вскоре русские войска заняли все западное побережье и юг Каспия, включая Решт. Тем временем

турецкая армия захватила Грузию. Это сделало сына свергнутого шаха Хоссейна Тахмаспа согласным на все условия России. Его посол заключил в Петербурге союзный договор (12 сентября 1723 г.), по которому русские принимали участие в отражении афганцев, получая взамен провинции Дагестан, Ширван, Гилян, Мазен-даран, Астрабад с городами Баку и Дербент.

Это создало угрозу новой русско-турецкой войны. Однаков июне 1724 г. удалось заключить в Константинополе русско-турецкий договор. Державы сошлись на том, что Грузия и Армения оставались у Турции, но Россия получала западное побережье Каспия, хотя и очень ненадолго. Для прочных успехов на южных границах у России было слишком мало сил.

Глава 6. Ломка старых традиций и зарождение новой культуры

§ 1. Политические идеи. Инициативы. Проекты

Крутые реформы в широких массах крестьян вызвали глухое брожение, ропот и недовольство. Русские бабы говорили о Петре: «Какой он царь? Он крестьян разорил с домами, мужей наших побрал в солдаты, а нас с детьми осиротил и заставил плакать век». И это все было правдой. Главная тяжесть жестоких преобразований легла на крестьян, едва выдерживавших безумие налогов и насильственную мобилизацию на различные работы. «Как его Бог на царство послал, так и светлых дней не видали, тягота на мир, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьи, крестьянству, нет». Не случайно, что булавин-ские «прелестные письма» находили широкий отзвук в крестьянстве несмотря на то, что основные требования восставших отражали чисто казацкие интересы.

Естественно, такой образ мысли властями отнюдь не поощрялся и свидетельств подобных рассуждений сохранилось очень мало. Но главное, что такие мысли не были единственными. Реформы в целом все-таки отражали общую заинтересованность общества в прогрессе. Поэтому в той же народной памяти сохранились и иные аспекты духовной жизни крестьян. Это циклы песен о Полтавской победе, о Ладожском канале, стоившем тысяч крестьянских жизней, различного рода «плачи», в том числе о «царе», и т. п.

Проекты Ф. С. Салтыкова и И. Т. Посошкова. Представителей более состоятельных слоев общества обуревали иные идеи, — идеи преуспеяния государства. До нас дошли подобного рода проекты, связанные с именами Федора Степановича Салтыкова и Ивана Тихоновича Посошкова. Первый был дворянином, активным деятелем петровских преобразований. Второй — из дворцовых крестьян, человек, сменивший много видов занятий: денежный мастер, начинающий мануфактурист, ставший купцом-виноторговцем, владельцем винокурни, обладателем крепостных душ.

Будучи в Англии с поручением закупки для флота кораблей, Ф. С. Салтыков создает два трактата о реформах: «Пропозиции» (1713) и «Изъявления, прибыточные государству» (1714). Идеи прожектера были весьма близкими реальным мерам Петра I и носили подражательный

характер. Он выступал за устройство мануфактур, проявил себя сторонником купеческих компаний, расширения экспорта и сокращения импорта. В ряде случаев он предвосхищал и реальные реформы (идея о должности референдария и государственного регента при Сенате, что потом было реализовано в виде поста генерал-прокурора, идея введения майората, идея введения гербов и чинов, идея монополии купечества на торги и промыслы). Салтыков выдвинул предложение об экспедиции из Архангельска вдоль побережья Ледовитого океана с целью выяснения, «есть ли проход до Китая и Японии». С его именем связана идея экспедиций в Среднюю Азию и на Дальний Восток. Важны были рассуждения Салтыкова об организации губернских учебных заведений, губернских библиотек.

Другой идеолог, Иван Тихонович Посошков, создал несколько проектов — «Письмо о денежном деле» и «О ратном поведении» (1701), «Зеркало очевидное» (1708), «Завещание отеческое сыну» (1719), «Книга о скудости и богатстве» (1724) и др. Важнейший из них, «Книга о скудости и богатстве», представляет собой интереснейшее разноплановое сочинение, отстаивающее идеи меркантилизма. Посошков считал, что избавить страну от бедности следует реформой управления. Для этого от всех сословий необходимо избрать выборных для создания единого свода законов — нового Уложения, а само Уложение подвергнуть одобрению народа «самым полным голосом». Посошков выступал за точную фиксацию в законе размеров крестьянских повинностей, придавал огромное значение купечеству, которому только и должно принадлежать право на торговлю. Публицист предлагал даже создать единую купеческую организацию, резко сократить ввоз иноземных товаров, а экспорт изделий русской промышленности увеличить. Для этого необходимо форсировать строительство фабрик и заводов. Посошков выдвинул идею всеобщего обязательного обучения.

Однако власти страны с подозрением отнеслись к идеям Посошкова и прежде всего к проектам всеобщего «народосове-тия», ограничения эксплуатации крестьян, привлечения крестьян к участию в законодательстве, чтобы «вражды и обиды все истребились», чтобы «высокомнимые дворяне» превратились в «кротких овчат» и т. д. В результате Посошков был в августе 1726 г. схвачен Тайной канцелярией и умер через полгода в камере Петропавловской крепости. Познакомили ли Петра с «Книгой о скудости и богатстве» — неизвестно (опубликована она впервые в 1842 г., но, в частности, М. В. Ломоносов был с ней знаком и распорядился снять с нее копию).

Ф. Прокопович. Крупнейшим идеологом Петровской эпохи заслуженно считается Феофан Прокопович. Подлинное имя его Елеазар, а Феофаном Прокоповичем он стал в память своего дяди, которому сирота Елеазар обязан решающей помощью в жизни. Феофан смолоду был далеко не ординарным человеком. Окончив Киевскую духовную академию, он вдруг становится униатом и перебирается на учебу в Польшу, а потом и в Рим, в иезуитскую школу, принимает монашество. Однако глубокое знание католицизма порождает в Ф. Прокоповиче неодолимое желание возврата в православие. В Киеве в 1704 г. он становится преподавателем духовной академии, с 1711 г. — ее ректором. Там же, в Киеве, на торжественной церемонии встречи победителей Полтавской баталии он, как истинный россиянин, произнес яркую, вдохновенную проповедь и вызвал восторг царя, распорядившегося опубликовать эту речь Ф. Прокопо-вича. Вскоре, учреждая Синод, царь назначает Ф. Прокоповича его вице-президентом. В 1713 г. Прокопович завершает исторический труд «История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии». Наиболее известны два политических сочинения Ф. Прокоповича «Духовный регламент» и «Правда воли монаршей». В них он обосновывает монархическую систему правления как наиболее целесообразный тип государства в России.

В «Духовном регламенте» главная идея состоит в отстаивании приоритета светской власти над духовной. Идея независимости церкви от государства — это явный католицизм, «па-пежский дух». Обосновывая замену патриаршества Синодом, Прокопович подробно останавливается на достоинствах коллегиального управления церковью, отвечающего принципам «соборного правления». В трактате есть ссылки не только на пагубы эпизодов захвата светской власти папами римскими, но и прямые намеки на претензию патриарха Никона.

«Правда воли монаршей» написана, как и «Духовный регламент», по поручению Петра I для обоснования указа 1722 г. об изменении принципа престолонаследия. Однако Ф. Прокопович ставит вопрос шире и рассматривает такие формы правления, как «народодержавство», при котором важнейшие вопросы решаются «согласием всех жителей», и аристократия, когда «несколько избранных мужей сословием правится отечество». В «Правде воли монаршей» отстаивается идея наследственной монархии, где престол завещается наследнику независимо от степени родства.

В первые десятилетия правления Петра I нередки были случаи антипетровской пропаганды под знаменем апокалипсических идей

пришествия Антихриста. В ответ на них появилось обширное сочинение рязанского митрополита и местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского «Знамение пришествия антихристова и кончины века». Вместе с тем сам С. Яворский был противником петровских преобразований. В 1712 г. в Успенском соборе Москвы он резко критиковал введение системы должностей фискалов и многозначительно назвал царевича Алексея «единою нашею надеждою». С. Яворский стал автором и другого богословского полемического сочинения «Камень веры», в котором он остро критиковал лютеранство и его последователя в России Дмитрия Тверитинова. Он организовал суд высших иерархов церкви над Тверитиновым и его последователями, который завершился отлучением их от церкви и осуждением.

§ 2. Просвещение и наука

Петр I заставил российское дворянство учиться. И это его величайшее достижение.

Начальные и специальные учебные заведения. В течение первой четверти xviii в. была создана целая сеть школ начального обучения. Прежде всего это «цифирные школы», первоначально предназначенные для дворянских, приказных, дья-ческих и подьяческих детей 10–15 лет. К концу первой четверти XVIII в. открыто было 42 такие школы, главным образом в провинциальных городах. Но уже в 1727 г. их число сократилось до 27. Ведало ими Адмиралтейство, а учились уже только дьяческие и подьяческие дети. Широкое распространение получили епархиальные школы для детей представителей духовенства, начало которым было положено еще в XVII в. По Духовному регламенту такие школы стали в епархиях обязательными для подготовки «лучшего и исправного священства». К концу правления Петра I число таких школ достигло 46. Наконец, среди школ начального обучения заметное место заняли и гарнизонные школы для солдатских детей.

Особое значение приобрели специальные школы, дававшие молодым людям профессию в области промышленности. В 1716 г. появилась горная школа при Олонецких заводах. В 1721 г. была учреждена школа для будущих канцелярских служащих. По инициативе В. Н. Татищева при уральских заводах основали школы для детей мастеровых и подьячих (Уктус-ская и Кунгурская школы). В начале XVIII в. при Посольском приказе была открыта школа переводчиков, но в 1715 г. она была закрыта.

Особую группу учебных заведений составляли школы, готовящие высокообразованные кадры духовенства. Прежде всего это Славяно-греко-латинская академия в Москве, основанная еще в XVII в. Переданная в 1727 г. Синоду, она чаще именуется теперь «школами», первая из которых Славяно-латинская. В 1727 г. в ней было 357 учеников. Вторая — Славяно-российская (143 ученика), и третья — Еллино-греческая (41 ученик). Последняя школа при Стефане Яворском была ущемлена и едва сохранялась. Другим крупным центром духовного образования был Киев, где на Подоле, в Братском монастыре, действовала Киево-Могилянская академия. В 1727 г. в ней училось более 500 человек (малороссияне, великороссияне и «ис Польши»). В монастыре была большая, доступная для всех библиотека, где находились «многие старинные книги» (греческие, латинские, польские, русские и др.).

Наконец, самыми важными в системе петровского просвещения были технические специальные учебные заведения. Как уже говорилось, самая известная из них Навигацкая школа в Москве. В нее принимали детей от 12 до 17, а позже и до 20 лет. Приготовишки учили в двух классах русскую грамоту и арифметику. Потом геометрию, тригонометрию с приложениями в области геодезии, астрономии, навигации и мореплавании. В числе предметов была живопись и «рапирное дело». Из На-вигацкой школы вышли сотни инженеров, мореходов, гидрографов, топографов, бомбардиров и т. п. Вскоре подобные школы были открыты в Ревеле, Нарве и Новгороде.

В 1715 г. указом царя в Петербурге была основана Морская академия. Штат ее (305 учеников) был укомплектован из учеников Навигацкой школы, а также из Новгородской и Нарвской навигацких школ. Учились там в основном дети из знатных семей от 10 до 18 лет. Среди специальных предметов были навигация, фортификация, артиллерийское дело, мушкетное дело и т. п. Как и в Навигацкой школе, здесь преподавали и фехтование, и живопись. Главное же, здесь учили кораблестроению. Как и в Навигацкой школе, в Морской академии первое время основными учителями были иностранные профессора. В Навигацкой школе долгое время работал автор известнейшего учебника «Арифметика» Л. Магницкий. Авторами ряда учебников были также В. Куприянов («Новый способ арифметики»), Г. Скорняков-Писарев («Наука статическая, или Механика»). Но, конечно, основная масса учебников были либо переводами, либо результатом работ иностранных педагогов в России.

В 1701 г. в Москве на новом Пушечном дворе было велено «построить деревянные школы». Это была Артиллерийская школа, куда сразу же

набрали 180 учеников (в 1704 г. их было 300, а в 1707 г. — 136). В 1712 г. в Москве стали действовать Инженерная школа, а в Петербурге в 1719 г. соответственно Инженерная рота, куда принимали окончивших Инженерную школу. Наконец, в 1707 г. в Москве было открыто Медицинское училище (за Яузою против Немецкой слободы). Численно небольшая, эта школа функционировала при госпитале, возле которого в 32 светлицах («бурсах») и жили ученики.

Книгоиздание. Помимо учебников стали издаваться книги по естествознанию и технике. Это работы по астрономии, гидростроительству, медицине, фортификации, артиллерии, мореплаванию, кораблестроению, архитектуре. Появились книги и по гуманитарному знанию. Огромное значение в деле просвещения имела реформа гражданского шрифта. «Словолитец» М. Ефремов создал первые образцы букв гражданского шрифта. Окончательный их выбор (как и арабских цифр) был сделан в 1710 г. самим Петром Первым. Столь радикальная реформа способствовала более массовому потреблению книжной печатной продукции. Книги по истории («Синопсис» И. Гизеля, «Введение в гисторию европейскую» С. Пуффендорфа, «Феатрон» Стратемила и др.), переводы античных авторов (Иосифа Флавия, Юлия Цезаря, Эзопа, Овидия и др.) печатались тиражом не 200–500 экземпляров, а во много раз больше. Огромное значение имело издание печатной газеты «Ведомости», тираж которой первые годы колебался от 100 до 2500 экземпляров. Главной типографией страны был Московский печатный двор.

Развитие науки. Наука в петровское время прежде всего развивалась нуждами практики. Истощение пушных богатств освоенной в XVII в. части Сибири (соболя практически выбили) заставило русских людей искать новые земли, новые пушные и рыбные запасы. Одновременно велись и поиски новых путей в далекие восточные страны. Так, уже с XVII в. российские землепроходцы подбирались к Камчатке. В конце века это были М. Старицын, В. Атласов, собравший огромный материал и летом 1699 г. построивший Нижне-Камчатский острог. В 1716 г. на Камчатку была предпринята первая морская экспедиция. В 1711 г. были разведаны Курилы и составлен чертеж всей Курильской гряды. В 1711 г. у чукчей Анадыри были получены первые сведения о земле за проливом (это первые сведения об Америке). В 1719 г. экспедиции И. Евреинова и Ф. Лужина поручили узнать, «сошлися ли Америка с Азией». В 1720–1724 гг. экспедиция Д. Мессершмидта дошла до Лены и Забайкалья. В 1719–1721 гг. большой материал собрали участники посольства в Китай Л. Измайлова. В 1714 г. была начата подготовка экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву и

Бухару для поиска путей в Индию. В 1718 г. через Кавказ и Персию в Бухару был послан Ф. Беневенни, а в 1725 г. — Гурьев, доставивший материалы о Хиве, Бухаре и старом русле Амударьи. В 1722–1724 гг. И. Унковский с казаками описал земли по реке Или и озеру Иссык-Куль. Начато было изучение земель возле реки Терек и т. п.

Итогом многих экспедиций было составление географических карт (например, карта Курильской гряды 1719 г.). В 20-е гг. шла огромная работа по подготовке «Атласа Всероссийской империи» И. К. Кирилова, работа над которым не была закончена. Ф. Соймонов и К. Верден составили карту Каспийского моря и т. д.

Небывалого размаха в петровский период достигли геологические разыскания. Во главе организации таких поисков стояло государство в лице Рудокопного приказа, но непосредственными рудознатцами были простые крестьяне-промысловики. За 1700–1711 гг. в Европейской России было открыто 121 рудное месторождение. Среди них много месторождений железа, меди, серебра, угля, серы, нефти и т. д.

Большие успехи были в развитии практической механики. Это оригинальный оружейный завод по проекту М. Сидорова, машина Я. Батищева по обработке ружейных стволов и машины для ковки ствольных досок. Это изобретение выдающимся русским механиком А. Нартовым токарных, токарно-копировальных, зуборезных и винторезных станков, а также создание самоходного суппорта. В 1719 г. А. Нартов писал из Лондона: «здесь таких токарных мастеров, которые превзошли российских мастеров, не нашел…» Однако столь выдающиеся изобретения не изменяли главного — общий технический уровень западных стран был, конечно, выше, чем в России.

Россия может гордиться и другим выдающимся мастером — гидростроителем И. И. Сердюковым. В 1703 г. начато было строительство Вышневолоцкой системы каналов. Открытый в 1708 г. новый водный путь обнаружил множество изъянов, главный из которых — недостаток уровня воды в каналах. В 1719 г. Сердюков представил проект реконструкции водного пути, который был одобрен Петром. В 1722 г. работы были завершены. Вышневолоцкая система стала работать и к середине века пропускать до 12 млн пудов грузов.

Огромная работа была проведена по созданию и собиранию научных коллекций по минералогии, металлургии, ботанике, биологии и т. п. Была организована астрономическая обсерватория. Предпринимались попытки организации лингвистических и этнографических экспедиций. В 1704 г. вышел греческо-лати-но-славянский словарь Ф. Поликарпова. Широко

известен петровский указ 1720 г. о собирании по монастырям древних рукописей, хронографов, летописцев и степенных книг. В 1716 г. была сделана копия Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, стали создаваться и исторические труды (работы по истории Ф. Поликарпова, «Рассуждения о причинах Свейской войны» П. Шафирова, «Марсова книга» и др.).

Создание Академии наук. Наиболее масштабным достижением реформ Петра I было создание Академии наук. Мысль о ней великий реформатор высказал в 1718 г. 28 января 1724 г. Сенат огласил проект об Академии, который и был по исправлении утвержден царем. В конце 1725 г. состоялось торжественное открытие Академии.

В начальном варианте Академия как организация была синкретична (это и научно-исследовательское сообщество, и университет, и гимназия). В Академии было три отделения: математическое, физическое и «гуманиора» (гуманитарных наук). Первые члены Академии (а их было 12 вместе с секретарем) должны были следить за всей новой литературой по специальности, делать «изобретения» и выступать с докладами и «советами». Наряду с русскими учеными и способными к науке людьми в Академию были приглашены иностранцы, в ряде случаев очень крупные ученые (математик И. Герман, физиолог и математик Д. Бернулли, математик Н. Бернулли, астроном и географ Ж.-Н. Делиль и др.).

К Академии были присоединены библиотека и музей (Кунсткамера), созданные в 1714 г. Редкости Кунсткамеры быстро пополнялись, отнюдь не ограничиваясь образцами человеческих, скотских, звериных и птичьих уродств. В короткое время выросли и фонды библиотеки.

§ 3. Литература. Театр

Этот пласт российской культуры был самым пестрым, самым мозаичным и разнородным, что было вполне логичным, ибо отражало великую сложность внедрения иноземной культуры в толщу общинного крестьянского мира, который за многие столетия не до конца усвоил даже богатства византийского православного культурного наследия. Поэтому в литературе Петровской эпохи пласт народного творчества мало соприкасался с творчеством элиты.

Петровское время освободило крестьянство от мрачного и унылого преследования церковными догматиками сохранившихся компонентов архаичного славянского язычества. Стало меньше гонений на

традиционные языческие празднества с их бурными гудениями, плясками, хороводами и т. п. По мере отдаления от жгучих баталий великой войны народная память запечатлевала эти события в традиционной форме «старин» (былин), исторических песен (преимущественно солдатских), в форме сказок, притчей и т. п. В них отражены и Полтавская баталия, и взятие Азова, и Нарва. Тема войны сохранилась в памяти народа прежде всего как подвиг русского солдата и его героизм и жертвенность. Разумеется, в былинах, исторических песнях, своеобразных сказках отразилась, уже как легенда, и фигура Петра I (белорусский сказ «Петро Велики», «Плач войска», «Смерть Петра», «Как на охоту Петр ездил» и др.). Сохранился в фольклоре и «образ врага» («пропал как швед под Полтавой»), и образ изменника Мазепы (в цикле песен об украинском герое Семене Палие), и образы казнокрадов и угнетателей (князь Гагарин и др.).

Вместе с тем круг чтения русского крестьянина сохранил и традиционную литературу. Это духовно-учительная литература, жития, включая и новейшие, полемические сочинения (особенно популярные у старообрядцев), сборники духовных стихов, наговоров, лечебники, календари и т. п.

В петровский период дворянство и отчасти горожане были непосредственными свидетелями заметного увеличения печатных книг нерелигиозного содержания. Причем это была не только научная литература и словари, но и книги чисто житейского назначения— В 1708 г. вышли «Приклады, како пишутся комплименты…». Это был новейший вариант формулярника (образцов) писем различного содержания с употреблением новейшей лексики. А лексика петровского времени испытывала огромное влияние Запада. Появилось великое количество иностранных слов, выражений. Правящий класс и особенно его верхушка говорили на удивительном языке, где изобиловали голландские, немецкие и т. п. слова, термины, выражения. И, конечно, это имело прямое влияние на литературу Петровской эпохи. Вместе с тем слой византийской пышности старомосковского быта способствовал проникновению в литературу в качестве обратной реакции и вульгарного просторечья.

В соотношении литературных жанров наблюдались те же процессы. Наряду с религиозно-церковной мистикой и средневековой схоластикой, панегириками и канонами зарождался русский классицизм. Видное место в литературе занимают теперь публицистические ораторские произведения. Известнейшими среди них являются творения Феофана Прокоповича («Слова и речи», «Первое учение отрокам», трагедокомедия «Владимир», «Епиникион» и др.) — Основная тема Прокоповича — прославление

армии, реформ и России. «Как внезапно, — писал Прокопович, — да вельми знатно… стала в славу и пользу возрастати Россиа! растет человек, растет дерево, ведаем, да никакими очима не можем усмотрети… А мир весь ясно видел, как народ российский, когда весьма ему исчезнути многий провещали, возрастал высоко и аки бы подымался, от гнушения в похвалу, от презрения в страх, от немощи в силу!..»

В Петровскую эпоху развивался жанр художественной прозы, в частности повести, раскрывающие реалии новой русской жизни («Повесть о Фроле Скобееве», «Гистория о российском матросе Василии Кориотском», «История о Александре, российском дворянине» и др.). Наконец, большой популярностью пользовалась западноевропейская литература.

В 1702 г. на Красной площади Москвы был сооружен театр, открывший двери простой публике. Играли там немецкие актеры (труппы И. Кунста, О. Фюрста), и репертуар состоял из немецких, французских, испанских и т. п. пьес. Однако такой театр был еще редким явлением. Как и в XVII в., театры заводила знать для узкого круга зрителей (театры в селах Преображенском и Измайлове). В Петровскую эпоху театром увлекались ученики различных академий, духовных семинарий и т. п. Хотя репертуар таких театров был большей частью возвышенно-религиозный, однако нередко в пьесах такого рода отражались события современности. Театры ставили и чисто исторические по тематике пьесы (наиболее знаменита трагедокомедия Ф. Прокоповича «Владимир» и др.). Основными центрами театральной деятельности были Киево-Могилянская академия, Славяно-греко-латинская академия в Москве, Московский «гофшпиталь» и др. Много сил театру отдавали Ф. Прокопо-вич, доктор Н. Бидлоо, Федор Журовский.

В Петровскую эпоху зарождается интерес к светской музыке, любительскому музицированию, развивается профессиональное хоровое искусство (хор государевых певчих дьяков). В 1711 г. издается указ об организации духовых оркестров в каждой воинской части. Завоевывает популярность бравурная военно-строевая музыка.

§ 4. Трансформация придворного быта

Новые бытовые формы культуры властной рукою великого царя были жестоко внедрены в жизнь дворянской элиты, да и не только элиты. Как уже говорилось, все началось с новой одежды, с бритья бород и ношения

париков. В Москве новые моды «насилу установились за три года». Упорное сопротивление новой одежде оказало старшее поколение, видевшее в новой моде ущемление достоинства. Особенно резкое сопротивление оказало боярство, часть духовенства, да и простые люди тоже сопротивлялись. Жители сибирских городов выпросили освобождение от новой одежды «по скудости» своей. Да и портным было много мороки. В 1700 г. у ворот Кремля были даже выставлены манекены с образцами новой одежды (венгерской, саксонской и французской). В конечном счете дворянство восприняло нововведения: ведь реформы возбудили в первую очередь в дворянстве желание даже внешне выделиться из общей массы.

Оригинальная фигура царя, соблюдавшего поначалу традиционные церемонии лишь на дипломатических приемах, внесла разительные перемены в дворцовый быт. Знаменитая дружеская «компания», состоящая из ближайших сподвижников царя, практически не различала деловые совещания и дружеские пирушки. Внешняя фамильярность обращения «компанейцев» с царем вносила в придворный быт новые черты, хотя придворному быту царя не чужды были и забавы с карликами и юмор шутов. Упрощались традиции, исчезала скованность. С 1718 г. по указу царя введены были «ассамблеи», которые узаконили формы царского общения с нужными и приятными ему людьми. Вскоре «ассамблеи» получили довольно широкое распространение. На этих вечерах все было необычно: гостей не встречали и не провожали, хозяин мог быть, но мог и отсутствовать. Были игры, были танцы, был чай, лимонад, шоколад и т. д. Причем каждый мог уйти в любое время. Конечно, первые годы была скованность, особенно среди женщин, лишь в недавнем прошлом начисто лишенных такого рода общения. По замечанию Ф. В. Берх-гольца, на ассамблеях «дамы всегда отдельно от мужчин все сидят, как немые». Но это лишь первые годы. Тот же Берхгольц восхищался светскостью таких русских дам, как княжна Валах-ская, княжна Трубецкая и др.

Наконец, нельзя не вспомнить и о народных гуляниях, которые устраивались в столицах по торжественным датам, в честь той или иной «виктории» в Северной войне (взятие Азова, победа под Полтавой, годовщина Ништадтского мира и т. п.). В ходе их устраивались торжественные процессии со множеством украшений, макетами замков, кораблей. В моде были красочные фейерверки, грандиозные маскарады. На площадях выставлялись угощения (фонтаны из вина, жареные туши) и т. д. Однако участниками всего этого была лишь ничтожная часть общества.

§ 5. Изобразительное искусство и архитектура

Гравюра. Наиболее близким к повседневности был жанр гравюры, имевший довольно большой круг ценителей. Ведь очень многие книги имели гравированные изображения. Гравюры-картины проникали в интерьеры домов и т. д. Тематика гравюр была довольно разнообразной. Популярной была гравюра-лубок. Большое распространение имела батальная тематика, а гравюры с изображением во множестве вариантов Полтавского боя были особенно многочисленными. По гравюрам того времени можно создать довольно полное представление не только о битвах, но и о триумфах побед с торжественными колоннами войск, толпами пленных.

Популярны были и изображения известных крепостей, и особенно сюжеты строительства и видов новой столицы. Среди наиболее искусных граверов можно назвать Л. Бунина, А. Зубова, Ф. Зубова, А. Ростовцева, И. Адольского, В. Киприано-ва и др.

Живопись. С конца xvii в. интенсивно трансформируется русское живописное искусство. Традиции иконописи имеют тенденцию перехода в реалистическое отображение мира и людей. Развивается жанр «парсуны» — реалистического портрета, создаваемого в традиционной плоскостной манере. Наиболее яркие образцы этого жанра: портрет стольника Г. П. Годунова, портрет стольника В. Ф. Люткина, портрет дяди Петра I Л. К. Нарышкина, портрет воеводы И. Е. Власова, портрет князя И. Б. Репнина. Художники этого жанра (И. Безнин, Л. Смольянинов, Е. Елин, М, Чоглоков и др.) были под явным влиянием западноевропейской живописи. Создаются интересные «парсуны» и в начале века (портрет Нарышкиной с детьми, портрет Якова Тургенева и др.).

В первые годы XVIII в. издаются специальные указы, касающиеся подготовки и воспитания художников. Традиционным российским способом(царским волеизъявлением) большую группу «мастеровых людей разных художеств» переселили в новую столицу, где был обширный фронт работ (росписи церквей, плафонов новых дворцов, станковая живопись, мелкая пластика и т. д.). Иждивением казны наиболее талантливых посылали в длительные командировки за границу (А. Матвеев, И. Никитин, Р. Никитин, гравер С. Коровин и др.).

Уже до поездки в Италию И. Никитин создает ряд интересных портретов (цесаревны Анны Петровны, царевен Прасковьи Ивановны и Натальи Алексеевны). Из работ более поздних заметно выдается портрет

канцлера Г. И. Головкина, где художнику удалось передать высокую одухотворенность этой личности. Широко известна его работа «Портрет напольного гетмана» и, наконец, знаменитая работа «Петр I на смертном одре» (1725). Вторым виднейшим живописцем был Андрей Матвеев, становление которого проходило в Голландии. Им был создан ряд остро индивидуальных портретов (И. А. Голицына, А. П. Голицына), но особенно известен его «Автопортрет с женой». Последняя работа удивляет социальной смелостью, ибо, занимая как художник довольно низкое положение в обществе, в автопортрете он применил композицию, типичную для изображения знатных персон.

В Россию был приглашен и ряд иностранных художников, оставивших заметный след в истории искусства России. Это Л. Каравакк, И. Г. Таннауэр и др.

Архитектура. Архитектура переживала в петровское время переходный период, так или иначе отражавший западноевропейское влияние. Наиболее заметно оно в становлении в конце XVII — начале XVIII в. «нарышкинского стиля», или стиля «московского барокко» церковной архитектуры. Прежде всего здесь меняется конструкция храма. Появляются храмы центрической композиции, устремленные ввысь, светлые и торжественные. Конструкция их традиционна: «восьмерик на четверике», завершаемый «звоном». Многоярусность храма постепенно усложнялась, как усложнялся и его внешний декор, в первую очередь носивший следы западного влияния. Правда, нередко «запад» тонул в традиционном московском узорочье. Башнеобразные храмы дошли до нас в основном в подмосковных барских усадьбах. Это церкви в Троице-Лыкове, в Уборах (обе постройки архитектора Я. Бухвостова), изящнейшая церковь Покрова в Филях — усадебный храм Л. К. Нарышкина. Шедевром храма башнеобразного типа является церковь в Дубро-вицах с насыщенным скульптурным убором и необычным завершением в виде короны — символа светской власти. Блестящим образцом сочетания элементов ордерной системы и новомосковского барокко являлась церковь архангела Гавриила, или так называемая Меншикова башня (архитектор И. П. За-рудный). Не менее интересны образцы «нарышкинского стиля» в виде традиционных пятиглавых храмов Москвы, в которых основной строительный материал — красный кирпич эффектно контрастирует с богатым белокаменным узорочьем. Это, в частности, изумительная по изяществу церковь Воскресения в Кадашах.

Появилась и принципиально новая архитектура, основанная на ордерной системе (колонны, портики, фронтоны и т. п.). Скромные

элементы этой системы присущи церкви Ивана Воина в Москве (1708–1714). Новшеством были и компактные храмы в виде ротонды, свойственные усадебным постройкам таких «западников», как Б. А. Голицын, князь Г. Ф. Долгоруков (храм в Подмоклове, 1714 г., церковь в Перове, 1715 г., и др.).

Интерьеры церковных храмов стали украшаться многоярусными деревянными иконостасами со сложнейшей декоративной резьбой, лучшими исполнителями которой были белорусские резчики по дереву. Одним из блестящих мастеров резьбы был и архитектор И. П. Зарудный.

Гражданская архитектура, наиболее ярко передающая новые тенденции в архитектуре, может быть представлена палатами дьяка А. Кириллова, что на Берсеневской набережной в Москве. Новшества имели и здания административно-хозяйственного назначения, имевшие и узорный декор, и объемно-силуэтную разработку (например, здание Арсенала начала XVIII в. в Кремле).

Принципиально новая архитектура создала основу новой столицы России Петербурга. Здесь с самого начала получил развитие северо-немецкий (голландский) вариант барокко со сдержанным суховатым декором, со стремлением к максимальной рациональности. Носителем этой тенденции был Д. Трези-ни, создавший постройки, удивительно гармонирующие со скудным и суровым пейзажем низовья Невы. В первую очередь это знаменитый собор Петра и Павла (1712–1732). Трезини принял активное участие и в планировке Петербурга, в частности его Васильевской части. Временный деревянный Петербург быстро сменился «мазанковым», а этот последний уступил место каменному городу регулярной планировки (для этого во всем государстве было запрещено каменное строительство: Россия была бедна строительным камнем). Облик города создавали общественные здания (Адмиралтейство, Кунсткамера, Гостиные дворы, Петровские коллегии 1723–1734 гг.). Их отличительные особенности: ордерная система, ритмичность повторяемости элементов декора, симметрия, регулярность плана зданий и композиционная компоновка группы зданий и т. п. Строгий, рационалистичный вариант голландско-германского барокко лишь с 30-х гг. начинает усложняться, обретать элементы пышного барокко. В облик Петербурга вложили труд такие архитекторы, как Ж. Б. Леблон, Ф. Б. Растрелли, А. Д. Захаров, И. К. Коробов и др.

§ 6. «Всяк человек смертен»

Примерно с 1723 г. великий венценосный труженик России стал серьезно недомогать, хотя болезнь его тлела уже многие годы. У Петра I резко возрос острый интерес к минеральным водам и их источникам. Недомогание, видимо, усилилось к началу 1724 г. В феврале Петр I проводит с необыкновенным размахом и торжеством официальную коронацию своей супруги Екатерины Алексеевны, ибо безрадостная ситуация с наследниками трона заставляла его сделать хотя бы такой шаг. Однако судьба и здесь нанесла ему страшный удар. Подозрение в измене уже через полгода пало на императрицу: правитель ее канцелярии Виллим Монс был казнен якобы за материальные злоупотребления.

Несмотря на усиливающуюся болезнь, мужественный император не меняет своего образа жизни без крайней необходимости (минеральные воды в 1724 г. он посещает дважды, в феврале и июне, в августе он затворяется в домашних покоях на 4–5 дней, в сентябре это затворничество с приемом лекарств длится уже гораздо больше, недомогание преследует его в течение почти целого месяца). Царь вершит все дела, «для людей народа своего, не жалея здоровья», он не оставляет вниманием даже житейские праздники своего окружения (именины, свадьбы и прочее). Н. И. Павленко замечает, что ритм жизни царя наводит на мысль, что государь чуть ли не намеренно пренебрегает болезнью, идя навстречу смерти. Известно и суждение самого царя о своей судьбе последних месяцев жизни: «Болезнь упряма, знает то натура, что творит, но о пользе государства пе-щись надлежит неусыпно, доколе силы есть». В этой емкой по содержанию фразе отразилась вся суть характера и устремлений великого российского самодержца, любившего свое Отечество больше самого себя и отдавшего все свои незаурядные и могучие силы на «пользу Государства». В двадцатых числах января 1725 г. болезнь резко обострилась, у Петра I случилась «неотступная» задержка мочи («запор» от «урины», «водяной запор»). Это вызывало нечеловеческие муки. В минуту покоя царь с горькой иронией сказал окружающим, «что из меня де можно познать, сколь бедное животное есть человек смертный». В течение нескольких дней из покоев Петра I доносился непрерывный страдальческий крик, слышный далеко вокруг. Потом истерзанный болью и мучениями больной настолько ослабел, что не мог уже кричать и глухо стонал. 22 января он исповедался. 26 января Петр успевает помиловать всех каторжан, кроме убийц и злостных разбойников, 27 января — осужденных на смерть и каторгу по воинским артикулам. Под утро 28 января муки довели царя до смерти. Его сердце перестало биться рано утром, в пятнадцать минут шестого. Вскрытие, свидетельство о котором дошло до

нас через третьи руки, показало «антонов огонь (т. е. очень острое воспаление. — Л. М.) в частях около пузыря», сопровождавшееся отвердением части тканей. Собрав все дошедшие до нас сведения о болезни, Н. И. Павленко организовал, привлекая современных специалистов, своеобразный ретро-консилиум. Итоги его неоднозначны, хотя и вполне определенны: великий государь страдал либо аденомой простаты, либо опухолью мочевого пузыря, либо мочекаменной болезнью. Эти факты свидетельствуют о ложности слухов, пущенных французским посланником при дворе Кампредоном, о том, что российский император якобы страдал какой-то венерической болезнью (у европейских государей это, кстати, встречалось).

Поздние домыслы коснулись и вопросов политических. Спустя 36 лет после кончины Петра появились «Записки» Г. Ф. Бассевича, где фигурирует эпизод с попыткой полуживого Петра Великого распорядиться о наследовании престола (знаменитые якобы написанные им слова «Отдайте все…»). Данная фальсификация была акцией, подкреплявшей легитимность Петра III. Позднее же появилась еще одна фальсификация — так называемое завещание Петра. Однако в реальности было одно: 53-летний Петр субъективно не был готов к смерти, ибо «надежда умирает последней».

С уходом из жизни Петра Великого окончилась, пожалуй, самая важная эпоха в развитии Российского государства. Петр Алексеевич совершил крутой переворот в политической культуре государства, ибо вместо священной особы самодержца всероссийского перед обществом явился «первый гражданин» этого общества, гражданин властный, но энергичный, тянущий в гору за десятерых, как точно сказал о нем И. Т. Посошков, в то время как под гору тянули миллионы. Поражающий воображение народа образ царя-труженика, бывшего и плотником, и кузнецом, в сочетании с яркими проявлениями фанатичного служения Отечеству имел в ту эпоху гигантское вдохновляющее воздействие, играл роль мощного импульса к активизации огромных масс людей.

Великий преобразователь сделал гигантский вклад в создание могучей России, обладающей сильной армией и флотом. В тщетных назиданиях сыну Алексею он подчеркивал, в частности, трагичность распада Византийской империи: «не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал». В конце своей деятельности он горделиво назвал Россию Империей, хотя эта историческая реальность не вполне соответствовала данному определению.

Скорее, это был некий «симбиоз» империи и деспотии, социально-политический организм, где центральное звено конструкции (Великороссия) не имело практически никаких привилегий, а основной класс великороссийского общества — крестьянство — находилось в положении, гораздо более тяжелом, чем положение иных народов присоединенных к России территорий.

Главный вклад великого преобразователя — это создание в государстве промышленного производства, способствовавшее гигантскому скачку в развитии производительных сил страны. Однако форсированное строительство производительных сил путем заимствования «западных технологий» таким социумом, как Россия, дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жесткие, более грубые формы эксплуатации, чем самые суровые формы феодальной зависимости. Ведь посессионные крестьяне, порожденные Петровской эпохой, — это практически «instrumentum mundum» («говорящие орудия»), это люди, являющиеся принадлежностью фабрики и продающиеся в комплекте с фабрикой. От классического рабства их статус отличается лишь тем, что, принадлежа фабрике, эти люди не могут быть убиты хозяином фабрики безнаказанно.

Как уже говорилось, в основе появления столь одиозного монстра — специфичность русского общества (его исключительно земледельческий характер, слабость ремесленно-промышленного развития, отсутствие аграрного перенаселения и, наоборот, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии и т. п.). Форсированная (любыми реформами) «европеизация» такого общества неизбежно сопровождается явлением наиболее грубых, но эффективных в этих условиях форм эксплуатации. Таков драматизм исторической судьбы архаических обществ, втянутых в орбиту более высокой цивилизации.

Выдающейся заслугой Петра I является и модернизация, хотя во многом и преждевременная, государственной машины (создание чиновной бюрократии, создание механизма юридически разработанного функционирования государственного аппарата и т. п.). Российское общество первой половины XVIII в., видимо, не обладало достаточным объемом совокупного прибавочного продукта, чтобы обеспечить такого рода государственную и политическую надстройку. Главная же причина состояла в неподготовленности общества к такой системе государственного управления, к идее разделения властей, ибо последняя реализуема лишь в гражданском, т. е. буржуазном обществе, насыщенном свободными товаропроизводителями, т. е. в таком типе социума, где уже инстинктивно

осознана необходимость баланса различных ветвей государственной власти.

Наконец, еще один исторически значимый аспект петровских преобразований — крутые реформы в области культуры. Это, пожалуй, единственный далеко не бесспорный аспект деятельности Петра I. Слов нет, необходимость преобразований здесь вполне очевидна. Однако примитивно-варварский характер их реализации, сводящийся к механическому, буквальному перенесению культурных стереотипов Запада, способствовал подавлению потенций развития национальной культуры (каких-либо шедевров традиционной русской культуры в XVIII в. так и не появилось). Во-вторых, столь резкое насильственное приобщение к внешней культуре Запада способствовало в дальнейшем ущербному для нации цивилизационному обособлению господствующего класса от коренных культурных традиций русского и иных народов России. Ведь только в XIX столетии, после национальных потрясений Отечественной войны 1812 г. господствующий класс страны вновь проявляет интерес к национальным истокам и формам народной культуры.

Раздел II
Россия при преемниках Петра I

Глава 7. Дворцовые перевороты

§ 1. Борьба придворных партий за власть

Бурная реформаторская деятельность, проникшая во все поры экономической, социальной, политической, общественной и культурной жизни, со смертью Петра Великого как бы застыла, будучи застигнутой врасплох. Внезапная смерть главы абсолютистского государства парализовала прежде всего инициативу верховных органов государственного правления. Наступила так называемая эпоха дворцовых переворотов. На вершине воздвигнутого гигантскими усилиями преобразователя дворянского государства началась борьба скоропалительно формирующихся дворцовых партий за власть.

Однако сама действительность подсказывала логику объединения этих партий. С одной стороны, постепенно концентрировались элементы, издавна враждебные преобразованиям первой четверти века, недовольные режимом власти, окружением царя, с другой — внезапно потерявшие опору сподвижники Петра, люди, которых создало это бурное время. Размежевание шло вокруг вопроса о престолонаследии. Из претендентов на трон по мужской линии был лишь один внук Петра I, сын царевича Алексея Петр Алексеевич (будущий Петр II). По женской линии наибольшие шансы имела последняя супруга Петра, так называемая «Мариенбургская пленница» Екатерина Алексеевна Скавронская. Несмотря на жестоко наказанную царем интригу с представителем семейства Монсов, жена покойного царя сохранила свое влияние и вес как коронованная супруга государя. По свидетельству Г. Ф. Бассевича, в канун коронации Екатерины Алексеевны Петр в присутствии канцлера Г. И. Головкина, Феофана Прокоповича и некоторых других, заметил: «Назначенная коронация имеет более важное значение, чем сколько думают. Я венчаю Екатерину императорскою короною для того, чтобы сообщить ей права на управление государством после себя…» И тем не менее ситуация оставалась неопределенной.

Немало способствовал неясности общей обстановки и указ 5 февраля 1722 г., отменивший старые порядки престолонаследия и утвердивший как закон личную волю завещателя. Вечно враждовавшие между собой деятели Петровской эпохи на время сплотились вокруг кандидатуры Екатерины. Здесь был прежде всего талантливый полководец и незаурядный стяжатель

«светлейший князь» А. Д. Меншиков, рассчитывавший при новой государыне вновь обрести влияние и вес. Здесь был и великий умница и весельчак, генерал-прокурор П. И. Ягужинский, и канцлер Г. И. Головкин, и кабинет-секретарь, вечный трудяга А. В. Макаров; наконец, такие фигуры, как П. А. Толстой, старый адмирал Ф. М. Апраксин, глава Синода Феофан Прокопович, И. И. Бутурлин.

Вокруг внука Петра группировались главным образом представители родовитой феодальной аристократии, теперь уже немногочисленные боярские фамилии.

Усилия А. Д. Меншикова и П. А. Толстого в пользу Екатерины были поддержаны гвардией. Придворная гвардия — Семеновский и Преображенский полки — в этот период представляли собой наиболее привилегированную и щедро оплачиваемую прослойку армии. Однако наиболее важное обстоятельство — ее социальный состав. Оба полка были сформированы преимущественно из дворян. Причем дворянами были не только офицеры, но и огромное большинство рядовых. В частности, при Петре I в лейб-регименте среди рядовых одних лишь князей было до 300 человек. Вооруженное дворянство при императорском дворе было орудием в борьбе придворных группировок. Социальное единство всех этих прослоек было важным обстоятельством, облегчавшим так называемые дворцовые перевороты.

Воцарение Екатерины I. Итак, вопрос решила в первый, но далеко не в последний раз гвардия. В ходе совещания в одной из дворцовых комнат речь П. А. Толстого в пользу Екатерины была шумно поддержана присутствовавшими здесь гвардейскими офицерами. Барабанный бой за окном возвестил о прибытии обоих гвардейских полков. Высокомерный фельдмаршал Н. И. Репнин воскликнул: «Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал?» В ответ на это И. Бутурлин, подполковник Семеновского полка, громко заявил: «Я велел прийти им сюда, по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая и тебя!» Агитация в полках за Екатерину, уплата жалованья за 1,5 года, денежные раздачи увенчались полным успехом. Н. И. Репнин в итоге заявил о поддержке императрицы, канцлер Г. И. Головкин также высказался за новую самодержицу. Сопротивление прекратилось. Был составлен акт, подписанный Сенатом и высшими сановниками. Вопрос о престоле был решен. Так был впервые опробован немудреный механизм дворцового переворота, который, как мы увидим далее, с небольшими модификациями еще неоднократно исправно служил тому, кто овладевал его рычагами.

Воцарение Екатерины I означало прежде всего усиление власти Александра Меншикова. Уже в марте 1725 г. саксонско-польский посланник И. Лефорт писал: «Меншиков всем ворочает». Ему были прощены денежные растраты, отдан еще один город. Однако честолюбивый фаворит мечтал и требовал звания генералиссимуса.

Наследница Петра I, умевшая укрощать страшные припадки гнева своего грозного супруга, поднявшаяся от роли простой «метрессы» до положения близкого друга Петра I, женщина, умевшая жить всеми интересами и помыслами своего мужа, быть и царицею, и походной женой офицера-воина, очутившись на престоле, явила свою полную беспомощность.

Первые активные действия императрицы были связаны с давним планом устройства дочек-царевен, родившихся до брака. Уже вскоре после похорон Петра I была выдана замуж за гол-штинского герцога Карла-Фридриха старшая дочь Анна Петровна.

В донесениях французского посланника Кампредона отразились настойчивые, хотя и бесплодные, усилия заботливой матери выдать замуж за французского короля Людовика XV либо за принца крови другую дочь — Елизавету Петровну. Тем временем сплоченность партии Екатерины I с утверждением ее на троне мгновенно улетучилась. «Светлейший князь» А. Д. Меншиков явно подминал под себя других. Уже 31 марта Павел Иванович Ягужинский прибежал в ярости в Петропавловский собор к гробу Петра I излить свои жалобы на Менши-кова. Среди представителей фамилий Голицыных, Долгоруких, Репниных, Апраксиных было постоянное брожение, могущее дать начало политическому движению в пользу внука Петра. Наконец, против всесилия Меншикова роптали и сенаторы. Выход из этой сложной ситуации был найден ловким и изворотливым П. А. Толстым. По его предложению при императрице был создан Верховный тайный совет.

Идея Совета сама по себе была не нова. Еще в последние годы правления Петра I был создан Тайный совет для более оперативного руководства государством его главой. Однако теперь роль его должна была быть иная. При слабости положения Екатерины I на троне значение деятельности будущего Совета неизбежно возрастало. По свидетельству саксонско-польского посланника Лефорта, о его создании поговаривали уже в мае 1725 г., но указ появился лишь 26 февраля 1726 г. Председателем Совета назначалась сама царица, членами его были Ф. М. Апраксин, А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, Г. И. Головкин, А. И. Остерман и Д. М. Голицын. Вскоре к общему неудовольствию в Совет был введен и герцог

голштинский, зять царицы, ставший вместе со своим министром Г. Ф. Бассеви-чем играть видную роль в придворных делах. Практически делами Совета руководили три наиболее влиятельные фигуры: А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин и А. И. Остерман.

Вновь созданный Совет буквально облегчил царицу «в тяжком ее правительства бремени». Это было несомненным фактическим ограничением ее власти. Вместе с тем Совет умалил и значение Сената, так как отныне предписывалось без ведома и санкции Тайного совета «никаким указом прежде не выходить». Тайный совет вел надзор «над всеми коллегиями и прочими учреждениями». Таким образом, все важнейшие нити государственного управления были сосредоточены в этом учреждении.

Поручив виднейшим сановникам государства собрать и представить письменные мнения о государственных делах и желаемых переменах, Екатерина нашла утеху в личной жизни и разнообразных развлечениях. В течение всех этих лет, по лаконичному замечанию французского посланника Кампредона, царица «ведет очень неправильную жизнь». Невиданная роскошь, празднества, пиры стали постоянным явлением царского двора.

Непрочный трон в руках женщины усилил своекорыстные стремления временщиков, устраивавших свои дела. Уже в июле 1725 г. саксонско-польский посланник Лефорт в сердцах писал: «Невозможно описать поведение этого двора: со дня на день не будучи в состоянии позаботиться о нуждах государства, все страдают, ничего не делают, каждый унывает и никто не хочет приняться за какое-либо дело, боясь последствий». Хотя на ек-тениях маленького Петра упоминали только после цесаревен, честолюбивый А. Д. Меншиков, понимая растущую популярность малолетнего внука Петра, пустился со всеми ухищрениями и интригами в погоню за, казалось, совершенно фантастической мечтой женить мальчика на своей дочери Марии. В ход были пущены все средства вплоть до подкупа за 30 тыс. червонцев фаворитки Екатерины I некоей Анны Крамер. Довольно быстрому согласию Екатерины I на этот брак способствовало и желание умалить значение Петра как претендента на трон.

Однако Меншиков добился, казалось бы, невозможного — помолвка Марии с внуком Петра I была предрешена. Торжество Меншикова ускорило его разрыв с П. А. Толстым, прошлое которого было неотделимо от смерти царевича Алексея, отца малолетнего Петра. Понимая опасность этой оппозиции, «светлейший князь» с помощью одной из гнуснейших провокаций уже в момент предсмертной болезни царицы так называемым

делом Девиера политически уничтожил П. А. Толстого, И. И. Бутурлина и др. Временщик был вновь на коне!

В начале мая 1727 г. на третьем месяце болезни Екатерины I решался вопрос о престолонаследии. Итогом его был известный «тестамент» Екатерины, который вместо ослабевшей царицы был публично подписан за нее дочерью Анной. В этом своеобразном документе наследники разбиты были на три группы: а) Петр Алексеевич и будущие потомки его, б) Анна Петровна и будущие потомки ее, в) Елизавета Петровна и ее будущие потомки. И наконец, старшая сестра маленького Петра — Наталья Алексеевна. Переход престола от первого наследника к последующим обусловливался бездетностью. Этот проект, зачеркнувший указ Петра I, был компромиссом между сторонниками Петра Алексеевича и его противниками. Дмитрий Михайлович Голицын и его приверженцы уже готовы были даже женить Петра Алексеевича на Марии Меншиковой, так как иного для него пути на престол не видели. В «тестаменте» было оговорено, что малолетний Петр становится государем лишь в 16 лет, а с вступлением на престол дает обеим царевнам откупного по 1,5 млн червонцев каждой вкупе с маминым и бриллиантами. Таков был итог циничного торга дворянской верхушки.

Воцарение Петра И.В мае 1727 г. Екатерина умерла от «фомиков» в легких (по-видимому, от туберкулеза). На престол взошел И-летний Петр II. Временщику А. Д. Меншикову теперь было нетрудно принять из рук мальчика, к тому же величавшего его «батюшкой», желанный сан генералиссимуса, и совершить его помолвку с Марией, получившей и титул, и двор, и содержание в 30 с лишним тысяч в год.

Однако Меншиков, желавший закрепить свои позиции в кругах старой феодальной знати, немного промахнулся, дав незаметное начало тому ходу событий, которое привело его потом к гибели. Он приблизил к двору Долгоруких. Так, «светлейший» сделал князя Ивана Алексеевича Долгорукого товарищем малолетнего Петра по играм, а его отца, князя Алексея Григорьевича Долгорукого, поставил во главе двора сестренки Петра II Натальи Алексеевны.

Наспех получив кое-какие начатки образования, Петр II лишь очень короткий период занимался плодотворно под руководством А. И. Остермана. Ранняя половая зрелость, влияния, которым был подвержен мальчик, привели к тому, что главным интересом его жизни стала не учеба, а отнюдь не детские забавы и игры. Немало этому способствовал и благодушный, но, видимо, беспутный повеса князь И. А. Долгорукий.

Мальчик и его сестра скоро стали избегать требовательного и строгого

Меншикова. Видимо, этому потворствовал умный и вкрадчивый воспитатель Петра Андрей Иванович Остерман, под большим влиянием которого была и сестренка мальчика великая княжна Наталья. Приступы чахотки, одолевшие Меншикова, еще больше способствовали этому отдалению. Довершило дело раннее, но сильное увлечение Петра II своею теткой — 17-летней рыжеволосой красавицей Елизаветой Петровной.

Так или иначе, влияние Меншикова падало с возрастающей быстротой. Сначала мальчик-царь не являлся на приглашения к праздникам в доме Меншикова, а кончилось тем, что последовал арест генералиссимуса. Могучая натура Меншикова не выдержала — его хватил удар, правда, не слишком опасный. 9 сентября 1727 г. указом Петра II, который был составлен коварным А. И. Остерманом, все семейство Меншикова ссылалось в свое Раненбургское поместье под Рязанью. Через месяц огромные владения временщика были конфискованы (свыше 90 тыс. крепостных, города Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп, Батурин, имения в России, Польше, Австрии, Пруссии), в его петербургских дворцах изъято около 5 млн руб. наличными, огромное число драгоценностей, конфисковано около 9 млн руб. в английском и голландском банках. Сам «светлейший князь» был отправлен с семьей в далекую сибирскую ссылку в Заполярье, в крепость Березов на одном из притоков реки Оби. И прежде страдавший открытой формой туберкулеза, Меншиков недолго протянул в ссылке и умер 12 ноября 1729 г. По словам Феофана Прокоповича, «этот колосс из пигмея, оставленный счастьем, которое довело его до опьянения, упал с великим шумом». Это был, в сущности, еще один дворцовый переворот с традиционным механизмом действия.

24 февраля 1727 г. в Москве Петр II был торжественно коронован. Положение новых фаворитов было официально оформлено. Князь И. А. Долгорукий был сделан обер-камерге-ром. Его отец Алексей Григорьевич и князь Василий Лукич Долгорукий, виднейший дипломат Петровской эпохи, были назначены членами Верховного тайного совета, а князь В. В. Долгорукий и Ив. Ю. Трубецкой — фельдмаршалами.

Новые фавориты, новые кутежи и пиршества, новые развлечения… Князь И. А. Долгорукий увлек молодого императора новою забавою, ставшей вскоре буквально страстью Петра II, — охотой. При дворе были заведены гигантские псарни от 400 до 800 собак. За императором на охоту выезжало до 500 экипажей. Иностранные послы в депешах изливали жалобы по поводу долгих (до 50 дней) и частых отлучек молодого царя. С февраля 1728 до ноября 1729 г. охота занимала 243 дня, т. е. 8 месяцев из

20. Великолепные охотничьи угодья вокруг Москвы привлекли царствующего мальчика, и он остался на неопределенное время в Москве. Разумеется, временщики не тянули государя ни в Петербург, ни к государственным делам.

Английский посланник Клавдий Рондо в июле 1729 г. писал: «Вблизи государя нет ни одного человека, способного внушить ему надлежащие, необходимые сведения по государственному управлению, ни малейшая доля его досуга не посвящается совершенствованию его в познании гражданской или военной дисциплины».

Логика развития событий повела Долгоруких туда же, куда и Меншикова. С тою же дерзостью возник проект женитьбы 13-летнего Петра II на красивой 17-летней дочери князя Алексея Григорьевича Долгорукого Екатерине. Пылкого не по летам мальчика, видимо, несложно было завлечь. И вот после одной из долгих охотничьих поездок, где были и дочери Долгоруких, 30 ноября 1729 г. в зале Лефортовского дворца в Москве состоялось обручение. Круг замкнулся. Но свадьбе помешала поистине трагическая случайность. На церковный праздник Водосвятия 6 января император прибыл, видимо, недомогая. По свидетельству современников, был крепчайший мороз. Легко одетый в военную форму Петр застудился, и итог был трагичным и неожиданным — зловещая оспа скрутила мальчика в 2 недели, и он умер 18 января 1730 г.

§ 2. Кондиции 1730 г. и бироновщина

И снова началась возня вокруг престола. Петр II еще лежал на смертном одре, а судорожно хватавшиеся за соломинку временщики Долгорукие готовы были на подлог, благо князь И. Долгорукий, как выяснилось, великолепно владел почерком Петра. На предварительном совещании в ночь на 19 января князь Алексей Григорьевич Долгорукий, по свидетельству Феофана Прокоповича, представил «якобы Петра II завет, прежде кончины своей от него написанный, которым будто бы он державы своея наследие невесте Екатерине укрепил». Попытка эта провалилась, «яко весьма непристойное и смеха достойное». Долгорукие к захвату власти не были готовы, слишком внезапна была смерть Петра II.

Верховный тайный совет к моменту смерти императора довольно сильно изменился в своем составе, пополнившись представителями старой феодальной аристократии. На «восьмилич-ном», как его назвал Феофан Прокопович, совещании пятеро представляли семейства Долгоруких и

Голицыных, поэтому их влияние было заметным. Именно поэтому в числе кандидатов на престол первенствовали потомки старшего брата Петра, Ивана. Из потомков самого Петра I была предложена кандидатура Елизаветы, все еще не вышедшей замуж. Вследствие этого ее кандидатура была, казалось бы, наиболее подходящей. Однако ее не поддержали.

Наконец, многоопытный князь Дмитрий Михайлович Голицын красноречиво убедил в том, что вдова герцога Курляндско-го Анна Ивановна — кандидатура наиболее подходящая.

Все как будто устраивало феодальную аристократию в Анне Ивановне. Средняя дочь царя Ивана, умная по природе, но не получившая никакого, в сущности, образования, в 17 лет выданная замуж за герцога Курляндского как одна из деталей в грандиозном плане балтийских «альянсов» Петра I. Почти сразу овдовев, Анна 19 лет практически безвыездно прожила довольно скромной жизнью в Курляндии. Материально герцогиня зависела от русского двора, а сама Курляндия служила постоянным объектом борьбы между Россией, Швецией, Польшей и Пруссией. За это время у Анны Ивановны была возможность выйти замуж за графа Морица Саксонского, но ее планы разрушил Меншиков. К моменту выбора ей было уже под сорок, а место мужа прочно занял давний фаворит Э.-И. Бирон.

Когда присутствующие на совещании «верховники» сошлись на кандидатуре Анны Ивановны, Д. М. Голицын незаметно приступил к самому сокровенному звену своего маневра. Его речь окончилась, казалось бы, туманным восклицанием: «Воля ваша, кого изволите, только надобно нам себе полегчить». «Как себе полегчить?» — спросил тут кто-то. «Так полегчить, чтоб воли себе прибавить», — был ответ Голицына. Видимо, представители феодальной аристократии в конце концов поняли, в чем дело. После недолгих споров было приступлено к составлению «кондиций», или «пунктов», ограничивающих власть новой государыни.

История оставила нам даже отдельные штрихи процесса составления знаменитых «кондиций». Позже, по приказу Анны Ивановны, секретарь Верховного тайного совета В. П. Степанов подробно описал ход этого заседания: «Приказывать стали писать пункты, или кондиции. И тот и другой сказывали так, что я не знал, что и писать, а более приказывал иногда князь Дмитрий Михайлович (Голицын), иногда князь Василий Лукич (Долгорукий). Увидя сие, что за разными приказы медлитца, Таврило Иванович (Головкин) и другие просили Андрея Ивановича (Остермана), чтобы он, яко знающий лучше штиль, диктовал… И потом он, как штиль весть, сказывал, а пункты более диктовал Василий Лукич». Таким образом, хотя некоторые источники создание «кондиций»

приписывали Д. М. Голицину, видимо, «дитя» это было плодом совместных усилий.

Итак, что же такое «кондиции»? Какова социальная, классовая подоплека этого движения?

Проект ограничения самодержавной власти. 20-е гг. XVIII столетия были временем острейшего напряжения социальных классовых противоречий. Стремительные преобразования Петровской эпохи требовали огромных материальных и людских ресурсов, что в конечном итоге сказывалось на положении крестьянства, усугубленном невиданной волной неурожаев. Массовое бегство крестьян, волнения работных людей и приписных крестьян, появление «разбойных» отрядов — все это вкупе с острым финансовым кризисом и кризисом государственного управления ставило вопрос о путях решения всех этих проблем. Различные прослойки господствующего сословия подходили к этим вопросам с узкоэгоистических позиций и видели выход лишь в решении вопроса о форме правления при неизменном социальном строе. Феодальная аристократия тяготела к ограничению самодержавия, видя в этом залог того, что «впредь фаворитов… от которых все зло происходило», не будет, что «отселе счастливая и царствующая Россия будет». Чи-новно-дворянская верхушка тяготела к тому же. Но дворянство в целом, как оказалось, было сторонником самодержавия, абсолютной власти, ибо только в нем оно видело залог своего господства над крепостными. Иногда движение 1730 г. называют «конституционным». Однако оно имело лишь внешнее сходство с буржуазным конституционным движением, ибо в стране, где господствовал исторически обусловленный полурабский труд, а слой свободных товаропроизводителей только зарождался, конституционное движение являлось иллюзией. Это было чисто феодальное движение, и притом феодальной верхушки. Права и власть императрицы предлагалось весьма существенно сократить. Согласно «кондициям» она не могла решать вопросы войны и мира, назначать высших чиновников, жаловать имущество дворянам и лишать без суда их имений, шляхетского статуса и самой жизни, не могла командовать войсками, вводить новые налоги и т. д.

Итак, когда согласие на кандидатуру Анны Ивановны было получено на совещании Верховного тайного совета, Сената, Синода и генералитета с представителями гвардии и коллегий, составленные «кондиции» решено было направить в Митаву к Анне Ивановне. В качестве представителя «верховников» отправился искусный дипломат Василий Лукич Долгорукий.

В Москве в это время было огромное стечение представителей и знати и рядового дворянства. (Ведь должна была быть свадьба Петра II, а не

похороны!) «Затейка» «верховников» каким-то образом стала известна более широкому кругу, хотя они предпочли не оглашать «кондиций», заручиться сначала согласием Анны Ивановны, а потом уже выдать это за ее добровольное желание. Нашлись желающие предостеречь Анну, но последняя, дабы приехать в Москву, сочла возможным подписать «кондиции» и, выпросив 10 тыс. подъемных, отправилась в путь. В Москве тем временем обстановка накалялась. По словам Феофана Прокоповича: «Куда не прийдешь, к какому собранию не пристанешь, не иное что было слышно, только горестные нарекания на осмиричных оных затейщиков. Все их жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие». Великолепный полемист, Феофан и сам весьма враждебно относился к «затейке» «верховников». Он был, наряду с Антиохом Кантемиром, богатейшим князем А. М. Черкасским и В. Н. Татищевым, одним из активных оппозиционеров. Уже в январе 1730 г. появился проект «оппозиции» «верховникам», «сочиненный обществом». В нем предлагалось упразднить Верховный тайный совет, а на его место поставить Сенат из 30 человек, где бы императрица была председателем и имела 3 голоса. Видимо, здесь сказалось влияние чиновно-дворянской верхушки, которая была не прочь ограничить самодержавие, но гораздо больше опасалась власти «верховников». Вражда к «верховникам» повлияла и на рядовое дворянство, поначалу примкнувшее к проектам «оппозиции».

1 февраля прибыл гонец из Митавы и привез «кондиции», подписанные Анной, и ее письменное согласие: «По сему обещаюсь все без всякого изъятия содержать. Анна». Наконец, «верховники» осмелились теперь обнародовать свой проект. 2 февраля были собраны Верховный тайный совет, Сенат, Синод и генералитет и оглашены «кондиции» и письмо Анны. «Кондиции» были читаны дважды. Реакция была очень сдержанной, а подписать протокол отказались — решили все обдумать сначала. Феофан Прокопович мастерски описал обстановку совещания: «Сим тии, которые вчера великой от сего собрания пользы надеялись, опустили уши, как бедные ослики… И дивное всех было молчание!» И нельзя было не бояться: «понеже в палате оной, по переходам, в сенях и избах многочисленно стояло вооруженное воинство». И все-таки главный вопрос «верховникам» был задан: «Каким образом впредь то правление быть имеет?» В ответ решено было желающим подать мнения.

В течение последующих дней стали появляться дворянские проекты, рождавшиеся в жарких спорах. 5 февраля поступило «мнение 39 дворян» во главе с А. М. Черкасским.

Потом появились другие проекты. Всего было подано, согласно новейшим исследованиям, 7 проектов, которые подписало в общей сложности свыше 400 дворян. Большинство из них мирилось с ограничением самодержавия в лице Верховного тайного совета, но только при условии его расширения до 12–21 члена, избираемых неким собранием из 80—100 человек. В других проектах, в частности в проекте А. М. Черкасского, Верховный тайный совет совсем упразднялся, а основное место предоставлялось Сенату в составе 21–30 членов. Все проекты поддерживали идею выборности членов Сената и высших учреждений от «общества», т. е. дворянства. Некоторые проекты предлагали важнейшие государственные вопросы решать «общим советом» правительству, генералитету и шляхетству.

Узкосословный характер всех проектов бросается в глаза, так как ни один из них не затрагивает вопроса о положении и правах крестьянства. Лишь два проекта робко намекнули на желательность облегчить положение купцов. Во многих дворянских проектах зазвучали призывы отменить злосчастный закон о единонаследии, ограничить срок дворянской военной службы, дать сроки выслуги лет и т. п. «Верховники» же заботились о льготах для знати. Отсюда и резкое осуждение «верховников».

10 февраля Анна прибыла под Москву, в село Всесвятское. Почти тотчас к ней явились гвардейцы Преображенского полка и кавалергарды. Прием был очень милостивым: Анна не поленилась каждого угостить чаркой и объявила себя полковником преображенцев и капитаном кавалергардов. Оба полка выразили «величайшую радость и удовольствие». Деталь эта весьма важна. Видимо, Анна знала, с чего начинать. Узнав об этом, «верховники» встревожились. К тому же на их приеме во Всесвятском при вручении ордена Св. Андрея Анна Ивановна подчеркнуто сама надела орден на себя.

Торжественный въезд Анны в Москву состоялся 15 февраля. Затем «верховники» постарались изолировать ее во дворце от представителей дворян. Василий Лукич Долгорукий, «как дракон», сторожил ее. Брожение среди дворянства, упорство «верховников» привели к подаче 25 февраля 1730 г. Анне петиции с просьбой рассмотреть дворянские проекты для выработки единого. По совету сметливой сестрицы Екатерины, герцогини Мекленбургской, Анна подписала петицию, но обратила внимание на бурное неодобрение гвардейцев, коленопреклоненно призывавших ее стать самодержицей. Оценив ситуацию, Анна тут же публично распорядилась, чтобы гвардейская охрана дворца подчинялась только генералу С. А. Салтыкову.

Это был весьма расчетливый ход. Дворянству дали до смешного малый срок (до обеда!) для обсуждения проектов. После обеда Анне был предложен текст за подписью князя Ивана Трубецкого, князя Григория Юсупова, князя Алексея Черкасского, Григория Чернышева и других (166 подписей), где рекомендовалась самодержавная форма правления, уничтожение Верховного тайного совета, восстановление правительствующего Сената с 21 персоной и выборность высших чинов дворянством с утверждением императрицей. При подаче петиции произошел спор В. Л. Долгорукого с А. М. Черкасским, в котором последний публично заявил, что «верховники» составили «кондиции» без согласия дворянства. Анна вдруг очень удивилась, как будто впервые узнала об этом, и театрально воскликнула, обращаясь к Василию Лукичу: «Как, разве пункты, которые вы мне поднесли в Митаве, были составлены не по желанию целого народа?» Услышав дружное «нет» всех присутствующих, Анна с гневом воскликнула: «Так, значит, ты меня, князь Василий Лукич, обманул?!» Тут же был послан Маслов, секретарь Совета, за «кондициями» и письмом Анны, и документы были публично порваны.

Таков финал этого скоропалительного движения кругов феодальной аристократии за олигархический строй. Анна Ивановна стала самодержицей. И снова, как и в прошлом, немалую роль здесь сыграла придворная гвардия.

Уступки верховной власти и ее месть. Однако новая государыня была достаточно умна, чтобы учесть требования дворянства, выявленные в бурные дни февраля 1730 г. Верховный тайный совет был ликвидирован. Вскоре, правда, возник при императрице так называемый Кабинет из трех министров. С 1735 г. указы Кабинета вновь были приравнены к именным указам, т. е. он стал напоминать Верховный тайный совет. Сенат в соответствии с проектом был доведен до состава в 21 персону (правда, никакое «общество» его не выбирало!). В 1730 г. был отменен указ о единонаследии, запрещавший дробить дворянские поместья между наследниками. С 1736 г. был ограничен 25 годами срок дворянской службы. Наконец, было учтено и стремление дворян не служить рядовыми, а поступать на службу офицерами. Для этого в 1731 г. был создан Сухопутный шляхетский корпус, по окончании которого присваивались офицерские звания, а затем — Морской, Артиллерийский и Пажеский корпуса.

Не забыла Анна февральские дни и по другим причинам — «верховники» должны быть наказаны! Расправа началась не сразу. На первых порах Голицыны даже получили пожалования от новой царицы.

Быть может, Анна понимала еще, что Голицын отстоял именно ее среди многих претендентов. Что же касается Долгоруких, то у них сразу были отобраны драгоценности, награбленные из казны в переполохе болезни и смерти Петра II. Потом началось так же, как с Меншиковым. Сначала Долгорукие получили назначения губернаторами и воеводами в отдаленные края (Сибирь, Астрахань, Вологда). Внезапно, во изменение решения, их отправили в дальние собственные поместья. Через короткое время новые изменения — ссылка в Бере-зов, Пустозерск, Соловецкий монастырь и т. д. Затем состоялась конфискация имущества, и, наконец, по доносам в 1739 г. для оставшихся в живых Долгоруких было заведено новое «дело»: их жестоко пытали и казнили в Новгороде (Ивана Алексеевича Долгорукого четвертовали, Ивану и Сергею Григорьевичам и Василию Лукичу отрубили головы). Дмитрий Михайлович Голицын, как будто забытый, долгое время жил под Москвой в селе Архангельском. Но в 1737 г. по какому-то навету его сажают в Шлиссельбургскую крепость, где старец и погиб.

В. О. Ключевский дал Анне Ивановне ядовитую, но чрезвычайно меткую характеристику: «Рослая и тучная, с лицом более мужским, чем женским, черствая по природе и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, где ею помыкали, как русско-прусско-польской игрушкой, она, имея уже 37 лет, привезла в Москву злой и малообразованный ум с ожесточенной жаждой запоздалых удовольствий и грубых развлечений».

Увеселения при Анне достигли буквально фантастических масштабов. Это была бесконечная вереница праздников, балов и маскарадов, каждый из которых мог продолжаться до 10 дней подряд. Содержание двора стало обходиться впятеро-вшестеро дороже, чем при Петре I. Беспрестанно меняющиеся костюмы, крикливая роскошь стали общей чертой двора. Кабинет-министр при императрице А. П. Волынский, отнюдь не франт, в своем гардеробе одних французских камзолов имел до 25, да «27 жилетов парчевых, шелковых, бархатных, вышитых серебром и золотом с бриллиантовыми застежками на иных». Однако показная роскошь имела и весьма суровую обратную сторону. Русская знать того времени, по сути, была бедна. Богатый обычно являл свою роскошь прежде всего сытными пирами, за которыми были обильные столовые припасы. Но на бесконечные наряды нужны были деньги, а их никогда не было. Обычно, как пишет СМ. Соловьев, «не щеголяли переменным платьем, не стыдились по старине носить платье отцовское и материнское». Теперь все иначе. А где взять? Выход был только в продаже деревень или в повышении их доходности.

Испанский посланник дюк Яков де Лирия пишет: «Я был при многих дворах, но я могу вас уверить, здешний двор своею роскошью и великолепием превосходит даже самые богатейшие, потому что здесь все богаче, чем даже в Париже». Английский посланник Клавдий Рондо писал своему начальству: «Ваше превосходительство не можете вообразить себе, до какого великолепия русский двор дошел в настоящее царствование, несмотря на то, что в казне нет ни гроша, а потому никому не платят». Любительница шутовских драк, диких шутовских свадеб, езды на козлах и т. д., Анна завела шутов из знатнейших феодальных фамилий (князь М. А. Голицын, князь Н. Ф. Волконский, граф А. П. Апраксин), низведенных до этого положения за какие-то проступки. В обществе Анны постоянно крутились всякого рода приживалки, юродивые, шутихи, рассказчицы, без умолку болтавшие возле царской постели. Во дворе Зимнего дворца был заведен тир и «охота». Сюда для любительницы пострелять привозили и волков, и медведей.

Из причудливых развлечений двора той эпохи наибольшую известность получила свадьба шута князя М. А. Голицына, дошедшего к тому времени до состояния, близкого к идиотизму, состоявшаяся зимой 1740 г. в знаменитом ледяном доме. Для дикой «шутовской» свадьбы были привлечены талантливейшие мастера и умельцы, создавшие шедевр безделицы, потрясший тогдашние умы. На Неве между Зимним дворцом и Адмиралтейством был построен из чистого льда целый дворец, который, по свидетельству русского академика Г. В. Крафта, «гораздо великолепнее казался, ежели когда бы он из самого лучшего мрамора был построен». Высота его около 7 м, длина около 20 м. «Все украшения зодчества, статуйки, рамы и стеклы в окнах, столы, стулья, кровать с постелью, печи — словом, все внутренние приборы и разная посуда, множество безделушек были сделаны из льда». Перед дворцом стоял слон, из хобота которого бил фонтан горящей нефти, львы, изрыгающие пламя, деревья с листьями, мортиры, пушки — все было ледяное. Интереснейшее творение исчезло бесследно почти тотчас после его создания.

Бироновщина. Наиболее часто употребляемая характеристика царствования Анны Ивановны может быть выражена одним словом — «бироновщина».

С воцарением герцогини Курляндекой, по образному выражению В. О. Ключевского, «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении». Во главе этой иноземной корпорации, состоящей главным образом из прибалтийских дворян, стоял фаворит Эрнст-Иоганн Бирон

(измененное от Бирен), с 1718 г. служивший при курляндском дворе Анны Ивановны.

При Анне Ивановне Бирон находился в зените власти, ибо царица всецело была под его влиянием. Не занимая официальных государственных постов, Бирон фактически направлял всю внутреннюю и внешнюю политику России. Его фавор отмечен грубым произволом, массовыми арестами и пытками, взяточничеством и казнокрадством, засильем разного рода проходимцев из числа прибалтийских немцев.

Императрица была буквально тенью своего фаворита. Вкусы Бирона были ее вкусами. Бирон не любил мрачные темные цвета, и весь двор, начиная с императрицы, одевался в пестрые, светлые тона, вплоть до старцев вроде Остермана. Бирон обожал лошадей — и императрица полюбила их и даже научилась гарцевать амазонкой. Императрица наводнила Курляндию русскими войсками, когда «убеждала» курляндское дворянство выбрать Бирона герцогом Курляндским, дабы исполнить его желание. В хищениях и произволе Бирон шел по стопам Меншикова и Долгоруких. У супруги Бирона, бывшей фрейлины Анны Ивановны, одних драгоценностей было на сумму свыше двух миллионов червонцев. Не теряли времени даром и подручные Бирона. Его ближайший доверенный Липман, придворный банкир, открыто продавал должности в пользу фаворита и занимался ростовщичеством на паях с Бироном.

На первый план выдвигаются такие фигуры, как братья К.-Р. и К.-Г. Левенвольде, К. Л. Менгден, И. А. Корф, Г. К. Кайзерлинг, Г. Р. Ливен, К. Бреверн, А. К. Шемберг и др. Видимо, желая укрепить свое положение, Анна Ивановна создает третий лейб-гвардейский Измайловский полк. Сам полк был сформирован князем М. М. Голицыным из малороссийской мелкой шляхты, но офицерские кадры для него поручено было набрать графу Карлу-Густаву Левенвольде, полковнику новосозданного полка, «из лифляндцев, эстляндцев и курлянд-цев и прочих наций иноземцев и из русских». По свидетельству французского посланника Жака Шетарди, к концу царствования Анны Ивановны все три гвардейских полка находились под начальствованием иностранцев: фельдмаршала Б. Х. Миниха, герцога Брауншвейгского, генерала Дж. Кейта и генерала Густава Бирона. Конногвардейцы были под командой наследного принца Курляндского. Великолепно знавший механизм дворцовых переворотов, Шетарди пояснял: «Эта гвардия… составляет здесь главную опору власти, поэтому она вся поручена ведению иностранцев, чтобы на нее более можно было полагаться».

По словам В. О. Ключевского, «над кучей бироновских ничтожеств

высились настоящие заправилы государства, вице-канцлер Остерман и фельдмаршал Миних», поскольку фаворит не утруждал себя государственными делами. Правительственный курс при Анне определял А. И. Остерман. Вопросы военные сосредоточил в своих руках фельдмаршал Б. Х. Миних (выходец из семьи ольденбургского инженера, он с 1721 г. находился на русской службе, руководя строительством Ладожского канала).

Для бироновщины помимо чрезвычайно характерного презрения к представителям российского дворянства и засилья иностранцев присуща обстановка полного произвола. Повсюду рыскали шпионы, ложные доносы губили любого, кто попадал в стены Тайной канцелярии. Тысячи людей гибли от жесточайших пыток. Произвол чинили и местные правители. В армии царила суровая палочная дисциплина и муштра по прусскому образцу. И все это на фоне непосильных поборов, голода и нищеты народных масс. Уродливые черты бироновщины вызывали в среде дворянства, особенно его верхушки, глубокое недовольство режимом. Еще в 1730 г. наблюдательный английский посланник Клавдий Рондо писал: «Дворянство, по-видимому, очень недовольно, что ее величество окружает себя иноземцами». Недовольство возрастало.

Дело Волынского. Вскоре вокруг одного из преуспевающих политических деятелей этого времени, бывшего астраханского и казанского губернатора, а ныне кабинет-министра Артемия Петровича Волынского стал собираться своего рода кружок недовольных. Среди близких А. П. Волынскому так называемых конфидентов были советник экипаж-мейстерской конторы и горный офицер А. Ф. Хрущев, президент коммерц-коллегии П. И. Мусин-Пушкин, архитектор П. М. Еропкин, обер-прокурор Сената Ф. И. Соймонов. Энергичный талантливый администратор, А. П. Волынский быстро продвинулся по служебной лестнице и с 1738 г. стал кабинет-министром. Вскоре он стал ведущей фигурой кабинета и чуть ли не единственным докладчиком императрице. К моменту так называемого дела А. П. Волынский трудился над проектом государственных реформ, получившим название «Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел». В кругу «конфидентов» часто обсуждались в связи с этим различные аспекты государственной деятельности и внутриполитической жизни, высказывались весьма резкие суждения о засилье иностранцев («они вникнули в народ, яко ядовитые змеи, гонящие народ к великой нищете и вечной погибели»). Сам Волынский скоро стал в весьма натянутых отношениях и с Бироном, и с Остерманом. Будучи в придворном чине обер-егермейстера, Волынский уволил из конюшенного

ведомства двух немцев, чем дал начало активному наступлению своих противников. В ответ на жалобы Волынский написал на имя Анны Ивановны письмо, представляющее своего рода кредо по вопросу об иностранцах в России: «Какие притворства и вымыслы употребляемы бывают при ваших монаршеских дворах, и в чем вся такая закрытая безсовестная политика состоит». Не называя имен, автор довольно ясно намекал на существование группы людей, и прежде всего Ос-термана, целью которых было «на совестных людей вымышленно затевать и вредить… дабы тем кураж и охоту к службе у всех отнять». Вызов, таким образом, состоялся, так как все в один голос говорили, что Волынский написал про Остермана. Одно шло к другому. Письмо было встречено очень холодно. Так случилось, что на «ледяной свадьбе» Волынский избил придворного поэта; потом нашли, что Волынский незаконно выдал своему дворецкому из конюшенного ведомства пятьсот рублей. Но дело довершило другое. В кабинете шло обсуждение вопроса о денежной компенсации Польше за проход русских войск во время русско-турецкой войны. Поляки заломили высокую сумму. Бирон поддержал их, поскольку, будучи герцогом Курляндским, являлся вассалом Польши. Вспыльчивый Волынский заявил, что «не будучи ни владельцем в Польше, ни вассалом ее, не имеет побуждений угождать исстари враждебному России народу». Таким образом, Бирон был сильно уязвлен и поставил Анне ультиматум: «Либо он, либо я». Вскоре состоялся арест дворецкого Волынского и его самого. Дворецкий под пытками передал все когда-либо высказанные Волынским и его «конфидентами» неудовольствия иностранцами, а главное, хулу на императрицу: «Государыня у нас дура, и как докладываешь, резолюции от нее никакой не добьешься!» Последовали аресты «конфидентов». Было объявлено о раскрытии огромного заговора. Аресты распространялись и на провинцию. После недолгого следствия с жесточайшими пытками в 1739 г. последовал приговор и казнь на Сытном дворе в июне 1740 г. А. П. Волынскому отрезали язык, отрубили правую руку, а потом голову, П. М. Еропкина и А. Ф. Хрущева обезглавили, другим «урезали» языки и отдали в каторгу. Так погибли один из наиболее ярких политических деятелей той эпохи и его соратники.

§ 3. Дворцовые перевороты середины века

Осенью 1740 г. императрица, уже давно страдавшая мочекаменной болезнью, серьезно занемогла, возбудив толки о будущем российского

престола. Правда, вопрос о самом наследнике престола уже был как будто решен. Еще задолго до этого момента один из приближенных Анны, К. Левенвольде, был послан по европейским дворам присмотреть жениха для племянницы Анны Ивановны — мекленбургской принцессы Анны Леопольдовны (до крещения в 1733 г. она именовалась Елизавета Екатерина Христина как дочь Екатерины Ивановны и герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского).

Так в России появился 19-летний принц Антон-Ульрих Брауншвейгский, где его приняли на службу и после нескольких лет закалки в военных действиях с Турцией женили летом 1739 г. на царицыной племяннице, весьма недалекой, флегматичной, хотя и миловидной девушке. 12 августа 1740 г. появилось на свет дитя, с пеленок именуемое Иваном Антоновичем. Анна Ивановна сама была его восприемницей и именно в нем видела будущего наследника престола. Французский посланник Ж. Шетарди писал в предсмертные часы Анны Ивановны: «Я вижу, что здешний народ близится к моменту освобождения от ига иностранного министерства, чтобы подчиниться господству иностранной династии».

Главный же нерешенный вопрос был в другом — кому быть регентом до того, как младенец станет мужчиной. Именно это занимало головы виднейших сановников Анны Ивановны. Сами родители младенца в качестве возможных кандидатур не фигурировали, хотя некоторые иностранные послы предполагали Анну Леопольдовну регентшей. Ближайшие же подручные Бирона постепенно склонялись к мысли назначить регентом его, так как сам Бирон весьма стремился к этому.

Кабинет-министры А. П. Бестужев (выдвиженец Бирона) и князь А. М. Черкасский убеждали сенаторов в целесообразности этой кандидатуры. Б. Х. Миних, трезво оценивая ситуацию, видимо, не возражал, а А. И. Остерман, как всегда в таких случаях, был болен и отлеживался дома. Сама же императрица, подписав поднесенный ей манифест о наследнике, вопрос о регентстве не поднимала. И только, когда медик, португалец Рибейра, объявил о безнадежном положении царицы, давно заготовленный и обсужденный в кругу высших сановников (ставленников того же Бирона) манифест о регентстве Бирона был подан умирающей императрице на подпись. Анна Ивановна дважды откладывала подписание манифеста, но в конце концов после беседы с принесенным к ней в кресле хитрым и осторожным подагриком А. И. Остерманом манифест был подписан.

Регентом стал Э.-И. Бирон. Подвластный ему Сенат на другой день преподнес ему титул высочества и полмиллиона рублей в год. Впереди

были 17 лет полного господства, ибо Иван Антонович, по манифесту, должен был стать совершеннолетним лишь по истечении этого срока. Если с младенцем что-нибудь случится, наследниками должны стать его братья, а регентом опять тот же Бирон. Все, казалось, было прочно, на «законном основании»… Однако давно зревшее недовольство временщиком не угасло, а все более разгоралось. Уже вскоре после назначения регента вокруг принца Антона-Ульриха стали собираться недовольные. Это были в основном гвардейцы Семеновского полка, подполковником которого он был. Однако недовольство было быстро подавлено, виновные наказаны. Принцу Антону-Ульриху публично в Сенате зловещим А. И. Ушаковым была прочитана мораль, а в итоге принц подал в отставку со всех постов. И тем не менее у временщика не было никакой опоры ни при дворе, ни в гвардии, которой командовали, казалось, верные ему иностранцы.

И действительно, регентствоБирона продолжалось до смешного короткое время — 3 недели! 8 ноября не кто иной, как честолюбивый фельдмаршал Миних и его адъютант подполковник Манштейн, вступив в контакт с Анной Леопольдовной и вырвав у нее благословение, с группой гвардейцев в 80 человек ночью приступили к Летнему дворцу, где жил Бирон. Охрана дворца, человек 300, не препятствовала заговорщикам, и Х. Манштейн с двумя десятками солдат легко проник в спальню временщика. Разбуженный регент пытался сопротивляться, но, быстро связанный офицерским шарфом, в накинутой солдатской шинели был доставлен в Зимний дворец.

Таков был еще один дворцовый переворот, при котором пал зловещий временщик, ловкий интриган и деспот, пославший тысячи людей на смерть и пытки.

С падением Бирона взаимная грызня придворной клики не прекратилась. Муж вновь объявленной правительницы принц Антон-Ульрих теперь постоянно жаловался, что он генералиссимус, а все дела идут по-прежнему через честолюбивого Ми-ниха. Поговаривали и о том, что А. И. Остерман, этот виднейший и опытнейший государственный деятель, остался также недовольным, так как первым министром стал Б. Х. Миних, а ему, Остерману, дали лишь чин великого адмирала.

Весьма существенную роль играла и внешнеполитическая ориентация Б. Х. Миыиха. Почти одновременно с Анной Ивановной скончался другой европейский скипетродержатель — австрийский император Карл VI. Назрела война Австрии и Пруссии, которая решила захватить у Австрии Силезию. Фельдмаршал Миних настоял на нейтральной позиции России в предстоящей войне за «Австрийское наследство». Больше того,

фельдмаршал добился заключения с Пруссией союза в декабре 1740 г. Это вызвало неудовольствие в придворных кругах, включая и Брауншвейгскую чету, которая держала сторону Австрии. В итоге правительница издала указ, где полномочия Миниха были резко сокращены. Б. Х. Миних остался недоволен, заговорил об отставке, будучи уверенным, что ее не примут. Но отставку все-таки приняли, и фельдмаршал оказался не у дел. Теперь старый А. И. Остерман стал первым. Но тотчас началась новая борьба. Обозначился и основной соперник Ос-термана — вице-канцлер граф М. Г. Головкин. К тому же Анна Леопольдовна также установила с Остерманом прохладные отношения. Один лишь принц Антон-Ульрих все еще подчинялся его влиянию.

Дворцовый переворот Елизаветы. Тем временем полным ходом развивалась придворная дипломатическая интрига, главным вдохновителем которой был французский посланник маркиз Ж. де ла Шетарди. Он прибыл в Россию с заданием любыми средствами содействовать войне России и Швеции. Кроме того, французская дипломатия пыталась втянуть Турцию в войну с Россией. Франция в войне за «Австрийское наследство» была союзницей Пруссии и стремилась укрепить прусский тыл, подогревая реваншистские устремления шведских правителей. Однако подробнее об этом будет речь в другой главе. Сейчас нам важно отметить, что в феврале 1741 г. Шетарди получил задание подготовить «дворцовый переворот» в пользу Елизаветы Петровны.

Интрига с Елизаветой началась с помощью ее придворного лекаря Г. Лестока, который связал ее с Шетарди. Вскоре присоединился и другой партнер, шведский посланник Э. М. Ноль-кен. Оба дипломата усиленно делали вид, что из-за Елизаветы готовы объявить войну Швеции с Россией, где (подумать только!) Швеция выступит защитницей наследия Петра I.Из донесений Шетарди явственно выступает весьма сдержанная линия поведения Елизаветы, которая то и дело «охладевала» к замыслам переворота. Летом 1741 г., когда переговоры подошли к решительной стадии, а Швеция уже объявила войну России, Елизавета стала требовать обещанного ей шведского манифеста, где было бы объявлено, что война идет за освобождение русского престола от иностранцев. Елизавете нужны были и деньги — 15 тыс. червонцев. Шетарди всячески избегал денежного вопроса, туманно обещав лишь две тысячи. Манифест от имени главнокомандующего действующей армией Левенгаупта все же был издан, однако практического распространения он не получил.

Оба дипломата вытягивали из будущей императрицы письменное обещание льгот для Швеции, имея в виду главное — территориальные

уступки. Надо сказать, что такового обязательства Елизавета упорно не давала, и переговоры уже шли на убыль. Этому способствовал и проницательный А. И. Остер-ман. В октябре 1741 г. он, чувствуя недоброе, уже требовал, чтобы Шетарди был отозван французским правительством. Наконец, в конце ноября 1741 г. сама правительница Анна Леопольдовна имела «крупный» разговор с Елизаветой, где было обращено внимание на частые посещения Шетарди дома Елизаветы и дан совет прекратить эти встречи. Это был тревожный сигнал. Но это было не самое опасное, ибо переговоры с дипломатами и так были бесплодными. Дело в том, что Елизавета с помощью Лестока постепенно приводила в порядок традиционный механизм дворцовых переворотов — придворную гвардию.

С молодых лет отличавшаяся весьма вольным поведением, принцесса Елизавета была в тесном контакте с гвардейцами, дружа с красавцами-гренадерами. Великолепно сложенная, живая, веселая и, как говорили, ослепительно красивая, она пользовалась большой симпатией среди гвардейцев. В годы мрачной бироновщины и засилья иностранцев связи Елизаветы с гвардией крепли. Дворянская гвардия видела в ней наследницу Петра I, символ раскрепощения от господства иностранцев. Число сторонников Елизаветы среди дворян-гвардейцев росло.

И вот наступила главная опасность для предстоящего переворота. 24 ноября был отдан приказ всем гвардейским полкам (около 5 тыс человек) быть готовыми к выступлению против шведов, чтобы отразить их наступление на Выборг. Ближайшее окружение Елизаветы — М. И. Воронцов, А. Г. Разумовский, П. И. и А. И. Шуваловы и Г. Лесток настаивали на немедленном перевороте.

Момент был критический, и Елизавета решилась. В первом часу ночи легкие сани понесли ее к гвардейским казармам Преображенского полка. Войдя туда в сопровождении преданных ей гвардейцев, Елизавета обратилась к ним с речью, содержание которой нетрудно угадать. Около 200 присутствовавших там гвардейцев присягнули Елизавете. Двадцать всадников поскакали с этой вестью в остальные казармы, и полки в течение часа были собраны на дворцовой площади. Тем временем с большой группой гвардейцев Елизавета направилась к Зимнему дворцу. Отдельные отряды были посланы для ареста А. И. Ос-термана, Б. Х. Миниха, М. Г. Головкина, барона Х. В. Мини-ха, генерал-майора И. Альбрехта, обер-гофмаршала К.-Г. Левенвольде и генерал-комиссара С. В. Лопухина, шуринов Остер-мана братьев Стрешневых и др. Главный отряд стремительно направился в кордегардию Зимнего дворца, неся будущую императрицу на руках. Охрана дворца, за исключением четырех офицеров,

перешла на сторону Елизаветы. Легко и быстро произошел арест Брауншвейгской четы — сонные люди не оказали сопротивления. Главным арестантом стал несчастный младенец, которому было 1 год 3 месяца.

Переворот совершился. Ночной дворец осветился огнями и стал наполняться толпами знати, спешившими поздравить новую императрицу. Был собран совет, где приняли участие канцлер князь А. М. Черкасский, тайный советник К. Бреверн, фельдмаршал И. Ю. Трубецкой, адмирал Н. Ф. Головин, генерал-прокурор Сената Н. Ю. Трубецкой, вернувшийся из ссылки А. П. Бестужев, обер-шталмейстер А. Б. Куракин.

Как видно из списка, здесь были и бывшие подручные Бирона и люди, не стоявшие близко к новой императрице. Подлинные сотрудники Елизаветы были еще в тени. Совет принял текст присяги. Иа другой день под грохот пушек царица вступила во дворец, и началось приведение гвардейских полков к присяге. А фельдмаршал Б. Х. Миних, барон К. Л. Менгден, граф А. И. Остерман и граф М. Г. Головкин были заключены в Шлиссельбург.

Брауншвейгское семейство вместе с фрейлиной Юлией Менгден поначалу было отправили за границу (они уже добрались до Риги). Потом решение было внезапно изменено. Около года семейство прожило в Динамюнде (под Ригой), а затем, в январе 1744 г., было отправлено в Раненбург, откуда летом того же года переведено в Холмогоры (под Архангельском). Несмотря на опалу и лишения, Анна Леопольдовна почти ежегодно увеличивала свое семейство. В Холмогорах у них было уже, не считая первенца, четверо детей (Екатерина, Елизавета, Петр и Алексей). После родов четвертого ребенка Анна Леопольдовна скончалась 28 лет. Здесь, в Холмогорах, осиротевшее семейство прожило на полутюремном режиме до 1780 г., когда по приказу Екатерины II детей (принц Антон уже умер к тому времени) вывезли в Данию.

Судьба Ивана Антоновича. Что же касается низвергнутого младенца-императора, то в Холмогорах его изолировали от остального семейства, и он пробыл там в полном одиночестве под надзором некоего майора Миллера до 1756 г. Затем внезапно Иван Антонович был тайно переведен в Шлиссельбург — скую крепость.

Долгие годы мальчик-узник рос в невыносимых условиях. По инструкции надзирателю гвардейскому капитану и его сменщику прапорщику предписывалось постоянно быть в «казарме» с арестантом. «А кроме ж вас и прапорщика, — говорилось в инструкции, — в эту казарму никому ни для чего не входить… когда ж для убирания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, тогда арестанту быть за ширмами, чтоб его

видеть не могли». Нетрудно понять, что в этих условиях юноша вырос физически и морально надломленным, человеком с расшатанной, болезненной психикой.

Офицерская охрана еще к тому же постоянно издевалась над ним. Это проглядывает в донесениях некоего охранника Овцына о том, что «хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался». Мальчик что-то еще смутно помнил о прошлом и в припадке гнева называл себя великим человеком, принцем. «Дня три как в лице кажется несколько почернел, — пишет перепуганный Овцын об одном из таких припадков, — и чтоб от него не робеть… воздержаться не могу; один с ним остаться не могу; когда станет шалеть и сделает страшную рожу, отчего я в лице изменюсь, он, то видя, более шалит». Так продолжалось долгие годы, вплоть до 1764 г.

Итак, 28 ноября был издан манифест, обосновавший все права на престол новой императрицы. Новая государыня раздавала милости направо и налево. А. Г. Разумовский, П. И. и А. И. Шуваловы, М. И. Воронцов были сделаны камергерами. Гвардейские офицеры всех полков и офицеры Ингерманланд-ского и Астраханского полков получили желаемое — треть годового жалованья, солдаты Преображенского полка — по 12 тыс. руб., Семеновского и Измайловского — по 9 тыс. руб., Ингерманландского и Астраханского — по 3 тыс. руб. Гренадерская рота преображенцев была отмечена особо — получила звание «лейбкомпании», а капитаном ее стала сама царица. Всем им пожаловано было потомственное дворянство и деревни (каждый рядовой лейбкомпании получил по 29 душ крепостных). Итак, механизм, исправно сработавший, был, так сказать, вознагражден.

Сразу же было объявлено об уничтожении Кабинета и восстановлении в правах Сената. Сенат был обновлен, в него вошли: фельдмаршал князь Ив. Ю. Трубецкой, тайный советник А. П. Бестужев-Рюмин, обергофмейстер С. А. Салтыков, генерал-прокурор князь Н. Ю. Трубецкой, обер-прокурор И. О. Брылкин, великий канцлер князь А. М. Черкасский, адмирал граф Н. Ф. Головин и др.

Наряду со старыми выдвигались и новые фигуры. После торжественной коронации 25 апреля 1742 г. родственник царицы принц Гессен-Гамбургский стал генерал-фельдмаршалом, А. Г. Разумовский — обер-егермейстером, в графское достоинство возведены Бестужевы-Рюмины, генерал Чернышев и т. д.

Однако эти выдвижения еще не остановили ожесточенной реакции против иностранцев (среди новых фигур были такие фамилии, как Шварц, Грюнштейн и др.). Необходим был процесс над бывшими заправилами. И

он был проведен. В январе 1742 г. Б. Х. Миних был приговорен к четвертованию, А. И. Остер-ман — к колесованию, К.-Р. Левенвольде, К. Л. Менгден, М. Г. Головкин — к отсечению головы. После инсценировки приготовлений к казни осужденным была объявлена милость Елизаветы: казнь заменена ссылкой Б. Х. Миниха в Пелым, А. И. Остермана — в Березов, К.-Р. Левенвольде — в Соликамск и т. д.

Интриги вокруг престола и война со Швецией. Итак, на трон взошла дочь Петра Великого. В ходе нашего изложения мы уже не раз касались облика Елизаветы. Теперь это была не юная дева, ей было уже 32 года. Она так и не вышла замуж, хотя в списке ее женихов были и Людовик XV, и герцог Шартрский, и герцог Бурбонский, и инфант дон Карлос, и граф Мориц Саксонский, и герцог Курляндский, и маркграф Карл Бранденбургский, и Людовик Брауншвейг-Люнебургский, и принц Конти и др.

По-прежнему красивая, веселая и живая, Елизавета без ума любила празднества. Мастерица танцевать, она была способна провести в танце весь бал, меняя несколько платьев кряду. Как истая женщина, Елизавета любила наряды, в ее гардеробе было около 15 тыс. платьев (дважды она их не надевала!). Новая императрица окружала себя атмосферой беспрерывных маскарадов, оперных и комических спектаклей. Она любила наряжаться, особенно в мужское платье, любила сама наряжать актеров, особенно молодых людей. Русский двор теперь не видел грубых и жестоких развлечений, должность шута Елизавета устранила вскоре вовсе. Отлично владевшая французским, неплохо немецким, императрица слыла образованным человеком, хотя до конца жизни была искренне уверена, что в Англию можно проехать каретой.

Поначалу императрица старательно вникала в государственные дела. В конце 1741-го и за 1742 г. она семь раз побывала на заседаниях Сената, в 1744 г. зафиксировано уже только 4 посещения. Несмотря на внешнюю простоту поведения, Елизавета была далеко не простодушна и не легко подчинялась влияниям. Не сразу, например, были подобраны кадры на важнейшие государственные посты. Почти тотчас же по вступлении на престол Елизавета снова подверглась сильнейшему дипломатическому давлению со стороны Франции. С воцарением дочери Петра на престоле Швеция не прекратила войны, разоблачив тем самым всю фальшь своего лозунга борьбы за наследников Петра I.

Однако Елизавета, поставив вопрос о войне согласно пресловутому манифесту Левенгаупта, объявила, что отныне причины для войны нет, и просила французского посланника Шетарди о посредничестве. На первых

порах Шетарди так и поступил, уговаривая К. Э. Левенгаупта прекратить войну, но быстро получил нагоняй из Версаля. Сделав головокружительное «сальто», Шетарди объявил теперь Елизавете истинные причины войны Швеции — реванш за поражение от ее отца. Теперь он угрожал ей уже шведским оружием, если не будет требуемых территориальных уступок. Одна из влиятельнейших и самых близких к Елизавете фигур, лейб-медик Г. Лесток употребил все свои силы, дабы склонить Елизавету к выгодному Франции решению. Ведь недаром Лесток, не в пример абсолютно бескорыстному А. И. Остерману, получал так называемую пенсию от французского короля в 15 тыс. ливров ежегодно.

Шетарди и Лесток решили привлечь нового вице-канцлера Алексея Петровича Бестужева. Однако А. П. Бестужев в присутствии Елизаветы проявил мужество и решительно заявил Шетарди, «что он заслуживал бы смертную казнь, если бы стал советовать уступить хотя бы один вершок земли — надобно вести войну!».

На помощь Шетарди прибыл бывший шведский посланник Нолькен. Напор на Елизавету возрастал. Позиции были неравны, так как, по словам Бестужева, «медик имеет возможность говорить с нею по целым часам наедине». И тем не менее Елизавета приняла сторону А. П. Бестужева — военные действия со Швецией были продолжены. Вернув из ссылки и облегчив участь жертв бироновского режима (в частности, были восстановлены в чинах В. В. и М. В. Долгорукие), Елизавета рискнула вместе с тем смягчить участь и Э.-И. Бирона, переселив его из сурового Пелыма в Ярославль. Окружив себя преданными ей людьми, постоянно покровительствуя гвардии и бывая на пирушках лейб-компании, Елизавета, видимо, ни на минуту не забывала о существовании Ивана Антоновича. Почти тотчас по восшествии на престол она вызвала в Россию своего племянника герцога Голштинского Карла-Петра-Ульриха.

Роковые заботы императрицы о странном племяннике. Герцог был то самое «кильское дитя», призрак которого витал при воцарении Анны Ивановны, и тот «чертенок», о котором с беспокойством вспоминала Анна Леопольдовна. Карл-Петр-Ульрих прибыл в Россию в феврале 1742 г. 14-летним мальчиком. Это был противовес свергнутому Ивану Антоновичу. Это было и исполнение знаменитого «тестамента» матери Елизаветы. Правда, по «тестаменту» герцог Голштинский имел первенство перед Елизаветой как потомок Анны Петровны, но он тогда был неправославным. Теперь же Елизавета крестила мальчика, и, став Петром Федоровичем, он приобрелвсе, так сказать, права на престол. Уже 7 ноября 1742 г. он был официально объявлен наследником. Назначение было неожиданностью для

всего окружения Елизаветы. Об этом знали лишь Лесток, О. Брюммер (гофмаршал герцога) да новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич. В таких делах Елизавета не советовалась. Первое стремление добросердечной императрицы освободить Брауншвейгское семейство сменилось потом твердым решением отправить их в безвестность.

Меры по отношению к низвергнутой чете были усилены после так называемого заговора Антония де Ботта. Слух о нем разнессяпо Петербургу в июле 1743 г. Дело, как оказалось, заключалось в том, что маркиз де Ботта, австрийский посланник, в кругу лиц, пострадавших от елизаветинского переворота, высказался в пользу Ивана Антоновича и, видимо, встретил словесную поддержку. Аресты и допросы охватили более десятка лиц. Это были главным образом родственники бывшего гене-рал-кригс-комиссара С. Лопухина и жены М. П. Бестужева. Виновным урезали языки либо сослали в отдаленные места. Этот заговор был великолепным поводом для Лестока погубить обоих братьев Бестужевых (что, скажем, во времена бироновщины было совсем нетрудно). Однако Елизавета твердо верила в невиновность обоих братьев и, несмотря на неоднократные нажимы, даже не сняла их с ответственнейших постов. Вскоре после заговора Ботта, в 1744 г. семейство Брауншвейгского принца переводят в Холмогоры, а в 1756 г. принц Иван Антонович попадает в Шлиссельбург. Веселая, добродетельная императрица, бывшая на троне 20 лет, имела постоянную привычку засыпать лишь на заре, даже тогда, когда этот образ жизни стал сказываться на цвете ее лица, и это при ее буквально болезненном отношении к своей красоте. К этой привычке примыкала и другая странность: Елизавета обожала, чтобы перед сном ей щекотали пятки, что часто длилось до самого утра. Видимо, страшны были ночи царственных особ в эпоху дворцовых переворотов.

Поставившая было с помощью нового окружения все на серьезную основу, Елизавета с течением времени государственным делам уделяла все более ничтожное время. Высшие чиновники буквально изнывали от простоев в делах, проистекавших от вихря удовольствий, в котором кружилась эта государыня. Бумаги лежали годами. Известно, например, что ответ на письмо Людовика XV о рождении у него сына она подписала через 3 года. В какой-то мере ситуацию исправляли некоторые министры.

Фаворитизм как закономерное явление эволюции дворянского государства неизбежно развивался и при Елизавете. Фаворитом номер один был Алексей Григорьевич Разумовский. До него, правда, у Елизаветы также были фавориты (А. Б. Бутурлин, гофмейстер С. К. Нарышкин, гвардейский сержант А. Шубин), но певчий императорской капеллы, обладавший

могучим басом и не менее могучей фигурой, надолго завоевал сердце Елизаветы. Простой черниговский казак привлек внимание Елизаветы задолго до ее восшествия на трон, сделавшись вследствие этого управителем ее имений. Фавор Разумовского был довольно длительным. Некоторые историки потратили немало сил для доказательства тайного брака Елизаветы и Разумовского. Немало мифов и о детях от этого брака.

Так или иначе, фаворит имел немногих и недолгих соперников. Простой казак был удостоен звания фельдмаршала, ни разу не командуя даже полком. По свидетельству современников, А. Г. Разумовский обладал большой трезвостью ума и многое воспринимал с иронией и не вмешивался в политику. Не скрывая своего происхождения, он навещал своих родных и принимал их в Петербурге. Младший брат его после отбытия срока обучения в Берлине и Геттингене еще совсем юношей был заботливо устроен президентом Академии наук. Фаворит был сыном своего времени, богатство его было сказочным, но это был не Бирон. Наоборот, внешнее бескорыстие его было на устах современников. Особенно известны были его карточные проигрыши, когда жадные до денег партнеры без стыда тащили их со стола. Императрица не оставляла его вниманием и тогда, когда с конца 40-х гг. у нее появился новый фаворит, юный красавец Иван Иванович Шувалов. Человек выдающегося влияния и проницательности, он был надежным помощником царицы в деловых вопросах. С А. Г. Разумовским его сближало важнейшее качество — бескорыстие. Вполне правдивы его собственные слова о себе: «Могу сказать, что рожден без самолюбия безмерного, без желания к богатству, честям и знатности». И. И. Шувалов сыграл важную роль в создании и становлении Московского университета, он был также основателем и президентом Академии художеств.

Итак, под неустанной опекой Елизаветы находился наследник престола, будущий Петр III Федорович. Императрица сиживала над ним часами во время его болезней. Неугомонная попечительница стремительными темпами стала искать ему достойную невесту. Дело маркиза де Ботта и Лопухиных подстегнуло ее еще больше. Поначалу было две кандидатуры: саксонская принцесса Марианна, дочь польского короля Августа III, и София-Августа-Фредерика, дочь Ангальт-Цербстского принца. Менее знатное происхождение последней советники Елизаветы сочли более подходящим, к тому же принцесса Цербст-ская не была католичкой, а это для набожной Елизаветы было очень важно. Принцессе было послано 10 тыс. руб. и приглашение приехать в Россию. В феврале 1744 г. принцесса была уже в Москве, в июне ее окрестили, и появилась

Екатерина Алексеевна, будущая Екатерина II. Летом 1745 г. состоялась свадьба.

Суетливые заботы Елизаветы о престоле дали России довольно странного наследника. Внук Петра Великого и внучатый племянник Карла XII, Карл-Петр-Ульрих имел равные шансы быть наследником как русского, так и шведского престолов. Циничные воспитатели юного герцога, рано оставшегося круглым сиротой, старались на всякий случай создать в голове мальчика двойственное мировоззрение, — с одной стороны, лютеранское, с другой — православное, ибо учение о религии есть составная часть мировоззрения тогдашнего человека. Подобный опыт привел к плачевным результатам. Бездарный по природе, слабый умом мальчик на всю жизнь затаил ненависть к книгам, особенно на латинском языке. Уже будучи императором, Петр III запретил держать во дворце книги на латинском. О. Брюммер, воспитатель Карла-Петра-Ульриха, был человеком крайне ограниченным, круглым невеждой, разбиравшимся лишь в лошадях. Забитый им мальчик, а потом уже юноша, рос человеком со странной психикой и причудливыми интересами.

Здесь, однако, мы должны оговориться, что для характеристики личности Карла-Петра-Ульриха историки пользуются главным образом мемуарами Екатерины II, т. е. источника, явно пристрастного к этой личности. Так, Екатерина отмечает, что, уже будучи женатым, он до страсти обожал кукольный театр и кукол вообще. Поздними вечерами и далеко за полночь супруг заставлял супругу играть с ним в куклы, причем это скрывалось от Елизаветы. У Петра Федоровича была и другая страсть: он любил дрессировать собак и мучил их целыми днями где попало — и на даче, и в комнатах дворца. Научившись играть на скрипке, он был способен долгими часами изводить слух окружающих его. По словам В. О. Ключевского, «его образ мыслей и действий производил впечатление чего-то удивительно недодуманного и недоделанного. На серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа. Он походил на ребенка, вообразившего себя взрослым; на самом деле это был взрослый человек, навсегда оставшийся ребенком». Петр Федорович с детства обожал прусского короля Фридриха II, но и это обожание вылилось в очередную довольно дикую странность. Великий князь мог дни и ночи напролет играть в деревянных солдатиков. Когда супруга его собралась рожать, Петр Федорович явился на помощь к ней в полной военной форме с огромной шпагой на боку. Потом у Петра Федоровича появились любовницы из фрейлин его супруги. Наследник стал часто напиваться и т. п.

Ко всему прочему наследник престола питал отвращение к России и ко всему русскому. Сам он ходил в голштинском мундире, окружил себя голштинскими офицерами, пренебрегал русской церковью, на богослужениях мог смеяться, показывал язык священнослужителям. Все это, разумеется, не ускользало от внимания придворных кругов, высших государственных сановников и от самой Елизаветы. Императрица порою чисто по-женски приходила в отчаяние. Однажды в беседе с австрийским послом Эстергази Елизавета жаловалась на слабость рассудка великого князя.

Император Петр III. Так или иначе, но со смертью Елизаветы, наступившей 22 декабря 1761 г., императором стал Петр III. Первым актом нового императора было прекращение всех военных действий против Пруссии. При Петре III была уничтожена зловещая Тайная канцелярия. В развитие законодательства Анны Ивановны и Елизаветы при Петре III был принят важнейший государственный акт — Манифест о вольности дворянства. В короткое шестимесячное царствование Петра III была начата секуляризация церковных имений.

Важность этих мероприятий, их немалое историческое значение для судеб дворянской империи историки давно подтвердили. Несомненно, что государственная политика при Петре III и характеристика личности этого государя находятся в довольно сильном несоответствии. Роль Петра III как личности при проведении этих указов была ничтожна. Дворянский историк М. М. Щербатов рассказал одну из ядовитейших легенд о том, как был принят Манифест о вольности дворянства. Стремясь избавиться от наскучившей ему любовницы Е. Р. Воронцовой и собираясь веселиться с «новопривозною», Петр III объявил, что будет работать со своим секретарем Д. В. Волковым в особой комнате. Последнего действительно заперли в комнате и дали распоряжение подготовить какой-нибудь важный закон. Д. В. Волков собрался с мыслями, вспомнил то, о чем чаще всего говорили сановники, и написал проект Манифеста о вольности дворянства. Государь же веселился с княжной Е. С. Куракиной. Разумеется, это легенда, но весьма правдоподобная.

И тем не менее Петр III был личностью глубоко несимпатичной, а его прусская ориентация, равнодушие и нелюбовь к России, к официальной русской церкви возбуждали в среде дворянства недовольство, создавая шансы для очередного дворцового переворота. Все это отлично понимала его умная супруга.

Софья-Августа-Фредерика, Екатерина Алексеевна в православии, была из рода владетелей одного из бесчисленных мелких немецких

феодальных княжеств, служивших в XVIII столетии своеобразным питомником, поставлявшим саженцы для укрепления и расцвета крупнейших европейских царствующих династий. Неудивительно, что с раннего детства Екатерина готовила себя к судьбе царственной особы. Обладая природным расчетливым умом, Екатерина еще в детстве решила, как писала о том позже, что наиболее подходящая партия для нее в Европе — это Карл-Петр-Ульрих, наследник российского престола. Брак по расчету, оказавшийся несчастливым и бывший, по ее уверению, фактически фиктивным около 9 лет, тем не менее не поверг ее в уныние и отчаяние. Волевая женщина все свои силы и способности употребила, по ее словам, на достижение трех целей: «1) нравиться великому князю, 2) нравиться императрице, 3) нравиться народу», т. е. высшему придворному обществу. Она мужественно терпела все дикие выходки своего супруга. Никто, как она, не был так старателен в выполнении обычаев православной церкви, что очень нравилось набожной Елизавете. Наконец, она была весьма скромна, тактична при дворе с его сложной сетью хитросплетений интриг. Долгое время к Екатерине, как пишет об этом она сама, относились весьма подозрительно. Однако честолюбивая молодая женщина в конце концов завоевала прочное расположение императрицы и в придворных кругах. Отлично владевшая французским и немецким, Екатерина прилежно и быстро выучилась русскому языку, хотя всю жизнь потом писала с большими ошибками. В дни одинокого супружества, она довольно много, хотя и беспорядочно, читала. Тут были и античные авторы, и довольно модные тогда французские энциклопедисты. Разумеется, образование ее оставляло желать лучшего.

Прожив долгую жизнь при русском дворе, Екатерина отлично усвоила его нравы, небезызвестны ей стали и тайные пружины власти. Когда Петр III взошел на престол, положение Екатерины стало весьма непрочным. Отношения ее с супругом, которого она, видимо, ненавидела всею душою, стали весьма прохладными. Петр III публично третировал и оскорблял ее. Придворные поговаривали о предстоящем заточении ее в монастырь и женитьбе Петра III на Е. Р. Воронцовой. В этой обстановке Екатерина постепенно собирает приводные нити старого механизма государственных переворотов. Поведение императора было настолько вызывающим, что в недовольных не было недостатка. Окончив войну с Пруссией, Петр III пустился защищать интересы своего родного карликового государства — Голштинии — и объявил из-за Шлезвига войну Дании. Он распорядился во всех российских православных церквях снять все иконы, кроме икон Спасителя и Богоматери. Он одел войска в прусскую форму, он на одном из

званых обедов при великом множестве знати публично встал на колени перед портретом короля Фридриха II, называя его своим государем. Терпение дворянства лопнуло.

Дворцовый переворот Екатерины и убийство Петра III. Среди недовольных был человек, близкий Екатерине, — воспитатель ее сына Павла граф Никита Иванович Панин, известный дипломат елизаветинской эпохи, человек с большими связями и влиянием. Немалую роль в начальной стадии подготовки переворота сыграла княгиня Е. Р. Дашкова, урожденная Воронцова. Через ее мужа Екатерина устанавливала свои связи с гвардией.

Из высших сановников ей симпатизировали генерал-прокурор А. И. Глебов, генерал-фельдцехмейстер Н. П. Вильбоа, князь М. Н. Волконский, директор полиции Н. А. Корф. По мнению В. О. Ключевского, большую роль в заговоре сыграл малороссийский гетман граф Кирилл Григорьевич Разумовский. Он был полковником и любимцем лейб-гвардии Измайловского полка, а это, ввиду заговора, весьма важное обстоятельство. В гвардии сторонниками Екатерины являлись офицеры — пре-ображенцы П. Б. Пассек и С. А. Бредихин, братья Н. И. и А. И. Рославлевы и М. Ласунский из Измайловского полка. Наиболее активным был офицер конной гвардии 27-летний Григорий Орлов с братьями Алексеем и Федором. В конной гвардии активно действовали 17-летний унтер-офицер Г. А. Потемкин, 22-летний офицер Ф. А. Хитрово и др. К июню, по словам Екатерины, на ее стороне было около 40 гвардейских офицеров и до 10 тыс. солдат.

Толчком к выступлению послужила сумасбродная война из-за Шлезвига. Гвардии было приказано выступать. К тому же 27июня из-за волнений и выкриков солдат в пользу Екатерины был арестован Пассек. Это было сигналом для активных действий. В самом Петербурге царственных особ не было. Император веселился в Ораниенбауме, а Екатерина была в Петергофе, где оба 29июня должны были встретиться. Взбудораженный арестом Пассека Преображенский полк посылает гонца Алексея Орлова к Екатерине, который привозит ее в Петербург. В дело включились Дашкова и Панин. Был поднят Измайловский полк, в казармы которого привезли Екатерину. В присутствии самого К. Г. Разумовского солдаты присягнули новой императрице. Затем последовали в Семеновский полк. Тотчас после этого в Казанском соборе произошел торжественный молебен и в ектений была упомянута самодержица Екатерина II.

Все полки были направлены на окружение и захват караула Зимнего дворца. В нем Екатерина встретилась с Сенатом и Синодом, которые в

полном составе присягнули новой императрице. Дело было сделано. Механизм, хорошо подготовленный, сработал четко и без осечек. При этом социальное господство помещиков России оставалось незыблемым.

Самодовольный и ни о чем не подозревавший Петр III со своим ближайшим окружением приехал в Петергоф и вместо торжества по поводу завтрашних своих именин (29июня) увидел опустевший старый дворец Монплезир. Кто-то сказал, что Екатерина тайно уехала в Петербург. Петр III, недоумевая, послал гонцов разузнать, в чем дело. Это были М. И. Воронцов, Н. Ю. Трубецкой и А. И. Шувалов. Их привели к присяге. По некоторым данным, М. И. Воронцов поначалу отказался присягать. Но, так или иначе, гонцы обратно не вернулись, и все стало ясно. Петр III решил защищаться с голштинским отрядом, но его отговорил присутствовавший там фельдмаршал Б. Х. Миних. Решено было ехать в Кронштадт. Однако, подплыв на яхте с кучкой приближенных к Кронштадту, Петр III был встречен грубым окриком коменданта И. Л. Талызина, уже назначенного Екатериной. Талызин заявил, что будет стрелять из пушек, если яхта не удалится. Привыкший командовать лишь на вахт-парадах, Петр растерялся, забился в трюм и более ничего не предпринимал. Яхта отплыла вновь в Ораниенбаум. Отсюда был выслан А. М. Голицын с предложением Екатерине разделить власть, но из этого ничего не вышло. Тогда Петр III написал отречение, войска императрицы заняли Петергоф, а вечером Петра увезли в Ропшу, где 6 июля, через 6 дней после переворота, он был удушен. В манифесте была объявлена другая причина смерти — геморроидальные колики. Естественно, участники переворота были щедро вознаграждены как деньгами, так и «крещеной собственностью», т. е. крепостными крестьянами. Раздачи были невероятно щедрыми — по 300–800 душ крестьян. Григорий Орлов стал камергером, Алексей Орлов — майором Преображенского полка, Федор — капитаном Семеновского полка. Всем им дано по 800 душ крестьян. Княгиня Е. Р. Дашкова получила 10 тыс. руб., вскоре еще 24 тыс. руб. Гетман К. Г. Разумовский, Н. И. Панин, М. Н. Волконский — пожизненные пенсии по 5 тыс. руб. в год. Следуя всем правилам, выработанным столь долгой практикой дворцовых переворотов, Екатерина II вернула ссыльных и опальных. 6 июля в Сенате был написан манифест о восшествии Екатерины II на престол. 1 сентября Екатерина выехала в Москву на коронацию, которая произошла 22 сентября 1762 г.

Таков был последний дворцовый переворот из серии переворотов середины века.

Глава 8. Состояние сельской экономики. Проблемы финансов и государственного управления в 20-40-х гг. XVIII в.

§ 1. Состояние сельского хозяйства

В ходе исторического процесса, как уже говорилось, развивается так называемое общественное разделение труда. В силу этого происходит постепенная специализация по видам производства, а взаимосвязь между специализированными производствами осуществляется через рынок. В области сельского хозяйства эти процессы специализации происходят крайне медленно и гораздо позже, чем в промышленности. Тем не менее в XVIII столетии крестьянское хозяйство постепенно перестает быть замкнутым, обеспечивающим само себя абсолютно всем. Крестьяне покупают теперь, вместо того чтобы делать самим, и орудия своего труда (телеги, сани, бочки, сохи, косы, топоры и т. п.), и некоторые предметы домашнего обихода. Переход государства на сбор денежных, а не натуральных налогов усиливает нужду крестьянина в деньгах. Для уплаты налогов государству и для уплаты денежного оброка своему господину крестьянин вывозит теперь на рынок продукты своего труда. Таким образом, крестьянское хозяйство втягивается в систему товарно-денежных отношений.

Этот процесс вовлечения крестьянства в сферу товарно-денежного хозяйства был постепенным, и длительность его измеряется веками. Здесь не могло быть быстрых переходов и крутых скачков. В описываемое нами время развитие товарно-денежных отношений по-прежнему, как и в XVII в., находилось где-то в пределах своей начальной стадии. Основа хозяйства крестьянина все еще оставалась натуральной.

Губительные последствия краткого рабочего сезона. Одна из причин такого положения, как уже указывалось, сводилась к неблагоприятным природно-климатическим условиям — преобладанию почв с низким и даже ничтожным плодородием и очень короткому рабочему сезону в земледелии. Это лишало крестьян возможности тщательно обрабатывать землю. А ведь только многократная вспашка и боронование существенно повышали урожай даже без внесения удобрений. Более того, краткий рабочий сезон в России позволял обрабатывать лишь небольшие наделы пашни. Наконец,

почти во всех районах страны зерновые культуры не развивались до полной зрелости, что заставляло держать сжатый хлеб на полях, подсушивая колосья, а потом еще обрабатывать их горячим дымом овинов, добиваясь полного созревания зерен ржи, овса, ячменя, пшеницы и т. д.

Типичным примером низкой эффективности хозяйствования в таких условиях может служить структура сводного зернового бюджета 232 крестьянских хозяйств из вотчин Кирилло-Белозерского монастыря за 1730 г., т. е. того района, где плодородие почв является наиболее высоким во всем Нечерноземье. Здесь среднестатистическая крестьянская семья из 6 человек имела в посеве 26 пудов разного зерна (около 400 кг). При средневзвешенной (очень высокой) урожайности в сам-3,6 валовой сбор достигал 115,5 пуда (около 1850 кг). Минимальный же расход семьи достигал 125,4 пуда (около 2000 кг), т. е. дефицит был небольшим — 10 пудов. Однако на питание при этом шло всего 72 пуда (около 1150 кг), а это означало, что суточный расход на едока был катастрофически небольшим — всего 526 г зерна (около 1500 ккал при норме в 3200 ккал). Более того, расчет этот не включает расход на подкормку скота. Разумеется, кроме хлеба и круп в рацион питания входили и капуста, и репа, и редька, и свекла, но это кардинально не меняло полуголодный быт крестьян. Выручала лишь рыба да соленые грибы. Следует напомнить, что на нужды хозяйства теперь необходима была продажа части урожая, а это можно было сделать, только туго затянув пояса.

Что же касается мяса, то его ели очень редко. Из молочных продуктов в ходу была сметана: ею забеливали пустые щи в «скоромные» дни недели и на праздники. 'Дефицит мясо-молочных продуктов объясняется также неблагоприятными природно-климатическими условиями в зоне Нечерноземья. Здесь стойловый период был очень длительным (около 200 суток в год) и требовал огромного количества заготавливаемого сена. В то же время предельно короткий рабочий сезон земледельческих работ позволял выделить на сенокос лишь 20–30 суток, а это очень мало. Не хватало сена даже в помещичьих хозяйствах. Судя по инструкциям управителям имений за 50-е годы XVIII в., при нормах, обычных для этой эпохи (160 пудов сена на лошадь, 108 пудов на корову), реально в барских имениях Центральной России на рабочую лошадь расходовали около 80 пудов сена (на нерабочую — 45–50 пудов). Необходимый рабочему скоту овес также в имениях отпускали в мизерных дозах. Так, по инструкции 1733 г. в имении П. М. Бестужева-Рюмина на 200 суток «работная» лошадь получала всего 33 пуда невеянного (засоренного) овса, чистого же — вдвое меньше.

В имениях П. А. Румянцева в 1751 г. на те же цели шло 35 пудов невеянного овса. По свидетельству же русского агронома М. Е. Ливанова, в Англии в конце XVIII в. эта норма достигала от 117 до 133 пудов овса. Поэтому и рабочий скот там был сильнее в несколько раз. Что касается расхода кормов в крестьянском хозяйстве, то он был еще меньше: на лошадь шло менее 70 пудов сена, на корову — чуть более 40 пудов, а овса тратилось в среднем не более 15–20 пудов.

Как же при этом выживали крестьяне? Ведь августовским подкашиванием трав дело не исправишь… И тут следует сказать о многовековой практике использования на корм скоту яровой соломы, а иногда и ржаной. Мелко рубленная солома, обваренная кипятком и засыпанная мякиной и даже мукой, была существенным подспорьем. Но и ее не хватало. Для семьи из четырех человек возможный максимум заготовки соломы достигал примерно 180 пудов, а нужно было более 260 пудов — дефицит около 30 %. В неблагоприятном 1731 г. даже в царских конюшнях на жеребца-производителя в стойловый период истратили целых 18 возов соломы. Однако следует знать, что солома, копченная в овинах, — это грубый, тяжелый, лишенный витаминов корм. От него скот часто болел и погибал. Нередко с апреля и даже ранее слабеющий скот в хлевах поддерживали на веревках до Егория весеннего, когда его выгоняли на свежую траву. Тяжесть и трагичность ситуации и с питанием людей и с кормами для скота можно иллюстрировать советом в инструкции В. Н. Татищева, известного сподвижника Петра Великого. Он, в частности, рекомендовал своим современникам в критических случаях кормить племенных свиней лошадиным калом с присыпкой отрубей, прибавляя при этом, что тем же, на худой конец, можно кормить и… коров. На этом фоне «пищевые» добавки скоту в виде мякины, соломы, ухоботья, ухвостья — явление вполне нормальное. Обычно и то, что «лошади (у крестьян)… весною от бескормицы тощи и малосильны», а коровы «дают немного молока и то жидкого». В наше время это удой хорошей козы (до 600 л).

И тем не менее русский народ и другие народы Восточной Европы приспосабливались и выживали. Испытанный способ в этой ситуации — многодетная семья, ибо большая семья дает в перспективе больше рабочих рук, больший пашенный надел. Популярны были неразделенные братские и большие патриархальные семьи, где эффективна была внутренняя рационализация хозяйства, возможность продать сэкономленное зерно, приплод скота, собранные грибы, ягоды и т. д. Мелкие партии зерна в руках скупщиков превращались в итоге в солидные грузопотоки товаров.

Лесные росчисти — выход из тупика. Более существенный способ

приспособления крестьянина к суровым условиям России заключался в преодолении извечного парадокса — обилия огромных луговых и лесных просторов при ничтожных возможностях земледелия и скотоводства. Способ такого преодоления заключался в вынужденном использовании в Нечерноземье архаичных приемов поддержания плодородия почвы путем лесных расчисток для временных посевов, приносящих на короткий срок высокие урожаи. Отсюда идет и живучесть крестьянской общины, ибо сведение лесов было возможным лишь при коллективных, артельных усилиях. Без этого российская деревня Нечерноземья вряд ли бы выжила. Низкая урожайность в сам-2, сам-3 часто перемежалась с неурожаями, либо частичными, либо охватывающими огромные регионы. В первой половине XVIII в. для Русской равнины отмечено увлажнение климата и учащение длительных летних дождей, вызвавших, в частности, неурожай 1716 г. В 1718 г. сильные заморозки весной и летом погубили посевы. В 1721–1724 гг. во многих губерниях были неурожаи и голод. Серия голодных лет пришлась на 1732–1736 гг. Наиболее страшным был голод 1733 г., прежде всего на территории будущих екатерининских Псковской, Новгородской, Смоленской, Калужской, Тверской, Московской, Рязанской, Владимирской, Костромской и Нижегородской губерний. В смоленских селениях для пропитания сушили дуб, илим, липняк, пекли хлеб из сена, мха и «гнилой колоды». В московских уездах питались также травой, мхом и «гнилой колодой», от нее «ноги и живот пухнут и в голове бывает лом великий, отчего и умирают». К сожалению, эта великая беда не была последней. В 1739–1740 гг. суровые морозы уничтожили озимые. На просторах Среднерусской возвышенности были неурожаи и в 1747–1750 гг. Полоса тяжелых неурожаев 20— 30-х гг. сказалась на финансовом положении страны. И тем не менее народ после столь страшных бед находил в себе силы для жизни, налаживал хозяйство. Хотя и при низкой урожайности, экономя хлеб на питании, крестьяне вывозили зерно мелкими партиями на рынок.

Наряду с легкой сохой большое развитие в центральной части страны получают модернизированные варианты сохи, объединявшие достоинства и сохи, и плуга. Эта модернизация называлась «косуля». Косули были особенно распространены в Центральной России на тяжелых суглинистых почвах, где они применялись наряду с плугом. Косулей крестьянин отваливал более широкий пласт, и если с сохой для вспашки одной десятины земли (около 1 га) он должен был проделать около 48 верст, то с косулей для этого он совершал путь лишь в 33–35 верст. Главное же — косулей вспахивали землю гораздо глубже, что повышало урожайность.

Аграрный рынок. Важно отметить, что препятствием на пути развития товарного хозяйства стояла жесткая система трехпольного севооборота. При том, что все озимое поле было занято рожью, а более половины ярового поля — овсом, остальная земля делилась на мелкие участки между ячменем, льном, горохом, иногда — пшеницей и гречей. Крестьянин не мог, скажем, отказаться от озимой ржи, не мог вместо овса засеять яровое поле одним льном, так как без овса невозможно прожить, хотя этот лен он, может быть, и продал бы с прибылью. Рынок в XVIII столетии не был настолько развит, чтобы удовлетворять потребности самих крестьян в той или иной сельскохозяйственной продукции. Он удовлетворял потребности лишь неземледельческого населения и прежде всего незначительное население городов. Таким образом, специализация крестьянского хозяйства шла очень медленно, сохраняя свою натуральную основу.

И все-таки специализация постепенно развивалась. Крестьянство Центральной России издавна уделяло внимание посевам льна, частично расширяя их в яровом поле и тесня другие культуры. Отличным льном славились районы вокруг Пскова и Ярославля. Скупщики собирали по деревням и селам мелкие партии льна, а купцы в огромных количествах отправляли их за границу или на ткацкие фабрики Ярославля, Костромы, Владимира, Москвы и других городов.

За счет жесткой экономии на питании и путем использования зерна, получаемого на росчистях, с XVII в. постепенно развивался и хлебный рынок, нарастали товарные зерновые потоки, связывавшие Москву с Замосковным краем. В 1731 г. зафиксирован на таможнях привоз хлеба из Великих Лук, Владимира, Суздаля, Ярославля, Арзамаса, а в 1723 и 1728 гг. — из Нижнего Новгорода, Юрьева Польского, Ба-лахны, Каширы, Новгорода, Бежецка, а также Суздаля и Владимира. Таможенные книги за 1723, 1728 и 1730 гг. фиксируют торговые потоки в Московский регион из приокских и южных уездов. Это Коломна, Зарайск, Михайлов, Переяславль-Рязанский, Касимов, Епифань, Тула, а также ближайшие к Москве Серпухов, Венев и Боровск. В 1737 г. в Москву водой в общей сложности было отправлено 1 млн 176 тыс. пудов зерна и муки. Причем из них около 1 млн пудов из Орла. И это не случайно, так как еще в 60-х гг. XVII в. из Орла в Москву доставлялось около 180–240 тыс. пудов хлеба.

Как известно, под влиянием многих факторов рыночные цены на муку и зерно постоянно колебались. Если же огромный первичный материал о ценах обобщить в среднегодовые местные цены, то на уровне движений годовых цен можно выявить определенные закономерности. В частности,

можно обнаружить, что к середине XVIII в. уже сформировались огромные регионы, внутри которых годовыецены колеблются слаженно под воздействием единого механизма. Этот механизм олицетворяет действие единого закона стоимости, под влиянием которого цены, разные по своей фактической величине, слаженно изменяются в пределах этого региона. Таким способом исследователи обнаружили существование к середине XVIII в. единых региональных рынков ржи и рынков овса, т. е. рынков определенного вида товаров. Древнейшим из них, истоки которого уходят в XVII в., был Волжский региональный рынок ржи. В его состав вошли 10 будущих екатерининских губерний (Псковская, Новгородская, Вологодская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская и, вероятнее всего, — Московская).

Другой региональный единый рынок ржи, сравнительно более позднего происхождения, сформировался на Черноземье, примерно ограниченном с юга линией крепостей и засек XVII в. Это гигантские оборонительные линии-«черты»: Белгородская, Симбирская, Закамская и Изюмская. В этот рынок были включены запад и юг Московской провинции, а также Тульская, Переяславль-Рязанская, Орловская, Елецкая, Белгородская, Севская, Воронежская провинции, Слобожанщина и Киев. Региональные рынки овса территориально практически совпадали с рынками ржи. Важно отметить, что северная территория Черноземного рынка сливалась с центральной частью Волжского регионального рынка, что подсказывало их будущее слияние. Появление таких рынков служит надежным свидетельством реальности процесса постепенного создания в области товарного обращения, несмотря на трагичность жизни крестьянина, единого экономического пространства. Вполне понятно и то, что единый механизм макродвижений цен появлялся в наиболее плотно заселенных и освоенных землях исторического центра государства. Центральное Нечерноземье и Черноземный Центр охватывали 50 % населения России в рамках территорий, учтенных 1-й ревизией 1719–1727 гг. Это на 1744 г. составляло 4 млн 224 тыс. душ муж. пола. Сюда же входила и большая часть Левобережной Украины (1 млн 156 тыс. душ муж. пола). Остальные регионы были еще слабо освоены (Северо-Запад — 7,9 % населения страны, Среднее Поволжье — 9,3 %, Северное Приуралье — 5,6 %, часть Латвии, Белоруссии и Смоленщины — 3,1 % и т. д.). Всего в стране по 2-й ревизии было 8 млн 869 тыс. душ муж. пола, или 17,7 млн человек.

Освоение юга и юго-востока. Важно отметить, что ни в Волжский, ни в Центрально-Черноземный рынок еще не включились малоосвоенные

районы (например, будущие Тамбовская и Пензенская губернии), хотя процесс освоения русским населением обширных малозаселенных, но плодородных территорий на юге и юго-востоке страны интенсивно развивался. Русское население было уже значительным и в Заволжье, и в нижнем течении Дона, в районах Предкавказья, в Башкирии и т. д. Территория, где жили татары, чуваши, марийцы, башкиры, в описываемое время имела уже большую прослойку русского населения. Русские крестьяне мирно жили бок о бок с татарами, башкирами, чувашами и т. д., входили в родственные связи между собой. Конфликты возникали, как правило, уже в тот момент, когда вслед за крестьянской колонизацией в эти земли вступали русские феодалы, когда начинались земельные захваты, когда царские чиновники облагали местные народы нежданными налогами и т. д.

Сельское хозяйство вновь осваиваемых южных территорий имело значительные отличия от земледелия нечерноземной полосы. Довольно широкое распространение в этих районах получает перелогье и залежная система. Залежная система, давая хорошие сенокосы, была и методом борьбы с главным врагом этих мест — с сорняками. Плодородная почва, давая обильный урожай, из года в год зарастала все большим количеством сорняков, и поле приходилось бросать на 5—10 лет. Мощные (до 1,5–2 метров) черноземы издавна обрабатывались так называемым малороссийским тяжелым плугом — большим деревянным плугом с железным сошником-наконечником и отвалом, переворачивавшим пласт земли. В такой плуг запрягали по 6–8 волов. Да и стоил он очень дорого, и далеко не каждый пахарь имел его. Рыхлили почву после вспашки ралом или деревянной бороной. Был в употреблении и сабан.

С освоением черноземных земель из центра страны сюда стала проникать соха. Будучи весьма примитивным орудием, соха имела много важнейших достоинств. Она была легка, так как почти вся была из дерева (кроме железных сошников). Поэтому пахать с нею можно было всего лишь одной лошаденкой, что для крестьянина было важным обстоятельством. В итоге в районах Курска, Орла, Тамбова, Воронежа, Пензы, Симбирска и т. д. соха постепенно вытесняет малороссийский тяжелый плуг. В Заволжье у чувашей и татар соха также вытесняет татарский тяжелый плуг сабан.

Итак, освоение плодородного чернозема было еще одним важным фактором в вовлечении крестьянского хозяйства в орбиту товарно-денежных отношений, в преодолении былой замкнутости этого хозяйства. Несмотря на то что районы черноземов часто страдали от засухи, плодородие их было настолько большим, что урожайный год не только

покрывал скудные неурожайные сборы, но и давал излишки зерновой продукции. Урожай ржи достигал сам-10, сам-15; пшеницы — сам-5, сам-8; ур02каи проса — сам-20, сам-30 и более. Кроме того, более свободное маневрирование посевной площадью, чем при обычном трехполье, давало возможность выделять большие массивы земель под пшеницу, просо, гречу и т. д.

Однако наиболее серьезной проблемой развития российского земледелия был, как уже говорилось, острый дефицит времени, которое крестьянин мог использовать для земледельческих работ. Его было так мало, что при более или менее тщательной обработке пахарь мог возделать очень небольшую площадь земли, урожая с которой едва хватало на собственное содержание. Более того, катастрофические серии неурожаев и недородов, как это случилось в 20—30-е гг. XVIII в. (из 20 лет — 9 лет неурожайных!), могли ввергнуть в кризисную ситуацию и страну в целом, о чем будет сказано в следующих разделах. В то же время потребности развивающегося Российского государства требовали гораздо большего по объему валового земледельческого продукта (в отличие от продуктов промышленности, развивающейся мобилизационным путем использования крепостного труда).

Так объективно возникала задача дальнейшего увеличения трудовой нагрузки крестьянина, причем увеличения этой нагрузки в тот короткий сельскохозяйственный сезон, которым природа одарила Россию. Отсюда проистекали и характерные для XVIII столетия процессы резкого усиления эксплуатации подневольного российского крестьянства.

§ 2. Переустройство государственного управления во второй четверти XVIII в.

Так исторически сложилось, что после смерти Петра I созданная им бюрократическая машина дворянского государства должна была пройти сквозь испытания контрреформ. Однако в итоге всех административных изменений система центральных учреждений осталась почти незыблемой. Во главе государства стоял император. При нем в виде совещательного органа попеременно возникали либо Тайный совет, либо Верховный тайный совет, либо Кабинет ее императорского величества, либо, наконец, так называемая Конференция при высочайшем дворе.

При слабости или прямой неспособности к государственной деятельности той или иной царственной особыэти совещательные органы

превращались фактически в высшие органы государственной власти. В их состав входили, как правило, влиятельнейшие сановники. В стенах Тайного совета, Верховного тайного совета и Кабинета решались все крупнейшие вопросы внешней и внутренней политики. Да и не только крупнейшие. В частности, в сохранившихся протоколах Верховного тайного совета есть множество свидетельств того, что наряду с законодательной деятельностью и государственным контролем в Совете решались многочисленные вопросы текущего характера по управлению государством. В этой области и Верховный тайный совет и Кабинет сплошь и рядом подменяли не только Сенат, но и коллегии. Так, подменяя Сенат, Верховный тайный совет утверждал кандидатуры на должности губернаторов, вице-губернаторов, комендантов и т. п. Тем не менее бремя текущих дел управления все же лежало на Сенате, хотя первые три коллегии (Иностранных дел, Военная и Адмиралтейство) практически ему не подчинялись. В 1726 г. Синод был разделен на 2 департамента (первый из них имел, так сказать, идейно-нравственные задачи, а второй — хозяйственные. Это — Коллегия экономии). Во второй половине 20-х гг. были расширены права Юстиц-коллегии, работавшей, как и Вотчинная коллегия, в Москве. В 1730 г. появилось еще 2 приказа (Судный, Сыскной). Сделали это под влиянием чудовищного вала жалоб и че-лобитий. Восстановлена была Ревизион-коллегия. Важнейшую роль в Верховном тайном совете играли А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, А. И. Остерман, П. А. Толстой, Д. М. Голицын (при явном лидерстве Меншикова вплоть до его падения в сентябре 1727 г.). При Петре II в нем важную роль стали играть И. А. и В. Л. Долгорукие.

При Анне Ивановне всю законодательную, исполнительную и судебную власть сосредоточил в своих руках так называемый Кабинет, основанный в ноябре 1731 г. как личная канцелярия императрицы. Распоряжался в нем А. И. Остерман при полной апатии двух других членов Кабинета (Г. И. Головкина и А. М. Черкасского). Но вскоре Э.-И. Бирон вводит в Кабинет П. И. Ягужинского. В 1738 г. на короткое время во главе Кабинета становится А. П. Волынский, а в 1744 г. — А. П. Бестужев-Рюмин. С 1735 г. постановления Кабинета за подписью трех его министров стали заменять указы императорской особы. С этого момента Кабинет стал расширять свои функции за счет сферы непосредственного управления. Сенат и коллегии ежемесячно подавали в Кабинет рапорты о своей деятельности. В прямое подчинение Кабинету перешла Доимочная канцелярия, а также Соляная контора.

В 40-х гг. XVIII в. многое было восстановлено из практики

государственного управленияПетра I. Сенат, в частности, был восстановлен в своих правах и снова стал «Правительствующим Сенатом». Однако и в этот период постепенно нарастала необходимость существования Совета при императорской особе.

В том же направлении эволюционировала и елизаветинская «Конференция при высочайшем дворе». Функции ее в 40-х гг. ограничивались лишь рекомендациями и решениями в области международных сношений. Собиралась она от случая к случаю. Но уже с началом Семилетней войны «Конференция» расширила свои права и стала постоянно собирающимся коллективным органом для руководства военными действиями русских войск. В конце 50-х гг. «Конференция» превращается в государственное учреждение типа Кабинета или Верховного тайного совета, ибо здесь уже фактически решаются и важнейшие вопросы внутренней политики (вопросы финансовой политики, торговли, цехового устройства городов, вопрос о секуляризации церковных владений и т. д.).

Созданный Петром I Сенат — высший правительственный орган, непосредственно подчиненный императору, должен был сосредоточить в своих руках чисто административную власть по руководству всеми государственными учреждениями. Однако во второй четверти XVIII столетия мы постоянно сталкиваемся с ущемлением прав Сената со стороны либо Верховного тайного совета, либо его наследников. Лишь в 40-х гг. XVIII в. Сенат сравнительно долгий период имеет всю полноту своих прав. Такого рода нарушения при условии полной или частичной бездарности царствующих особ в области государственного управления, видимо, были следствием постоянно возникающих олигархических тенденций. Та или иная группировка временщиков стремилась к власти любой ценой и была заинтересована в существовании всякого рода тайных советов.

Степень влияния и могущество того или иного сановника иногда сказывались и на роли тех или иных коллегий. В целом их число и состав оставались во второй четверти XVIII в. те же, как и при Петре I. Внешние сношения государства осуществляла Коллегия иностранных дел, отчасти также Военная и Адмиралтейская коллегии. Социальная внутренняя политика (и прежде всего обеспечение интересов дворянства) проводилась группой коллегий, среди которых были Юстиц-коллегия, Военная коллегия и Вотчинная коллегия (население городов имело Главный магистрат). Вопросами хозяйственной и экономической политики ведали Мануфактур-коллегия, Берг-коллегия, Камер-коллегия, Коммерц-коллегия и Штате-

контора. Вопросами церкви занимался Синод, существовавший на правах коллегии.

Однако при всем этом в 1725–1727 гг. Военная коллегия вышла из-под контроля не только Сената, что было узаконено в 1722 г., но и Верховного тайного совета. Это был период всемогущества Меншикова. Не подчинялись Сенату и были поставлены выше других Адмиралтейская коллегия и Коллегия иностранных дел. Немалую роль при этом сыграло и то, что во главе их стояли «верховники» Ф. М. Апраксин и А. И. Остерман.

В эпоху засилья временщиков весьма характерные меры предпринимались по отношению к институту прокуроров, надзиравших за интересами казны. Во второй четверти столетия их дважды отменяли, а окончательно восстановили лишь при Елизавете.

Так называемые контрреформы, последовавшие после смерти Петра I, имели в виду не столько уничтожение его наследия в преобразованиях дворянской империи, сколько стремление любыми путями преодолеть тот тяжелый финансовый кризис, который разразился в 20—30-е гг. XVIII в. Главное стремление реформаторов — упрощение, удешевление государственной машины. На практике это приводило иногда к нарушениям экономических и иных интересов государства.

В области финансов при Петре I Коммерц-коллегия ведала приходом, а Штате-контора — расходом денежных средств. Теперь же оба учреждения были объединены в одно. В 1727 г. Мануфактур-коллегия была соединена с Коммерц-коллегией под тем предлогом, что члены ее без Сената ни одного важного решения принять не могут и потому «даром хлеб едят». В 1731 г. эта мера была усугублена уничтожением Берг-коллегии, которая также была слита с Коммерц-коллегией и вновь образованной Комиссией о коммерции. И все это надолго, вплоть до 1742 г., когда обе эти коллегии были восстановлены, нарушило ход решения важнейших экономических проблем. Деятельность же Генерал-берг-директориума (с 1736 по 1741 г.) во главе с не имевшим «ни малого знания к содержанию… заводов» А. Шембергом нанесла ущерб развитию горных заводов, не говоря о колоссальных хищениях, совершенных руководителями директориума (за 2 года более 400 тыс. руб.).

В системе центральных учреждений в эпоху дворцовых переворотов были и нововведения. В 1731 г. было образовано одно из самых мрачных учреждений эпохи дворцовых переворотов — Канцелярия тайных розыскных дел. Она просуществовала на правах коллегии до 60-х гг. XVIII в. Через это учреждение прошли десятки тысяч битых кнутом, вздернутых на дыбу, подвергшихся пыткам каленым железом. Другой вновь

созданный в 1729 г. орган госуправления — Канцелярия конфискации. Это учреждение отбирало в казну имения и имущество опальных князей, дворян, представителей крестьянства и городского посада. Наконец, весьма характерное явление эпохи — Доимочная канцелярия, усилия которой начиная с 1725 г. в течение нескольких десятилетий были направлены на выжимание недоплаченных налоговых денег из крестьян.

Значительно большим изменениям была подвергнута система местных учреждений. Цель этих изменений двоякая: укрепление власти дворянского государства на местах в обстановке постоянных волнений подневольного населения и облегчение острейшего финансового кризиса, разразившегося в 20—30-е гг. XVIII в.

§ 3. Областная контрреформа

Молчаливо охраняя интересы помещиков и экономя расходы, верхи государства обратили свои взоры на государственный аппарат, на систему государственного управления. Все центральные коллегии должны были сократить свои штаты до минимума в 6 персон (президент, его заместитель, два советника и два их помощника — асессоры). Более того, по желанию самих чиновников они могли теперь удаляться от службы в свои поместья при условии, что половина штата коллегии присутствует при делах, а другая в отпуске. Самое основное состояло в том, что отпускникам отныне не платили жалованья.

В 1727 г. была, в сущности, ликвидирована петровская система местных учреждений, т. к. была, безусловно, весьма дорогостоящей. На территории только лишь такой административной единицы, как провинция, концентрировалось множество местных учреждений, функции которых на практике взаимно переплетались. Кроме того, были учреждения в губерниях и в дистриктах. Все это после смерти Петра I было подвергнуто пристальному критическому пересмотру, в итоге которого был принят ряд мер.

Прежде всего о войске — тех полках, которые Петр I распределил по селениям и уездам (дистриктам). Полки из крестьянских селений перемещались теперь в города, причем преимущественно приграничные и в хлебородных районах. Полковое начальство было отставлено от сбора подушных денег. Перестроены были и финансовые органы. Штате-конторы подчинили Камер-коллегии, а функции рентмейстера и камерира объединили (остался лишь камерир). В 1727 г. было решено «как

надворные суды, так и всех лишних управителей и канцелярии, и конторы камериров, земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе отставить». Вальдмейстеры с их конторами были также уничтожены. Короче говоря, система петровских учреждений в провинции, по существу, была ликвидирована. Мотивировка при этом была лишь одна — «в делах непорядки… в даче жалованья напрасные убытки, народу от многих и разных управителей тягости и волокиты». Что же предлагалось теперь взамен? Ответ был также прост: «А понеже прежде сего бывали во всех городех одни воеводы и всякие дела… отправляли одни и были без жалования, и тогда лучшее от одного правление происходило и люди были довольны». Одним словом, воеводская власть, объединявшая все функции управления в одних руках, признавалась более приемлемой. Таким образом, в какой-то мере это был возврат к практике XVII столетия. Количество городов, где «сидели» воеводы, было восстановлено по-старому, т. е. их число заметно увеличилось. Не осталось и следа от едва намечавшегося разделения судебной и исполнительной функций, как и от зарождавшегося самостоятельного управления городского посадского населения, поскольку Главный магистрат был уничтожен, городские магистраты подчинены воеводе, а потом уничтожили и их, сохранив в городах лишь ратуши. Важнейшие уголовные дела посадского населения (тяжба, разбой и убийство) были снова в компетенции одного лишь воеводы. Власть самого воеводы вновь стала единоличной, с 1727 г. так называемые асессоры («товарищи») воеводы были ликвидированы.

Низшие чиновники были лишены теперь жалованья. Им предоставлялась возможность кормиться за счет подношений населения. Так были вновь вызваны к жизни старинные феодальные поборы «хоженое», «езд» и т. п. Большую деградацию, пожалуй, трудно представить. В 1736 г. дело дошло до того, что жалованье оплачивали натурой (китайскими и сибирскими товарами). Исключение составили лишь чиновники Кабинета, Академия наук и, разумеется, иностранцы. Впрочем, с 1739 г. чиновники Петербурга, как и при Петре I, стали получать вдвое больше остальных.

При всем этом областная контрреформа не была сплошным отрицанием. Правда, кое в чем изменения имели позитивный характер и были предприняты отнюдь не во имя срочного исправления тяжелого финансового положения. При всей широте замыслов Петра I вторая областная реформа 1719 г. осталась сооружением, не приведенным в систему. Введя три ранга учреждений (губерния, провинция, уезд), Петр I не привел в порядок их субординацию. Губернские учреждения во многом

оказывались лишними либо дублировали центральные инстанции. Создалось такое положение, когда провинциальные органы управления сносились прямо с центральными коллегиями, минуя губернские инстанции, так как подчинялись в равной мере и тем и другим. Камериры, например, подчинялись одновременно и своему воеводе, и губернатору, и Камер-коллегии. Провинциальные воеводы подчинялись губернаторам только по военным делам (рекруты) и в области суда как апелляционной инстанции. Неразбериху вносило и переплетение и смешение функций гражданских органов власти и военной власти в виде полковых дворов, что усиливало путаницу.

Перестройка 1727 г. установила строгую последовательность подчинения: воевода уездный зависел только от провинциального воеводы, а последний подчинялся только воеводе губернскому. Это была строгая иерархия. Центром тяжести, основной ячейкой на местах стала губерния. Полномочия губернатора резко возросли. Он имел теперь даже право утверждения смертных приговоров. В губернии все нити управления сосредоточились в губернском правлении, при котором были полицмейстерская и крепостная конторы, губернский магистрат с таможней и кружечным двором. В провинции воевода возглавлял провинциальную канцелярию с крепостной конторой и провинциальным магистратом, имевшим соответственно таможню и кружечный двор, а также крепостную контору. Наконец, низшим звеном был городовой воевода и соответственно — воеводская канцелярия со своей крепостной конторой, магистратом, таможней и кружечным двором. Причем под началом канцелярии были старосты и десятские в сельской местности, а у городового магистрата — посадский сход. Параллельно шла вертикаль прокурорского надзора, который был восстановлен в 1733 г., потом вновь отменен и снова восстановлен лишь в 1742 г., когда с засильем иностранцев было покончено. Такова была структура местного управления по сути своей. Это положение просуществовало вплоть до областной реформы 1775 г.

§ 4. Эволюция финансовой политики. Социальные итоги

Крестьянство встретило подушную подать Петра I упорным сопротивлением, которое обнаружило себя уже при проведении первой ревизии. Жители той или иной местности при прибытии переписчиков либо убегали, либо утаивали часть населения.

Правительство вело жестокую борьбу с укрывавшимися от переписи. В связи с усилением бегства крестьян в Польшу на западных пограничных территориях были установлены специальные заставы для их поимки. Так, на территории только лишь Смоленской губернии и Великолуцкой провинции таких застав насчитывалось свыше 100. Беглые крестьяне подвергались жестоким наказаниям.

Однако к утайке душ прибегали и сами помещики, стремясь тем самым увеличить свои собственные поборы. В начале 20-х гг. систематически издавались указы, санкционировавшие различного рода наказания помещикам, вплоть до наказания кнутом и ссылки на каторгу. Поскольку все эти меры были малоэффективны, то вскоре от них отказались.

Неурожаи, голод, недоимки. Как уже упоминалось, в 1723–1726 гг. перед началом сбора подушных денег обширные территории России постиг неурожай, что резко ухудшило положение крестьян. Уже первый сбор подушного налога дал огромную недоимку (30 %) всей суммы налога.

На 1725 г. правительство вынуждено было понизить подушный оклад до 70 коп., но это не спасало положения. Недобор всей суммы налога вновь составил 30 %. В 1731 г. было жесткое указание собрать недоимки за 3 месяца. В 1732–1733 гг. был запрет переселять крестьян без санкции Камер-коллегии. Из-за страшного неурожая 1733 г. огромные массы крестьян пошли по миру. К 1734 г. недоимка достигла в итоге огромной суммы в 850 тыс. руб. В 1734–1736 гг. Россию вновь потрясли сильные неурожаи. Власти предпринимали немалые усилия по ликвидации голода, но усилия эти были несравнимы с размахом страшной беды. Не было семян, замерла торговля, сникла активность Макарьевской ярмарки. Ростовщики, по словам С. М. Соловьева, взимали чудовищные проценты (12 %, 15 % и даже 20 %). В результате за одну только первую половину 1734 г. недоимка достигла 720 тыс. руб. По данным Военной коллегии, к 1739 г. общая задолженность по подушной подати достигла фантастической цифры — около 5 млн руб., что служит сильнейшим показателем явного разорения крестьянства. В 1739–1740 гг., как уже упоминалось, вновь погибли все озимые. В такой обстановке правительство должно было неоднократно прощать недоимки. Так, треть сборов была отменена на 1727 г., на 1728 г., на 1730 г. В 1735 г. отменили сбор за целых полгода. Наконец, в 1740 г. ежегодный сбор был уменьшен на 17 коп. с души, а в 1742–1743 гг. — на 10 коп. (что составило около 1 млн руб.). После серии тяжелых неурожаев конца 40-х гг. в 1752 г. правительство вынуждено было «простить» всю старую недоимку с 1724 по 1746 г. (что составило около

2,5 млн руб.). К тому же еще в 1741 г. правительство ликвидирует злосчастную Доимочную канцелярию. Вместе с тем в 50-х гг. намечается тенденция к постепенному понижению подушного оклада. В 1751 г. оклад был понижен на 3 коп. с души, такое же понижение было в 1752 г. На 5 коп. понизили оклад 1753 г. и т. д. Впрочем, у этого щедрого жеста царского правительства была довольно мрачная закулисная сторона, но об этом чуть позже.

Нестабильность порядка сбора подушной подати. Важно подчеркнуть, что крайне разорителен был и сам порядок сбора подушной подати. Стремясь сломить сопротивление крестьянства, царское правительство поначалу передало функции сбора подати в руки армии. Стало быть, помимо местных учреждений, подчинявшихся Камер-коллегии, к этому делу были привлечены офицеры полков, расквартированных в той или иной местности. Это повлекло за собой огромные злоупотребления солдат и офицеров.

В записке императрице Екатерине I, составленной осенью 1726 г., озабоченные высшие сановники (А. Д. Меншиков, А. И. Остерман, А. В. Макаров, Д. В. Волков) приоткрывали завесу над действительным состоянием дел. В частности, имея в виду сбор налогов, они писали, что «мужикам бедным страшен один въезд и проезд офицеров и солдат, комиссаров и прочих командиров, тем страшнее правеж и экзекуция». Впрочем, занимались хищениями не только они, но и чиновники местных учреждений, лихоимство которых достигло, казалось бы, предела. Высшие сановники прекрасно отдавали себе отчет в том, как могло управлять страной чиновничество. В той же записке, составленной осенью 1726 г., подчеркивалось изобилие различных инстанций, всякого рода фискалов, комиссаров, вальдмейстеров и прочих, вплоть до воевод, из которых «иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися называться могут».

Ликвидация системы петровских учреждений, разумеется, не решила всех острых вопросов, хотя в итоге административных реформ расходы на госаппарат сократились более чем вдвое. По-прежнему огромные средства требовались на содержание армии и флота, грандиозными темпами росли расходы императорского двора. По-прежнему росли недоимки по подушной подати. Правительство лихорадочно шарахалось от одной меры к другой. Как мы видели, армия в 1727 г. от сбора подушных денег была отстранена. При воеводе был лишь один штаб— или обер-офицер для помощи. Основная роль в сборе денег возложена на земских комиссаров. Причем задолженность стали взыскивать не с самих крестьян, а с помещиков или со старост и приказчиков. Однако в 1730 г. сбор подушных

был снова передан в руки армии — полковников и прочих офицеров, расквартированных в данном районе. И это вновь не помогло. Даже самые страшные экзекуции не могли выжать деньги у истощенного и разоренного населения.

В 1733 г. вдруг снова меняется система сбора подушного налога. Теперь сбор недоимок и самой подати возлагается на самих помещиков, что неумолимо приводило к усилению власти помещиков над крестьянами, к росту произвола и злоупотреблений. В сущности, и эта мера не дала эффекта, так как среди «недоимщиков» фигурировали и сенаторы, и президенты коллегий, и генералитет, и даже обер-прокурор Сената. В 1736 г. было снова объявлено, что сбор подушных денег передается отставным офицерам.

Долголетний «анализ» причин финансового кризиса наконец-то привел высших сановников к справедливому заключению. Так, в предложениях обер-прокурора Сената Анисима Масло-ва, поданных Анне Ивановне в 1734 г., была весьма трезвая догадка, что причиной недоимок по государственным налогам был рост эксплуатации крестьян самими помещиками. А. Мас-лов предлагал ограничить эту эксплуатацию. В обстановке жестокого финансового кризиса и беспощадной череды неурожаев и голода рост эксплуатации, помимо субъективных устремлений землевладельцев, имел и объективную основу в необходимости увеличения в интересах государства объема совокупного прибавочного продукта российского социума. Во властных структурах понимание ситуации в целом присутствовало. Поэтому на поданном доношении Анна Ивановна поставила робкую и туманную резолюцию: «обождать». Тем дело и кончилось.

Манипуляции с косвенными налогами. Общую ситуацию осложнял и процесс обесценивания монеты. Ведь курс рубля к середине XVIII в. упал в несколько раз. Подушный сбор и в 70 коп., и в 60 коп. был обесценен. В конце концов в 40–50 гг. XVIII в. в области финансовой политики наметился существенный поворот. Царское правительство берет курс на повышение роли косвенных налогов, считая, что этот путь должен быть наиболее «безболезненным» для повышения реальных доходов казны. Зачинателем такой политики был известнейший деятель елизаветинской поры П. И. Шувалов. Уже в 1742 г. были повышены цены при продаже вина на 10 коп. с ведра. В России издавна существовала монополия государства на продажу вина, поэтому повышение цен на вино увеличивало поступление денежных средств в казну. В конце 40-х гг. XVIII в. цены на вино были еще раз повышены. При этом на всей территории была

установлена на него единая цена. Уже первый год после введения новых цен дал казне около полумиллиона рублей прибыли (примерно 30 % от всего дохода с вина). В 1756 г. в связи с ростом расходов на войну цены на вино были еще раз повышены: теперь уже повышение равнялось 35 коп. на ведро вина. В 1763 г. цены были вновь повышены на 30 коп. с ведра (цена ведра вина стала таким образом равной 2 руб. 53 коп.).

Со времен Петра I была введена другая казенная монополия — на продажу соли. В 1728 г. соляная монополия была отменена, что привело к падению доходов казны. В 1731 г. монополия на продажу соли была вновь восстановлена. В 1749 г. по проекту П. И. Шувалова продажная цена на соль была резко повышена (до 35 коп. за пуд), что сразу же дало повышение дохода казны до 0,5 млн руб. в год. Расчет прожектера был трезв и циничен. Ведь соль купят по любой цене, так как она «в употребление человеческое к содержанию к жизни необходимая».

В 1756 г. состоялось вторичное повышение цены до 50 коп. за пуд. Разумеется, столь стремительное повышение цен вело к обнищанию населения, к сокращению потребления соли. И действительно, вскоре в 1762 г. правительство вынуждено было снизить цены до 40 коп. за пуд.

В 40-х гг. XVIII в. был введен еще ряд монополии вплоть до монополии на продажу табака, хотя существенной роли в бюджете они не играли.

Изменения в торговой политике и таможенная реформа. Существенные изменения претерпела политика царизма в области торговли (как внутренней, так и внешней). При Петре I в области внешней торговли проводилась ярко выраженная политика защиты внутреннего рынка от заграничных товаров. Тариф 1724 г. утвердил высокие пошлины на привозимые в Россию товары, поощряя тем самым развитие их производства в стране. Однако в 1731 г. этот тариф был отменен, а пошлины на ввозимые товары значительно снижены. Это не могло способствовать быстрому развитию как промышленности, так и торговли внутри страны. Кроме того, внутренний рынок России был изборожден целой сетью условных границ, пересечение которых торговцами сопровождалось уплатой пошлин за провозимый товар. Это давало значительную прибыль государству от таможенных сборов, но вместе с тем этот порядок препятствовал развитию торговли и промышленности внутри страны.

Тем временем в России развивалось производство огромной массы предметов народного потребления, причем в это производство вовлекалось крестьянство. В стране постепенно росло число деревень и сел, жители

которых получали доход не столько от земледелия, сколько от промышленных занятий (так называемых промыслов). Помещики, ориентируясь на изменения характера крестьянского хозяйства, стали приспосабливаться к эксплуатации крестьянских промысловых занятий. Вместо традиционного натурального оброка, вместо работы крестьян на барских полях все большую роль начинает играть денежный оброк. Дворяне тем самым становились все более заинтересованными в предоставлении своим крестьянам благоприятных условий для торговли и промышленности.

И вот под давлением этих обстоятельств в 1752–1753 гг. П. И. Шувалов предлагает проект таможенной реформы. Многочисленные таможенные перегородки внутри страны, сильно затруднявшие широкое развитие торговли, указом 13 декабря 1753 г. были отменены. Вместе с тем, чтобы государственная казна не претерпела убытки, соответственно были повышены пошлины на ввоз и вывоз товаров из страны за границу. Уже в первый же год повышение внешней пошлины с 5 коп. до 13 коп. дало казне 1,5 млн руб., а в 1761 г., к концу правления Елизаветы, — 2,7 млн руб. Эта реформа имела весьма существенное значение в развитии всероссийского рынка. Однако казна по-прежнему оберегала интересы верхушки дворянства. В 1756 г. тот же П. И. Шувалов подал проект создания Медного банка с целью предоставления крупных денежных ссуд дворянам, заводчикам и купцам. Проект был реализован за счет прибыли от перечеканки медной монеты. Только в 1759–1761 гг. огромные ссуды получили С. П. Ягужинский, С. К. Нарышкин (по 150 тыс. руб.), по 100 тыс. руб. получили П. И. Репнин, И. Г. Чернышев и др. Сам же П. И. Шувалов имел ссуду на 473 тыс. руб.

Вообще-то активнейший радетель казны не обижал себя и в других делах. В 1748–1751 гг. в его руках оказались сальные промыслы у Архангельска и на Кольском полуострове, китобойный промысел у берегов Гренландии и тюлений промысел на Каспии. На Урале им захвачены были Горноблагодатские заводы (П. И. Шувалов, как и его брат А. И. Шувалов, а также М. И. Воронцов, С. П. Ягужинский за полученные от казны заводы так и не расплатились). А богатства горы Благодатной были несметными («руды в оной горе не токмо наружной, которая из гор вверх столбами торчат», но и «всюдулежит сливная, одним камнем в глубину»). Таланты изобретателя П. И. Шувалова были многогранны (вспомним хотя бы шуваловские гаубицы-единороги), но богатство его было буквально сказочным. Французский дипломат Ж. Л. Фавье отметил поистине азиатскую роскошь его дома. Сам же Петр Иванович «всегда был покрыт

бриллиантами, как Могол, и окружен свитой из конюхов, адъютантов и ординарцев».

Расстройство денежной системы. Стремясь выбраться из крепких тенет финансового кризиса, правительство в 1727–1731 гг. стало энергично портить медную монету, уменьшая ее действительную стоимость. Эта практика, как мы видели, началась еще с Петра I. При цене пуда меди в 6–8 руб. из него стали чеканить медных пятаков в 5 с лишним раз больше, чем следовало, т. е. на 40 руб. В итоге внутренний рынок стал наводняться легковесными пятаками, что вызвало немедленный рост цен на предметы торговли и в конечном счете ухудшило положение крестьянства и горожан. Правительство же увеличило массу денег и получило «из ничего» 2 млн руб. прибыли.

Вторично к этому же маневру прибегли в начале 60-х гг. XVIII в., при Петре III, когда начеканили около 4 млн медной монеты по норме 32 руб. из пуда меди. Эта мера окончательно привела в расстройство денежное хозяйство страны.

Ужесточение крепостного гнета. В заключение следует отметить, что во второй четверти XVIII в. неизбежно развивается процесс усиления крепостной зависимости частновладельческих крестьян от помещиков. Как уже отмечалось, в 20-е гг. помещики стали ответственны за сбор со своих крестьян подушной подати, а в 1731 г. дворянам был, хотя и временно, передан и сам сбор подушных денег. В том же году крестьян лишили права приносить присягу на верность императору, иначе говоря, крепостные крестьяне перестали считаться гражданами своей страны. За них это стали делать их помещики и даже приказчики помещиков. В итоге власть дворян над крестьянами стала безраздельной. Они стали для крестьян и судом и полицией. Вскоре после проведения первой переписи (первой ревизии 1718–1727 гг.) все шире практикуется продажа крестьян без земли. Теперь помещики свободно торговали уже не только деревнями и семьями, но и крепостными поодиночке. К середине столетия эта практика стала настолько обычной, что объявления опродаже крепостных стали публиковаться в газетах на тех же страницах, где были объявления о продаже борзых собак и т. п. Наконец, в 1747 г. помещикам разрешили продавать крестьян в рекруты. Крестьяне же, наоборот, были лишены права добровольного поступления в рекруты без согласия помещика, что иногда было неким средством избавления от невыносимых притеснений. В итоге крепостные крестьяне стали мало чем отличны от рабов.

Ужесточение режима коснулось и других категорий населения. Многовековой процесс поглощения земледелием практически всего

населения был, как уже указывалось, серьезнейшим препятствием для развития промышленности. Рынок свободной рабочей силы в стране практически отсутствовал, и еще в 1721 г. законом была разрешена покупка «к фабрикам» заводо-владельцами крестьян для работы на этих фабриках. Тяжкий труд и невыносимые условия труда в промышленности приводили к текучести рабочей силы, к побегам наемных работников уже очень большого количества разного рода казенных предприятий. Государство решило эту проблему, закрепив в 1736 г. всех вольнонаемных навечно к тем заводам и фабрикам, где они в тот момент трудились. Так появилась категория «вечноотдан-ных», которые много десятилетий позже стали называться «посессионными» крестьянами, как и когда-то купленные к фабрикам и приписные крестьяне. В 1762 г. покупка к фабрикам работников была запрещена, однако в 1798 г. запрет был отменен и вновь стал действовать лишь с 1816 г. Все это были поистине страшные, хотя и вынужденные для общества с низким объемом совокупного прибавочного продукта, меры.

Финансовая служба купцов. Типологически схожа и практика, идущая еще с XVII в., по привлечению посадских людей к выполнению функций низшего звена финансового госаппарата. Даже в первой половине XVIII в. в Российской империи по-прежнему на купцов второй гильдии во множестве мелких и крупных городов с уездами была возложена обязанность сбора таможенных, кабацких, торговых пошлин, вплоть до поручений по созданию необходимых предприятий за счет самого купца. Как выявили недавние изыскания ученых, введена была практика «планирования» сумм таких сборов с соответствующими взысканиями «недоимок». Наконец, следует вновь отметить и сохранение традиционной практики выделения государством ряда товаров в разряд государственной монопольной торговли. Эта традиция в середине века была дополнена введением персональных монопольных прав, распределяемых в узком кругу фаворитов, на ряд промысловых отраслей экономики. Последнее обстоятельство объективно связано с втягиванием представителей дворянства в активную хозяйственную деятельность.

Поворот дворян к хозяйству. Этот процесс на более низком уровне экономики затрагивал широкие круги помещичьего сословия, и законодательная практика активно этому содействовала. Крупные изменения в экономике страны, рост промышленности и торговли, увеличение неземледельческого населения — все это создавало предпосылки для роста интереса дворянина-помещика к своему собственному хозяйству, к увеличению его дохода. Ведь до сих пор он в

нем бывал лишь наездом, в перерывах от службы. Уже при Екатерине I в стремлении удешевить государственную машину было разрешено двум третям офицерского состава армии по желанию получать отпуск (без сохранения жалованья) для наведения порядка в имениях. Таким же правом стали обладать и государственные чиновники, половина штата которых могла пользоваться отпуском. Но дворяне продолжали тяготиться бессрочной службой, и это, как мы видели, нашло отражение в дворянских проектах 1730 г. При Анне Ивановне в 1736 г. срок службы дворян был сокращен до 25 лет, а один из сыновей мог вообще остаться при имении. Таким образом, дворянин уже в 35–45 лет теперь мог целиком сосредоточиться на хозяйственной деятельности в своих имениях (с гражданской службы отставка была лишь с 55 лет). Указом не замедлили воспользоваться, и после русско-турецкой войны, в 1739 г. около половины офицерского состава сразу же ушло в отставку.

С важнейшими льготами сочетается и ряд других мер, усиливающих положение дворянства как господствующего класса.

В 1730 г. был отменен Указ о единонаследии 1714 г. С этого момента перераспределение земельной собственности активизируется, сопровождаясь заметной концентрацией земель в руках крупнейших владельцев-латифундистов, ибо земля по-прежнему была источником и хозяйственного и политического могущества. Первая ревизия увеличила количество крепостных за дворянами, так как включала в число крепостных кабальных холопов. В 1739 г. подтверждено монопольное право дворян на владение «крещеной собственностью», т. е. крестьянами. Наконец, чисто хозяйственные привилегии. В 1726 г. за дворянством закреплено право продажи продукции собственных хозяйств. В 1755 г. им было передано монопольное право на винокурение. Наконец, в 1762 г. дворянам разрешен свободный вывоз хлеба за границу. В итоге этих мер у помещиков появился хозяйственный интерес и они устремились в свои владения. Уже в 1750 г. один из современников, А. Т. Болотов, заметил эту необычную по сравнению в недавним прошлым перемену: «Тогдашние времена были не таковы, как нынешние. Такого великого множества дворянских домов повсюду с живущими в них хозяевами, как ныне, тогда нигде не было. Все дворянство находилось тогда в военной службе, и в деревнях живали одни только престарелые старики, не могущие более нести службу… и всех таких было немного». Налицо, таким образом, резкое возрастание интереса дворян к своему хозяйству, стремление к повышению доходов своего имения.

§ 5. Социальные взрывы в России после Петра I

Тяжелый хронический финансовый кризис, усиление эксплуатации крестьян, жесточайшее угнетение работных людей, приписных и посессионных крестьян на мануфактурах — все это не могло не отразиться на положении народных масс. Оппозиционно настроенные современники отмечали, что в 30-х гг. XVIII в. «непрерывные брани, алчное и ничем не обузданное лихоимство Бироново, неурожаи хлебные в большей части России привели народ в крайнюю нищету. Для понуждения к платежу недоимок употребляли ужаснейшие бесчеловечия, приводящие в содрогание и помышляющих об оных, уныние, стон, слезы, вопль распространились по всей империи». Разумеется, крестьяне боролись против угнетения и лихоимства, боролись как умели и как могли. Крестьяне бежали на юг и на север, бежали за рубеж и «к башкирцам», бежали и от помещиков и от монастырей, бежали дворовые люди и солдаты, бежали работные с заводов и мануфактур, бежали мобилизованные на строительные работы. Число беглых росло, несмотря на свирепые законы и наказания, несмотря на устройство застав и кордонов. Ингерманландия, остзейские губернии, Украина, низовья Дона, Яик, Урал, Башкирия, Сибирь — вот районы оседания масс беглого крестьянства. С 1719 по 1727 г., только по официальным данным, было зарегистрировано около 200 тыс. беглых. Крестьяне бежали порою целыми деревнями. В 1735 г. в дворцовых селах Морозовской волости Можайского уезда ушло более половины всего населения. В 1742 г. только в одном Пере-славль-Залесском уезде остались пустыми 68 помещичьих деревень. В 20—30-х гг. из 16 вотчин князя А. М. Черкасского бежало свыше 11 тыс. человек, т. е. почти каждый пятый из крестьян этого владельца. Официальные указы признавали, что «из дворцовых, архиерейских, монастырских, ясачных, так и из помещиковых крестьян в бегах великое множество». Кары за укрытие беглых становились все более суровыми. В 1726–1728 гг. за укрывательство беглогомужика был предписан штраф в 100–200 руб. (за женщину 50—100 руб.), но уже в 1731 г. за сокрытие беглецов и «разбойников» полагалась «смертная казнь, без всякой пощады». За поимку беглого платили по 10 руб. награды. Волна побегов постепенно затухает лишь в конце 40 — начале 50-х гг. XVIII в. Если с 1725 по 1745 г. о борьбе с бегством издано 84 указа, то в следующие 10 лет лишь 23. С 40-х гг. штраф за удержание беглых уже снижается.

Самих же беглых неизменно подвергали жесточайшим наказаниям:

били кнутом, вырезали ноздри, клеймили, отдавали в рекруты, на галеры, на строительство крепостей и т. д.

Наивность крестьянского мировоззрения была своего рода предпосылкой для другой формы протеста — подачи жалоб, в изобилии поступавших в Сенат и Синод. Искать правды у правительства царской России было делом очень нелегким и всегда бесполезным. Даже тогда, когда под напором жалоб высший государственный исполнительный орган Сенат назначил в 1758 г. комиссию для разбора челобитий крестьян целого ряда монастырей, то комиссия, просуществовав 4 года, оставила все жалобы без последствий. Крестьяне, пришедшие в отчаяние от произвола и эксплуатации помещиков, вступали и на путь активной борьбы. Они уходили в леса и образовывали «разбойничьи» отряды. Активные действия подобных отрядов были повсеместны. Во второй четверти XVIII столетия это движение охватило 54 уезда в 10 губерниях Центральной России. «Разбойные» отряды наводили ужас на окрестных помещиков. В 1732 г. большое число помещиков подало в Сенат коллективное прошение, в котором сообщалось, что в Тульском, Алек-синском, Серпуховском, Тарусском, Каширском и Калужском уездах «воры и разбойники… разбивали дома… И ныне оные воры и разбойники в тех городах и провинциях являются и ходят многим собранием человек по 70 и более, и чинят великое разорение и приходят в деревни и в дома помещиковы, берут в неволю хлеб и всякий харч и грозят… смертным убийством. Многие помещики, оставя свои дома и деревни… живут с женами и с детьми в Москве». В Шацкой, Тамбовской, Переславской, Рязанской и Владимирской провинциях картина была такой же.

Волнения монастырских крестьян. В 40—50-х гг. XVIII в. и особенно в конце 50-х гг. по всей стране прокатывается могучая волна выступлений монастырских крестьян. Эта категория крестьянства, насчитывающая к середине века около 1 млн душ муж. пола, принадлежала монастырям, церквам, церковным иерархам (архиереям и т. д.). Положение монастырских крестьян в этот период отличается особой тяжестью. С крестьян требовали и исполнения барщинных работ, и поставки продуктов сельского хозяйства, промыслов, и денежных поборов. Так, в челобитной крестьян Савво-Сторожевского монастыря названо до 30 денежных и натуральных поборов. Крестьяне Волосова монастыря Владимирского уезда должны были платить до восьми разновидностей денежных поборов, обрабатывать свыше 80 десятин пашен и поставлять в монастырь продуктовый оброк (скот, птицу и т. п.). Подобное положение было в сотнях монастырских вотчин. Резко возросли во второй четверти XVIII в.

различного рода работы крестьян по заготовке строительного материала для монастырских построек, работы по заготовке дров, ремонту церквей и хозяйственных помещений.

Просвещенная монастырская братия наряду с традиционным хлебом в зерне и печеным хлебом, наряду с мясом, салом, медом, крупами, куриными и гусиными яйцами, солеными и сушеными грибами требовала с крестьян и таких оригинальных поборов, как ягоды шиповника или живые муравьи по полуфунту с души мужского пола.

Монастырская система управления вотчинами имела множество мелких, но отвратительных кровососов и пиявок в лице приказчиков, сотских, различного рода посыльных от монастырской братии и т. д. Пожалуй, нигде в это время так не расцвело взяточничество и лихоимство, как в монастырских деревнях. Произвол и угнетение монастырских крестьян в 50-е гг. XVIII в. достигли своей высшей точки. В это время резко увеличивается и число крестьянских волнений. В 50-х гг. их втрое больше, чем в 30-х гг. XVIII в. (свыше 60 восстаний).

Крестьянские выступления в качестве главного «программного пункта» обычно выдвигали отказ от выполнения повинностей. Так, крестьяне Боровенского монастыря в сентябре 1730 г. отказались от выполнения всех своих повинностей в пользу монастыря. В 1734 г. крестьяне огромной Присекинской вотчины Троице-Сергиевой лавры также отказались подчиняться монастырским властям. В 1742 г. крестьяне Боголюб-ского Владимирского монастыря начали волнения с отказа от работ и т. д. В 30-х гг. крестьянские выступления были направлены главным образом против разорительных отработков на барщине и натуральных поборов. Однако в 40-х гг. в крестьянских требованиях уже проявляется и стремление перейти на положение государственных крестьян. Этот мотив был, в частности, одним из основных в напряженной и долгой борьбе 11 тыс. крестьян Вятского Успенского Трифонова монастыря, начавшейся в 1749 г. В 40-е гг. наиболее упорная борьба крестьян характерна для вотчин Чудова Московского, Спасо-Ярослав-ского, Пафнутьева-Боровского монастырей и др.

В 50-х гг. основным требованием почти всех крестьянских выступлений был уже переход на положение государственных крестьян (волнения крестьян Ново-Спасского, Иосифо-Волоколамского, Троице-Калязинского, Спасо-Преображенского, Хутынского Новгородского и других монастырей).

Во всех этих волнениях крестьянский отказ от работ обычно завершался жестокими порками и экзекуциями присланных воинских

команд. Однако в некоторых случаях возникали острые схватки и с солдатами. Крестьяне Шацкого уезда Ново-Спасского монастыря, взяли, например, в плен всю воинскую команду и сумели удержаться с августа 1756 по февраль 1757 г., когда восстание было жестоко подавлено.

Массовые волнения монастырских крестьян привели в конце концов к обсуждению вопроса о них в правительственных кругах. С 1757 г. снова появились проекты секуляризации церзации, практическое осуществление которого задержалось на два с лишним года.

Активные крестьянские выступления характерны не только для монастырских крестьян. Восставали и помещичьи крестьяне. В вотчине Бестужева в Псковском уезде двухтысячная толпа устроила настоящее сражение с карателями. Одних убитых крестьян было свыше полусотни. После подавления движения свыше четырех сотен крестьян были жестоко биты плетьми и кнутом.

Волнения были и среди народов Поволжья и др. Так, в 1743 г. вспыхнули волнения мордвы в Терюшевской волости Нижегородской губернии. Поводом к выступлению был приказ разрушить мордовские молельни и сжечь «священные рощи». Едва в селе Сарлей было разрушено мордовское кладбище, как вспыхнуло восстание. Начавшись как выступление мордовских крестьян против религиозного гнета, восстание быстро переросло в антикрепостническое движение, охватив соседние районы. Среди восставших было и мордовское население, и русское население дворцового ведомства, и, наконец, помещичьи крестьяне. Число участников достигло 6 тыс.; из Терюшевской волости восстание быстро перекинулось в соседние Арзамасский и Ар-датовский уезды. Затем вспыхнули волнения в Керенском и Верхнеломовском уездах Воронежской губернии, в Царевокок-шайском и Цивильском уездах Казанской губернии. С оружием в руках крестьяне боролись за свою свободу и сумели продержаться около двух лет. Вождями восстания были Несмеян Кривой, Шатрес Плакидин и др. Царизм жестоко подавил восстание, а Несмеяна сожгли на костре.

Волнения работных людей. Против гнета крепостников боролись и посессионные крестьяне. В 20-х гг. XVIII в. вспыхнуло, например, восстание крестьян заводчика Милякова в Темниковском уезде. Наиболее крупным было движение крестьян Ромодановской волости, купленных Н. Н. Демидовым к строящемуся «железному» заводу в Калужском уезде.

Бурное сопротивление среди работных людей вызвал указ 1736 г. о «вечноотданных» к фабрикам и заводам. Еще вчера свободные, а теперь низведенные до положения крепостных, работные люди долгое время

стремились вернуть себе былую свободу. В 1748 г. вспыхнуло волнение работных людей на па-русно-полотняной мануфактуре А. А. Гончарова в Малояросла-вецком уезде Калужской провинции. Они объявили акт 1736 г. незаконным. Во второй четверти XVIII столетия (начиная с 1722 г.) почти непрерывно продолжались волнения работных людей на Московском суконном дворе — большой суконной мануфактуре. Они боролись уже не за возвращение в былое состояние, а за улучшение условий труда. В 1749 г. около 800 человек бросили работу на мануфактуре. Работные люди в силу той же наивности и «царистских» иллюзий подавали челобития и жалобы в Сенат. Однако все было бесполезно. Жестокими наказаниями плетью, батогом, заключением в тюрьму власти подавили сопротивление восставших. Тем же кончились волнения на казанской суконной мануфактуре Дряблова, происходившие в конце 30—40-х гг. XVIII в., и волнения приписных крестьян уральских горных заводов, особенно широко развернувшиеся в конце 50 — начале 60-х гг. XVIII столетия.

Непременным элементом в разнообразных формах крестьянской борьбы с феодальным гнетом было самозванчество, питавшееся «царистскими» иллюзиями российского крестьянства. Крестьянин как мелкий собственник веками мечтал о равенстве прав на землю и в мифе о «добром царе» видел для себя возможность осуществить эту мечту. В этот период самозванцами часто становились не только крестьяне, но и выходцы из армии. Из шести самозванцев 20—40-х гг. XVIII в. трое были солдатами. В самой армии волнения, а особенно бегство солдат не были редкостью.

Таковы разнообразные формы борьбы народных масс за лучшую долю. Все они были выражением того безысходного горя, нужды и отчаяния, в котором находилось российское крестьянство.

§ 6. Национальное движение в Башкирии

Тесно переплетается с классовой борьбой против эксплуатации дворян-помещиков борьба против национального угнетения. Наиболее остро в этот период она развернулась в Башкирии. Кроме 100 тыс. башкир здесь уже жило много русских, татар, чувашей и представителей других народностей. В частности, в 1744 г. русских здесь насчитывалось уже около 75 тыс. душ. В северной и западной части Башкирии к данному периоду уже сложилось оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. В других же более отсталых районах еще преобладало полукочевое скотоводство. В деревнях башкиры жили зимою, а летом кочевали в

пределах своих волостей. Из хлебов сеяли лишь яровые, большое место в хозяйстве занимала охота и рыболовство, домашние промыслы.

С 30-х гг. XVIII в. началось активное горнозаводское строительство на Южном Урале. Это вызвало приток населения из других областей России. В новые формы трудовой деятельности втягивалось и башкирское население, все больше убеждаясь в преимуществах оседлого земледельческого хозяйства. В это время развивается и башкирское феодальное землевладение. Башкирские феодалы, находившиеся на русской службе тарханы, вводят те же формы эксплуатации, что и русские помещики. Вместе с тем у башкир еще бытовало и рабство.

Русская администрация стремилась привлечь на свою сторону феодальную верхушку башкир. Служилые башкиры-тарханы не платили ясак, полностью распоряжались землями своих волостей. Административная верхушка башкирского населения, старшины, к этому времени стала уже опорой царизма (особенно на севере и западе). С конца XVII — начала XVIII в. в Башкирии распространяется русское феодальное землевладение с трудом крепостных из русских крестьян. Башкирское население входило в число ясачных людей и платило сравнительно легкий ясачный оклад (около 30 коп. с человека), несло военную службу в армии и на местных оборонительных линиях. С 30-х гг. XVIII в. ясачный оклад начинает расти, и в конце концов в 1747 г. русское правительство ввело подушную подать в размере 80 коп. с души. Вместе с тем указ 1736 г., разрешивший продажу общинных башкирских земель, используемых в системе архаичных форм ведения хозяйства, усилил земельные захваты русских дворян и служилых башкир. Наконец, третий фактор, способствовавший назреванию вспышки народного гнева, — активизация строительства оборонительных пограничных линий и крепостей, ложившегося огромной тяжестью на население. В 1734 г. началась деятельность Оренбургской экспедиции во главе с И. К. Кириловым. Помимо изучения экономических возможностей края, ее задачей было строительство нового города Оренбурга, строительство заводов, заселение края крестьянством, развитие торговли с Казахстаном. В связи с этим значительная часть башкирских земель, используемых в системе архаичных форм ведения хозяйства, была изъята, а повинности населения резко возросли.

В итоге в 1735–1736 гг. вспыхнуло восстание, целью которого было сопротивление строительству крепостей. Оно было разгромлено, а на население наложен большой штраф (от каждого башкира лошадь). В 1737–1740 гг. возникает новый очаг восстания на востоке края. Восставшие

нападали на русские, чувашские, марийские селения, совершили набег на Воскресенский медный завод, нападали и на башкир, оставшихся верными правительству России. Восстание уже в 1738 г. пошло на убыль и скоро потухло.

Развитие феодализма в Башкирии вызывало и антифеодальные движения. Известно, например, движение тептярей (зависимых от башкирских феодалов выходцев из других земель), вспыхнувшее в 1747 г. Оно было направлено против башкирских феодалов и усиления налогового обложения государством. В восстании участвовали удмурты, татары, мари и чуваши.

Наконец, в 1755 г. возникает новое движение, во главе которого встает мусульманское духовенство. Башкиры в качестве культового языка пользовались арабским языком, а их религией был ислам. В связи с попытками запрета мусульманской религии, закрытия мечетей и мусульманских школ нарастало сопротивление духовенства. И вот мулла Батырша (Абдулла Алеев) возглавил движение в защиту мусульманства, пытаясь вовлечь в «священную войну» всех мусульман. Батырша полагался на вмешательство Турции. Характерно, что на «священную войну» народ не пошел. Да и началось само движение независимо и раньше лозунгов Батырши. Руководили восстанием Джилян Иткул и Худайберда. Крупные башкирские феодалы участия не приняли, многие феодалы выступили против восставших. Для подавления движения было послано мощное 50-тысячное войско. Царское правительство объявило наряду с прямым подавлением амнистию всем сдавшимся, и восстание скоро заглохло. Однако царская администрация заметно изменила политику. Прекращена была насильственная христианизация, разрешено строительство мечетей и т. д. Вместе с тем правительство устраивало в Башкирии школы «для обучения инородцев русскому языку». Две школы были при Оренбургской экспедиции, одна в 1739 г. организована в г. Уфе.

Глава 9. Россия и европейские державы после Петра I

§ 1. Охлаждение отношения к России и появление «Северного блока»

В итоге Северной войны Россия заняла прочное положение великой европейской державы. Теперь, по выражению французского посланника Кампредона, «при малейшей демонстрации его (т. е. Петра I. — Л. М.) флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска… Он один из всех северных государей в состоянии заставить уважать свой флаг». После смерти Петра Іна его преемников объективно легла сложнейшая задача — сохранить и закрепить положение великой державы. Эта задача состояла из трех слагаемых: 1) сохранение выхода к Балтийскому морю; 2) упрочение своего влияния во взаимоотношениях с Польшей и 3) решение черноморской проблемы, оставленной Петром I своим наследникам.

Укрепление позиций на берегах Балтики, стремление воссоединить исконные земли Древней Руси (белорусские и украинские), ликвидация постоянных угроз с юга и выход к Черному морю — эти генеральные направления во внешней политике имели для России, несомненно, исторически прогрессивное значение. Однако решать все вопросы предстояло в сложной не только международной, но и, как мы уже видели, внутриполитической обстановке.

Дело в том, что недавние успехи России в европейских делах встревожили и даже настроили весьма враждебно ряд крупных европейских держав. Довольно открыто проявила свою враждебность Англия, боясь ослабления своей посреднической торговли с Россией и укрепления ее морского и военного могущества. На недружелюбные позиции встала и Франция, которой была выгодна и сила Швеции, и могущество Турции. Не в восторге была и Австрия, чувство которой к России было по-женски противоречиво: ведь сила России ослабляла ее исконного врага Турцию, но та же сила России тревожила Австрию в связи с балтийским и польским вопросами. Однако, несмотря на все это, многие страны Европы искали теперь союза с могучей Россией и уж во всяком

случае пристальнейшим взором следили за ее действиями.

Для создания благоприятных условий на Балтике российской дипломатии еще предстояло много работы и прежде всего — выполнение замысла Петра I сделать Курляндию, Гол-штинию и Мекленбург дружественными государствами, роль и позиции которых могли не только способствовать укреплению России на Балтике, но и выходу к Северному морю (в обход Зунда). Первым шагом к этому были династические связи царствующих семейств. Именно сюда была направлена целая «обойма» царственных невест: Анна Ивановна, Екатерина Ивановна и Анна Петровна.

Первым же дипломатическим актом правительства Екатерины I была попытка поддержать претензии голштинского герцога на Шлезвиг, захваченный Данией. Весной 1726 г. русская эскадра готовилась к походу на Копенгаген, и обстановка, казалось, этому благоприятствовала. Готовилась к войне и гвардия из 20 тыс. армейской пехоты. Но уже в апреле русский посол во Франции князь Б. И. Куракин писал, что по требованию Дании английская эскадра идет в Балтику. И действительно, объединенная англо-датская эскадра вскоре встала в виду Ревеля. Теперь благоприятная для России ситуация стала молниеносно ухудшаться. Оказалось, что Швеция согласилась на ввод английской эскадры в Балтику и тем самым пошла навстречу ликвидации заключенного еще в 1724 г. союза с Россией. Для этого усиленно старались в Стокгольме и английский посол С. По-интц и французский Бранкас-Сереет. Англия и Франция упорно трудились для того, чтобы оторвать Швецию от союза с Россией. Разумеется, Швеции сулили при этом возврат всех территорий, потерянных в Северной войне. Россия же стремилась привлечь Австрию к шведско-русскому союзу, усиливая эту коалицию. В апреле 1726 г. такой акт с Австрией был даже подписан (и там был «голштинский вопрос»!).

Швеция, впрочем, и раньше согласилась на поддержку претензий Голштинии. Но теперь среди шведских государственных деятелей брали верх сторонники Англии и Франции. Таким образом, Швеция стала сближаться с другой крупнейшей европейской коалицией держав — Ганноверским союзом. К тому же сбор доходов с о. Эзель в пользу Карла-Фридриха дал повод мечтаниям голштинцев о приобретении Прибалтики и воцарении герцога Карла-Фридриха и в Швеции, и в России (!). Таким образом, в «голштинском вопросе» выявились и опасные стороны.

Так или иначе, визит английского адмирала У. Вейгеля на Балтику вызвал оборонительные меры России, но тем не менее ликвидировал угрозу новой войны. Россия ответила Англии энергичной нотой. Вместе с

тем русские постоянно подтверждали в дипломатических документах сохранение привилегий английским купцам в торговле с Россией.

Следующим актом русской дипломатии в области балтийского вопроса были «выборы» курляндского герцога. Курляндия в этот период была постоянной ареной борьбы русских, прусских, польских и шведских интересов. Конкретное столкновение русской и польской дипломатии произошло по поводу кандидатуры жениха вдовствующей герцогини Анны Ивановны Морица Саксонского — внебрачного сына польского короля Августа II. Блестящий кавалер, Мориц во время визита в Ми-таву весьма приглянулся Анне Ивановне… Но планы России были иными, русское правительство выдвинуло свою кандидатуру — князя А. Д. Меншикова (нетрудно догадаться, что светлейший князь выдвинул сам себя!). Когда сейм взял сторону Морица Саксонского, А. Д. Меншиков под благовидным предлогом сам отправился в Митаву. По пути он остановился в Риге, куда поспешно в коляске с одной лишь девушкой прибыла Анна Ивановна с единственной просьбой утвердить герцогом Курляндским князя Морица. Анна Ивановна была готова вступить с ним в супружество. Но Меншиков был непреклонен, грозя сейму визитом 20-тысячного войска. Вместе с тем, как ни силен был временщик, осторожные расчеты влиятельных лиц из русских государственных деятелей взяли верх. Из-за опасности нападения Турции А. Д. Меншиков не стал курляндским герцогом. Правда, в следующем, 1727 г. войска все же были введены, и Мориц Саксонский тоже не стал курляндским герцогом. Анна Ивановна не могла простить этого Меншикову. В итоге всех этих действий влияние России на курляндские дела по сравнению с Польшей стало преобладающим.

Тем временем с помощью Англии и Франции колеблющаяся было Швеция в марте 1727 г. вступила в Ганноверский союз. Чуть позже к Ганноверскому союзу присоединилась и Дания. С этого момента завершается перераспределение основных европейских держав на два больших блока: Венский союз, куда входили Австрия, Россия, Пруссия и Испания, и Ганноверский союз, составленный из Англии, Франции, Швеции, Дании и Голландии.

Внутреннее положение России (вступление на престол мальчика-царя, тяжелый финансовый кризис, резкое ухудшение состояния Балтийского флота и т. д.) и осложнение внешнеполитического положения, выразившееся в объединении «северных» противников России (Англии, Дании и Швеции), заставило резко изменить тактику русских дипломатов. А. И. Ос-терман, фактически руководивший всей внешнеполитической линией правительства, берет курс на умиротворение Англии и Дании.

Важную роль при этом играл фактор экономический — выгодность балтийской торговли.

Эта линия проводилась русскими дипломатами (А. Г. Головкиным и др.) на Суассонском конгрессе в 1728–1729 гг. Русские вскоре даже отказались от забот о Шлезвиге. И все же общая идея конгресса — умиротворение двух блоков — не нашла своего воплощения. Более того, вместо диктовавшегося всем ходом событий распадения Ганноверского союза, разъедаемого противоречиями Англии и Франции, в ходе конгресса от Венского союза вдруг была оторвана Испания. Англия и Франция, уступив по всем спорам, заключили в 1729 г. с ней Севильский трактат. В 1731 г. Австрия заключила с Испанией Второй Венский договор, куда вошли и Англия, и Голландия. Франция оказалась в положении блестящей изоляции. Таким образом. Ганноверский союз все-таки распался.

Все эти довольно резкие изменения европейской ситуации были на руку российской дипломатии.

В то же время на долгий десяток лет усилия Франции сосредоточились теперь на создании враждебного России так называемого восточного барьера из Швеции, Польши и Турции. Важнейшим объектом в этом барьере была Швеция. Но французская дипломатия долгое время не встречала здесь отклика. При дружеских отношениях России и Англии, при потеплении атмосферы русско-датских связей Швеция нашла выгодным союз с Россией, который и был возобновлен в 1735 г. Положение России на Балтике снова укрепилось, хотя и ненадолго.

§ 2. Война за «польское наследство»

Французская дипломатия, потерпев временное поражение в попытке обострить шведско-русские отношения, сосредоточилась на Польше. В начале 30-х гг. XVIII в. европейские державы активно обсуждали вопрос о наследнике польского короля Августа II Сильного. Австрия и Россия довольно единодушно выступали по польскому вопросу еще с 20-х гг. XVIII в. Обе державы были заинтересованы в сохранении безудержной шляхетской «демократии» в Польше, гарантировавшей положение Польши в качестве слабой державы. Правда, Австрия, равно как и Пруссия, была не прочь устроить «раздел» Польши. Однако Россия, несмотря на свои претензии к Польше по невыполнению условий договора 1686 г. о гарантии свободы вероисповедания протестантов и православных, была против подобного раздела.

В числе претендентов на польский престол фигурировали прусско-австрийская кандидатура португальского принца Эммануила, французская — тестя Людовика XV Станислава Лещинского и русский кандидат — саксонский курфюрст Август — Фридерик, сын польского короля Августа II. С 1733 г., после смерти польского короля, европейские державы активизировались в своих действиях. На дипломатических приемах в Варшаве шли откровенные торги. Франция на расходы прислала более миллиона ливров, Австрия — более 100 тыс. червонных и т. д.

Австрия и Россия заключили с саксонским курфюрстом оборонительный союз на 18 лет. При этом Август обязывался, в частности, ликвидировать польские претензии на Лифляндию и признать от имени Польши императорский титул Анны Ивановны и, разумеется, сохранить «образ правления» Польши.

Тем временем Франция лихорадочно возбуждала Швецию вступить в войну за Станислава Лещинского. Швеция вновь колебалась, боясьпрогадать. Правда, военные закупки в Стокгольме Франция все же сделала. Обильные подкупы (что было широко распространено в дипломатии XVIII в.) сделали свое дело. В сентябре 1733 г. в широком поле под Варшавой, где собралось до 60 тыс. шляхты на конях, под проливным дождем, в течение 8 часов примас Федор Потоцкий объезжал ряды шляхты, громкими криками выражавшие свою волю. Большинством был избран С. Лещинский. Но меньшинство, пользуясь знаменитым правилом «liberum veto», требующим полного единогласия в делах сейма, тем временем отправило в Россию оригинальнейший документ, так называемую Декларацию доброжелательности с призывом защитить «форму правления» в Польше. В числе «доброжелательных» были: великий маршалок Мнишек, епископ Краковский Липский, Радзивиллы, Лю-бомирские, Сапеги и т. д. Россия получила таким образом реальный повод для вмешательства, чем и не замедлила воспользоваться. Началась так называемая война за «Польское наследство».

Русский 20-тысячный корпус под командой генерала П. П. Ласси занял предместье Варшавы — Прагу. Тем временем в Грохове, что также под Варшавой, польским королем «конфедерация» избрала Августа III Фридерика (саксонского курфюрста).

Лещинский был вынужден удалиться в Гданьск, надеясь целиком на военную помощь Франции. В январе 1734 г. после взятия Торна русские войска осадили Гданьск. Началась многодневная бомбардировка. Помощь Лещинскому все же пришла — в апреле 1734 г. прибыла в Гданьск французская эскадра, но русский флот обратил ее в бегство. В плен был

взят и двухтысячный десант. Гданьск сдался и признал Августа III. Станислав же Лещинский, прибывший в Польшу инкогнито в платье приказчика, теперь уже в крестьянском платье тайно бежал во Францию. Таким образом, русские войска утвердили своего кандидата на польский трон.

Австрия практически не участвовала в военных действиях, так как была вовлечена в скоропалительную войну с Францией (1733–1735 гг.). Верная австро-русскому союзу, Россия успела оказать помощь и Австрии. Появление русских войск на Рейне произвело большое впечатление и способствовало окончанию этой войны.

Победив в борьбе за «Польское наследство», Россия ухудшила свое положение в отношениях с Англией. Примирительная политика России по отношению к Англии должна была завершиться союзным договором. Но дело испортил Бирон, поспешно заключивший (разумеется, за огромную мзду со стороны английских купцов) выгоднейший для английской торговли договор на 15 лет, отдалив тем самым заключение необходимого России политического трактата.

Французская дипломатия, проиграв в Польше, тем временем перенесла свои усилия на южное звено антирусского «восточного барьера» — на Турцию.

§ 3. Восточный вопрос и русско-турецкая война 1735–1739 гг.

На юге России тем временем давно уже складывалась сложнейшая и опасная обстановка.

Здесь необходимо вернуться назад, к первым годам после смерти Петра I, к его наследию в виде итогов Каспийского похода. Экономическое развитие огромного государства требовало выхода к Черному морю для налаживания регулярных торговых связей с Европой и странами Ближнего Востока. Юго-восточные окраины России развивались главным образом по линии традиционных торговых связей с Востоком. Султанская Турция, подвергая постоянной угрозе южные окраины Европейской России и ведя успешную борьбу с Персией, грозила перерезать все торговые пути на Восток. Так возник вопрос о прикаспийских провинциях. Поход Петра I дал России обширные территории на западном и южном побережье Каспия. Однако экспансия Турции в Закавказье и в Персии грозила потерей для России не только их, но и всех ее юго-восточных владений вплоть до Астрахани. Это было чревато огромным политическим и экономическим

ущербом. Экспансию Турции активно поощряли, с одной стороны, Англия, имевшая в Персии свои интересы, а с другой — Франция, не желавшая прежде всего укрепления России в Причерноморье. Не прочьбыла обострить отношения России с Турцией и Швеция. В персидско-турецком конфликте 1723–1727 гг. Россия заняла сторону Персии.

Война Персии и Турции. Позиция России. Персидское государство переживало в этот период тяжелую внутреннюю усобицу между афганцем Ашрафом, захватившим столицу Исфахан и трон, и законным шахом Тахмаспом. Вероломная Турция тем временем занимала одну персидскую провинцию за другой. На предупреждение России о том, что захваты Турции приближаются к русским владениям, а этого Россия не потерпит, великий визирь цинично отвечал: «Сами вы ничего не делаете и Порте советуете, чтоб сложа руки сидела». Таким образом, позиция Турции была откровенна до предела. И тем не менее Россия выжидала, хотя армяне неоднократно просили русской помощи в борьбе с турками.

В 1725 г. в турецко-персидской войне произошел перелом. Султанские войска были изгнаны из Армении, потерпели ряд поражений в Персии и были оттеснены к берегам Тигра. В итоге был заключен мир, чему, как ни странно, способствовала Франция, и способствовала во имя одного: переключить силы Турции на Россию. Ей в этом помогали и Англия, и Швеция. Однако Турция, опасаясь за захваченную ею Грузию, пока воздерживалась от конфликта с Россией. Тем временем новый персидский шах Ашраф согласился на утверждение договора 1723 г., т. е. примирился с отходом к России всех территорий, захваченных Петром I. Правда, Россия вернула добровольно Персии провинции Мазендаран и Астрабад. Этот редко встречающийся в истории акт был подсказан следующим: 1) целесообразностью возврата их Персии, а не захвата их Турцией, 2) для укрепления этих территорий России нужны были большие средства, а их не было. Взамен этих потерь по договору 1729 г. Россия получала свободную торговлю через Персию с Индией и Бухарой. Однако, едва договорившись с Ашрафом, России пришлось вести заново вторичные переговоры с вернувшимся на шахский престол Тахмаспом, который с помощью своего полководца Надира изгнал афганцев. В итоге этих переговоров по Рештскому договору 1732 г. Россия передавала Персии не только Мазендаран и Астрабад, но и Гилян. Более того, в тексте договора было обещано в дальнейшем вернуть и Баку, и Дербент.

Наконец, после очередного свержения Тахмаспа и разгрома турок в ирано-турецкой войне 1730–1736 гг. с новым шахом Надиром России пришлось в третий раз вести переговоры по тем же вопросам. Теперь

пришлось уже не обещать, а отдать окрепшей Персии по условиям нового Гянджинского договора 1735 г. и Баку, и Дербент, и крепость Святого Креста с территорией на север от нее вплоть до р. Терек. Торговые привилегии за Россией сохранились, и тем не менее в целом это было отступление российской дипломатии, слишком глубоко увязшей в борьбе за «Польское наследство». К тому же в русско-персидских договорах 1732 и 1735 гг. Персия в случае войны России с Турцией обязывалась действовать против турок.

Российско-турецкое противостояние в борьбеза Крым. Турция и ее сильнейший форпост — Крымское ханство издавна вели постоянную агрессивную политику по отношению к России. Давно пало татарское иго. Русское государство стало могучим и независимым. Но его южные границы в широких просторах степей, полностью лишенных каких-либо естественных преград, были слабейшим и легко уязвимым местом. Парадокс развития заключался в том, что с освоением безлюдных степных просторов крестьянской мирной колонизацией, с развитием земледелия в этих краях, с увеличением плотности населения ущерб, наносимый грабительскими набегами татарской конницы, не уменьшался. Каждый такой набег уносил тысячи русских пленных, уводимых в рабство. В 1725–1735 гг. набегам неоднократно подвергались территории вокруг Полтавы, Миргорода, Бахмута и других районов. Страдали от набегов Дон, Правобережная Украина, степное Предкавказье и т. д. Борьба с сильнейшей конницей крымского хана, с огромной армией султанской Турции была долгой, тяжелой и изнурительной, унесшей сотни тысяч русских солдат. Вместе с тем эта борьба была жизненно необходима.

После смерти Петра I на южных границах России армия была растянута в гигантскую нить. Этот тонкий кордон был легко пробиваем, пожалуй, в любом месте, и для предупреждения внезапных набегов татарской конницы крайне необходимы были форпосты. Один из таких важнейших форпостов — Азов — был потерян по Прутскому договору 1711 г. Разумеется, кардинальным решением вопроса была бы ликвидация агрессии Крыма. Но это было в ту пору почти невыполнимой задачей. Крым представлял собою естественную неприступную крепость. Во-первых, он был отделен от земледельческих окраин России широкой каймой безводных жарких степей, пройти которые само по себе крайне трудно. Во-вторых, с севера территория Крыма, как известно, неприступна для враждебных войск — узкий перешеек, соединяющий полуостров с материком, был превращен в сплошную крепость с валом в 7 верст длиной и глубоким рвом и имел одни-единственные ворота. В-третьих, за

Перекопским валом вновь шла безводная степная часть Крыма, завершавшаяся горной местностью. Даже если проникнуть внутрь полуострова, крайне трудно было устроить генеральное сражение: татарские конники ускользали в горы. А ведь в ту эпоху вопрос окончательной победы — это вопрос о генеральном сражении.

После заключения Гянджинского договора 1735 г. первым действием Турции была попытка захватить у Персии каспийские земли. Но тут уж позиция русской дипломатии стала непримиримой. Когда стало известно о том, что по приказу султана крымский хан со своим 20-тысячным полчищем должен пройти к Каспию через Северный Кавказ, русский посланник в Константинополе И. И. Неплюев передал визирю многозначительно: «Я не ручаюсь за последствия, если татары не переменят этой дороги и коснутся земель ее величества». Но татары все-таки совершили свой переход, пройдя русскими владениями и имея сражения с пограничными войсками. Вскоре стало известно о предстоящем новом переходе 70-тысячного войска крымских татар. Таким образом, конфликт был налицо, и из Петербурга был дан приказ войскам о походе на Крым.

Осенью 1735 г. корпус генерала М. И. Леонтьева спешно ринулся было к Крыму в тот момент, когда полчища Каплан-Гирея двигались к Дербенту. Однако плохо подготовленное войско еле двигалось, и, потеряв тысячи людей и лошадей от болезней и голода, М. И. Леонтьев вернулся, не дойдя до Перекопских укреплений.

В следующем, 1736 г. военные действия возглавил фельдмаршал Б. Х. Миних. Поход был более подготовлен — на пути к Перекопу оборудованы опорные пункты. Оставив резерв в Казыкермене, Б. Х. Миних, построив свыше 50 тыс. войска в нескладнейший гигантский четырехугольник с обозом в середине, едва двигался к Перекопу, отбивая постоянные мелкие налеты татар. В конце концов лавина русских солдат смяла Перекопские укрепления. В мае 1736 г. Б. Х. Миних, оставив небольшой гарнизон у Перекопа, пошел внутрь полуострова. Вскоре была взята столица татар Бахчисарай и город Султан-Сарай. Но Б. Х. Миних не одержал ни одной серьезной победы, так как главные силы татар ускользнули. Истощенные жарой и нехваткой продовольствия русские войска, не рискуя оказаться запертыми с севера возвращавшимся с Кавказа крымским ханом, покинули Крым, потеряв только от болезней почти половину состава, т. е. около 25 тыс. человек.

В 1736 г. кроме крымского похода развернулась осада Азова. В марте были взяты две наблюдательные каланчи, что были на берегах Дона вверх

по течению от крепости Азов, и форт Лютик. Затем в течение двух месяцев русские войска, которых было свыше 20 тыс., возводили осадные укрепления. К середине июня часть сооружений крепости была уже в руках русских.

Азов был обречен, и комендант Мустафа-ага сдал крепость на милость победителя.

В 1737 г. Россия сделала два главных удара: поход в Крым П. П. Ласси и действия Б. Х. Миниха по освобождению Бессарабии. В июле 1737 г. сильно ослабленная при плохо подготовленном походе через степь 90-тысячная армия Миниха стала осаждать крепость Очаков. Беззаботный главнокомандующий, не проведя даже элементарной разведки укреплений, бросил солдат на штурм. Только отвагой солдат крепость Очаков была в итоге взята. Но потери были огромны, и вновь не столько боевые, сколько из-за болезней и голода. Наступление заглохло.

В это же время П. П. Ласси с 40-тысячным войском проник в Крым, перейдя вброд и на плотах Гнилое море (Сиваш). После ряда крупных сражений с татарским ханом русская армия взяла Карасу-Базар. Но жара и безводная степь вынудили Ласси вновь оставить Крым.

Австрия начала военные действия лишь летом 1737 г. Главная цель — захват Молдавии и Валахии, дабы не допустить русских к Дунаю. Другой удар по Турции должен был состояться в Боснии, которую Австрия была намерена присоединить к себе. В Боснии успехи австрийцев были незначительны. В Валахии они взяли ряд городов. Из Белграда третья часть армии двигалась по Дунаю и осадила г. Видин.

Серьезные потери и крымских татар и турок заставили последних выступить с мирной инициативой. В местечке Немиро-ве в августе 1737 г. собрался конгресс воюющих сторон — Турции, России и Австрии. Конгресс окончился безрезультатно. Война продолжалась. В 1738 г. русские войска в третий раз вступили в Крым и снова из-за бескормицы и отсутствия воды вынуждены были его покинуть. Летом 1738 г. 100-тысячная армия Б. Х. Миниха попыталась проникнуть за р. Днестр, но поход оказался неудачным, и Миних ушел к Киеву. В сентябре из-за жестокой эпидемии чумы русские войска оставили удерживаемые до тех пор Очаков и Кинбурн.

Снова начались переговоры, но теперь уже надвигалась новая опасность с севера. Франция и Турция вели дипломатическую подготовку нападения на Россию Швеции. В этих условиях А. И. Остерман готов был вернуть Турции Очаков и Кинбурн, оставив за Россией лишь. Азов. Австрия уже сама нуждалась в русской помощи.

Весной 1739 г. состоялась последняя попытка России и Австрии оружием вырвать «пристойный мир». Армия Б. Х. Ми-ниха двинулась к Хотину через Черновицы и 17 августа 1739 г. встретила войска Вели-паши под Ставучанами. Сражение было выиграно благодаря отваге солдат и умелому действию ряда генералов (например, А. И. Румянцева и др.). Вскоре сдался и Хотин, русские вступили в Молдавию. Это привело к добровольному переходу Молдавии в российское подданство с сохранением внутренней самостоятельности. С молдавской депутацией 5 сентября 1739 г. был заключен договор.

Тем временем Австрия, терпя одно поражение за другим, заключила с Турцией сепаратный мир, изменив всем договоренностям с Россией. В этих условиях Россия вынуждена была пойти на заключение мира, отдав почти все, что с такими жертвами было завоевано. Азов остался за Россией, но все его укрепления были срыты. Россия не могла держать корабли ни на Черном, ни на Азовском морях.

§ 4. Русско-шведская война 1741–1743 гг. и проблема «австрийского наследства»

В конце 30-х гг. XVIII в. обстановка на западных и северозападных рубежах России вновь стала осложняться. Росла опасность со стороны Пруссии Фридриха II Великого.

В Швеции постепенно нарастали реваншистские планы. В центре Европы обострились отношения Австрии и Пруссии, Австрии и Франции. Со смертью австрийского императора Карла VI в октябре 1740 г. развернулась борьба вокруг австрийского престола, который Карл VI завещал своей дочери Марии-Терезии. Пользуясь обстановкой, Пруссия стремилась захватить у Австрии Силезию. Для этого Фридрих II решил нейтрализовать Россию, которая была в союзе с Австрией, и предложил ей свой союз. Он был заключен в декабре 1740 г. стараниями Б. Х. Миниха и А. И. Остермана. Но Фридрих II вторгся вСилезию чуть раньше и захватил ее. А Россия оказалась в двусмысленном положении, хотя в ее интересах следовало бы держать сторону Австрии. Это был крупный дипломатический просчет.

Правда, в апреле 1741 г. Россия заключила русско-английский союз сроком на 20 лет. Этого она добивалась долгие годы. Но слабым местом этого союза было продление невыгодного для русских бироновского торгового соглашения.

Высшие российские сановники довольно быстро осознали, что Пруссия активно подталкивала Швецию к войне с Россией, и Б. Х. Миних был удален от дел. Напрасной оказалась и миссия французского посланника маркиза Шетарди заставить Россию выступить против Австрии. Но Шетарди по поручению Версаля в то же время, как мы видели, завел интригу с Елизаветой Петровной, замышляя дворцовый переворот. Расчеты французской дипломатии были довольно просты: заставить будущую государыню отказаться от завоеваний Петра I в Прибалтике. Как уже было показано, и этот расчет не удался.

Тем не менее 27 июля 1741 г. Швеция объявила войну России под флагом защиты наследников Петра I. Пруссия тут же отказалась от помощи России. Шведские войска вступили в Финляндию двумя корпусами. Но 20-тысячный корпус П. П. Ласси в августе 1741 г. быстро разбил шведов. Дворцовый переворот в ноябре 1741 г., казалось, ликвидировал повод для войны, но она все-таки продолжалась. Шведские войска, допуская крупные стратегические ошибки, в течение 1742 г. все время отступали, сдавая крепость за крепостью.

В августе 1742 г. под Гельсингфорсом шведская армия капитулировала. Важным моментом была поддержка русских войск местным финским населением. Еще в марте 1742 г. Елизавета издала манифест с обещанием независимости Финляндии. Десять финских полков после капитуляции шведской армии сдали оружие и разошлись по домам. Начались долгие переговоры в Або, временами сопровождаемые военными действиями. 7 августа 1743 г. был заключен мир, выгодный России, получившей ряд финских крепостей.

В международных отношениях в Европе на протяжении 40 — начала 50-х гг. XVIII в. наблюдался процесс постепенной, но кардинальной перегруппировки сил и создания новых коалиций. Четко и надолго определились австро-прусские противоречия, так как Пруссия отняла у Австрии важнейшую часть ее — Силезию. В России постепенно вырисовывалось аити-прусское направление внешнеполитической деятельности. Вдохновителем этой политики был выдающийся русский дипломат граф А. П. Бестужев-Рюмин.

После некоторого охлаждения отношений с Австрией («заговор» маркиза Ботта д'Адорно) в 1745 г. был заключен новый Петербургский договор сроком на 25 лет и направленный против прусской агрессии. Одновременно Россия пошла на заключение ряда соглашений о помощи Англии войсками (за деньги) для защиты европейских владений Англии от Франции и Пруссии. Это способствовало окончанию войны за

«Австрийское наследство», и в 1748 г. был заключен Аахенский мир. Отношения же России с Пруссией охладились до такой степени, что просто прервались. Это произошло в 1750 г.

§ 5. Семилетняя война (1757–1762)

В 50-х гг. произошло резкое изменение в отношениях бывших яростных врагов и соперников в Европе — Франции и Австрии. Сила англо-французских и острота австро-прусских противоречий заставили Австрию искать в лице Франции союзника. Им неожиданно помог давний союзник Франции прусский король Фридрих II.Пруссия охотно пошла на соглашение с Англией, обещая ей помощь войском (в обмен на деньги!) для охраны английских владений от Франции. Король прусский при этом рассчитывал лишь на одно: соглашением с Англией обезопасить себя от грозной России, с которой Англия в дружбе. Но вышло все иначе! В 1756 г. Англия вела с Россией новые переговоры о присылке русского войска для охраны (опять за деньги) английских владений в Европе от Франции. Но теперь русские дипломаты согласились на помощь Англии только из-за угрозы со стороны Пруссии, стремясь укрепить антипрусскую коалицию Англии, Австрии и России. Но буквально через 2 дня, 27 января 1756 г., Англия заключила с Пруссией соглашение о ненападении. Это вызвало бурю негодования французских дипломатов. В итоге в мае 1756 г. Мария-Терезия заключила договор с Людовиком XV о взаимопомощи при нападении любого агрессора. Итак, новые коалиции вполне определились: с одной стороны Пруссия и Англия, а с другой — Австрия, Франция, Россия, Саксония. При всем этом державы антипрусской коалиции не вполне доверяли друг другу.

19 августа вероломно, без объявления войны, прусские полчища напали на Саксонию и заняли Лейпциг и Дрезден. На помощь выступили австрийцы, но были разбиты. Саксония капитулировала. Однако война продолжалась.

Налет взаимного недоверия в антипрусской коалиции теперь исчез, и Россия присоединилась к австро-французскому союзу. Франция и Австрия заключили в мае 1757 г. вторичное соглашение. В коалицию вступила, наконец, Швеция.

В июле 1757 г. русские войска под началом фельдмаршала С. Ф. Апраксина вступили в Восточную Пруссию и, заняв ряд городов (Мемель, Тильзит и др.), взяли курс на Кенигсберг. Под Кенигсбергом стояла

прусская отборная 40-тысячная армия фельдмаршала И. Левальда. 19 августа 1757 г. состоялось крупнейшее сражение возле местечка Гросс-Егерсдорф. Несмотря на неблагоприятную роль фельдмаршала С. Ф. Апраксина, пытавшегося прекратить бой, русские одержали победу. Причем судьбу сражения решил внезапный удар резервной армии П. А. Румянцева. Вскоре С. Ф. Апраксин, для которого Фридрих II являлся кумиром, был арестован и предан суду. Новый командующий В. В. Фермор в январе 1758 г. взял Кенигсберг и вскоре всю Восточную Пруссию.

Боясь успехов русских, Австрия и Франция неустанно просили у них помощи для боев в Силезии. Поэтому главный удар в кампании 1758 г. был уже южнее Померании и Восточной Пруссии. Русские войска осадили крепость Кюстрин. Узнав об этом, Фридрих II совершил стремительный бросок 30-тысячного войска из-под Оломуца под Кюстрин. Растерявшийся Фермор снял осаду и увел все 40-тысячное войско под деревню Цорндорф на довольно неудачную позицию (впереди были холмы), где произошло кровопролитное сражение. И снова в ходе битвы командующий русских войск фельдмаршал Фермор бежал с поля боя (!). Правда, солдаты не побежали вслед за ним, а мужественно отбили атаку и в итоге обратили Фридриха II в бегство. Фельдмаршала Фермора сняли. Во главе войск стал П. С. Салтыков.

Тем временем успех не сопутствовал ни французам, ни австрийцам. На следующий, 1759 г. совместный план союзников предусматривал захват русскими и австрийскими войсками Бранденбурга. В июне Салтыков вступил в Бранденбург, а 12 июля возле деревни Пальциг был разбит корпус Веделя. В бою с русской стороны отличились артиллеристы, ведя огонь из новых шуваловских гаубиц (единорогов). Вскоре русские войска овладели Франкфуртом-на-Одере и стали реальной угрозой для Берлина.

Отчаянно сопротивлявшийся, вынужденный бороться одновременно в трех направлениях прусский король Фридрих II решается бросить под Берлином почти 50-тысячную армию. К русским войскам в это время вместо подхода главных сил австрийцев присоединился лишь 18-тысячный корпус Е. Лаудона. Фридрих II атаковал русскую армию 1 августа 1759 г. при деревне Кунерсдорф, но теперь позиция русских была отличной. Они закрепились на высотах.

Фридрих II решил зайти с тыла, но русское командование разгадало его планы. Прусский полководец без устали кидал свои полки в атаку, но все они были отбиты. Две энергичные контратаки русских войск определили дальнейший ход ожесточенного сражения. Общей штыковой контратакой П. С. Салтыков смял пруссаков, и они в беспорядке вместе с

полководцем бежали с поля боя. Однако австрийцы не только не поддержали войска Салтыкова, но стремились всячески отвлечь их от Берлина в Силезию. Салтыков отказался следовать австрийским требованиям. Тем временем, получив передышку, Фридрих II вновь собрался с силами и продолжал эту тяжелую для него войну, которая затягивалась из-за нерешительных действий и бесплодных продвижений союзных России войск.

Венский двор и Версаль, конечно, были за победу над Фридрихом II, но не за усиление России, которую они теперь весьма боялись. Отсюда и проволочки, и бесплодные итоги блестящих побед русских войск. Не желая далее терпеть это, Салтыков уходит в отставку. Во главе войск становится известный царедворец, но бездарный фельдмаршал А. Б. Бутурлин.

В конце сентября 1760 г., в то время, когда основные силы Фридриха II были скованы австрийцами, русские полки устремились к Берлину. На 28 сентября был назначен штурм Берлина, но город сдался. Через 3 дня русские войска покинули город, так как сильно оторвались от своих тылов. Война продолжалась.

В 1761 г. основные силы русских войск были вновь направлены в Силезию. Лишь корпус П. А. Румянцева действовал в Померании. Взятие П. А. Румянцевым при поддержке флота крепости Кольберг создало возможность полного захвата Померании и Бранденбурга и новой угрозы Берлину. Это грозило Пруссии полным поражением.

К началу 1762 г. положение стало для Пруссии безнадежным. И вот, когда Фридрих II готов был отречься, неожиданная смерть русской императрицы Елизаветы 25 декабря 1761 г. спасла его от неминуемого разгрома. Новый император России Петр III немедленно прекратил все военные действия, заключил с Фридрихом II союз, по которому русские войска должны были воевать теперь уже с бывшими союзниками. Так или иначе, но Россия вела эту войну на чужой территории, хотя была вынуждена к этому расстановкой политических сил в Европе. Пронемецкие настроения Петра III, все его поведение вызывало, как мы знаем, острое недовольство русского дворянства. Дворцовый переворот 28 июня 1762 г. сверг императора. На престол была возведена его супруга Екатерина II. Новая государыня разорвала союз с Пруссией, но войны не возобновила. В ноябре 1762 г. заключили мир и союзники России — Франция и Англия.

Так окончилась тяжелая война с Пруссией. Российская империя не достигла своих целей: не присоединила Курляндию, не смогла продвинуться в решении вопроса о белорусских и украинских землях. Правда, в итоге блестящих военных побед международный престиж России

поднялся на небывалую высоту. В Европе теперь никто не сомневался в военной мощи Российской империи.

Глава 10. Россия в эпоху Екатерины II. «Просвещенный абсолютизм»

§ 1. Императрица и трон

Первые же царственные распоряжения новой императрицы Екатерины Алексеевны обнаруживают ее сметливый ум и умение ориентироваться в сложной внутриполитической и придворной обстановке.

Помимо амнистий и награждений, столь обычных для любого переворота, Екатерина II предпринимает ряд экстренных мер. Почти тотчас всю армейскую пехоту Петербургского и Выборгского гарнизонов она подчиняет лично преданному ей Кириллу Разумовскому, а кавалерию — графу Бутурлину. Немедленно были отменены в армии все нововведения прусских порядков. Уничтожена зловещая Тайная канцелярия. Запрещением вывоза хлеба довольно быстро ликвидируется резкий взлет цен на хлеб в Петербурге. Кроме того, новая императрица 3 июля снижает и цены на соль (на 10 коп. с пуда).

Шестого июля был издан манифест о воцарении Екатерины II. В сущности, это был памфлет против Петра III. Выпятив все наиболее «противныя» тогдашнему обществу поступки Петра III, новая императрица с большим «душевным надрывом» расписала недостойное отношение бывшего императора к русской церкви и православию вообще. Екатерина II отменяет и указ Петра III о секуляризации церковных имений.

Правда, первое время взнесенная на трон Екатерина чувствует себя неуверенно и крайне боится придворных интриг. Она делает отчаянные попытки, чтобы задушить старый роман со Станиславом Понятовским, готовый вот-вот вспыхнуть вновь.

И все же главная опасность в придворной ситуации была не в Понятовском — был живой, хотя и бывший уже император Петр III. Именно это обстоятельство гложет мозг новой императрицы первые дни и ночи после переворота. Для ликвидации отрекшегося Петра III не нужны были специальные заговоры, вдохновители переворота 28 июня с первого взгляда понимали желания новой царицы. Ход дела в Ропше до сих пор неизвестен, но то немногое, что историкам известно, заставляет не сомневаться в специально организованном убийстве Петра Федоровича. Отправленный в Ропшу Петр III был в трансе, все время недомогал.3 июля

к нему был послан лекарь Лидере, а4 июля второй лекарь Паульсен. Весьма симптоматично, что6 июля утром, в день убийства, из Ропши был похищен камердинер Петра III, вышедший в сад «подышать чистым воздухом».

Вечером того же дня всадник доставил Екатерине II из Ропши пакет, где была записка с пьяными каракулями Алексея Орлова. В ней, в частности, говорилось следующее: «Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка — его нет на свете. Но никто сего не думал, а как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы разнять, а его уже и не стало».

Момент был критический, ведь «милосердная государыня» могла и прогневаться и даже наказать виновных, погубивших несчастного Петра III. Но она этого не сделала — никто из присутствовавших в Ропше ни в июле 1762 г., ни потом наказаны не были. Скорее наоборот, все успешно продвигались по служебным и иным ступеням. Само убийство было скрыто, так как объявлено, что Петр III скончался от геморроидальных «прежестоких колик». Вместе с тем пьяные каракули Алексея Орлова свято хранились Екатериной II более тридцати лет в особой шкатулке, где их нашел, став императором, ее сын Павел. Видимо, это должно было служить свидетельством (весьма шатким, конечно) личной невиновности перед сыном.

Торжественный въезд в Москву состоялся 13сентября. 22 сентября в Успенском соборе Московского Кремля состоялся традиционный пышный спектакль коронации, в котором громогласные духовные иерархи лицемерно призывали: «Гряди, защитница отечества, гряди защитница благочестия, вниди во град твой и сяди на престоле предков (!) твоих». Провозглашалось это с полной серьезностью, хотя, разумеется, ни один из предков Екатерины не сидел на русском престоле.

Дворянские аристократические круги, как раньше, так и теперь, не замедлили обратиться к проектам ограничения самодержавной власти. В частности, Н. И. Панин неутомимо стал добиваться у новой императрицы утверждения проекта ограничения власти самодержца так называемым императорским советом. Обстановка в придворных кругах исключала для Екатерины II возможность прямого отказа от проекта. Когда нажим Н. И. Панина достиг максимума (в декабре 1762 г.), Екатерина II в конце концов была вынуждена подписать указ в целом. Но в тот же день, решившись пойти на риск, она рвет его.

Наконец, еще один штрих в придворной борьбе за трон — «дело Мировича». Еще в сентябре 1762 г. в Москве на обеде у поручика П. Ф.

Хрущова зашла речь о правах на престол печально знаменитого Ивана Антоновича. Один из офицеров Измайловского гвардейского полка, некий И. Гурьев неосторожно заметил, что уже около 70 человек стараются об «Иванушке». В итоге и Хрущов, и Гурьев были сосланы навечно в Сибирь. Настороженная императрица через Н. И. Панина дала строжайшие инструкции по охране Ивана Антоновича. Приказ гласил теперь о немедленном уничтожении знатного арестанта при малейшей попытке к его освобождению. Но не прошло и двух лет, как попытка освобождения, которой так боялась Екатерина II, состоялась.

На охране Шлиссельбургской крепости стоял в те годы Смоленский пехотный полк. Подпоручик этого полка Василий Яковлевич Мирович случайно узнал от отставного барабанщика, что в крепости заключен бывший император Иван Антонович. Честолюбивый подпоручик вскоре решился на рискованный шаг освобождения узника и провозглашения его императором. Заготовив подложный манифест и присягу и найдя немногих сторонников в полку, в ночь на 5 июля 1764 г. с небольшой командою он арестовал коменданта Бередникова и напал на гарнизонный караул, угрожая ему незаряженной пушкой. Но все было тщетно. Как потом выяснилось на следствии, капитан Д. Власьев и поручик Л. Чекин, когда увидали происходящее, тотчас убили заключенного. Когда Мирович, схватив за шиворот Чекина, заставил его впустить себя в темницу Ивана Антоновича, то увидел там лишь мертвое тело в луже крови. За неимением лучшего выхода Мирович поставил мертвое тело перед фронтом выстроенной команды и, салютовав покойнику, поцеловал уже похолодевшую руку. Затем Мирович стал целовать участников «дела», пока капрал Миронов не отобрал у него шпагу.

Верховный суд приговорил Мировича к смертной казни. На петербургском обжорном рынке палач отрубил ему голову. Труп казненного и эшафот были тут же сожжены. В сущности, это была неудачная попытка типичного дворцового переворота с той только разницей, что руководитель готовил его неумело, не сосредоточив в своих руках основные рычаги механизма переворота.

Все эти, иногда и острые, дворцовые интриги и конфликты, хотя и создавали вокруг трона обстановку неуверенности, но отнюдь не определяли сложности социально-политической обстановки в стране в целом.

§ 2. Российское дворянство и проблемы социально-

экономического развития страны

В конце 50 — начале 60-х гг. xviii в. обстановка в стране была обусловлена несколькими главными факторами. В первую очередь среди них следует отметить рост крестьянских волнений, вызванный неизбежным усилением эксплуатации и судорожными мерами по выводу экономики и финансов из кризиса второй четвертихviii в. Таким образом, создавались условия для нового кризиса. Екатеринаii вынуждена была признать, что в момент ее прихода к власти «отложились от послушания» до полутораста тысяч помещичьих и монастырских крестьян («заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей, и к ним начинали присоединяться местами и помещичьи»). И всех их, по выражению императрицы, «усмирить надлежало». Среди крестьян получили особое распространение различного рода подложные манифесты, указы, в силу которых крестьяне отказывались работать на своих прежних господ. Монастырские крестьяне убирали в свою пользу хлеб, сено, рубили лес и т. д. Отказ Екатерины подтвердить указ о секуляризации монастырских имений вызвал новую гигантскую волну отчаянной борьбы народных масс. В 1762–1763 гг. волнения распространились на огромную территорию, охватывающую одиннадцать губерний Центральной России. Только в 1763 г. карательные отряды посылались в вотчины 30 монастырей и кафедр. Началась вооруженная борьба крестьян.

В связи с Манифестом «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» в 1762 г. поднялись на борьбу и помещичьи крестьяне, возбужденные слухами о предстоящей «воле». В начале 1762 г. в 9 центральных уездах восстало свыше 7 тыс. крестьян, принадлежащих 9 помещикам. В Вяземском уезде князь А. А. Вяземский против крестьянских толп использовал пушки. В 1763 г. массовый характер приняли волнения в Новгородском, Пошехонском, Волоколамском, Уфимском уездах. В 1766–1769 гг. движение вспыхнуло в Воронежской и Белгородской губерниях. Эта борьба почти повсеместно сопровождалась массовым бегством крестьян, потоком челобитий, насчитывавшихся тысячами, вереницами крестьянских ходоков.

Начало Генерального межевания. В этой столь грозной обстановке Екатерина II в манифесте от 3 июля 1762 г. решительно объявила свою генеральную линию: «Намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном повиновении содержать». Законодательная практика правительства Екатерины II

полностью подтверждает этот тезис. Исключительно в интересах дворянства новая императрица реально осуществила так называемое Генеральное межевание, укрепившее землевладельческие права дворян. При этом императрица отказалась от проверки старинных прав по документам и безвозмездно подарила дворянам огромный фонд государственных земель (примерно 50 млн десятин), самовольно захваченных помещиками в предшествующий период. Ни Анна, ни Елизавета, ни даже Петр I не рискнули это сделать. Екатерина II безвозмездную передачу дворянам захваченных ими земель представила в виде награды за быстрое и бесспорное («полюбовное») установление границ их владений. И это имело грандиозный успех у дворянства, хотя, так сказать, техническое оформление этого соглашения (само межевание) политически корректно длилось около ста лет.

Ужесточение крепостного права. Одновременно с укреплением дворянского землевладения шло неуклонное наступление на крестьянские права. Запрет крестьянам жаловаться на помещиков был установлен еще в 1649 г. и с тех пор многократно подтверждался. Но при Екатерине II за нарушение этого запрета крестьян уже жестоко наказывали вплоть до ссылки в Нерчинск. В январе 1765 г. «за продерзостное состояние» «вредных обществу людей» помещикам разрешено было не только ссылать крестьян в Сибирь (а это было узаконено еще в 1760 г.), но и отдавать в каторжные работы. Порядку и регламентации процедур отправления крестьян в ссылку и их содержанию посвящена была целая серия указов.

С другой стороны, законы смягчали наказание дворян за истязания и убийства своих крепостных, а при Екатерине II наказанием дворян стали лишь церковные покаяния. Легализована была практика продажи крепостных крестьян оптом и в розницу. Дети крестьян, взятых в рекруты, оставались теперь в собственности помещика. Резко ограничивалась сфера дееспособности крепостных крестьян. Сбор государственных податей с них вновь был возложен на помещиков (ранее за ними была лишь ответственность за недоимки). Как уже упоминалось, помещичьим крестьянам было запрещено принимать присягу. Запрет был наложен даже на вступление в монашество. Крестьян лишали права брать откупа и подряды. Им (а также государственным крестьянам) запрещено было вступать в вексельные отношения, их денежные обязательства были объявлены недействительными. Без разрешения помещика крестьянину не выдавали паспорт и т. п.

Наступление на права крестьян шло и по иным направлениям. Стремительно развивался процесс утеснения однодворцев, когда-то

бывших сословием «служилых людей по прибору» и защищавших южные границы Российского государства. Легализован был захват помещиками однодворческих земель. Рядом указов однодворцы превращались в казенных крестьян. Наступление на права крестьян распространилось и на южные регионы России. Господствующему классу Малороссии была предоставлена юридическая база для закрепощения крестьян. Сначала в 1760 г. это был указ о переходе крестьян «с места на место» лишь по письменному отпуску прежнего хозяина с одновременным запретом перехода для тех, кто прожил на одном месте 10 и более лет. А в 1783 г. крепостное право в Левобережной Украине было окончательно оформлено. Наконец, крайне суровыми были меры правительства по сыску беглого крестьянства.

Однако слишком просто было бы оценить политику правительства Екатерины II как прямолинейное стремление к ужесточению эксплуатации крестьян путем грубого насилия. Ведь тогда гигантским лицемерием покажутся и созыв Уложенной комиссии, и конкурс Вольного экономического общества, и кампания свободы слова в конце 60 — начале 70-х гг., и многое другое. Более того, ведь в реальном, хотя и противоречивом, законодательстве самодержавия была и качественно иная линия, которую иногда называют «экономическим либерализмом».

Политика поощрения крестьянских промыслов. Постепенный «либеральный» поворот в экономической политике правительства приходится на середину XVIII в. Существенные сдвиги в создании казенной промышленности позволили отказаться от ряда архаичных защитных механизмов социума с низким объемом совокупного прибавочного продукта. Прежде всего, круто изменена была политика традиционного и когда-то необходимого укрепления казенных торговых монополий. В 50-е гг. разрешен был свободный отпуск из всех портов и таможен воска, клея, льна, пеньки, смольчуга, поташа, дегтя, юфти и других товаров, бывших прежде предметом казенной монополии. В 1755 г. был принят важнейший указ, объявлявший свободную продажу за границу, запрещенную Петром I еще в 1715 г., узкого крестьянского холста и практически установивший «без-указное», т. е. свободное для всех производство на экспорт этого материала. В 1758 г. разрешено свободное производство «всякому, кто пожелает, пестреди» (набоечной льняной ткани) и шляп, а в 1760 г. — свободное производство веревок и канатов.

Одновременно намечается некое стремление властей ограничить применение крепостного труда в частной промышленности. В 1752 г. было ограничено право купцов покупать крестьян к мануфактурам. Введены

были количественные ограничения на людские ресурсы подневольного труда «вечноотданных». В еледующем, 1753 г. сенатским указом предписано было изъять с фабрик и заводов лишних (по вновь установленным нормам) приписных крестьян. Логическим завершением этой политики был указ о запрещении покупки крестьян к частным фабрикам и заводам как с землей, так и без земли, что, видимо, хотели сделать еще при Петре III.

Самым кардинальным актом правительственной политики 50-х гг. XVIII в. была отмена внутренних таможенных и мелочных сборов указом от 20 декабря 1753 г. В 1760 г. в Сенат был подан проект указа об уничтожении всех монополий и откупов, а 10 октября разослан на места, хотя и не опубликован, указ о свободе торговли всеми изделиями русского производства.

Таким образом, перед нами явные признаки демонтажа традиционной политики регламентации в области экономики. Причем постепенность изменений и их явная противоречивость (решительный отказ от казенных монополий, первые удары по регламентированному «указному» производству и вместе с тем суровая сдержанность по отношению к крестьянской торговле) свидетельствуют, скорее всего, о чисто прагматическом характере этой политики, т. е. об отсутствии в ее основе каких-либо теоретических концепций. Во всяком случае, крайности приспособления государства в политике выживания в условиях неблагоприятного, ущербного влияния природно-климатического фактора были ликвидированы (хотя и не все).

С вступлением на престол Екатерины II отказ от традиционной политики «насильственного» посословного «разделения труда» стал еще очевиднее. Хотя поначалу в указах сильнее были чисто декларативные моменты, а не реальные действия. Вслед за провозглашением отказа от системы монополий в промышленности и торговле 28 марта 1762 г. в июле того же года было объявлено о свободе производства ситца по всей стране, кроме Москвы и Петербурга. Чуть раньше разрешен был вывоз хлеба за рубеж. А с 1766 по 1772 г. был введен беспошлинный вывоз пшеницы и пшеничной муки почти из всех портов империи. В 1763 г. снова был провозглашен принцип свободы промышленной деятельности, т. е. полной нецелесообразности держать «в одних руках, чем множество желающих пользоваться могут». В апреле 1767 г. был издан весьма лаконичный указ, объявлявший полную свободу «рукомеслу и рукоделию» в городах России, а 10 сентября 1769 г. — именной указ о свободе заводить ткацкие станы с одним лишь условием: уплаты сбора в 1 руб. за стан.

В 70-е гг. правительство Екатерины II идет на еще более кардинальные решения. Указом от 17 марта 1775 г. была объявлена свобода заведения промышленных предприятий для всех отраслей промышленности. К тому же отменены были все сборы от мелких промыслов. В 1777 г. были отменены сборы с домашних станов, принадлежащих фабрикам, т. е. резко улучшены условия деятельности так называемых рассеянных мануфактур. В 1784 г. снова был именной указ о поощрении местной легкой промышленности.

Таким образом, противоречивые процессы усиления крепостничества и поощрения промыслов практически происходили одновременно. Почему?!

Историки в попытках объяснения причин столь сложного явления прибегали к весьма разным интерпретациям и трактовкам. Часть из них считала Екатерину II просто лицемерным политиком, водрузившим на себя маску либерала, но по своей внутренней сути являвшимся завзятым крепостником. Другие считали либеральные реверансы великой императрицы вполне искренними, но целиком разбивавшимися о реакционные силы помещичьего класса. Корень зла подобные историки видели (и видят) в постоянном стремлении помещиков к безмерной эксплуатации крепостных крестьян, к установлению жесточайшего режима крепостничества, по сути своей ничем не отличавшегося от рабства. Именно под нажимом помещичьего сословия екатерининское правительство и привело к резкому усилению режима крепостничества, к установлению диктатуры помещиков, их полному господству в стране, обществе, государстве.

Подобная оценка социально-экономической политики в России во второй половине XVIII в. оставляет слишком много вопросов. Главное же остается неясным: как могли ужиться в политике единой правящей элиты столь принципиально различные направления — субъективно осознанный либерализм и столь же осознанное «реакционное» феодально-крепостническое начало.

Между тем, на наш взгляд, есть вполне реальная возможность дать наиболее убедительную оценку такой политике как вполне целостному явлению. Для этого необходимо еще раз осознать кардинальнейшую особенность истории Российского государства, заключающуюся в том, что природно-климатические условия создавали в стране из века в век крайне неблагоприятную обстановку для развития основы основ ее существования — сельского хозяйства.

Уже неоднократно подчеркивалось, что вследствие названных

обстоятельств российское общество вплоть до XX в. развивалось как общество с относительно низким объемом совокупного прибавочного продукта, что в принципе могло бы навсегда обречь его на судьбу примитивного земледельческого социума.

Поэтому историческая необходимость уже в Средневековье привела в России к формированию особого, необычного для запада Европы типа государственности с весьма жесткими рычагами государственного механизма, ибо основной функцией Российского государства была концентрация и перераспределение относительного минимума прибавочного продукта в интересах развития и самого общества, и его господствующего класса. Поэтому далеко не случайна была на востоке Европы многовековая традиция централизованной, самодержавной, по сути своей деспотической власти. Не случаен был и необычайно суровый режим крепостного права. Долгие века этот режим был призван обеспечивать поступательное развитие и общества и государства. Это развитие осуществлялось главным образом путем использования сверхнапряженного труда крестьянства, экономическое положение которого было на грани потери собственного воспроизводства.

§ 3. Аграрный тупик нечерноземья и зарождение регионов зернового товарного производства

Обобщенные статистические показатели материалов Генерального межевания земель во второй половине XVIII в. свидетельствуют о том, что для Центральной России обеспеченность крестьянина пашенным наделом достигала в среднем 3–3,5 десятины в трех полях на душу мужского пола, что было не слишком много для нашей страны. В то же время синхронные данные губернаторских отчетов свидетельствуют, что реальный посев в озимом и яровом полях составлял в этой зоне Нечерноземья 1,24 десятины на душу мужского пола. Остальная пашня просто не использовалась в силу специфики тех же природно-климатических условий. В достоверности этих данных сомневаться не приходится. О типичности такого высева пишут и известный русский публицист И. Т. Посошков, и первый русский агроном А. Т. Болотов. Об этом же свидетельствуют бюджетные обследования современников, в частности по Тверской губернии. На семью из четырех человек, где двое — дети, великорусский пахарь мог обработать землю величиною только в 2,5 десятины в двух полях на тягло.

Тяжкий убыточный труд крестьянина Центра России. Причина

столь малых возможностей крестьянина заключается в том, что рабочий период земледельца в Центральной России составлял, как уже неоднократно упоминалось, всего 130 рабочих дней, из которых 30 суток тратилось на сенокос. Если соблюдать все необходимые нормы агрикультуры, то на все операции только по обработке пашни требуется около 40 человеко-дней на десятину (около 1 га). Столько, например, тратилось на пшеничном поле в Парижском регионе Франции в середине XVIII в. (при общей затрате труда на 1 га около 70 дней). Русскому же крестьянину на обработку реального пашенного надела (а это 4,5 десятины в двух полях) с соблюдением минимума агротехнических норм (т. е. тратя 40 дней на десятину) потребовалось бы 180 дней. А у крестьянина при нашем климате их всего 100. Следовательно, он не мог затратить на обработку земли 40 дней на одну десятину. За данное природой время он едва мог обработать 2,4–2,5 десятины в двух полях, потратив на это всего-навсего 23,4 человеко-дня. Отсюда идет неизбежность низкого качества обработки пашни, низкая урожайность и крайняя ограниченность размеров посева. Чтобы улучшить урожай, за эти 23 дня он должен был стремиться вложить объем труда, равный при нормальных условиях труда тем же 40 дням. А это — неимоверное, чаще всего нереальное напряжение ритма работы, вплоть до ночной пахоты. Это и привлечение к труду и детей и стариков. При такой нагрузке общие затраты труда на все полевые работы, включая обмолот, у русского крестьянина составляли не 70 нормальных человеко-дней на десятину (га), а всего около 42 дней, из которых, как уже говорилось, 23,4 дня шло на пахоту и боронование. Если же этот крестьянин работал еще и на барщине, то время и объем работ на своем поле резко сокращались и соответственно либо падала урожайность от крайне небрежной вспашки, либо уменьшался даже этот небольшой посев.

Поэтому огромные пространства российского Нечерноземья многие века были ареной практически убыточного, хотя и общественно необходимого, сельского хозяйства. Во второй половине XVIII в. во Владимирской губернии лишь один уезд из 12 (Покровский) имел некоторый излишек зерна (по сравнению с тем количеством зерна, которое шло на собственное потребление). В четырех уездах своего зерна хватало лишь на 6–8 месяцев в году. Такое же положение было и в соседней Ярославской губернии. Здесь лишь три уезда обходились «своим хлебом» и в случае удачного урожая могли иметь некоторый товарный излишек зерна. И это не удивительно, так как наряду с удачным урожаем были частые жестокие неурожаи, которые на ряд лет выбивали из колеи массы крестьянских хозяйств.

8 частности, в 1796 г. по Ярославской губернии средняя урожайность ржи была всего сам-1,4, овса — сам-2,2, ячменя — сам-2,1. Это голод! В Черноземье средняя многолетняя урожайность была почти всегда низкой из-за того, что высокие урожаи чередовались с жестокими неурожаями. Так, средняя за 9 лет (1783–1795) урожайность по Воронежской губернии равнялась по ржи всего сам-4, ибо три урожая в сам-6 и сам-7 чередовались с низкими (сам-1,5, сам-2,5, сам-2,9 и сам-3,1). Сводные погубернские данные за разные годы двух последних десятилетий XVIII в. по плодородным черноземным Тамбовской, Орловской, Курской и Воронежской губерниям свидетельствуют об очень скромных итогах: по ржи в среднем сам-3,7, по овсу — сам-3, по ячменю — сам-2,8. Подобные же сводные показатели по нечерноземным Московской, Ярославской, Тверской, Костромской и Новгородской губерниям обнаруживают еще более низкий уровень урожайности: рожь — сам-2,3, овес — сам-2,2, ячмень — сам-2,3. Это означает, что при посеве 12 пудов ржи на десятину чистый сбор со всего посева будет всего 15,6 пуда, а по овсу — 19 пудов. В сумме это 34,6 пуда, или 80 % сбора всех зерновых на семью в 4 человека. А по норме полагалось бы 67 пудов!

По Тверской губернии до нас дошли ценнейшие сведения об уровне развития крестьянского хозяйства этого края в 80-е гг. XVIII в. «По расчислению нескольких лет» годовой бюджет средней крестьянской семьи из 4 человек (глава семьи, жена и двое детей) по расходам составлял 26 руб. 43 с половиной копейки. В то же время реальный доход такой семьи сводился к тому, что продавались «четверть или две овса, сена, а ис скота бык и овца, а также несколько коровьего масла, яиц, творога». «И за сие получает (крестьянская семья. — Л.М.) в год не более 6-ти руб.» Остальные 20 с лишним рублей надо было добывать на стороне путем различного рода промыслов, неземледельческих занятий или жить впроголодь, разоряя свое собственное хозяйство.

Примерно такая же ситуация была почти на всем пространстве Нечерноземья России. Во всяком случае, в одном из докладов Комиссии о коммерции (от 21 июня 1764 г.) общая оценка состояния земледелия в России была такова: «Крестьянин, трудясь через целое лето, насилу на платеж своих оброков может заработать». Иначе говоря, большую часть необходимой для расходов суммы русский крестьянин должен был добывать на стороне, точнее, вне сферы сельского хозяйства. Именно поэтому в Нечерноземье России различного рода крестьянские промыслы существовали уже издавна.

Таким образом, тяжелое положение крестьянского хозяйства и

одновременно растущие запросы господствующего класса и вызвали к жизни противоположные тенденции развития: с одной стороны, массовое распространение неземледельческих промыслов, объективно ведущих в конечном счете к расширению внутреннего спроса на зерно и муку, а с другой стороны — постепенное развитие ущемляющего крестьян барщинного господского хозяйства, удовлетворяющего в том числе и потребности того же спроса. Учет этих тенденций и лежал в основе правительственной политики монархов середины и второй половины XVIII в.

Свобода крестьянских промыслов. Основной массе населения страны нужны были условия для приложения своего труда в сфере промышленности как способ дополнительного к сельскохозяйственному производству заработка, и политика правящей верхушки должна была отвечать этим потребностям. Более того, политика правительства конца 50 — начала 60-х гг., запрещая промысловые монополии и откупа, стала поощрять в первую очередь именно мелкие промыслы, а не развитие крупных мануфактур. В одном из сенатских указов об этом заявлено со всей откровенностью: «а в заведении для того фабрик не позволять, дабы чрез то у мастеровых людей пропитание отьемле-мо не было». Таким образом, прямое поощрение вовлечения основной массы крестьянства в торгово-промышленную деятельность было продиктовано суровой необходимостью помочь выживанию громадной массы населения Нечерноземья. Это была чисто прагматическая линия правительственной политики.

Крестьяне Нечерноземья, получая мало прибыли от земледелия, свое свободное время (а им были осень, зима и часть весны) с давних пор употребляли для приработков. Крестьяне буквально изощрялись, «примысливая», т. е. изобретая, способы своего сравнительно сносного существования. Отсюда побочные занятия крестьянства получили названия «промыслов». Жители многочисленных сел Ярославской, Костромской, Владимирской и других губерний пряли льняную пряжу и продавали ее владельцам ткацких промышленных заведений — мануфактур. Жители западных районов Московской губернии, обильной лесами, занимались заготовкой леса для строительства изб, амбаров и проч. Здесь делали и телеги, и сани, и бочки, и дуги, и колеса, и воротные щиты, и деревянную посуду. Все это шло на продажу. В Дмитровском уезде получил развитие гребенный промысел (расчески и гребни из коровьих рогов). В Семеновском уезде Нижегородской губернии расцвел ложкарный промысел. В тверском селе Кимры и ближайших селах крестьяне

занимались шитьем сапог. Крестьяне районов Карелии, Тульско-Каширского, Муромского и других районов выплавляли кричное железо из болотных железных руд и мастерили косы, топоры, ножи, серпы и другую металлическую утварь. Нижегородские села Павлово, Безводное, Ворсма и другие стали известны своими изделиями из металла (замки, ножи, кольца, крестики и т. д.). Крестьяне многих сел Владимирской губернии (и среди них в первую очередь село Иваново) издавна занимались ткацким промыслом.

В итоге в промышленную деятельность были вовлечены огромные массы крестьянства.

Помимо местных промыслов крестьяне занимались отхожими промыслами, т. е. отходили на заработки в города или другие местности. Так, из костромских селений в Москву и другие города приходили каменщики. Из владимирских селений выходили шерстобиты, валявшие войлоки, шерстяные войлочные шляпы и т. п. Могучим потребителем крестьян-отходников была река Волга и приволжские города Тверь, Рыбная Слобода, Ярославль, Нижний Новгород, Астрахань и т. д. Десятки тысяч крестьян работали бурлаками, были заняты на рыбных промыслах Астрахани и Гурьева. В городах крестьяне работали на текстильных мануфактурах, в кожевенных мастерских, на пеньковых и канатных заводиках, строительстве судов и лодок. Тысячи крестьян уходили на заработки в Петербург, где нередко шли строительные работы. Много рабочего люда требовал провод судов из Волги в Неву. Наконец, серьезным потребителем рабочей силы была Москва и ее промышленность.

Кроме отхода промышленного в России развивался отход земледельческий. Из тульских, рязанских, тамбовских селений, а также из районов нечерноземной полосы тысячи крестьян устремлялись на летние работы в южные черноземные районы. Там дворянское помещичье хозяйство, хозяйства крестьян-однодворцев, казацкой старшины и т. п. испытывали острую нужду в рабочих руках.

Барщинное крестьянство нечерноземного Центра страны использовало осенне-зимний период для отхода на промыслы. Но этот факт привел в конце концов к переориентировке помещиков. Они, не довольствуясь барщиной, стали дополнять ее денежным оброком, т. е. получать ренту и от промысловых заработков крестьян. Более того, ввиду перспективности крестьянских промыслов, в условиях, когда рынки Москвы и других городов стал наводнять дешевый хлеб с юга страны, многие помещики стали переводить крестьян с барщины на денежный оброк. Таким образом, намечавшиеся было симптомы кризиса феодального хозяйства были в

XVIII в. на время преодолены.

Однако эксплуатация крестьян путем денежного оброка отходников и промысловиков очень скоро также перестала отвечать «нормативам» типичного традиционного хозяйства. Крестьянин в этом случае добывает средства к жизни фактически уже вне сферы феодального хозяйства. Помещик же получает увеличенные суммы оброка лишь в силу личной крепостнической зависимости крестьянина, земельные отношения здесь утратили свое прежнее значение.

Так или иначе, а отходничество крестьян на заработки получает все большее развитие. Дворянское государство, охраняя интересы крепостников-помещиков, вводит отход на промыслы в рамки полицейских ограничений. С 1724 г. вводится система паспортов и так называемых покормежных писем, по которым крестьяне могли уходить лишь в пределах своего уезда, удаляясь не более чем на 30 верст с разрешения помещика. Паспорт же давался на разные сроки (полгода, год) и предоставлял отходнику больший радиус действий. Число крестьян-отходников резко возрастает с середины XVIII столетия. К концу века в одной лишь Московской губернии ежегодно выдавалось свыше 50 тыс. паспортов, а в Ярославской — около 75 тыс. паспортов.

Темпам роста крестьянских промыслов сопутствуют и стремительные темпы роста денежного оброка. Так, в 60-х гг. XVIII в. помещики брали (в номинале) в среднем 1–2 руб. с души муж. пола в год, в 70-х гг. — 2–3 руб., в 80-х гг. — 4–5 руб., а в 90-х гг. в некоторых районах Центра страны оброк достигал 8—10 руб. с души муж. пола.

Центр тяжести хозяйства крестьян — отход и промысел. Таким образом, ликвидация сословных преград в промышленности и поощрение государством крестьянских промыслов принесли свои плоды, а заметны они стали уже в ближайшие после первых указов 15–20 лет. Об этом свидетельствуют массовые данные о соотношении уровня оброчной эксплуатации помещичьих крестьян и обеспеченности этих же крестьян пашней. Так, данные о 3759 душах муж. пола крестьянах Егорьевского уезда Московской губернии свидетельствуют о том, что в 1769–1773 гг. их хозяйство носило чисто земледельческий характер (что следует из четко проступающей закономерности: чем больше у крестьянина пашни, тем выше сумма оброка с души муж. пола, который он платит). Спустя примерно 15–20 лет у тех же 3759 душ муж. пола, живущих в тех же селах, характер соотношения размера оброка и размера пашни резко меняется: наибольший оброк платят уже те крестьяне, у которых пашни меньше. И наоборот, наименьший оброк платят те крестьяне, у которых пашни

больше. Произошел, таким образом, своеобразный «промысловый переворот». Центр тяжести хозяйственной деятельности крестьян этого региона перемещается в промысловую деятельность, и от нее в первую очередь зависит размер дохода крестьянина (а значит, и размер оброка). В 80-х гг. этот процесс коснулся всех крестьян Егорьевского уезда (15 868 душ муж. пола), ибо 4490 душ муж. пола платили оброк в 5 руб., ц^ея в среднем на душу муж. пола 3,0 десятины пашни, а 2574 души муж. пола платили оброк в 8 руб., имея в среднем на душу муж. пола 0,1 десятины пашни, и т. д. Эта закономерность в реализации грандиозного «промыслового переворота» подтверждается массовыми данными в масштабе целых уездов (Вяземский уезд Смоленской губернии, Костромской уезд и др.).

Таким образом, преследуя чисто практические цели, дворянское правительство Екатерины II сумело создать условия для крутого поворота путей развития крестьянского хозяйства обширнейшего региона России.

М. М. Щербатов о кризисе земледелия. Между тем традиционно бедствующее земледелие мгновенно ощутило даже самые незначительные перемещения центра тяжести крестьянского труда в область торговли и промышленности. В этих условиях хоть как-то удержать былой уровень развития земледелия в Нечерноземье можно было только внеэкономическим принуждением, т. е. общим ужесточением режима крепостного права. Ярче всего эту сложную ситуацию отразил известный дворянский публицист М. М. Щербатов, имя которого в литературе последних десятилетий практически безоговорочно сопровождалось такими эпитетами, как «крепостник», «реакционер», в лучшем случае — «консерватор» и т. п. М. М. Щербатов в течение двух десятков лет (60—80-е гг. XVIII в.) неустанно повторял, что русское земледелие находится в критическом состоянии, что оно «ухудшилось», «совершенно упало» и т. д. Корень зла он видел в нехватке рабочих рук и низкой производительности труда в земледелии. Щербатов прекрасно понимал, что одной из причин такого положения являются весьма неблагоприятные природно-климатические условия основной территории тогдашней России — ее Нечерноземья. Отсюда, по его мнению, весьма низкая эффективность труда земледельца. Тяжкий, надрывный труд не давал достойного вознаграждения. Именно это обстоятельство, по мысли Щербатова, и объясняет тягу крестьян к неземледельческим заработкам.

Вместе с тем сочинения М. М. Щербатова переполняет ощущение роковой опасности от перемещения крестьян в сферу промышленности. По его мнению, это лишь губительно скажется на судьбах и без того

неудовлетворительного земледелия и грозит крахом государству (даже «малая убавка земледельцев становится чувствительной государству»).

Думается, что при выработке основных направлений социально-экономической политики правительственные верхи государства Российского в конечном итоге принимали решения в духе М. М. Щербатова, несмотря на излишнюю категоричность его позиции. Слишком рискованны были бы иные решения. Как уже говорилось, меры, принятые в 60—70-е гг. XVIII в., ужесточили крепостной режим. Однако при всем этом Екатерина II отчетливо сознавала недостаточность и даже опасность столь прямого курса репрессий, предназначенных к укреплению крепостничества. В письме к А. А. Вяземскому она откровенно писала: «Положение помещичьих крестьян таково критическое, что… есть ли мы не согласимся на уменьшение жесткости и уверение человеческому роду нестерпимого положения, то и против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно». Таким образом, в трезвости и понимании обстановки императрице отказать трудно.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что продукция земледелия Нечерноземья оставалась общественно необходимой. И М. М. Щербатов был в значительной мере прав. Иначе говоря, о сокращении объема сельскохозяйственного производства в этом гигантском регионе не могло быть и речи! Однако сравнительно быстрый процесс развития крестьянских промыслов и торговли объективно все-таки создавал условия для сокращения объема земледельческого производства на территории исторического ядра Российского государства. Так, сводные обобщающие показатели чистого дохода в зерне в расчете на душу населения в 80—90-е гг. XVIII в. упали по Петербургской губернии до 17 пудов(вместо 24 пудов по норме), поВладимирской губернии — до 16 пудов, по Московской губернии — до 11 пудов, а по Костромской губернии в отдельные годы даже до 9,6 пуда. В то же время помещики Нечерноземья стремились не только сохранить прежнюю запашку, но и увеличить ее там, где была хоть малейшая выгода. Так, в Вологодском уезде господская запашка достигла уже к 80-м гг. XVIII в. 50 % всей пашни. Тех же размеров барская пашня была и в подмосковном Дмитровском уезде. Близ Москвы, в Каширском уезде, помещичья пашня составила 44 % от всей пашни. Треть или около трети всей пашни составляла барская запашка в ближайших к Москве Клинском, Боровском, Тарусском и других уездах.

Объективный ход развития экономики в конечном итоге создал некие компенсационные меры по отношению к убыточности земледелия Центра страны. Это нашло выражение в начавшемся особенно активно после трех

русско-турецких войн крестьянском и помещичьем освоении зон рискованного земледелия юга и юго-востока Европейской России. Серьезный рост пашенных и иных хозяйственных площадей, общий рост территории государства создали условия для стремительного роста численности населения с 11,6 млн душ муж. пола по 3-й ревизии (или 23,2 млн человек) до 18,6 млн душ муж. пола по 5-й ревизии (или 37,2 млн человек).

Зарождение барщинного товарного производства. К середине xviii столетия подходит к концу период более или менее гармоничного сочетания в эксплуатации помещиками крестьян всех трех разновидностей феодальной ренты: отработочной, натуральной и денежной. Мы уже видели, что помещики нечерноземной полосы России постепенно переходят на оброк.

Вместе с тем вырисовываются и те районы, где преимущественной формой эксплуатации крестьян служит барщина. Роль натуральных поборов становится второстепенной, но их присутствие было неизменным.

Барщинная форма эксплуатации в XVIII в. стала преобладающей в зоне наиболее плодородных земель. Это районы Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Курской, Воронежской, Пензенской и других губерний. В этих районах дворянство, несмотря на частые неурожаи, заводит крупные барские запашки в 1000, 2000 и даже 3000 десятин. Так, в Венев-ском уезде Тульской губернии в вотчине Шереметевых запашка помещика в 60-х гг. XVIII в. возросла до 700—1000 десятин, в Тамбовской губернии у братьев Архаровых запашка достигала 3 тыс. десятин; в Севском уезде Орловской губернии в имениях князя Н. П. Голицына запашка достигала 2400 десятин, в Луганском уезде той же губернии в вотчинах С. С. Апраксина было до 5 тыс. десятин запашки; в Орловском уезде в вотчинах В. В. и Ю. В. Долгоруких запашка достигала 1200 десятин; в Землянском уезде Воронежской губернии в имениях А. А. Веневитинова запашка равнялась 1840 десятин и т. д.

Столь крупные массивы возделывания хлебов были, несомненно, предназначены к продаже на рынке. Однако такие огромные запашки в XVIII в. встречаются еще сравнительно редко. Чаще всего величина их достигает 100–300 десятин, но и этот хлеб мелких и средних помещиков также шел на рынок.

Итак, с середины XVIII столетия районы черноземных губерний становятся средоточием барщинного хозяйства помещиков с ориентацией производства зерна на рынок. Это приводит к резкому увеличению эксплуатации крестьян, хотя в XVIII в. в черноземных районах она еще не

угрожала нарушением минимальных норм крестьянского надела. Но именно в эту эпоху был дан импульс процессу, который в середине XIX столетия привел к крушению крепостнического строя — компенсационного механизма выживания России в течение целых веков.

Главным фактором углубления и развития внутреннего рынка явился рост неземледельческого населения, занятого торгово-промышленной деятельностью. Этот рост осуществлялся в основном за счет промыслового крестьянства. Внешний вывоз хлеба в XVIII в. составлял еще лишь от 3 % до 7 % всего зернового баланса. Вместе с тем помещики не являлись главными поставщиками товарного хлеба. Основную массу его давали все же крестьяне Черноземья, все более втягиваясь в систему товарно-денежных отношений. С середины XVIII в. резко возрастают хлебные грузопотоки. В 70—80-е гг. XVIII в. через Орловскую пристань ежегодно проходило 1,2–1,6 млн пудов зерна. Через Моршанскую пристань проходило в сезон до 3,2 млн пудов зерна. Воронежская губерния давала около 8 млн пудов товарного хлеба. Немало хлеба шло и через реку Волгу*. Только одна Лысковская пристань давала около 800 тыс. пудов зимнего завоза хлеба. Через Нижний Новгород проходило в сезон около 4 млн пудов. Столько же доставлялось к Архангельску. В Петербург в 70-х гг. XVIII в. поступало свыше 4 млн пудов, а в 80-х гг. уже около 16 млн пудов зерна. В Москву преимущественно подводами и на санях хлеб везли из Калужской, Тульской, Рязанской и других губерний. В 1789 г. в Москву гужевыми перевозками было доставлено около 84 % всего зерна. С Вельской и Порецкой пристаней к Риге в 1786 г. ушло свыше 1 млн 740 тыс. пудов хлеба. В Петербург с пристаней по реке Гжать сплавляли 768 тыс. пудов зерна и муки. Через Вышневолоцкий канал проходило в год по 15–17 млн пудов зерна и муки.

Грузопотоки, подобные приведенным, пересекали гигантскую территорию России из конца в конец. Это было ярким показателем развития внутреннего рынка, свидетельством развития товарно-денежных отношений, достигаемого посредством тяжкого труда и лишений российского крестьянства.

§ 4. Власть, купечество, развитие промышленности и торговли

Купечество. Весьма своеобразная ситуация складывалась в отношении российского купечества. В XVIII в. российское правительство

предпринимало лишь робкие попытки выделения профессиональных представителей торгового капитала в качестве самостоятельного сословия, предпочитая в большей или меньшей мере сохранять купечество в общих рамках податного посадского населения городов. В этих рамках при Петре I, Анне Ивановне и Елизавете Петровне и осуществлялась традиционная политика охраны монопольных прав городского посада на торговую и ремесленную деятельность. Запись крестьян «в купечество» была максимально затруднена. Крестьянам запрещена была не только торговля в городе, но и устройство промышленных заведений.

Принимая эту политику, представители торгового капитала вместе с тем стремились теперь к полному обособлению от тяглого посадского населения, к сохранению только за купечеством монопольного права на торговлю и промышленность, на владение откупами и подрядами на поставку в казну различных предметов потребления. Российское купечество по-прежнему было заинтересовано в обретении исключительных привилегий феодальной корпоративности не потому, что оно было «реакционным», а потому, что в составе городского посада, даже будучи выделенным в ранг «регулярных» граждан, даже получив первую купеческую гильдию, оно оставалось, по существу, бесправным. Совершая разнообразные торговые операции, крупные купцы содержали довольно большой аппарат финансово-ответственных работников. В прошлые времена их финансовая ответственность гарантированно обеспечивалась отношениями полного или кабального холопства. Однако уже с середины XVI в. такие услуги выполняли вольнонаемные люди. Между тем, как уже неоднократно подчеркивалось, в России долгосрочный наем был явлением редким, а наем краткосрочный, чреватый лукавым обманом и внезапным уходом такого работника, купца-оптовика и даже торговца «средней руки» никак не мог удовлетворить. Выход был лишь в обретении прав феодальных. А права эти можно было обрести, лишь приближаясь к статусу дворянства.

Некоторым исключением являлись крупнейшие представители купеческих слоев, вложившие, в основном в первой половине XVIII в., свой капитал в производство. Будучи, как правило, крупным, это производство (особенно в горном деле и металлургии) быстро становилось привилегированным, опекаемым феодальным государством, и в итоге — монопольным. Такого рода купцы-заводчики и купцы-фабриканты были выделены из посада. Они не несли посадских служб, они судились в соответствующих центральных коллегиях и т. п. Основная же масса купечества по-прежнему с послепетровских времен была в состоянии

«рассыпанной храмины».

К противоречиям, разделявшим представителей торгового капитала и посадский ремесленный люд, к противоречиям посада в целом и торгово-промыслового крестьянства, добавлялись и противоречия купечества и дворянства. Как уже говорилось, жесткая прагматическая политика правительства Екатерины II привела в конце концов к отмене средневековых монополий, к отмене сословных ограничений в области торговли и промышленности, что с конца 60-х гг. XVIII в. способствовало быстрому росту не только промысловой и торговой деятельности крестьянства, но и активизации промышленного предпринимательства, в которое втягивалось и купечество, и зажиточная прослойка торгующего крестьянства, и отчасти представители дворянства. Несмотря на трудные экономические условия, крупная промышленность в России тем не менее развивалась.

Промышленность. Еще в эпоху Петра I Россией был сделан громадный скачок на пути промышленного развития. Особенных успехов достигла металлургия. В 1725 г. Россия выплавляла около 80 тыс. пудов чугуна. После смерти Петра I вплоть до середины столетия промышленность России, несмотря ни на что, продолжала свое развитие. К 1750 г. действовало уже около ста металлургических заводов, а выплавка чугуна достигала приблизительно 2 млн пудов.

Основными владельцами заводов были по-прежнему Демидовы, которым принадлежало до 60 % выплавки чугуна. На Урале они построили 9 новых заводов. Кроме них в металлургии по-прежнему действовали Строгановы, построившие два новых завода, Баташевы, Масловы, появились и фамилии новых предпринимателей — Осокины, Гончаровы. В середине XVIII в. по выплавке чугуна Россия вышла на первое место в мире.

Несмотря на хищения А. Шемберга в 30-е гг. XVIII в., доведшего цену меди до 300 с лишним рублей за пуд (при стоимости 6–8 руб. пуд), увеличивала свою продукцию и казенная медеплавильная промышленность. Стремительно развивались частные медные заводы (И. Б. Твердышев, И. С. Мясников). К 1750 г. продукция медных заводов выросла втрое.

Серьезное развитие получила текстильная полотняная промышленность. С 1725 по 1750 г. возникло 62 новые текстильные мануфактуры (шелковые, парусно-полотняные, суконные). Правда, в суконной промышленности, наиболее привилегированной, были постоянные перебои. Вся продукция этих мануфактур шла на поставки в

казну. Однако условия закупок были невыгодными. Резкий контраст составляли шелковые заведения, работавшие на вольную продажу. Число их неуклонно возрастало. Основным центром шелковой промышленности была Москва и Подмосковье.

Развивалась и парусно-полотняная промышленность. Русская парусина пользовалась большим и неизменным спросом в Англии и других морских державах. Новые предприятия этой отрасли возникали в таких городах, как Ярославль, Вологда, Калуга, Боровск. Крупным центром полотняного производства стал Серпухов. В этой отрасли промышленности процветали купцы-предприниматели И. М. Затрапезный, И. П. Тамес, Щепочкин и др. К 1750 г. стало 38 парусно-полотняных мануфактур. На крупных текстильных мануфактурах число рабочих доходило до нескольких сотен человек. Так, в Ярославле у Затрапезного работало около 650 человек, у Дряблова в Казани — около 1000, на Московской суконной мануфактуре И. Докучаева и Е. Болотина — 1800 человек. Основная же группа предприятий имела по 100–200 человек. Получает развитие производство бумаги, кожевенное, стекольное и химическое производства и т. п. К середине XVIII в. в России действовало 15 бумагоделательных, 10 стекольных, 9 химических мануфактур и др.

Производственные отношения послепетровского развития характеризуются усилением и расширением подневольных форм труда. Промышленность постоянно испытывала жесточайший голод на рабочие руки. В эпоху петровских преобразований, как уже говорилось, даже на металлургических заводах Урала наемный труд был нередким явлением, но чем дальше, тем труднее было вести дела с помощью найма. Уже в 1721 г. выходит указ, разрешающий мануфактуристам-купцам покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян. В 30–50 гг. XVIII в. промышленники широко пользуются правом покупки крестьян к мануфактурам, расширяя сферу принудительного труда в промышленности.

Эксплуатация на таких мануфактурах была чудовищная, хотя посессионных крестьян не отдавали в рекруты и они имели право подачи челобитной в Берг— и Мануфактур-коллегии, коим и были подсудны. В 1752 г. правительство пыталось регулировать меру эксплуатации на «посессиях», устанавливая число непосредственно работающих на фабрике не более 1/4 всех посессионных крестьян данной фабрики (для полотняных) или не более 1/3 (для шелковых).

В 1736 г. число посессионных крестьян резко увеличилось указом о «вечноотданных» работниках. Еще вчера квалифицированные мастера, работавшие на крупных мануфактурах на условиях найма, теперь по этому

указу стали «крепкими фабрике», навечно обязанными работать только на ней. Таков был парадокс развития промышленности в интересах социума, обладавшего минимальными возможностями развития рынка труда и его крайней неустойчивостью. Указ 1736 г. был принят под напором требований крупных купцов-мануфактуристов (И. М. Затрапезного, А. Гребенщикова, Ф. Подсевальщикова и др.).

Таким образом, сфера крепостного труда резко расширилась. «Посессии» были распространены главным образом в текстильной (полотняной и суконной) промышленности, а «вечно-отданные» — ив казенной металлургии.

Дворянское Государствов xviii в. резко расширяет и практику приписки государственных крестьян к фабрикам и заводам. Приписные крестьяне работали главным образом на уральских металлургических заводах (по 100–150 дворов на доменную печь, по 30 дворов на молоте и по 50 дворов на медеплавильной печи). Работы их были вспомогательными, а шкала оценки работ в 2–3 раза ниже расценок для наемных рабочих.

Наконец, еще одна сфера применения принудительного труда — помещичьи вотчинные предприятия. В России была государственная винная монополия, ипоставка вина казне была делом очень доходным. Это скоро поняли владельцытаких имений, которые были расположены в плодородных, но отдаленных от рынков сбыта районах: юг Тамбовской губернии, Воронежская, Курская, Пензенская губернии, Слободская Украина и т. д. Здесь очень быстро возникают крупные винокуренные заводы с применением труда своих же крепостных. Дело винокурения расцвело так пышно, что дворяне скоро выступили против своих конкурентов-купцов. В 1754 г. купцам было запрещено владеть винокуренными заводами. Помещичьи же заводы с крепостным трудом процветали. Крупнейшим поставщиком вина в казну был П. И. Шувалов. У него в Пензенском уезде был завод на 1756 ведер вина, а в Алаторском уезде — на 1345 ведер вина. Среди заводовладельцев были вице-адмирал Н. Ф. Головин, князь Я. П. Шаховской, фельдмаршал И. Ю. Трубецкой и др.

Другая отрасль промышленности, где проявилось дворянское предпринимательство, — суконная и отчасти парусно-полотняная промышленность. Организованная на основе крепостного труда, дворянская суконная промышленность получила распространение в основном в южных районах страны. Это главным образом Воронежская, Курская, частично Тамбовская губернии и др. Здесь были, как правило, мелкие предприятия на 2–3 десятка станов. Но были и крупные. Так, в Воронежской губернии подполковник А. Дохтуров имел в 40—50-х гг.

XVIII в. мануфактуру с числом станов от 1000 до 2000. Крупными были суконные предприятия Гордениных, Пустовалова, В. Тулинова и др. К концу 60-х гг. XVIII в. общее число суконных мануфактур в стране достигает 73.

Все названные нами разновидности крепостного подневольного труда в промышленности иллюстрируют одну из своеобразнейших черт российской экономики XVIII столетия. Заимствование капиталистической технологии, по сути, привело к созданию в промышленности особых форм труда, почти ничем не отличимых от рабства. Во второй половине XVIII в. резкое усиление в стране крепостничества было продиктовано в немалой степени необходимостью поддерживать эти очаги «рабства».

Однако наличие в России XVIII в. широкого распространения в промышленности крепостных форм труда вовсе не означало отсутствия эволюции капиталистических отношений. Несмотря на множество препон, капитализм медленно, но все-таки развивался. Основным руслом развития капиталистических отношений была уже знакомая нам сфера крестьянских промыслов.

В условиях безраздельного господства земледелия и соответственно крайнего ограничения свободы передвижения населения внутри страны, в условиях резкой изоляции городского населения от сельского, фактического отсутствия притока сельского населения в города городское население в России увеличивалось крайне медленными темпами (а в 40—50-х гг. даже уменьшилось). В целом же оно составляло не более 4 % населения страны. Если в первую ревизию количество посадского населения достигло 296 тыс. душ муж. пола, то по второй ревизии оно увеличилось до 355 тыс. душ муж. пола, по третьей — уменьшилось до 321 тыс. душ муж. пола, а по пятой — возросло до 755 тыс. душ муж. пола. В итоге город, с точки зрения экономической, был довольно слабым, и его промышленность далеко не отвечала потребностям развивающегося народного хозяйства. Более того, городской ремесленник лишь часть времени годового рабочего цикла тратил непосредственно на профессиональный труд, отдавая немало времени заготовке сена, огородным работам, ловле рыбы, сбору грибов и ягод и т. п. Поэтому появление промышленных центров не столько в городе, сколько в селе являлось одной из ярчайших особенностей экономического развития России. Так, с конца XVII — начала XVIII столетия появились десятки так называемых непашенных торгово-промышленных поселений, где жители сосредоточивали свое внимание не на «худом» земледелии, а на «промыслах». Это владимирские села Дунилово, Кохма, Палех, Мстера, Холуй, нижегородские села Павлово,

Ворсма, Безводное, Лысково, Богородское, Городец, Работки, множество ярославских, костромских, тверских и других сел и деревень.

В торгово-промышленных селах первоначально были мелкие мастерские, где трудились главным образом сам владелец мастерской и его семья. Процесс общественного разделения труда сложился так, что в каждом конкретном селе развивалась специализация преимущественно какого-то одного вида производства. В таком селе все или почти все были либо кузнецами, либо сапожниками, либо бондарями, либо ткачами и т. д.

В 1730 г., побывав в нижегородском селе Павлове-на-Оке, шведский путешественник И. Ф. Страленберг отметил, что «жители этого города все суть замошники или кузнецы, делают очень чистую работу и известны всей России». В XVIII в. многие из таких сел по количеству населения были крупнее, чем иной город. В селе Павлове, например, к середине века население составляло свыше 4 тыс. человек. Это был настоящий город, где действовало 323 слесарных мастерских.

Таков пример массового развития мелкотоварного производства. Иногда мелкие товаропроизводители нанимали дополнительно одного-двух рабочих. С течением времени практика употребления наемного труда расширялась, хотя преобладал краткосрочный наем. Так, в городе Павлово-Вохна в 80-х гг. XVIII в. употреблялся наемный труд в 141 мастерской. В процессе конкурентной борьбы неизбежно выделяются две группы: одна из них состоит из ремесленников, вынужденных жить лишь эпизодической продажей своего труда. Вторая группа очень немногочисленная, но ее составляют товаропроизводители, употребляющие наемный труд. Это уже владельцы предприятий с десятком и более наемных рабочих. Со временем из них выделяются еще более крупные. Так из недр мелкого товарного производства постепенно вырастает производство мануфактурное, появляются капиталистические мануфактуры. Однако важно подчеркнуть, что из-за сезонности производства и преобладания краткосрочности найма рабочих процесс накопления капитала и укрупнения производства проходил очень медленно и численность крупных производств десятилетиями оставалась небольшой. Одним из редких исключений являлось текстильное производство, на начальной стадии своего развития опиравшееся целиком на домашнее крестьянское ткачество.

Ярким примером здесь может служить история текстильного производства села Иваново Владимирской губернии. Все жители этого села с конца XVII столетия занимались ткачеством, постепенно попадая в экономическую зависимость от купцов — скупщиков крестьянского холста. Со временем такие скупщики становились владельцами так называемых

рассеянных мануфактур, состоящих из сотен домашних ткачей-крестьян.

Постепенно владельцы таких мануфактур строят в каждой из многочисленных деревень особые корпуса, где и работают на широких станах бывшие ткачи — светелочники, не отрываясь от работ по сельскому хозяйству. Основной продукцией были разнообразные типы полотен и других тканей. Особославилось ивановское «крученое» полотно. Оно было известно не только в России, но и за рубежом (в Венгрии, Молдавии, Болгарии, Сербии и т. д.). К 80-м гг. XVIII в. у 37 владельцев текстильных заведений села Иванова работало уже от 2 до 15 наемных рабочих.

Первые мануфактуры села Иванова появились в 40-х гг. XVIII в. Владельцами их были Гр. Бутримов и И. Грачев. Выделение крупных предприятий из массы мелких активно идет примерно с 60-х гг. XVIII в. Появляются крупные мануфактуристы — И. М. Ямановский, А. Гандурин, Е. И. Пономарев, И. П. Дурденевский и др. На мануфактуре Е. И. Грачева число наемных достигало 500 человек. В конце века у И. М. Яма-новского работало до 900 человек наемных рабочих.

Если в конце 60-х гг. в текстильной промышленности было 231 крупное предприятие, в том числе 73 суконные мануфактуры, 85 полотняных и 60 шелковых, то в конце XVIII в. число предприятий текстильной промышленности достигло 1082, из них суконных — 158, полотняных — 318, а шелковых — 357. За три с небольшим десятилетия рост более чем в 4,5 раза. В области металлургического производства и металлообработки в конце 60-х гг. насчитывалось 182 предприятия, а в конце XVIII в. — около 200. Рост небольшой, однако теперь это были более крупные предприятия. В конце XVIII в. в горной и металлургической промышленности было занято свыше 100 тыс. крепостных мастеровых и 319 тыс. приписных крестьян. Доля наемных рабочих была невелика. Общее число предприятий с конца 60-х гг. выросло с 683 до 2094. Среди них немало очень крупных предприятий. Уже в 60-е гг. встречаются текстильные производства с числом рабочих от 2 до 3 тыс. человек. В Украине также появились весьма крупные суконные предприятия (такие, как Рясская, Путивльская, Лутковская мануфактуры и др.). В Литве и Белоруссии интенсивно развивались стекольное, поташное, зеркальное производства, основывались текстильные мастерские и т. п.

К концу XVIII в. весьма заметен был и рост числа мелких предприятий, пользующихся только свободным наемным трудом. Общее число наемных выросло в них за вторую половину века с 25 тыс. до 50 тыс. человек. В области судостроения число наемных к концу века возросло до 30 тыс. человек, в горнодобывающей промышленности — до 15 тыс.

человек. На предприятиях Мануфактур-коллегии число вольнонаемных к концу века составило около 60 тыс. человек (а в такой отрасли, как хлопчатобумажное прядение, наемные составляли 90 % рабочей силы). Если к этому добавить, что судоходный промысел собирал ежегодно к концу века до 200 тыс. наемных, то общее количество лиц наемного труда приблизится к 0,5 млн человек. Таким образом, к концу XVIII в. можно говорить о складывающемся типе капиталистических производственных отношений (капиталистическом укладе).

Вместе с тем подавляющая масса рабочих российской промышленности оставалась в крепостной зависимости. Причем в эпоху Екатерины II крепостных к фабрикам уже не покупали, но приписки государственных крестьян к казенным заводам и фабрикам продолжались. Тем не менее промышленное предпринимательство дворянства продолжало развиваться вопреки интересам купечества. В XVIII в. и особенно после 1765 г. дворяне энергично вторглись в сферу винокурения и продажи казне вина. «Бесчисленное множество корыстолюбивых дворян… — с гневом писал А. Т. Болотов, — давно уже грызли и губы и зубы от зависти, видя многих других от вина получающих страшные прибытки». Новые правила негласно позволяли дворянам-заводовладельцам, сдавая в казну всего лишь 100–200 ведер вина, одновременно производить и сбывать тысячи ведер «левой» продукции. И это было в стране, где постоянной была угроза голода. А ведь, по словам А. П. Волынского, вместо «большой чарки» можно было бы выпечь «по целому хлебу: такому, что человек доволен будет 4 дня». Но дух наживы был сильнее всего. Он еще раньше подвигнул дворян на заведение домашних вотчинных «фабрик», где крепостные крестьяне-мастеровые ткали полотна, сукна и т. д. Число таких фабрик неуклонно росло. Ряды дворян-предпринимателей ширились и росли. Активно включались дворяне и в торговые обороты, брали подряды у казны и т. д. Крупнейшие елизаветинские фавориты и вельможи Воронцовы, Шуваловы и другие — почти все были втянуты в крупную предпринимательскую деятельность. Владельцами сотен суконных и шерстяных фабрик также были дворяне. Другие же группировки дворянства, в основном живущие за счет промысловой деятельности своих крепостных, были не прочь ослабить ограничения для крестьян и в области торговли, и в области промышленной деятельности.

Торговля. Единственной областью монопольной деятельности купечества оставалась собственно торговля. В условиях громадных пространств страны, отсутствия надежных коммуникаций, обилия различных опасностей на пути товаров на эту форму извлечения выгоды

дворянство, как правило, не претендовало.

Торговые операции можно разделить по уровню мощности торгового капитала на оптовый и розничный виды торговли. Естественно, что оптовой торговлей занималось крупное и среднее купечество. В торговле в рядах, лавках, полулавках, на полках и иных торговых точках ведущей фигурой были купцы низшей (третьей) гильдии. Долгие десятилетия государством преследовался еще один вид розничной и мелкооптовой торговли — это крестьянский торг с возов и саней, в конечном счете урегулированный при Екатерине II.

Для последней трети XVIII в. возможна примерная характеристика основных направлений товарных потоков в Европейской России. Специфика их движения состояла в своеобразной «эстафетности», когда одни скупщики доставляли партии до определенного пункта, а другие — сопровождали этот товар до следующего этапа. Такой принцип естественен в огромной по территории стране, где единоличная транспортировка больших партий на большие расстояния под силу лишь крупнейшим оптовикам. Главный товарный профиль грузопотоков обусловливался территориальным разделением труда, в основе которого были природно-географический фактор и отчасти фактор общественного разделения труда. Важнейшие грузопотоки составляли пенька и лен, зерновые культуры (и прежде всего рожь), о которых речь уже шла, крупный рогатый скот, соль, лес и лесоматериалы и, наконец, продукция металлургии и металлообработки. Менее мощные потоки создавали текстильные товары.

В 20—40-е гг. XVIII в. происходит резкое изменение и главным центром металлургии и металлообработки становится Урал. Уже во второй половине века уральское железо развозили во все города Европейской России и Сибири, в том числе и в старые железоделательные центры. Полосовое и прутовое железо большими партиями отправляли на оружейные заводы, шли с Урала и партии готового оружия, включая пушки и ядра. Эту продукцию сплавляли в короткие две недели весеннего паводка по рекам Чусовой, Каме и далее вниз и вверх по Волге. Таким же путем следовали и караваны судов с солью.

Наиболее традиционные грузопотоки были связаны с северным русским портом Архангельском. После краткого периода, когда торг через этот порт был запрещен (с 1717 г.), со второй четверти XVIII в. вывоз экспортных товаров через Архангельск вновь растет. В конце XVIII в. в грузопотоках к этому порту резко выросло число больших партий текстиля (широких и узких полотен, равендука, парусных полотен, мануфактурных гладких и салфеточных полотен и т. п.), а также партий полосового железа

с Урала и изделий из него. В порт везли традиционные сало, пеньку, пряжу, сермяжное сукно, лесоматериалы и т. д. Основные потоки товаров в Архангельск шли из Вологды, Ярославля, Рыбинска, с Макарьевской ярмарки, из Устюга, куда товары приходили с реки Вятки, а через Вятку — из Пермской и Казанской губерний.

Движение товаров через западные и юго-западные территории четко прослеживается лишь во второй половине XVIII в. В этих краях формировался мощный грузопоток пеньки. Он зарождался на уездных и городских ярмарках и торгах Калужской, Орловской, Курской губерний и севера Левобережной Украины. Далее грузопоток пеньки двигался к белорусским Порецкой и Вельской пристаням на Западной Двине и далее к Риге. Частично партии пеньки везли к Гжатской пристани, затем — через реку Вазузу, дающую выход на Волгу и Петербург. От Калуги значительные партии пеньки шли в Москву. Экспорт пеньки из России в целом в 1749 г. достигал 1,3 млн пудов, в 1778–1780 гг. — 2,7 млн пудов, а в 90-х гг. XVIII в. — свыше 3 млн пудов. Экспорт льна соответственно — 500 тыс. пудов, 900 тыс. пудов и свыше одного миллиона пудов.

Тульские, орловские, курские, воронежские, рязанские купцы и огромное число купцов из уездных городков этих губерний закупали также в украинских и южнорусских городах живой скот, овчины, шерсть, воск, мед, а в южнорусских городах, кроме скота и лошадей, — конопляное масло, сало, щетину, шкурки зайцев и кожи. Грузопотоки с этими товарами большей частью сухим путем двигались в Москву и Петербург и лишь частично, до Калуги, — водой.

Из степного и отчасти лесостепного юга был мощный отгон рогатого скота в города Орловской, Тульской, Калужской, Рязанской губерний, которые поглощали и перерабатывали значительную часть скота и в свою очередь давали выход гуртам живого скота в промышленные губернии, прежде всего — в Московскую, Владимирскую, Тверскую и, конечно, в Петербург. На торгах Черниговщины, Киевщины, Харьковской, Воронежской губерний и на Дону действовали скотопромышленники из южных городов Белоруссии, ряда новгород-северских городов, а также Курска, Орла, Тулы, Рыльска, Волхова, Козлова, Ве-нева, Мещовска, Зарайска, Рязани, Серпухова, Коломны и Суздаля. Основными направлениями движения скота были Воронеж — Задонск — Орел — Тула — Коломна (далее на Москву), а также Орел — Волхов — Мещовск — Козельск — Юхнов (далее через Осташков на Петербург). Часть скота по маршруту Гадяч — Ромны — Конотоп — Короп — Старо-дуб — Мглин — Рославль перегонялась в белорусские города. Гурты малороссийских волов

доходили до Ярославля и Костромы. Только лишь через город Коломну в Москву из степных уездов пригонялось в сезон до 30 тыс. голов скота. Всего через Коломну проходило до 45 тыс. голов, часть которых перерабатывалась на 34 салотопенных заводах, где заготавливалось до 400 тыс. пудов солонины. В пределах Воронежской губернии в год заготавливалось свыше 200 тыс. пудов говядины. Через Оренбург в Россию проходило до 60 тыс. голов вымененных у казахов баранов. Всего мена у казахов в 80-х гг. XVIII в. достигала 350 тыс. голов.

Большой размах имела торговля лошадьми. Крупные центры этой торговли были в Задонске, Острогожске, Бобровске, в слободах Россошь, Калач, Ольховатка, Подгорная, на ярмарках Толшевского монастыря, на Дону.

Местом пересечения грузопотоков многих товаров были такие центры, как Орел, Калуга, Гжатск, Коломна, и другие города. Купечество этих русских городов имело возможность держать специализированную торговлю. Так, в Калуге купцы, торгующие «к портам», разделялись на: а) скупающих пеньку, воск, сало, щетину, шерсть, конопляное масло; б) торгующих парусным полотном и иными сортами полотен; в) занимающихся хлебным торгом; г) торгующих мехами и китайскими товарами; и, наконец, д) скупающих рыбу в Астрахани и Саратове. Подобная специализация была приблизительной и была свойственна купечеству многих крупных и средних городов России.

Важнейшим грузопотоком, шедшим по водным путям на юг, в степные края, был лес и лесоматериалы. По притокам Оки и из районов Мещеры сплавляли лес, тес и изделия из дерева. Из Волхова и Карачева по Оке поднимали суда с солью, лесом, тесом, досками, санями, колесами, бочками, дранью. На юг везли железо и железные изделия (в том числе уральские). Сплав по Днепру был очень разнообразным. Это лес и лесоматериалы, деготь, рогожи, бечева, канаты, смола, стропила, колеса, повозки, строевой лес. По реке Десне сплавляли чугун, мел, дикий камень, жернова и т. д. Вверх по реке поднимали соль. Основной объем сплава доходил до Кременчуга, далее грузопоток резко мельчал.

Товарные потоки Северо-Запада были ориентированы на Петербург, Нарву и Ревель (Таллинн). В Нарву со всего Северо-Запада шел лес и лесоматериалы. Из Центра в Нарву везли и текстиль. Зимой из уездов Северо-Запада везли санным путем в Петербург хлеб и крупы.

Основные грузопотоки в Москву продуктов сельского хозяйства и их первичной обработки осуществлялись гужевым транспортом, в основном по санному пути. Эти товары большей частью потреблялись в пределах

огромного города. Немалая часть их, а также продукция мануфактурного производства (прежде всего текстиль самых разных сортов) были предметом оптовой торговли на московском Гостином дворе. Это были самые разные изделия из Каширы, Серпухова, Дмитрова, Углича, Костромы, Шуи, Нерехты, Ярославля и других городов. Из Вереи и Боровска везли огромные партии чеснока и лука. Из. Звенигорода, Можайска, Дмитрова и других городов северо-запада Подмосковья в Москву везли множество продуктов ле-сообработки и стройматериалов. Из Дмитрова поступала фарфоровая посуда, не уступавшая по качеству знаменитому саксонскому фарфору. Из Ярославля, Рыбинска и других городов шли русские меха, шапки, предметы одежды и т. п.

Москва поглощала немало импортной продукции, основная часть которой шла из Петербурга. Ранее уже упоминалось о том, что формирование во второй половине XVIII в. барщинной системы производства зерна вызвало резкое увеличение зерновых грузопотоков по рекам Волжско-Окского бассейна через Вышневолоцкую систему каналов в Петербург. Водный грузопоток в Петербург отличался громадным разнообразием товаров, включая такие материалы, как известь, известняк и даже мрамор. Тысячи судов доходили до Петербурга, а возвращалось к исходным пунктам ничтожное меньшинство — обратный сплав судов был невыгоден. Поэтому основной поток товаров, завозимых в Петербургский порт из зарубежья, шел в глубь страны зимним санным путем. Обозы по 100 саней в одной связке двигались прежде всего в Москву. Товары импорта были весьма разнообразны. Прежде всего это золото и серебро с слитках, изделиях и иностранной монете, алмазы, жемчуг. Большими партиями ввозился галантерейный товар. Немаловажное место в обозах занимали крупные партии европейских вин, рома, французской водки и даже пива. В глубь страны везли сахар и кофе, разнообразные пряности, а также редкие меха, тонкие европейские сукна, фарфор, табак и т. п. Из Москвы крупные партии импорта развозились по огромному Центральному региону. По свидетельству М. Д. Чулкова, основная масса экспорта из Европы поглощалась Макарьевской ярмаркой близ Нижнего Новгорода. Часть импорта привозилась сюда из Архангельска. Макарьевская ярмарка концентрировала товары с огромной территории, а с нее они отправлялись на Урал, Среднюю и Нижнюю Волгу, в Оренбург, в Сибирь и т. д. Это была главным образом продукция Промышленного центра — текстиль, предметы металлообработки, бакалея, продовольствие, щепетинье (галантерея), москотинье, изделия из кожи, канаты и, конечно, импорт. Крупнейшей ярмаркой Центра была ярмарка в Ростове Великом.

Ростовские купцы свозили сюда различные сорта полотен из Ярославля, Кинешмы и других текстильных селений, крестьянский холст, предметы одежды, шкурки зайцев, лисиц, сырые кожи и т. д. Из Казани и ее округи привозили огромные массы свежей и круто засоленной (коренной) рыбы.

Среди крупных центров импортной торговли следует назвать Киев, Курск (Коренная ярмарка), Харьков, Сумы и Нежин. В Нежин из Кенигсберга шли шелковые и шерстяные ткани, немецкая и французская тафта, атлас, бархат, кисея, батист, голландские полотна и т. п. Здесь были товары из Лейпцига, Бреслава, Италии, Македонии, Тырнова и т. д. Из Петербурга в Нежин везли кофе, сахар, пряности и проч. Импортный и так называемый красный товар (ткани, ленты, платки, кисея, гарус, серьги, металлическая галантерея) расходился по всем городам Левобережной Украины и южнорусским губерниям, хотя импорт в южнорусские губернии большей частью шел гужом уже из Москвы. На юг России широким грузопотоком по санному пути и гужом шел текстиль из Промышленного центра.

Центром зимней оптовой торговли на Урале была Ирбит-ская ярмарка (февраль — март). Здесь были товары со всех концов России. Огромная часть импорта с Макарьева шла на Ирбит, а оттуда — на Южный Урал, в Сибирь и в казахские степи. На Ирбитских торгах важное место занимали мануфактурные ткани из центра России.

Купечество Екатеринбурга и Оренбурга скупало в Пермской губернии вплоть до казахских степей сало, крупный и мелкий скот, лошадей и кожи. В Тобольском краю они скупали рыбу, у бухарцев и ташкентцев — шелковые и хлопчатобумажные ткани. Наконец, екатеринбургские купцы скупали полосовое железо, штыковую медь, железную посуду, и большие партии этого товара шли на Среднюю и Нижнюю Волгу, Южный Урал.

Важнейшим торговым центром была Астрахань, через которую шел русский экспорт через Мангышлак в Среднюю Азию, Персию и на Северный Кавказ. Это мануфактурные изделия Промышленного центра, часть импорта, шедшего с Ма-карьева, разнообразные платки, кушаки, металлическая галантерея, проволока, олово, свинец, янтарь, хрусталь, стеклянная посуда и русская «экзотика» (брусника, клюква, лук, чеснок, грибы, зерновые и даже березовые веники). В Астрахань судами везли дрова, а вверх по течению из района Астрахани поднимались суда с солью и рыбой.

Разумеется, огромные расстояния и трудности транспортировки усложняли торговлю, но крупное купечество имело от разницы цен немалые прибыли. При этом мелкое купечество большинства российских

городов действовало лишь в пределах мелких местных рынков. Конъюнктуру многолетних слаженных колебаний цен в масштабах гигантских регионов создавали лишь крупные грузопотоки основных товаров России, прежде всего — зерновой продукции. Грузопотоки, подобные приведенным, пересекали гигантскую территорию России из конца в конец. Это было ярким показателем развития внутреннего рынка, свидетельством развития товарно-денежных отношений, достигаемого посредством тяжкого труда и лишений российского крестьянства.

Между тем в Сенат и другие правительственные учреждения поступали различного рода проекты социальных и экономических реформ как консервативного характера, так и идущих навстречу объективному ходу развития страны. В 50-х гг. XVIII в. власти учреждением различного рода комиссий пытались решить некоторые из этих вопросов, но большей частью безуспешно.

Все эти, вместе взятые, моменты обусловили постепенное формирование новым екатерининским правительством нового курса, получившего в истории квалификацию политики «просвещенного абсолютизма».

§ 5. Политические иллюзии и реальная политика Екатерины II. «Просвещенный абсолютизм»

«Просвещенный абсолютизм» — явление общеевропейское, составившее закономерную стадию государственного развития многих стран Европы. Проводниками этой политики были и шведский король Густав III, и австрийский император Иосиф II, и прусский король Фридрих II, и некоторые крупные государственные деятели таких стран, как Дания, Португалия, Испания и др. Этот вариант государственной политики возник под непосредственным влиянием идей французского Просвещения XVIII в. Идеи эти получили широчайшее распространение в Европе в тот период, когда на историческую арену выступил новый класс, — класс буржуазии, открыто боровшийся за свое экономическое и политическое господство.

Носительница новых производственных отношений, буржуазия той эпохи сыграла в истории чрезвычайно прогрессивную роль. В качестве идеологической подготовки своей борьбы за власть она развернула острейшую критику загнивающего феодального строя и его институтов. Все громче, все сильнее раздавалась критика в адрес католической церкви, в адрес деспотических режимов правления.

Сословный строй Средневековья подвергался осуждению прежде всего с точки зрения «естественных», прирожденных прав любого человека — его свободы и его равенства. Поэтому все группировки и все течения французского Просвещения, невзирая на свои различия, единодушно требовали прежде всего всесторонних преобразований в интересах благосостояния масс, установления личной свободы человека и его гражданских прав.

В эту эпоху далеко за пределами Франции стали широко известными сочинения таких мыслителей, как Вольтер и Монтескье, Дидро и Д'Аламбер, Ж.-Ж. Руссо и др. Идеи французского Просвещения обладали огромной притягательной силой и с удивительной быстротой проникали во все углы континента.

Растущее крестьянское движение против дворян-эксплуататоров превращало напряженную обстановку всеохватывающей ритики в обстановку, чреватую революционным взрывом. Во Франции в конце концов так и случилось. Однако в более отсталых странах, где феодализм имел еще твердуюопору, наиболее дальновидные государственные деятели стали стремиться к укреплению основ абсолютной монархии путем ликвидации наиболее отживших и устаревших атрибутов средневекового монархического строя. В рядах французских просветителей они нащупали вскоре целое звено из наиболее умеренных деятелей, готовых пойти на своего рода компромисс.

«Наказ» Уложенной комиссии. Объективная необходимость преобразований, отвечающих «духу времени», была осознана Екатериной II как задача не только практическая, но и теоретическая. Именно поэтому царствующая особа, еще в молодости почитывавшая Ш. Л. Монтескье, вновь берется за проработку трудов Монтескье, Д'Аламбера, Ч. Беккария, Вольтера, Я. Ф. Бильфельда и других, а с некоторыми из них даже вступает в переписку (Вольтер, Д'Аламбер, Дидро). В конечном счете система взглядов императрицы нашла отражение в «Наказе» Уложенной комиссии, работа над которым заняла у нее около двух лет. Это объемистый труд из 20 глав, поделенных на 526 статей, раскрывающий принципы организации государства и роль государственных механизмов, основы правовой политики и законодательства, судопроизводства, уголовного права, а также основы общественной структуры и сословной политики. Автор «Наказа» не скрывает, что на 90 % текст его основан на «Духе законов» Ш. Л. Монтескье и работе Ч. Беккария «О преступлениях и наказаниях». Однако это не помешало автору провести в «Наказе» свою политико-правовую концепцию, существенно деформировав при этом идеи французского

Просвещения.

Приспособление революционизирующих идей Просвещения шло главным образом в русле теоретического обоснования монархического государства как способа самоорганизации общества. Издержки такого приспособления сводятся к тому, что Екатерина II полностью игнорировала просветительскую теорию «естественного права» и тесно связанную с ней теорию происхождения государства как акта «общественного договора» о разделении функций между членами сообщества (одним предназначена функция производительного труда, другим — функция управления и защиты общества от врага и т. п.). Отказ этот был молчаливо мотивирован тем, что монарх-самодержец (ив его лице государство) не может иметь какие-либо обязанности перед своими подданными (ибо взаимные обязательства государства и подданных могут быть воплощены в жизнь только в свободном, гражданском обществе, а не в обществе, где более 90 % населения скованы крепостным правом).

Тем не менее теоретическое осмысление предназначения государственной машины как средства самоорганизации общества было объективно необходимым даже для феодально-крепостнического государства. По мысли императрицы, лучший способ самоорганизации общества — это разработка идеальной системы законов. «Правильно» составленные законы — гарантия четко действующего государства, делающего достижимым «блаженство каждого и всех». Отсюда решающая роль не просто монарха, а «просвещенного монарха», способного одарить общество «правильными законами», отсюда и идея «просвещенного абсолютизма» с его теорией «общего блага» как цели самоорганизации общества.

К числу специфических моментов исторической судьбы России Екатерина II справедливо отнесла неизбежность монархического устройства Российского государства. Это и есть основной «фундаментальный закон» России, ее «вечное право». «Великая империя, подобная России, — писала императрица, — рушится, если будет учреждено иное кроме самодержавного… правления, ибо оно единственно может служить потребной быстроте для нужд отдаленнейших областей; и всякая другая форма гибельна по медлительности сих действий». В этом она следовала Ж.-Ж. Руссо.

Однако подобная логика привела императрицу к необходимости отстаивать и неограниченность власти самодержца. Монарх становился самим «источником всякой государственной власти», и здесь позиция Екатерины II полностью совпадала с позицией Петра I. «Просвещенный

монарх» издает «наилучшие законы», направляет все действия «к получению самого большого ото всех добра». Правительство и «средние власти» (т. е. органы государственного управления) являются прямыми исполнителями воли монарха и изданных им законов. В трактовке Екатерины II «граждане» являются таковыми лишь в той мере, в какой они равны перед законами государства. Однако это не исключает их весьма различных ролей и функций в этом государстве. Все они делятся на тех, кто повелевает, и тех, кто повинуется. Отсюда разная роль сословий общества и разный их статус.

«Дух времени» имел существеннейшее влияние на формирование отношения государства к церкви, ибо духовному сословию в будущем устройстве практически уже не было места.

Стремление создать законопослушное сообщество выразилось в формулировке ряда принципов организации судебной власти. Это четкое ограничение судебной власти неукоснительным исполнением законов, исключающих самостоятельное правотворчество. Вторым важнейшим принципом должна быть строжайшая централизация и унификация судебной практики и судопроизводства. Императрица допускала при этом и практику так называемого совестного суда, внимавшего судьбам, вызванным исключительными ситуациями жизни, и выделение сословных судов. Важнейшей мыслью «Наказа» было исключение из практики суда присяги как метода доказательства (таковым может быть лишь свидетельство) и пытки как метода, «противного здравому естественному рассуждению».

«Наказ» пронизывает идея первенства дворянского сословия, перерастающая в идею создания дворянского государства. В целом «Наказ» вполне удовлетворял задачам создания политической доктрины дворянской крепостнической монархии, оснащенной вполне современными для той эпохи и наиболее подходящими для России постулатами Просвещения. Так была создана идейно-политическая основа модернизации России под эгидой «просвещенного абсолютизма». Разумеется, во всем этом была и изрядная доля пустой фразеологии.

§ 6. Секуляризация церковных земель

Важной составной частью политики «просвещенного абсолютизма» была передача в государственное управление монастырских и церковных имений (так называемая секуляризация).

Европейские буржуазные революции решительно расправлялись с церковными земельными владениями, конфискуя или национализируя их. Приобщались к этому и «просвещенные монархи», преследуя иезуитов, закрывая различные монашеские ордена, проводя секуляризацию церковных имуществ. В России, где совокупный прибавочный продукт едва достигал допустимого минимума, проблема приращения доходов казны за счет церкви была особенно актуальна. Идея секуляризации церковных владений постоянно маячила в России чуть ли не с начала XVI столетия. Наиболее серьезные попытки к ее реализации предпринимал Петр I. Однако реальным актом секуляризация стала лишь в эпоху «просвещенного абсолютизма».

Подготовка секуляризации была начата в конце 50-х гг. XVIII в., а при Петре III был издан и указ о передаче в ведомство Коллегии экономии монастырских и церковных владений. После переворота 28 июня 1762 г. Екатерина II поначалу приостановила реализацию этого указа. Заигрывая с духовенством, она открыла вновь домашние церкви, запечатанные при Петре III, способствовала возрождению влияния духовенства в вопросах цензуры и т. д. Однако отмена секуляризации вызвала огромную вспышку волнений монастырских крестьян. К тому же оплот монархии — дворянство — весьма сочувственно относилось к идее секуляризации, видя в этом пополнение запаса казенных земель для будущих новых пожалований.

Все это, вместе взятое, повлияло на принятие Екатериной II нового решения: в конце 1762 г. меры, останавливающие секуляризацию, были объявлены временными. Одновременно была создана комиссия для изучения вопроса.

К этому моменту новая императрица убедилась в слабом влиянии духовенства как политической силы. И действительно, хотя распоряжения Екатерины II вызвали в среде духовенства, особенно высших иерархов, сильный ропот и даже негодование, открыто выступить никто не решился. Исключением явилась, пожалуй, лишь яркая фигура ростовского архиепископа Арсения Мацеевича. В марте 1763 г. он шлет гневный протест в Синод, где меры по секуляризации называет «игом мучительским, которое лютее ига турецкого», действия же императрицы сравнивает с поступками Иуды Искариотского.

Велик был гнев «милосердой государыни», вызванный «продерзостями» ростовского владыки. В ответ на попытку защиты Арсения А. П. Бестужевым она четко формулирует свою позицию: «Прежде сего и без всякой церемонии и формы по не столь еще важным

делам преосвященным головы секали…» Арсения обвинили в оскорблении императрицы, лишили сана и отправили в северный Николо-Корельский монастырь. Но вскоре по новому доносу его расстригли (лишили монашества) и заточили пожизненно в Ревельском замке. Ярость императрицы по поводу Арсения Мацеевича была велика, но весьма изысканно выражена: Арсения лишили имени и фамилии и отныне он стал зваться Андрей Враль.

§ 7. Уложенная комиссия 1767 г.

Весьма существенным звеном в екатерининской политике «просвещенного абсолютизма» стал пересмотр обветшавшего средневекового кодекса законов — Соборного уложения 1649 года.

Актуальность и важность этого были всем очевидны, так как над проектами нового Уложения в течение ряда лет трудились еще елизаветинские сановники. Но то была работа безвестная, в тиши кабинетов. Екатерина II же придала этому мероприятию всероссийский размах и с невероятной пышностью и шумихой поставила его в центр внутриполитической жизни России. Внешние формы, в которые облекла Екатерина II разработку нового Уложения, напоминали что-то вроде созыва древних земских соборов. Центром работы должна была стать особая Уложенная комиссия, члены, или депутаты, которой выбирались от всей страны. Звание депутата давало небывалые привилегии. Депутаты были объявлены под «собственным охранением» императрицы, они освобождались пожизненно от смертной казни, пытки и телесного наказания, «в какое бы прегрешение не впали». Их личная безопасность обеспечивалась двойной карой покушавшемуся. Наконец, депутатам комиссии даны были особые нагрудные знаки, которые впоследствии дворянские депутаты могли включать в свои гербы. Все это должно было придать работе комиссии значение «великого дела».

Представительство в Уложенную комиссию внешне выглядело почти всесословным: тут были и дворяне, и горожане, и даже крестьяне, да и Екатерина II уверяла, что выборы организованы так, «дабы лучше нам узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа». Однако это лишь первое впечатление. В Комиссии господствовало дворянство. От каждого уезда в Комиссию дворяне выбирали одного своего депутата, и это сразу давало дворянам 142 депутатских места. Вместе с прочими дворянскими депутатами (от украинских полков и от

государственных ведомств) дворянство в целом было представлено 228 депутатами (40 % мест в Комиссии). Города избирали по одному депутату от каждого города независимо от его размеров. Всего от них было избрано 208 человек (из них 12 дворян). Таким образом, от дворянства и городов было избрано 424 депутата, хотя они представляли едва 4 % от населения страны. Основное же население России было крестьянским (93 %).

Помещичьи крестьяне (53 % всего крестьянского населения) не имели права ни выбирать депутатов, ни участвовать в работе Комиссии. Зато с большой шумихой было заявлено об участии в работе Комиссии представителей нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Число депутатов от этих народов достигало 50. Подоплека подобной заботы об опекаемых государыней народах была довольно проста. При максимальном внешнем эффекте участие депутатов от «инородцев» практически сводилось к нулю: ведь почти никто из них не знал ни русского языка, ни законодательства.

Самой большой группой крестьянства, посылавшей своих депутатов, были черносошные крестьяне и однодворцы (бывшие когда-то служилые люди «по прибору»). Однодворцы имели 43 депутата, а черносошные с приписными крестьянами — 23. Но, вместе взятые, они имели лишь около 12 % всех депутатских мест.

Не участвовали в работе Комиссии ни дворцовое крестьянство, ни бывшие монастырские (теперь «экономические») крестьяне, ни крестьянство Прибалтики, Дона, Украины. Сорок пять депутатских мест имело лишь казачество.

Таким образом, в Комиссии подавляющее большинство составили представители господствующего класса дворян и горожане. Это определило и весь характер ее работы.

Процедура выборов депутатов предусматривала составление письменных наказов от их избирателей. В итоге в Комиссию было подано около 1,5 тыс. наказов от дворян, от горожан (точнее, от купечества), от черносошных, ясачных, приписных крестьян, от однодворцев, от пахотных солдат и т. д. Этот огромный материал практического применения в работе «Комиссии об Уложении» не нашел, хотя он в известной мере отражал требования и устремления многих сословий тогдашнего общества. Особенно важны наказы различных групп государственных крестьян — это живые свидетельства горестей и чаяний огромных масс сельских тружеников. Наказы крестьян полны жалоб на произвол и бесправие, гнет тяжелых налогов и повинностей, полны жалоб на острое малоземелье, захваты земель дворянами, жесткие ограничения крестьянской торговли и

т. д.

У помещиков тоже были свои «жалобы»: на побеги крестьян из вотчин, на разбой и воровство, на недостатки в системе подушной подати. Дворяне требовали расширения своих привилегий в области торговли и промышленности, открытия банков, дворянского самоуправления, выборного дворянского суда, усиления и укрепления власти над крестьянами, сохранения жестоких пыток и наказаний и т. д. Городские же наказы отражали главным образом сословные требования купечества: предоставления им исключительных монопольных прав на торговлю и промышленность за счет ограничения в этой области прав дворянства и крестьян. Купечество требовало освобождения от многочисленных служб и повинностей, от телесных наказаний, от рекрутчины и т. д. Наказы купцов пестрят требованиями разрешить им покупку крепостных, поскольку свободный найм, по преимуществу краткосрочный, лишал купцов уверенности в своих приказчиках.

Торжественное открытие Комиссии состоялось в Москве 30 июля 1767 г. В Успенском соборе была совершена церемония богослужения и приведения депутатов к присяге. На другой день в Грановитой палате был избран маршал (председатель) Комиссии. Им стал костромской депутат генерал-аншеф А. И. Бибиков, известный и в прошлом и в будущем жестокими подавлениями крестьянских волнений. Затем депутатам был прочтен екатерининский «Наказ Комиссии».

По прочтении «Наказа» в торжественной обстановке лести и лицемерия (правда, протоколы свидетельствуют, что у многих лились слезы) депутаты преподнесли императрице титул «Великой и Премудрой Матери Отечества». Скромная государыня приняла лишь титул Матери Отечества, заявив о том, что двух первых титулов она недостойна. Однако одного лишь титула Матери Отечества, как справедливо отмечают некоторые историки, было достаточно для безупречной легитимности императрицы, оказавшейся не столь давно на троне в результате дворцового переворота. Представительнейшее собрание «всего Отечества» сделало власть императрицы Екатерины II отныне гораздо более прочной.

Большое собрание провело с 31 июля 1767 г. по 12 января 1769 г. 203 заседания. Оно обсудило целый ряд законодательных проблем (законы о дворянстве с особым выделением проблем остзейского дворянства, законы о купечестве и городском населении, о судоустройстве). Обсуждены были вопросы о положении государственных крестьян и положении всего крестьянства. Помимо Большого собрания в Комиссии работало 15 частных комиссий (государственного права, юстиции, о соотношении воинских и

гражданских законов, о городах, о размножении народа, земледелии и домостроительстве, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах и др.) — Большое собрание прекратило работу в январе 1769 г., последний протокол № 204 был составлен 8 июля 1770 г. Частные комиссии работали до конца 1771 г. До 1776 г. кое-где еще проходили довыборы депутатов. С 1775 до 1796 г. Комиссия существовала как чисто бюрократическая инстанция.

Несмотря на пышное торжественное открытие Уложенной комиссии и огромное внимание к ней различных слоев общества, она не была ни парламентарным, ни каким-либо иным законодательным собранием. Политическая функция Комиссии состояла в приобщении прежде всего дворянства к проблемам государственного управления. По отношению же к обществу в целом основная цель работы Комиссии состояла, по всей вероятности, в «приуготовлении» «умов людских» для введения «лучших законов». Само по себе устройство такого грандиозного общественного собрания имело весьма существенное значение для укрепления и авторитета и власти самодержицы, создавало ей весьма благоприятный имидж в просвещенной Европе. Наконец, далеко не последнюю роль работа Комиссии и особенно ее Большого собрания сыграла для глубокого знакомства Екатерины II и ее правительства с «состоянием умов», с расстановкой классовых сил в стране.

Депутаты осуждают крепостное право. Особенно важно отметить, что время от времени в стенах Комиссии раздавались весьма резкие суждения по крестьянскому вопросу. Казак А. Алейников выступил с ярким протестом против крепостного права. Резко возражая против владения крепостными казацкой старшины, он приводил в пример, как это часто случалось и в будущем, практику европейских государств: «Мы видим целую Европу, которая в крепостных крестьянах никакой нужды не имеет». Белгородский однодворец А. Д. Маслов, раскрыв перед депутатами картину жестокого угнетения и «безмерного отягощения» крепостных крестьян их господами, попытался дать реальную программу освобождения крестьян (отобрать у помещиков крестьян и землю, а управляемые особой коллегией крестьяне платили бы государственные налоги и сбор в пользу бывших владельцев). Разумеется, этот уникальный по своему радикализму проект не нашел никакой поддержки. С интересным проектом выступил дворянин от Козловского уезда Г. С. Ко-робьин. Он предложил дать крестьянам право собственности на часть земли с правом ее продажи и наследования. Выступления отдельных депутатов против крепостного права сочетались с предложениями мер по ограничению эксплуатации крестьян. Лишь

максимум два дня в неделю предлагал установить крестьянскую работу на барщине дворянин Я. Н. Козловский.

Подобные выступления весьма насторожили руководителей Комиссии. А число их тем временем росло. В 1768 г. состоялось 58 антидворянских выступлений. Права дворян и их привилегии подвергались нападкам и критике. Лавирования с повесткой дня заседаний не могли продолжаться бесконечно. В конце концов создалась такая ситуация, что прений стали просто бояться. В последние три месяца работы выступило всего 16 ораторов, а время их речей заняло не более двух часов. На что же ушло остальное? Очень просто. Маршал А. И. Бибиков распорядился прочитать депутатам на заседаниях все законы об имущественных правах с 1740 по 1766 г. Им читали и Соборное уложение 1649 г., им читали и инструкцию о Генеральном межевании, им трижды читали «Наказ» Екатерины II и, наконец, тексты 578 указов. А. И. Бибиков неоднократно предлагал Екатерине II прекратить работу Комиссии. И подходящий случай подвернулся — в связи с началом русско-турецкой войны Комиссия была временно распущена.

Таким образом, общение царизма с просветительскими идеями имело помимо позитивной модернизации в духе «просвещенного абсолютизма» весьма щекотливый побочный итог — в России публично был поставлен вопрос о ликвидации или реформировании системы крепостного права, а идеи французских просветителей стали находить отклик и в более широких кругах русского общества.

§ 8. Конкурс вольного экономического общества

В политике «просвещенного абсолютизма» 60-х гг. XVIII столетия важно отметить еще один штрих — организацию Вольного экономического общества. Здесь новое было буквально призвано на помощь старому. Достижения европейской агрономической науки, эксперименты пытливых деятелей сельского хозяйства самой России — все было призвано на помощь феодалу-помещику.

Заинтересованный отныне и впредь в производстве хлеба и других культур на продажу, помещик уже не хотел мириться с постоянными неурожаями и общей низкой урожайностью. Но он не знал иного средства в борьбе с этим недугом, кроме расширения посевных площадей, т. е. увеличения эксплуатации крепостного крестьянства. «Просвещенный абсолютизм», понимая опасность этого пути, пытается показать помещику

иной путь — рационализацию и повышение уровня агрикультуры. Это и служило главной целью Вольного экономического общества, образованного в 1765 г. Его учредителями были виднейшие екатерининские сановники Г. Г. Орлов, Р. И. Воронцов и др. Общество стало издавать свои «труды», которые регулярно выходили с 1766 по 1855 г. (около 30 томов), где печатались разнообразные работы по экономике, агрономии, селекции сельскохозяйственных культур, по животноводству и другим отраслям сельского хозяйства.

Однако начало деятельности Вольного экономического общества также было призвано служить одним из звеньев идеологической политики «просвещенного абсолютизма». В Обществе было получено письмо от «неизвестной особы» за подписью «И. Е.» (т. е. от Екатерины II), которое послужило толчком к объявлению конкурса сочинений на тему: «Что полезнее для общества — чтоб крестьянин имел в собственность землю или токмо движимое имение, сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?» Это был смелый, хотя и рискованный шаг идеологического вторжения в самые сложные и противоречивые основы бытия российского социума.

Обсуждение проблемы крестьянской собственности на землю имело чисто теоретический характер. Это был еще один небольшой шаг в медленном движении на пути к «европеизации» России. Это была еще одна иллюстрация мудрого тезиса императрицы: «весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями».

В конкурсе участвовали выразители различных точек зрения. В числе умеренных реформаторов был француз Беарде де Лабей, который предлагал освобождение крестьян с небольшими наделами, дабы создать для помещиков слой арендаторов, вынужденных нанимать помещичьи земли для поддержания баланса своих хозяйств. Эта работа заняла на конкурсе первое место.

На конкурс были присланы работы и других французов, среди которых были такие знаменитости, как Вольтер, Ж. Ф. Мар-монтель и др. Их идеи были весьма радикальны и сводились к необходимости полного уничтожения крепостничества и наделения бывших помещичьих крестьян правами полной собственности на землю и имущество.

Из русских конкурсных работ было удостоено награды сочинение А. Я. Поленова, предлагавшего смягчить режим крепостного права, выделив крестьянам достаточное количество земли в наследственное владение, обязав их взамен строго определенной суммой повинностей в пользу помещиков. Работа А. Я. Поленова имела ярко выраженный

публицистический характер и содержала резкую критику антигуманных бесчеловечных обычаев крепостной России. Кураторы конкурса потребовали отредактировать столь возмутительное сочинение, но даже после переработки оно не было опубликовано.

Разумеется, конкурс не принес каких-то практических результатов. Однако дворянская элита была поставлена перед необходимостью размышления о будущем крепостнической России. Более того, некоторые ее представители и сами стали выступать с проектами такого рода.

§ 9. Полемика сатирических журналов

В конце 60-х гг. XVIII в., следуя политике «просвещенного абсолютизма», императрица инициирует «либерализацию» издательского дела, предоставляя полную свободу частной инициативе в издательском деле. Сама Екатерина II основывает сатирический журнал с небрежно-ироническим названием «Всякая всячина». Таким способом августейшая особа решила сама разоблачать пороки общества, нести свет разума «в народные массы». Надо сказать, что в личной жизни Екатерина II была большая охотница до всякого рода шуток, сочиняла эпиграммы, пародии, любила театр, литературу и даже иногда вытачивала тончайшие изделия из камня на токарном станке и т. д. Теперь государыня стала писателем-сатириком. Всего с 1769 г. вышло около 150 номеров журнала. Его форма и характер материалов весьма напоминали лондонские журналы Дж. Аддисона, выходившие в начале XVIII в. Сатира анонимного издателя (т. е. Екатерины II) была легковесной. Речь шла лишь о смешных, курьезных моментах жизни человеческой, о модниках и модницах, о суеверии. Изредка задевались такие пороки, как взяточничество мелких чиновников и т. д. Это была так называемая «улыбательная сатира».

Но, разрешив анонимные издания журналов, Екатерина II очутилась втянутой в игру с огнем. Среди десятков различных журнальчиков, таких же пустых и легких, как и «Всякая всячина», появились и иные журналы, в которых зазвучали нотки гнева против крепостного строя России. В первую очередь ими являлись журналы «Трутень», «Смесь», «Адская почта» и «Живописец». В этих журналах, а особенно в «Трутне» и «Живописце», которые издавал выдающийся русский просветитель Николай Иванович Новиков, была развернута острейшая критика крепостнических порядков. Эпиграфом «Трутня» были многозначительные слова «Они работают, а вы их труд ядите».

Разгневанная жужжанием «Трутня» августейшая писательница резко прикрикнула на Н. И. Новикова со страниц своей «Всякой всячины». Мужественный издатель принял вызов, и началось беспримерное единоборство двух журналов, двух мировоззрений. Новиков поставил себе целью сбросить маску с Екатерины II, скрывавшейся за фасадом «Всякой всячины», сорвать блестящие покровы с ее политики «просвещенного абсолютизма». Отчаянно рискуя, он создает в одном из выпусков «Трутня» прозрачно-сатирический портрет издателя «Всякой всячины», скрывающейся под именем «прабабки». Новиков анализирует стиль произведений «Всякой всячины» и всему миру отчетливо показывает, что «пожилая дама» не знает русского языка, но «так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит». Все узнали в этих намеках портрет государыни императрицы. Полемика обострилась. Тираж «Трутня» постоянно увеличивался. В сентябре 1769 г. Н. И. Новиков уже открыто пишет о некоем коронованном авторе, открыто пародирует этого автора, изображая его как «неограниченного самолюбца». Было более чем очевидно, что полемика с издателем «Трутня» превращается в позор для Екатерины. Больше она во «Всякой всячине» не отвечает. «Всякая всячина» закрылась. Это было признание полного поражения. Но власть имущие так дело не оставили, и в начале 1770 г. «Трутень» был закрыт.

Мужественная полемика Н. И. Новикова в «Трутне» имела большой резонанс. Его открыто поддержали такие журналы, как «Смесь» и «Адская почта». Сам Новиков не сложил оружия, и в 1772 г., незадолго до Крестьянской войны, появляется новый сатирический журнал «Живописец». Может быть, благо даря активному участию Дениса Ивановича Фонвизина критика крепостничества на страницах этого новиковского журнала была более зрелой и более острой, чем в «Трутне». «Живописец» уже не разменивался на описание деталей, подробностей, а давал критику крепостничества в целом. В знаменитых публикациях журнала — «Отрывке из путешествия», «Письмах к Фалалею», «Письмах дяди к племяннику» — показаны гибельность для России господствующего в ней крепостного права, показана его аморальность, бесчеловечность. В конце концов «Живописец» был также, как и «Трутень», закрыт. Однако с обличающей сатирой новиковских журналов ознакомились довольно широкие круги тогдашнего общества. В 1770 г. Н. И. Новикову удалось предпринять второе издание «Трутня», в 1773 г. появилось второе, а в 1775 г. — третье издание «Живописца».

К середине 70-х гг. наиболее крупные акты идеологической политики

«просвещенного абсолютизма» были завершены. Разумеется, во всех этих конкурсах, комиссия, дебатах, журнальных перепалках было немало шумихи, пустозвонства и откровенной демагогии. Однако при всем этом «в рамках дозволенного законами» происходила неуклонная трансформация общественного мнения в сторону прямолинейного критического отношения к крепостным российским распорядкам, имеющим тем не менее уходящие в глубину веков объективные и когда-то неизбежные основания.

Глава 11. Крестьянская война 1772–1775 гг.

§ 1. Предвестники восстания

Фактический материал предыдущих глав с очевидностью раскрывает трагизм самого развития нашей страны, находящейся в глубинах территории Восточной Европы с весьма неблагоприятными природно-климатическими условиями, препятствующими сравнительно гармоничному развитию социума. Прежде всего этот трагизм был присущ механизмам своеобразной компенсации отсутствующих условий— Эти механизмы были внутренне противоречивы. С одной стороны, неистребимая архаичная крестьянская община как существеннейшая опора не вполне прочного крестьянского хозяйства. С другой стороны — это жесточайшая система крепостного права, уже накопившая в себе крайне негативные свойства. Однако в эпоху Екатерины II она еще далеко не исчерпала свои объективные макросвойства. Ведь именно они позволили оптимизировать аграрную экономику, усилить военную мощь государства и обеспечить пространство для поступательного развития экономики и самого общества. Вместе с тем цена такого развития была очень высока. Для социальных низов общества это развитие оборачивалось своей самой неприглядной и жестокой стороной, несущей народу кнут и плеть, тюрьму и ссылку, постоянно вызывающей вспышки социального гнева и ненависти, выливавшиеся в бунты и восстания народных масс. Последним таким крупнейшим восстанием была крестьянская война 1773–1775 гг.

Политика «просвещенного абсолютизма» не была способна ликвидировать противоречия, раздиравшие тогдашнее общество. Действуя в «духе времени», создавая новые формы влияния на общество, она в его низах оставляла все почти без изменений. Удерживая крестьян Черноземья на земле при растущих, но непременно необходимых барщинных повинностях, эта политика тем не менее делала положение крестьян постоянно критическим. Политика «просвещенного абсолютизма» не способствовала улучшению положения многочисленных государственных крестьян, все новые и новые массы которых принудительно привлекались к работе на казенных заводах и фабриках.

В конце 60 — начале 70-х гг. XVIII в. развернулось крупное движение приписных крестьян Олонецкого края. Весной 1771 г. волнения стали перерастать в вооруженное восстание. К лету число сопротивлявшихся

достигало всего лишь 7 тыс. В июне около 2 тыс. крестьян, собравшихся на Кижском погосте, были обращены в бегство карателями. Вожакам восстания Клименту Соболеву, Андрею Сальникову и Семену Костину вырвали ноздри и по наказании кнутом сослали на каторгу в Нерчинск.

Однако волнения, подавленные в одном месте, с неумолимой закономерностью возникали в другом. В том же 1771 г. в таком огромном городе, каким была Москва, с ее скученными строениями и антисанитарными условиями, вспыхнула чудовищная эпидемия чумы, пришедшая с юга, из районов Украины. Болезнь косила десятки тысяч людей, смерть заставала их повсюду — на улице и дома, на мануфактурах и торговых площадях. Обезумевшие от горя и страха горожане толпами устремились к знаменитой «чудотворной» иконе Богородицы, что у Варварских ворот. Боясь усиления эпидемии, архиепископ Амвросий велел убрать икону. Доведенный до отчаяния «черный люд» поднял восстание. Раздался набат, толпы людей разгромили солдат у Варварских ворот и кинулись по Москве в поисках злосчастного Амвросия. Беспорядки стремительно перерастали в антифеодальное движение. Три дня в Москве шли бои, пока прибывшие в Москву гвардейцы во главе с екатерининским фаворитом Григорием Орловым не подавили восстание.

Но и теперь в России не наступил покой. На далеком русском Яике заволновались казаки. Еще недавно вольное, самоуправляемое казачье войско Яика с приближением укрепленных пограничных линий Российского государства, с появлением Оренбурга как центра края и оренбургского губернатора с его огромной властью стало постепенно лишаться былых привилегий. Казаки перестали выбирать своих атаманов, на них было взвалено тяжелое бремя службы в войсках империи, и старинные казацкие промыслы (добыча соли, рыболовство) стали также подвергаться ограничениям. Это дополнялось резким возрастанием розни между богатой казацкой «старшиной» и остальным «войском». В 1771 г. вспыхнул острый конфликт в связи с набором казаков в Московский легион для войны с Турцией. В Яик были введены правительственные войска, началось следствие и репрессии. Последний орган самоуправления — казачий круг был ликвидирован вместе с канцелярией, виновным вырезали ноздри, били кнутом, ссылали в Сибирь. На все войско был наложен тяжелейший денежный штраф.

Подавленный Яик затаился, но огонь восстания не погас; загнанный вглубь, он в любую минуту мог вспыхнуть с новой силой.

Важнейшим элементом ситуации накануне восстания была вновь охватившая Россию эпидемия самозванчества. В 1765 г. однодворец

Гаврила Кремнев объявляет себя Петром III. Он ездит по селам Воронежской губернии и при торжественном богослужении приводит к присяге народ, обещая освобождение от рекрутчины, подушной подати и т. п. Схваченный властями, он был жестоко бит по всем тем селам, где ему присягали, клеймен и отправлен на вечную каторгу в Нерчинск.

Однако на сцене появляется другой самозванец. Им оказался армянин Асланбеков, объявивший себя Петром III. И он был бит плетьми и сослан в Нерчинск. Но Россия снова с неумолимой настойчивостью выдвигает нового самозванца. Это был беглый солдат Лев Евдокимов, назвавшийся Петром II. Почти одновременно в Слободской Украине беглый солдат брянского полка Петр Федорович Чернышев (из однодворцев) также объявил себя Петром III, и вновь осмелившийся присвоить имя царя был бит плетьми и сослан на каторгу в Нерчинск. В Исетской провинции казак Каменьщиков распространял слухи о том, что Петр III жив и заточен в Троицкой крепости. Беглый солдат Мамыкин был пойман под Астраханью и наказан за распространение слухов о Петре III.

Наконец, за год до появления Пугачева на Дону объявился беглый крестьянин Федот Богомолов, выдавший себя за Петра Федоровича. Его уже признали казаки Дубовки, центра Волжского казачьего войска, но дело кончилось внезапным арестом. Ф. Богомолов умер во время следствия, но в районе его действий и в Заволжье все время ходили о нем различного рода толки и слухи. Этим впоследствии и воспользовался Е. И. Пугачев.

§ 2. Начало восстания и осада Оренбурга

Скитания Пугачева и акт самозванчества. Емельян Иванович Пугачев был родом донской казак из станицы Зимовей-ской (той самой, которая на век раньше дала России Степана Разина). До 17 лет Пугачев жил в доме отца, занимался земледелием, потом был зачислен в казацкую службу. Судьба кидает его на войну с Пруссией, где Пугачев сражается в течение трех лет, а с объявлением русско-турецкой войны снова садится в седло. Вскоре за храбрость он получает чин хорунжего. После тяжелой болезни он на короткое время приходит домой. Далее — попытка уйти в отставку. Попав в Таганрог, Пугачев задумал бежать в «вольные земли». Вскоре он способствует попытке нескольких казаков уйти на Терек. За это ему грозит арест. В 1770 г. Пугачев сам попадает на Терек и выступает там ходатаем за казаков. В Моздоке его схватили, но ловкий казак снова бежит. С тех пор аресты чередуются с побегами. Пугачев становится известным

всей округе бунтарем, его постоянно ищут. В бегах Емельян Иванович побывал в Украине, в Белоруссии. Прибыв 22 ноября 1772 г. в Яицкий городок, Пугачев лично убедился, в какой напряженной и тревожной обстановке находилось казачество в ожидании репрессий за убийство генерал-майора Г. Траубенберга. По городку ползли слухи о государе Петре Федоровиче (объявившемся самозванце Федоте Богомолове). Постепенно созрел план действий. Е. И. Пугачев решает выдать себя за императора Петра Федоровича. Тем временем Пугачев был снова арестован и привезен в Казань. 29 мая 1773 г. колодники Пугачев и Дружинин, напоив одного из охранников, с другим бежали в кибитке. Пока вели розыск, Е. И. Пугачев был уже на постоялом дворе Ереминой курицы. Но теперь это был уже «государь Петр Федорович».

Разумеется, первых яицких казаков, примкнувших к Е. Пугачеву, «государь Петр Федорович» не обманывал: Д. Караваев, М. Шигаев, И. Зарубин-Чика, И. Ульянов, Д. Лысов и другие знали, что перед ними простой донской казак, бежавший из казанской тюрьмы, но им это было безразлично. Главное заключалось в том, что Пугачев становился ярким знаменем в их борьбе за волю: «лишь бы быть в добре… войсковому народу». Однако для широких кругов казачества, присоединившегося позже, он был и оставался «российским императором» Петром III. Впоследствии у него были и торжественные выходы, ему целовали ручку, сажали на «трон» и т. д. и т. п.

Поначалу Е. Пугачев направился на хутор Толкачевых — там было людно и можно было увеличить отряд. В дороге обнаружилась необходимость иметь хоть какую-то программу действий, причем закрепленную в документе. Пугачев обратился к одному из верных своих людей: «Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенько!» И Почиталин тут же написал. Прочли вслух — «пондравилось больно». Так родился первый манифест крестьянской войны. В нем казак И. Почиталин писал о думах казацких, о думах и чаяниях местных народов (татар и калмыков). В манифесте Петр Федорович жаловал их «рякою с вершины и до устья, и землею, и травами, и денижнымжалованием, и свинцом, и порохам, и хлебным правиянтом». На хутор отряд прибыл в ночь на 16 сентября, а утром 17 сентября после публичного чтения манифеста перед собравшимися шестью десятками казаков, калмыков и татар отряд двинулся на Яицкий городок.

Наивные обездоленные в войске самозванца. Осада Оренбурга. Отряд Е. И. Пугачева рос с быстротой снежного кома. Под знамена восставших стекались все обездоленные: русские и калмыки, татары и

казахи, башкиры и марийцы. Когда Пугачев подошел к Яицкому городку, посланный против него отряд в 200 казаков сразу же перешел на сторону восставших. Днем и ночью из крепости перебегали в стан Пугачева.

Взять с ходу Яицкую крепость не удалось. Пугачевцы пошли вверх по реке Яику. Скоро в их руках были Илецкий городок, Рассыпная, Нижне-Озерная, Татищева крепость, Кирсановский и Гниловский форпосты, Сакмарский городок и др. Гарнизоны, как правило, переходили без боя к восставшим. Взяв Чернореченскую крепость, войско Пугачева, насчитывающее уже 2,5 тыс. человек, подошло к Оренбургу. Штурм Оренбурга был неудачным, и войско перешло к осаде крепости. Главным лагерем Пугачева стала слобода Берда. Ряды восставших росли и множились. Пришли башкиры во главе с Кинзей Арс-лановым, марийцы во главе с Мендеем, калмыки под командой Федора Дербетева. В ноябре под знамена восставших стала башкирская конница Салавата Юлаева. В отряды Пугачева влилось множество татар. Сам Пугачев был торжественно встречен в татарской Сеитовской слободе (Каргалы) под Оренбургом. На площади был разостлан ковер, на него водрузили импровизированный трон. Двое татар вели Пугачева к трону под руки, а остальные пали ниц.

Осада Оренбурга продолжалась. На помощь генералу И. А. Рейнсдорпу, оренбургскому губернатору, Петербург послал генерал-майора В. А. Кара, но на подходах к Оренбургу Кар был разбит отрядами А. Овчинникова и И. Зарубина-Чики.

В середине ноября под самым Оренбургом Пугачев разбил царские войска полковника П. М. Чернышева. Причем почти все солдаты разбитого полковника перешли на сторону восставших.

В период многомесячной осады Оренбурга руководители восстания провели организацию пугачевского войска. Основным подразделением в армии были теперь полки, во главе которых стояли полковники. Полки в свою очередь делились по-казацки на сотни и десятки; формировались они преимущественно по национальному признаку или по сходству социальной среды. При особе «государя-императора» стал формироваться своеобразный государственный аппарат. Речь идет об образовании в ноябре 1773 г. Государственной военной коллегии.

Функции Военной коллегии были неизмеримо шире, чем у той, что была в Петербурге. Коллегия стала и главным штабом, и главным интендантством, и высшей гражданской властью, и высшим судом. В числе обширного круга ее дел были боевые приказы, связь между отрядами, вопросы снабжения армии продовольствием и боеприпасами, организация литья пушек и изготовления пороха, вопросы казацкого самоуправления,

назначения и перемещения командиров. Коллегии принадлежало право награды отличившихся, присвоение воинских званий. Она вела огромную агитационную работу, рассылая указы и манифесты во многие концы Заволжья, Урала, Казахстана и Западной Сибири. Вместе с тем Военная коллегия имела административную власть над освобожденной восставшими территорией, творила суд и расправу, ведала распределением имущества, конфискованного у дворян и чиновников. Одним словом, роль коллегии была огромна, она придавала всем действиям восставших государственный характер. Указы и манифесты пугачевцев имели и подписи, и специальные печати из меди или серебра.

Осада Оренбурга продолжалась: все туже, все крепче стягивалось кольцо вокруг крепости. Разбитый генерал В. А. Кар бежал в Казань, затем быстро появился в Москве. Российское дворянство было в панике. Тревога докатилась и до Петербурга. Екатерина II была вынуждена убедиться, что это не столь уж «глупая казацкая история», а грозная все возрастающая сила.

Крестьянская война. Восстание постепенно перерастало в крестьянскую войну, захватывая все новые и новые территории. Эмиссары Пугачева, его ближайшие сподвижники были посланы в разные края для организации новых полков и расширения сферы действий. В декабре 1773 г. И. Зарубин-Чика направился на уральские заводы для организации литья пушек, а потом двинулся на штурм г. Уфы. Придя под Уфу с 4 тыс. человек, уже через 10 дней он имел в своих отрядах свыше 10 тыс. воинов. Все штурмы были отбиты, 12-тысячная армия Зарубина не сумела взять Уфу с ее гораздо менее многочисленным гарнизо-' ном. Разгадка этой неудачи проста — у восставших не было современного оружия. Подавляющее большинство имело лишь луки и стрелы, но против пушек и ружей это было слишком слабым средством. Уфа подвергалась, как и Оренбург, осаде вплоть до марта 1774 г.

Положение в стране стало еще более тревожным — против властей поднялся работный Урал. Посланный Зарубиным-Чикой казак Иван Кузнецов поднял на восстание работных людей Катав-Ивановского, Саткинского и других заводов. Еще раньше к восставшим присоединился Воскресенский завод.

На Среднем Урале в октябре — ноябре 1773 г. образовался самостоятельный обширный район восстания, включавший Пермский край и Кунгур. Руководителем всех войск здесь был опытный артиллерист И. Н. Белобородое.

На сторону восставших работных людей и приписных крестьян часто

переходили всем «миром», т. е. целыми общинами. К февралю 1774 г. знамя восстания было поднято в 92 заводах Урала, т. е. 3/4 горнозаводского центра страны перешли на сторону Пугачева. Белобородое стал угрожать Екатеринбургу.

В Поволжье, в Ставропольско-Самарском крае еще к декабрю 1773 г. действовало более 10 крупных отрядов (Ф. И. Дербетова, И. Ф. Арапова, Г. Давыдова). В руках повстанцев были Бузулук, Самара и ряд крепостей.

Территория крестьянской войны раскинулась от Самары на западе до Тобола на востоке и от Гурьева на юге до Кунгура и Екатеринбурга на севере страны.

Правительство теперь уже понимало всю глубину опасности этого восстания. Царица назначила за голову Е. Пугачева 10 тыс. руб. награды, хотя А. И. Бибиков писал: «Не Пугачев важен, важно всеобщее негодование» (разрядка моя. — л. М.).

Предпринимались и срочные военные меры, в районы восстания было послано множество отрядов правительственных войск. Императрица из чувства солидарности с оказавшимся в опасности поволжским дворянством объявила себя «почетной казанской помещицей». Главнокомандующим войск, действовавших против пугачевцев, она назначила энергичного и опытного карателя, генерала А. И. Бибикова.

В марте 1774 г. восставшие потерпели ряд крупных поражений (Пугачев под Татищевой крепостью, Зарубин-Чика под Уфой). В конце февраля — начале марта правительственные войска сожгли основную базу Белобородова на Среднем Урале — Шайтанский завод, и в конце марта восстание в этом районе оказалось в основном подавленным. После тяжелого поражения под Татищевой крепостью, потеряв множество людей, Пугачев был вынужден прекратить почти полугодовую осаду Оренбурга. В начале апреля 1774 г. с небольшим отрядом в 500 казаков предводитель восстания ушел на Урал.

§ 3. Второй этап восстания

Не было больше Хлопуши (Афанасия Соколова), Т. Подурова, И. Почиталина, Толкачевых, А. Витошнова, И. Заруби-на-Чики, но продолжали сражаться И. Белобородое, Кинзя Арсланов, Салават Юлаев.

Людские потери быстро восполнялись притоком новых сотен и тысяч угнетенных. «Народу у меня, как песку, — подбадривал своих близких Пугачев, — и я знаю, что чернь меня с радостию примет».

Шествие Пугачева по заводам Урала было победным, но по пятам, не давая закрепиться на месте, шли правительственные войска. Пугачев вынужден был оставлять за собой сожженные крепости, разрушенные мосты, запруды и т. п. Храбрый Е. И. Пугачев дрался в первых рядах. Восстание вновь стало нарастать. Центром его стал теперь Южный Урал и Башкирия.

После взятия крепости Магнитной произошло объединение армий Пугачева. Сюда пришел И. Белобородов, пришли казаки А. Овчинникова и А. Перфильева. Армия Пугачева снова насчитывала теперь свыше 10 тыс. человек, но это было крайне плохо вооруженное (дубьем, дрекольем, пиками да кистенями) и плохо обученное войско. Наиболее организованным был лишь полк работных людей Белобородова, который при встрече пугачевцы даже приняли за правительственные войска. В мае 1774 г. под Троицкой крепостью состоялось ожесточенное сражение с войсками генерала И. А. Деколонга. Восставшие потерпели крупное (уже четвертое) поражение: 4 тыс. убитых и пленных, потеря огромного обоза и всей артиллерии. Это было 21 мая 1774 г., но уже ровно через месяц у Пугачева снова было войско в 8 тыс. человек. Такая поразительная живучесть могла быть свойственна только крестьянскому войску.

В июне 1774 г. после соединения с 3-тысячной конницей Салавата Юлаева было принято решение двинуться на запад, в крестьянские районы Поволжья. В связи с этим в рядах восставших резко возрастает и удельный вес крестьянства. Армия Пугачева, насчитывающая около 20 тыс. человек, взяла направление на Казань.

Под Казанью разыгралось одно из самых крупных сражений крестьянской войны. Пугачев нанес удар с четырех сторон. 12 июля 1774 г. его армия ворвалась в Казань. Правда, Казанский кремль продолжал обороняться. Пугачев уже было начал штурм Кремля, но по его пятам следовало крупное соединение правительственных войск под командой И. И. Михельсона, до сих пор искавшего Пугачева под Уфой.

Повстанцы вынуждены были дать бой Михельсону. Проиграв его и уже отступив. Пугачев сделал отчаянную попытку 15 июля снова овладеть Казанью. Но что можно сделать, имея хотя и 20-тысячное, но почти безоружное войско? Крестьянекая армия была разбита: Пугачев только убитыми потерял свыше тысячи человек; остальные же были либо взяты в плен, либо рассеяны. В плен попал И. Белобородов. С небольшим отрядом казаков (около 400 человек) Пугачев переправился на правобережье Волги.

§ 4. Третий этап восстания

Начался третий, последний этап крестьянской войны. Приход Пугачева в Поволжье послужил сигналом к огромной вспышке крестьянского движения. Масштабы его далеко превзошли все, что было до сих пор за 8 месяцев войны. При первых слухах о приближении армии Пугачева, при появлении его знаменитых манифестов, обращенных теперь главным образом к крепостному крестьянству, крестьяне убивали помещиков и их приказчиков, вешали управителей казенных волостей, чиновников уездной администрации, жгли дворянские усадьбы. Только по данным официальной статистики, крестьяне расправились с 3 тыс. представителей господствующего класса, большую часть которых составляли дворяне, казненные грозным летом 1774 г.

При приближении армии повстанцев часть крестьян, как правило, стриглась по-казачьи, формировала отряды и уходила к Пугачеву. Во многих уездах образовывались самостоятельные отряды со своими «атаманами». Восстал город Инсар и его уезд, Краснослободск и его уезд, города Троицк, Наровчат, Нижний Ломов, Темников, Тамбовский, Новохоперский и Борисоглебский уезды Воронежской губернии и др.

По пути движения армии Пугачева, на правобережье Волги, почти нигде не было оказано какого-либо сопротивления. Идя на запад от Казани, Пугачев только под Курмышом имел сильный бой. Двигаясь к Нижнему Новгороду, он посеял страх и среди дворян в самой сердцевине Российского государства. Ожидался поход на Москву. Но, видимо, Пугачев понимал, что численность его огромного войска не заменит военную выучку, а главное — оружие, которого у крестьян не было. Ведь именно крестьяне с ножами, рогатинами и дрекольем составляли теперь подавляющее большинство его войска. Повернув на юг от реки Суры, Пугачев решил идти на Дон, к казакам. Поволжские города сдавались без боя: 23 июля — Алатырь, 27 июля — Саранск, 1 августа — Пенза, 5 августа — Пет-ровск, 6 августа — Саратов, 11 августа — Дмитриевск (Камышин). Движение Пугачева было поистине стремительным. Останавливаясь в городах и селах, он раздавал соль и деньги, освобождал заключенных из тюрем, раздавал конфискованное имущество господ дворян, устраивал суд и безжалостную расправу, сидя на импровизированном троне под охраной вооруженных «гвардионов», забирал пушки, порох, включал добровольцев в «казаки» и уходил, оставляя горящие дворянские усадьбы. Движение Пугачева по земле, наполненной толпами крестьян, встречавших его с

восторгом, было поистине трагичным. Он спешил, он даже не брал с собой всех добровольцев (только конных!).

А по пятам Пугачева шел И. И. Михельсон с отборным, хорошо вооруженным войском, пытаясь все время догнать его. 21 августа Пугачев подошел к Царицыну, но не взял его. 24 августа у Черного Яра Пугачева настигла армия Михельсо-на. Последнее в истории крестьянской войны крупное сражение восставшие проиграли, несмотря на то что сражались они доблестно. Лишь только убитыми Пугачев потерял 2 тыс. человек, 6 тыс. было взято в плен. Войска больше не было. С отрядом в две сотни казаков Е. И. Пугачев ушел в заволжские степи.

Между тем среди казаков зрел заговор, в центре которого были И. Творогов, Ф. Чумаков, Железнов, Федульев и Бур-нов. На двенадцатый день пути, улучив момент, когда Пугачев поехал из лагеря на бахчу за дынями, за ним увязались заговорщики. Чумаков заговорил: «Что, ваше величество? Куда ты думаешь теперь идти?» Пугачев начал было отвечать, но раздался крик: «Иван, что задумал, то затевай!» — и Пугачева схватили за руки. Вырвавшись, он вскочил в седло и понесся к камышам, но его поймали и связали. 15 сентября Пугачева доставили в Яицкий городок, а оттуда в специальной железной клетке в Москву.

В канун нового, 1775 г., 31 декабря, начался суд, а 9 января Пугачева приговорили к четвертованию, тело его должны были сжечь по частям в разных концах Москвы. 10 января в Москве на Болотной площади состоялась казнь. Пугачев вел себя спокойно и мужественно. Взойдя на эшафот, он поклонился во все стороны: «Прости, народ православный!» Палач отрубил ему голову (не желая создавать Пугачеву ореол мученика, Екатерина II отменила четвертование).

Вместе с Пугачевым казнили его соратников: А. Перфильева, М. Шигаева, Т. Подурова и В. Торнова. Еще раньше, 30 июня 1774 г., в Оренбурге был казнен Хлопуша (Соколов), 5 сентября в Москве — И. Белобородов, 10 февраля в Уфе — И. Зарубин-Чика. Юный поэт и полководец Салават Юлаев был бит кнутами по многим башкирским селениям, ему вырвали ноздри и сослали на каторжные работы. Тысячи участников были подвергнуты казням и репрессиям. По Волге вереницами плыли виселицы на плотах.

Но долго еще не затихали отголоски восстания. В 1775 г. по всей стране, а особенно на Верхнем Дону и в Поволжье, действовало множество отрядов.

§ 5. Идеология восставших. Неизбежность крушения замыслов Е. Пугачева

О чем же мечтали казачество, работный люд, крестьяне России, поднявшись на отчаянную, но полную драматизма войну? Какова была их идеология и программа?

История оставила нам манифесты и указы Пугачева и его Военной коллегии. Эти крупицы прошлого помогают нам составить представления о замыслах руководителей крестьянской войны. В начальный период войны цели восставших не шли далее предоставления яицкому казачеству свободы их хозяйственной и промысловой деятельности, т. е., в сущности, возвращения им былых привилегий. На основе казацких льгот (довольствие в свинце, порохе, провианте, жалованье, обещания одеть с головы до ног ит. п.) строились и манифесты, обращенные к башкирам и калмыкам, татарам, казахам и другим народам. Ничего более четкого, чем туманный образ дикой первобытной свободы («и бутте подобными степными зверями»), идеологи движения дать не могли. Однако с расширением масштаба крестьянской войны, с вовлечением в нее работных людей, приписных, а главное — помещичьих крестьян характер требований восставших существенно меняется. Он постепенно приобретает антикрепостническую, антидворянскую направленность. Если раньше манифесты обещали волю вообще, землю вообще, то теперь они четко указывают на корень зла — на помещиков.

Но все это была программа отрицания старого общества, программа, поднявшаяся до отрицания целого класса эксплуататора, но все же программа отрицания. Программы нового будущего общества идеологи крестьянской войны не дали и дать не могли. Крестьянское обществонеминуемо должно было прийти к тому же самому феодальному строю, породить новых господ и новых эксплуататоров.

Глава 12. Преобразования государственной машины и социальная политика

§ 1. Губернская реформа

Потрясенная до основания социальным взрывом дворянская империя Екатерины II почти сразу же приступает к своеобразному ремонту своей государственной машины.

В первую очередь было реорганизовано ее наиболее слабое звено — местные органы власти. Умудренное опытом крестьянской войны, дворянство подвергло местное управление кардинальной перестройке. Активнейшую роль в этом сыграла и сама Екатерина II. В письме к Вольтеру в конце 1775 г. она сообщала: «Я только что дала моей империи “Учреждение о губерниях”, которое содержит в себе 215 печатных страниц… Это плод пятимесячной работы, исполненной мною одной». Конечно, Екатерина разрабатывала этот проект не одна. Было подано 19 проектов, составленных видными сановниками и государственными деятелями.

По проекту вся Россия делилась теперь на 50 губерний вместо 23 прежних. Основной фигурой в губернии являлся отныне губернатор, стоявший во главе «губернского правления». Функции губернского правления были довольно обширны, но главная из них — широкое объявление законов и правительственных распоряжений, надзор за их выполнением и, наконец, право отдачи под суд нарушителей закона. Губернскому правлению подчинялись все местные суды и полиция. Всеми расходами и доходами в губернии, ее промышленностью, сбором налогов ведала теперь Казенная палата. Она же брала на себя теперь часть функций центральных коллегий. Совсем новым учреждением был «Приказ общественного призрения». За столь безмятежным названием, звучащим на манер благотворительного заведения, скрывались довольно прозаические функции — охрана «порядка» в интересах господства дворян. Приказ общественного призрения был помощником губернской полиции, хотя ведал он и народным образованием, и охраной здоровья населения, и общественной благотворительностью, и смирительными домами. Наконец, в губернии был губернский прокурор и целая система судебных учреждений с приданными к ней прокурорами. Самыми высшими из судов

были две палаты: гражданских и уголовных дел, имеющие право пересмотра дел губернских и уездных судов. Сами же губернские суды были сословными, т. е. для дворян был свой суд (он назывался «верхний земский суд»), для купцов и мещан — свой («губернский магистрат»). И наконец, был губернский суд для «свободных» (государственных) крестьян («верхняя расправа»). В каждом из этих судов были два департамента с двумя председателями (по уголовным и гражданским делам). Уголовные дела из всех судов попадали для утверждения в палату уголовных дел. Но в палату гражданских дел дела попадали лишь те, по которым иск был ценой не ниже 100 руб., притом если тяжущийся вносил еще и в залог 100 руб. Для подачи апелляции в Сенат иск должен был быть не менее 500 руб., а залог — 200 руб. Вот здесь и выходит наружу классовый характер суда, так как право апелляции могли осуществить практически лишь представители имущего класса.

Спустимся теперь на ступеньку ниже, в уезд. В каждой губернии было теперь в среднем 10–15 уездов. Главным исполнительным органом был здесь так называемый нижний земский суд. Он вместе со стоящим во главе его капитаном-исправником имел всю полноту власти в уезде. Наблюдение за выполнением законов, исполнение распоряжений губернских властей, исполнение судебных решений, розыск беглых крестьян — вот лишь важнейшие функции этого учреждения. Огромную власть имел теперь капитан-исправник, принимавший любые меры для восстановления порядка в уезде. Капитан-исправник и два-три заседателя нижнего земского суда выбирались только дворянами и только из местных помещиков.

В собственном смысле слова судами в уезде были «уездный суд» (для дворян) и «нижняя расправа» (для государственных крестьян). Дворяне практически господствовали не только в своем суде, но и в «нижней расправе». О дворянских вдовах и сиротах заботилась теперь «дворянская опека».

Для выборов кандидатов на многочисленные должности собирались уездные и губернские дворянские собрания, руководимые уездным предводителем дворянства и губернским предводителем.

Такова структура новых местных учреждений, обеспечившая, как нетрудно убедиться из прочитанного, прочное господство дворянства во всех звеньях этого аппарата.

Город по реформе 1775 г. стал самостоятельной административной единицей. Основными учреждениями в городе были: городовой магистрат, «совестный суд» и ратуша в посадах. Компетенция городового магистрата с городским головой во главе была аналогична компетенции уездного суда, а

состав городового магистрата выбирался местным купечеством и мещанством. У купечества и мещанства появилась теперь и своя опека на манер дворянской опеки — городовой сиротский суд. Таким образом, на первый взгляд, в городе была создана своя сословная полноправная система выборных учреждений. Но это только на первый взгляд. Если дворяне в уезде избирали капитана-исправника и у него была полнота всей власти, то во главе города стоял городничий, которому также принадлежала огромная власть, но городничий назначался Сенатом из дворян.

Совсем необычным учреждением стал «совестный суд». Он подчинялся генерал-губернатору, а в его функции входило лишь примирение сторон, контроль за арестами, Все эти преобразования, ускоренные крестьянской войной, назревали еще до нее. Дело в том, что оседавшее во все больших масштабах в своих поместьях дворянство стало испытывать многочисленные затруднения от излишней централизации государственного аппарата. Но, идя навстречу интересам помещиков, проведением губернской реформы Екатерина II одновременно существенно усилила государственную власть на местах.

Жесткая сеть административно-полицейских учреждений в 1789 г. была укреплена созданием городских полицейских управ, получивших трогательное, но лживое наименование «управы благочиния». Эти управы в Москве и Петербурге возглавляли полицмейстеры, а в остальных городах — городничие. В состав управы входили два пристава (по уголовным и гражданским делам) и два советника (ратманы). Каждый город делился на участки в 200–700 домов, а каждый участок — на кварталы по 50—100 домов. Во главе участков стоял частный пристав, а во главе кварталов — квартальный пристав. Под зорким наблюдением полиции был теперь каждый дом, каждый горожанин.

Децентрализуя управление, Екатерина II сохранила вместе с тем мощный и действенный контроль центральной власти над губерниями. Дело в том, что над каждыми двумя-тремя губерниями Екатерина II поставила наместника или генерал-губернатора с неограниченными полномочиями.

Система местных губернских учреждений оказалась настолько прочной, что просуществовала в своей основе до реформы 1861 г., а в некоторых деталях вплоть до 1917 г.

§ 2. Реформа центральных учреждений

Теснейшим образом с губернской реформой 1775 г. были связаны и преобразования центральных учреждений. Частичные изменения были, правда, начаты еще в 60-х гг. XVIII в. Их общая тенденция одна — освобождение центральных учреждений от дел текущего управления и сосредоточение власти в руках императрицы.

Еще в 1763 г. Сенат окончательно утратил свои широкие полномочия. Тогда он был разделен на 6 департаментов. Два из них (один в Петербурге, а другой — в Москве) занимались судебными делами, один ведал делами Украины и Прибалтики, еще один департамент выполнял функции Московской сенатской конторы и т. д. Лишь один из шести департаментов сохранил за собой какое-то политическое значение (публикация законов). Таким образом, Сенат превратился в высшее судебно-апелляционное учреждение.

Одновременно резко возросла роль генерал-прокурора Сената и обер-прокурора. Через генерал-прокурора (а им при Екатерине II долгие годы был князь А. А. Вяземский) императрица и сносилась теперь с Сенатом. У генерал-прокурора была огромная власть. А. А. Вяземский сконцентрировал в своих руках функции министра финансов, юстиции и государственного казначея.

Важнейшим звеном государственного управления стал Кабинет Екатерины II с его статс-секретарями. В Кабинете рассматривались теперь многие вопросы внутренней политики (се-' натские дела, вопросы промышленной политики и т. д.). Важнейшими фигурами стали статс-секретари Екатерины II, такие, как А. В. Олсуфьев, А. В. Храповицкий, Г. Н. Теплов и др. Через них Екатерина II вела основную часть дел по управлению государством. Некоторые екатерининские вельможи выполняли персональные поручения в определенной части внутренней политики. В частности, И. И. Бецкой был главной фигурой в области просвещения, Л. И. Миних — в области таможенной политики и т. д. Так постепенно зарождался принцип единоличного управления, что впоследствии вылилось в организацию министерств. С течением времени обнаружилась необходимость в создании совета при императрице из ближайших и влиятельных сановников. С 1769 г. более или менее регулярно стал действовать Императорский совет.

В связи с передачей большей части дел текущего управления на места, в губернские учреждения, роль коллегий резко снизилась. В 80-х гг. были ликвидированы Камер-коллегия, Юстиц-коллегия, Штате-коллегия, Ревизион-коллегия, Вотчинная коллегия, Берг-коллегия, Главный магистрат, Мануфактур-коллегия, причем последняя — в результате

объявленной свободы промышленного предпринимательства и отсутствия надобности контроля и борьбы с «безуказными» предприятиями. Была ликвидирована и Коллегия экономии, а церковные земли окончательно переданы в руки государства. Из коллегий продолжали сохранять прочное положение лишь три — Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская. Сохранил свое положение в качестве одной из коллегий и Синод, но теперь он находился в полнейшем подчинении светской власти.

В итоге всех этих преобразований окрепла самодержавная власть абсолютного монарха, окрепла и диктатура дворянства на местах, создана была прочная полицейско-бюрократическая система учреждений, просуществовавшая вплоть до эпохи падения крепостного права.

§ 3. Жалованная грамота дворянству 1785 г.

Помимо реформирования государственного механизма управления Екатерина II огромное внимание уделила сословной политике.

Начнем с кодекса прав и привилегий дворянства — так называемой Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 1785 г. Это был систематический свод всех прав и привилегий, которые в течение десятилетий одну за другой получали дворяне в XVIII столетии. В Жалованной грамоте подтверждалась вольность дворянства от обязательной государственной службы, свобода от уплаты податей, постоя в дворянских домах войск, от нанесения дворянам телесных наказаний за какие-либо преступления. Вместе с тем в Грамоте подтверждалась исключительная прерогатива дворянства во владении населенными имениями, т. е. землей и крестьянами (так называемой крещеной собственностью). Дворянина имели право судить только равные ему. Имения дворян не подлежали конфискации, даже если владелец оказался преступником, — они передавались его наследникам. Жалованная грамота закрепляла за дворянами право заниматься торговлей, иметь в городах дома, строить промышленные заведения и т. д.

Важным моментом в Жалованной грамоте была кодификация дворянского самоуправления. У дворян, имеющих обер-офицерский чин, было право организации дворянских обществ (дворянского собрания) в уездах и губерниях, что стимулировало государственную службу. Участвовали в дворянском собрании лишь владельцы населенных имений. Право быть избранным на выборные должности в губернии или в уезде имели теперь лишь дворяне, обладавшие доходом не менее чем в 100 руб.

Это отсекало от дворянской корпорации прослойку деклассированного и разорившегося дворянства.

По Жалованной грамоте сословное самоуправление дворянской корпорации было ограничено и поставлено под контроль государственной власти. Право созыва дворянских собраний (раз в 3года) принадлежало лишь генерал-губернатору и губернатору. Губернатор утверждал результаты выборов дворян вплоть до выборов губернского предводителя. Но, несмотря на некоторое ограничение, дворянство в вопросах местного управления и в губернии и в уезде занимало господствующее положение.

Роль губернских и уездных предводителей дворянства с течением времени получала все большее значение. Это были покровители и защитники дворян, всюду охранявшие их монопольные права и привилегии.

§ 4. Жалованная грамота городам 1785 г.

Одновременно с Жалованной грамотой дворянству в 1785 г. была утверждена «Грамота на права и выгоды городам Российской империи». Важнейшим ее положением было деление всех городских жителей на шесть групп, или разрядов. К первой, высшей группе, или разряду, принадлежали все городские домовладельцы и землевладельцы. Сюда же включены были и владельцы городских строений. Поскольку домами или землей в городе владели главным образом дворяне, чиновники и духовенство, они и составили высший разряд городского населения. Во вторую группу, или разряд, объединялось все купечество. Но имущественный ценз для зачисления в купцы был резко увеличен (до 1000 руб.). Второй разряд включал все три гильдии: первую, где капитал достигал 10–50 тыс. руб.; вторую, где он мог равняться 5—10 тыс. руб.; и, наконец, третью — с капиталом 1–5 тыс. руб. Горожане второго разряда наряду с уже состоявшимися льготами по уплате подушной подати, по рекрутской повинности, освобождались теперь от некоторых казенных служб (продажа соли, вина и т. д.). Первые две гильдии были освобождены от телесных наказаний. И это вновь давало иллюзию их приближения к дворянам.

Третий разряд городского населения составляли все ремесленники, записанные в цехи (мастера, подмастерья, ученики). Четвертый разряд — иногородные и иностранцы, проживающие в данном городе. В пятую категорию горожан были зачислены «именитые граждане». Ими были

крупнейшие торгсовцы и предприниматели с объявленным капиталом более 50 тыс. руб., банкиры с капиталом от 100 тыс. руб. Сюда же входили бургомистры, городские головы, заседатели магистратов и т. гл., прослужившие более двух сроков, ученые, художники, музыканты.

Наконец, о шестом разряде. Это основная масса— горожан — простые «посадские люди». Наиболее острый вопрос о крестьянах, ставших фактическими жителями городов, остался по-прежнему нерешенным. Оставались в действии и все прежние преграды на пути перехода крестьян в городские сословия.

Наиболее интересная часть законодательства о городах — городское самоуправление. На смену городовому магистрату, словесному суду и ратушам как единственным органамг самоуправления пришли теперь «общая городовая дума», «шести — гласная дума» и «Собрание градского общества».

Право участия в «Собрании градского общества» (а его значение в городском самоуправлении было немаловажным) имели лишь горожане, имевшие процентное отчисление с кашитала (введенное вместо подушной подати) не менее 50 руб. Это значит, что нужно было иметь капитал не менее 5 тыс. руб. Таким образом, в общее городское собрание могла войти лишь богатейшая городская верхушка. Туда не имели доступа даже купцы третьей гильдии. «Собрание градского общества» избирало городского голову, бургомистров и всех должностных лиц в органах самоуправления. Наряду с «Собранием» в городе существовала теперь «Общая градская дума». Ее выбирали граждане всех разрядов, но и компетенция Думы была не весьма широкой. Она ведала нуждами городского хозяйства и проводила выборы в третий орган городского самоуправления — «шестигласную Думу». Это оригинальное название дал Думе ее состав — шесть человек от каждого разряда. В Думу входил городской голова.

В ведении шестигласной Думы были нужды населения, городское хозяйство.

Наряду с новыми учреждениями был сохранен и городской магистрат. К судебным его функциям добавились некоторые административные. Губернский магистрат контролировал городские органы самоуправления. Но главный контроль и руководство над городскими учреждениями осуществляли органы государственного местного управления. По-прежнему огромны были полномочия губернатора, губернского правления, городничего с его командой, управы благочиния и т. д. вплоть до квартального надзирателя. В их руках была вся власть.

§ 5. Управление окраинами империи

Абсолютистская монархия в течение всего XVIII столетия неуклонно проводила политику централизации и постепенной ликвидации остатков былой самостоятельности некоторых пограничных и окраинных районов. Путем реформ в таких районах царизм укреплял свою социальную опору в лице местной знати и имущих слоев. Процесс феодализации, который интенсивно развивался в присоединенных к России районах, приводил к слиянию местной знати с российским дворянством, к консолидации всего господствующего класса независимо от национальности отдельных его представителей.

Во второй половине XVIII в. екатерининское правительство взяло твердый курс на ликвидацию некоторых привилегий в трех важнейших районах Российской империи — в Украине, Финляндии и Прибалтике.

Украина в XVIII в. и отмена гетманства. Левобережная Украина и в XVIII столетии оставалась почти исключительно земледельческим краем с развитым скотоводством. Природно-климатические условия здесь были более благоприятны, чем в Центральной России, так как здесь преобладали плодородные черноземы. Однако отличия эти были не принципиальными, ибо сезон сельскохозяйственных работ здесь был не намного более длительным, чем в России. Несмотря на высокое плодородие почв, урожайность была здесь подвержена резким колебаниям, а излишки зерна не были постоянным явлением и уходили главным образом на винокурение. Эти условия, а также трудности сбыта зерна отнюдь не стимулировали развитие зернового производства. Помещичье и крестьянское хозяйство в основном сохраняли натуральный характер. Вместе с тем, несомненно, развивалась торговля продуктами сельского хозяйства. Отсюда в Россию поступал скот, пенька, табак, воск, мед и т. п. Получило развитие ремесленно-промысловое производство. Помещики заводили стекольные, свечные, зеркальные, селитренные заводы. Была развита первичная обработка кож. В 1776 г. на Гетманщине одних только кожевен насчитывалось до полутора тысяч. Быстро развивались такие торговые центры, как Полтава, Сумы, Ромны, обгоняя по оборотам Кролевец, Стародуб и др. Из центра России на Украину шел железный товар обширного ассортимента, российские и заморские ткани и т. п. Торговые связи резко усилились после отмены в империи внутренних таможенных пошлин.

Вместе с тем земледелие оставалось почти исключительным занятием

основной массы населения, и рост его численности неуклонно вел к расширению прежде всего земледелия, ибо процесс отделения промышленности от земледелия и здесь, в Украине, развивался весьма медленно. Однако Левобережная Украина и в XVIII в. сохраняла и в социальном облике, и в экономике, не говоря уже о политической организации, устойчивые черты вековых традиций.

Нельзя забывать, что регион Левобережной Украины — это южная окраина восточноевропейской земледельческой ойкумены, граничащая с остатками скотоводческих обществ архаического типа с их традиционной воинской организацией как рычагом, способствующим восполнению дефицита совокупного прибавочного продукта путем воинского промысла. Россия веками имела контакты с сообществами такого типа не только в Причерноморье, но и в пределах обширнейшей зоны к востоку от него (вплоть до Урала и Зауралья). «Вольное казачество» Днепра и Дона постепенно включилось в выполнение оборонительных функций и сохранения земледельческой ойкумены Восточной Европы от набегов. Однако вольное казачество, взяв на себя такие функции, стало получать от Москвы (а в более ранний период от Польши) денежное и натуральное жалованье, одновременно сохраняя старинное право свободы занятия рыбными, бортными и звериными промыслами. Вместе с тем казачьи промыслы не могли стать основой производственной деятельности казаков, они были лишь вспомогательным способом жизнеобеспечения. Да и государево жалованье по размерам своим оставляло желать большего, поскольку Россия была бедным государством, едва сводившим концы с концами в своем бюджете. Организация Петром I постоянной армии не исключила необходимости воинских формирований нерегулярного типа, и нужда в казачестве оставалась острой еще долгие десятилетия. Но это отнюдь не исключало периодически возникающую (не от хорошей жизни!) потребность казачества либо в войнах, либо в военных грабежах. Это было фактом реальной жизни и на Дону, и на Днепре.

С другой стороны, с момента получения земельного обеспечения казачество Левобережной Украины как воинское сословие получило льготы, но все же так и не стало собственно земледельческим сословием. Привилегированное положение позволило казакам, и особенно казачьей старшине, иметь в качестве рабочей силы для земледельческих работ «посполитых», т. е. крестьян. Однако специфика украинского пограничного региона состояла в том, что сословная перегородка между «посполи-тым» и казаком была часто весьма условной. В годину тяжких войн она исчезала и многие «посполитые» становились казаками, а вернуть «посполитого» на

прежнее место было очень нелегко. К тому же в первой половине XVIII в. и самих «посполитых» в регионе было очень мало. В частности, в 1725 г. на 69 тыс. казаков приходилось всего 126 тыс. «посполитых», а в четырех полках на одного казака в среднем было едва ли не по одному «посполитому». Правда, среди казаков было много безземельных и «убогих», но кардинальных изменений это не производило.

В этих условиях естественные процессы социальной дифференциации и расслоения не приводили к наиболее суровым формам эксплуатации. А в условиях короткого сезона земледельческих работ рост совокупного прибавочного продукта, обеспечивающий должный уровень потребностей складывающегося в Левобережной Украине господствующего класса, можно было обеспечить либо резким увеличением числа закабаленных «по-сполитых» или даже наемных рабочих рук (что в условиях XVIII в. было нереальным), либо резким ужесточением форм внеэкономического принуждения, позволявшим увеличить объем земледельческого производства. Объективный процесс шел в последнем направлении, т. е. усиления эксплуатации путем установления крепостнического режима. Кстати, на пути ужесточения эксплуатации опосредованно стояли и казацкие традиции первобытного демократизма, но и это не стало непреодолимым препятствием. Объективный ход истории был таков, что прогресс в развитии производительных сил того или иного сообщества был достижим только через усиление классового антагонизма, антагонизма производственных отношений. Стремление ряда историков изобразить ситуацию таким образом, что-де крепостничество было навязано Левобережной Украине Москвой, свидетельствует лишь о поверхностном понимании процесса развития либо о политическом лукавстве.

Гетман Кирилл Разумовский. С петровских времен Левобережная Украина была с административной точки зрения поделена на полки и сотни. На территории Гетманщины было десять полков. С 1734 по 1750 г. должность гетмана оставалась незанятой, а управление осуществлялось так называемой Малороссийской коллегией в Глухове. С 1750 г. должность гетмана стала действующей. По соглашению с Петербургом ее занял (был избран) брат елизаветинского фаворита Кирилл Григорьевич Разумовский. Однако правление его было чисто номинальным. Гетман «страдал» от влажного (!) климата Глухова и предпочитал петербургский климат. При К. Г. Разумовском казацкая старшина заметно усилила свои позиции. Вместе с местными феодалами она захватывала общинные и войсковые земли, усиливала гнет «посполитых» и т. д. Еще в 1739 г. генеральная войсковая канцелярия запретила переход крестьян с места на место, ссылаясь на

сильный отток людей за рубеж, но в 1742 г. генерал-прокурор отменил это распоряжение. Однако под напором старшины в 1760 г. гетманский универсал наложил запрет на крестьянские переселения без разрешения их владельца под угрозой конфискации имущества. Это был шаг к полному закрепощению крестьян. Видимо, под тем же напором при К. Г. Разумовском проведена была и судебная реформа, восстанавливающая тип польских шляхетских судов. Вместе с тем проникновение на малороссийские земли российских феодалов вызвало недовольство старшины. Более того, казаков стали зазывать в новоформируемые шкиперские полки, а некоторые территории — переводить на положение однодворческих. Напрасные слухи о закрытии в Украине порохового производства усилили брожение старшины, а К. Г. Разумовский пытался использовать его для усиления своего влияния. Процесс этот достиг вершины, когда в 1764 г. на генеральном собрании старшины возникло движение за превращение должности гетмана в наследственную должность рода Разумовских.

Екатерина II, остро почувствовав опаснейший момент, одним махом порушила эти планы. На встрече с К. Г. Разумовским она решительно предложила ему отказаться от гетманства, что Разумовский и сделал.

Украинское шляхетство в системе империи. 17 января 1764 г. вновь учреждена Малороссийская коллегия во главе с выдающимся полководцем П. А. Румянцевым. Началась полоса «вхождения» Левобережной Украины в систему российской государственной машины. П. А. Румянцев быстро расправился с оппозицией, тем более что старшину рядовое казачество поддерживало не ахти как активно, ибо это был период резкого усиления феодального гнета. Полковое управление было ликвидировано. Возникло пять провинций с центром в Харькове. Вместо казацких были сформированы новые гусарские полки, а старшина, перешедшая в эти полки, была включена в дворянство. Рядовое казачество стало «войсковыми обывателями». На территории Гетманщины в 1782 г. образовали три наместничества (Киевское, Черниговское и Новгород-Северское). В 1783 г. все казацкие полки были заменены армейскими частями. Наконец, в том же 1783 г. были окончательно запрещены переходы крестьян и крепостное право стало реальным фактом. По Жалованной грамоте дворянству украинское шляхетство обрело все права и привилегии российского дворянства.

Интенсивно развивался процесс феодализации казацких общин и в Запорожье. Здесь выделялась богатая старшина, злоупотреблявшая свой властью и правами. Казаки занимались земледелием и скотоводством. На

рынок шли тысячи голов лошадей, крупного рогатого скота, овец, а также шерсть, мясо, сало и т. п. Запорожские лошади продавались и в Великороссии, и в Западной Европе, хлеб шел в Крым, к ногаям и т. д. Развиты были и рыбные промыслы. Среди населения Запорожья, как и всюду в Украине, заметна имущественная дифференциация. Категории казаков и «посполитых» не были однородными, а выделяли богатую верхушку и беднейшую часть населения.

С точки зрения военной и административной организации Запорожье в XVIII в. имело следующую структуру. Вся территория делилась на 8 округов, называемых «паланка». Во главе паланки стоял полковник и паланковая старшина. Им подчинялись сельские атаманы и атаманы казачьих и «посполитых» громад (обществ). Высшим звеном администрации Запорожья был кошевой атаман и кошевая старшина (судья, писарь и есаул). Кошевая администрация располагалась в Запорожской Сечи. Это была крепость с башнями, рвами и валами. В центре ее находилась обширная площадь, а вокруг нее 38 куреней. В них жили казаки гарнизона Сечи. Тут же были здания администрации, склады, церковь и т. д. В Сечи располагалась и царская администрация — гарнизон со штаб-офицером во главе.

Военная помощь запорожских казаков царскому правительству, борьба с турецко-татарской агрессией — все это заставляло считаться с Сечью. Однако царизм тяготился ее существованием, и дело было не только в эпизодических разбоях. Сечь все еще была символом вольности и свободы. Сюда направлялись потоки беглых крестьян и казаков из пределов панской Польши, да и из приграничных областей России. Огромную роль сыграла Запорожская Сечь в народном восстании в Правобережной Украине в 1768 г., известном под названием «Ко-лиивщины». Знаменитый предводитель этого движения Максим Зализняк был казак Запорожской Сечи. Сечь стала местом формирования многочисленных отрядов казацкой голытьбы («серома»), направлявшихся на борьбу с панами Правобережной Украины. Нередки были волнения гайдамаков и в самой Сечи. В конце декабря 1768 г. здесь вспыхнуло восстание. Каратели из казацкой старшины и царского гарнизона с трудом подавили восстание. Но в следующем, 1769 г. в Сечи вспыхнули новые беспорядки. Весьма неспокойная обстановка в Запорожье была в период крестьянской войны 1773–1775 гг., участились нападения казаков на правительственные отряды.

Конец Запорожского войска. С освобождением по Кю-чук-Кайнарджийскому миру от турецко-татарской власти территории Причерноморья значение Сечи как важнейшего форпоста России в борьбе с

турками и татарами упало. Все это побудило Екатерину II в кратчайший срок покончить с опаснейшим Запорожским казачьим войском. Летом 1775 г. крупный отряд войск генерала П. А. Текели занял Сечь, а 3 августа вышел манифест об упразднении Запорожского войска. Верхушка запорожской старшины получила российское дворянство, чины и земли. Рядовые казаки и «посполитые» превратились в крепостных. Аналогичные преобразования были проведены и на Дону. В 1775 г. под названием «Войсковое гражданское правительство» здесь введена была обычная система губернских учреждений.

В последней четверти XVIII в. южное Причерноморье начинает активно заселяться, а общая численность населения возрастает в несколько раз. Возникают новые села. На юг устремился колонизационный поток крестьян из России, бежавших от эксплуатации помещиков-крепостников. Но царизм щедро раздавал земли юга России и помещикам. С ростом земледелия росли и города. В 1778 г. был основан Херсон, в 1784 г. — Мариуполь, в 1787 г. — Екатеринослав, в 1789 г. — Николаев, в 1794 г. — Одесса.

Г.А. Потемкин и освоение юга России. Наряду с процессом стихийной колонизации активную роль в освоении новых земель играли царские администраторы. В частности, в этой деятельности принял активнейшее участие фаворит Екатерины И князь Г. А. Потемкин, получивший впоследствии титул князя Таврического.

Обладая огромными средствами, Г. А. Потемкин не щадил ни сил, ни денег, ни труда, ни людей. Князь стремился тотчас превратить пустынный край в страну, изобилующую городами, селами, садами и т. п. Одновременно закладывались города, разводились леса, виноградники, плантации тутовых деревьев для шелководства, начиналось строительство фабрик, корабельныхверфей, школ, типографий и т. д. и т. п. Разумеется, часть этого осталась лишь в проектах.

В 1785 г. массы рабочих были согнаны на строительство Екатеринослава, задуманного как блистательный центр культуры и просвещения. В городе былзаложен университет, должна была быть и консерватория. Строились многочисленные фабрики и заводы, часть из которых так и не стали действующими. Много сили энергии отдал Г. А. Потемкин строительству линейного флота на николаевских Верфях. Подобно Петру I он столь глубоко вник в вопросы кораблестроения, чтостал, по сути, настоящим специалистом. Вместе с темПотемкин делал немало лишнего, второстепенного, многое было показным, чтосделалось очевидным во время путешествия Екатерины II по югуРоссии в 1787 г.

Прибалтийский край в XVIII в. и реформы Екатерины II.Коснемся, наконец, политики царского правительства в Прибалтике — Эстляндии и Аифляндии. В XVIII столетии Эстония постепенно восстанавливалась от тогоразорения, в которое ее ввергло шведское владычество. Испытывало заметный подъем сельское хозяйство, продукты которого в значительной меревывозились на внутренний и внешний рынок. Получили развитие и разнообразные сельские промыслы (производство сукон, бочек, парусных судов и т. п.). Во второй половине XVIII в. значительного развития достигла мануфактурная промышленность, производившая стекло, зеркала, изделия из фаянса, кожевенные изделия и т. п. В Эстонии увеличивается сеть базаров и ярмарок, крупнейшая из которых была в Тарту. Под влиянием экономических связей с Россией быстро выросли эстонские порты Таллинн и Нарва, гдеежегодно бывало свыше 200 кораблей в каждом. Экономика Эстонии постепенно прочно срасталась с российским рынком. Из Эстонии шлитакие товары, как стекло, бутылки, зеркала, водка, парфюмерия, крахмал и т. д. Из России в Эстонию привозили железо, медь, кожи, меха, свечи, мыло, медную посуду, гвозди и т. д. Крупными городскими центрами стали Таллинн, Тарту, Пярну, Нарва и др.

Развитие экономики Эстонии во второй половине XVIII столетия было по-прежнему сопряжено с резким увеличением барщинной эксплуатации непосредственных производителей в связи с товарным производством зерна. Помимо классового угнетения для Эстонии было характерно и национальное, осуществлявшееся немецким остзейским дворянством. В городах, в магистратах и судах, в цеховых организациях ощущалось засилье немцев. Задавленный двойным гнетом эстонский народ поднимался на борьбу. Для этого времени характерны массовые побеги крестьян, поджоги усадеб, убийства помещиков и т. д.

Примерно такая же картина характерна для северной части Латвии, находившейся в пределах Российской империи. К XVIII столетию здесь было также весьма развито товарное производство зерна на продажу и на винокурение, которое помещики взяли в свои руки. Было связано с рынком и сильно развитое скотоводство. Развивалась и мануфактурная промышленность. Это было полотняное производство, поскольку Латвия была льноводческим районом. Это были и стекольные заведения, чулочные и суконные мануфактуры, бумажные мельницы. В Риге в 80-х гг. XVIII в. возникло предприятие по изготовлению сахара. На всех промышленных предприятиях значительное место занимал наемный труд, хотя применялся и труд крепостных. Заметного развития достигла и торговля. В Лифляндии во второй половине XVIII в. было свыше 30 крупных ярмарок. Огромное

значение для Латвии имел Рижский порт, расцвет которого начался с 1710 г., с момента присоединения к Российской империи, ибо Рига стала одним из главных портов России. Уже в середине XVIII в. Рига далеко обогнала все прибалтийские порты. Ежегодно в нее заходило более 500 кораблей. В конце века их число возрастает до одной тысячи.

Во второй половине XVIII в. в Латвии, как и в Эстонии, резко возросла барщинная эксплуатация крестьянства. Стремясь к стабилизации положения в этих столь важных в стратегическом отношении районах, Екатерина II и ее правительство выступают подчас с довольно неожиданными предложениями и реформами. Чтобы предотвратить взрывы классовой борьбы в Прибалтике, правительство выступает здесь, как это ни парадоксально, за регламентацию крестьянских повинностей. В 1765 г. Екатерина II через генерал-губернатора Ю. Ю. Брауна рекомендует прибалтийским помещикам ограничить эксплуатацию крепостных крестьян и даже обеспечить крестьянам право на движимую собственность и т. д. Несмотря на протесты прибалтийского дворянства, лифляндский ландтаг в 1765 г. под нажимом генерал-губернатора принимает эти советы-приказы. Крестьянам разрешено жаловаться на помещиков в местный суд. Однако бароны-крепостники просто не выполняли этих постановлений ландтага. В итоге в 1771 г. в Латвии были крупные волнения крестьян в районе Алуксне и всего Цесисского уезда. В 1776–1777 гг. — в Лифляндии новая вспышка крестьянского движения. Наконец, в 1784 г. вспыхнуло мощное крестьянское движение, охватившее всю северную Латвию и южную Эстонию. Восстание было подавлено тремя полками солдат. Только после этого правительство запретило произвольное увеличение норм барщины и повинностей крестьян.

После введения новой системы губернского правления во внутренних губерниях России постепенно были преобразованы и органы местного управления на окраинах. В Прибалтике был упразднен «Особый прибалтийский порядок», олицетворявший автономные права Эстляндии и Лифляндии. Первые меры правительства прибалтийское дворянство встретило с восторгом. В 1782 г. были отменены таможенные барьеры между Россией и Прибалтикой. Осуществлена была перепись податного населения, и введена подушная подать с населения. Вместе с тем утверждены как наследственные, т. е. приравненные к вотчинам, имения дворян.

В 1783 г. наступил второй этап в ликвидации местных особенностей края. Прибалтика была разделена на две губернии — Рижскую и Ревельскую. Во главе их встал наместник. Высшие чины управления и суда

теперь не избирались дворянством, а назначались правительством. В системе местного управления был реорганизован ландтаг. Распространение действия Жалованной грамоты дворянству ликвидировало в Прибалтике засилье дворянской олигархии. Городская реформа в прибалтийских городах лишила монопольного господства в органах самоуправления верхушку немецких бюргеров, особенно в Рижском магистрате и цехах. С введением Жалованной грамоты городам появилась возможность всякому свободному человеку без каких-либо национальных ограничений получить право горожанина. Тем самым реформа способствовала увеличению притока населения в города Прибалтики.

Глава 13. Формирование различных тенденций в общественно-политической мысли в России

§ 1.Критика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II М. М. Щербатовым

Начнем с отношения к событиям общественно-политической и экономической жизни страны представителей родовитой дворянской знати и так называемого консервативного лагеря российского дворянства, выступающего против основной массы реформаторских шагов Екатерины II, отстаивающих исключительные привилегии и права дворянства как опоры нации и государства.

Наиболее выдающимся представителем этого направления общественно-политической мысли был князь Михаил Михайлович Щербатов — русский историк, экономист, публицист, депутат Комиссии о новом Уложении, член Комиссии о коммерции и президент Камер-коллегии. В 60—80-е гг. XVIII в., как уже говорилось, он неустанно бьет тревогу по поводу кризисного состояния сельского хозяйства страны, резко выступает против форсированного развития городов, торговли и промышленности, становясь при этом на чисто физиократические позиции. Благодаря работам французских просветителей М. М. Щербатов обращает пристальное внимание на специфику природно-климатических условий России и прежде всего на краткий рабочий сезон в земледелии и плохое плодородие почв. В силу этих условий земледелие России находится в критическом состоянии и эффективность труда земледельца чрезвычайно низка. Как знаток экономики земледелия и практик-помещик, он предпринял в одной из своих работ глобальную оценку эффективности земледелия страны и пришел к выводу, что Россия при урожае ржи даже в сам-5 имела чистый сбор примерно в 504 млн четвериков (пудов), из которых на нормальное питание необходимо было свыше 432 млн пудов и товарный излишек не превышал бы 72 млн пудов (или всего по 4 пуда на человека). Эта «товарность» настолько ничтожна, писал М. М. Щербатов, что «в случае хотя бы незначительного недорода должен наступить голод».

Отсюда огромная тревога дворянского публициста по поводу серии мероприятий правительства Екатерины II, цель которых в развитии торговли и промышленности, вызвавших, по мнению М. М. Щербатова,

отток крестьянских рабочих рук из земледелия. Этот отток был тем более опасен, поскольку труд в городе, и в торговле, и в промышленности, легче труда в земледелии (видимо, в силу большей психологической комфортности, снимающей вечную неуверенность земледельца в результатах его труда). Отсюда и суждения Щербатова о том, что обилие городов ведет к «обленчивости», «сластолюбию», «роскоши», «ослабляет в земледельческой работе». Кстати, эти же аргументы были в ходу и при спорах в стенах Уложенной комиссии.

Поэтому, обсуждая «либеральные идеи» своего времени, в центр которых постепенно вставала проблема освобождения крестьян от крепостной зависимости, М. М. Щербатов считал безусловно необходимым ее сохранение. В реальных экономических условиях острой нехватки рабочих рук в земледелии и одновременно его низкой эффективности и крайне тяжелых условий труда освобождение крестьян публицист считал преступлением, ибо оно, по его словам, приведет к краху основы государственного благополучия — сельского хозяйства страны.

М. М. Щербатов весьма резонно отмечает, что центр империи находится в наиболее неблагоприятных природно-климатических условиях. А Россия велика, «вмещая в себя различные климаты». Освобождение же крестьян приведет к тому, что «центр империи, местопребывание государя, вместилище торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание (т. е. крестьян. — Л.М.), и сохранят в себе лишь ремесленников… Крестьяне и так бегут из районов истощенных земель в плодородные края».

Как уже говорилось, правительство Екатерины II в конечном счете с пониманием относилось к аргументам такого рода и в крестьянском вопросе проводило линию М. М. Щербатова. Однако общая линия императрицы основывалась на учете баланса всех сил.

В публицистике М. М. Щербатова четко выделяется и линия защиты дворянства и протест против отстранения его от государственного управления. Он выступает против ущемления полномочий Сената и приращения власти генерал-прокурора. Он негодует по поводу огромной власти наместников, «чрез что они почти деспоты в своих наместничествах учинились». Он обвиняет в деспотизме саму государыню, поскольку она ущемляет олигархические претензии родовитого дворянства. Остро ненавидя «худородных» дворянских выскочек и фаворитов, он критикует все звенья государственного аппарата «за накопление их незнающими и мало совести имеющими людьми». Главный же упрек Щербатова состоит в том, что Екатерина II способствует ущемлению прав и привилегий

дворянства.

Наконец, третье направление критики М. М. Щербатова — обличение нравов. Олицетворяя стремление возвратить времена предков, князь Щербатов многие явления жизни объяснял одним лишь «повреждением нравов». Основные обвинения М. М. Щербатова в адрес Екатерины II суть следующие: «славолюбива», «любострастна», «самолюбива до бесконечности», имела множество любовников, при этом была «совсем вверяющаяся своим любимцам». О последних годах жизни Екатерины II Щербатов писал на редкость ядовито: «Хотя при поздних летах ея возрасту, хотя седины покрывают уже ея голову и время нерушимыми чертами означило старость на челе ея, но еще не уменьшается в ней любострастие. Уже чувствует она, что тех приятностей, каковыя младость имеет, любовники в ней находить не могут, и что ни награждения, ни сила, ни корысть не может заменить в них того действия».

Достается от М. М. Щербатова и многочисленным екатерининским фаворитам: «каждый любовник, хотя уже и коротко их время было, каким-нибудь пороком за взятые миллионы одолжил Россию». Строгий разбор дворцового разврата, выражаясь словами Герцена, был так ярок, что памфлет Щербатова выглядел как обвинение не только Екатерины II и ее окружения, но и всего самодержавно-крепостнического строя.

§ 2. Борьба двух тенденций в критике крепостничества. Формирование просветительства в России

Что же касается другого крыла общественной мысли России второй половины XVIII в., именуемого в нашей литературе «просветительством», то его появление было во многом итогом иных процессов.

Реальным итогом развития России в XVI–XVIII вв. при всей отталкивающей жестокости крепостничества были весьма существенные достижения. Среди них прежде всего обширная территория, создавшая в конечном счете минимально приемлемые условия для развития экономики и роста народонаселения. Более того, Россия ценой широкого применения внеэкономических методов хозяйствования стала великой европейской державой. Вместе с тем начиная с эпохи Петра Великого и его реформ российская дворянская элита восприняла европейскую культуру в самых разнообразных ее проявлениях. Российская общественная мысль и общественное сознание в немалой степени имели в качестве эталонов своего развития европейские стандарты жизни, культуры, науки и т. п.

Отсюда и развитие демократических, либеральных, просветительских идей, которые лишь постепенно обретали прочность бытия своего на русской почве. В России во второй половине XVIII в. эти идеи имели в большей мере лишь нравственную основу, а реальность их была в то время иллюзорна, так как рыночная цена хлеба была в 3–6 раз дешевле тогдашней себестоимости его производства наемным трудом. Однако в восприятии либерального дворянства жестокости крепостничества заслуживали сокрушающей критики.

Дворянские проекты смягчения крепостничества. Драматург и поэт А. П. Сумароков был одной из влиятельных фигур придворного общества, к его советам прислушивалась и Екатерина II.Вместе с тем Сумароков был одним из первых субъективных критиков крепостничества. В его сочинениях, и в частности в записке «О домостроительстве», была дана резкая критика вопиющих злоупотреблений крепостным правом. Но позиции критики четки и недвусмысленны — он защищает крепостное право от злоупотреблений, он доказывает заинтересованность помещика в благополучии своих крестьян.

Однако среди группы критиков, охраняющих крепостничество, были и такие, которые предлагали реформы. Одним из них был Петр Иванович Панин.

П. И. Панин, брат воспитателя цесаревича Павла Н. И. Панина, был крупным военным деятелем. После участия в работе комиссии о несостоятельных должниках он подал в 1763 г. на имя императрицы записку по крестьянскому вопросу. В ней были изложены советы по борьбе с крайними злоупотреблениями помещиков. П. И. Панин предлагал, в частности, прекратить практику продажи крепостных поодиночке и продавать их только семьями, запретить торговлю рекрутами, установить губернаторский надзор над наиболее жестокими помещиками. Наконец, П. И. Панин предлагал установить максимум в крестьянских повинностях.

В проекте члена дворцовой канцелярии И. П. Елагина, поданном царице в январе 1767 г., выдвигалась идея передачи дворцовым крепостным крестьянам земли в потомственное владение и определения объема их повинностей в пользу помещика. Но все это Елагин предлагал сделать лишь в будущем.

Весьма интересными были соображения о судьбах крепостного права, высказанные Д. А. Голицыным в его письмах к А. М. Голицыну. Автор писем почти четыре десятка лет был на дипломатической службе. В 50-х гг. XVIII в., живя в гуще общественно-политической жизни парижских салонов, водя дружбу с Вольтером, Дидро и другими философами и

общественными деятелями Франции, Д. А. Голицын был наиболее радикален в своих взглядах. Тогда он писал о необходимости безусловной отмены крепостного права как экономически невыгодной формы организации хозяйства и предоставлении крестьянам полного права собственности, т. е. собственности на имущество и землю. Однако позже Д. А. Голицын резко меняет свои взгляды. Он считает, что крестьяне должны выкупать свою свободу за огромные деньги (по 200 руб. за душу). Земля остается у дворян, и богатые крестьяне могут ее арендовать или купить у помещика. Безвозмездно крестьянам дается лишь право собственности на движимое имущество. Людей, обладающих лишь движимым имуществом и занимающихся торгово-промышленной деятельностью, Голицын называл «третьим сословием».

Так же как и другие прожектеры, Д. А. Голицын предполагал установить государственный контроль над помещиками для пресечения злоупотреблений властью. Все дело облегчения положения крестьянства в такой огромной стране, какой была Россия, необходимо, по мысли этого деятеля, осуществлять лишь постепенно. В качестве объекта для эксперимента Д. А. Голицын, как и И. П. Елагин, предлагал Екатерине II ее домен, т. е. дворцовых крестьян. Он был убежден, что помещики последуют благому примеру императрицы.

Все упомянутые выше прожекты реформ явились, пожалуй, единственным реальным плодом распространения идей французского Просвещения в среде, окружавшей Екатерину II. Дворянская аристократия в подавляющем большинстве лишь играла с трудами французских философов. Для них это была мода.

Один из примеров чисто внешнего усвоения образцов французской образованности привел русский историк В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории». Он писал о богатейшем пензенском помещике Н. Е. Струйском, бывшем одно время владимирским губернатором. Владелец великолепной домашней типографии, Струйский был знатоком европейской юридической науки. «Он сам судил своих мужиков, составлял обвинительные акты, сам произносил за них защитительные речи, но, что всего хуже, вся эта цивилизованная судебная процедура была соединена с древнерусским и варварским следственным средством — пыткой; подвалы в доме Струйского были наполнены орудиями пыток».

Беспрепятственное издание произведений французских философов способствовало проникновению просветительских идей в широкие круги дворянской и разночинной интеллигенции. Сочинения французских просветителей ходили по рукам в студенческой среде Петербурга и

Москвы, в среде дворянской молодежи. Довольно большими тиражами издавались лучшие произведения Вольтера, Монтескье, Руссо и др. Их можно было найти в Оренбурге, Казани, Симбирске, Орле. С 1767 по 1777 г. было переведено и издано отдельными сборниками свыше 400 статей из знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. Исключительно важную роль для широкого русского читателя сыграли сочинения Вольтера в их простой и доходчивой форме.

Проекты радикальных изменений режима крепостничества. Широкое распространение идей Просвещения способствовало выдвижению целой плеяды оригинальных русских мыслителей, произведения которых олицетворяли иную тенденцию в критике крепостнического строя. В противоположность дворянским проектам, стремящимся оградить самодержавно-крепостнические порядки, эти мыслители стояли прежде всего на позициях человеческой нравственности и морали, их резко отличали от первых беспредельная ненависть к крепостничеству, горячая забота о несчастном положении крепостных крестьян.

В ряду ярких критиков крепостнического строя мы уже называли А. Я. Поленова, автора конкурсной работы «О крепостном состоянии крестьян в России», депутатов Уложенной комиссии И. А. Чупрова, Г. С. Коробьина, Я. П. Козельского, А. Алейникова, А. И. Маслова, чья мужественная критика язв крепостничества и проекты ограничения крепостного права явились значительным этапом в развитии русской общественно-политической мысли. В этом же ряду следует назвать одного из первых критиков крепостничества в Лифляндии Иоганна-Георга Эйзена. Пастор в приходе Торма, а потом профессор Петровской академии в Елгаве, Эйзен был автором интереснейшей работы, в которой он доказал непродуктивность барщинного труда, столь стремительно распространявшегося в Прибалтике. В этой работе содержалась и позитивная программа реформ, сводящихся к отмене крепостного права и передаче земельных наделов в собственность крестьянам.

Ярким представителем просветительской мысли был и Я. П. Козельский — автор «Философических предложений», явившихся наиболее радикальным выражением просветительских идей в России. Козельский протестует против распространенного в дворянском обществе понятия окрестьянах как о низшей породе людей. Следуя теории естественного права, он считает, что люди равны от природы: «Подлым является не тот, кто беден, а тот, кто совершает подлые дела». Я. П. Козельский резко изобличает помещичий произвол над крепостными крестьянами, сравнивая помещиков с «алчными волками».

Одним из русских мыслителей этой поры был профессор Московского университета С. Е. Десницкий. Искренне полагая, что в России все может быть, как на Западе, он осуждал крепостной строй, доказывал необходимость его изменения с помощью реформ политического строя (учреждение выборного сената как высшего законодательного и судебного органа, введение бессословного, гласного суда с адвокатурой и присяжными, устройство городского купеческого самоуправления, введения равноправия мужчин и женщин, устранение вмешательства церкви в просвещение и науку и т. д.). Основная направленность предлагаемых Десницким преобразований имела довольно заметно выраженный буржуазный характер.

Если упомянутые нами деятели русского просветительства свое главное внимание в критике крепостничества уделяли вопросам юридического и экономического характера, то деятельность такого выдающегося писателя, публициста и издателя, каким был Н. И. Новиков, наносила основной удар по моральным устоям крепостничества. В острой сатирической манере писатель дал яркие обобщенные образы чудовищных мастодонтов крепостничества — их у Новикова целая портретная галерея: Змеяны, Глупомыслы, Плутовы, Брюжжаловы, Браннико-вы, Недоум, Злорад и т. д.

Наряду с острейшей критикой и развенчанием крепостничества важнейшим звеном просветительской деятельности Н. И. Новикова была его многообразная издательская работа. Тут были и сатирические журналы «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек», и журналы научно-популярного характера вроде «Экономического магазина», который вел А. Т. Болотов. Новиков предпринимал исторические издания, например многотомную «Древнюю Российскую вивлиофику», издавал огромное количество французской просветительской литературы. Наконец, он был издателем ряда газет (в частности, «Московских ведомостей»).

Ненавидя всей душой самодержавно-крепостнический строй, Новиков объяснял его язвы чисто моральными причинами, падением нравственности помещиков, общей темнотой и невежеством. Выходом из этого тупика, по мысли Новикова, было широкое просвещение народных масс, ибо, будучи просвещенными, люди легко смогут покончить со всеми преступлениями. Но вместе с тем Новиков в ряде своих философских и политических произведений, в отличие от остальных представителей русского просветительства, выражает неверие в российский «просвещенный абсолютизм». Мучительные поиски путей развития способствовали тому, что в конце 70-х гг. XVIII в. Новикова увлекли в свои

ложи масоны-розенкрейцеры.

Масонство являло собой своеобразную форму реакции дворянской элиты на царящие вокруг престола нравственно-психологические стереотипы, поглощавшие любые проявления индивидуализма, и одновременно было формой борьбы с рационализмом идей Просвещения. Вместе с тем среди масонов удивительно уживались набожность и вольнодумство, просветительство с крепостнической идеологией. Это создавало возможности для возникновения в масонстве, при общей тупиковой его направленности, прогрессивных деяний.

Первый дворянский революционер. Резкий поворот во внутренней политике, который произошел после разгрома восстания Е. И. Пугачева, и сама крестьянская война с ее грандиозным размахом народной борьбы, способствовали зарождению в русском просветительстве качественно иного направления, связанного с именем Александра Николаевича Радищева — первого в России дворянского революционера.

В 1766 г. в числе 12 молодых даровитых дворян А. Н. Радищев был отправлен в Лейпцигский университет. Однако главное внимание в период жизни за границей Радищев уделил самообразованию, изучая в основном работы французских просветителей в области философии, политэкономии, литературы и права. По возвращении в 1771 г. на родину Радищев служил в различных учреждениях (протоколист Сената, военный прокурор, помощник управляющего и управляющий таможней в Петербурге). В период службы в Коммерц-коллегии у него установились теплые дружеские отношения с президентом Коллегии князем А. Р. Воронцовым. Однако основным содержанием духовной жизни А. Н. Радищева была отнюдь не служба. Он начал свою литературную деятельность. В течение многих лет усиленно занимался вопросами философии, политэкономии, права, пристально изучал экономическую и политическую жизнь страны, быт крепостного крестьянства, но отнюдь не реальные возможности земледелия в России. В частности, для формирования мировоззрения А. Н. Радищева была важна работа над переводом «Размышлений о греческой истории» французского социалиста-утописта XVIII в. аббата Мабли. Перевод был опубликован Н. И. Новиковым в 1773 г. В «Примечаниях к Мабли» Радищев уже бросил открытый вызов русскому абсолютизму: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Однако поражение крестьянской войны надолго прерывает его творческую деятельность. Пережить этот своего рода кризис Радищеву помогли события, связанные с Войной за независимость в Северной Америке.

Размышляя над итогами победоносной американской революции, анализируя политику российского «просвещенного абсолютизма», Радищев постепенно приблизился к убеждению в том, что единственный выход для России — революционное низвержение самодержавия. В 1783 г. Радищев создал свою знаменитую оду «Вольность». В ней он осуждает самодержавную власть как власть, поправшую элементарные права народа. Исходя из теории «общественного договора», объясняющей происхождение государства как акт добровольного согласия людей на выделение над ними органа управления, Радищев считает самодержца узурпатором всех прав народа, нарушителем «общественного договора». В оде «Вольность» воспет тот миг, когда восставший народ разрушит все здание монархического строя.

В своем главном произведении — книге под названием «Путешествие из Петербурга в Москву» — Радищев дал всестороннее обоснование своей революционной концепции.

Заведя в своем доме в Петербурге миниатюрную типографию, Радищев решил самостоятельно издавать свое детище, свой главный политический памфлет. И вот, в мае 1790 г. книга вышла, благополучно проскользнув все цензурные рогатки (там на нее не обратили какого-либо внимания). Успех книги был ошеломляющий. Все экземпляры были сразу же раскуплены. Но очень скоро книга дошла до Екатерины II, и умная императрица, прочитав ее, быстро поняла всю гигантскую взрывную силу этого сочинения. Резюме царицы было весьма четким и недвусмысленным: Радищев был объявлен «бунтовщиком хуже Пугачева». Немедленно были приняты меры. 30 июня 1790 г. Радищев был арестован. 24 июля, по окончании следствия, уголовная палата приговорила арестованного к смертной казни. В начале августа Екатерина II заменила казнь 10-летней ссылкой в Сибирь, в Илимский острог.

Итак, что же собою представляло скромное и незаметное по названию «Путешествие из Петербурга в Москву»? Если оставить в стороне чисто внешний сюжет путешествия с его маршрутом, то перед нами раскроется сюжет внутренний. Герой, от лица которого ведется повествование, анализирует государственный и общественный строй своей страны, изучает положение народа. Перед ним крестьяне, задавленные гнетом помещиков, обрабатывают свою землю лишь по ночам; их продают как скот, проигрывают в карты; им некуда жаловаться, так как в судах сидят взяточники, и т. д. Убедившись, что в России процветает злоупотребление властью, жестокий гнет рабства, герой повествования ищет выход из положения. У него формируется твердое убеждение, что народ может

добыть свободу, только восстав против самодержца, только путем революционного низвержения монархии. Огромное значение в идейной композиции произведения имеет вставленная в «Путешествие» ранее написанная ода «Вольность». Таково вкратце идейное содержание главного творения первого русского революционера, творения, созданного под влиянием западной цивилизации и знания внешних проявлений фундаментальных особенностей бытия России.

Со смертью Екатерины II Радищеву было разрешено, наконец, вернуться из сибирской ссылки. В 1801 г. он возвращается в Петербург. В период либеральных заигрываний Александра I А. Н. Радищев даже возвращается на государственную службу. Он составляет ряд проектов законодательных реформ. Но вскоре в порыве отчаяния, утром 11 сентября 1802 г., он принимает яд и в тяжких муках умирает.

Глава 14. Внешняя политика Российской империи во второй половине XVIII в.

§ 1. Проект «Северной системы» Н. И. Панина и «диссидентский вопрос» в Польше

Приход на трон Екатерины II мало что изменил в основных направлениях внешней политики России. Они в сущности остались прежними. В центре внимания русских дипломатов был возврат исконных земель Древней Руси, традиционная черноморская проблема и активная охрана завоеваний на Балтике.

Вскоре после Семилетней войны произошла очередная перегруппировка сил в Европе. Почти распался длительный союз России и Австрии. После свержения Петра III Екатерина II не сочла нужным возобновить войну с Пруссией, хотя фельдмаршал П. С. Салтыков захватил было вновь все территории, уступленные Пруссии Петром III.

Истинные причины такой позиции заключались в том, что в итоге Семилетней войны Россия добилась преимущественного влияния в Польше. Уже говорилось о давней цели внешней политики русского правительства, сводящейся к воссоединению древнерусских земель, в пределах которых за период отторжения сложились народы Белоруссии и Украины. Слабость государственной власти в Польше, раздираемой внутренними противоречиями, события Семилетней войны — все это приблизило момент окончательного решения этой проблемы. Однако австрийское правительство враждебно относилось к усилению русского влияния в Польше, поскольку у Австрии насчет Польши были свои планы. Она шла на стремительное сближение и упрочение отношений с Францией — давним недругом России, в течение многих десятилетий сколачивавшей антирусские блоки и на севере Европы, и в центре ее, и на юге, где она систематически подогревала русско-турецкий конфликт. Все это делало непрочными отношения Австрии с Россией.

Иначе складывались отношения с Пруссией. Фридрих II всеми силами старался искать дружбы с Россией. Ведь устремления Пруссии были теперь направлены исключительно на Польшу как на объект своей будущей агрессии, и здесь она могла рассчитывать на какой-то успех лишь при условии союза с Россией. Однако российская дипломатия не нуждалась в

союзе с Пруссией, ибо рассчитывала достичь своих целей и без ее помощи. Вместе с тем она не хотела и сближения Пруссии с Францией. В итоге русские дипломаты, включая Екатерину II, разыгрывали с Пруссией своеобразный жеманный флирт. Тема, вокруг которой завязывалась дипломатическая игра, была подсказана самой жизнью — это тема нового польского ставленника.

Смерть польского короля Августа III, как ее ни ждали, была внезапной. «Не смейтесь мне, — писала Екатерина II Н. И. Панину, — что я со стула вскочила, как получила известие о смерти короля Польского: король Прусский из-за стола вскочил, как услышал».

Теперь Россия сразу же объявила своего кандидата — им был Станислав Понятовский, давний друг сердечный Екатерины II. Расчеты императрицы, правда, были лишены при этом каких-либо эмоций: «из всех претендентов на корону он имеет наименее средств получить ее, следовательно, наиболее будет обязан тем, из рук которых он ее получит».

Случилось так, что в разгар предвыборных интриг курфюрст Саксонский умер от оспы. Это ослабило борьбу с Пруссией, и на избирательном сейме в сентябре 1764 г. спокойно был избран Станислав Понятовский.

Следствием преобладания русского влияния был и сравнительно быстрый переход Курляндии на положение территории, зависимой от России. Екатерина II извлекла для этого из небытия Э.-И. Бирона, права которого на Курляндское герцогство не были никем отменены. Сын польского короля Августа Карл, занимавший стол герцога Курляндского, был вынужден выехать из Митавы. В конце 1762 г. там водворился Э.-И. Бирон.

После выборов Понятовского на польский престол русско-прусское сближение завершилось заключением 31 марта 1765 г. союза. Это был, как всегда в то время, военный союз, оговаривавший в случае войны помощь одному из партнеров либо деньгами, либо войсками.

Неудача проекта «Северного аккорда». Заключение этого союза было большим успехом фактического руководителя внешней политики России князя Никиты Ивановича Панина. Ведь союз с Пруссией был едва ли не важнейшим звеном проектируемого Паниным так называемого «Северного аккорда». Это был своего рода противовес все еще существовавшему франко-испано-австрийскому блоку. По мысли Панина, в «Северный аккорд» должны были включиться Дания, Англия, а также Швеция и Польша. Причем Панин сильно рассчитывал на Польшу в качестве будущего союзника.

Однако Н. И. Панину это не удалось, как не удалась и вся «Северная система». Ни Фридрих II, ни Екатерина II не были заинтересованы в сильной Польше. Фридрих вообще был против «Северной системы», заявляя: «Я нуждаюсь только в одном русском союзе и не хочу других». Что же касается Екатерины II, то она была за «счастливую анархию, в которую погружена Польша и которою распоряжаемся мы по своей воле». Сохранение в Польше так называемой республики постоянно воодушевляло Фридриха II на раздел этой страны, а с заключением договора с Россией эта идея стала не столь уж безнадежной. Длительные переговоры с Англией не дали желаемой помощи на случай войны с Турцией, они окончились лишь заключением в 1766 г. торгового договора.

Таким образом, «Северного аккорда» не получилось. Надежды на Швецию были так же тщетны, ибо при слабости государственной власти эта страна всерьез не могла быть принята.

Проблема «диссидентов». Вскоре после воцарения С. По-нятовского в Польше внутри страны вновь обострились противоречия между католиками и так называемыми диссидентами (православными и протестантами). Традиционная политика покровительства «диссидентам» позволила русскому правительству вмешаться в этот конфликт.

В «диссидентском вопросе» российская дипломатия выставила не только требование веротерпимости, но и уравнения «диссидентов» в гражданских правах. Однако именно это требование было встречено в штыки великопольскими кругами. Позиции российских дипломатов получали официальную поддержку послов Пруссии, Дании и даже Англии, хотя по существу последняя была глубоко равнодушна к проблеме «диссидентов», и долгие попытки русского посла в Лондоне получить денежную помощь для защиты «диссидентов» остались бесплодными.

Итак, с 1764 по 1768 г. Польша снова находилась в постоянном внутреннем напряжении. Тяжелая дипломатическая борьба по «диссидентскому» вопросу шла с переменным успехом. Положение короля в этой ситуации было незавидное. Целиком обязанный русской императрице, постоянно получавший от нее денежные субсидии, Станислав Понятовский буквально разрывался на части. «Если есть какая-нибудь человеческая возможность, внушите императрице, что корона, которую она мне доставила, сделается для меня одеждою Несса; я сгораю в ней, и конец мой будет ужасен», — так в отчаянии писал Понятовский своему послу в Петербурге.

В условиях полного бессилия короля повлиять на сейм вопрос о «диссидентах» стал решаться традиционным польским путем. Вожди

«диссидентов» образовали в марте 1767 г. конфедерации: одну в Торне, вторую в Слуцке. На сторону «диссидентов» был привлечен бывший литовский гетман Карол Рад-зивилл, и появилась католическая конфедерация в Ра доме.

Предстоял чрезвычайный сейм. Осенью 1767 г. русские войска были придвинуты к подступам Варшавы, но созванный в октябре 1767 г. сейм не удался, и его перенесли на февраль 1768 г. В феврале запуганный сейм все-таки решил «диссидентский вопрос». Католическая вера была объявлена господствующей. Король и королева могли быть только из римских католиков. Но вместе с тем «диссиденты» были уравнены во всех правах. Они отныне объявлялись способными занимать все посты, вплоть до сенаторских и министерских, им разрешалось вновь заводить свои церкви, школы, консистории, кладбища, госпитали, печатать богослужебные книги, разрешены были браки католиков и «диссидентов» и т. п.

Это был, несомненно, акт исторически прогрессивный. Вместе с тем этот успех российской дипломатии был коротким. Противники реформ образовали в 1768 г. конфедерацию в г. Баре (Барская конфедерация) и начали военные действия. Польша была ввергнута в анархию. 27 марта 1768 г. Сенат решил просить русскую императрицу обратить свои войска, находившиеся в Польше, на подавление мятежников. Очаги восстаний были подавлены в Люблине, Гнезне. Конфедераты устремились на юг, в Подолию, к турецким границам. Однако русские войска взяли Бар, Бердичев и вынудили конфедератов переместиться в Санок. В августе у конфедератов был взят штурмом Краков.

Как и ранее, появление русских войск на территории Западной Украины всколыхнуло народные массы на борьбу с ненавистным панским гнетом. В середине XVIII в. на территории Правобережной и Карпатской Украины усилились гонения на «диссидентов», что обострило классовую борьбу и национально-освободительное движение. В течение долгого времени здесь действовали так называемые опришки. В 1768 г. отдельные движения, как уже упоминалось ранее, слились в общее восстание, известное в истории под названием «Колиивщина», ядром которого стали казацкие отряды, прибывшие на Правобережье из Запорожья для борьбы с конфедератами во главе с Максимом Зализняком. Вскоре к ним присоединились отряды казацкого сотника Ивана Гонты. Восстание разрасталось. Его вожди уже объявили себя Брацлавским и Киевским воеводами. Волнения докатились до Львова. Но, как и прежде, российский царизм, боясь разрастания антифеодальной борьбы и захвата ею территорий Левобережья, предпочел собственноручно задушить восстание.

Однако борьба с конфедератами продолжалась. Кроме того, эта борьба все более затягивала Россию в пучину нового русско-турецкого конфликта.

§ 2. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и первый раздел Польши

Столкновение интересов в Молдавии и на Кавказе. Россия и Турция в XVIII столетии постоянно находились в напряженных отношениях, время от времени обострявшихся войнами. Противоречия между этими государствами были многообразны и сложны. Уже говорилось о тяжелейшей для России проблеме южных степных границ, о постоянной крымско-турецкой агрессии, наконец, о проблеме выхода России к побережью Черного моря, имевшего громадное значение для экономического развития страны. Однако столкновения России и Турции не исчерпывались лишь названными моментами. Довольно острыми были взаимоотношения этих стран из-за Молдавии.

В середине XVIII в. в Молдавии наблюдается интенсивный процесс закрепощения крестьян (царин). В 1776 г. был запрещен переход крестьян от боярина к боярину. Были узаконены новые повинности в пользу феодалов. Тяжким бременем лежали на резешах (крестьянах-общинниках) турецкие натуральные налоги. Масса косвенных налогов, единовременные поборы — все это тяжко сказывалось на положении народных масс. В 1759 г. вспыхнуло большое восстание в Яссах, во второй половине века разрослось гайдуцкое движение. Население края постоянно стремилось с помощью России освободиться от турецкого ига. Во время войн России с Турцией оно оказывало русским войскам посильную помощь.

Интересы России и Турции сталкивались и на Северном Кавказе. На обширной территории Северного Кавказа не было крупных государственных образований. Многочисленные народности, населявшие этот край, переживали в своем социально-экономическом развитии либо стадию разложения родового строя и складывания феодальных отношений (балкарцы, чеченцы, ингуши и т. д.), либо активное развитие феодализма (кабардинцы, часть осетин, население Дагестана и др.). Феодальные владетели (князья, ханы и т. д.) вели междоусобные распри, ослабляя тем самым силу сопротивления турецкой агрессии. В XVII–XVIII вв. западные районы Северного Кавказа были зависимы от крымского хана. Они должны были поставлять хану рабов из числа пленников или зависимых крестьян. Территория Дагестана служила объектом агрессии иранских правителей, но

овладеть Дагестаном Иран не смог, хотя часть владетелей считалась зависимой от него. Однако среди независимых были и такие, которые ориентировались на Россию. К русскому покровительству стремились и осетинские племена. В 40-х и 50-х гг. XVIII в. были неоднократные просьбы осетинских старшин о русском подданстве.

В связи с активизацией русской политики на Северном Кавказе, строительством линии крепостей стали более активными и турецкие эмиссары. Особенно бурную деятельность предприняло мусульманское духовенство, вовлекая в лоно ислама кабардинскую феодальную верхушку и многих черкесских князей. Древние христианские храмы, разбросанные по всему Северному Кавказу, были теперь в развалинах. Идеологическое влияние Турции проникало и в Дагестан. Однако простой народ был еще далек от влияния этой политики. Более того, «черный народ» Кабарды бежал от гнета своих феодалов за русскую границу, где в районе Кизляра и Моздока устраивались поселения.

Интересы Турции и России сталкивались не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье.

В тяжелейшем положении находилась Грузия, переживавшая в ту пору феодальную раздробленность. Три основных грузинских царства — Имерети, Кахети и Картли были разорваны между Ираном и Турцией. Нашествия иноземцев несли Грузии разорение, непосильный гнет, рабство. Надир-шах, например, лишь при вступлении на престол роздал в рабство своим подданным свыше 8 тыс. грузинских пленников, турецкие и иранские купцы продавали в рабство тысячи жителей Кахети и Картли.

В 1736 г. в Восточной Грузии вспыхнуло освободительное движение, и к середине XVIII в. она стала наконец фактически независимой. Кахети и Картли были объединены под властью одного правителя.

В условиях постоянной угрозы со стороны Ирана и Турции среди грузинских политических и государственных деятелей давно определилась русская ориентация. В 1750 г. Восточная Грузия возобновляет свои связи с Россией. В 1752 г. грузинские цари отправляют в Петербург своих послов с просьбой о помощи: «спасение мыслимо лишь в том случае, если русское правительство протянет Грузии руку помощи против врагов, которых еще много».

Еще более тяжелым было положение в Западной Грузии.

Здесь, как и в Восточной Грузии, в XVIII в. царила феодальная анархия. Защищая свои привилегии, грузинские феодалы шли на любые союзы. Они захватывали царские имения и крепости. Работорговля достигла своего апогея. Закрепощение крестьян здесь было сильнее, чем

где бы то ни было в Грузии. В итоге в руках турок было все побережье с целой цепью крепостей. На Имерети и Мегрелии лежала тягчайшая турецкая дань.

Центральная власть стала значительно сильнее с приходом на трон Соломона I, который начал вооруженную борьбус турками и одержал ряд побед (Хресильская битва 1757 г.). Соломон I пошел на союз с Восточной Грузией (1758–1770). И вновь борьба с турками ориентировала грузинских правителей на помощь России. В 1768 г., год начала русско-турецкой войны, в Петербург был снова послан посол — кутаисский митрополит Максим.

Наконец, еще один узел, где переплетались турецкие и российские интересы, — это Армения. Из всех государств Закавказья эту страну постигла едва ли не самая тяжкая участь. Огромная территория так называемой Западной Армении вошла в состав Османской империи, а Восточная Армения находилась под властью шахского Ирана. Армения, как и многие государства Закавказья, переживала в XVIII в. пору развития феодальных отношений с очень медленным прогрессом производительных сил. Внутренние раздоры и междоусобия феодалов усугубляли и без того тяжелое положение страны. Произвол и гнет турецких и курдских пашей, угон в рабство, наконец, уничтожение людских ресурсовАрмении — все это давало толчок к массовой эмиграции армян в Индию, ряд европейских стран, на Ближний Восток и т. д.

Большой эмиграционный поток шел и в Россию. Здесь образовались крупные армянские колонии в Моздоке, Григориа-поле, Кизляре, Нахичевани, на Дону. В середине XVIII в. до пятисот дворов насчитывала астраханская армянская колония. Большие поселения армян были в Москве и Петербурге. Армянское купечество играло заметную роль в российской внешней торговле и пользовалось многочисленными привилегиями. Армян охотно принимали на военную и государственную службу в России. В самой Армении в среде господствующих сословий были сильны тенденции сближения с Россией. Эчмиадзин-ские католикосы Яков и Симеон в 60-х гг. XVIII в. неоднократно обращались к Елизавете и Екатерине II с посланиями и специальными посланцами в Петербург и ставили вопрос о покровительстве России армянскому народу. Таким образом, Турция и Россия имели многочисленные точки столкновений интересов.

Несмотря на то что в XVIII в. Турция начинала испытывать симптомы упадка, ее агрессивные замыслы, и в частности виды на Подолию, были по-прежнему широки и честолюбивы.

Обострение отношений и начало войны. Дипломатический конфликт,

приведший к войне 1768–1774 гг., разгорался с неуклонным crescendo. Французские посланники в Константинополе по мере развития борьбы по «диссидентскому вопросу» все резче и решительнее убеждали турецкие правительственные круги в том, что Россия полностью завладела Польшей и уничтожает ее традиционные вольности. На каждое подобное заявление турецкие правители реагировали очень болезненно.

Сильное обострение отношений произошло летом 1767 г., когда Турция получила сведения о вторжении русских войск в Подолию. В это же время вожди конфедератов, обращаясь к Турции, восклицали, что кроме Бога Польша может получить помощь только от Порты.

В этих условиях разрыв с Турцией был неминуем. 25 сентября 1768 г. великий визирь потребовал от русского посланника А. М. Обрезкова немедленной гарантии отмены всех постановлений февральского сейма в Польше по вопросу о «диссидентах». Русский посланник, разумеется, такой гарантии дать не мог, тут же был подвергнут аресту, и тем самым России была объявлена война.

Надо сказать, что военные ресурсы России после Семилетней войны были в наилучшем состоянии, чем у кого-либо в Европе. Армия накопила значительный опыт, на вооружении были новые образцы оружия. Боевой опыт вождения войск был накоплен и генералитетом. Возможно, это и имела в виду Екатерина II, когда, узнав о войне, довольно самоуверенно писала графу П. С. Салтыкову: «Не первый раз России побеждать врагов: опасных побеждала и не в таких обстоятельствах, как ныне находится».

В начале ноября при императрице был созван совет из ближайших сановников. Помимо действия двух основных армий в Молдавии и Валахии, было решено срочно воздвигнуть крепости в Азове и Таганроге, оборудовать гавани и строить флот для Черного моря. В Грузию немедленно был отправлен посол для вовлечения Имерети и Картли-Кахети в военные действия против Турции. По получении согласия на Кавказ был послан для помощи корпус во главе с генералом Г. К. Г. Тотлебеном и денежная субсидия.

Для подрыва тылов Блистательной Порты в Грецию и Черногорию были посланы специальные эмиссары, дабы поднять греков и славян на борьбу с турецким игом. Для их поддержки из Балтики была послана большая эскадра под командованием адмирала А. Г. Спиридова.

Военные действия открыл крымский хан Крым-Гирей, вторгнувшийся в середине января 1769 г. в пределы России. Опустошив русские земли и территорию своих «друзей-поляков», хан вернулся в Крым, захватив около тысячи пленных. Второй набег татар был сделан возле Бахмута.

Бои в Молдавии. В апреле русские войска устремились к крепости Хотин с целью не допустить соединения турок с конфедератами. Но первые два похода были неудачны. Командующий войсками князь А. М. Голицын был снят. Правда, перед отъездом он все-таки взял Хотин 10 сентября 1769 г., а 26 сентября — город Яссы. Это было первое сильное поражение турок. Затем русские войска взяли Бухарест. Молдавский и валашский господари попали в плен, но население Молдавии и Валахии восторженно приветствовало русские войска и оказывало им поддержку, в том числе и отряды валашского вельможи Кантакузина. Молдавия вскоре присягнула России.

Кабарда вошла в состав России. Тем временем закавказский корпус генерала Тотлебена добрался до грузинских пределов. Второй, кубанский, подошел к Кабарде. Крымский хан настойчиво требовал от кабардинцев поддержки Турции. Но простой народ Кабарды открыто объявил о поддержке России. «Они, холопы, такое намерение имеют, — писал русский агент в Кабарде Е. Чорин, — что как бы скоро войско российское… подошло, тотчас предастся к нему, а через то владельцы и уздени их обессилеют и противиться уже не могут». После ряда побед корпуса И. Ф. Медема Кабарда присягнула на подданство России. В этот период была принята и давняя просьба о подданстве осетин.

В 1770 г. Россия одержала над Турцией еще более крупные победы. Начался этот год сражениями войск И. М. Подгорича-ни и Г. А. Потемкина под Фокшанами и Журжею. Главная армия П. А. Румянцева долго стояла в Подолии, не рискуя вторгнуться в пределы Молдавии, так как Молдавия была сплошь разорена и выжжена турками. Это создало серьезные осложнения в снабжении войск провиантом и фуражом. Румянцев обещал населению не взимать никакие подати взамен снабжения войск за счет местных жителей. В мае 1770 г., имея трехмесячный запас продовольствия, П. А. Румянцев перешел Днестр у Хотина. Это был тяжелейший поход в условиях проливных дождей и полного бездорожья. Но самое главное — в войска проникла чума.

В июле едва насчитывающее 40 тыс. человек войско Румянцева на устье реки Ларги встретилось с 80-тысячным войском турок и татар. Искусный полководец блестяще выиграл сражение малыми силами. Спустя едва две недели на берегах реки Кагула у Троянова вала русское войско Румянцева численностью около 20 тыс. имело сражение со 100-тысячным полчищем Холил-бея, обратив его в бегство. Противник потерял убитыми около 20 тыс. человек. Русские войска заняли Измаил, Килию, Аккерман. После долгого и упорного сопротивления турки осенью 1770 г. сдали

Браилов и Бендеры.

Действия флота. Чесменский бой. Лето1770 г. было отмечено и блестящими победами русского флота в Эгейском море у берегов Турции. Совершив тяжелейший 200-дневный переход из Балтики в Средиземное море, обессиленная эскадра Г. А. Спиридова стала на якоре у берегов Морей. На помощь ей была послана вторая эскадра. В мае обе эскадры соединились, и теперь флот гонялся по морю в поисках турок. Наконец, 24июня у входа в Хиосский пролив русские флотоводцы увидели огромную эскадру турецкого флота. «Увидя оное сооружение, ужаснулся я, — писал А. Г. Орлов Екатерине II, — и был в неведении, что мне предпринять должно». Бой длился четыре часа, и турецкий флот отступил, укрывшись в Чесменской бухте. В ночь на 26 июня 1770 г. русские корабли двинулись в атаку. Начался знаменитый Чесменский бой. Русские моряки-брандеры на шлюпках прицеплялись к громадинам кораблей и поджигали их. Обширное зарево осветило страшную картину горящих обломков судов. К утру турецкого флота не стало. А летом 1770 г. из войны вышли ногайские орды и приняли покровительство России.

Дипломатия Пруссии и Австрии. Успехи России в войне, одержанные ею ценой немалых жертв, буквально ошеломили Европу. Победы России активизировали дипломатов Австрии и Пруссии. Австрия со своей стороны вступила в переговоры с Турцией, желая узнать о величине награды за посредничество в переговорах и поддержку Турции. Одновременно через своих послов обе державы прощупывали позицию России. Это заняло 1770, 1771 и частично 1772 г.

Столь долгие торги были обусловлены сложностью ситуации. И Австрия, и Пруссия решили объединить с русско-турецким миром польский вопрос, т. е. реализовать раздел Польши. Эта тема давно была на устах многих европейских деятелей. Теперь ситуация существенно изменилась. Выторговывая мир, выгодный Турции, Пруссия тем самым рассчитывала вырвать у России так долго ожидаемое согласие на раздел Польши. Причем в виде компенсации за невыгодный для России мир с Турцией Фридрих II щедро предлагал Екатерине II любой кусок Польши при ее разделе.

У Австрии позиция была несколько иной. Для нее важным был польский вопрос, но еще важнее было не допустить усиления позиций России за счет Турции.

Таковы были, так сказать, исходные позиции в долгой дипломатической борьбе за раздел Польши.

Международную обстановку дополняли и другие штрихи. Борьба с

конфедератами в Польше приобретала затяжной характер. Конфедераты предложили договор Турции, уступая ей Киевскую область взамен поддержки в войне с Россией, но неудачи Турции толкнули конфедератов в объятия Франции, и та послала для организации боевых действий в Польше своего генерала. Усилением России была явно недовольна и Англия. Все это приводило к тому, что, несмотря на поражения, турецкий султан упорно отвергал переговоры.

Победы в Крыму. В 1771 г. Россия, сосредоточив боевые действия в Крыму, пошла на штурм Перекопа, который защищало около 60 тыс. татар и турок во главе с самим ханом Се-лим-Гиреем. 14 июня Перекоп был взят. Вновь начались переговоры об условиях мира. Чтобы ускорить их ход, русские войска взяли Кафу, Керчь и Еникале. Это подействовало на крымцев. 27 июля Ю. В. Долгорукому было объявлено об утверждении вечной дружбы с Россией и вручен присяжный лист со 110 подписями татарских вельмож. Ханом стал Сагиб-Гирей.

В итоге Россия сформулировала свои условия мира с Турцией: 1) независимость Крыма, 2) свобода плавания русских судов по Черному морю, 3) независимость Валахии и Молдавии, 4) передача России одного из островов в Эгейском море, так как население многих островов принимало подданство России.

Вмешательство Австрии и Пруссии в мирные переговоры. Такие условия не устраивали Австрию, и она выдвинула другие, по которым России отходил Азов с округом, Большая и Малая Кабарда, объявлялась свобода плавания по Черному морю и Россия получала денежную компенсацию за потери в войне. За реализацию этого Австрия должна была по проекту конвенции И. А. Ф. де Тугута получить от Турции 34 млн гульденов и Малую Валахию. Король Пруссии, в отличие от Австрии, соглашался на независимость Крыма, а за возврат Турции Валахии и Молдавии сулил России большую долю польской территории.

Тем временем 1771 г. с его чумой, поразившей войска и докатившейся до Москвы, неудачи на Кавказе, туманные перспективы в войне с конфедератами, военные демонстрации Австрии на границах — все это повлияло на позиции России, и она была вынуждена объявить, что Дунайские княжества можно будет вернуть Турции при условии принятия других пунктов. Итак, Россия уступала, несмотря на то что население Молдавии и Валахии выражало определенное стремление остаться в русском подданстве.

Австрия начинает раздел Польши. Тем самым идея раздела вновь приблизилась к своей реализации. Более того, фактический раздел Польши

уже начался. В 1770 г. Австрия захватила польские области Ципсе, Новиторга, Чорыстани, Ве-лички и Бохни. Фридрих II одобрил этот захват, и австро-прусское сближение усилилось. В этих условиях екатерининское правительство наконец решилось на раздел Польши.

В итоге длительных переговоров в 1772 г. три державы пришли к согласию: Австрия захватила Галицию, Пруссия — Поморье и часть Великой Польши. Россия не претендовала на земли с коренным польским населением и получила Восточную Белоруссию с границами по Западной Двине, Друти и Днепру. Важным моментом раздела было обязательство Австрии содействовать России в заключении мира с Турцией.

Борьба России за мир. Военные победы 1771 г. сделали турок более уступчивыми, и после объявления со стороны России об отказе от требований независимости Валахии и Молдавии Турция заключила в мае 1772 г. перемирие и согласилась на открытие переговоров в Фокшанах.

Конгресс в Фокшанах открылся 27 июля 1772 г. Однако переговоры быстро зашли в тупик. Турки и слышать не хотели о предоставлении Крыму независимости. Фокшанский конгресс ввиду неуступчивости обеих сторон был распущен. Но менее чем через 2 недели Турция предложила новые переговоры в Бухаресте и продление перемирия. Новый конгресс в Бухаресте открылся 29 октября, а перемирие продлено до 9 марта. Теперь почти все пункты будущего договора были обговорены, но Турция не соглашалась на передачу России Керчи и Еникале. В марте 1773 г. переговоры прервались.

Еще в феврале 1773 г. главнокомандующий дунайской армией фельдмаршал П. А. Румянцев получил наказ: походом за Дунай вынудить мир силой оружия. России срочно нужен был мир, ибо резко ухудшилась обстановка на Балтике. В Швеции прекратилось равновесие придворных партий («шляп» и «колпаков»), произошел переворот, который привел к усилению королевской власти Густава III. В связи с этим усилилась и опасность шведского нападения на Россию. Однако военная кампания лета 1773 г. для России была неудачна, как и кампания в октябре 1773 г.

Тем временем правительственные круги России уже примирились с мыслью об отдаче Еникале и Керчи и готовы были настаивать лишь на Кинбурне. Все это решено было применять лишь на самый крайний случай.

Пакт о мире в Кючук-Кайнарджи. В июне 1774 г. русские войска вновь совершили рейд за Дунай. Турки потерпели сразу несколько поражений, и особенно сильное под городом Козлуджи, где А. В. Суворов разбил их 40-тысячное войско. Турецкие соединения стали отступать и вскоре запросили мира. Основательно поманежив их, П. А. Румянцев наконец вступил в

переговоры. 10 июля 1774 г. в деревеньке Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор. Его условия были следующими: Крымское ханство объявлялось независимым. Крепости Керчь, Еникале и Кинбурн со степью между Бугом и Днепром переходят к России. Черное и Мраморное моря объявлены свободными для торговых судов подданных России. Во владение России переходит Кабарда. Грузия освобождается от тяжелейшей дани юношами и девушками, отправляемыми в Турцию. Права народов, подвластных Турции (молдаван, румын, греков, славян, грузин и т. д.), несколько расширялись. Наконец, Турция уплачивает России 4,5 млн руб. за военные издержки.

Так окончилась еще одна тяжелая, стоившая вновь многих жертв, но облегчившая положение многих народов война. Так окончился один из этапов сложнейшей дипломатической борьбы в Европе. Это был крупный успех внешней политики России, существенным образом выполнивший основные задачи, поставленные правительством Екатерины II.

§ 3. Война на два фронта

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. Могущество России и рост ее влияния на международное положение в Европе в этот период были продемонстрированы отказом России на просьбу Англии в 1775 г. послать русских солдат (20-тысячный корпус) для участия в войне с Североамериканскими штатами. Возможно, в этом проявилось охлаждение России к Англии и недовольство монополией англичан в балтийской торговле России. Так или иначе, но Россия, пользуясь небывалым ростом своего международного авторитета, в 1780 г. выступила со знаменитой «Декларацией вооруженного нейтралитета», направленной против деспотических действий Англии на море. К декларации сразу же присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия и Австрия. Вооруженный нейтралитет признали Франция, Испания и США.

Еще ранее Екатерина II умела проявить свою силу и влияние в Европе. Речь идет о войне Пруссии и Австрии из-за Баварии, вспыхнувшей в 1778 г. Война эта была прекращена грозным окриком России, в ультимативной форме потребовавшей ее прекращения. В итоге Тешенского мира влияние и Австрии, и Пруссии было заметно ослаблено. Но Фридрих II был вынужден искать по-прежнему союза с Россией.

Ввиду столь стремительно возросшего авторитета в Европе русское правительство не было особенно обеспокоено непрочностью Кючук-

Кайнарджийского мира, и его министры довольно решительно реагировали на все акции Турции, убеждающие в том, что независимости Крыма от Турции практически нет.

Курс на присоединение Крыма. Поэтому русское правительство берет курс на присоединение Крыма к России, однако делало оно это весьма осторожно. В 1778 г. около 30 тыс. армян и греков были переселены из Крыма в южные губернии России. Тем самым Петербург серьезно подорвал экономический потенциал ханства и сделал его более зависимым от России.

В 1779 г. принятием Айналы-Кавакской конвенции турки признали русского ставленника в Крыму Шагин-Гирея ханом, а территория между Южным Бугом и Днестром с согласия России закрепилась за Турцией. Был подтвержден и мир 1774 г. Но борьба не прекратилась. Вскоре Турция снова неоднократно нарушает мир и предпринимает захват кубанских владений крымского хана, подняв ногаев. В 1782 г. турки устроили мятеж против Шагин-Гирея, который бежал под защиту русских войск в Еникале. Вопрос о Крыме был тем самым предрешен. В 1780 г. состоялась встреча Екатерины II и Иосифа II. Итогом всего этого было соглашение о взаимной помощи на случай нападения Турции. Соглашение гарантировало вместе с тем целостность Польши и предусматривало противодействие прусским претензиям к Польше.

Зная позицию Австрии, в 1783 г. Екатерина II публикует манифест об отречении Шагин-Гирея и присоединении Крыма к России. Через два месяца население Крыма официально присягнуло Екатерине II. Остались мятежными лишь ногайские мурзы на Кубани, но их вскоре разгромили. В январе 1784 г. Турция косвенно признала присоединение Крыма и Прикубанья к России.

Так была окончена многовековая борьба с татаро-турецкой агрессией на юге России. Выход России к Черному морю имел громадное значение для экономического развития обширных земель не только степной зоны, но и старого черноземного центра России. С выходом к морю стремительными темпами растет колонизация и освоение огромных безлюдных пространств с плодороднейшими почвами, строятся порты, развивается торговый флот. Уже в 1784 г. гавани Херсона, Севастополя и Феодосии стали открытыми для дружественных стран. Был заключен ряд торговых договоров. Решение черноморской проблемы было, таким образом, прогрессивным актом внешней политики России в XVIII столетии.

Георгиевский трактат. Одновременно с событиями в Причерноморье существенные сдвиги в соотношении сил России и Турции произошли в

Закавказье. В 1782 г. Ираклий II официально обратился к русскому правительству с просьбой о протекторате. В крепости Георгиевск 24 июля 1783 г. был подписан так называемый Георгиевский трактат. Отныне царь Кахети и Картли признавал верховную власть лишь русского государя, а Грузия участвовала в войнах России и отказывалась от права вести самостоятельные дипломатические отношения с государствами. Россия же принимала на себя обязательство защиты грузинских владений и возвращения земель Грузии, захваченных у нее врагами.

Заключение Георгиевского трактата было важным политическим событием как для России, так и для всего Закавказья, так как облегчало многовековую борьбу народов Кавказа против ига Ирана и Турции.

Опасаясь войны с Турцией, русское правительство было вынуждено отказаться от заключения аналогичного соглашения с Западной Грузией, но война назревала стремительными темпами.

Турецкие государственные деятели стремились любыми средствами воспрепятствовать усилению России на Черном море и теперь готовы были в любой момент открыть военные действия. Дело было лишь за минимальными военными приготовлениями. Но эти приготовления Турции помешали выполнить Англия и Пруссия.

Уже говорилось об охлаждении англо-русских отношений. Что касается Пруссии, то она рассчитывала ослабить Россию войной с Турцией и захватить новые земли в Польше.

Таким образом, ситуация в Европе снова довольно сильно изменилась. Англия и Пруссия всячески подстрекали Турцию к открытию военных действий. Не удержалась от искушения ослабить Россию и Франция. Все это создавало крайне неблагоприятную обстановку для России, очутившейся лицом к лицу с отрицательными последствиями своего могущества, приобретенного в последней войне. Не была надежна и новая союзница Австрия.

Турция развязывает новую войну. Итак, неблагоприятная внешнеполитическая обстановка да еще сильнейший неурожай 1787 г. внутри страны делали единственно возможной для России тактику оттягивания конфликта, но Турция перешла в наступление.

Летом 1787 г. рейс-эфенди потребовал от России признания верховной власти Турции над Грузией и допуска в Крым турецких консулов. К этим требованиям присоединились нарушения турками соглашения, достигнутого в 1784 г. и положившего конец их произволу в смещении молдавских и валашских господарей. Турция 15 августа предложила русскому посланнику в Константинополе Булгакову немедленно вернуть

Крым, чего посланник сделать не мог. Как обычно в таких случаях, посланник был арестован, и это было объявлением войны.

Военные действия развернулись очень быстро. Уже 21 августа 1787 г. турецкий флот напал на русские сторожевики возле Кинбурна. Сюда же в сентябре был направлен турецкий десант, а в начале октября — второй десант, более крупный (5 тыс. человек.). Но так же, как и первый, он был полностью истреблен, несмотря на то что гарнизон Кинбурна под командой А. В. Суворова насчитывал едва 3 тыс. человек. Разгром турок сорвал их попытки овладеть с моря Крымом и уничтожить главную гавань — Севастополь.

Швеция объявляет России войну. С началом военных действий обстановка в Европе стала еще более неблагоприятной для России. Правда, союзница России Австрия с января 1788 г. вступила в войну с Турцией, но ее участие было скорее символическим. Стремясь сорвать поход русской балтийской эскадры в Средиземное море, Англия весной 1788 г. запретила России нанимать английские транспортные суда, делать закупки продовольствия и наем моряков. Летом 1788 г. был создан Тройственный союз, направленный против России. В нем участвовали Англия, Пруссия и Голландия. Наконец, Пруссия, Англия и Турция добились, и это кардинально ухудшило обстановку, военного нападения на Россию Швеции.

Как уже упоминалось, недавний переворот в Швеции и усиление власти короля Густава III в корне изменили положение. Вновь была создана благоприятная почва для реваншистских замыслов. В июне 1788 г. шведские войска осадили крепости Нейшлот и Фридрихсгам. Вступил в действие и шведский флот, вошедший в Финский залив. Густав III, с подачи Пруссии и Англии, предъявил России на редкость агрессивные требования: вернуть все земли, завоеванные Россией со времен Петра I, вернуть Турции Крым и т. д. Нереальность претензий Швеции была бы очевидной, если бы за ее спиной не стояли Англия и Пруссия.

Военные действия в 1788 г. ограничились лишь действиями на море. Сражение со шведским флотом у острова Гогланд в июле 1788 г. выиграли русские и тем самым пресекли попытки Густава III овладеть Петербургом. В августе в войну против Швеции вступила Дания, осадив Гётеборг. Однако тут же Дания подверглась сильнейшему дипломатическому демаршу со стороны Англии и Пруссии и прекратила войну.

Взятие Очакова. Переключим теперь свое внимание на главный театр военных действий, на юг России. В 1788 г. боевые действия русской армии сосредоточились на штурме важнейшей турецкой крепости Очаков. Здесь

действовала 132-тысячная армия Г. А. Потемкина и Черноморский флот, так как в гавани Очакова стояли основные силы турецкого флота (около 100 боевых единиц). Боевые действия начались на море. В сражении у острова Змеиного победила эскадра под командой выдающегося русского флотоводца Ф. Ф. Ушакова. В Днепров-ско-Бугском лимане была уничтожена турецкая гребная флотилия. Турки понесли огромные потери в людских силах (около 6 тыс. убитых и раненых и около 2 тыс. пленных).

В декабре 1788 г. русские войска предприняли решительный и успешный штурм Очакова. Несколько ранее 50-тысячная армия П. А. Румянцева взяла Хотин. Летом 1789 г., когда турецкие войска численностью в 30 тыс. человек, форсировав Дунай, взяли направление на Фокшаны, австрийцы стали отходить и призвали русских на помощь. Союзников выручил 10-тысячный корпус А. В. Суворова, который после стремительного суточного перехода с ходу атаковал турок при Фокшанах. После 9 часов упорного сопротивления турки не выдержали штыковой атаки и бежали. К сожалению, успех этой победы по воле Потемкина не был развит наступлением русских войск.

Победа Суворова при Рымнике. Еще более значительная победа была одержана блистательным стратегом А. В. Суворовым при разгроме осеннего наступления 100-тысячной армии Оттоманской империи. Соединив свои силы (7 тыс. человек) с австрийскими (18 тыс. человек), Суворов, использовав разведку, внезапно напал на турок, стоявших тремя группами между реками Рымна и Рымник. 11 сентября 1789 г. прославленный полководец поочередно разбил все три группировки противника, потеряв при этом 45 человек убитыми и 133 человека ранеными. Турки потеряли убитыми около 17 тыс. человек. Секрет этого феноменального успеха был в высокой выучке войск, смелости маневра и боевых качествах русского солдата.

Столь громадное поражение турок решило успех кампании 1789 г. Россия продвинула свои войска до низовья Дуная. Были взяты крепости Гаджибей, Аккерман, Бендеры. Русские войска заняли прочные позиции между реками Днестр и Серет. Под влиянием поражений Турция вступила было в переговоры о мире, но под нажимом Англии и Пруссии отказалась от них. Война для России продолжалась и с Турцией, и с Швецией.

Тем временем Англия и Пруссия продолжали энергичные акции против России. Пруссия немало потрудилась, чтобы в Польше резко увеличились антирусские силы, и Россия в 1789 г. была вынуждена вывести оттуда свои войска. В 1790 г. Пруссии даже удалось заключить союзный договор с Польшей (такова была ирония судьбы!). Двойной нажим Англии

и Пруссии и прямые угрозы объявления войны заставили в 1790 г. Австрию выйти из войны.

Взятие Измаила. Это осложнило положение России, тем не менее кампания 1790 г. была для нее успешной. Прежде всего это был ряд важных побед Черноморского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова, захват ряда крепостей и знаменитый штурм Измаильской крепости с ее восьмиметровым валом и рвом шириною в 12 м. Гарнизон ее насчитывал 25 тыс. регулярного войска с 265орудиями. Блокада Измаила началась в сентябре 1790 г. На утро 11декабря был назначен штурм. Русские войска устремились на крепость одновременно со всех сторон девятью штурмовыми колоннами. К 8часам утра первые отряды ворвались в крепость. Однако турки оказывали отчаянное сопротивление, отдавая с боем каждый дом и каждый камень. В итоге шестичасовой схватки крепость была взята страшным для турок «оружием российских штыков». Потери турок были огромны — 26 тыс. убитых и 9 тыс. пленных. Потери войск А. В. Суворова — 5 тыс. убитых. Этот штурм вошел в историю русского военного искусства как беспримерный героический подвиг русских воинов во главе с одним из величайших полководцев России.

Успешны были и действия России в войне со Швецией. В 1789 г. русские войска предприняли наступление в Финляндии. Флот России выиграл сражение в Роченсальме. Весной 1790 г. русские моряки выиграли еще два морских сражения со шведами (у Красной Горки), но одно сражение проиграли.

Штурм Измаила, а главное, успехи русских в Швеции подействовали отрезвляюще на ее правительство. В марте 1790 г. начались мирные переговоры, и в августе они завершились заключением мира на условиях status quo ante bellum. Это было несомненным поражением английских и прусских дипломатов.

Окончание войны 1787–1791 гг. Однако Англия была далека от признания этого поражения. Наоборот, она вновь напрягла все силы для достижения своей цели. У. Питт сосредоточился теперь на создании в Европе антирусской коалиции, куда должны были войти Пруссия, Турция, Дания, Швеция и даже Польша. Разрыва с Россией добивались и от Австрии. Для русской дипломатии это было тяжелейшим испытанием. Понадобилась неистощимая гибкость, ловкость и осторожность, чтобы нейтрализовать нажим Англии и Пруссии. А речь шла уже о предъявлении России ультиматума в 10-дневный срок с требованием отказа от завоеванного Очакова и принятия английского посредничества в переговорах с Портой. Сама Англия уже готовила войну с Россией.

Екатерининское правительство срочно перебазировало войска на запад и довооружило Балтийский флот (до 32 линейных кораблей).

Но война не состоялась, во-первых, потому, что общеевропейской коалиции не получилось: лишь Турция готова была продолжать безнадежную для нее войну. Во-вторых, У. Питт недооценил быстро растущую оппозицию его политике внутри страны.

Огромный военный авторитет русской армии, слава о ее непобедимости, заинтересованность определенных кругов английской буржуазии в торговле с Россией — все это сделало идею войны Англии с Россией крайне непопулярной. Тройственный союз развалился. Обстановка для России стала более благоприятной. Правда, оставалась еще Турция, но кампания 1791 г. и новые победы русской армии и русского флота заставили Порту заговорить о мире.

В июле 1791 г. главнокомандующий русской армией князь Н. В. Репнин подписал в Галаце предварительные условия мира. Вслед за этим в Яссах начался конгресс. Турция по Ясскому договору от 29 декабря 1791 г. уступала России все земли Причерноморья до реки Днестр, отдавала Очаков. Турция обязывалась также не допускать нападений ахалцихского паши на царя Картли и возместить ущерб за набеги на Северном Кавказе. Но вместе с тем Молдавия, Бессарабия и Валахия оставались по-прежнему в руках Порты, а вопрос о протекторате Грузии не был решен.

Так окончилась вторая тяжелейшая для России война с Турцией.

§ 4. Россия и Французская революция 1789 г. Второй и третий разделы Польши

Одновременно с событиями русско-турецкой войны Европу потрясла грандиозная эпопея Французской буржуазной революции. В России, как и в других странах Европы, события во Франции прежде всего приковали внимание и вызвали восхищение всех представителей русской демократической общественной мысли. В то же время российское дворянство отнеслось к ним очень настороженно, а потом проявило открытую враждебность. В петербургских придворных кругах вначале попросту не поняли серьезности происходящих во Франции событий, а поняв, затаили злобу. Придворное общество немедленно выбросило из своего обихода все «просветительские игрушки» в виде сочинений французских энциклопедистов, скульптурных портретов Вольтера и проч. Сама Екатерина II, поняв грозу революции, прониклась глубокой

ненавистью к любым течениям революционной Франции — и радикальным, и умеренным. Всем подданным России было приказано немедленно покинуть Францию. Внутри страны царила реакция. Екатерина беспощадно расправилась с А. Н. Радищевым, Н. И. Новиковым, Иоганном Мельманом и т. д. Более того, царизм впервые взял на себя активную роль в организации интервенции монархических государств против революционной Франции.

Французская контрреволюция возлагала на русскую императрицу большие надежды и держала ее в курсе всех своих политических комбинаций. Екатерину II просили «впредь руководить всеми их демаршами». Русская царица способствовала ликвидации раздоров между королевской «партией» и «партией принцев». Она оказывала щедрую финансовую поддержку контрреволюции, выделив лишь на наем войска неслыханно большую сумму в 2 млн руб. Она организовала общий дипломатический демарш европейских держав с требованием свободы Людовику XVI.

С окончанием войны со Швецией Екатерина II сумела договориться со шведским королем Густавом III о походе его войск против Франции, оказав ему помощь денежной субсидией. К России и Швеции примкнула Австрия, а потом целый ряд европейских держав (Пруссия, Испания, Сардиния, Неаполь). Англия гарантировала свой нейтралитет. Так сформировалась первая коалиция против революционной Франции. Густав III, Леопольд II и Екатерина II разработали план интервенции.

Но так случилось, что Леопольд II в разгар подготовки неожиданно умер (по слухам, его отравили), а буквально спустя две недели в середине марта 1792 г. в результате заговора погиб другой вдохновитель интервенции Густав III. Это сильно задержало выступление интервентов. К тому же революционная Франция сама объявилавойну Австрии и Пруссии.

Тем временем в 80-х гг. отношения России и Польши весьма осложнились. В Польше быстро падало русское влияние. Прусские дипломаты неустанно трудились над дальнейшим ухудшением польско-русских отношений. Польский сейм в конце 80-х гг. упразднил так называемый Постоянный совет, резко увеличил военные силы. Россия вынуждена была вывести из Польши войска и продовольственные склады. Польша запретила проход войск России через свою территорию к границам Турции. Сейм единолично ликвидировал русские гарантии польского государственного строя и заключил союз с Пруссией, направленный против России. В 1791 г. новая конституция в Польше отменила пресловутое liberum veto и тем самым серьезно укрепила государственный строй

страны. Все это внушало тревогу Екатерине И. Великодержавная стратегия царизма не могла примириться с произошедшим. В итоге царизм решился на новый раздел несчастной Польши.

С окончанием русско-турецкой войны царское правительство вновь готово было ввести свои войска в Польшу, о чем вело переговоры с Австрией, но смерть Леопольда II временно вывела Австрию из игры. Последовало быстрое русско-прусское сближение. Участие Пруссии в интервенции против Франции было обусловлено разделом Польши. Летом 1792 г. между Пруссией и Россией подписан союзный договор, а в январе 1793 г. последовал договор о втором разделе Польши. Пруссия получила коренные польские земли — Гданьск, Торунь и часть Великой Польши, а Россия — Белоруссию и Правобережную Украину.

Тем временем события, связанные с интервенцией против Франции, развивались следующим образом. Прусско-австрийские войска вторглись на территорию Франции 17 августа 1792 г., но 20 сентября австро-прусские войска потерпели от революционных сил грандиозное поражение под Вальми. Коалиция против Франции развалилась. Однако борьба еще не была окончена.

Известие о казни Людовика XVI в январе 1793 г. потрясло русское придворное общество. Екатерина II «слегла в постель и больна и печальна», двор оделся в траур. С Францией окончательно были порваны дипломатические и торговые отношения. Все французы, признавшиереспублику, должны были в трехнедельный срок покинуть Россию. При ввозе книг в Россию была установлена строжайшая цензура в Петербурге, Москве, Риге, Одессе и Радзивилловской таможне. Были запрещены и многие русские издания, например трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» и др.

Успехи революционной Франции встревожили Англию, которая выставила перед французским Конвентом ряд невыполнимых требований. 1 февраля Франция объявила войну Англии, а 25 марта заключено было англо-русское соглашение по координации действий против Франции. Для французских судов были закрыты все порты этих держав, приняты меры и для воспрещения торговли Франции с нейтральными державами. В Россию для переговоров об организации новой интервенции прибыл граф д'Артуа, младший брат Людовика XVI. В Лондон отправились русские военные корабли для усиления морской блокады Франции.

После нового поражения войск интервентов в июне 1794 г. державы Тройственного союза, заключенного между Англией, Россией и Австрией в конце 1795 г., предприняли организацию нового похода против Франции. В

нем должен был принять участие 60-тысячный экспедиционный корпус русских войск, и только внезапная смерть русской императрицы помешала реализации этого плана.

События борьбы монархических держав Европы с Французской революцией тесно переплетались, как мы уже видели, с польским вопросом. В Польше второй раздел усилил национально-освободительное движение. Весной 1794 г. вспыхнуло мощное крестьянское восстание, во главе которого встал Тадеуш Костюшко. Движение приняло широкий размах и носило вместе с тем ярко выраженный антифеодальный характер, так как одним из требований восставших была свобода от крепостной зависимости. Однако своекорыстная позиция польской шляхты, не желавшей таких уступок, ослабила общее движение и предопределила его поражение.

Вслед за подавлением восстания в 1795 г. Россия, Австрия и Пруссия предприняли третий и последний раздел Польши. Отныне Польша как государство прекратила свое существование. По третьему разделу к России отошли Западная Белоруссия, Литва, Курляндия и часть Волыни. Австрия и Пруссия захватили собственно польские земли, включая Варшаву и Краков. Русский царизм, хотя и не захватил коренные польские территории, однако нес полную ответственность за историческую трагедию польского государства. Вместе с тем объединение великорусских, белорусских и украинских земель являлось несомненным прогрессивным актом для развития этих народов.

Глава 15. Император Павел I

§ 1. Контрреформы Павла I

Екатерина II умерла 6 ноября 1796 г. Мать была еще в агонии, но у сына не хватило терпения и выдержки дождаться ее конца — он приступил к стремительным действиям, так как слишком долго ждал этой поры. Начал Павел с того, что опечатал срочно все бумаги Екатерины II, завернув их в скатерть, бывшую тут же. Были опечатаны также и бумаги последнего екатерининского фаворита Платона Зубова.

Сделано это было, видимо, потому, что Павел боялся, что слухи о желании Екатерины II назначить наследником не его, а Александра Павловича, могут найти подтверждение в этих бумагах. По приказу Павла священнослужители произвели традиционный обряд над умершей императрицей. Присутствующие во дворце тут же были приведены к присяге новому императору Павлу I. Вскоре присягнули войска и население.

Первое же распоряжение Павла было на редкость странным. Он приказал хоронить Екатерину II вместе с… Петром III. В Александро-Невской лавре вскрыли могилу Петра III. Павел совершил над останками отца нечто вроде обряда, надев на него корону. Затем состоялись торжественные похороны Екатерины II и Петра III в Петропавловском соборе. В этом было что-то мистическое. Одни толковали о том, что это, мол, обряд примирения отца с матерью, другие — что Павел I стремился реабилитировать отца. Подспудно за этим, возможно, крылось стремление Павла I покончить с произволом XVIII в. в вопросах престолонаследия. Недаром же 5 апреля 1797 г. был издан указ о престолонаследии и учреждение об императорской фамилии. С этого момента наследниками престола могли быть лишь представители мужской восходящей линии потомства и только при отсутствии таковых наследниками становились дядья и т. д.

В целом же в политике Павла I наряду с правомерными действиями было немало такого, что шло нарочито вразрез с законодательством Екатерины II. Вместе с тем в распоряжениях Павла I в известной мере отразилась и специфика его личности.

Новый император, которому было уже 42 года, обладал тяжелым и странным характером. В далеком детстве это был живой, веселый и очень

впечатлительный мальчик, окруженный многочисленной придворной прислугой, но лишенный материнского внимания и ласки. Старая императрица Елизавета намеренно отдалила своего любимца от матери. Павел I так и вырос, в сущности, не зная матери. Воспитание и образование юноши (впрочем, не очень способного) велось довольно сумбурно. Вместе с тем наставник Павла Никита Иванович Панин сумел заронить в душу своего воспитанника сомнения в правильности политической линии его царственной матери. Это еще более отдалило сына и мать.

С годами запальчивость, прямодушие, резкость в характере Павла превращались в грубость, нетерпимость, подозрительность и мелочность. Павел мучительно стремился к деятельности, но Екатерина II тщательно отстраняла его от малейшей возможности приобщиться к государственным делам. Единственной утехой царевича была миниатюрная армия в три батальона и три эскадрона, которую ему разрешено было иметь в Гатчине. В 1769 и в 1787 гг., когда начинались войны с Турцией, Павел умолял отправить его в действующую армию. Но екатерининские фавориты, и в частности Г. А. Потемкин, пуще всего боялись вмешательства Павла в планы военных действий. В 1784 г. он с глубокой горечью писал русскому посланнику в Пруссии: «Мне вот уже 30 лет, а я ничем не занят». Вынужденная бездеятельность, пренебрежение фаворитов делали Павла злобным и подозрительным человеком. Дважды женатый, он и с первой, и со второй супругой (Софией-Доротеей) был счастлив, но царственная мать и здесь мешала: она отнимала у него рождавшихся сыновей и сама занималась вопросами их воспитания.

Вразрез со взглядами Екатерины II складывалась и внешнеполитическая ориентация Павла I. Н. И. Панин — вдохновитель «Северного аккорда» — содействовал развитию симпатий наследника к Пруссии, что было закреплено личным знакомством с Фридрихом II и родственными связями жены Павла, вюртембергской принцессы. Неодобрительно относился Павел и к политике Екатерины в польском вопросе и т. д. Всей душой Павел ненавидел екатерининских фаворитов, в частности Г. Г. Орлова и Г. А. Потемкина. Могилу Г. А. Потемкина он приказал впоследствии сровнять с землей, а жившую в Москве Е. Р. Дашкову, активнейшую участницу переворота 1762 г., велел сослать в дальние деревни.

Контрреформы. Все это в немалой мере послужило основанием для тех «контрреформ», которые Павел I успел наметить в свое столь короткое царствование. Но сразу же оговоримся, что в целом политика Павла I была,

несмотря ни на что, прямым продолжением линии екатерининского правительства.

«Контрреформы» же касались большей частью второстепенных моментов.

Это видно, в частности, из следующего. Если Екатерина II раздала своим фаворитам около 800 тыс. крестьян, то Павел I всего за 5 лет успел раздать 600 тыс. крестьян. В 1796 г. Павел I закрепляет за частными владельцами крестьян Области Войска Донского, Новороссии, Приазовья и Предкавказья. В 1798 г. выходит указ, вновь позволяющий заводчикам из купцов покупать крестьян с землей и без земли к фабрикам и заводам. Тем самым сфера крепостничества получает возможность дальнейшего расширения. Развернувшаяся в 1796–1797 гг. огромная волна крестьянских движений, охватившая 12 губерний Центра России, была задавлена кровавыми карательными походами князя Н. В. Репнина, как некогда экспедициями А. И. Бибикова и А. А. Вяземского. Правда, под угрозой этих волнений Павел I сделал ряд отступлений. В 1796 г. крестьянам вновь разрешили присягать новому императору. В 1797 г. был издан указ о запрете продажи дворовых и крепостных крестьян без земли «с молотка», хотя помещики мгновенно обошли его исполнение, изменив всего лишь форму публикации о продаже в газетах. Теперь они стали давать объявления об отдаче крепостных «в услужение». Наконец, в 1798 г. была запрещена продажа без земли малороссийских крестьян.

Павел I пытался ввести регламентацию эксплуатации помещичьих крестьян, но указ об этом был так составлен, что предписание не применять барщину более трех дней в неделю помещики восприняли лишь как пожелание. На практике этот указ даже ухудшил положение украинских крепостных крестьян, увеличив фактическую двухдневную барщину до трех дней.

Типичной «контрреформой» был пересмотр Павлом I екатерининской системы губерний. Вместо прежних 50 он решил оставить лишь 41 губернию, чем нарушил систему губернских учреждений и резко осложнил работы по проведению Генерального межевания земель. Павлом I были отменены также и все преобразования Екатерины II в Прибалтике, Выборгской губернии и Украине.

Павел и армия. Наиболее неприятными для дворянства были преобразования Павла I в армии. Ярый поклонник прусской военной доктрины Фридриха II, он уже через три недели после своего воцарения издал новые Пехотный и Конный уставы. Буквально на другой день после смерти Екатерины II дворец наполнился одетыми в прусскую форму

гатчинцами: «повсюду загремели шпоры, ботфорты, тесаки». Гатчинцы влились в гвардию, главным занятием которой стали бесконечные парады и развод караулов. Мелочный император придирался к ничтожнейшим пустякам, так как знал шагистику прусского образца до тонкостей. «Часто за ничтожные недосмотры и ошибки в команде офицеров прямо с парада отсылали в другие полки на большие расстояния, — писал один из мемуаристов той поры. — И это случалось до того часто, что, когда мы бывали на карауле, мы имели обыкновение класть несколько сот рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться без копейки на случай внезапной ссылки».

Все это вызывало в гвардии ропот недовольства. Павел I словно и забыл о том, что придворная гвардия — этот цвет дворянства России — была основным рычагом в механизме дворцовых переворотов. Правда, за долгие десятилетия правления Екатерины II этот механизм мог слегка и «заржаветь», но ведь детали его все были в сохранности. У кормила правления продолжали оставаться представители господствующего класса — дворянства, могущество и привилегии которого довольно пышно расцвели к концу XVIII столетия. Следовательно, объективные предпосылки дворцовых переворотов продолжали сохраняться. Дело было лишь за субъективными предпосылками.

А недовольство зрело не только в гвардии. В стремлении укрепить самодержавную власть и слегка приструнить дворянство Павел I стал наводить порядок в армии. Отменив большой рекрутский набор, он провел общую ревизию служилого офицерства армии, приказав абсолютно всем немедленно явиться на службу. С этого момента, как пишет А. Т. Болотов, «все большие дороги усеяны были кибитками скачущих гвардейцев и матерей, везущих на службу и на смотры к государю своих малюток». В итоге смотров все малолетние офицеры были со службы исключены, все формально числящиеся на службе были также отставлены от нее. Была прекращена и практика бесконечных отпусков. В войсковых частях был введен строгий режим.

Однако главное заключалось все же в том, что военные преобразования Павла I предали забвению передовые принципы стратегии и тактики русского военного искусства, выработанные такими выдающимися деятелями, как А. В. Суворов и П. А. Румянцев.

Павел и дворянство. Укрепляя самодержавный режим, Павел I существенно ущемил ряд дворянских прав и привилегий. Был затруднен уход дворян с государственной службы. Еще большее раздражение дворянства вызвала отмена ряда положений Жалованной грамоты

дворянству и Грамоты городам. В частности, указом от 3 января 1797 г. Павел I отменил свободу от телесных наказаний при совершении уголовных преступлений дворянами, именитыми гражданами, купцами первой и второй гильдий и даже белым духовенством. Он отменил выборные должности в нижнем земском суде, заменив их назначаемыми государственными чиновниками. Были запрещены губернские дворянские собрания, но оставлены дворянские собрания уездов. Павел сохранил губернских дворянских предводителей, но теперь выбирать их должны были под контролем губернаторов уездные предводители дворянства. Были реорганизованы дворянская опека и сиротский суд. Все это вызвало ропот и возмущение дворянства. Царя потихоньку стали обвинять в деспотизме, ущемлении политических прав дворянства. Конечно, все это ни в малейшей степени не делало из Павла I противника дворян. Наоборот, вослед Екатерине II он опекал дворян, и эта опека ясно проступает в акте создания нового так называемого вспомогательного дворянского банка, а также в указах, по которым были уволены из армии все офицеры, не бывшие дворянами, а впредь было запрещено присваивать кому-либо, кроме дворян, даже унтер-офицерские звания.

В планах Павла I были и здравые идеи усовершенствования государственного управления. В частности, хотя Сенат при нем потерял всякое значение, в пику покойной государыне он восстановил все коллегии, установив там, правда, принцип единоначалия. Более того, Павел I замышлял проект замены коллегиального управления системой министерств. Еще до своего вступления на трон Павел наметил организовать центральное государственное управление из семи министерств во главе с министрами. По мысли Павла, министры должны были обращаться с докладом не непосредственно к императору, а в специальную канцелярию, состоявшую из семи департаментов. Все это он успел реализовать лишь частично. И только при Александре I были учреждены министерства, а при Николае I была создана «Собственная его императорского величества канцелярия». Таким образом, именно Павел I уловил ход развития будущей системы государственного управления, угадал ее основную тенденцию. Тем не менее капризный и заносчивый государь, заявлявший, что «в России велик только тот, с кем я говорю и только пока я с ним говорю», сделал в своей политике ряд крупных просчетов, приведя в безмерное раздражение многочисленные круги господствующего класса. Общую напряженность дополняли бьющие в глаза разного рода мелочи. Так, Павел I стремился «все и вся» подчинить своим вкусам и привычкам. В армии носили неудобную прусскую форму с

косами и буклями. В стране в изобилии появились черно-белые полосатые караульные будки, шлагбаумы, мосты, а петербургский полицмейстер Архаров приказал, ссылаясь на Павла I, выкрасить в черно-белые полосы все обывательские дома в Петербурге, что было очень похоже на издевку. «Разве я дурак, чтобы отдавать подобные приказания?» — воскликнул в гневе император, узнав об этом. Но тем не менее именно по его указам в Петербурге были «запрещены к ношению» круглые шляпы, фраки и сапоги, а разрешены лишь камзолы и т. д. Именно по его указам Петербург начинал службу в 6 часов утра, а засыпать был должен в 10 часов вечера. Именно по его указам запрещено было употреблять такие слова, как «граждане», «отечество», «общество» и т. д.

На пути к заговору. Последнее объяснялось буквально животной ненавистью императора к Французской революции, ибо с революцией и ее влиянием Павел I был готов бороться самыми нелепыми методами. «Он недавно велел, — писал о подобном действии Ф. Ростопчин, — посадить под арест 4 офицеров за то, что у них несколько короткие косы — причина совершенно достаточная, чтобы заподозрить в них революционное направление». Борясь с влиянием революции, Павел I ввел жесточайшую цензуру для печати и запретил все частные типографии. Особый надзор был установлен за литературой, поступавшей из-за рубежа. На этом фоне довольно нелепо и нелогично выглядит освобождение из крепости Н. И. Новикова, возвращение А. Н. Радищева из Сибири и разрешение Т. Костюшко выехать в США с вручением ему 60 тыс. руб. Но именно эти действия Павла I были предприняты исключительно в пику покойной государыне. Однако такие шаги не меняли накалявшуюся обстановку. Павловские фавориты (брадобрей Кутайсов, А. А. Аракчеев и др.) своим усердием и рабской преданностью усугубляли недовольство. Различного рода проекты стали появляться даже в кругу приближенных Павла. В частности, канцлер граф А. А. Безбородко составил «Записку о потребностях империи Российской», где предлагалось ограничить самодержавие. Придворное дворянство позволяло себе и открыто высказываться против царского произвола. Постепенно в гвардейских кругах созрел заговор, вдохновителями которого были весьма приближенные к Павлу I фигуры — бывший петербургский генерал-губернатор и глава Иностранной коллегии граф Петр Алексеевич Пален и вице-канцлер граф Никита Петрович Панин. Об их замыслах, видимо, знал и Александр Павлович. Слухи о готовящемся заговоре дошли и до самого Павла I, который якобы вызвал графа Палена на любопытный разговор. Пален не стал отрицать наличие заговора. Наоборот, заявил граф, заговор

существует, и сам он (т. е. Пален) состоит его участником. Государь ужаснулся, но Пален успокоил: «Будьте спокойны, Вам нечего бояться. Все нити заговора сосредоточены в моих руках. Вы скоро все сами узнаете». Тем временем под давлением Палена были возвращены из ссылки братья Зубовы, круг заговорщиков постепенно расширялся. Правда, Н. П. Панина внезапно выслали из Петербурга, но все дело взял в свои руки Пален.

Вечером 11 марта 1801 г. заговорщики собрались на казенной квартире генерала С. А. Талызина, в пристройке Зимнего дворца. Вино лилось рекой, однако Пален и Л. Беннигсен были трезвы. После ужина заговорщики (около 60 человек) двумя группами тронулись к Михайловскому замку. Громко раскаркались вороны на старых липах Верхнего сада, но они никого не встревожили. Заговорщики пересекли замерзшие рвы и обезоружили охрану замка, которая не сопротивлялась — за исключением двух гусар у входа в спальню императора. Группа в 12 человек ввалилась в спальню. Среди них были последний фаворит Екатерины Платон Зубов и его брат Николай, а также Беннигсен, В. М. Яшвиль и др. Постель оказалась пуста, но после короткой паники заговорщики обнаружили императора за ширмой, скорчившегося в одной ночной рубахе. Шум подходившей второй группы заговорщиков во главе с Паленом ускорил события, так как присутствовавшие в спальне приняли этот шум за тревогу. Началась свалка. Свидетельства очевидцев этой трагедии весьма разноречивы, но большинство из них выделяют два основных орудия убийства Павла — офицерский шарф и массивную табакерку Николая Зубова, огромного рассвирепевшего детины, набросившегося на Павла. Таков был последний в истории России дворцовый переворот.

§ 2. Внешнеполитические аккорды России на грани веков

Знакомя читателя с развитием событий в области внешней политики России, вновь вернемся к 1796 г., к тому моменту, когда Екатерина II была готова послать русский корпус во главе с А. В. Суворовым на борьбу революционной Францией. Сменивший ее на троне Павел I, страшась «французской заразы», целиком разделял эти намерения, но тревожная внутриполитическая обстановка, финансовые затруднения, отсутствие единства в антифранцузской коалиции заставили русское правительство на какой-то момент воздержаться от военных действий и даже вступить с Директорией в секретные переговоры. Тем не менее период, когда Россия пыталась остановить волну французских завоеваний чисто

дипломатическим путем, закончился почти мгновенно. К тому же при дворе была сильная группировка, считавшая мир с Францией невозможным (в нее входили А. Р. Воронцов, С. Р. Воронцов, Н. П. Панин, А. К. Разумовский и др.). Да и контакты дипломатии были прерваны действиями Франции. Мало того, что Франция господствовала в Северной и Центральной Италии, мало того, что Цизальпий-ская, Лигурийская, Батавская и Гельветическая республики стали ее сателлитами, французская буржуазия стремилась еще и к завоеванию восточного Средиземноморья. Французские войска оккупировали Ионические острова, усилив возможность неограниченного давления на Турцию — давнего врага России. В 1798 г. Наполеон предпринял поход в Египет и, заняв Каир, двинулся в Сирию. Французами был захвачен остров Мальта, незадолго до этого принявший покровительство России. Следующими объектами агрессии могли стать Константинополь и проливы, а там и Черное море. Разумеется, Россия не могла и не хотела с этим мириться.

Россия вновь стала готовиться к войне с Францией. На просторах Подолии и Волыни разместился семитысячный корпус французских эмигрантов. В России укрылись почти все члены династии Бурбонов. В ответ на захват Мальты Павел I принял сан гроссмейстера Мальтийского ордена иоаннитов, претендуя на влияние в Южной Европе. Против Франции сформировалась и коалиция, куда кроме России и Англии вошла и Австрия, которая не могла примириться с отторжением Францией Швейцарии и Северной Италии. Установив с Австрией фактический союз, Павел I направляет туда в июле 1798 г. корпус генерала А. Г. Розенберга.

Наметилось и прямое сближение с Турцией, которая раздражена была захватом французами Египта. В 1798 г. Турция объявила войну Франции и обратилась к России за помощью.

В сентябре 1798 г. русская Черноморская эскадра под командованием вице-адмирала Федора Федоровича Ушакова прошла проливы и, объединившись с турецким флотом Кадыр-Абдул-бея, взяла курс на Ионические острова. Впереди была тяжелейшая борьба с хорошо оснащенными мощными опорными базами французов, да еще с таким союзником России, как Турция, что делало сомнительными расчеты на поддержку местным населением. Хорошо еще, что султан предписал турецкому адмиралу «почитать нашего вице-адмирала, яко учителя». Ф. Ф. Ушаков быстро (в течение полутора месяцев) захватил с юга все мелкие острова и вскоре подошел к острову Корфу. Это была одна из сильнейших крепостей Европы. Взнесенная высоко на гору, окруженная мощными гранитными стенами, с высеченными в скалах укреплениями, она была

поистине неприступна. Ключом к обороне острова Корфу был остров Видо. Гарнизон крепости достигал 3 тыс. человек, а гарнизон острова Видо — около 800 человек. Сильная артиллерия и французские суда под стенами крепости дополнялисистему обороны.

Борьба за остров Корфу. Главные силы русского флота подошли к острову Корфу 9 января 1799 г. Ф. Ф. Ушаков построил ход боя на мощном артиллерийском обстреле и быстром десанте. Но для этого нужно былосконцентрировать все свои силы. Установив блокаду острова, флотоводец ждал подхода всех судов, тренируя тем временем десант и изучая слабости французской обороны. Штурм начался 18 февраля 1799 г. После четырехчасового шквального огня на остров Видо был высажен десант в 2 тыс. человек. «Храбрые войска наши, — доносил Ушаков, — мгновенно бросились во все места острова, и неприятель повсюду был разбит и побежден». Ключ к крепости Корфу был в руках Ушакова. Вечером того же дня французы прислали парламентариев, а 19 февраля была подписана капитуляция.

Республика Семи островов. В Ионической кампании Ф. Ф. Ушаков проявил себя не только как блестящий стратег и флотоводец. Правильно ориентируясь в сложной политической обстановке Средиземноморья, в целях укрепления влияния России он предпринял комплекс мер по разработке политического статуса Ионических островов — созданию Греческой Республики Семи островов. Им была введена довольно прогрессивная конституция нового островного государства. Высшим законодательным органом стал выборный Большой совет. С учетом имущественного ценза в его выборах принимали участие отдельные категории крестьян. Сюзереном республики стал турецкий султан, а покровителем была Россия. Однако все это не понравилось императору, и конституция была изменена, а для Ушакова, хотя его произвели в адмиралы, это явилось началом ухода с ведущих позиций.

Тем временем серией десантов Ф. Ф. Ушаков закрепился на восточном побережье Апеннинского полуострова, а один из десантов захватил с суши Неаполь. Ушаков уже был готов к захвату Рима, но его опередил знаменитый английский флотоводец адмирал Горацио Нельсон.

Успешные действия Ушакова привели к заключению в январе 1799 г. союзного договора с Турцией, к которому присоединилась и Англия. Для России наконец-то были открыты черноморские проливы. К антифранцузской коалиции присоединилось Неаполитанское королевство.

Россия с успехом действовала не только в Средиземноморье. В соответствии с англо-русским договором от 29 декабря 1798 г. при условии

английской субсидии в 225 тыс. фунтов стерлингов и ежемесячных взносов по 75 тыс. фунтов стерлингов Павел I должен был отправить против Франции 45-тысячный корпус. По настоянию Англии и Австрии Павел был вынужден поставить во главе его знаменитого русского полководца А. В. Суворова, незадолго до этого отправленного в ссылку за пренебрежение к павловским реформам в армии.

Итальянский поход Суворова. А. В. Суворов тотчас получил звание австрийского фельдмаршала и был назначен главнокомандующим союзных войск. Однако щедрость австрийцев была не без умысла — в качестве австрийского фельдмаршала Суворов подчинялся теперь Высшему военному совету Австрии, а он назначил театр военных действий в Италии (Суворов же полагал воевать в самой Франции). Тем не менее великий полководец выполнил австрийский план за каких-то 10 дней. Не теряя силы и время на захват второстепенных крепостей, он, начав 8 апреля наступление из Вероны, бросил свои войска на главные силы французов (армию генерала Б. Шерера), разбил их при переправе через реку Адду и 18 апреля торжественно вошел в Милан. План австрийцев был выполнен идеально. Ломбардия была свободна от французов. Стремясь к разгрому крупных армий Ж. Макдональда и Ж. В. Моро под Турином с дальнейшим направлением на Париж, А. В. Суворов былнеожиданно связан проволочками австрийского военного совета. Фельдмаршал был переполнен возмущением медлительностью австрийского командования: «Его римское императорское величество желает, чтобы, ежели мне завтра баталию давать, я бы отнесся прежде в Вену…» В итоге таких проволочек войска Суворова оказались вскоре под угрозой быть взятыми в клещи теми же Моро с Макдональдом возле Турина. Но русский полководец сумел сконцентрировать свои силы у Александрии и, предупреждая объединение армий Моро и Макдональда, решил разбить их поодиночке. Времени на это было чрезвычайно мало. Риск был огромен. В случае малейшего промедления А. В. Суворов оказался бы перед вдвое превосходящим его противником.

Вечером 4 июня 1799 г. русские войска начинают беспримерный марш-бросок, делая за сутки около 50 км перехода. Начавшийся бой австрийцев с Макдональдом заставил суворовских чудо-богатырей последние 20 км почти бежать. Несмотря на изнеможение, казачья кавалерия, а с ней и австрийские драгуны с ходу 6 июня вступили в бой при реке Треббии и потеснили противника. А упорные бои 7 и 8 июня привели к разгрому французов. Из 36 тыс. солдат у Макдональда осталась только половина, хотя это была армия уже нового типа, рожденная в огне

революции, армия с новой тактикой боя, с новым генералитетом. Этот факт русской победы был сильнейшим аргументом в пользу суворовского полководческого мастерства и боевых качеств его воинов.

Тем временем армия Моро быстро отступила к Генуэзской ривьере. Путь во Францию был свободен. Но многочисленные распоряжения коварного императора Австрии заставили А. В. Суворова отказаться от наступления на Францию. Вынужденная пауза в боях позволила французам объединить силы под командой генерала Б. Жубера, Его 35-тысячный корпус двинулся к Мантуе навстречу русским. Как только Жубер у города Нови обнаружил главные силы русских, Суворов, не давая Жу-беру опомниться, стремительной атакой напал на французов. Длительный бой 4 августа закончился вновь победой А. В. Суворова. Французы отступили, потеряв половину своих солдат. Эта блистательная победа завершила итальянскую кампанию.

Вытеснение Суворова австрийцами из Италии. Теперь австрийцы, стремясь укрепиться в Италии, жаждали вытеснить оттуда русских. Дипломаты из Вены зачастили в Петербург. Австрийский двор убеждал Павла в необходимости переброски А. В. Суворова в Швейцарию, так как именно оттуда якобы лучше всего идти во Францию. И недалекий Павел повелел, несмотря на резкие возражения Суворова, двинуться в Швейцарию. Русский корпус 16 августа получил из Вены (!) приказ о движении через Альпы. А. В. Суворов ярко и кратко резюмировал это решение: «Выдавя из меня сок, нужный для Италии, бросают меня на Альпы». Частичным оправданием похода служила необходимость помочь 28-тысячному русскому корпусу генерала А. М. Римского-Корсакова, брошенному австрийцами один на один с 80-тысячным войском французов. Дорог был каждый день…

Переход через Альпы. А. В. Суворов ведет войска тяжким, но кратчайшим путем через перевал Сен-Готард, где укрепилось 9 тыс. французов. Их в конце концов заставил отступить генерал П. И. Багратион, подошедший к французским позициям с тыла, пробираясь обходом через неприступные обледенелые горы. Но впереди была так называемая Урзернская дыра и Чертов мост через реку Ройс. Дорога от Сен-Готарда на Альт-дорф преграждалась отвесными скалами, а проходом сквозь них служил узкий, в рост человека тоннель длиною около 80 шагов. За ним сразу же был мост, перекинутый на огромной высоте через пропасть. В лоб тоннель взять не удалось, и русские воины пошли в обход, карабкаясь по отвесным скалам. После взятия Урзернской дыры армия А. В. Суворова оказалась у полуразрушенного моста. Под непрерывным огнем солдаты

закрыли пролом бревнами и досками, связанными поясами и шарфами, и ринулись на другой берег. С боями выйдя к Люцернскому озеру, русские убедились, что далее никакой дороги, вопреки рассказам австрийцев, нет. Пришлось двинуться вместе с мужественным (почти семидесятилетним!) фельдмаршалом по бездорожью, по заснеженным козьим тропам, теряя тысячи людей, бросая пушки, лошадей и амуницию.

Преодолев хребет Росшток, войска Суворова спустились в Муттевскую долину и узнали, что русский корпус Римского-Корсакова и австрийский корпус Готце уже разбиты и отброшены за Рейн. Окруженный войсками врага, Суворов все-таки, вновь теряя людей, лошадей и пушки, уходит через горы к Гла-рису навстречу австрийцам. Но вновь коварных австрийцев здесь не оказалось. Понимая бессмысленность дальнейших действий, военный совет решает идти в Южную Германию, и 1 октября русская армия была уже вне Швейцарии. Разумеется, героический альпийский поход показал всей Европе беспримерное мужество русского солдата и великий талант его полководца. Однако, начав поход с 20 тыс. солдат, А. В. Суворов окончил его, имея лишь 15 тыс. Едва отдохнув, 14 января 1800 г. суворовские войска по приказу Павла I направились в Россию. 3 февраля уже тяжело больной А. В. Суворов сдал в Польше командование Розенбергу и отправился в Петербург. Капризный и мстительный император вверг его в новую опалу, хотя за швейцарский поход еще ранее А. В. Суворову было присвоено звание генералиссимуса. 6 мая 1800 г. великий полководец скончался.

Конец антифранцузской коалиции. Пришел конец и антифранцузской коалиции. Отдав приказ о возвращении А. В. Суворова, Павел I тут же разрывает дипломатические отношения с Австрией. К тому же шло дело и с Англией. Последнюю никак не устраивало усиление влияния России в Средиземноморье. Более того, в сентябре 1800 г. Англия захватывает остров Мальту. Бесцеремонность поведения англичан дополнялась их морским разбоем и другими действиями британского флота. В декабре 1800 г. Россия быстро объединяет в конвенцию против Англии Данию, Швецию и Пруссию. В русских портах вновь было наложено эмбарго на английские товары. Таков был итог постепенного прозрения Павла I, что в войне с Францией Австрия и Англия руками России просто таскают каштаны из огня. Ведь Австрия фактически стала оберегать Французскую республику от России. Поэтому, когда в Берлине в январе 1800 г. русскому посланнику был сделан намек на желание Наполеона сблизиться с Россией, то в ответ на это между Павлом I и Наполеоном завязалась переписка. В июле 1800 г. Наполеон отпускает из

плена 6 тыс. русских солдат в полном обмундировании и с оружием в руках. Павел I не отклонял любезные жестыНаполеона, к тому времени ставшего уже первым консулом, т. е. фактически полным властелином Франции. Более того, он полагал, что «в скором времени водворится король, если не по имени, то по крайней мере по существу, что изменяет положение дела». Зимой 1801 г. был составлен план совместных действий против Англии на Балтике и совместного похода в Индию. Павел уже успел в марте отправить в Индию отряд казаков. Но, как уже говорилось, 11 марта произошел переворот, император был убит, и, видимо, немалую роль сыграла при этом английская дипломатия.

Глава 16. Культура России в XVIII в.

§ 1. Просвещение

Как и в предыдущие столетия, основным субъектом, основным активным созидательным элементом в области культуры были представители господствующего класса дворян. Задавленное эксплуатацией, забитое и темное крестьянство не имело ни средств, ни сил, ни времени, ни условий для получения образования, для деятельности в области науки, литературы, искусства и т. п. Поэтому вполне понятно, что и в данной главе речь пойдет о достижениях главным образом в области дворянской культуры.

Однако нужды и последствия социально-экономического развития страны ставили перед наукой, просвещением, общественно-политической мыслью и т. п. задачи, выходившие за пределы, ограниченные потребностями дворянского класса. Это приобщило в XVIII столетии к активной деятельности в некоторых областях культуры выходцев из городского мещанства, купечества, белого духовенства, государственных и экономических крестьян, и со времен Петра просвещение в России обретало все более четкий светский характер, все более определенную практическую направленность.

Вместе с тем традиционная форма «обучения грамоте» все еще была наиболее массовой и повсеместной. Речь идет о групповом обучении чтению часослова и псалтири дьячками и другими служителями культа.

Увеличилось число солдатских гарнизонных школ — прямых продолжателей традиций петровских «цифирных школ». В 1721 г. их насчитывалось около 50, а в 1765 г. школы были при 108 гарнизонных батальонах, где училось до 9 тыс. солдатских детей. Здесь обучали не только чтению, письму и арифметике, но давали начальные сведения в области геометрии, фортификации и артиллерии. Менее способные ученики обучались различным ремеслам. Существовали национальные военные школы на Кавказе.

Основное же внимание уделялось образованию дворянских детей в закрытых учебных заведениях. В 1731 г. был создан Сухопутный шляхетский корпус, а в 1752 г. — Морской шляхетский корпус. В 1758 г. артиллерийская и инженерные школы в Петербурге объединились и составили третье закрытое дворянское учебное заведение —

Артиллерийский и инженерный шляхетский корпус. Помимо этого, дворянских детей обучали в частных пансионах, а также в домашних условиях. В XVIII в. входит в моду приглашение учителей-иностранцев, особенно французов. Во второй половине века это увлечение достигло своих крайних, извращенных форм.

Важнейшим событием середины XVIII столетия была организация первого в стране высшего гражданского учебного заведения — Московского университета. Куратором его, как уже говорилось, был влиятельнейший елизаветинский вельможа И. И. Шувалов — основатель и президент Академии художеств, известный меценат, оказавший содействие развитию русской культуры.

Однако идейным строителем Московского университета был гениальный русский ученый М. В. Ломоносов. Он разработал проект организации университета. Он добивался того, чтобы университет был бессословным и светским учебным заведением (в нем не было богословия). Открытый в 1755 г., Московский университет принял первых студентов на свои три факультета: философский, юридический и медицинский. Первые студенты были преимущественно представителями разночинных слоев тогдашнего общества. И только позднее, при Екатерине И, состав университетского студенчества становится преимущественно дворянским. В первые 20 лет XIX в. число университетов увеличивается (Петербург, Харьков и др.).

Для подготовки студенческих кадров при университете была создана специальная гимназия с двумя отделениями для дворян и разночинцев. Здесь изучались русский, латинский, один из европейских языков, математика, словесность и история. В создании учебников активное участие принял М. В. Ломоносов, написавший «Риторику» и «Российскую грамматику».

На русском языке велось преподавание и в самом университете, что отличало его от типичных западноевропейских университетов. Во второй половине столетия Московский университет стал крупнейшим центром русской науки и просвещения. В нем преподавали такие выдающиеся ученые-профессора, как С. Е. Десницкий, Д. С. Аничков, Н. Н. Поповский, А. А. Барсов и др. Большую пользу принес университет в деле распространения просвещения среди нерусских народов России. По образцу московской была создана гимназия в Казани. Из стен университета вышла чувашская грамматика, грузинская и татарская азбуки.

Несмотря на столь крупные успехи в области просвещения в России, потребность в организованной системе школьного образования ощущалась

все более остро. По инициативе императрицы проекты школьного образования были поручены одному из образованнейших представителей русской знати — И. И. Бецкому.

Главная идея плана И. И. Бецкого, опиравшегося и на французских просветителей, отчасти на Дж. Локка и даже на Я. А. Коменского, заключалась в создании из молодого поколения «новой породы людей» — людей гуманных и справедливых, которые смогут и общество сделать справедливым. Однако для реализации этой идеи И. И. Бецкой предложил систему закрытых учебных Заведений, где бы дети жили от 6 до 18 лет. При этом соблюдался сословный принцип организации училищ — для дворян особо, для купечества особо и т. п. И. И. Бецкой пропагандировал гуманную систему обучения без наказаний и принуждения ребенка, с учетом его склонностей. Реализация этого плана выразилась в реформе гимназии в Петербурге, Сухопутного и Морского шляхетских корпусов. Кроме того, было создано училище для мальчиков при Академии художеств, коммерческое училище в Москве, открыт московский Воспитательный дом для «незаконнорожденных» детей и подкидышей.

И. И. Бецкой был инициатором женского образования. Под Петербургом, возле деревни Смольной, в 1764 г. был открыт первый в России институт благородных девиц с широкой программой обучения. При Смольном институте было особое «мещанское» отделение. Закрытые учебные заведения с течением времени превратились в чисто сословные заведения для дворян, с программой воспитания членов особой высшей касты дворянского общества.

Деятельность И. И. Бецкого и реализация его плана ни в коей мере не решали проблему создания системы начального образования, потребность в котором с годами возрастала все больше. Для решения этого вопроса в 1782 г. организуется «Комиссия об учреждении училищ». Первым итогом работы этой Комиссии было открытие главных (четырехклассных) и малых (двухклассных) народных училищ в Петербургской губернии. В 1786 г. такие училища были открыты в 25 губерниях. Программа малых народных училищ ограничивалась преподаванием навыков чтения, письма, чистописания и рисования, знанием основ грамматики и «христианского закона и добронравия». Программа главных училищ сверх того включала изучение российской грамматики, арифметики, геометрии, механики, физики, российской и всеобщей географии, российской и всеобщей истории, естественной истории и гражданской архитектуры. Помимо того, учащимся прививались навыки в составлении делопроизводственных документов и деловых писем.

Всего в конце XVIII в. в России насчитывалось около 550 различных учебных заведений с числом учащихся до 62 тыс. человек. Из них около 400 народных училищ, свыше 60 духовных семинарий и школ и около 60 закрытых дворянских учебных заведений. Это был огромный шаг в развитии просвещения, хотя по отношению к общей численности населения страны их было еще очень немного. Из каждой тысячи человек в России училось в среднем лишь двое. Крестьянству путь в школу был закрыт.

Школьная реформа 1786 г. распространилась и на Левобережную Украину, где была создана сеть четырехклассных, трехклассных и двухклассных училищ. Основным центром развития просвещения и науки в Украине была Киево-Могилян-ская академия, где учились представители казацкой старшины, духовенства и отчасти мещан, казаков и крестьян. Программа обучения в академии носила традиционный богословско-схоластический характер и лишь под влиянием успехов просвещения в России во второй половине XVIII в. в нее были введены изменения. Появились такие предметы, как география, математика, естественная история, иностранные языки. В конце века основным языком преподавания вместо латыни стал русский язык. Помимо академии в Левобережной Украине действовали три духовных коллегиума (в Переславле, Чернигове и Харькове).

В Белоруссии система просвещения была под сильным католическим влиянием. Белорусская шляхта учила своих детей в шести орденских школах (католических и униатских), двух кадетских корпусах и нескольких духовных семинариях. Туда же попадали и дети горожан. Помимо этого, существовали и частные пансионы.

§ 2. М. В. Ломоносов и русская наука

Создание в России Академии наук, бурное развитие в XVIII в. мирового естествознания — все это способствовало становлению и развитию русской науки. Однако обстановка, сложившаяся в те годы в Академии наук, характеризовалась преобладанием приглашенных в Академию немцев. После 1739 г. на должность президента стали обычно назначать какого-либо вельможу, мало уделявшего внимания делам Академии. Вследствие этого долгое время фактическим управителем ее был советник канцелярии И. Д. Шумахер, человек в высшей степени ограниченный. В результате грубого произвола, чинимого Шумахером, из

Петербурга уехал ряд крупных иностранных ученых, приглашенных в свое время для работы в Академии. В знак протеста Академию покинули Д. Бернулли и Л. Эйлер (ученые с мировым именем), а также Я. Герман, Г. Б. Бюльфингер и др. Русские ученые пока еще практически отсутствовали в Академии. До 1741 г. в Академии был лишь единственный русский адъюнкт В. Е. Ададуров, да и тот незадолго до приезда М. В. Ломоносова ушел из нее.

С воцарением Елизаветы в Академии произошел сдвиг, и вместо одного стало два русских адъюнкта — М. В. Ломоносов и Г. Н. Теплов.

Ярка и удивительна судьба гениального русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова, родившегося в 1711 г. в далекой поморской деревне Мишанинской, что возле Холмогор. Уже будучи взрослым юношей, в 1730 г. Михаил Ломоносов, выхлопотав годовой паспорт, с одним из обозов отправился в далекую Москву. Там он поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Успешно окончив академию, Ломоносов вместе с 11 другими выпускниками в 1735 г. был направлен для прохождения курса наук при Петербургской Академии наук. Вскоре его посылают в Германию, в Марбург, к профессору Х. Вольфу, а потом во Фрайбург к известному металлургу, профессору И. Генкелю. Пять лет, проведенные за границей, были для М. В. Ломоносова годами серьезной самостоятельной учебы. Он изучил основы физики, химии, математики, горного дела, прекрасно овладел немецким и французским языком, приобрел обширные познания в области литературы и поэзии.

Глубокие знания, исключительная одаренность, самостоятельность мышления способствовали формированию незаурядного исследователя, ученого с огромным диапазоном знаний и интересов.

В июне 1741 г. М. В. Ломоносов возвращается для работы в Петербургской Академии наук и становится адъюнктом профессора физики Г. В. Крафта. В 1745 г. он был утвержден профессором химии и стал полноправным членом Академии. Одолевая препятствия, Ломоносов добился создания в 1748 г. химической лаборатории. Острую борьбу пришлось вести ему и с академиками-немцами, препятствовавшими выдвижению русских ученых.

Диапазон интересов М. В. Ломоносова как ученого был огромен. Объектом пытливого исследования гениального ученого была физика, химия, геология, астрономия и другие науки. Ломоносов был создателем атомно-молекулярной теории строения вещества, послужившей прочным основанием дальнейшему развитию фундаментальных естественных наук в XIX столетии. В 1748 г. в письме к Л. Эйлеру Ломоносов впервые в мире

формулирует общий закон сохранения материи и движения, имеющий огромное значение для познания всего процесса мироздания. В 1756 г. он осуществляет классические опыты, экспериментально обосновывающие закон сохранения вещества, формулирует предположение, объясняющее явление нагрева тел как следствие движения частиц. Эта гениальная догадка намного опередила эпоху.

Великий русский ученый много занимался вопросами, связанными с тайнами происхождения Вселенной. Он выдвинул, в частности, тезис, гласящий, что «во всех системах вселенной имеются одни и те же начала и элементы… Одна и та же материя у раскаленного солнца и у раскаленных тел на Земле». М. В, Ломоносову принадлежит честь открытия на Венере атмосферы и ряд других важных наблюдений в области астрономии.

Темпераментный исследователь, Ломоносов никогда не удовлетворялся чистой наукой. Он был блестящим экспериментатором и изобретателем, новатором во многих областях техники, горного дела, металлургии, пробирного искусства, производства фарфора и стекла, солей и красок, строительной техники. Ломоносов увлекался и искусством мозаики.

Многогранный талант М. В. Ломоносова вторгался и в область гуманитарную. Он был выдающимся поэтом и теоретиком в вопросах стихосложения. Огромен его вклад в формирование русского литературного языка. Подлинный энциклопедист, он занимался и изучением истории своей Родины. Итогом его трудов по истории были созданные им «Краткий российский летописец» и «Древняя Российская история».

Гигантская фигура М. В. Ломоносова вместе с тем отнюдь не подавляла собой исследовательское лицо русских ученых той эпохи. Наоборот, он затратил много сил и энергии для выдвижения национальных кадров русской науки. Он читал лекции студентам при Петербургской Академии. Первые профессора Московского университета Н. Н. Поповский и А. А. Барсов были его учениками. Еще при жизни М. В. Ломоносова ярко засверкал талант таких ученых, как астроном С. Я. Румовский, математики М. Е. Головин и С. К. Котельников, натуралист И. И. Лепехин, юрист А. Я. Поленов и другие, о творческом росте которых великий ученый непрестанно заботился. Благодаря, в частности, исследованиям С. Я. Румовского в области математики и астрономии успешно продвинулось вперед решение задачи создания точных навигационных карт и приборов. Математик С. К. Котельников стал известен своими работами в области теоретической механики и математической физики (в частности, работами по теории света). М. Е. Головин изучал математические законы связи

звуковых колебаний твердых тел с действием механических сил, приложенных к ним.

Широко известны были и другие российские ученые. Так, В. М. Севергин известен как основоположник минералогии, Д. И. Виноградов разработал вопросы обоснования технологии и химии производства фарфора. Мировую известность получило имя А. М. Шумлянского, воспитанника Киево-Могилянской академии, автора выдающегося исследования в области экспериментальной биологии (диссертации о строении почек). В области российской медицины XVIII столетие дало науке С. Г. Зыбелина, П. А. Загорского. Выдающийся эпидемиолог Д. С. Самойлович был членом 12 европейских академий, но не был избран членом Петербургской Академии наук.

В Российской академии успешно трудились и многие иностранные ученые. Это прежде всего гениальный математик Л. Эйлер. Важнейшее значение имеют его работы в области теории движения Луны, в области интегрального исчисления, а также разработка таких проблем, как теория баллистики, гидродинамики и кораблестроения. Знаменитый Д. Бернулли в этот период создает труды в области теории стрельбы, расширения газов и т. п.

Ряд интереснейших достижений имела в России и техническая мысль. Русский народ выдвинул из своих рядов замечательных новаторов, гениальные изобретения которых подчас опережали то, что появлялось в ту эпоху за рубежом. Но в большинстве случаев технические новшества не находили реальной опоры из-за недостаточного уровня и потребностей промышленного развития и оставались без практического применения.

Еще при жизни М. В. Ломоносова в 1760 г. Р. Глинков изобрел механический двигатель для прядильных машин. Водяное колесо с помощью системы передач приводило в действие 30 колес «самопрядочной машины» и «мотальни», заменяя труд 9 человек. Механизируя прядение, Р. Глинков создал отдельные механические устройства, повышавшие производительность в 5—15 раз. Другой выдающийся изобретатель Козьма Дмитриевич Фролов (1726–1800) в 60-х гг. XVIII в. на далеком Алтае создал на Змеиногорском заводе целую систему гидротехнических сооружений (плотину и особой формы канал) и заставил энергией воды работать лесопильню, рудоподъемник, водоподъемник, а также рельсовую внутризаводскую систему самодвижущихся и саморазгружающихся вагонеток. Талантливый самородок Иван Иванович Ползунов (1728–1766) сконструировал на Колывано-Воскресенских заводах Алтая первую в мире паровую универсальную машину. За несколько дней до пуска своего

детища изобретатель умер, однако «огнедействующая машина» проработала на заводе несколько месяцев и только в результате незначительной течи в котле вышла из строя.

Поразительной разносторонностью дарования отличался механик Академии наук Иван Петрович Кулибин (1735–1810). Талантливый изобретатель, он был непревзойденным мастером часового дела, создавая механизмы самых причудливых форм. Его часы «яичной фигуры» состояли из 427 миниатюрных деталей и имели три завода — ходовой, боевой и курантный. Он создавал механизмы изумительной точности. В частности, были широко известны его астрономические часы, показывавшие времена года, месяцы, часы, минуты, секунды, фазы Луны, время восхода и захода солнца в Петербурге и Москве. И. П. Кулибин разработал смелый уникальный проект одноарочного деревянного моста через Неву с решетчатой фермой. Пролет его достигал 298 м. Талантливый изобретатель создал множество приборов и механизмов. В их числе сеялка и семафорный телеграф, «самобеглая коляска» и прожектор («ку-либинский фонарь»), протезы для инвалидов и гидросиловые установки и т. д.

Географические экспедиции и развитие естествознания. Широкое развитие в xviii столетии получили физико-географические исследования и естествознание. Труды академических экспедиций 1768–1774 гг. (всего их было около 100) принадлежат к числу наиболее замечательных достижений русского естествознания XVIII в.

В 1724 г. по приказу Петра I была снаряжена Первая Камчатская экспедиция во главе с В. Берингом и А. И. Чирико-вым. В итоге ее был проложен путь вдоль восточных берегов Камчатки и южных и восточных берегов Чукотки. В 1733–1743 гг. была предпринята Вторая Камчатская экспедиция с теми же руководителями. В ней участвовало 13 кораблей и около тысячи человек. Целью ее было изучение северного и восточного побережья Сибири, берегов Северной Америки и выяснение вопроса о проливе между Евразией и Америкой. Экспедиция была успешно завершена, несмотря на то что ее мужественный руководитель В. Беринг погиб в 1741 г. на Командорских островах. Следы деятельности этой экспедиции навеки запечатлены на географических картах: Берингов пролив, Берингово море, море Лаптевых, мыс Челюскина, Командорские острова и т. д. Среди участников экспедиции заметно выделяется имя С. П. Крашенинникова, в течение четырех лет изучавшего Камчатку. Итогом этой работы был капитальный труд «Описание земли Камчатки».

Огромная работа по изучению Сибири была проведена Г. Ф. Миллером, собравшим грандиозную коллекцию богатейших архивных

материалов. Крупные экспедиции в районы Поволжья, Урала, Крыма и другие предпринял академик П. С. Паллас. Академик И. И. Лепехин обследовал далекие земли по маршруту Москва — Симбирск — Астрахань — Гурьев — Оренбург — Кунгур — Урал — побережье Белого моря и собрал огромный материал по экономике, географии и этнографии этих районов. Экспедиция академика И. П. Фалька обследовала районы Восточной России (Астрахань — Оренбург — Омск — Барнаул — Алтай) и, кроме того, Северный Кавказ. Х. Берданес обследовал так называемую киргизскую степь, И. Г. Георги — Урал, Башкирию, Алтай и Байкал. Академик С. Г. Гмелин прошел район бассейна Дона, низовья Волги и берега Каспия, Н. Я. Озерецковский — северо-запад России, В. Ф. Зуев — Южное Причерноморье и Крым и др.

Итоги этих экспедиций были огромны. Ученые составили описания рудных богатств Урала, Сибири и Алтая, собрали материалы по физической и экономической географии, зоологии, ботанике, этнографии и т. п. В 1768–1769 гг. была снаряжена экспедиция П. К. Креницына и М. Д. Левашова для изучения Русской Америки — Аляски. Первое русское поселение на острове Кадьяк было основано русским купцом и землепроходцем Г. И. Шелеховым в 1784 г., а с 1786 г. русские поселения появляются на Американском материке.

Во второй половине XVIII в. под влиянием потребностей развития помещичьего хозяйства зарождается рационализаторская мысль в сельском хозяйстве. У истоков русской агрономической науки стоят имена таких замечательных ученых, как А. Т. Болотов (1738–1833), И. Комов, П. И. Рычков и др.

Развитие гуманитарных знаний. В это время интенсивно развивается интерес общества к историческому прошлому России, появляются первые историографические труды. Первым русским историком был Василий Никитич Татищев (1686–1750), написавший «Историю Российскую с древнейших времен». Вслед за Татищевым появляются исторические труды М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, И. И. Голикова, Г. Ф. Миллера и др. В 70—80-е гг. XVIII в. на страницах периодической печати публикуются исторические документы. В это же время начинается широкий поиск древних книг и рукописей, в итоге которого были извлечены из небытия такие ценнейшие произведения, как Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, знаменитая древнерусская поэтическая повесть XII в. «Слово о полку Игореве» и др.

В России XVIII столетия развивалась и философская мысль, причем процесс ее развития был тесно связан и обусловлен развитием философии

в передовых западноевропейских странах. Вторая половина XVIII в. выдвинула в России целую плеяду оригинальных мыслителей, развивавшихся под мощным влиянием плодотворных идей М. В. Ломоносова. Крупным центром философской мысли был прежде всего Московский университет. Среди его профессоров привлекает внимание Н. Н. Поповский — один из талантливейших учеников Ломоносова. Из оригинальных философских сочинений сохранилась, в частности, его «Речь о пользе и важности теоретической философии», произнесенная на торжественном акте Университета в 1755 г. Университетским профессором был и Д. С. Аничков — автор интереснейшего труда о происхождении религии. В нем Аничков дает материалистическое объяснение причин возникновения религии, считая, что она появилась на заре человечества из чувства страха перед грозными и таинственными явлениями природы, была плодом возбужденного «удивления» перед подвигами героев и т. д. Много и плодотворно трудился Аничков в области теории познания, подчеркивая значение чувственного познания, роль опыта и наблюдений. Материалистически толковал Аничков сам процесс мышления человека.

Единомышленником и коллегой Д. С. Аничкова по университету был профессор СЕ. Десницкий, который в области философии отстаивал идею изменяемости и развития природы, подчеркивая ее «непрестанное и порывчивое движение». Идею постоянного развития С. Е. Десницкий переносил и на общество.

Наконец, интереснейшим мыслителем был Я. П. Козельский, автор оригинальных «Философических предложений». Козельский впервые в русской философии сформулировал определение ее предмета как науки, обнимающей «одне только генеральные познания о вещах и делах человеческих». Козельский выступал как материалист: он признавал объективность существования мира, который, по его мнению, никем не создан и существует сам по себе. Правда, материализм у Я. П. Козельского, как и у других русских философов, был еще механистическим по своему характеру.

Во второй половине XVIII в. философская мысль развивается в Украине. Крупнейшим ее представителем был Г. С. Сковорода (1722–1794), происходивший из бедной казацкой семьи села Чернухи на Лубенщине. Широко образованный выпускник Киево-Могилянской академии, Сковорода в течение трех лет изучал философию в Венгрии и Германии. С 1759 г. он преподавал в Харьковском коллегиуме. Отстраненный за «богопротивные» идеи, он до конца жизни становится странствующим учителем. Как философ, Сковорода испытывал колебания между

материализмом и идеализмом. Он был ярым противником православной церкви, ее обрядности и т. п.

§ 3. Литература и журналистика

В условиях феодально-крепостнического строя литература была по преимуществу дворянской. Народное творчество в силу традиции и специфики условий труда было устным. XVIII в. дал литературному устному творчеству российского народа преимущественно два развитых жанра — песни и сказания, с одной стороны, и сатирические сказки, повести, юморески — с другой.

Центральное место в фольклоре второй половины XVIII в. занимают произведения, связанные с крестьянской войной 1773–1775 гг. Это главным образом песни и предания. В них представлен овеянный глубокой симпатией образ Емельяна Пугачева — «доброго молодца Емельяна-казака» в песнях «Судил тут граф Панин», «Пугач и Салтычиха». Пугачев воспет в чувашских, мордовских, башкирских и татарских песнях и преданиях. Любимым героем башкирских песен и легенд был Салават Юлаев.

Богат и разнообразен героическими сказаниями и песнями украинский и белорусский фольклор. Народ воспевал таких борцов за свободу, как Б. Хмельницкий, Максим Кривонос, Иван Богун, Максим Зализняк и др. Много песен посвящено Запорожской Сечи, гайдамакам и т. д.

Чрезвычайно насыщен сатирический жанр народного творчества. Это и крестьянские повести («Сказание о царевне Кисе-лихе», «Повесть пахринской деревни Камкина»), и солдатская сатира («Горестное сказание», «Челобитная крымских солдат»), и язвительная юмореска («Дело о побеге петуха от курицы из Пушкарских улиц») и др. Таковы и украинские сатиры про попа Негребецкого, Марка Пекельного, богатого мужика Гаврилу, Данилея.

Гневные сатирические пародии на чиновничество, канцелярскую волокиту, продажный суд проникали в рукописные сборники («Копия с просьбы в небесную канцелярию», «Беседа у секретаря», «Разговор двух министров, земского суда канцеляристов», «Разговор о кокушке в суде», «Глухой паспорт» и др.). Интересны в этом плане произведения украинца Ивана Некришевича, а также анонимные сатиры «Плач лаврских монахов», «Синаксар на память пьяницам о изобретении горилки» и др.

С горьким смехом и безнадежностью повествовал народ о своей

заветной мечте — освобождении от крепостной неволи. Это юмореска «Апшит, данный от хозяина серому коту» и знаменитый «Плач холопов».

Дворянская литература. Дворянская литература XVIII столетия развивалась главным образом в русле классицизма, четко проявляя при этом особенности, присущие русскому классицизму. Идейной основой его была борьба за национальную государственность под эгидой абсолютизма. Русскому классицизму был свойственен высокий пафос гражданственности, сильные просветительские тенденции и рано созревшие обличительно-сатирические моменты.

Все эти элементы в той или иной степени видны у наиболее раннего представителя классицизма XVIII столетия — Анти-оха Дмитриевича Кантемира (1708–1744). В 1729–1738 гг. он создал целый цикл из девяти сатир. Основной их темой была борьба с суеверием, невежеством, высмеивание дворянской спеси напудренных и разодетых щеголей. При том что автор был защитником привилегий дворян, в его сатирах намечается и тема защиты естественных прав человека.

Важным этапом в развитии русского классицизма явилось творчество придворного поэта Василия Кирилловича Тредиа-ковского (1703–1769). Сын астраханского священника, он после окончания Славяно-греко-латинской академии попал в Голландию и вскоре «своей охотой» перебрался в Париж, где учился в Сорбонне. В Петербург Тредиаковский приехал с помощью князя А. Б. Куракина. В 1730 г. вышел его первый труд о переводе иностранных произведений, где отстаивается идея нового литературного языка как языка живого, «мирского», разговорного. Вскоре Тредиаковский создал теоретический труд, посвященный основам русского стихосложения «Способ к сложению российских стихов», сыгравший видную роль в становлении русской светской поэзии. Оды Тредиаковского, а он их писал по случаю важнейших придворных событий, написаны тоническим сложением.

Глубоким патриотизмом проникнуто поэтическое творчество М. В. Ломоносова, девизом которого была его знаменитая фраза: «Для пользы общества коль радостно трудиться!» Развивая идеи В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносов создает учение о трех литературных «штилях», отстаивает чистоту русского литературного языка. Основные темы его творчества — военные подвиги России, пропаганда просвещения и великой роли науки (поэмы «Петр Великий», «Похвальное слово Петру Великому», трагедии «Тамира и Селим», «Демофонт», оды «На взятие Хотина», «Письмо о пользе стекла», «О пользе химии», знаменитый сатирический антицерковный памфлет «Гимн бороде» и многие другие). «С Ломоносова

начинается наша литература, — писал знаменитый русский критик В. Г. Белинский. — Он был ее отцом и пестуном, он был ее Петром Великим».

Демократизм творчества М. В. Ломоносова, считавшего, что героем может быть всякий «от земледельца до царя», резко противостоит творчеству А. П. Сумарокова (1718–1777), несущего в литературу ярко выраженное самосознание дворян как «первых членов Отечества». Создатель 9 трагедий и 12 комедий, лирический поэт, литературный теоретик, критик и публицист, А. П. Сумароков был защитником крепостничества, хотя в своих произведениях он подвергает осмеянию бюрократизм, взяточничество, «развращенные нравы дворян».

В зрелый период его творчества отчетливо видны признаки формирования сентиментализма. Его лирика в качестве ведущей имеет тему любви с акцентом на психологию переживаний и лирических размышлений.

Эта направленность сентиментализма пышно расцветает в творчестве таких последователей Сумарокова, как М. М. Херасков (1733–1807), И. Ф. Богданович (1743–1803) и В. И. Майков (1728–1778).

В цикле так называемых слезных драм и эпической поэме «Россиада» Херасков все социальные проблемы сводит к вопросам личной добродетели и филантропии. Те же идеи, хотя и под покровом юмора и шутки, проводятся в «Душеньке» Богдановича.

В сатире В. И. Майкова сильны реалистические моменты, подчеркнуто выражен интерес к быту городского мещанства. В поэмах «Игрок ломбера» и «Елисей, или Раздраженный Вакх» поэт выступает как балагур и пародист.

Дворянский сентиментализм своего расцвета достигает в творчестве Н. М. Карамзина (1766–1826), выдающегося русского писателя и историка. Карамзин был сыном симбирского помещика. В 1785–1789 гг. он сблизился с московскими масонами, в том числе и с Н. И. Новиковым, в журнале которого «Детское чтение» опубликовал свою первую оригинальную повесть «Евгений и Юлия». В 1789 г. Карамзин совершил путешествие по Европе, побывав, в частности, в революционной Франции, что способствовало формированию у литератора монархических взглядов. В 1792 г. в издаваемом Карамзиным «Московском журнале» была опубликована его повесть «Бедная Лиза», принесшая писателю известность. «Бедная Лиза», «Фрол Силин», «Наталья — боярская дочь» и «Письма русского путешественника» стали манифестом русского дворянского сентиментализма.

Н. М. Карамзин отвергал основу классицизма с его

гипертрофированным выражением интересов государства. Но в то же время писатель стремился отвлечься от социальных коллизий уходом в уединенную сельскую жизнь или решить их путем самоусовершенствования членов общества. Издательская его деятельность завершается основанием в 1802 г. журнала «Вестник Европы». С 1803 г. Карамзин — только историк, причем в звании официального историографа Александра I.

Наряду с дворянским сентиментализмом в XVIII столетии намечается и развитие мещанского сентиментализма. Это прежде всего Ф. А. Эмин (1735–1770) с его романами и особенно «Письмами Эрнста и Доравары». Автор заявляет: «Страсть и любовь — вот что является основой жизни».

Яркими представителями этого направления являются М. И. Попов (1742 — около 1790) и М. Д. Чулков (1740–1793). В комической опере Попова «Анюта» содержатся наряду с чувствительностью и элементы обличения крепостничества и власти денег. В романе Чулкова «Пригожая повариха» развита тема сочувствия к падшей женщине.

В конце XVIII столетия наблюдается все более четкий отход от принципов классицизма, преодоление сентиментальной тематики и постепенное формирование реалистических тенденций. Этот процесс намечается прежде всего в драматургии.

Раньше всего это проявилось в творчестве выдающегося русского писателя-драматурга Дениса Ивановича Фонвизина (1745–1792). От стихотворных сатир («Лисица-казнодей», «Послание к слугам»), от переводов басен Гольберга, Вольтера Д. И. Фонвизин переключается на драматургию. Уже первая его пьеса «Бригадир» имела большой успех. В ней ярко выражен реализм русского провинциального быта, в пьесе действуют реальные люди, хотя и с несколько гротескными чертами характеров. Образы Д. И. Фонвизина лишены схематизма и односторонности, в частности бригадирша в пьесе не только глупа и невежественна. В ней есть и искренняя материнская любовь. В комедию введены мотивы о тяжелой женской доле в семье, о браке по принуждению. Как дань сентиментализму в пьесе звучит тема высокой бескорыстной любви.

Более отчетливо указанная тенденция выражена в знаменитой комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» с ее главным героем дворянским сынком — баловнем и неучем. Здесь уже дана целая палитра ярких реалистических характеров (сам Митрофанушка, мать его госпожа Простакова, учитель Цифиркин, Ере-меевна и др.). В пьесе действуют дворяне, разночинцы, крепостные. Важная роль в пьесе отведена бытовым сценам,

раскрывающим растлевающее действие крепостничества. Как дань классицизму звучит некоторая нравоучительная тенденция, символизм ряда фамилий (Вральман, Стародум и т. д.). Вопреки классицизму проблема воспитания решена в пьесе не как процесс просвещения ума, а как воспитание чувств человеческих. Великое творение Фонвизина надолго стало образцом литературного творчества.

Видное место в литературе конца XVIII — начала XIX в. занимает Гаврила Романович Державин (1743–1816) — разрушитель традиции классицизма в русской лирике. В поэзии Державина элементы античной мифологии почти исчезли, его поэзия приблизилась к русской природе, к быту. Поэзия Державина разнообразна. Это и высокая ода о военных подвигах полководцев и солдат. Это и своеобразные элегии. Это, наконец, и сатирические произведения, широко представленные в творчестве знаменитого «бича вельмож», как называл Державина А. С. Пушкин.

Реалистические тенденции в литературе заметны в конце XVIII в. и у других народов России.

В литературе 80-х гг. XVIII в. нашли отражения взгляды передового русского дворянства, рост его самосознания. Речь идет, в частности, о трагедиях Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» и Н. П. Николаева «Сорена и Замир». В первой ярко звучат тираноборческие, антимонархические мотивы. Трагедия Княжнина насыщена гражданской патетикой и терминологией (самодержавие, тиран, гражданин, свобода, рабство и т. д.).

А. Н. Радищев также сделал в «Путешествии из Петербурга в Москву» серьезнейшую заявку на переход от сентиментализма к критическому реализму. Его оригинальная трактовка столь популярного в ту пору жанра путешествия, потрясающие по реализму картины окружающей его действительности, наконец, страстный протест против ужасающего крепостничества и призыв к революционному ниспровержению монархического строя — все это неотъемлемые элементы критического реализма, к которому русская литература пришла лишь в XIX в.

Таков вкратце многогранный процесс развития литературы XVIII в., в котором, отражая сложность социально-экономического развития страны, различные стили и жанры развиваются в острых противоречиях друг с другом, притом эти противоречия неразрывно связаны с борьбой взглядов, с борьбой идеологических течений.

Журналистика. Развитие журналистики в России падает главным образом на вторую половину XVIII столетия, но оно совершается вместе с тем чрезвычайно бурными темпами.

С конца 20-х гг. XVIII в. выходили первые предшественники журналов. Первый научно-популярный журнал в России — это «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», издаваемые Академией наук с 1755 г. С конца 50-х гг. появились первые частные журналы. Среди них — «Праздное время, в пользу употребленное», издаваемое группой лиц, «Трудолюбивая пчела» А. П. Сумарокова, «Полезное у веселение», в издании которого участвовал М. М. Херасков. В 60-х гг. журналов становится все больше. Стали выходить университетские «Свободные часы, в пользу употребленные», «Невинное упражнение» И. Ф. Богдановича, «Доброе намерение» В. Д. Саниковского и т. д. В основном это были дворян-ско-сословные издания.

В конце 60 — начале 70-х гг. XVIII в. число выходящих журналов резко возрастает. Только в 1769 г. появилось восемь новых изданий. И что особенно знаменательно — издавать журналы стали представители разночинной интеллигенции (М. Д. Чулков, Ф. А. Эмин, В. Г. Рубан и др.). Такие журналы были рассчитаны не на дворянскую, а на разночинную аудиторию. Среди журналов этого периода первое место занимают журналы Н. И. Новикова «Трутень», «Живописец», «Пустомеля» и «Кошелек». Первенствующая роль этих журналов объясняется их заостренным критическим направлением. В центре внимания Новикова-журналиста были язвы крепостнического строя, плутовство и взяточничество чиновников, судей и т. п.

Последователями Новикова были такие журналы, как «Адская почта» Ф. А. Эмина, «Смесь», частично «И то и сё» М. Д. Чулкова. Как мы уже знаем, полемика кончилась закрытием целого ряда сатирических журналов, и прежде всего нови-ковских.

С конца 70-х гг. XVIII в. довольно активно появляются специальные научные и научно-популярные издания. Еще с 1765 г. выходят «Труды» Вольного экономического общества. В 1777 г. появляются «Санкт-Петербургские ученые ведомости», в 1778 г. — «Санкт-Петербургское еженедельное сочинение». В Москве начинает выходить журнал «Сельский житель» А. Т. Болотова. В 80-х гг. он издает «Экономический магазин», Новиков — «Магазин натуральной истории, химии и физики». В самом конце XVIII в. А. Т. Болотов издает «Деревенское зеркало, или Общенародная книга» (в трех частях).

Указ 1783 г. о вольных типографиях вызвал оживление в журнально-издательской деятельности. Важной особенностью этого периода является возникновение журналов в провинции.

В Ярославле появляется «Уединенный пошехонец», а потом

«Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле». В Тобольске начинает выходить «Иртыш, превращающийся в Иппокре-ну» и «Журнал исторический».

В Москве в этот период выходит много специализированных изданий. Это «Детское чтение для сердца и разума» Н. И. Новикова, «Музыкальное увеселение», «Собрание некоторых театральных сочинений», «Древняя Российская вивлио-фика» Н. И. Новикова. В Петербурге в 43 частях выходит «Российский феатр». В официальном петербургском издании «Собеседник любителей российского слова» продолжает выступать Екатерина II. Из новиковских журналов этого периода наиболее значительным является «Покоящийся трудолюбец», ставящий вопросы воспитания патриотизма. В конце 80 — начале 90-х гг. XVIII в. из журналов, проявляющих углубленный интерес к социально-политической тематике, следует выделить «Беседующий гражданин», издаваемый «Обществом друзей словесных наук», и «Почта духов» И. А. Крылова. Правда, за излишне резкое бичевание пороков и невежества дворян, чиновничества и купечества «Почта духов» была в том же 1789 г. закрыта.

Таким образом, даже столь краткий обзор может дать представление о довольно высоком уровне развития в России журнальной публицистики и журналистики в целом.

§ 4. Искусство

Театр. В XVIII столетии в России довольно широкое развитие получило театральное искусство, которое вышло из тесного круга придворного общества, где к тому же и появлялось-то время от времени. Первый русский профессиональный общедоступный театр был создан в середине XVIII в. в Ярославле Федором Григорьевичем Волковым (1729–1763).

Ему обязаны своим мастерством крупнейшие актеры той эпохи: И. Нырков (Дмитревский), Я. Д. Шумский, А. Попов и др. Выдающимся актером был и сам Ф. Г. Волков, великолепно выступавший в трагедиях А. П. Сумарокова «Хорев», «Сенира», «Синав и Трувор», сочетавший в себе талант трагика и комедийного актера. Выходец из костромского мещанства, Ф. Г. Волков, по свидетельству Н. И. Новикова, «был великолепного, обымчивого и проницательного разума, основательного и здравого рассуждения и редких дарований» человек.

Многогранным талантом обладал друг и преемник Ф. Г. Волкова,

виднейший деятель русского театра Дмитревский (И. Нырков). Он был блестящим актером, режиссером, педагогом, успешно выступал как драматург. Дмитревский был избран членом Российской Академии и создал по ее поручению первую историю русского театра. Как актер, Дмитревский был чрезвычайно разнообразен. В 70-х гг. XVIII в. Дмитревский перешел к сентиментальной драме, а в 1782 г. создал образ Ста-родума в «Недоросле» Д. И. Фонвизина, оставивший глубокое впечатление у современников.

Важную роль играли и любительские публичные театры в Петербурге при Шляхетском корпусе, при Академии художеств, где воспитанием актеров руководил известный комический актер Я. Д. Шумский, в Москве при университете и при Воспитательном доме, где возглавлял труппу И. И. Каллиграф (1775–1778). Помимо этого, любительские труппы разночинцев показывали на зимних и весенних праздниках в российских городах «российские комедии». В 1765 г. в Москве предпринимается попытка создания бесплатного публичного театра «для народа» под надзором полиции, от которой актеры-любители получали по 50 коп. за спектакль. В Белоруссии на народных гуляньях и ярмарках выступали профессиональные труппы.

Постепенно любительские труппы сливаются с частными антрепризами, образуя профессиональные театры. В Москве в 1759–1762 гг. и с 1779 г. вплоть до начала нового века действовал так называемый Российский театр, в 1779–1783 гг. в Петербурге — театр на Царицыном лугу. В 1783 г. открывается многоярусный каменный театр (Большой театр). Тогда же переходит в казну театр К. Книппера, получивший тогда название Малого театра.

Любительские и профессиональные театры возникают в Нижнем Новгороде, Калуге, Харькове, Тамбове, Воронеже, Пензе, Иркутске и других городах России.

К 50—80-м гг. XVIII в. относится возникновение крепостных театров в дворянских усадьбах и городских особняках. В одной лишь Москве их было около пятнадцати. Известнейший театр с великолепной труппой крепостных актеров был у графов П. Б. Шереметева и Н. П. Шереметева в селе Останкине под Москвой. В труппе Н. П. Шереметева играла знаменитая крепостная актриса, певица П. И. Ковалева-Жемчугова (1768–1803). В Гродно Тизенгаузен создал крепостную балетную труппу и оркестр. Были крепостные труппы и у ряда магнатов. На примере жизни крепостных актеров ярко виден ужасающий трагизм положения крепостного интеллигента, подчас широко образованного и одаренного человека, находившегося в полнейшей власти грубого, невежественного

помещика-крепостника, который властен был за малейшую ошибку избить его на конюшне батогами, и т. п.

В крестьянской среде в XVIII в. широкое распространение, как и ранее, получила народная устная драма, украинский вертеп и кукольный театр Петрушки. Большой популярностью на Украине пользовался жанр интермедий, а в Белоруссии — кукольный театр-батлейка.

В актерской игре в российском театре XVIII в. наблюдается уже знакомый нам по литературе процесс постепенного отхода от классицизма, появление реалистических тенденций в трактовке ролей. От выспренней декламации стихов трагедий классицизма, от внешней пластики красивых актерских поз намечается переход к созданию живых реалистических образов. Такова эволюция Ф. Г. Волкова и И. Дмитревского. Еще резче это проявилось в игре выдающихся актеров более позднего поколения: П. А. Плавильщикова (1760–1812), С. Н. Сандунова (1756–1820), А. М. Крутицкого (ум. 1803), А. М. Мусиной-Пушкиной и др.

Музыка. Интересную эволюцию в XVIII в. претерпевает музыкальное творчество. Пожалуй, нигде так ярко не проявилось ведущее влияние народных музыкальных традиций, как в русской музыке XVIII столетия.

В дворянской среде широкое распространение получила русская народная песня, а особенно — стилизация под народный склад песни. Впервые появляются и широко расходятся печатные песенники русских и украинских народных песен (В. Ф. Тру-товского, И. Мейера, И. Прача и др.). В 80-х гг. XVIII в. создается опубликованный в 1818 г. знаменитый сборник Кирши Данилова с записью напевов русского народного эпоса.

К 70-м гг. XVIII столетия относится формирование русской национальной оперы (главным образом комической), таюке испытывавшей сильное влияние песенного фольклора. Таковы оперы сына солдата Е. И. Фомина (1762–1800) «Ямщики на подставе», «Санкт-Петербургский гостиный двор» В. А. Пашкевича, «Мельник — колдун, обманщик и сват» и оперные обработки М. М. Соколовского.

Наряду с оперой появляется камерная и инструментальная музыка, представителями которой был крепостной И. Е. Хан-дошкин, известный прекрасными и многочисленными вариациями на русские темы, и украинский композитор Д. С. Бортнян-ский, автор интересных клавирных сонат и церковных хоров.

Одной из наиболее ярких страниц в истории российского искусства является изобразительное искусство XVIII столетия. После петровских реформ его светская направленность твердо встала на ноги. Изобразительное искусство этой эпохи во многом носит торжественно-

праздничный характер, отличается необыкновенной пышностью, игрою красок, форм и линий. Оно словно отражает рост и могущество грандиозной империи под властью абсолютного монарха.

Архитектура. С наибольшей полнотой эти особенности передает русское зодчество, которое дало России немало произведений мирового значения. Наиболее ярким талантом середины столетия был Ф. Б. Растрелли (1700–1771). По происхождению итальянец, Ф. Б. Растрелли родился и жил в Париже. В Россию приехал 16-летним мальчиком вместе с отцом, известным скульптором Петровской эпохи. Среди основных его работ: дворец в Петергофе, дворцовый ансамбль в Царском Селе, Смольный монастырь под Петербургом, четвертый Зимний дворец в Петербурге, особняки Воронцова и Строганова в Петербурге, проект Андреевского собора в Киеве. Блестящему таланту Растрелли, глубоко впитавшему национальные особенности русской культуры, удавалось буквально все. Он строил пышные дворцы, храмы, павильоны, загородные комплексы и т. п.

Петергофский дворец по своей конструкции, типичной для петровского времени, состоит из боковых каменных флигелей, соединенных с центральным зданием крытыми галереями. Перед дворцом разбит огромный парадный двор. Архитектура этого здания еще довольно скромна. Она носит плоскостной характер, так как основным элементом ее служат плоские пилястры (полуколонны). Фантазия архитектора нашла простор в завершении боковых павильонов изумительными пышными куполами с луковичными главами, придающими всему ансамблю весьма торжественный вид.

В полном блеске творчество Растрелли развернулось при перестройке Царскосельского дворца. Архитектор применил здесь смелое решение. Из конструкции, напоминавшей Петергофский дворец, надстройкой галерей он резко вытянул весь фасад дворца, придав ему поистине грандиозный размах (длина его около 300 м). Вместе с тем архитектор сделал протяженность дворца весьма разнообразной, выделив пять основных корпусов, соединенных крытыми галереями. Великолепна внешняя архитектура дворца, где применена игра этажей по вертикали. Яркой конструктивной особенностью интерьера является торжественная анфилада залов, уходящая в бесконечность.

Лебединой песней архитектора явился Зимний дворец в Петербурге. Грандиозный, прямоугольный в плане дворец имеет внутренний двор. Растянутость дворца вдоль величественной набережной Невы и великолепной Дворцовой площади вовсе не делает его приземистым.

Наоборот, дворец поражает сочетанием своей мощи, грандиозности со стремительностью вверх. Растрелли щедро применил во внешнем декоре дворца такой элемент, как колонны. Самые разнообразные, они живописно образуют стройные вертикальные линии, завершаемые изящными скульптурами, как бы тающими в воздухе. Построенный, по словам Растрелли, «для славы российской», Зимний дворец — наиболее выдающееся творение парадной архитектуры русского классицизма.

Дворцово-парковая архитектура представлена и такими архитекторами, как Ф. С. Аргунов, воздвигнувший в загородном ансамбле усадьбы Шереметевых в Кускове (под Москвой) множество павильонов в затейливо-барочном стиле, А. Ри-нальди, построивший дворец К. Разумовского в Батурине, «Китайский дворец» и Катальную горку в Ораниенбауме, где четко определился так называемый стиль рококо, с его множественными измельченными декоративными элементами. Ри-нальди построил также дворец в Гатчине и Мраморный дворец в Петербурге. В этих постройках уже сказывается наметившийся в русской архитектуре переход к лаконичному стилю так называемого неоклассицизма, творчески переработавшего античное наследие.

Во второй половине XVIII в. появляется ряд крупнейших талантливых русских зодчих, среди которых в первую очередь следует упомянуть В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, И. Е. Ста-рова. В их деятельности русский классицизм обрел свои основные черты.

Василий Иванович Баженов (1737–1799) — великий русский зодчий, один из первых представителей русского неоклассицизма. Сын дьячка села Дольского Калужской губернии, с 1754 г. он учился в гимназии Московского университета, а с 1758 г. обучался живописи в Академии художеств. В 1760 г. Баженов был отправлен «пенсионером» в Париж, а в 1762–1764 гг. работал в Италии, где участвовал в проектировании Капитолийской лестницы в Риме. В этот период Баженова избирают профессором Римской академии, а Болонская и Флорентийская академии — действительным членом. Его работы, выполненные в моделях, вызывают всеобщее восхищение. В 1765 г. по возвращении в Петербург «пенсионер» Елизаветы был встречен враждебно. Его способности подверглись «проверке». Хотя Баженов получил в Петербурге диплом академика, профессором его все-таки не избрали. Его проект грандиозного дворца в Московском Кремле был одобрен, но не осуществлен. Вторая его работа — проектирование и строительство царского загородного дворца в селе Царицыно под Москвой — была доведена до окончания постройки, но по приказу Екатерины II разрушена. Долгие годы великий Баженов выполнял

заказы частных лиц и только в 90-е гг. xviii в. создал проект Михайловского замка, построенного для Павла I в 1797–1800 гг. архитектором В. Ф. Бренна.

Творчество В. И. Баженова характерно своей яркой новизной, «непохожестью» на архитектуру середины столетия. Для неоклассицизма этого зодчего свойственно глубокое уважение античной классики с ее строгостью линий и продуманностью форм, но одновременно он широко применяет новые круглые и овальные архитектурные объемы. Баженов обильно применял колоннаду в качестве декоративных элементов фасадов, гирлянды, барельефы и т. п. Вместе с тем его дворцам присуща спокойная монументальность. Неоклассицизм Баженова надолго определил пути развития русской архитектуры.

В загородном царицынском дворце великий зодчий проявил иную манеру. Здесь В. И. Баженов дал первый пример так называемой русской псевдоготики, сочетая во внешнем декоре старомосковское узорочье, кокошники, колонны-дудочки и готические фиалы с изогнутыми стенами, стрельчатые проемы дверей и т. п. Вместе с тем это была отнюдь не стилизация под старину, а подлинно современное строение. Среди его частных заказов в Москве выдающееся значение имеет шедевр русского классицизма XVIII в. — дом Пашкова.

Наряду с дворцово-парковой архитектурой в XVIII столетии все большее значение приобретает строительство зданий общественного назначения. Одной из первых построек подобного типа является знаменитое Адмиралтейство в Петербурге, созданное русским архитектором И. К. Коробовым (1700–1747). Архитектор создал новые корпуса, а над аркой главного здания возвел знаменитую золоченую «адмиралтейскую иглу» (шпиль), сделав этот архитектурный элемент органической частью строящегося городского ансамбля. В Петербурге в 1764–1783 гг. сооружается здание Академии художеств, выполненное архитектором А. Ф. Кокориновым в стиле неоклассицизма.

В строительство крупных общественных сооружений в Москве большой вклад внес великий русский зодчий М. Ф. Казаков (1738–1812). Сын подканцеляриста, Казаков родился и вырос в Москве. Еще мальчиком он работал и учился у Д. В. Ухтомского. В 1760 г. курс обучения Казакова был закончен, он стал «прапорщиком архитектуры». Основные его работы: Путевой дворец в Твери, здание Сената в Московском Кремле, Петровский дворец в Москве, здания Московского университета, Благородного собрания, Голицынской больницы, множество частных домов в Москве.

Будучи одним из учеников и почитателей В. И. Баженова, М. Ф.

Казаков продолжил совершенствование тех особенностей русского неоклассицизма, которые внес в архитектуру Баженов. В совершенстве овладев античным наследием с его ордером, строгой гармоничностью пропорций и пластикой форм, великий зодчий вносит вместе с тем свое творческое начало, сделав неоклассицизм еще более строгим и простым. Замечательный пример творчества Казакова — Сенатское здание в Московском Кремле. Оно решено (впрочем, из-за места, отведенного для постройки) в виде равнобедренного треугольника с внутренним двором. Архитектурным центром здания служит грандиозный купол над ротондой, помещенной над кремлевской стеной в центре Красной площади. Огромный размах купола сам по себе был невиданным техническим новшеством. Не менее интересен Петровский подъездной дворец, решенный в стиле псевдоготики.

В строительстве общественных зданий в Москве еще долго применяется так называемый усадебный принцип с парадным двором перед зданием. Многие постройки М. Ф. Казакова (Голицынская больница, Московский университет и др.) решены в таком плане. В этих и во многих других зданиях проявился особый вкус Казакова к купольным ротондам, явившимся великолепным декоративным завершением всех его зданий. Особое место в творчестве Казакова занимает здание Благородного собрания. Оно перестроено зодчим из дома Долгоруких в 1784 г. Душою этого здания явился великолепный колонный зал, воспетый А. С. Пушкиным. Это творение М. Ф. Казакова — поистине жемчужина русской архитектуры этой поры.

Лучшей постройкой И. Е. Старова (1744–1808) был дворец Г. А. Потемкина в Петербурге, более известный как Таврический дворец. В его конструкции центром является дорический портик и купол здания. И. Е. Старов в отличие от своих предшественников стены здания сделал совершенно гладкими. Великолепие дворцу придают широко распахнутые крылья. Чудесны внутренние покои дворца, где талантливый зодчий применял уникальный прием для разделения парадных залов — вместо стен здесь применена двойная прозрачная колоннада.

Одновременно с русскими зодчими в России успешно работали и иностранцы. Среди них наиболее талантливыми были шотландец Чарльз Камерон (1730–1812), итальянец Джакомо Кваренги (1744–1817).

Выдающимся памятником зодчества, созданным крепостными мастерами, является деревянный дворец Шереметевых в селе Останкине под Москвой, где работали такие мастера, как А. Ф. Миронов, Г. Е. Дикушин, П. И. Аргунов. Живопись и скульптура. Интересные достижения

в XVIII столетии были и в области живописи. Своеобразную эволюцию переживает в этот период жанр портретной живописи, где сквозь официальную парадность постепенно прорывается психологизм и реальность в изображении характера человека. Жизненная правда уже пробивается в портретах Алексея Петровича Антропова (1716–1795), солдатского сына по своему происхождению. В частности, в рамках жанра народного портрета он сумел воссоздать весьма реалистический портрет Петра III (1762). В портрете А. М. Измайловой перед нами предстает довольно чопорная нарумяненная старуха. Успешно работал в жанре портрета крепостной художник Шереметева Иван Петрович Аргунов (1727–1802). Яркие реалистические характеристики даны им в портретах П. Б. Шереметева, В. А. Шереметевой, Хрипуновых и т. д.

Дальнейшим шагом в развитии этого жанра явилось искусство Ф. С. Рокотова (1736–1808). Наряду с пышным парадным портретом в творчестве Рокотова появляется портрет неофициальный, интимный, все внимание в котором обращено не на пышные одежды, а на лицо человека. Именно таким является портрет поэта В. И. Майкова.

Многообразно и широко представлено творчество Д. Г. Левицкого (1735–1822). Украинец, получивший живописное образование в Киеве у отца-гравера, Левицкий завершает его в Петербурге у А. П. Антропова. Парадные портреты этого художника наполнены великолепием разнообразнейших одежд и материалов. Но вместе с тем живописец умеет в рамках условных поз и жестов показать реальные черточки характера, разрушая тем самым показную монументальность и парадность образа. Таков портрет богатейшего заводчика П. А. Демидова. Такова серия портретов благородных воспитанниц Смольного института — подростков-девочек в роли светских дам (портреты Е. И. Нелидовой, Е. Н. Хрущовой и др.)

Продолжателем традиций Левицкого был другой выходец из Украины В. Л. Боровиковский (1757–1825). В его портретах искусство психологизма достигло большой высоты. Мастер изображения человеческих чувств, Боровиковский близок к сентиментализму. Таков портрет мечтательной и томной М. И. Лопухиной — один из лучших образцов этого жанра, портрет царицы Екатерины II, гуляющей в саду в простой одежде, без всяких признаков ее царственного положения.

В Академии художеств в круге задач преподавания живописного искусства в XVIII столетии меньше всего имелся в виду жанр портретной живописи. Он был тогда сугубо второстепенным, в то время как жанру исторической живописи придавалось главное внимание. Это и не

удивительно, ибо этот жанр лучше всего мог реализовать задачу изображения высокой патетики классицизма. В исторической живописи постоянными героями были действующие лица героических мифов античности (например, картина А. П. Лосенко (1737–1773) «Прощание Гектора с Андромахой» и т. п.). Художники привлекали героические сюжеты и из русской истории. Примером здесь могут служить картины того же Лосенко «Владимир и Рогнеда» и Г. И. Угрюмова (1764–1823) «Испытание силы Яна Усма-ря». В последней изображен простой воин, остановивший бег разъяренного быка. Воин как бы доказывает, что он достоин сразиться с вражеским печенежским богатырем.

Наряду с исторической живописью развивается и пейзажная, обнимающая сельский, часто античный, и современный городской пейзаж.

Наконец, в XVIII столетии получает начало своего развития и жанровая живопись. В этой живописи ранее всего появляется крестьянская тема. Однако решается она у разных художников по-разному. У одних это слащавые изображения «поселян», а у других — глубокие проникновенные характеристики сельских тружеников. В числе последних следует назвать таких интересных художников, как Михаил Шибанов, крепостной Г. А. Потемкина («Крестьянский обед», «Сговор» и др.), а также И. А. Ерменев.

Наконец, нельзя не упомянуть о великолепных достижениях русских скульпторов XVIII столетия, среди которых были таланты потрясающей силы. В числе первых стоит знаменитый земляк М. В. Ломоносова Федор Иванович Шубин (1740–1805). Тенденции реализма, острая портретная характеристика четко и рельефно выражены в его творчестве. Шубин создал изумительный по вдохновению образ М. В. Ломоносова. Широко известны его скульптурные портреты скептика-аристократа А. М. Голицына, талантливого и сурового воина-полководца З. Г. Чернышева и его брата-тупицы И. Г. Чернышева и, конечно же, скульптурный портрет Павла I.

В области декоративной скульптуры в эту эпоху работала целая плеяда выдающихся мастеров. Это Ф. Г. Гордеев, М. И. Козловский, И. П. Прокофьев, Ф. Ф. Щедрин, И. П. Мартос, создавшие замечательные образцы декоративной и монументальной скульптуры. Особо следует отметить памятник Петру I, созданный французским скульптором Э. М. Фальконе (1716–1791). Это произведение огромного пафоса и могучей титанической силы. Петр I изображен всадником, стремительно осадившим скакуна на самом обрыве крутой скалы. Это образ могучего властелина, готового растоптать все мешающее на пути преобразований. Замечательный Медный всадник Фальконе стал неотъемлемой частью

Петербурга.

Раздел III
Российская империя в XIX в.

Глава 17. Дореформенная экономика

§ 1. Структура хозяйства и экономическое районирование

Территория и население. В начале xix в. Российская империя была крупнейшей европейской державой. Благодаря гигантскому напряжению сил, успехам политики Петра I и Екатерины II Россия прочно утвердилась на берегах Балтийского и Черного морей, в орбиту ее влияния постепенно входило Закавказье, за Уралом российские владения простирались до Тихого океана. Победа в наполеоновских войнах привела к стабилизации западной границы, что стало важным условием установления прочных торгово-экономических отношений со странами Центральной и Западной Европы. Последующие территориальные изменения в дореформенный период были сравнительно невелики. Ко времени падения крепостного права страна занимала 19,6 млн кв. км, из них на долю Европейской России, где жила основная масса населения и был сосредоточен экономический потенциал, приходилось 5,5 млн кв. км.

Административно-территориальное деление определялось екатерининской губернской системой, совершенствование которой при Николае I приняло характер административной унификации, что противоречило началам имперской государственности. К началу 1850-х гг. на территории Европейской России была 51 губерния. На особом положении находились 8 губерний Княжества Финляндии и 5 польских. Кавказское наместничество состояло из 5 губерний. По реформе 1822 г. Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства — Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское. Большинство губерний делилось на уезды, на окраинах были и другие административные единицы. Губернская система управления функционировала успешно и до определенной степени обеспечивала внутриполитическую стабильность. Административные границы не всегда совпадали с этническим расселением и с экономическим районированием. Вместе с тем наблюдалась устойчивая тенденция превращения большинства губернских городов из простых административных в торговые, а нередко торгово-промышленные центры.

Численность народонаселения в дореформенное время определялась при помощи периодически проводимых ревизий, которые учитывали податные души мужского пола. Сведения бывали неполны, но давали представление о картине в целом. Общая численность населения в 1795 г.,

когда была проведена 5-я ревизия, составляла чуть больше 37 млн человек. К 1857 г., когда прошла последняя, 10-я ревизия, она возросла, в сопоставимых границах, до 59 млн. С учетом населения Закавказья и Северного Кавказа, с польскими губерниями и Финляндией, она доходила до 75 млн.

Увеличение численности населения в первую очередь было связано с его естественным приростом, который объяснялся относительной стабилизацией экономической и политической жизни, отсутствием опустошительных войн и эпидемий. Среднегодовой прирост составлял 1,09 %, что было хорошим показателем. Для Сибири с ее редким населением эта цифра была 2,41 %.

Огромное большинство людей жило в деревне, что определяло аграрный характер экономики. В начале века разные категории крестьян объединяли в совокупности более 90 % жителей; к 1857 г. в деревне сосредоточилось около 84 %. Учет городского населения был затруднен наличием большого числа крестьян-отходников. На исходе дореформенной эпохи в среднем они составляли свыше 20 % населения городов. В Москве доля дворовых и крестьян-отходников превышала 45 %, в Петербурге она составляла свыше трети. Во всех крупных городах дореформенной России численность мужского населения заметно превышала женское.

По данным на 1811 г., в России насчитывалось 630 городов с населением около 3 млн человек, среди которых полноправные городские сословия, купцы и мещане, составляли не более 40 %.

Большинство городов были маленькими и иногда уступали по численности крупным торгово-промышленным селам, среди которых выделялись Иваново, Павлово, Кимры, Ворсма. В таких городах уклад жизни и хозяйственная деятельность мало отличались от деревенской. Всего пять городов имели население свыше 50 тыс., из них Петербург — 336 тыс., Москва — 270 тыс. К концу дореформенного периода было 14 городов с населением каждого свыше 50 тыс. На первом месте по-прежнему стоял Петербург с более чем полумиллионным населением, на втором — Москва, где было 352 тыс. жителей, на третьем — Одесса, где проживало 119 тыс. человек. Городское население увеличивалось крайне неравномерно: наиболее быстро росли южные и поволжские города, такие, как Николаев, Одесса, Ростов-на-Дону, Самара. В процентном отношении городское население увеличивалось быстрее, чем сельское. Удельный вес горожан в начале XIX в. был менее 5 %, а к середине дошел до 9 % всего населения Европейской России. В это число не включалась армия и, как правило, поместное дворянство.

Российская империя была страной, где строго соблюдалось сословное деление общества. Переход из одного сословия в другое был крайне затруднен и регулировался сложной юрисдикцией. К 1858 г. в России насчитывалось 68 сословий и сословных групп, значительная часть которых была представлена лишь на окраинах империи. Численность неподатных сословий, к которым относились дворянство, духовенство, чиновничество, армия, не превышала 10 %. К дворянскому сословию в 1795 г. было отнесено 122 тыс. человек мужского пола, а накануне крестьянской реформы оно возросло до 464 тыс.; даже с учетом женщин дворянство никогда не достигало в общей численности населения 1 %. По статистике 1825 г., в состав белого духовенства входило 102 тыс. человек. Монашествующих и монахинь, послушников и послушниц было около И тыс. Численность представителей клира иных конфессий, включая католическое духовенство польских губерний, была сравнительно невелика.

Численность податных сословий составляла чуть более 90 %. Самым многочисленным сословием были помещичьи крестьяне. В начале века их насчитывалось свыше 15 млн человек обоего пола, по 10-й ревизии — 24,6 млн. В эту категорию были включены дворовые, крестьяне, приписанные к частным заводам, и дворцовые крестьяне. Удельный вес крепостных крестьян в общем составе населения непрерывно снижался. К отмене крепостного права их численность почти сравнялась с численностью государственных крестьян, которое составляло 23,8 млн человек. Среди других сословий заметна была численность казачества, которая доходила до 1,4 млн человек.

Национальный состав населения Российской империи никак не учитывался, поскольку власти принимали во внимание прежде всего вероисповедную принадлежность. Можно говорить о том, что к середине XIX в. русское, украинское и белорусское население, исповедовавшее православие, составляло примерно две трети жителей Российской империи.

Транспортные пути. Большие пространства, рост городов, хозяйственная специализация районов и усиление товарообмена повышали значение путей и средств сообщения. Транспортная проблема играла исключительно важную роль в народно-хозяйственной жизни страны.

В первой половине XIX в. основным видом транспорта в России оставался речной, роль которого в перевозке грузов на дальние расстояния значительно возросла. Это было связано с ростом объема перевозок, который был вызван развитием промышленности и товарного производства в деревне. Вместе с тем речной транспорт не обеспечивал бесперебойной

доставки грузов. Долгая и холодная зима, колебания уровня воды от весенних паводков к летнему мелководью препятствовали развитию регулярного судоходства, что особенно сказывалось на доставке грузов в крупные города. Из Нижнего Поволжья в Петербург зерно приходило на второй год после уборки урожая.

Правительство прилагало настойчивые усилия по совершенствованию водных путей сообщения. Равнинный характер страны, отсутствие резких водоразделов вели к тому, что верховья рек подходили близко друг к другу. Это облегчало строительство каналов, значительная часть которых проходила по путям древних волоков. В начале XIX в. была сооружена Мариинская система, соединившая Петербург с Волгой. Она проходила по реке Шексне, Белому озеру, системе шлюзованных каналов, по Вытегре, Онежскому озеру, по реке Свирь, по Ладожскому озеру и Неве. К 1825 г. были закончены каналы для обхода Белого и Онежского озер. В одно время с Мариинской была создана Тихвинская система, соединившая реку Мологу с Ладожским озером. В 1804 г. была достроена Огнинская система между Днепром и Неманом. Тогда же была сооружена Бере-зинская система, соединившая Днепр с Западной Двиной, что позволяло везти лес к Рижскому порту. При Николае I Неман был соединен с Вислой, перестроен и расширен Днепровско-Буг-ский канал. Для доставки дубового леса в Архангельск Шексна была соединена с Сухоной.

Обслуживание внутренних водных путей требовало значительной рабочей силы, в основном это были занятые тяжелой физической работой бурлаки. В первую половину века их численность доходила до полумиллиона человек. Несовершенство водного транспорта резко повышало стоимость доставляемых грузов. Уральское железо из-за дороговизны не находило сбыта в западных губерниях.

Положение стало меняться с появлением пароходного сообщения. Первый пароход проплыл по Неве в 1815 г., он был построен в Петербурге на машиностроительном заводе Берда. Там же стали создаваться паровые машины для пароходов. Большое народно-хозяйственное значение приобрело пароходство по Волге и Каме, которое заметно усилилось после того, как в середине века был основан Сормовский судостроительный завод. Речной флот России вскоре стал насчитывать свыше 300 пароходов. В середине 1830-х гг. стало развиваться пароходное сообщение на Балтийском и Черном морях, тогда же пароходы стали ходить по Каспийскому и Белому морям. Начатое по почину казны, пароходство и пароходное судостроение быстро стали доходной отраслью частного предпринимательства.

С водным транспортом соперничал гужевой. На гужевых перевозках хлеба летом было занято до 800 тыс., а зимой до 3 млн человек. В отдельных регионах, прежде всего за Уралом, на Кавказе и в Закавказье, гужевые перевозки были главной формой транспортировки грузов. Первые правильно устроенные шоссейные дороги стали строить в Европейской России в 1817 г. К 1861 г. их протяженность составила около 10 тыс. верст. Система грунтовых дорог была хорошо развита, но в распутицу движение по ним замирало.

В николаевское время логика экономического развития поставила перед правительством вопрос о строительстве железных дорог. Правительство долго смотрело на железные дороги как на средство, которое может пагубно сказаться на народной нравственности, приучив крестьян к-легкой смене мест. Убежденным противником железных дорог был министр финансов Е. Ф. Канкрин, опиравшийся на поддержку крупных извозопромышленников. Среди инженеров ведомства путей сообщения мнения разделились, но большинство поддерживало П. П. Мельникова, который настойчиво доказывал экономическую целесообразность и техническую возможность строительства железных дорог в России.

Первая железная дорога, соединившая Петербург и Павловск, стала сооружаться в 1837 г. Экономического значения она не имела. В 1839 г. было начато строительство Варшавско-Венской железной дороги, движение по которой открылось в 1845 г. Она облегчила связи со странами Центральной Европы. Политическими и стратегическими соображениями было продиктовано строительство прямого железнодорожного пути Петербург — Москва, которое было завершено в 1851 г. Тогда же приступили к строительству железной дороги Петербург — Варшава. К 1860 г. протяженность железных дорог в России не превышала 1500 верст. Важнейшие шоссейные и первые железные дороги строились за счет казны, которая не была обеспокоена вопросами их хозяйственной окупаемости.

Хлебопашество. Хозяйственное районирование дореформенной России было простым и определялось в первую очередь особенностями ведения сельского хозяйства. Россия была прежде всего земледельческой страной. В начале XIX в. наибольшая доля пашни приходилась на Центрально-Черноземный, Литовско-Белорусский и Центрально-Нечерноземный регионы, где была давняя культура земледелия и высокая плотность населения. Черноземная полоса по плотности населения превосходила Нечерноземную почти вдвое. На протяжении всего

дореформенного периода происходило движение населения из этих регионов на Юг, в Новороссию, степное Предкавказье, Нижнее и Среднее Поволжье. Прежде слабо заселенные, эти территории стали объектом интенсивной земледельческой колонизации. В них происходило расширение пашенных угодий, в сельскохозяйственный оборот вводились большие площади целинных и залежных земель.

В целом в сельском хозяйстве дореформенной России преобладали зерновые культуры, под которые отводилось свыше 95 % всей пахотной земли. В структуре зернового производства преобладали серые хлеба — рожь, овес, ячмень. Под них отводилось до 80 /о посевных площадей. Красные хлеба — прежде всего пшеница — им значительно уступали. Из других культур значительные площади отводились под гречиху. Общая площадь, отводимая под посевы зерновых культур, постоянно увеличивалась. Это было основной причиной роста валовых сборов хлебов, которые с 1801 по 1860 г. увеличились со 155 до 201 млн четвертей. При этом товарность зернового хозяйства возросла примерно вдвое. Хлебный экспорт рос гораздо более быстрыми темпами: с 20 млн пудов в начале века до почти 70 млн пудов к 1861 г. Примерно столько же в это время шло на винокурение; 110 млн пудов хлеба потребляли города, 18 млн — армия. Главным производителем товарной зерновой продукции было дворянство.

Наибольшую долю товарного хлеба давали районы с высокой земледельческой специализацией. Так, из 112 млн пудов хлеба, отправленного в предреформенные годы по речным путям 46 губерний, 68 млн приходилось на губернии Центрально-Черноземного района, Поволжья и Предкавказья.

Суммарный годовой объем товарного зерна, по мнению ученых, мог достигать в 50-е годы XIX в. в среднем 304 млн пудов. Обращение на рынке столь солидной массы продукции независимо от ее происхождения не могло не свидетельствовать об упорядоченности механизма соотношения спроса и предложения зерна. И действительно, изучение динамики хлебных цен на макроуровне в виде среднегодовых цен в рамках целых десятилетий показывает, что во втором десятилетии XIX в. уже структурировалось три огромные региональные рыночныеконъ-юктуры, в каждой из которых был свой механизм колебаний цен. Прежде всего это наметившиеся еще в XVIII в. контуры огромного Волжского рынка, включившего теперь Центр страны, Северо-Запад, Прибалтику и частично Север; затем существующий с XVIII в. Центрально-Черноземный рынок и, наконец, вновь появившийся после экономического освоения территорий, приобретенных Российской империей в итоге русско-турецких войн,

огромнейший, но рыхловатый контур Черномор-ско-Уральского рынка ржи и овса.

К середине XIX в. расширение хлебопашества при огромной роли помещичьего барщинного хозяйства привело к кардинальным изменениям. На месте прежних контуров трех региональных рынков появились пять новых контуров сильно сливающихся друг с другом региональных рынков ржи: Центрально-Северо-Западный, Центрально-Юго-Западный, Западный, Юго-Западный, Поволжский и старый Черноморско-Ураль-ский. Столь сложное переплетение региональных механизмов движения хлебных цен знаменует неизбежное в будущем их слияние в единый механизм колебаний цен, т. е. в единое пространство действия единого закона стоимости. Наконец, в середине XIX в. стало очевидным, что почти полностью сформировался всероссийский рынок овса. Контуры единого макромеханизма движения годовых цен в интервале десятилетия 1846–1855 гг. распространились на гигантское пространство в 40 губерний Европейской России.

Необходимо подчеркнуть, что развитие хлебного рынка было тесно связано с развитием всей экономики страны, особенно с развитием промышленности, транспорта, ростом отходничества огромных масс крестьянства и стремлениями помещиков резко увеличить доходы от продажи зерна. Однако не менее важно понять, какой ценой доставалась крестьянину возможность производить товарную продукцию в условиях господства в основных районах страны далеко не самых благоприятных условий природы и климата.

Прежде всего следует отметить уровень урожайности в первой половине XIX в. в Европейской России. В первом десятилетии средняя валовая урожайность была сам-3,3. По регионам она колебалась от сам-4,3 и сам-4,7 на Юго-Западе, в Южном Степном и в Прибалтике до сам-2,6 на Северо-Западе и в Центрально-Нечерноземном регионах. При высеве в 12 пудов на десятину сбор зерна достигал максимум 52–56 пудов и минимум 31 пуд.

В 50-х г. XIX в. средняя урожайность сохранилась на уровне сам-3,2 при максимуме сам-4,5 и сам-4,2 в Прибалтике и Южном Степном и минимуме сам-2,5 и сам-2,7 в Западном регионе, Северо-Западном и Нечерноземном Центре (это 30–32 пуда). Более существенны данные о чистых сборах (за вычетом семян). Чистый сбор за 50-е гг. XIX в. по Европейской России достигал 2,37 четверти на душу населения (19 пудов). В Нечерноземном Центре он был равен 2 четвертям (16 пудов), в Черноземном Центре — 25 пудов. В неурожайные годы в Нечерноземном и

Черноземном Центрах чистые сборы снижались до 12–13 пудов с десятины. А на Средней Волге, в Левобережной Украине и на Нижней Волге — до 8—10 пудов. Наибольший чистый сбор был однажды за 10 лет в Черноземном Центре — 45 пудов, а на Нижней Волге — 51 пуд. Это крайне низкая обеспеченность крестьянской жизни хлебом. В 50-е гг. в среднем по 17 нечерноземным губерниям чистые сборы у помещиков достигали 75 пудов на душу, у помещичьих крестьян — 16,8 пуда, у государственных крестьян — 19 пудов. По 17 черноземным губерниям у помещиков чистые сборы на душу равнялись 172 пудам, у помещичьих крестьян — 20 пудам, у государственных — 19 пудам. Если учесть, что в Черноземном Центре, на Западе, Юго-Западе, в Левобережной Украине высевы помещиков составляли 31 % от всех посевов, а всего в конце 50-х гг. они достигали более 100 млн пудов, то огромная роль их на зерновом рынке будет очевидна, ибо товарность помещичьего хозяйства составляла 57 %.

Посевы помещиков по отношению к посевам их собственных крестьян в Черноземном Центре, Средней и Нижней Волге и в Западном регионе достигали 54–62 %, оставляя крестьянам 38–47 % земли. В 15 черноземных губерниях на 800 пудов крестьянского высева приходилось 700 пудов высева на барском поле. Это был колоссальный рост эксплуатации крепостного труда.

При краткости рабочего периода для сельскохозяйственных работ однотягловый крестьянин, как уже указывалось, не мог обработать пашню в озимом и яровом поле размером более 2,5–3 десятин земли. В черноземных краях он увеличивал запашку до 4–5 десятин только за счет упрощения обработки поля. К этой нагрузке неизбежно добавлялась чуть меньшая по площади барская пашня. В итоге общая площадь пашни увеличивалась до 7–8 десятин, что вело к чудовищно низкому качеству обработки полей. В этих краях, как писал А. Гакстгаузен, «земля обрабатывается слабо, без напряжения сил», т. е. путем однократной поверхностной «скородьбы». Притом овес нередко сеяли и вовсе по непаханому полю. Расчет был лишь на огромное плодородие земли и хорошую погоду. В итоге, как было сказано, в южных районах обильные урожаи — редкий случай, и в среднем общая урожайность была немногим выше, чем в Нечерноземье. Такие же или чуть лучше урожаи были и на помещичьих землях. Тем не менее непосильная по площади пашня в течение веков обрабатывалась с максимальным напряжением сил, и высев в крестьянской семье из четырех человек (одно тягло) удерживался всегда в пределах 5–6 четвертей зерна (40–48 пудов) в двух полях. Что же в

конечном счете получал крестьянин после уборки урожая и продажи части зерна? Для этого из суммы чистого сбора по Европейской России (1168 млн пудов) следует вычесть объем товарного зерна (304 млн пудов) и остаток поделить на количество населения за вычетом состава армии, флота и городских жителей (54,2 млн человек). В итоге на душу населения придется 15,9 пуда зерна в год на питание и расходы на фураж, ибо в крестьянском одно-тягловом хозяйстве было 2 лошади, 2 коровы и несколько овец. Напомним, что общепринятая норма расхода на человека в XVIII–XIX вв. равнялась 24 пудам с учетом расхода на фураж. Таким образом, вполне очевидно, что развитие внутреннего зернового рынка парадоксальным образом основывалось на минимальной обеспеченности населения России основным продуктом питания. Как же выживал русский крестьянин? В его рационе огромное место занимали овощи (капуста, репа, редька, пробивающий уже дорогу картофель, грибы и очень редко — мясо). Это была вечная борьба за выживание. Разумеется, был и еще один способ выживания — создание больших неразделенных семей. Эффект очевиден: больше рабочих рук — и побольше пашни. В южных краях жизнь была лучше, так как там легче было с кормами для скота и нередко число овец достигало 20–50 голов. Острый дефицит кормов был в историческом Центре страны и во всем Нечерноземье, так как сезон сенокоса был слишком краток для достаточной заготовки сена на 7 месяцев стойлового содержания скота. Поэтому его кормили соломой, сдабриваемой мукой и мякиной.

Сохранялась традиционная система земледелия — трехполье: яр, озимь, пар. Невысокое поголовье скота и, как следствие, недостаток удобрений вели к истощению почвы. Правда, в южных степных районах, где уже в XVIII в. практиковалось пестрополье, помогавшее расширять площади посева товарных культур зерновых, были попытки введения узкой специализации и отказа от трехполья. Так, в районе Самары земледельческий цикл включал: 1) 4 года подряд посев «белотурецкой» пшеницы, 2) 6–7 лет отдых поля под выгоном (2–3 года) и сенокосом (3–4 года), 3) снова посев в течение двух лет пшеницы, 4) снова шестилетний выгон и сенокос. В районе Липецка и Воронежа был следующий цикл: 1) просо, 2) пар, 3) озимая рожь, 4) пар, 5) греча, 6) пар, 7) просо. Подобная практика помогала становлению специализации земледелия.

В дореформенной деревне из-за истощенности к весне рабочего скота соха продолжала господствовать над плугом. Современник писал: «Нельзя ничего дешевле себе представить, как российское пахотное орудие, но то неудобство, что земледелец такими простыми орудиями может взорать

только поверхность пашни и что едва покрывает землею посеянные семена». Урожайность хлебов оставалась низкой (сам-2,5, сам-3) и в редкие годы доходила до сам-4. Периодически возникали обусловленные засухами и другими природными явлениями неурожаи, вызывавшие в огромных регионах голод и падеж скота. В 1840— 1850-е гг. под влиянием нарастающей эксплуатации наблюдается заметное падение производительности крестьянского хозяйства. В Правобережной Украине сборы хлебов и картофеля менее чем за 20 лет сократились на 24 % в пересчете на одну ревизскую душу; на Западе они сократились на 29 %. на Севере — на 15 %. хотя в Южном Степном регионе был рост на 41 %, в Среднем Поволжье — 21 %, а в Левобережной Украине — 13 %. Ограниченные возможности индивидуального крестьянского хозяйства, консервативные приемы ведения хозяйства, господство крепостных отношений, наличие огромных регионов рискованного земледелия вели к низкой эффективности зернового производства, его застою и к определенной деградации.

Тем не менее под влиянием общих тенденций развития намечались определенные новации.

Полевые культуры. Со второй четверти XIX в. полевой культурой стал картофель, который до этого возделывался на огородах. К началу 1840-х гг. его посадка достигала 1 млн четвертей. К 1850 г. она превысила 5 млн четвертей. Картофель стал входить в рацион питания жителей крупных городов, его использовали как сырье при винокурении и для производства крахмала. Большие площади под картофель отводились в Центрально-Нечерноземном районе и в Литовско-Белорусском. Его в основном выращивали в крестьянских хозяйствах, практически насильственно картофель вводился в государственной деревне, реформированной П. Д. Киселевым.

В Северо-Западном районе было развито возделывание льна. Значительными были его посевы в Центрально-Нечерноземном и Приуральском регионах. Льноводство, льнопрядение и производство льняного полотна было уделом крестьян, которые нередко объединялись в артели. В Новороссии с начала века стали культивировать сахарную свеклу, посевы которой быстро распространились на Центрально-Черноземный регион. Сахарная свекла возделывалась на больших площадях в помещичьих хозяйствах и служила сырьем для дворянского винокурения и сахароварения. Имения, где производилась сахарная свекла, относительно легко приспособились к рыночным отношениям. Разбогатевшие на винных откупах помещики охотно использовали новые сельскохозяйственные

машины и улучшенный инвентарь, вводили правильную агротехнику.

Ценной технической культурой стал подсолнечник. Крестьяне отводили под него свои наделы в Воронежской, Саратовской губерниях и на Кубани. Подсолнечное масло использовалось в пищевой промышленности, при производстве лаков и постепенно вытесняло конопляное в рационе питания. Конопля высевалась повсеместно вЦентральном и Центрально-Нечерноземном районах. На Юге России, в Крыму, Бесарабии и на Кавказе получило развитие виноградарство и правильно устроенное виноделие, продукция которого стала поставляться в города и составлять конкуренцию европейским винам.

Животноводство. Скотоводство из-за дефицита времени на заготовку кормов на длительный период стойлового содержания животных занимало сравнительно скромное место в сельскохозяйственном производстве. Неблагоприятным фактором для его развития было менявшееся соотношение пашни и сенокоса в черноземных и степных районах, что вело к уменьшению лугов и сокращению кормовой базы. К середине века в России насчитывалось около 25 млн голов крупного рогатого скота (основная масса которого располагалась в южных районах), что в соотнесении с общей численностью населения примерно соответствовало уровню европейских государств. В основном незначительная часть животноводческой продукции крестьянского хозяйства шла на рынок. Товарным животноводство было на Юге России. По мере освоения Предкавказья получало развитие овцеводство, в том числе тонкорунное. Если в начале XIX в. в стране насчитывалось немногим более 100 тыс. тонкорунных овец, то к началу 1850-х гг. их было около 9 млн. Сельское хозяйство полностью удовлетворяло незначительные потребности городского населения в мясе, масле и молоке. На экспорт шли кожи и кожевенные изделия, масло и сало.

С конца XVIII столетия в России получило развитие частное коннозаводство. Образцовыми считали Хреновской и Чесменский заводы в Воронежской губернии, основанные А. Г. Орловым, где были выведены две отечественные породы лошадей — орловская верховая и орловская рысистая. В XIX в. верховые орловские производители использовались в десятках конных заводов. В 1814 г. существовало 1339 частных конных заводов, где насчитывалось 280 тыс. маток и свыше 22 тыс. жеребцов-производителей. Это была целиком сфера дворянского предпринимательства. Существовало и государственное коннозаводство, к которому в 1845 г. отошли Хреновской и Чесменский заводы. В последние два предреформенные десятилетия происходило сокращение частных

конных заводов, принадлежавших помещикам, одновременно появлялись первые заводы, принадлежавшие купцам и зажиточным крестьянам. Это служило наглядным свидетельством падения экономического влияния дворянства.

Специализация сельскохозяйственного производства, которая была в первую очередь связана с почвенно-климатическими условиями, в своем развитии требовала изменений традиционных приемов обработки земли и совершенствования сельскохозяйственных орудий. В перспективе она вела к общественному разделению труда и была основой товарного производства. Ее результатом в итоге стало возникновение районов торгового земледелия. В дореформенной России специализация сельскохозяйственного производства шла экстенсивным путем, зависела от социальных и демографических факторов, от сложившейся на протяжении веков системы взаимоотношений крестьян и помещиков. Правительственная политика как поощряла освоение новых сельскохозяйственных районов и земледельческую колонизацию, так и препятствовала развитию производительных сил, сохраняя неизменными крепостные отношения. Но и при этих обстоятельствах объективный ход хозяйственного процесса разрушал крепостную систему.

Торговля. Зримым свидетельством развития товарно-денежных отношений был рост торговых оборотов. По подсчетам Министерства финансов, численность гильдейского купечества к середине XIX в. составляла 180 тыс. душ мужского пола, а размер объявленного им капитала достигал 138 млн руб. В его руках в основном находилась оптовая торговля, в которой заметную роль играли ярмарки. При неразвитой системе путей сообщения и технической трудности транспортировки тяжелых грузов ярмарочная торговля позволяла обеспечивать потребности отдельных регионов. В год в России проходило до 4000 ярмарок, в основном сельских. Длившиеся несколько дней сельская или городская ярмарки позволяли крестьянам и горожанам сделать необходимые годовые запасы и втягивали их в товарно-денежные отношения. Крупные ярмарки имели торговые обороты свыше миллиона рублей каждая. Общероссийское значение имели Нижегородская, которая до ее перевода в 1816 г. в город находилась в Макарьеве, Ростовская в Ярославской губернии, Ирбитская, бывшая центром торговли Урала и Зауралья, Контрактовая в Киеве, Курская Коренная, Лебедянская конская.

В начале XIX в. современник восторженно описывал: «Кто видел ярмонку Макарьевскую, не может сомневаться в промышленности России, ни в высокой степени совершенства, до которого доведены изделия всякого

рода».

В Петербурге, Москве и крупных губернских городах в дореформенное время росла магазинная торговля. Строились большие гостиные дворы, где купцы торговали круглый год. Магазинная торговля постепенно вытесняла традиционную ярмарочную в Центрально-промышленном районе, что служило свидетельством начавшегося изменения направления товарных потоков и появления новых тенденций развития внутреннего рынка.

Очевидны были успехи внешней торговли, обороты которой, правда, заметно уступали оборотам внутреннего рынка. Из России по-прежнему вывозились лес, кожи, меха, лен, пенька, сало. К концу дореформенного периода около трети всего вывоза стал составлять экспорт хлеба. Одновременно практически прекратился вывоз чугуна и железа.

Развитие промышленности. Промышленные предприятия располагались в Европейской России крайне неравномерно. В Центрально-промышленном районе выделялись две промышленные области. Одна включала Петербург и его окрестности, вторая — гораздо более значительная — местности вокруг Москвы и Владимира. Это были центры текстильной промышленности: хлопчатобумажной, полотняной, шерстяной, шелковой, суконной. В 1814 г. две трети предприятий хлопчатобумажной промышленности находились в Московской и Владимирской губерниях. Бумагопрядильное производство практически удовлетворяло потребностям внутреннего рынка, к середине XIX в. пряжа русской выделки почти полностью вытеснила английскую.

В Московском регионе развивалась кожевенная и деревообрабатывающая промышленность. Росло значение промысловых сел, таких, как Иваново, Павлово, Кимры, Вичуга, которые, как правило, принадлежали крупным помещикам, что обеспечивало их крестьянам определенную защиту от поборов местных властей.

В Петербурге большие казенные заказы способствовали развитию машиностроения и металлообработки. Именно здесь активно и успешно внедрялись новые станки и механизмы, заметно падала доля ручного труда. Развитию Центрально-промышленного района способствовала таможенная политика правительства. После колебаний начала века, вызванных военно-политическими соображениями, в 1822 г. был издан новый таможенный тариф, установивший жесткую протекционистскую систему. Во многом благодаря ему за период от окончания наполеоновских войн до падения крепостного права объем промышленного производства в Петербургском регионе вырос более чем в 6 раз.

Рудники и горные заводы Урала сохраняли монопольное положение в горнодобывающей и горнозаводской промышленности, где полностью господствовал крепостной труд. В 1807 г. на уральских казенных, а вслед за тем и на частных заводах приписные крестьяне были освобождены от обязательных работ. Однако из их числа были выделены «непременные работники», лишенные возможности вести сельское хозяйство и занятые на заводском производстве до 250 дней в году. Реформа 1807 г. обострила и без того напряженные социальные отношения и не решила проблему повышения производительности труда в уральской промышленности.

На Урале были центры производства чугуна, стали и цветных металлов. Здесь размещались основные военные заказы на производство артиллерийских орудий, холодного и легкого стрелкового оружия. Некоторую конкуренцию уральским заводам составляли Сестрорецкий и Тульский оружейные заводы. Вокруг заводов возникали и росли рабочие поселки с особым укладом жизни населения, которое сочетало занятия огородничеством с заводской работой.

Развитие промышленного производства в значительной степени было связано с ростом числа казенных и частных мануфактур и быстрым увеличением численности занятых на них рабочих. В обрабатывающей промышленности в 1799 г. было занято 83 тыс. человек, в 1860-м их стало 565 тыс. В горной промышленности их численность достигла 250 тыс. К отмене крепостного права около 80 % из них относилось к лицам наемного труда, но чаще всего это были крестьяне-отходники.

Обрабатывающая промышленность включала в себя такие отрасли, как текстильная, которую составляли хлопчатобумажная, шерстяная, льняная и пеньковая; металлообработка и машиностроение; сахарная, кожевенная, химическая и пищевая. Именно здесь начались процессы, связанные с промышленным переворотом и свидетельствующие о кризисе крепостной системы. Эти отрасли в значительной мере находились под воздействием частного дворянского, купеческого и крестьянского предпринимательства, развитие которого в дореформенной России сдерживалось, помимо правовых и сословных ограничений, полным отсутствием системы частного кредита.

Особняком стояли рыболовство, которое было развито на всех внутренних водоемах, и рыбные промыслы, преимущественно на Белом море и Каспии. Часть рыбной продукции шла на экспорт. Рыбные промыслы контролировались крупным гильдейским купечеством и приносили огромные доходы.

§ 2. Социально-экономические последствия крепостной системы

Кризис крепостного хозяйства. Крепостная система была основой экономического развития Российской империи в XVIII в., поскольку она вместе с общиной веками служила своеобразным компенсационным механизмом ущербных следствий влияния суровой природы и климата. С конца XVI в. она определяла рост политического и военного могущества государства, с ней было связано расширение территориальной составляющей развития хозяйства страны, и на ее основе были построены существовавшие в стране политический строй и социальные отношения. «Оптимизированное» крепостным правом и общиной традиционное ведение сельского хозяйства обеспечивало основные потребности общества и до времени не ставило под сомнение крепостную зависимость крестьян от помещиков. Крепостная экономика позволяла содержать сильную армию и флот, пополнять их с помощью рекрутской системы. К концу XVIII в. социально-экономические отношения в рамках крепостной системы достигли такого уровня развития, что Россия превратилась в ведущую европейскую державу не только в военно-политическом, но и в экономическом отношении. Европеизация элиты общества способствовала проникновению в Россию западных эталонов социального бытия и заставляла передовое дворянство с затаенным, а потом и открытым гневом смотреть на положение крепостных крестьян. В ту пору и даже позже обществу не было дано понять, что крепостничество — явление вторичное.

Успехи крепостной экономики, ее способность сохранить внутреннюю стабильность, что было особенно важно в годы социальных потрясений, охвативших Европу под влиянием Французской революции, вынуждали правящие круги России отказаться от мысли кардинальной перестройки крепостной системы. Несмотря на неоднократно раздававшиеся в екатерининские и александровские времена призывы к освобождению крепостных крестьян, сложившаяся система не реформировалась, не имела условий для внутренней эволюции, в ней нарастали кризисные явления. Участие в наполеоновских войнах, истощившее государственную казну и поставившее страну на грань финансового банкротства, хозяйственное разорение 1812 г., затронувшее основные западные губернии Европейской России, запоздалое начало промышленного переворота, который был объективной потребностью, своим следствием имели необратимый социально-экономический кризис, который современники понимали как

кризис крепостной системы.

Барщина и оброк. Наиболее острые формы кризис крепостного хозяйства принял в районах развития помещичьего товарного производства зерна. Его главным проявлением стало, как уже было указано, расширение барской запашки и барщинных работ, сокращение крестьянских наделов в земледельческих губерниях. Это было связано со стремлением помещиков производить как можно больше зерна на продажу, удовлетворяя растущие потребности внутреннего рынка и получая стабильные доходы от хлебного экспорта. Тем самым под влиянием товарно-денежных отношений разрушалась структура натурального крепостного хозяйства.

Безудержное стремление к повышению норм эксплуатации крепостных крестьян приводило к тому, что помещики практически повсеместно отказались от натурального оброка, повышали денежный оброк и одновременно переводили крестьян на барщинные работы. В оброчных имениях по 16 нечерноземным уездам в среднем с 70—80-х гг. XVIII в. до 50-х гг. XIX в. денежный оброк вырос с 3 до 10,5 руб. серебром, а по 17 черноземным уездам — с 4,4 до 9,5 руб. серебром. Там, где в XVIII в. уровень оброка был высоким, общий рост его был сравнительно меньшим, что свидетельствует о доведении размеров оброка до максимального уровня.

В нечерноземных губерниях две трети крестьян находились на оброке и в основном были заняты отходным промыслом. В Ярославской и Костромской губерниях таких крестьян было уже свыше 90 %. По всей России ходили ярославские офени, в разнос торговавшие мелким галантерейным товаром, в трактирах славились ярославские половые. В дореформенное время помещики постоянно повышали сумму денежного оброка, что в конечном счете вело к усугублению двойственности положения их крепостных, чья «вольность» вне деревни была следствием растущей крепостной эксплуатации. Падение ценности бумажных денег вело к тому, что в номинальном исчислении в дореформенный период оброк нередко возрастал в 5–7 раз, что служило источником постоянных крестьянских жалоб. Нередки были случаи, когда зажиточные крестьяне платили оброк в несколько сот и даже в две-три тысячи рублей с души.

Если денежный оброк был выгоден помещикам нечерноземной полосы, то в целом по России в первую половину XIX в. наблюдалось увеличение числа барщинных крестьян. В начале века их было 56 %, к отмене крепостного права они составляли 71,5 %. Это означало, что помещики черноземных и степных губерний все больше вынуждали крепостных крестьян отказываться от посторонних заработков ради

повышения товарности помещичьего хозяйства. Происходило сокращение крестьянского надела с одновременным увеличением барской запашки. В некоторых губерниях Черноземной России в первую половину XIX в. она увеличилась в полтора-два раза. Некоторые помещики еще с XVIII в. делали попытки рационализировать барщину, учитывая не число дней и часов, проведенных на ней крестьянами, но «известное количество работы, произведенное мужчиною, женщиною или лошадью». Данная тенденция хорошо описана декабристом Н. И. Тургеневым: «Некоторые помещики не довольствуются тремя днями в неделю и заставляют иногда, во время уборки хлеба, работать своих крестьян несколько дней поголовно. Иные отдают им только два дня в неделю. Иные оставляют у крестьянина только одни праздники, и в таком случае иногда дают всем крестьянам месячину, так что они беспрестанно работают на господина, не имея ничего, кроме выдаваемого им ежемесячно количества хлеба». Это был своеобразный возврат к практике XV–XVI вв., когда на месячине содержались холопы-страдники, т. е. рабы, работавшие на боярских полях. Таким образом, крайние формы крепостнической эксплуатации в виде месячины становились неотличимы от рабства. Грань, разделяющая эти типы отношений, почти исчезла: юридически помещик не мог лишь убить крепостного.

Разумеется, подобный тупиковый путь не способствовал развитию ни помещичьего, ни крестьянского хозяйства. Месячина была лишенной рационального экономического обоснования попыткой интенсификации барщины и наглядно свидетельствовала о глубоком кризисе крепостных отношений. Перевод крестьян на месячину обычно вел к развалу помещичьего хозяйства.

Работа крепостных на помещика, занимающегося товарным производством зерна, часто была неэффективной. В статье «Охота пуще неволи», где доказывалось преимущество «охотного», вольного труда, славянофил Кошелев писал: «Взглянем на барщинскую работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше, — ему не дело делать, а день убить. На господина работает он три дня и на себя также три дня. В свои дни он обрабатывает земли больше, справляет все домашние дела и еще имеет много свободного времени». Кошелев был крупным помещиком, и, по его свидетельству, без «усердного надсмотрщика» барщина была невозможна. И такая практика была распространенной.

Помещичье хозяйство. Поскольку крайне экстенсивная система

хозяйства была к тому же жестко ограничена условиями природы и климата, экономически она постоянно испытывала осложнения. Поэтому в дореформенной России лавинообразно росла помещичья задолженность. Если в начале века заложено было не более 6–7 % крепостных душ, то к отмене крепостного права их число возросло до 66 %. Все попытки владельцев резко повысить рентабельность крепостного хозяйства путемего рационализации или простого возвышения норм барщины и оброка заканчивались неудачей. Доходность помещичьих имений падала, и к 1855 г. сумма помещичьего долга составила 425,5 млн руб., что в 2 раза превосходило годовой доход государственного бюджета. Хлебный экспорт рос, но он совпадал с падением хлебных цен на европейских рынках и не решал проблемы дворянской задолженности.

Свидетельством кризиса крепостной системы было изменение структуры дворянского землевладения. Накануне отмены крепостного права почти четвертая часть помещичьих крестьян была сосредоточена всего в 1382 имениях, число владельцев которых было еще меньше, так как многим из них принадлежало несколько имений. Это были крупные землевладельцы, располагавшие значительными денежными и хозяйственными ресурсами, используя которые они могли приспособиться к новым экономическим отношениям. Четвертая часть поместного дворянства владела около 80 % крепостных крестьян. Одновременно шел процесс разорения и хозяйственного вытеснения из деревни мелких помещиков. Владение крепостными душами само по себе уже не гарантировало помещику ни достойный прожиточный минимум, ни тем более не было условием нормального ведения сельского хозяйства. В канун отмены крепостного права помещики усиленно переводили крестьян в дворовые, чтобы темсамым сохранить за собой возможно большее количество земли. По ревизии 1858 г., дворовые составляли немногим менее 7 % от общего числа крепостных, тогда как за 20 лет перед этим их было около 4 %.

Отходничество. Проблема крепостной экономики заключалась в том, что и в сельском хозяйстве, и в промышленности не было ни условий для внедрения вольного труда, ни самих вольных работников, ибо страна производила ограниченный объем продукции, и общество постоянно нуждалось в увеличении рабочих рук в земледелии — рабочих рук крепостныхлюдей. Подобием вольного труда было отходничество, широко распространенное в нечерноземных губерниях. Помещичьи крестьяне, переведенные на денежный оброк, уходили в города, где, как правило, объединялись в артели, занятые в строительстве. Они поступали также

рабочими на мануфактуры, нанимались в услужение, работали извозчиками, из них составлялись бурлацкие артели. Крестьяне-отходники вступали в отношения свободного найма со своими работодателями, но их отход от деревни был прежде всего связан с неэкономической зависимостью от помещика, с необходимостью выплатить ему оброк в установленные сроки. Уход из деревни на заработки был обусловлен разрешением владельца и не вел к изменению сословной принадлежности крестьянина-отходника, даже если тому удавалось разбогатеть.

Социальное расслоение. Вплоть до 30-х гг. xix в. имущественная дифференциация крестьянства не выходила за рамки традиционного перемещения хозяйств вверх и вниз по ступеням имущественной состоятельности. Соотношение между собой прослоек по материальной состоятельности, как и в предшествующие века, не нарушалось. Основным слоем было среднее крестьянство, значительным был слой бедняков и небольшим — слой зажиточных крестьян. Однако в предреформен-ные десятилетия этот баланс был нарушен: бедняцкий слой стал резко увеличиваться за счет остальных. Социальное расслоение, при котором создавалась бы прослойка не просто зажиточных хозяев, а крестьян, ведущих крупное хозяйство с наемными работниками, у земледельческих крестьян было редкостью, поскольку российское земледелие (за исключением южных районов) не составляло прочной основы для появления такого типа хозяйств. Подобные хозяйства появлялись главным образом на основе торгово-промысловой деятельности. В дореформенное время чаще всего в число таких крестьян попадали жители целых торгово-промышленных селений. В 1828 г. московские купцы с завистью констатировали: «Селения тех помещиков, коих крестьяне наиболее занимаются торговлею, по богатству и устройству своему превосходят многие города, а сии последние по упадку торговли граждан становятся беднее деревень». Кроме того, и крепостная зависимость сковывала торгово-промышленную деятельность предприимчивых крестьян.

Помещики оброчного Нечерноземья были прямо заинтересованы в эксплуатации богатых крестьян, препятствовали их выкупу на волю, что вело тех к дополнительным издержкам их предпринимательской деятельности. Дореформенная Россия знала случаи, когда разбогатевшие крепостные, которых называли «капиталистами», покупали крепостных крестьян на имя своего помещика с тем, чтобы использовать их труд на созданных ими мануфактурах. Это было возможно при грубом нарушении норм законодательства, при повальной коррупции местной администрации и свидетельствовало о том, что крепостное право изжило себя.

Крестьянским ответом на усиление крепостной эксплуатации был самовольный уход от помещиков, бегство в Новорос-сию, степные районы Поволжья и Предкавказье. Беглые в Но-вороссии, которых после Крымской войны было несколько сот тысяч, создавали социальную проблему, которая не имела решения в рамках крепостной системы. Их рабочие руки были нужны на Юге, их возвращение требовало больших денежных затрат и административно-полицейских усилий, а легализация их нового положения противоречила нормам крепостного права.

Характерной чертой экономической и финансовой жизни России была откупная система. Частные лица, откупщики, за определенные суммы получали право сбора с населения той или иной местности косвенных налогов на соль, табак и некоторые другие продукты. Откупа позволяли наживать громадные состояния и одновременно вели к дезорганизации правильной хозяйственной деятельности и местной администрации, которая часто находилась на содержании откупщиков.

Крепостная промышленность. В петровские времена сложилась система государственного попечительства промышленности, точнее — система мобилизационной экономики. Россия была земледельческой страной, бедной капиталами, с ограниченными внутренними возможностями их концентрации, с малыми людскими ресурсами и с высокой долей непроизводительных расходов. Система мобилизационной экономики на основе крепостного труда вывела ее на тот уровень, что западноевропейские морские державы достигли в ходе «революции цен», открывшей дорогу частной инициативе и первоначальному накоплению капитала. Суть системы — жесткий протекционизм, правительственная опека над отдельными отраслями промышленности и отдельными регионами, ускоренное развитие казенных и крепостных мануфактур, где технические новшества сочетались с принудительным трудом, государственные монополии и гарантии, предоставляемые частным лицам.

Благодаря этой системе, тяготы которой всецело легли на податные сословия, Россия к екатерининскому времени достигла высокого, по европейским меркам, уровня промышленного развития, в рамках традиционного общества ее отсталость была преодолена. Государственное попечительство казалось залогом дальнейшего прогресса. В наполеоновском Париже русский путешественник наблюдал: «Какая разница между нашим Монетным двором и парижским: у нас видна опрятность, а там ужасная нечистота; на нашем Монетном дворе действующая сила есть паровая машина, а в парижском, по крайней мере, как я его видел, употреблена была человеческая сила, и работали на оном

преступники». Однако успехи мануфактурной промышленности в крепостной стране могли иметь ограниченный характер. Россия почти на полвека запоздала с началом промышленного переворота, и это обрекло ее на новое отставание.

Начало промышленного переворота. Первой страной промышленного переворота была Англия, где в производство быстро внедрялись паровая машина Д. Уатта и построенная в 1765 г. Д. Харгривсом прядильная машина. Промышленный переворот означал скачок в развитии производительных сил и заключался в переходе от мануфактуры к машинному производству, к замене мускульной силы рабочего и энергии падающей воды силой пара. На смену водяному колесу пришла паровая машина. Наряду с технической промышленный переворот имел и социальную сторону. Он был невозможен без рынка свободной наемной рабочей силы, он предполагал наличие свободных рабочих рук, услуги которых предприниматели оплачивали исходя из рыночной конъюнктуры. Социальным последствием промышленного переворота стало формирование двух новых общественных классов — промышленной буржуазии и пролетариата.

Помимо экстенсивного характера земледелия, державшего на пашне почти все население страны, крепостная система, в свою очередь, суживала возможности создания рынка свободных рабочих рук и была главным препятствием на пути промышленного переворота. В России он начался в 1820-е гг., шел крайне медленно и завершился уже после отмены крепостного права, не ранее 1880-х гг., когда закончилась техническая и социальная перестройка уральской горнозаводской промышленности, которая целиком была основана на крепостном труде.

Начиная с 1760-х гг. в Англии, а вслед за ней и в других западноевропейских странах происходил процесс накопления технического опыта и внедрения технических изобретений, которые стали условием перехода к машинному производству. Российские мануфактуристы не выказывали интереса к нововведениям. Лишь в самом конце XVIII в. по инициативе правительства началось обсуждение масштабного проекта использования английских чесальных и прядильных машин. Первый механический ткацкий станок для производства лент внедрил в 1798 г. владелец московской шелкоткацкой мануфактуры И. Шелагин. Однако ручной труд продолжал практически полностью господствовать на российских мануфактурах вплоть до 1840-х гг., когда резко увеличился ввоз в страну машин и станков. В 1841–1845 гг. их ввезли на сумму 668 тыс. руб., в следующее пятилетие эта сумма возросла в 2,5 раза, а в первой

половине 1850-х гг. составляла более двух миллионов рублей.

В это время наблюдается кризис мануфактурного производства, начинается процесс вытеснения мануфактуры фабрикой, который протекал крайне неравномерно в разных отраслях и в разных регионах. С начала XIX в. механическое бумагопрядение стало внедряться в хлопчатобумажную промышленность. На построенной в Петербурге Александровской бумагопрядильной мануфактуре в 1805 г. впервые в России был установлен паровой двигатель. Производство здесь было почти полностью механизировано. Мануфактура выпускала и прядильные машины, которыми оснащала большинство российских бумагопрядильных фабрик, что позволило к середине века обеспечить ткацкое производство отечественной пряжей машинного изготовления. Происходила замена ручного труда машинным в ситценабивном производстве, которое перешло на выработку дешевых ситцев, отпечатанных на цилиндрических машинах.

Однако в целом на текстильных мануфактурах дорогое машинное оборудование внедрялось медленно. Оно было ненадежным в эксплуатации, его обслуживание требовало квалифицированных механиков, и поэтому рядом с ним долго соседствовали ручные орудия труда. Дешевый крестьянский труд позволял предпринимателям не вкладывать средства в строительство производственных помещений, их оснащение машинами и механизмами.

С конца XVIII в. широкое распространение, особенно в текстильной отрасли, получила рассеянная мануфактура. Работы выполнялись крестьянами в деревнях по заказу мануфактуриста, который снабжал их необходимым оборудованием и сырьем и непосредственно контролировал лишь отделочные операции. Обычно собственно на фабрике действовало 20–30 станов, а по соседним деревням их число доходило до 300. Рассеянная мануфактура была широко распространена в Центральном промышленном районе, где прирост населения и малая плодородность почвы наряду с увеличением нормы денежных повинностей вынуждали крестьян отказываться от земледельческого труда. Современник признавал: «Начиная от подмосковного села Черкизова ткацкая промышленность разливается, как море, по всем деревням и селам, к Александрову, к Юрьеву-Польскому, Ростову, Ярославлю, до Кинешмы, Шуи и Вязников». Только во Владимирской губернии и в нескольких соседних уездах Костромской ткачеством было занято до 150 тыс. крестьян. Рассеянная мануфактура развивалась и в первые пореформенные десятилетия, что давало основание народническим экономистам говорить об особом пути промышленного развития страны.

На основе централизованной мануфактуры развивались такие отрасли, как бумажная и стекольная, продукция которых в основном обеспечивала потребности страны. В бумажном производстве с начала столетия к отмене крепостного права число предприятий почти утроилось и дошло до 165, с помощью машин здесь производилось около 80 % продукции. В стекольной промышленности большинство стекольных, хрустальных и зеркальных заводов принадлежало дворянам: в начале века свыше 75 %, к 1861 г. — 65 %. Общероссийскую известность получила продукция заводов Мальцевых, на которых паровые двигатели и руки крепостных использовались для изготовления знаменитого цветного стекла. Объем производства отрасли рос, но достигалось это благодаря простому увеличению численности рабочих.

Крепостной труд и наличие собственного сырья и леса не требовали больших вложений средств и препятствовали модернизации техники и технологии. Кроме того, сам процесс производства требовал большой доли ручного труда. Положение дел в крепостной мануфактуре хорошо характеризовал Кошелев: «Инструменты непременно в худом виде, ибо работники их не берегут, они за них не отвечают; можно этих людей наказать, но нельзя прогнать. По этой же самой причине работа производится и дурно, и неотчетливо; что же касается до сработанного количества, то, верно, едва в половину против вольного работника. Какая разница войти в мануфактуру, истинно на коммерческой ноге устроенную! Как там один перед другим боится переработать, так тут они друг друга одушевляют и подстрекают. Вычет заставляет каждого, строже всякого надсмотрщика, наблюдать за чистотою работы. Собственная выгода будит его до света и освещает ему вечером». Тем не менее основные отрасли промышленности России дореформенной поры были адекватны возможностям социума с ограниченным объемом совокупного прибавочного продукта, общества, где ведущую роль играло земледелие, волею судеб втиснутое в «прокрустово ложе» короткого рабочего цикла всех земледельческих работ.

Горнозаводчество. Кризисные явления наблюдались в добывающей промышленности Урала, где мануфактурное производство было основано на монополии и на принудительном труде. В дореформенный период практически не росло число металлургических заводов; незначительно, с 10 млн пудов в начале века до 18 млн пудов к 1861 г., увеличилась выплавка чугуна. В это время в Великобритании выплавка чугуна достигала 240 млн пудов. Если в конце XVIII в. Россия давала около трети мировой выплавки чугуна, то к 1860 г. ее доля не превышала 4 %. Слабая техническая база

делала продукцию металлургических заводов неконкурентоспособной. Производительность труда прикрепленных к заводам рабочих была низкой, внедрять паровые машины владельцы горных заводов не спешили, полагаясь на дешевизну ручного труда.

Только в 1850-е гг. устаревший кричный способ выделки железа стал заменяться пудлингованием. Однако заводчики не пошли на использование при пудлинговании каменного угля, что привело к масштабным вырубкам леса, к увеличению затрат на производство и к еще более широкому использованию внеэкономических форм эксплуатации рабочих. Кризис горнозаводской промышленности сказался и на положении казенных военных заводов, где современное металлообрабатывающее и механическое производство все чаще сталкивалось с поставками некачественного сырья. Сами казенные заводы лишь в 1830-е гг. стали переходить на ограниченное использование вольнонаемного труда.

Крепостная система замедляла внедрение в промышленность технических открытий и изобретений. Дешевизна крепостного труда делала невыгодной его замену трудом машинным, основанным на использовании паровых двигателей. Предприниматели не были заинтересованы в повышении квалификации рабочей силы, производительность труда на казенных и частновладельческих мануфактурах росла крайне медленно. Незавершенный промышленный переворот обрекал страну на растущее отставание от промышленно развитых европейских стран. Завершение промышленного переворота и преодоление этого отставания было прямо связано с ликвидацией крепостных отношений, поскольку именно помещичье-крепостное право было главным препятствием появлению в России рынка свободной наемной рабочей силы.

Промышленность, основанная на подневольном труде, не давала возможности внедрению новых технологий, препятствовала переоснащению производства и развитию новых отраслей, росту производительности труда и в конечном счете стояла на пути научно-технического прогресса. Как военная держава, Россия в полной мере ощутила гибельность крепостничества в ходе Крымской войны. Экономическая и социальная несостоятельность крепостных отношений сказалась на положении деревни, где безуспешные попытки помещиков повысить или хотя бы сохранить доходность имений вызывали растущее недовольство крестьян.

В последнее предреформенное десятилетие кризис крепостной системы зашел столь далеко, что его вынуждены были признать как

правительство, так и дворянские круги.

Глава 18. Внутренняя политика Александра I

§ 1. Правительственный реформизм

Переворот 11 марта 1801 г. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Петербурге в Михайловском замке заговорщиками, среди которых были представители сановной знати, генералы и гвардейские офицеры, был убит император Павел I. Заговор, который привел к дворцовому перевороту и цареубийству, подготовили петербургский военный губернатор П. А. Пален, адмирал О. И. де Рибас и вице-канцлер Н. П. Панин, ближайшие доверенные лица подозрительного и жестокого императора. Непосредственными участниками событий И марта были влиятельный генерал Л. Л. Беннигсен, екатерининские вельможи П. А. и Н. А. Зубовы, командиры гвардейских полков П. А. Талызин, Н. И. Депрерадович, Ф. П. Уваров.

Известие о смерти Павла I с небывалой скоростью распространилось по России. В Петербурге, в Москве, в провинции люди выражали искреннюю радость, сравнивали умершего императора с тиранами прошлого. Никто не верил официальной версии, согласно которой Павел I скончался от апоплексического удара. По современному свидетельству, заговорщики «громко говорили по Петербургу о своих подвигах и хвастались ими, считая это актом справедливости, так как благодаря им настал конец страданиям 20 млн людей». За четыре года своего правления Павел I сумел восстановить против себя не только придворную аристократию и гвардию, но и широкие слои дворянства и чиновничества. Стержнем павловской политики было стремление любой ценой «раздавить гидру революции». Этой цели он подчинил внешнюю политику России, ею же руководился и в делах внутренних. При нем были закрыты границы, усилена цензура, запрещены частные типографии, введен жестокий палочный режим в армии. Его подданных раздражали и тяготили запреты на чтение иностранных книг и ношение модной одежды. Особое недовольство в дворянской среде вызывало постоянное нарушение Павлом I Жалованной грамоты дворянству. Им было ограничено участие дворян в деятельности местных и судебных органов, отменено право созывать губернские дворянские собрания и обращаться к царю с коллективными петициями, он запретил дворянам, служащим в армии, выходить в отставку и, не обращая внимания на екатерининское законодательство, стал вновь

подвергать их телесным наказаниям. Будущий декабрист М. А. Фонвизин вспоминал: «Павел всячески унижал дворян, нарушал их привилегии, подвергал телесному наказанию, торговой казни и ссылке в Сибирь без суда».

Сумасбродные выходки императора, неожиданные опалы и немотивированные возвышения, резкие перемены во внешней политике, постоянные нарушения прав дворянства и духовенства давали основание современникам говорить о нестерпимости павловского деспотизма, необходимости утверждения законности и порядка в стране. Восторженно были восприняты слова Манифеста нового императора Александра I, в котором он обещал править «по законам и по сердцу августейшей бабки нашей Екатерины Великой». В дворянском обществе это понимали как обещание возвратить «золотой век» российского дворянства, каким принято было считать екатерининское правление.

В России на молодого императора возлагали огромные надежды. Он идеально соответствовал представлениям о просвещенном монархе, был красив, казался простым и добросердечным. Это было поистине «дней Александровых прекрасное начало». Автор обращенной к Александру I «Песни патриота» хорошо передал общественные ожидания: «Дай нам законы спасительные, утвержденные на самой природе, законы — оплот невинности и добродетели, ужас порока и злодеяний».

Александр как государственный деятель. Любимый внук Екатерины II получил отличное образование, он специально учился ремеслу монарха. Екатерина II не любила своего сына Павла и не доверяла ему, она даже рассматривала вопрос о его отстранении от престолонаследия. С юных лет Александр, росший в атмосфере почти открытой враждебности екатерининского «большого двора» и гатчинского «малого двора», привык утаивать свои истинные мысли и чувства, привык приспосабливаться к людям и обстоятельствам, что окружающие ошибочно принимали за слабохарактерность. Чтобы угодить отцу, он выучился фрунту и стал отличным его знатоком, хотя военного дела не любил. Чтобы угодить бабке, он много читал, что, правда, соответствовало его личным склонностям.

Его наставником императрица сделала женевского аристократа Ф. Лагарпа, который внушал юноше просветительские идеи, учил размышлять о всеобщем равенстве, добродетели и о долге правителя перед подданными. Александр охотно признавался, что «ненавидит деспотизм» и любит свободу, которая есть достояние всех людей. Он считал несправедливой передачу верховной власти по праву рождения и отдавал предпочтение «голосованию народа». Нередко он высказывался за республиканское

правление, считая эту форму «единственной, отвечающей желаниям и правилам человечества». Будучи великим князем, он записал для памяти: «К стыду России, рабство еще в ней существует. Не нужно, я думаю, описывать, сколь желательно, чтобы оное прекратилось». В одном из писем к Лагарпу он рисовал программу своих будущих действий: «Если когда-либо придет и мой черед царствовать, то вместо добровольного изгнания себя сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой каких-либо безумцев. Мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена и нация имела бы своих представителей».

Будущий император в совершенстве овладел умением изъясняться «в духе времени», что нередко вводило в заблуждение его собеседников и слушателей, полагавших, что он кроток и нерешителен, тяготится властью и едва ли не разделяет республиканские убеждения. В действительности Александр I был скрытен, умен, проницателен, тверд и при необходимости не боялся принимать на себя ответственность за трудные политические решения. Еще в молодости он проникся твердой верой в благодетельность для России самодержавной инициативы, образцы которой он находил в действиях Петра I и Екатерины II. При всех обстоятельствах он решительно отклонял любые попытки умаления самодержавной власти. Его размышления о свободе и равенстве не были показными, он искренне, особеннов молодости, верил в незыблемость прав человека и гражданина, гарантом которых, по его мнению, в России должна выступать верховная власть в лице императора. Александр I неоднократно провозглашал свои намерения руководствоваться законами, утверждать их власть на благо подданных. Не отвергал он и необходимость серьезных государственных преобразований, которые должны были стать ответом на идеи свободы, равенства и братства, что были написаны на знаменах Французской революции и находили отклик по всей Европе.

Он был прирожденным дипломатом и поистине царил в европейской политике. Став императором, он показал способность выбирать сотрудников, которым не склонен был доверять, но чьи знания и таланты умело использовал. Без преувеличения можно сказать, что император Александр I был крупнейшим государственным деятелем своего времени, достойным соперником и победителем Наполеона.

В павловское царствование положение великого князя Александра было непрочным. Как и остальные подданные, он должен был терпеть

тиранию отца, боялся, что его посадят в крепость. Он был посвящен в планы заговорщиков и в общем виде одобрил идею отстранения Павла I от престола, хотя и не давал согласия на цареубийство. Узнав о смерти отца, он плакал, демонстративно не желал принимать власть и вынудил Палена сказать: «Прекратите ребячиться, идите царствовать». Однако заговорщики ошиблись, думая, что возвели на престол слабого молодого человека, которым они могут управлять. Менее чем за год Александр I безжалостно лишил их военных и государственных постов, отправил в отставку и запретил большинству из них пребывание в столицах. Не в последнюю очередь эта мера была вызвана тем, что среди участников дворцового переворота шли неясные толки о необходимости конституционного ограничения власти царя.

Дворянское общество ожидало от Александра I определенных гарантий того, что в России не будет повторения «повсеместного террора», истоки которого связаны с императорским безумием. От монарха хотели не столько милости и мудрости, сколько законности. По свидетельству Н. М. Карамзина, в начале александровского правления «два мнения были господствующими в умах: одни хотели, чтобы Александр взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе; другие, сомневаясь в надежном успехе такого предприятия, хотели единственно, чтоб он восстановил разрушенную систему Екатеринина царствования, столь счастливую и мудрую в сравнении с системою Павла». Александр I, как и сам Карамзин, верил, что самодержавное правление неравнозначно самовластию и потому не является «врагом свободы в гражданском обществе». Александр I твердо отстаивал прерогативы самодержавной власти в России, полагая, что «инициатива сверху» есть лучшее средство преобразования страны. Он сочувственно относился к завету Екатерины II: «Лучше повиноваться законам под единым властелином, нежели угождать многим».

«Дней Александровых прекрасное начало». Некоторое время среди доверенных сотрудников молодого императора обсуждался проект «Всемилостивейшей грамоты, российскому народу жалуемой», где во введении Александр I заявлял: «Всегда первый и единый наш предмет будет благополучие, спокойствие и сохранение целости Российского государства и народа». Помимо подтверждения всех прежних дворянских прав и преимуществ «Грамота» содержала положения о праве подданных на свободу передвижения и местожительства, на неприкосновенность личности. Утверждалось «право собственности движимого и недвижимого имения, поколику оно свойственно в силу законов каждому чиносостоянию

в государстве». Сословия сохранялись, но предусматривалось упразднение деления имущества на родовое и благоприобретенное, что, по сути, означало эволюцию в сторону буржуазной частной собственности. В «Жалованную грамоту» был включен пункт: «Каждый российский подданный да пользуется невозбранно свободой мысли, веры и исповедания, богослужения, слова или речи, письма или деяния». После долгих колебаний этот проект, над которым работали В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, А. Р. Воронцов и А. Н. Радищев, был отвергнут как слишком радикальный, как преждевременное предвестие российской конституции.

Первые практические шаги Александра I вызвали всеобщее одобрение. Он вернул из ссылки несколько тысяч офицеров и чиновников, которые были наказаны Павлом I чаще всего за мнимые прегрешения, восстановил действие екатерининских Жалованных грамот, данных дворянству и городам, разрешил дворянские выборы, упразднил Тайную экспедицию. Вновь были открыты частные типографии и дозволен свободный въезд и выезд из страны, отменены бессмысленные павловские запреты одеваться по французской моде и читать иностранные газеты и журналы.

Полное восстановление екатерининских принципов государственного управления, обещанное Александром I и ожидаемое дворянством, в действительности было невозможно. Однако в первые месяцы нового царствования предпринимались определенные шаги в этом направлении. Возвращением к екатерининской системе высшего коллегиального руководства стало создание в марте 1801 г. Непременного совета, который включал двенадцать сановников и продолжал традиции законосовещательных учреждений XVIII в., таких, как Императорский совет и Совет при высочайшем дворе. Непременный совет должен был собираться для обсуждения важнейших государственных вопросов, и его мнения должны были определять основы внутренней и внешней политики. На практике Непременный совет не имел серьезного влияния.

По инициативе екатерининского вельможи П. В. Завадов-ского были подтверждены и расширены полномочия Сената, который становился высшим судебным органом, мог контролировать деятельность гражданской администрации. Указом от 8 сентября 1802 г. Сенату дозволялось делать представления императору на противоречия в его законах, указах и распоряжениях. «Право представления» должно было несколько ограничить самодержавную инициативу. Однако первая же попытка Сената указать Александру I на несоответствие его нового указа российскому законодательству была резко пресечена императором, который усмотрел в

этом «сенатский бунт» и разъяснил, что контролю сенаторов подлежат только ранее вышедшие, но никак не новые законы. Больше сенаторы «правом представления» не пользовались.

Демонстративное повышение роли Сената вызвало появление ряда политических проектов и записок, авторами которых были такие видные представители дворянства, как А. Р. и С. Р. Воронцовы, П. А. Зубов, П. В. Завадовский, Д. П. Тро-щинский, Г. Р. Державин, Н. С. Мордвинов. Расходясь в частностях, авторы проектов настаивали на расширении политических прав дворянства, на превращении Сената в представительный орган, на необходимости положить в основу государственного управления принцип разделения властей. Последнее пожелание противоречило основам российской политической системы и объективно вело к умалению императорской власти.

Императорская Россия, как она сложилась в XVIII в., была неограниченной самодержавной монархией. Ее важнейший принцип — абсолютная верховная власть императора, власть законодательная, исполнительная и судебная. В духе просветительской философии Екатерина II, которая была крупным политическим писателем, рисовала образ самодержавного монарха, чья важнейшая забота — благо подданных, и именно отсюда, из интересов подданных, она выводила необходимость сосредоточения в одних руках и законотворчества, и исполнения законов, и судебной власти.

В начале XIX в. идеи «просвещенного абсолютизма» устарели. Лучшей гарантией против деспотизма и наиболее разумной формой государственного устройства в дворянском обществе стали считать «истинную монархию», как ее определял французский мыслитель Монтескье: правление одного лица, ограниченное законом и основанное на принципе разделения властей. Хотя при самодержавном правлении полное осуществление разделения властей было невозможно, еще Екатерина II провела в 1775 г. губернскую реформу, когда на губернском уровне исполнительная власть была отделена от судебной. В дворянских проектах, получивших хождение в начале александровского правления, предусматривалось превращение Сената в законодательный (А. Р. Воронцов) или исполнительный (Д. П. Трощинский) орган, разделение Сената на несколько ведомств, каждое из которых было бы облечено законодательной, исполнительной или судебной властью (Г. Р. Державин). По сути, шла подготовительная работа по созданию аристократической дворянской конституции.

Александр I не без труда сумел отвергнуть политические притязания

дворянской аристократии, но он не мог не учитывать общественных настроений. С первых месяцев своего правления он обдумывал проекты реформ высшего государственного управления, где неизменно присутствовала идея разделения властей. Первоначально император делился своими планами с немногими личными друзьями, которые составили знаменитый Негласный комитет.

Негласный комитет. Если Непременный совет и Сенат должны были олицетворять преемственность екатерининского и нового царствований, то Негласный комитет, возникший к лету 1801 г., стал ответом на вызовы времени и прежде всего на те изменения, что повсеместно происходили в Европе под влиянием идей и войн Французской революции. Формально он не входил в систему государственного управления, но в регулярных беседах его участников, «молодых друзей» императора, обсуждались планы преобразований, общий смысл которых понимался, правда, в духе необходимости укрепления политических позиций Александра I, чей приход к власти в результате дворцового переворота не был полностью легитимен. Правда, ни император, ни его сотрудники не имели четкого представления о глубине и последовательности необходимых реформ и особенно о том, насколько совместимы правовые принципы предполагаемых преобразований с традициями управления и политической культурой России.

В Негласный комитет входили, помимо императора, П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей и польский вельможа Адам Чарторыйский. Старые сановники называли их «якобинской шайкой», что было несправедливо. На своих встречах члены Негласного комитета обсуждали вопросы, связанные с противодействием планам превращения Сената в исполнительный или законодательный орган, говорили о несвоевременности отмены крепостного права. Волновавший Александра I вопрос о запрещении помещикам продавать крестьян без земли был отложен как несвоевременный, в ходе его обсуждения Новосильцев заявил, что опасно раздражать дворянство. Негласный комитет перестал регулярно собираться в мае 1802 г., когда правительство приступило к практическому осуществлению важнейшей из обсуждавшихся на его собраниях идей — министерской реформе. В 1803 г. Негласный комитет прекратил свою деятельность, а его члены заняли видные посты во вновь образованных министерствах.

Министерская реформа. Суть министерской реформы, которая начата была указом от 8 ноября 1802 г. и продолжалась в два этапа вплоть до царствования Николая I, заключалась в приведении высшего

государственного устройства Российской империи в соответствие с принципами «истинной монархии», что подразумевало практическое следование теории разделения властей. Было учреждено восемь министерств: Военно-сухопутное, Морское, Внутренних дел, Иностранных дел, Финансов, Юстиции, Коммерции и Народного просвещения. Со временем министерства должны были заменить старые петровские коллегии, которые не упразднялись, но включались в состав соответствующих ведомств. В отличие от коллегий министерства не обладали судебными функциями, они задумывались как органы исполнительной власти. Важным новым принципом стала единоличная власть министра. Его ответственность перед императором дополнялась необходимостью отчитываться перед Сенатом, особо подчеркивалось, что министр не имеет права в своем ведомстве ни вводить новые законы, ни отменять прежние, его власть была «единственно исполнительная».

Предусматривались совместные заседания министров как некая гарантия от самодержавного произвола, для чего учреждался новый орган — Комитет министров, влияние которого на дела было, правда, ничтожным.

Министерская реформа создавала четкую иерархическую систему: министерства — департаменты — отделения — столы. Вопреки первоначальным правительственным декларациям резко возрастала роль бюрократического аппарата, министерства стали инструментом дальнейшей централизации власти, все нити которой сходились в руках императора. В практике повседневного управления министерская реформа изменила немногое. Неотъемлемыми чертами министерской системы были чиновничий произвол, взяточничество и прямое казнокрадство.

Однако проведение министерской реформы, основанной на принципе разделения властей, давало возможность говорить о глубоком преобразовании основных принципов государственного устройства Российской империи. Александр I продемонстрировал умелое сочетание реформаторских начинаний с твердым отстаиванием принципа неограниченной самодержавной власти. Вновь созданные государственные органы — министерства обеспечивали эффективность управления, нисколько не ограничивая прерогативы императора. В консервативной дворянской среде министерская реформа воспринималась как отход от обещаний править по законам Екатерины Великой, как стремление противопоставить первенствующему сословию всевластное чиновничество. С. Н. Глинка утверждал: «Царствование Екатерины рушилось с 1802 года учреждением министерства. Учреждение

министерства безответственного поселило в России гидру олигархического правления, она заслонила престол от народа новыми властелинами, из коих каждый сделался в полном смысле властелином».

Народное просвещение. В духе правительственного реформизма велось назревшее преобразование системы народного образования. Усложнение государственного аппарата, увеличение числа чиновников объективно требовали все большего числа грамотных образованных людей. Александр I и его «молодые друзья» отлично это понимали. Ими была разработана единая система народного просвещения, основанная на принципах преемственности учебных программ и доступности низшего и среднего образования для представителей всех сословий. Россия была разделена на шесть учебных округов, в которых главная роль была отведена университетам. В короткое время были открыты Казанский, Харьковский, преобразованы Дерптский и Вилен-ский университеты. Университеты готовили чиновников для гражданской службы, медиков, учителей. Престиж университетского образования постоянно повышался.

По Университетскому уставу 1804 г. университетам предоставлялась значительная автономия: университетская корпорация выбирала ректора и профессоров, имела собственный суд. Университетские профессора составляли цензурные комитеты, которые должны были осуществлять контроль над книгоиздательской деятельностью. Устав о цензуре, принятый в 1804 г., был мягок и способствовал появлению новых журналов и расширению круга авторов. Постепенно складывалась система среднего образования, основным звеном которой была шестиклассная губернская гимназия. Возникали специальные учебные заведения — Демидовский, Ришельевский и Царскосельский лицеи, Институт инженеров путей сообщения, Московское коммерческое училище. Особое внимание правительство уделяло совершенствованию системы военного образования, где главная роль отводилась кадетским корпусам. На низшей ступени образование давали одноклассные приходские и трехклассные уездные училища. Система народного образования, созданная в первые годы царствования Александра I, доказала свою прочность и просуществовала без серьезных изменений более ста лет.

Крестьянский вопрос. Твердо проводя реформирование государственного аппарата, которое укрепляло его позиции и обессиливало дворянские претензии на политическую власть, Александр I всегда помнил о судьбе отца и не желал ссориться с дворянством. С особой осторожностью он подходил к решению крестьянского вопроса, который приобрел первостепенную значимость еще в екатерининское царствование.

Прекращая вопиющие злоупотребления времен Екатерины II и Павла I, Александр I отказался от раздачи казенных крестьян в частные руки. Подобно своему отцу, он пытался регламентировать нормы эксплуатации крестьян, запретил продавать крепостных поодиночке, совершенно в духе показного лицемерия прекратил газетные публикации о продаже дворовых. Важное значение имел указ от 12 декабря 1801 г., согласно которому лица недворянских сословий — купцы, мещане и государственные крестьяне могли покупать земли. Тем самым было положено начало ликвидации давней монополии казны и дворянства на владение землей.

В 1803 г. им был издан указ «о свободных хлебопашцах», по которому помещик мог отпускать своих крепостных крестьян на волю с землей за выкуп. Такое право помещики имели и прежде, но новый указ должен был свидетельствовать о правительственном внимании к крестьянскому вопросу. Создавалось новое сословие свободных хлебопашцев, обязанных платить подати государству и выполнять различные «земские повинности». Практического значения указ не имел, до крестьянской реформы 1861 г. свободными хлебопашцами стали чуть более одного процента от общего числа крепостных крестьян.

В 1803 г. был создан особый комитет «по улучшению быта остзейских крестьян». Результатом его деятельности стал закон 1804 г., который объявлял крестьян Лифляндии и Эстляндии пожизненными и наследственными владельцами их земельных наделов. Крестьянские повинности регламентировались и фиксировались в особых книгах. В Прибалтике Александр I словно намечал возможный путь решения крестьянского вопроса в России в целом. Дворянская общественность следила за правительственными действиями с нескрываемым недовольством.

В 1808 г. было запрещено продавать крестьян на ярмарках, а спустя год отменено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь. Несомненно, что действия Александра I в крестьянском вопросе находились в русле правительственного реформизма, однако важнейший вопрос о крепостном праве был далек от его разрешения.

М. М. Сперанский. Своего рода вершиной правительственного реформизма стала деятельность М. М. Сперанского. Сын сельского священника, он благодаря способностям и совершенно исключительному трудолюбию стал выдающимся юристом и сделал крупную административную карьеру. К 1807 г. Сперанский стал ближайшим сотрудником императора, который сделал его товарищем министра юстиции, членом многочисленных комиссий и комитетов. Сперанский

почти ежедневно беседовал с императором, обсуждал с ним проекты преобразований, от его мнения в определенной мере зависела текущая правительственная политика, его рекомендация учитывалась при назначении на высшие государственные посты. Современникам он напоминал временщиков XVIII в. Недоброжелатели «поповича» приписывали ему роль злого гения, который овладел волей Александра I и пишет законы и указы, чтобы править Россией ради собственной славы и на погибель дворянства.

В действительности это было преувеличение: Сперанский никогда не выходил из роли послушного, хотя и в высшей степени талантливого и компетентного исполнителя указаний императора. Александру I он был необходим прежде всего как опытный правовед, умевший облекать императорские идеи в юридические формы. Кроме того, в случае необходимости именно на безродного статс-секретаря можно было возложить вину за непопулярные меры. Собственно говоря, так и происходило до начала 1812 г., когда последовала опала Сперанского, столь же немотивированная, как и его возвышение.

Государственно-политические взгляды самого Сперанского не отличались определенностью. Как и Александр I, он разделял екатерининское представление о России как европейской державе, но полагал, что российское общество не подготовлено к глубоким преобразованиям в европейском духе. В повседневном обиходе он был англоман и сторонник английского общественного уклада, основанного на невмешательстве власти в частную жизнь граждан. Одновременно Сперанский преклонялся перед французским императором Наполеоном и созданным по его указанию «Кодексом», который воплотил нормы буржуазного общества. Будучи разночинцем, он ощущал глубинные изменения, происходившие в социальной структуре российского общества и не видел разумных оснований для воскрешения екатерининской правительственной системы, которую много и охотно критиковал. Образ управления, существующий в России, по его мнению, противоречил принципам «истинной монархии», как ее понимал Монтескье. Введение твердой законности было, согласно Сперанскому, неизбежно связано с обращением к теории разделения властей и с реформированием крепостного состояния. Он даже говорил о невозможности истинно монархического управления в стране, где «половина населения находится в совершенном рабстве, где сие рабство связано со всеми почти частями политического устройства и с воинскою системою и где сия воинская система необходима по пространству границ и по политическому

положению».

Однако и в крестьянском вопросе, и при проведении рекомендаций теории разделения властей в государственное устройство, и в практике государственного управления Российской империей Сперанский проявлял крайнюю осторожность. Он ясно видел, что в строго правовом смысле реализация принципа разделения властей ведет к ограничению самодержавной власти, что было неприемлемо для Александра I и что сам Сперанский считал преждевременным. Он утверждал: «Первое начало власти в России кажется весьма просто. Государь, соединяющий в особе своей все роды сил, единый законодатель, судия и исполнитель своих законов — вот в чем состоит на первый взгляд вся конституция сего государства».

В 1809 г. по указанию императора он подготовил проект под названием «Введение к Уложению государственных законов», где указывал на неотложность преобразований, связывая их с европейскими революционными потрясениями. Главную задачу преобразования он видел в том, чтобы правление, «доселе самодержавное, постановить и учредить на непременном законе». При решении этой задачи возможны две системы: одна — «облечь правление самодержавное всеми внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу»; другая — «учредить державную власть на законе не словами, но самим делом». Сравнивая эти две системы, Сперанский остроумно заметил, что «первая из них имеет только вид закона, а другая — самое существо его; первая под предлогом единства державной власти вводит совершенное самовластие, а другая ищет в самом деле ограничить его и умерить». Проектом предусматривалось последовательное разделение властей, создание законодательного собрания, состоящего из двух палат, ответственность исполнительной власти министерства перед законодательной, создание системы местного управления на началах разделения властей и привлечения к нему выборных представителей. Подчеркивая, что вся полнота власти в империи должна принадлежать монарху, Сперанский выстраивал многоступенчатую систему судебной и исполнительной власти, в основе которой были выборные Волостная, Окружная, Губернская и Государственная думы. Крепостное состояние оставалось без изменений, но все население России план делил на три «состояния»: дворянство, среднее состояние, куда включались купцы, мещане и государственные крестьяне, и «народ рабочий», т. е. крепостные крестьяне, дворовые и рабочие люди. Гражданские и политические права каждого из «состояний» были различны. Политическими правами на основе ценза собственности

наделялись дворянство и «люди среднего состояния». «Народ рабочий» не мог иметь политических прав даже при наличии у него собственности.

Исключительную важность имело то обстоятельство, что в основу выборного начала он положил не сословный принцип, хотя внешне он и не покушался на дворянские привилегии, но принцип имущественного ценза (владение недвижимой собственностью или движимым имуществом). Этот, по сути своей буржуазный, принцип противоречил основам сословного строя Российской империи, и стремление к его реализации действительно давало основание видеть в Сперанском противника дворянства.

Работа Сперанского над планом государственных преобразований получила одобрение Александра I, но сам план серьезно не обсуждался. Сперанский верил в скорое осуществление намеченных преобразований. Он писал: «Если Бог благословит все сии начинания, то к 1811 году, к концу десятилетия настоящего царствования, Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразуется». Однако император, большинство высших сановников и дворянство в целом не разделяли оптимизма Сперанского. Они верили в благодетельность самодержавной власти и не считали нужным ограничивать ее даже внешними формами. Творческие способности самодержавной инициативы не были исчерпаны. Затрагивать прерогативы императорской власти в условиях постоянной внешней опасности казалось неразумным.

Н. М. Карамзин как политический писатель. Выразителем общественного недовольства стал историк Н. М. Карамзин, который в 1811 г. представил царю глубоко продуманную записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении». Воспитанный на просветительской литературе, Карамзин ощущал себя «по чувствам» республиканцем и притом верноподданным царя русского. Он находил в этом противоречие, но только мнимое, ибо полагал возможным соединять убеждение в правильности политической доктрины Монтескье с преклонением перед исторически сложившейся системой власти в России. Он считал невозможным «ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти». С особой силой Карамзин обрушился на предложения Сперанского и некоторых других политических писателей о наделении Сената политическими правами. В разделении властей он усматривал величайшую опасность: «Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто. Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою Государственного Устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая

имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей махине производить единство действия?»

Систему власти в империи Карамзин рисовал так: «Дворянство и духовенство. Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми — государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии». Опираясь на свои исторические изыскания, Карамзин дал формулу: «Самодержавие есть Палладиум России: целость его необходима для ее счастья». Дворянство он считал вернейшей опорой трона и отстаивал незыблемость политических прав и привилегий дворянства. Он отвергал конституционные проекты, «какой-нибудь Устав, основанный на правилах общей пользы», и видел один верный способ избежать злоупотребления власти и появления «другого Павла». Обращаясь к Александру I, он восклицал: «Да царствует добродетельно! Да приучит подданных ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народные, которые лучше всех бренных форм удержат будущих государей в пределах законной власти».

Под пером Карамзина рождалась теория российского консерватизма, склонного к отрицанию не только реформ, но и важности самих государственных установлений. Главную ошибку александровских реформаторов историк видел в «излишнем уважении форм государственной деятельности», тогда как в действительности «не формы, а люди важны». Карамзинский завет правителям России звучал вполне определенно: «Искать людей!» По сути, это была консервативная утопия.

Александр I ловко использовал антидворянскую репутацию Сперанского и поручал ему дела, в необходимости которых был убежден, но которые могли вызвать недовольство дворянства. Император помнил обстоятельства своего восшествия на престол и ни при каких обстоятельствах не желал ссориться с первенствующим сословием. С именем Сперанского связывали непопулярный указ о придворных чинах, которые объявлялись лишь почетными отличиями и не давали служебных преимуществ.

Учреждение Государственного совета. Из крупных предложений Сперанского было осуществлено одно: 1 января 1810 г. был учрежден Государственный совет. Манифест о его создании гласил: «Никакой закон не может быть представлен на утверждение императора помимо Государственного совета». Одновременно был упразднен Непременный совет. Таким образом, речь шла об организации высшего законосовещательного учреждения в России, которое внешне продолжало традиции XVIII в., но в действительности его роль была принципиально

иной. В сферу компетенции Государственного совета, который первоначально состоял из двадцати пяти сановников, не входили, в отличие от высших законосовещательных органов екатерининского времени, вопросы исполнительной власти и судопроизводства, его деятельность была организована строго по рекомендациям теории разделения властей.

Создание Государственного совета повлекло за собой совершенствование работы министерств, что выразилось в утвержденном в 1811 г. «Общем учреждении министерств», которое увеличивало число министерств до двенадцати, регламентировало их деятельность и определяло пределы компетенции, прежде достаточно размытые. Следует признать, что практически осуществленные разделы плана государственных преобразований способствовали совершенствованию государственного механизма Российской империи, но никак не выходили за пределы той цели, что действительно важна была для Александра I, — «укрепление самовластия».

Падение Сперанского. Остальные части плана Сперанского остались на бумаге. Большие надежды реформатор возлагал на меры, связанные с созданием Великого княжества Финляндского, когда ради внешнеполитических целей Александр I счел возможным поступиться основополагающими принципами самодержавного правления. Им был дарован конституционный статус Финляндии, присоединенной к Российской империи в 1809 г. Автономия Финляндии и ее конституционное устройство создавали совершенно новую государственно-правовую ситуацию в Российской империи: политические права новых подданных российской короны были четко определены и гарантированы законом, что немыслимо было на остальной территории самодержавной России.

Сперанский и его немногие единомышленники какое-то время надеялись, что финляндский конституционный опыт станет образцом для остальной Российской империи. Однако этого не произошло, и Конституция Великого княжества Финляндского не стала толчком к осуществлению плана государственных преобразований Сперанского. В делах внутренних дарование Финляндии автономии осталось практически незамеченным.

На Сперанского была возложена ответственность за реформирование финансовой системы, которая была расшатана бременем военных расходов и присоединением России к континентальной блокаде. Сперанский предложил план, согласно которому в финансовой сфере последовательно проводился принцип разделения властей. По его инициативе в 1811 г. был создан Государственный контроль, который воплощал власть судебно-

ревизионную.

Другие структурные изменения были отложены, а практические действия Сперанского в финансовой области свелись к резкому повышению прямых и косвенных налогов и некоторому сокращению государственных расходов. Были увеличены подушный оклад с крепостных крестьян и оброчная подать, собираемая с казенных крестьян, оклад с мещан, гильдейские сборы с купцов, возросли питейные сборы и цена на соль, которая тогда была универсальным средством консервации продуктов. Меры Сперанского позволили вдвое увеличить государственный доход, но вызвали повсеместное всеобщее недовольство. Реформатор действовал крайне прямолинейно, он мыслил не как экономист, но как фискал. Сильнейшее раздражение дворянства вызвало введение налога на ревизские души, который должны были платить помещики. Для России налог на дворян-землевладельцев был делом необычным, и это переполнило меру дворянского терпения.

Сперанский знал о недовольстве придворных, о дворянском ропоте и еще в феврале 1811 г. просился в отставку, но его просьба была отклонена. Однако к началу 1812 г., когда неизбежность войны с Наполеоном стала очевидна, Александр I не мог не считаться с настроением дворянства, которое составляло костяк офицерского корпуса и которое видело в Сперанском наполеоновского ставленника. Разумеется, это было не так, но Сперанский действительно злоупотреблял доверием царя, читая дипломатическую переписку, что не входило в его служебную компетенцию. В марте 1812 г. Сперанский был отправлен в ссылку, в дворянских кругах его опала была встречена восторженно.

Российский феномен «либеральной бюрократии». Падение Сперанского не означало принципиального отказа Александра I от преобразовательных планов. Сперанский был символом и олицетворением «либеральной бюрократии» своего времени. Само это понятие возникло позже, но оно хорошо выражает повторяющийся феномен российской действительности. Принципиальная отличительная особенность «либеральной бюрократии» — стремление провести крутые кардинальные преобразования, административные, социальные и, гораздо реже, политические реформы, опираясь на послушный бюрократический аппарат, на механизм государственного насилия. Для «либеральной бюрократии» характерно невнимание к отечественной исторической традиции — именно в этом Карамзин обвинял Сперанского, — ориентация на опыт «передовых европейских стран», опора на верховную власть и пренебрежение как общественными настроениями, так и народными массами.

Первоначальные намерения и объективные результаты реформаторской деятельности «либеральных бюрократов» всегда разительно не совпадали. Сперанский, вне зависимости от его теоретических воззрений, был верным слугой самовластия, что вполне оценили в нем и Александр I, через несколько лет после опалы вернувший его на важные посты, и позднее Николай I. К либерализму как учению о политической, гражданской и экономической свободе, которое утверждалось в Европе и в России в период после наполеоновских войн, деятельность «либеральной бюрократии» не имела никакого отношения.

Не имея твердой поддержки ни в дворянском обществе, ни в народе, «либеральные бюрократы» приходили к власти и получали возможность для своих начинаний в такие моменты, когда прежний механизм управления страной давал серьезные сбои, и от них без труда избавлялись, когда положение стабилизировалось. Без особых сожалений пожертвовав реформатором-бюрократом, Александр I продемонстрировал не только политическую волю, но и умение лавировать, преодолевая сопротивление консервативно настроенных придворных кругов и дворянства в целом, а при особых обстоятельствах идя имнавстречу. Александр і отнюдь не был более либерален, чем его подданные, но, будучи действительно крупным государственным деятелем, он яснее своего окружения видел невозможность сохранения старых принципов и методов управления, необходимость преобразования государственного организма. Понимая неизбежность реформ, он обсуждал их принципы в кругу «молодых друзей», который был для него убежищем как от устарелой екатерининской знати, так и от цареубийц 11 марта. Однако ни он, ни его друзья не имели навыка государственной деятельности, их планы, теоретически безупречные, с трудом находили воплощение на практике. Александр I доверил проведение реформ опытным бюрократам, в первом ряду которых, рядом со Сперанским, был А. А. Аракчеев.

§ 2. Аракчеевщина. Конституционные начинания

Политические и экономические последствия победы над Наполеоном. 1812 г. был самым трудным годом царствования Александра I. В войну с Наполеоном Россия вступила при самых неблагоприятных условиях. Финансы были расстроены, внутренняя и внешняя торговля страдала от континентальной блокады. Все сословия жаловались на произвол администрации и всевластие чиновников. Начало военных

действий выявило недостатки военного командования, отсутствие у него ясного плана кампании. Дворянское общественное мнение винило во всем императора. Александр I должен был идти на уступки. Сначала он, уступая давлению генералов, покинул действующую армию, а затем утвердил решение Чрезвычайного комитета назначить на пост главнокомандующего неприятного ему М. И. Кутузова. Еще раньше он согласился с тем, чтобы генерал-губернатором Москвы стал Ф. В. Ростопчин, павловский фаворит, который был выразителем настроений консервативного дворянства и одновременно умел нравиться простому народу. После оставления Москвы императорский престиж был низок как никогда. Сестра Александра I великая княгиня Екатерина Павловна писала ему: «Недовольство дошло до высшей точки, и Вашу особу далеко не щадят… Вас громко обвиняют в несчастье, постигшем Вашу империю, во всеобщем разорении и разорении частных лиц, наконец, в том, что Вы погубили честь страны и Вашу личную честь. И не один какой-нибудь класс, а все классы объединяются в обвинениях против Вас».

Александр I вышел из трудного положения с гордо поднятой головой. Именно в тяжелых обстоятельствах он умел проявлять свои лучшие качества государственного деятеля. Отказавшись от переговоров с Наполеоном, он довел кампанию 1812 г. до изгнания врагов с территории России, а затем принял непопулярное в консервативных кругах решение о переносе военных действий в Центральную и Западную Европу и ведении их до окончательного разгрома Наполеона. После занятия русскими войсками Парижа император поистине стал «главой царей», самым влиятельным европейским политиком. Послевоенное устройство Европы требовало пристального внимания, однако Александр I не думал отказываться от внутренних преобразований. Как и прежде, для его политики было характерно умелое сочетание реформаторской деятельности с нежеланием менять вековые основы русской жизни — самодержавие и власть поместного дворянства. В знаменательном «Манифесте высокомонаршей признательности к народу за оказанные в продолжении войны подвиги», опубликованном 1 января 1816 г., Александр I подводил итоги многолетней борьбы с Наполеоном и указывал, что именно самодержавие дало возможность торжествовать победу над европейской революцией, которая началась с того, что французский народ, «поправ веру, престол, законы и человечество, впадает в раздор, безначалие, в неистовство, грабит, казнит, терзает самого себя». Законная власть монарха — условие народного благоденствия.

Россия с трудом преодолевала последствия военной разрухи.

Требовались значительные средства для восстановления сожженных городов, разоренных мануфактур и фабрик, нищих деревень. Не хватало рабочих рук: рекрутские наборы и ополчения, которые были сформированы в губерниях Европейской России, оторвали от производительного труда значительную часть трудоспособного мужского населения. Крестьяне, охотно записывавшиеся в ополчение, надеялись, что после победы наступит улучшение их правового и имущественного положения. Однако слухи о возможной воле не оправдались. В манифесте по случаю окончания кампании 1812 г. Александр I провозгласил: «Крестьяне, верный наш народ, да получат мзду свою от Бога». В 1815 г. был издан указ, который запрещал крестьянам «отыскивать вольность». Тем самым перечеркивался старый елизаветинский закон, согласно которому окончательно закрепощенными признавались лишь те крестьяне и их потомки, что были записаны за помещиками по ревизиям первой половины XVIII в. В 1822 г. помещикам вернули право ссылать крепостных на поселение в Сибирь за «дурные поступки».

Крестьянским ответом стали участившиеся побеги, непослушание владельцам, участились крестьянские волнения, которые приходилось подавлять военной силой. В последние десять лет царствования Александра I ежегодно происходило около 30 серьезных крестьянских выступлений. Большим размахом отличалось крестьянское движение, начавшееся в 1818 г. на Дону и в Приазовье. Оно было вызвано стремлением казацкой старшины Войска Донского обратить крестьян в крепостных. В волнениях приняло участие около 50 тыс. крестьян. Посланный для их усмирения генерал А. И. Чернышов доносил, что «дух непослушания и буйства помещичьих крестьян разлился по всему их населению в пределах Войска Донского и грозил потревожить и соседственные губернии».

Военные поселения. Наряду с крестьянскими Россию охватили волнения военных поселян. Военные поселения были излюбленной идеей Сперанского, который видел в них средство облегчить бремя военных расходов. Организация военных поселений была важнейшим поручением, возложенным царем на Аракчеева. Когда Сперанский предложил эту идею, А. А. Аракчеев был против нее, и первая попытка основания военных поселений в 1810 г. казалась неудачной. Предполагалось, что военные поселяне, в разряд которых наряду с солдатами, которых сажали «на землю», переводили казенных крестьян, могут совмещать строевую службу с ведением сельскохозяйственных работ. Их быт подчинялся воинской дисциплине, все работы осуществлялись под присмотром офицеров. Дети

военных поселян предназначались для несения военной службы, дляних устраивались особые школы кантонистов, где они готовились к унтер-офицерской службе. Создавая военные поселения, Александр I надеялся сократить расходы на армию и решить вопрос о ее комплектовании, создав некую альтернативу рекрутским наборам.

После войны с Наполеоном император вновь вернулся к этому проекту. Почти повсеместно военные поселения создавались при помощи военной силы. Их хозяйственная организация находилась в противоречии с ходом экономического развития страны. К 1825 г. военные поселения под началом Аракчеева были организованы в Петербургской, Новгородской, Харьковской, Херсонской, Могилевской и других губерниях. Свыше 375 тыс. государственных крестьян были переведены на положение военных поселян, которые составляли более четверти всей армии. Ожидаемого сокращения государственных расходов военные поселения не давали, на устройство образцовых деревень казна тратила большие деньги.

Люди, переведенные в разряд военных поселян и оторванные от привычного уклада жизни, отчаянно сопротивлялись. В 1817 г. в Новгородской губернии и два года спустя в Чугуеве вспыхивали вооруженные восстания, которые жестоко подавлялись регулярной армией. Расправой над поселянами Чугуевского военно-поселенного округа лично руководил Аракчеев. По его приказу было арестовано свыше 2 тыс. человек, 273 были прогнаны сквозь строй тысячи человек 12 раз, что было равнозначно смертной казни.

Аракчеевский режим. Аракчеев стал символом второй половины александровского царствования. Его время было, по свидетельству современника, «время железное, мрачное по своей жестокости. Чуть ли не вся Россия стоном стонала под ударами. Били в войсках, в школах, в городах и деревнях, на торговых площадях и в конюшнях, били и в семьях, считая битье какою-то необходимою наукою, учением».

С именем Аракчеева связывали насаждавшуюся повсюду мелочную регламентацию, всесилие чиновников, возвращение армии — победительницы Наполеона — к палочной дисциплине, к бессмысленному павловскому фрунту. Прирожденный бюрократ, Аракчеев был исключительно работоспособен, памятлив, требователен к подчиненным, какой бы высокий пост они ни занимали, беспощаден к провинившимся. Его отличали маниакальная страсть к порядку, бесчеловечная жестокость и личная трусость — единственный из генералов русской армии, он уклонялся от участия в боевых действиях. В глазах императора эти недостатки компенсировались преданностью, с какой Аракчеев служил

сначала Павлу I, а затем и Александру I, его талантом организатора. Такой человек был поистине незаменим для того, чтобы отладить государственную машину и заставить ее бесперебойно работать. Аракчеевский порядок — это беспрекословное повиновение, строжайшая субординация, пресечение всякого своеволия.

В определенном смысле Аракчеева можно считать воплощением механистического идеала человека, который проповедовали рационалисты-просветители, человека, который действует, повинуясь исключительно разуму, но не чувству. Аракчеевщина — это крушение российского просветительства, его последняя, трагическая стадия. Аракчеев, не останавливаясь перед крайним насилием, воплотил в жизнь просветительский утопический идеал: общество, которое функционирует как механизм часов, где человеческой личности с ее правами и надеждами отведено незначительное место. Одновременно аракчеевщина стала свидетельством измельчания самодержавной инициативы, тревожным симптомом ослабления созидательных способностей абсолютизма.

Сын бедного новгородского дворянина, Аракчеев, как и Сперанский, своим возвышением был обязан милости императора, он был чужд сановной аристократии. Но если за Сперанским стояла только набиравшая силу бюрократия, то Аракчеев был кровно связан с дворянством, интересы которого он отстаивал столь же твердо, как и интересы императора. В 1808 г. Аракчеев был назначен военным министром и на этом посту осуществил крупные преобразования, особенно по артиллерийской части. Во многом благодаря этому русская артиллерия в 1812 г. превосходила наполеоновскую.

С конца 1815 г. Аракчеев руководил Комитетом министров, а затем получил право докладов императору по делам Государственного совета и по большинству министерств и ведомств. Аракчеев приобрел огромную власть — во время длительных поездок царя за границу ему фактически подчинялся государственный аппарат, и только вопросы внешней политики находились вне его компетенции. Современники воспринимали его как всесильного временщика, а последний период правления Александра I стал называться аракчеевщиной. Аракчеев и его режим олицетворяли надежды большинства российского дворянства, которое желало не перемен, но стабильности.

Волнения в Семеновском полку. Аракчеевские порядки стали причиной выступления в октябре 1820 г. гвардейского Семеновского полка. Солдаты, недовольные притеснениями и жестокостью нового полкового командира Шварца, отказались служить под его командованием. Они

протестовали против телесных наказаний, которым подвергались даже заслуженные ветераны, и против запрета зарабатывать на вольных работах деньги, которые шли на улучшение солдатского довольствия. Действия солдат, желавших обратить на себя внимание высшего командования, были мирными, хотя и нарушали воинскую дисциплину. События в старейшем гвардейском полку вызвали переполох в Петербурге и крайнее ожесточение Александра I. Полк был раскассирован, солдаты разосланы по дальним гарнизонам, на Кавказ и в Сибирь. Некоторые офицеры, хотя никто из них не подстрекал солдат, были арестованы.

Выступление Семеновского полка, по мнению Александра I, свидетельствовало, что «дух зла», который царил над Европой, проникает в Россию. Противостоять ему — священная обязанность государя, освободившего Европу от деспотизма. Особое беспокойство императора вызывало общее состояние умов и народное воспитание, он желал, чтобы «христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения».

Мистицизм и гонения на вольнодумство. Внутренняя и внешняя политика для Александра I обретала религиозный смысл. Идея строения единой европейской христианской нации, положенная в основу Священного союза, в своем развитии вела к созданию политической системы, основанной на христианских началах, на идеалах законности и социальной гармонии. Особое внимание уделялось народной нравственности и народному воспитанию в христианском духе. Исповедовался принцип: «Цель воспитания есть живое познание Бога и праведное христианство. Чрез это единственно распространяется между людьми почитание Бога. Истинно благочестивый человек есть лучший гражданин общества. Без настоящего благочестия все знание, вся мудрость, все мирское образование более вредны, нежели полезны».

В окружении Александра I появились мистики, такие, как Ю. Крюденер и Г. Юнг-Штиллинг, которые говорили о мессианской роли России, о том, что царю суждено стать спасителем страждущего человечества и содействовать установлению Царства Божия на земле. Религиозно-мистические настроения получили широкое распространение. При дворе получили ход прорицатели и религиозные шарлатаны, что вызывало недовольство даже Аракчеева. Тогда же Сперанский заявлял, что он «не знает ни одного государственного вопроса, который нельзя было бы свести к духу Евангелия. Все, до самого тарифа, может быть обработано в этом духе и под его руководством».

Правительственное поощрение религиозно-мистических исканий

имело различные формы. В Петербурге открыто действовала секта Е. Ф. Татариновой, члены которой называли себя русскими квакерами и искали способы духовного просветления. К модной секте проявлял интерес император, ее посещали представители высшего общества. Делу воспитания совершенной христианской нравственности должно было служить Библейское общество, которое начало действовать в России в конце 1812 г. В прямую задачу общества входило распространение книг Священного Писания, но в неграмотной крестьянской стране оно превратилось в инструмент правительственной политики воспитания народа. Библейскому обществу покровительствовал Александр I. Его членами были великие князья, видные сановники и церковные иерархи. В нем состояли авторитетные масоны. Фактически Библейское общество превратилось в первую в России общественную организацию, имевшую четкие идеологические принципы и подчиненную государственной власти.

Практические результаты деятельности Библейского общества были невелики, прежде всего к ним следует отнести распространение системы ланкастерского обучения, которое давало возможность в короткие сроки привить неграмотному человеку навыки чтения и арифметического счета. Ланкастерские школы открывались в армии, в городах и помещичьих усадьбах.

Забота о нравственности молодежи, о пресечении вольнодумства, безбожия и «мечтательного философствования» была возложена на личного друга царя князя А. Н, Голицына, который долгие годы был обер-прокурором Синода, а в 1817 г. возглавил вновь учрежденное Министерство духовных дел и народного просвещения. Проникнутый александровскими идеями строения единой европейской христианской нации, Голицын стремился подчинить науку и светское просвещение христианской вере. Православную церковь он желал уравнять с другими христианскими конфессиями, что вызывало недовольство православных иерархов, и одновременно устраивал гонения на учебные заведения. В 1819 г. подвергся погрому Казанский университет, ревизуя который, М. Л. Магницкий, недавний сотрудник Сперанского, сделавшийся обскурантом, нашел столь явные свидетельства религиозного вольнодумства, что предложил «уничтожить» университет. Александр I повелел не разрушать, но исправить, поручив это Магницкому. Уволив часть профессоров и введя казарменную дисциплину, тот вскоре доложил: «Яд вольнодумства окончательно оставил университет, где обитает ныне страх Божий». Магницкий требовал, чтобы все учебные дисциплины, даже математика, физика и астрономия, преподавались на основании истин Священного

Писания. Тогда же были уволены некоторые профессора Харьковского университета, а в Петербургском университете по инициативе попечителя Д. П. Рунича был начат процесс против лучших профессоров, обвиненных в «робеспьеризме», в том, что они преподают «в противном христианству духе».

После Семеновской истории во внутренней политике и правительственной идеологии произошли определенные перемены. Мистический обскурантизм и христианский универсализм стали вызывать подозрение как связанные с европейским масонством и тайными антиправительственными обществами. Революции в Испании, Неаполе, Португалии, студенческие волнения в германских государствах, греческое восстание воспринимались Александром I как проявления заговора, направленного против христианских начал Священного союза. Каподистрия утверждал: «Подобные события побудили императора видеть и подозревать везде деятельность какого-то распространенного комитета, который, как полагали, распространял из Парижа свою деятельность по всей Европе с целию низвергнуть существующие правительства и ввести свойственные революции формы и деспотизм. С этой поры все усилия министерства были направлены к тому, чтобы бороться с этим началом беспорядка и буйства».

Александр I пересмотрел свою конфессиональную политику. Долгие годы он подчеркивал важность принципа веротерпимости, в начале царствования снял запреты на деятельность масонских лож, которые рассматривались им как инструменты нравственного совершенствования человека и общества. В отличие от большинства европейских стран в России открыто действовали иезуиты, чье влияние было особенно заметно в привилегированных частных школах и пансионах.

В августе 1822 г. все масонские ложи и тайные общества вообще в России были запрещены. Затем последовало изгнание иезуитов. В гвардии и армии была создана тайная полиция. Было признано, что ланкастерская система дурно действует на солдат и подрывает воинскую дисциплину. В 1824 г. Библейское общество было переведено в ведение Синода, что практически означало прекращение его деятельности.

Уступая требованиям ревнителей православия, чьи взгляды выражал ханжа и фанатик архимандрит Фотий, Александр I отправил в 1824 г. Голицына в отставку и упразднил возглавляемое им министерство. Тем самым окончательно рушились мечты императора о возможности соединения христианских церквей и создании единой европейской христианской нации, о чем он много говорил после Венского конгресса.

Новым министром просвещения стал А. С. Шишков, известный ревнитель православной старины. Он заявил: «Науки не составят без веры и без нравственности благоденствия народного. Они столько полезны в благонравном человеке, сколько же вредны в злонравном. Сверх того, науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет».

В последние годы жизни для Александра I были характерны мистицизм, разочарование в людях, он стремился к уединению и говорил о трудных обязанностях государя. На современников это производило впечатление непоследовательности, передовая молодежь подозревала императора в пренебрежении судьбами России. Однако император не думал отказываться от дел правления, он как бы колебался и выжидал, какой из линий внутренней политики отдать предпочтение — аракчеевщине, которая к 1824 г. приобрела характер откровенной реакции, или реформистской, которая оправдала себя в первые годы царствования.

Александровский конституционализм. Победив Наполеона, который для большинства современников олицетворял революционные порядки, Александр Іне верил в возможность возврата к «старому режиму» в Европе, полагал необходимым продолжение реформ государственного устройства и управления в России. На необходимость продолжения политики правительственного реформизма, на возвращение к реформам после окончания военных действий Александру Іуказывали в 1814–1815 гг. его ближайшие сотрудники В. П. Кочубей, А. Д. Гурьев, Н. Н. Новосильцев, Е. Ф. Канкрин, А. Б. Куракин, Н. И. Салтыков. О необходимости приступить к решению крестьянского вопроса говорил Аракчеев. В 1815–1818 гг. крестьянский вопрос оживленно обсуждался на страницах русских журналов. Полемика приобрела столь острый характер, что министр народного просвещения А. Н. Голицын счел необходимым предписать, «дабы ни под каким видом не было печатаемо ничего ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян не только здешних, но и иностранных».

Александр I предложил нескольким видным сановникам разработать проекты отмены крепостного права для собственно русских губерний. Едва ли не самым интересным стал проект Аракчеева, где предусматривалась покупка помещичьих имений в казну по ценам, которые фактически бы устанавливали сами помещики. Крестьян предполагалось освобождать с землей, передаваемой им на условиях аренды в минимальном размере. Остальные проекты, среди авторов которых были П. Д. Киселев, Н. С.

Мордвинов, еще последовательнее отстаивали экономические интересы помещиков. Попытки Александра I лично воздействовать на дворянство отдельных губерний, которых он призывал к участию в решении крестьянского вопроса, остались без ответа.

Более удачен был опыт облегчения участи крестьян в Прибалтике. Подобно тому, как Финляндия и Царство Польское были для Александра I полем конституционных экспериментов, Остзейский край служил полигоном для опробирования подходов к крестьянскому вопросу. Если в 1804 г. крестьяне получили там некоторые права, то в 1816–1819 гг. в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии крестьяне получили личную свободу, но лишились земли, которая переходила в собственность помещиков. При этом предусматривалась возможность выкупа крестьянами земли и устанавливался многолетний переходный период, когда власть помещика над крестьянами сохранялась. По сути, впервые в Российской империи были тем самым сформулированы принципы практического освобождения крепостных крестьян. В целом, однако, правительственная политика в крестьянском вопросе отличалась двойственностью и непоследовательностью.

Гораздо увереннее Александр I чувствовал себя в делах, связанных с политическими преобразованиями. Дарование польской конституции, на чем он буквально настоял, давало современникам основание полагать, что и в общегосударственном устройстве Российской империи могут произойти серьезные перемены. Выступая на заседании сейма в Варшаве в марте 1818 г., Александр I как конституционный монарх произнес речь, где вполне определенно высказал намерение распространить «правила свободных учреждений» на все страны, «Провидением попечению моему вверенные». Обращаясь к польским депутатам, он сказал: «Вы мне подали средство явить моему Отечеству то, что я уже с давних лет ему приготовляю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Император говорил о «драгоценных благах» — безопасности личности и собственности, о свободе мнений, о том, что «законно-свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству», являются полезными и спасительными для человечества. Варшавская речь императора была воспринята как твердое обещание дать Российской империи конституционное устройство.

Александр I действительно думал о преобразовании России на принципиально новых основаниях. Ими должны были стать федеративные

начала, первым шагом к утверждению которых и было создание конституционных автономий. В сознании императора эти начала не были связаны с проблемой ограничения самодержавной власти. Федерализм рассматривался им лишь как инструмент административного управления страной, который дает империи больше силы и гарантий безопасности, чем расширение границ. Исполняя варшавское обещание, он поручил Н. Н. Новосильцеву подготовить Государственную Уставную грамоту, работа над которой велась в обстановке секретности и была завершена в 1820 г.

Государственная Уставная грамота. Уставная грамота 1820 г. по сути дела была конституционной хартией Российской империи, где провозглашались гражданские свободы: свобода слова, свобода печати, свобода вероисповедания, неприкосновенность личности, равенство всех жителей России перед законом. В ней последовательно проводился принцип разделения властей, были предусмотрены такие учреждения, как представительные учреждения, имущественный ценз, независимость суда и судопроизводства от администрации. Она содержала важнейшую норму буржуазного права: «Всякая собственность, на поверхности ли земли находящаяся, или в недрах оной сокровенная, какого бы рода ни была, в чем бы ни состояла и кому бы ни принадлежала, признается священноюи неприкосновенною. Никакая власть и ни под каким предлогом посягнуть на нее не может».

Уставная грамота предусматривала деление государства на несколько крупных областей, наместничеств, которые обладали бы равными правами. При определении границ наместничеств принимались во внимание историко-географические, демографические и экономические факторы. В каждом наместничестве предполагалось создание органов народного представительства, наместнических сеймов, которые должны были созываться каждые три года. Наместничества обладали большой долей самостоятельности в решении местных вопросов земледелия, промышленности, торговли и финансов. Объем прав, которыми наделялись наместничества, и характер их взаимоотношений с императорской властью и общегосударственным двухпалатным сеймом в полной мере соответствовали классическим принципам федерализма. Император оставался главой исполнительной власти, ему подчинялись Государственный совет и министры.

Гордое утверждение Государственной Уставной грамоты: «Да будет российский народ отныне и навсегда иметь народное представительство» стало вершиной александровского конституционализма.

Государственная Уставная грамота не стала политической

реальностью. Александра I беспокоили нестабильность режимов во Франции и немецких государствах, революции и народные волнения в Южной Европе, выступление Семеновского полка. Однако главную роль в неудаче александровского конституционализма сыграло то обстоятельство, что в российской действительности не было социальной силы, которая готова была поддержать конституционные преобразования. Объективно осуществление идей Уставной грамоты вело к ослаблению самодержавной власти и тем самым к разрушению исторически сложившихся оснований Российской империи, в чем не были заинтересованы ни дворянство, ни бюрократия. От этого императора предостерегал Карамзин, резко протестовавший против польской конституции. Он верно подметил исторический парадокс: конституция, вводимая по велению самодержавной власти при малой поддержке даже передовой части общества.

Взгляды консервативного дворянства выражал «Дух журналов», когда писал, критикуя александровский реформизм: «Вводимые законы и учреждения в подражание европейским государствам, кроме замешательства, в Российском государстве никогда ничего произвести не могли… потому что все оные про-тивуестественны духу народа русского, его почвенным нравам, обычаям, образу мыслей и склонности».

Для Александра I отказ от немедленного утверждения Уставной грамоты не означал отказа от дальнейших либерально-конституционных начинаний и тем более не был переходом к откровенной реакции, воплощением которой оставался ненавидимый большинством дворянского общества Аракчеев. Император и его сотрудники понимали необходимость обновления государственных устоев Российской империи. Они склонялись к неспешной эволюционной перестройке имперской государственности. Неспешные преобразования — суть екатерининской системы, которая была построена на принципах консервативного реформизма, и Александр I стремился следовать заветам великой бабки. В духе начертаний Уставной грамоты осуществлялись реформы местного управления в специально созданном генерал-губернаторстве или наместничестве, которое возглавил близкий императору А. Д. Балашов и куда вошли пять великорусских губерний — Воронежская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тульская. Принципиальный отказ от пути реорганизации империи на конституционно-федеративных началах продемонстрировал Николай I, упразднив пост Балашова и отменив конституционную автономию Царства Польского.

Династический кризис. Косвенным свидетельством того, что окончательный выбор между неприкрытой реакцией и продолжением

конституционно-реформистских преобразований не был сделан, было беспечное отношение Александра I к вопросу о престолонаследии, который имел огромную важность при самодержавном правлении. Александр I, которому не исполнилось еще и пятидесяти лет и который отличался крепким здоровьем, не думал о подведении итогов своего правления. Император был бездетен, а его наследник, следующий по старшинству брат великий князь Константин Павлович, вторым браком женился на польской аристократке. Неравный брак вызвал недовольство Александра I, который вынудил Константина отречься от прав на престол и подписал Манифест о праве на престол другого брата — великого князя Николая Павловича. Все эти переговоры велись в 1820–1823 гг. в строжайшей тайне, и даже будущий Николай I был посвящен в них в самой общей форме.

После неожиданной смерти Александра I это вызвало династический кризис, называемый междуцарствием. Умер Александр I в ноябре 1825 г. в Таганроге.

Глава 19. Русское общество времени Александра I

§ 1. Общественная мысль

Русское общество и идеи Французской революции. Нарубеже XVIII–XIX вв. русское общество находилось под прямым и сильным впечатлением событий и идей Французской революции. Взятие Бастилии 14 июля 1789 г., присяга Людовика XVI конституции, принципы «Декларации прав человека и гражданина» воспринимались в России с интересом, а в некоторой части дворянского общества даже с энтузиазмом, который весьма беспокоил Екатерину II. Она твердо настояла на том, чтобы Париж покинул друг ее внука Александра граф П. А. Строганов, записавшийся в члены Якобинского клуба и восклицавший: «Клич свободы звенит у меня в ушах, и лучшим днем моей жизни будет день, когда я увижу Россию, возрожденною подобной революцией».

Перемена в общественных настроениях началась в январе 1793 г., когда в Россию пришло известие о казни короля. Якобинский террор, массовые казни, вандализм парижской черни вызывали общее неприятие. Будущий александровский вельможа В. П. Кочубей заявлял в 1794 г.: «Если я в прошлом симпатизировал революции, то сейчас я сторонник контрреволюции». Эту точку зрения разделяли практически все слои русского общества, которое исключительно серьезно подошло к осмыслению опыта Французской революции. Насилие и междоусобие осуждал возвращенный при Александре I к активной общественной деятельности А. Н. Радищев. Его последователь И. П. Пнин называл революционную французскую конституцию «ужасной по действиям и соблазнительной по правилам». Общество утратило интерес к «неподготовленным переменам», как тогда именовали революционные перевороты, и к республиканским идеям.

Подводя итог недавним европейским событиям, молодой А. И. Тургенев писал: «Сколько далеко ни простирается история, везде почти показывает она, что, хотя мятежи кой-когда и удавались, всегда почти приносили они с собою больше пагубы и бедствий для народа, нежели бы сколько претерпел он, снося тиранские бедствия». Приход к власти Наполеона не изменил антифранцузского и антиреволюционного настроя. Новый повелитель Франции воспринимался как узурпатор и деспот. При известии о коронации Наполеона Ф. В. Ростопчин воскликнул: «Стоило ли

жизни близ двух миллионов людей, потрясения всех властей и произведения непонятных варварств и безбожия то, чтобы сделать из пехотного капитана короля?!»

Тираноборческие настроения. Время Павла I было крайне неблагоприятным для русского общества. Его правление казалось царством террора, который царил повсеместно — в столице, армии и даже в самых отдаленных провинциях государства. Характерно свидетельство осведомленной современницы: «При самом осторожном поведении никто не мог считать себя в безопасности от доноса; никто не мог рассчитывать на следующий день». Именно всеобщая неуверенность сделалась питательной почвой переворота 11 марта и определила эмоциональную атмосферу Петербурга, когда люди со слезами на глазах бросались к незнакомцам, поздравляли их с новым государем. «Весь город походил на дом сумасшедших».

Восторг, с которым было принято известие о воцарении Александра I, был ответной и запоздалой реакцией на павловский произвол. Дворянское общество не простило покойному императору безнаказанного своеволия, с которым он унижал дворян, нарушал их привилегии, подвергал телесным наказаниям и ссылке в Сибирь.

Павла I считали тираном, ему приписывали самые невероятные намерения: заключить в крепость императорскую семью, раскассировать старые гвардейские полки, начать войну с Англией. Его место в истории описывали, используя традиции просветительской литературы XVIII в., ставя в один ряд с Нероном и Калигулой. Цареубийство прославлялось в стихах и прозе и не вызывало общественного осуждения. Как замечала современница, «содеянное преступление всеми прославлялось и не укладывалось в рамки беспристрастного обсуждения. Скандал оказывался крупный: общественное мнение резко расходилось с нравственностью и правосудием».

Событие 11 марта воспринималось как патриотический подвиг и оправдывалось словами: «Тирана истребить есть долг, не преступление». Участники переворота считали себя патриотами и верноподданными. Один из активных участников событий 11 марта, В. М. Яшвиль писал новому императору: «С той минуты, когда несчастный безумец, Ваш отец, вступил на престол, я решился пожертвовать собою, если нужно будет для блага России… Перед государем я спаситель Отечества». Поэты воспевали «паденье Павлово и подвиг россиян».

Общественные настроения, которые царили в России после дворцового переворота, дали основание сановнику А. Ф. Лан-жерону

проницательно заметить: «Эти страшные катастрофы, повторявшиеся в России три раза в течение столетия, без сомнения, самые убедительные из всех аргументов, какие можно привести против деспотизма: нужно преступление, чтобы избавиться от незаконности, от безумия или тирании».

Павловский произвол и революционный террор французских якобинцев воспринимались современниками как события одного порядка. Против тирании — безразлично, самодержавной или революционной — высказывались все. Как писал Н. М. Карамзин, «ужасы Французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства, но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оного».

Огромные надежды возлагались на нового императора. Россия приветствовала царствование Александра I «как эру освобождения, как зарю прекрасного дня». Однако, усвоив уроки павловской тирании и якобинского террора, дворянское общество искало гарантий от произвола, не ограничиваясь надеждами на добрую волю молодого императора. Переворот 11 марта на короткое время пробудил общественный интерес к конституционным вопросам. По свидетельству современника, «публика вся как бы проснулась; даже и дамы стали вмешиваться в судебные диспуты, рассуждать о законах, бредить о конституциях». У руководителей переворота Палена и Панина, возможно, было намерение ввести умеренную конституцию, однако они не посвящали в него большинство заговорщиков, и Александр I твердо пресек их попытки.

Дворянский конституционализм. Конституционные проекты, которые разрабатывали видные представители аристократии П. А. Зубов, А. Р. Воронцов, П. В. Завадовский, Г. Р. Державин и другие, были прежде всего средством давления на императора. Они не имели сколько-нибудь широкого распространения за пределами узкого круга сановной знати. В этих политических проектах речь шла о соблюдении законности, о реорганизации Сената. Авторы проектов полагали, что российское дворянство способно долго сохранять ведущую политическую роль и монарх должен разделить с ним власть. Вместе с тем политические идеи, лежавшие в основе этих проектов — разделение властей, расширение прав дворянства, конституционные гарантии против самовластия, — получили широкое хождение в дворянском обществе. Дворянству импонировало, что конституционно-правовые представления идеологов аристократии не подразумевали ни равенства граждан перед законом, ни ограничения

сословных привилегий.

Лишь у немногих авторов начала века — В. В. Попугаев, В. Ф. Малиновский, В. Н. Каразин — намечался выход за пределы олигархической дворянской конституционности. В своих проектах они предлагали такое представительное правление, которое состояло бы из выборных от разных сословий, в том числе и от «нижних отделений народа». Малиновский полагал: «Вельможи сделаются осторожнее, имея отвечать и государю, и народу… Сии депутаты должны составить непременное собрание, переменяя выборы через 4 года. Все дела общественные подлежат их рассуждению, все налоги и сборы решаются ими и, утверждаемы государем, приводятся в исполнение. Тогда родится общий дух. Публика заниматься будет не безделицами и не пустяками, но делом и суждением о управляющих и деяниях их». В целом, однако, конституционные идеи находили слабый отклик в обществе. Самодержавная инициатива Александра I опережала общественные надежды, толки о конституции прекратились сами собой.

Проблемы самодержавной инициативы. Выразителем взгляда значительной части дворянского общества стал Н. М. Карамзин. В 1802 г. он приступил к изданию журнала «Вестник Европы», который самим названием утверждал идею общности исторических судеб России и европейских народов. Для Карамзина вопрос о Французской революции сводился к вопросу о консервативной традиции, которая одна может исправить «несовершенства гражданских обществ». Обращаясь к читателям журнала, он писал: «Девятый-надесять век должен быть счастливее, уверив народы в необходимости благодетельного, твердого, но отеческого правления». Его журнал утверждал, что «государство обширное и великое не может и не должно быть республикою. Чем оно больше, тем вреднее для него образ республиканского правления».

В 1803 г. Карамзин был назначен официальным историографом для сочинения «полной истории Отечества», работа над которой стала его гражданским подвигом. Свои политические взгляды он изложил в «Записке о древней и новой России», где подвергал критике бюрократические реформы Сперанского и доказывал, что просвещение народа важнее административной стройности, «любезной систематическим умам». «Записка» Карамзина предназначалась для Александраi и осталась неизвестной широкой публике. Однако ее политическая концепция была развернута Карамзиным в его «Истории государства Российского», основная часть которой была написана к 1811 г., когда «Записка» была представлена императору. Для политических представлений Карамзина

ключевым было утверждение: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновла-стия, а спаслась мудрым самодержавием». Особое внимание историограф и политический мыслитель придавал нерасторжимой связи России и остальной Европы. Для него Россия изначально была частью Европы, входила в систему «европейского политического бытия». Удельная система и татарское нашествие отторгли Россию от общего хода европейского развития, обусловили ее промежуточное положение «между европейскими и азиатскими царствованиями». Усилия Петра I и Екатерины Великой вернули страну на путь европейского развития.

Первые тома «Истории государства Российского» вышли в свет в 1818 г. Их выход стал большим общественным событием, современникам казалось, что Древняя Русь была «найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Свою «Историю» Карамзин посвятил Александру I и адресовал всем слоям российского общества. Он полагал, что знание истории должно примирить «с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках».

У Карамзина было немало последователей, которые ценили его как преобразователя русского языка и российской словесности, как историка, политического писателя и защитника устоев самодержавия. Среди них были такие влиятельные деятели, как Д. Н. Блудов, П. А. Вяземский, Д. В. Дашков, В. А. Жуковский, С. С. Уваров. В первые годы александровского царствования они вели полемику с А. С. Шишковым в защиту «нового слога», верили в самодержавную инициативу и поддерживали реформаторскую деятельность правительства. В 1815 г. составили литературно-общественное объединение «Арзамас», которое исповедовало умеренную либерально-консервативную программу. Не чураясь политических перемен, арзамасцы полагали, что те «суть медленный плод времени». Считая крепостное право несовместимым с христианской моралью и духом времени, деятели «Арзамаса», например Уваров, выступали против освобождения крестьян, ибо «освобождение души через просвещение должно предшествовать освобождению тела через законодательство». Карамзин и карамзинисты во многом определяли общественную атмосферу александровской эпохи. Некоторые из них — Блудов, Дашков, Уваров — делали успешную служебную карьеру, Вяземский деятельно участвовал в работе над Уставной грамотой 1820 г.

А.С.Шишков. Литературно-общественные противники карамзинистов группировались вокруг адмирала и литератора А. С. Шишкова. В 1803 г. вышла его знаменитая книга «Рассуждение о старом и новом слоге

российского языка», где автор выступал против губительных нововведений в области русского языка и культуры, отстаивал «старый слог» и самодержавные устои. Обличая «порчу» родного языка Карамзиным и карамзинистами, он связывал ненавистный ему «новый слог» с французскими нравами и понятиями, с разрушительными революционными идеями. Его возмущала и тревожила галломания дворянского общества: «Дети знатнейших бояр и дворян наших прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим». Шишкова беспокоило то, что «ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством».

Шишков был убежденным противником французских просветителей и их российских последователей, которые «под видом таинственных умствований о вере разрушали веру, под видом утверждения власти низлагали власть, под видом закона вводили беззаконие, под видом человечества внушали бесчеловечие». Программное значение имела его работа «Рассуждения о любви к Отечеству», написанная в 1811 г., накануне наполеоновского вторжения. Шишков призывал к патриотическому сплочению, которое одно может «отвратить сию страшную тучу», он напоминал о героизме и подвигах предков и видел в русском народе носителя высших нравственных начал, основанных на христианстве. Крепость русского государства он объяснял верностью православию, которое есть основа любви к Отечеству и государю, верностью русскому языку, который обеспечивает единомыслие, и разумной организацией, где соблюдается иерархия сословий.

В 1812 г. Шишков, после отставки Сперанского, занял пост государственного секретаря. Он был автором патриотических манифестов, с которыми царь обращался к армии и народу. Эти манифесты читались с большим вниманием, они оказывали заметное влияние на национальное сознание, пронизывая его идеями преданности престолу и Отечеству.

Национально-патриотическая тема была основной и для других общественных деятелей. Постоянный оппонент александровских начинаний, обличитель Сперанского и выразитель настроений консервативного дворянства Ф. В. Ростопчин простонародным слогом высмеивал нравы и обычаи французов, которым противопоставлял добрые свойства русского народа. Его «Мысли вслух на красном крыльце» имели огромный успех, их тираж составил 7 тыс. экземпляров, что для того времени было невероятной цифрой.

Патриотизм и европеизм. После Аустерлица наблюдался подъем

патриотического чувства, пробуждение интереса к национальной истории и культуре. Особое внимание привлекали события Смутного времени, герои которого — Минин, Пожарский, патриарх Гермоген, Прокопий Ляпунов — становятся символами верного служения Отечеству. В 1807 г. немалый общественный интерес вызвал конкурс на памятник Минину и Пожарскому в Москве.

Тильзитский мир, заключенный с узурпатором, подорвал в обществе репутацию Александра I. В печать и на сцену стали проникать оппозиционные настроения, которые не были ясно сформулированы и представляли собой смесь антифранцузских настроений в духе Шишкова и Ростопчина с критикой царя и преклонением перед народным патриотизмом. В 1808 г. стал издаваться журнал «Русский вестник», редактор которого ОН. Глинка идеализировал патриархальную старину, воспевал деяния предков, их добрые нравы, которые противопоставлял испорченным иноземным. Он высмеивал галломанию, подражание европейским модам, обращал внимание на удобства старой русской одежды. Глинка утверждал: «Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество, на сем единодушном стремлении основано общее благо». Глинка стремился «исследовать коренные свойства духа народного» и выстроить на его основе идеальную политическую систему. Он считал справедливыми социальную иерархию, дворянское попечение над крестьянами и царское попечение над всеми сословиями. Взгляды Глинки были консервативны, но его пламенный патриотизм привлекал читателей и сыграл заметную роль в патриотическом подъеме 1812 г.

Великая победа над Наполеоном способствовала укреплению чувства национальной гордости. Причастность к европейским делам осознавалась как единство исторических судеб русского и других европейских народов. Одновременно истоки победы усматривали в прошлом России, люди разных убеждений воспевали новгородскую вольность, народные веча, подвиги Минина и Пожарского. Патриотизм объединял всех, что оборотной своей стороной имело нерасчлененность общественных направлений, их размытость. В 1813 г. Уваров писал: «Состояние умов в настоящую минуту таково, что смешение понятий дошло до последних пределов. Одни требуют просвещения без опасности, то есть желают огня, который бы не жег. Другие, и это большинство, сваливают в один мешок Наполеона и Монтескье, французские войска и французские книги… Друг в друга кидают выражениями: религия в опасности, нравственность потрясена, распространитель новых иностранных идей, иллюминат, философ,

франкмасон, фанатик и пр. Словом — совершенное безумие».

Среди части дворянского общества прочно утвердилось представление, согласно которому изгнание Наполеона и освобождение Европы от «французского варварства» были предопределены свыше, что России и русскому народу предстоит великая историческая миссия. Известный масон А. Ф. Лабзин утверждал: «Когда Всемогущий избирает в орудия свои какой-либо народ, то, без сомнения, для какой-нибудь важной цели. Когда Он прославляет его так, как прославил ныне Россию во всех концах мира, то, без сомнения, имеет намерение произвести что-либо великое чрез сей народ, может быть, во всех же концах мира».

Национальный подъем 1812 г., активное участие народа в борьбе с завоевателями рассматривались как свидетельство прочности социальных устоев России, как доказательство народной любви к самодержавной власти. Далекий от политического консерватизма А. И. Тургенев полагал, что война принесла стране пользу тем, что вызвала единение сословий: «Отношения помещиков и крестьян (необходимое условие нашего теперешнего гражданского благоустройства) не только не разорваны, но еще более утвердились. Политическая система наша должна принять после сей войны также постоянный характер, и мы будем осторожнее в перемене оной».

После окончания войны, когда Александр I даровал конституционное устройство Польше и был главным инициатором выработки конституционной хартии, которую подписал французский король Людовик XVIII, возобновились разговоры о конституции. Большая часть дворянского общества склонялась к мысли, что введение конституции в России, за которым неизбежно должна была последовать отмена крепостного права, опасно. Конституционное правление признавалось несоответствующим русским нравам и коренным установлениям. Часты были ссылки на авторитет Екатерины II, которая полагала, что по огромности своих пространств Россия не может иметь иной формы правления, кроме самодержавной.

Сдержанно была встречена варшавская речь Александра I. Русский офицер, который находился в 1818 г. в Варшаве, записал в дневнике: «Весьма любопытно было слышать подобные слова из уст самодержца, но надобно будет видеть, приведется ли предположения сии в действие». Сомнение оказалось основательным, хотя часть дворянской молодежи восторженно отнеслась к царскому обещанию дать конституцию. Это обстоятельство тревожило Карамзина: «Варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах. Спят и видят конституцию; судят, рядят,

начинают и писать». Варшавскую речь императора восхвалял Уваров. Выступая перед студентами Педагогического института, он говорил о том, что политическая свобода «есть последний и прекраснейший дар Бога», предостерегал нетерпеливых: «Сей дар приобретается медленно, сохраняется неусыпною твердостию, он сопряжен с большими жертвами, с большими утратами».

Близка к уваровской была позиция лицейского преподавателя А. П. Куницына, статья которого «О конституции» воспевала государя-победителя, что дает «свободную конституцию народу, им побежденному». Куницын верил, что «времена варварства миновали, настали веки образования» и следствием этого станет российская конституция. Он указывал на различия между Россией и Европой на пути перехода к политической свободе: «Европейцы добывали политические права силой, русские получат их из рук благодетельного монарха». Вместе с тем Куницын отмечал давнюю включенность России в европейскую политическую традицию: «Вече, боярские думы, третейский и совестной суд, разбирательство дел при посредничестве присяжных, равных званием подсудимому, были еще в древности существенными принадлежностями образа правления в нашем Отечестве».

Уваров и Куницын убедили немногих. Аракчеевские времена были неблагоприятны для тех, кого в обществе называли ли-бералистами, и неудивительно, что вскоре Куницын оказался в числе гонимых петербургских профессоров, а Уваров должен был подать в отставку с поста попечителя Петербургского учебного округа.

После 1820 г. характер общественной жизни существенно изменился. Стало невозможно открытое обсуждение крестьянского вопроса и вопроса о представительном образе правления, гонения на вольнодумство побуждали к осторожности. Радикально настроенная часть дворянской молодежи, видевшая в Александре I «кочующего деспота» и возмущенная аракчеевскими порядками, искала выход в рамках тайных обществ. Для дворянского большинства были характерны настроения общественной апатии и стремления довольствоваться существующим положением.

Глубокие внутренние противоречия были характерны и для отдельных деятелей. Адмирал Н. С. Мордвинов, известный независимостью суждений, в своих экономических сочинениях отстаивал права частной собственности и гражданские свободы, понимаемые в английском духе. Вместе с тем право собственности он трактовал как гарантию сохранения крепостных отношений.

Особенностью александровского времени было то, что консервативные

и умеренно-либеральные воззрения приобретали патриотическую окраску, прямо служили делу национального самосознания и порой принимали формы, оппозиционные самодержавной власти. Одновременно, долгое время, вплоть до расцвета аракчеевщины, либерально-конституционные и радикальные идеи, так или иначе ориентированные на западноевропейские образцы, были несамостоятельны и опирались на правительственный реформизм. По словам Пушкина, правительство было «единственным европейцем» и самодержавная инициатива определяла характер политического и общественного развития. Ни народные массы, невежественные и достаточно пассивные, ни те или иные сословия и сословные группы, ни общественное мнение, ни армия и ее офицерский корпус не могли служить ей противовесом.

§ 2. Движение декабристов

Общественные организации. Примечательной чертой общественной жизни александровского времени было исключительное обилие разного рода кружков, литературных и дружеских обществ. В Петербурге, Москве, в некоторых губернских городах возникали клубы и салоны, где обсуждались политические новости и комментировались правительственные действия. Общественные организации, число которых доходило до двухсот, создавались без разрешения властей, которые долгое время сквозь пальцы смотрели на их деятельность. В подавляющем большинстве случаев цели этих организаций не содержали ничего предосудительного, но само их существование свидетельствовало о пробуждении в России навыков общественной самодеятельности. До 1822 г. в России были разрешены масонские ложи, члены которых именовали себя «братьями», исполняли на своих заседаниях сложные обряды, пронизанные мистикой и непонятные для непосвященных. Учение масонов было реакцией на рационализм просветителей, что привлекало к нему многих представителей дворянского общества. Распространенные по всей Европе, масонские ложи объединяли людей самых разных политических убеждений, они воспитывали вкус к общественной жизни. Нередко форма масонской ложи служила прикрытием политического радикализма, что правительство Александра I осознало не сразу.

Иногда правительство оказывало покровительство общественным объединениям. Созданное под председательством близкого друга царя А. Н. Голицына Библейское общество занималось изданием и распространением

Священного Писания на языках народов Российской империи. В стране действовало около шестидесяти отделений общества, состоять в котором стремились как гражданские чиновники, так и неслужащие дворяне. Военное ведомство поощряло ланкастерские школы взаимного обучения, где гуманно настроенные офицеры обучали солдат. Некоторые общества отличались исключительной серьезностью своих занятий. В Москве к 1824 г. сложилось Общество любомудрия, куда входили молодые поклонники немецкой философии В. Ф. Одоевский, Д. В. Веневитинов, И. В. Киреевский, М. П. Погодин и др. Толкование книг Шеллинга и Гегеля они связывали с обсуждением положения в России в либеральном духе.

Особое место среди общественных организаций занимали тайные офицерские кружки. Их первоначальные действия не выходили за пределы традиций тайных офицерских обществ, которые возникали в гвардии и армейских полках в конце XVIII — начале XIX в. и цели которых не отличались определенностью. Это были дружеские артели, где литературные, общественные и политические интересы переплетались с веселым времяпрепровождением, которое выходило за рамки воинского устава и не могло быть одобрено начальством. В такого рода кружках в разное время состояли А. П. Ермолов и М. С. Воронцов.

Истоки декабризма. События Отечественной войны 1812 г., участие в заграничных походах оказали огромное воздействие на офицерскую молодежь. Передовые офицеры, будущие декабристы, называли себя «детьми 1812 года». Будучи молодыми офицерами, они принимали участие в Отечественной войне и заграничных походах, охотно вспоминали «день Бородина» и вступление русской армии в Париж. Им была присуща психология победителей, они искренне считали себя причастными к спасению России от иноземного нашествия и к освобождению Европы от тирании. Они имели возможность осознать роль народа в исторических событиях, понять, что именно народ сыграл главную роль в борьбе с Наполеоном. Крепостное состояние казалось им унизительным для народа-победителя. Они не сомневались в необходимости глубокого реформирования русской жизни. Освобождая Европу, они имели возможность сравнить буржуазные порядки, установленные Наполеоном, со «старым режимом», который возвращался на штыках русской армии. Отвергая наполеоновский деспотизм, они равным образом не принимали режим Реставрации, когда предавались забвению дорогие для них понятия свободы, равенства и братства. Политический идеализм сочетался у будущих декабристов со стремлением к активному действию.

Деятели тайных офицерских обществ осознавали себя составной

частью передовой европейской общественности. Об этом прекрасно сказал Пестель: «Нынешний век ознаменовывается революционными мыслями, от одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположности. То же самое зрелище представляет и Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать».

Первые организации, условно называемые преддекабрист-скими, возникли в 1814–1816 гг. среди офицеров рейнской армии. Одна из них называлась орден русских рыцарей, идея которого принадлежала аристократам М. Ф. Орлову и М. А. Дмитриеву-Мамонову. У ордена имелся устав, который был похож на уставы масонских лож. Предполагалось создание православной орденской республики, среди задач которой было закрытие университетов, укрепление армии, завоевательные походы от Греции до Индии. Орден строился на основе слепого повиновения большинства, «посредственностей», меньшинству, «гениям». Серьезного значения эти планы не имели, но высказанная идея — объединить недовольных офицеров — была реализована в 1816 г. в Петербурге, где был создан Союз спасения.

Радикальные молодые офицеры, составившие тайное объединение, которое они со временем назвали «Общество истинных и верных сынов Отечества», находились под воздействием александровских идей единой европейской христианской нации, правительственного конституционализма и масонского ритуала. Большое влияние на них оказало дарование Александром I конституции Польше. Они утверждали, что если царь «одарит отечество твердыми законами и постоянным порядком дел, то мы будем его вернейшими приверженцами и сберегателями». Общество было немногочисленным, среди его членов выделялись А. Н. и Н. М. Муравьевы, С. И. Муравьев-Апостол, П. И. Пестель, СП. Трубецкой, И. Д. Якушкин. Одной из задач общества провозглашалось сближение дворянства и крестьянства, с тем чтобы «стараться первых склонить к освобождению последних».

Усиление влияния Аракчеева на государственные дела и слухи о намерении Александра I восстановить Польшу, присоединив к ней украинские, белорусские и русские земли, воспринимались членами Союза спасения как национальная катастрофа. Они обсуждали план цареубийства, который вызвался осуществить Якушкин. Тираноборческие настроения быстро сошли на нет, а отсутствие представлений о том, что надлежит делать после устранения Александра I, стало причиной прекращения деятельности Союза.

Союз благоденствия. Ему на смену в 1818 г. пришел Союз благоденствия, среди членов-учредителей которого почти все состояли в предыдущем тайном обществе. Союз благоденствия имел свой устав, который назывался «Зеленая книга» и с «ближней» целью которого знакомили всех вступавших в него. Эта цель формулировалась как «распространение просвещения», подготовка общественного мнения к принятию ожидаемой от императорской власти конституции. Общее число членов Союза благоденствия доходило до двухсот человек. Руководил Союзом Совет Коренного союза, которому подчинялись управы, созданные в Петербурге, Москве, Кишиневе, Смоленске, Тульчине.

Члены Союза благоденствия должны были личным примером воздействовать на общественное мнение, они верили, что «главные язвы отечества могут быть исправлены постепенным улучшением нравов», распространением грамотности, повышением уважения к человеческому достоинству. По их представлениям, просвещенное общественное мнение должно было содействовать правительству «к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим Творцом предназначена». Они стремились облегчить положение своих крепостных крестьян, издавали журналы и альманахи, где излагали либерально — конституционные идеи, высказывались против военных поселений и телесного наказания солдат. Единства взглядов в Союзе не было. Генерал М. Ф. Орлов приказом по своей дивизии запретил телесные наказания, а полковник Пестель был известен как сторонник палочной дисциплины.

Со временем была написана вторая часть «Зеленой книги», где излагалась «сокровенная» задача общества: «введение конституции и законно-свободного правления, равенство граждан перед законом, гласность в государственных делах и в судопроизводстве, уничтожение рабства крестьян, рекрутчины и военных поселений». Союз благоденствия не скрывал своей деятельности, в которой доминировали цели благотворительные и просветительные, «сокровенная» задача была известна немногим.

Наибольшие споры вызывал вопрос о путях достижения намеченных целей. Постепенное овладение общественным мнением не обещало скорого успеха и не давало никаких гарантий. Для многих членов Союза благоденствия это стало источником разочарования в тайном обществе. В 1820–1821 гг. многие из них обратились к политическому опыту стран Европы и Южной Америки, где побеждали освободительные и антимонархические движения, руководимые армейскими офицерами. С особым вниманием изучался опыт испанской революции, когда воинские

части, подготовленные к отправке в Латинскую Америку для борьбы с врагами испанской короны, перед посадкой на корабли восстали и, двинувшись на Мадрид, свергли реакционную королевскую власть. Узнав о событиях в Испании, Н. И. Тургенев воскликнул: «Слава тебе, славная армия Гис-панская! Слава гиспанскому народу!» Переворот, организованный армией, в глазах передовых офицеров был противоположен кровавым событиям Французской революции, которую совершала чернь.

Повторение пугачевского бунта представлялось им немыслимым. Трубецкой был уверен, что крепостное право «располагает к пугачевщине» и утверждал: «С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и может быть добычею честолюбцев, наконец, может распасться на части, и из одного сильного государства распасться на разные слабые. Вся слава России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века».

Передовое офицерство было готово действовать во имя народа и для блага народа, но участие народа, крестьянства категорически отвергалось. Военная революция виделась им залогом быстрого успеха и одновременно гарантией от социальных потрясений.

Первым, кто предложил конкретный план действий с опорой на армию, был генерал М. Ф. Орлов, который в 1814 г. принимал капитуляцию Парижа. В 1821 г. на московском съезде Союза благоденствия он потребовал от соратников права «действовать по своему усмотрению». Ручаясь за свою дивизию, расквартированную на Юге, он был готов поднять ее под предлогом помощи восставшей Греции и начать движение на Москву, чтобы провозгласить там временное правительство. Он верил, что к дивизии примкнут другие части Второй армии и его выступление поддержит ермоловская Кавказская армия. Из Москвы предполагалось двинуть войска на Петербург, гвардейские полки которого, где было сильно влияние офицеров-заговорщиков, могли перейти на сторону восставших. План Орлова был проработан в деталях, которые предусматривали даже заведение тайной типографии для печатания воззваний. Члены Коренной управы отвергли его как преждевременный.

Большинство членов Союза благоденствия беспокоил радикализм Коренной управы, на петербургском совещании которой в начале 1820 г. было принято предложение Пестеля о «выгодах республиканского правления». Многие прекратили свое участие в делах общества. Разногласия привели к тому, что в 1821 г. было принято решение объявить

общество распущенным. Для радикального меньшинства за этим стояло решение продолжить тайную деятельность и создать новое общество с более строгими принципами отбора членов, с четкой политической программой и ясными путями ее осуществления.

Южное и Северное общества. В 1821–1822 гг. были созданы основные декабристские организации — Южное и Северное общества. Во главе первого, которое охватывало офицеров Второй армии, расквартированной на Юге России, стоял Пестель, республиканец и твердый приверженец идеи революционного насилия. Единомышленники подозревали его в диктаторских намерениях, но ценили ум и организаторские способности. К видным членам Южного общества относились А. П. Юшневский, С. Г. Волконский, С. И. Муравьев-Апостол. Взгляды членов общества выражала написанная Пестелем «Русская правда». Она обсуждалась на тайных собраниях, в нее вносились изменения и дополнения, и наконец она была принята большинством голосов.

Гвардейских офицеров Петербурга объединяло Северное общество, где ведущуюроль играли Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев, С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский. Накануне событий 14 декабря в нем на первое место выдвинулся К. Ф. Рылеев, известный поэт и обличитель аракчеевщины. К Северному обществу принадлежала московская управа, где был заметен И. И. Пущин. Идеолог Северного общества Н. М. Муравьев несколько лет работал над «Конституцией», которая обсуждалась членами общества, но не была окончательно завершена.

Южное и Северное общества поддерживали постоянные отношения, намечали планы совместных действий. Переход из одного общества в другое, связанный с переменой места жительства и службы, был предельно облегчен. Формального объединения двух обществ не произошло, хотя в 1824 г. Пестель вел об этом переговоры в Петербурге. У Южного общества были эпизодические контакты с польским Патриотическим обществом, которое возникло в Варшаве и добивалось польской независимости. В 1825 г. к Южному обществу присоединилось небольшое общество Соединенных славян, созданное армейскими офицерами братьями А. И. и П. И. Борисовыми и И. И. Горбачевским. Члены этого общества исповедовали идеи славянского братства, мечтали об освобождении славянских народов от османского и австрийского гнета и о создании республиканской славянской федерации. Предполагалось с точностью определить границы каждого славянского государства и ввести у всех славянских народов «форму демократического представительного

правления». Эти идеи были разновидностью политического панславизма, который именно в это время проникает благодаря воздействию польской общественности в Россию.

Политические и социальные идеи декабристов. Программные положения декабристского движения не выходили за пределы политических и социальных представлений александровского времени. На их авторов влияли как устаревшие к тому времени труды просветителей, так и новейшие доктрины либерализма. Вслед за теоретиком французского либерализма Б. Констаном декабристы отделяли социальные проблемы от борьбы за достижение политических и гражданских свобод, выступали против прямого участия народа в делах правления, с особым вниманием относились к конституционным гарантиям. Для них были характерны и идеализированные представления о древней русской вольности, восходившие к карамзинской традиции.

Программные документы зрелого периода декабристского движения — «Русская правда» Пестеля, «Конституция» Н. М. Муравьева, «Правила Соединенных славян», «Манифест к русскому народу», написанный накануне 14 декабря, — отличало глубокое внутреннее единство и общность исходных позиций. Все они предполагали ликвидацию крепостного права, установление представительного правления, гарантии гражданских прав и свобод, ограничение сословных привилегий. Их роднило признание незыблемости принципа частной собственности, который они распространяли прежде всего на помещичье землевладение. Исторически на долю декабристов выпало осмысление тех задач, которые в ходе Французской революции решались третьим сословием, буржуазией, для чего в России еще не созрели условия. По-своему прав был Ростопчин, когда после 14 декабря сострил: «Обыкновенно сапожники делают революцию, чтобы сделаться господами, а у нас господа захотели сделаться сапожниками».

Как и Александра I, декабристов занимало преобразование имперской государственности, что было назревшим и объективно неизбежным. Потенциал традиционного общества в России был исчерпан, крепостное хозяйство не обеспечивало потребности страны, в которой начался промышленный переворот, отношения между сословиями и политический статус отдельных исторических областей империи нуждались в современном правовом регулировании. Пути обновления Российской империи вполне очевидно выявились ко второй половине александровского правления. Один из них, намеченный в Государственной Уставной грамоте, был привлекателен как для императора и его сотрудников, так и для

создателя «Конституции» Н. М. Муравьева. Этот путь предусматривал преобразование государства на федеративных началах. Другой путь, предложенный Пестелем, был путь унификации и централизации, создания унитарного государства.

Примечательной особенностью декабристских программ было сохранение неприкосновенности помещичьего землевладения. По Муравьеву, «земли помещиков остаются за ними». Идеологи декабризма, будучи дальновидными представителями своего сословия, готовы были расстаться с большинством дворянских привилегий, но твердо отстаивали помещичью земельную собственность. Рассуждая о всеобщем равенстве, декабристы имели в виду политические и гражданские права и никогда не подвергали сомнению неизбежность социального неравенства. Пестель подчеркивал: «Богатые всегда будут существовать, и это очень хорошо». Правда, он считал, что недопустимо присоединять к богатству особые политические права. Резкую неприязнь вызывала у него императорская фамилия: «Народ российский не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства».

Решая аграрный вопрос, Пестель настаивал на передаче государству земельных владений императорской фамилии и предполагал возможность частичной конфискации земли у крупных землевладельцев, каких в России было немного. Эта земля, наряду с казенной и монастырской, должна была составить общественный фонд, откуда каждый мог получить в безвозмездное пользование участок земли. В этом он видел гарантию от обнищания. Остальная земля должна была оставаться в частных руках и служить «доставлению изобилия».

Для Муравьева помещичьи права на землю представлялись незыблемыми. В «Конституции» было записано: «Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земле Русской, становится свободным». О том же писал Пестель: «Рабство кресчъян должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми». И у Пестеля, и у Муравьева крестьяне получали личную свободу, однако первоначальный муравьевский проект предусматривал безземельное освобождение крестьян. Согласившись позднее на предоставление освобожденным крестьянам земли, Муравьев полагал достаточным выделить две десятины на двор, что закладывало основы крестьянской экономической зависимости от помещиков.

Аграрные проекты декабристов не могли преодолеть глубокий социальный антагонизм, который существовал в российской деревне. При сохранении помещичьего землевладения проблема крестьянской собственности на землю не имела решения, удовлетворяющего крестьян.

С наибольшей полнотой в программных документах декабристского движения были разработаны вопросы государственного устройства, гражданских прав и политических свобод. «Конституция» и «Русская правда» предусматривали упразднение сословий, свободу слова, печати, совести и собраний, равенство граждан перед законом. Признавалось право на общественные объединения. Избирать и быть избранными могли граждане мужского пола, имевшие постоянное место жительства и собственность, недвижимую или движимую. Имущественный ценз был, как в проектах Сперанского, указанием на принципы раннего буржуазного общества.

В решении вопроса будущего государственного устройства Пестель и Муравьев решительно расходились. «Конституция» учитывала европейский и американский правовой опыт и сложным образом пыталась соединить его с традицией российской государственности. В противовес Пестелю руководитель Северного общества был последовательным сторонником федерализма. Под впечатлением успешного функционирования федеративных принципов в малых странах Европы и на Американском континенте он считал возможным примирить эти принципы с екатерининским постулатом, согласно которому пространство России и ее величие диктуют необходимость сильной монархической власти. Он размышлял о том, какой образ правления приличен русскому народу: «Народы малочисленные бывают обыкновенно добычею соседей — и не пользуются независимо-стию. Народы многочисленные пользуются внешнею независимостью, но обыкновенно страждут от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель, многочисленное войско препятствуют одним быть свободными; те, которые не имеют сих неудобств, страждут от своего бессилия. Федеральное или Союзное правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан». Муравьев надеялся соединить федеративные принципы с «величием народа». Он не придавал значения национальному вопросу и желал не «свободы народов», а «свободы граждан».

Муравьев знал государственно-правовые принципы Уставной грамоты 1820 г. и использовал их в своих планах. «Конституция» (ее полное

название — «Конституционный Устав России») предусматривала деление страны «в законодательном и исполнительном отношении» на тринадцать держав и две области. Характерны названия держав, отражающие историко-географический принцип: Ботническая, Волховская, Балтийская, Западная, Днепровская, Черноморская, Кавказская, Украинская, Заволжская, Камская, Низовская, Обийская, Ленская. Две особые области — Московская и Донская. Каждая из держав должна была иметь свою столицу, где располагалось «правительное собрание» с широкими полномочиями, среди которых было право: «Учреждать налоги для собственного управления державы и потребностей оной, как-то: дорог, каналов, строений, издержек на правительственное собрание, плату чиновников исполнительной власти, на судебную часть и прочее, зависят от правительственного собрания каждой державы».

Четко были прописаны права союзного Народного веча, которое должно было состоять из Верховной думы и палаты народных представителей, избираемых достаточно сложным образом. Народное вече облекалось «всею законодательною вла-стию». Оно имело право издавать законы, определять правила судоустройства и судопроизводства, «распускать правительные собрания держав в случае, если б оные преступали пределы своей власти», избирать правителей держав, объявлять войну. В его компетенцию входили «налоги, займы, поверка расходов, пенсии, жалованья, все сборы и издержки, одним словом, все финансовые меры», а также «все меры правительства о промышленности и о богатстве народном».

В сфере федеративных отношений Муравьев предусматривал необходимые ограничения полномочий между державами и органами центральной власти, используя для этого механизм разделения властей. Менее ясны его представления о взаимоотношениях союзного Народного веча и императора. Муравьев считал монархическое правление полезным для России. Всю полноту верховной исполнительной власти он предоставлял императору, власть которого передавалась по наследству. Видя в императоре «верховного чиновника российского правительства», Муравьев наделял его полномочиями верховного надзора над всеми союзными и местными органами законодательной и судебной власти. Император имел право «останавливать действия законодательной власти», назначать и смещать судебных чиновников, как «верховный начальник сухопутной и морской силы», он ведал вопросами внешней политики, император был неподсуден и фактически неподотчетен.

В противовес Муравьеву Пестель усматривал в федеративном

устройстве «пагубнейший вред и величайшее зло» для России. Первым из русских политических писателей Пестель дал определение федеративного государства и указал «общие невыгоды федеративного образования»:

«1. Верховная власть по существу дела в федеративном государстве не законы дает, но только советы… Ежели же область не захочет повиноваться, то дабы к повиновению ее принудить, надобно междоусобную войну завести.

2. На верховную же власть будут области смотреть, как на вещь нудную и неприятную, и каждое областное правительство будет рассуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственные дела в отношении к своей области без участия верховной власти. Вот новое семя к разрушению.

3. Каждая область, составляя в федеративном государстве, так сказать, маленькое отдельное государство, слабо к целому привязано будет и даже во время войны может действовать без усердия к общему составу государства.

4. Слово “государство” при таком образовании будет слово пустое, ибо никто нигде не будет видеть государство, но всякий везде только свою частную область; и потому любовь к Отечеству будет ограничиваться любовью к одной своей области».

Пестелю принадлежит знаменитая формула: «Россия есть государство единое и неразделимое». Эти слова он поставил в заглавие специального параграфа первой главы «Русской правды». Здесь он объявлял Российское государство «единым и неразделимым, отвергающим притом совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование государства». Отвергал он и право народов, населяющих Россию, пользоваться «самостоятельною политическою независимостью», считая его мнимым и несуществующим и полагая, что для них будет полезнее, когда они «соединятся духом и обществом с большим государством». Он предусматривал одно исключение: политическое самоопределение Польши.

Примечательно, что серьезная критика робких попыток насаждения федерализма на русской почве принадлежала именно Пестелю, наиболее последовательному политическому противнику Александра I, убежденному сторонникуреволюционных преобразований.

В своем проекте Пестель высказывался за республиканское правление, считая, что всякая монархия кончается деспотизмом. По Пестелю, будущая Российская республика состояла из десяти больших областей, которые делились на округа. Была продумана централизованная система законодательной и исполнительной властей, которая включала

однопалатное Народное вече и избираемую им Державную думу из пяти человек, которые должны были осуществлять верховное правление. Православию следовало стать «господствующей верою великого государства Российского», что не отменяло свободу совести. Предполагалось, что по достижении совершеннолетия российские граждане будут приносить присягу на верность Отечеству. Деление на сословия упразднялось, все сливались в единое сословие — гражданское. Все граждане России наделялись политическими правами «без всякого изъятия». Гарантировались свобода елова, печати, собраний, занятий и передвижений, неприкосновенность личности и жилища. Запрещались любые общества, «хоть открытые, хоть тайные, потому что первые бесполезны, а вторые вредны». Предусматривалась цензура нравов.

Государственный проект Пестеля — это жесткое, почти тираническое правление, не имеющее иной санкции, кроме успешного революционного переворота. Предложенный им вариант — централизованное государство, православная русская республика — был разновидностью политической утопии, тогда как конституционный проект Никиты Муравьева был свободен от пестелевского радикализма и утопизма.

Для осуществления государственных идей «Русской правды» Пестель полагал возможным создание Временного правительства, которое он наделял диктаторскими полномочиями. В российской политической мысли именно Пестель первым выдвинул идею революционной диктатуры.

Военная революция. Настойчиво стремясь к осуществлению своей политической программы, Пестель проявлял большую активность в разработке планов конкретных действий. По его инициативе Южное и Северное общества вновь вернулись к идее военной революции. Их руководители думали начать выступление — военную революцию или вооруженный мятеж — в Петербурге. Части гвардии и флота должны были установить контроль над правительственными учреждениями, арестовать императорскую фамилию и вынудить Сенат «обнародовать новый порядок вещей». По всей России армейским полкам следовало поддержать перемену власти. Выступление намечалось на лето 1826 г.

Одновременно Васильковская управа Южного общества, где главную роль играли Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, думала об аресте императора во время смотрачастей Южной армии, что дважды откладывалось по настоянию Пестеля, не верившего в успех, а в 1825 г. не состоялось из-за отмены смотра.

Внезапная смерть Александра I в Таганроге создала новую политическую ситуацию — междуцарствие. При тогдашних путях и

средствах сообщения власти далеко не сразу приняли решение о наследовании престола великим князем Николаем Павловичем. Шли сложные переговоры между Петербургом, где находился он и высшие правительственные учреждения, Варшавой, где жил Константин Павлович, не желавший ни приезжать в столицу, ни вновь подтверждать свое отречение, и Таганрогом, в котором находились некоторые влиятельные сановники. Вся Россия присягнула новому императору Константину.

В обстановке династической неопределенности находившиеся в Петербурге члены тайного общества решили действовать. У Рылеева шли ежедневные совещания, где Трубецкой настаивал на выступлении гвардейских частей во имя введения представительного правления. Обсуждался состав Временного революционного правительства, куда намечались без их ведома Сперанский, Мордвинов, Ермолов, Киселев.

Решение действовать было принято после того, как на 14 декабря была назначена переприсяга, т. е. присяга новому императору Николаю I, что не могло не вызвать недоумения в простом народе и в армии. На этот день декабристы назначили свое выступление.

Трубецкой написал «Манифест к русскому народу», который намечалось объявить от имени Сената. В нем провозглашалось «уничтожение бывшего правления» и излагалась программа ближайших преобразований: «отмена крепостного права, равенство всех сословий перед законом, гласность судопроизводства, свобода слова, печати, уничтожение рекрутской повинности и военных поселений». Манифест предусматривал «учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение».

Гвардии полковник Трубецкой, имевший немалый военный опыт, предложил действовать исходя из имевшегося в наличии небольшого числа офицеров-заговорщиков и с учетом солдатской психологии. Подняв одну гвардейскую часть, он думал повести ее с развернутыми знаменами и под барабанный бой к казармам другой части, затем третьей и четвертой. Он был уверен, что солдаты, не осведомленные о подлинных причинах происходящего, примкнут к своим выступившим товарищам, и верил в конечный успех. План Трубецкого показался более молодым заговорщикам чересчур медленным, и было принято предложение Рылеева, по которому офицеры-участники заговора должны были действовать в своих воинских частях, чтобы поднять их и собрать на Сенатской площади. Рылеев переоценивал влияние тайного общества среди гвардейских офицеров и не

понимал действия на солдат команд старших офицеров. Назначенный «диктатором восстания» Трубецкой не протестовал, но 14 декабря на Сенатскую площадь не явился.

14 декабря 1825 г. и его последствия. Декабристское каре возле памятника Петру Великому составили прибывшие первыми солдаты гвардейского Московского полка, которых привели А. А. Бестужев и Д. А. Щепин-Ростовский, матросы Гвардейского экипажа под командованием Н. А. Бестужева и гвардейские гренадеры. Всего их было около трех тысяч. От руководителей выступления требовались решительные действия, но, прибыв на Сенатскую площадь, они узнали, что в Сенате пере-присяга уже совершилась. Несколько часов они бездействовали, что дало возможность властям собраться с силами.

После первоначальной растерянности Николай I приступил к решительным действиям. Он сохранил контроль над большей частью гвардии и, что определило исход событий 14 декабря, над гвардейской артиллерией. Восставших солдат пытался уговаривать генерал-губернатор Петербурга М. А. Милорадович. Герой 1812 г. был убит декабристом П. Г. Каховским. Декабристское каре дважды атаковал конногвардейский полк. Дважды кавалеристов встречали нестройные залпы, направленные поверх их голов, и дважды конногвардейцы отворачивали назад: солдаты и с той, и с другой стороны не желали проливать кровь. Боясь, что «бунт сообщится черни», Николай I приказал стрелять картечью. Декабристское каре было рассеяно, военная революция в Петербурге потерпела поражение. В городе начались аресты.

Зная о неудаче 14 декабря, С. И. Муравьев-Апостол и члены Васильковской управы 29 декабря 1825 г. подняли восстание Черниговского полка. Они полагали бесчестным не выступить, когда выступили их товарищи на севере. К этому времени Южное общество было обезглавлено, 13 декабря были арестованы Пестель и Юшневский. В столкновении с правительственными войсками батальоны Черниговского полка, встреченные картечью, были рассеяны.

Следствие и суд над декабристами должны были показать обществу решимость нового императора покончить с крамолой. События 14 декабря Николай I, как и многие представители дворянского общества, понимал как следствие конституционно-реформаторских заблуждений александровского времени. Сразу после событий об этом с полной определенностью писал В. А. Жуковский: «День был кровавый, но то, что произвело его, не принадлежит новому царствованию, а должно быть отнесено к старому». Арестованные по всей стране члены тайных обществ и лица, косвенно

причастные к движению, свозились в Петропавловскую крепость, где у них брали подробные показания. Полагая, что честь офицера и дворянина требует умения держать ответ, они откровенно рассказывали о своих планах. Почти все они не были причастны к событиям 14 декабря, не были повинны ни в военном мятеже, ни в нарушении присяги. Чаще всего их обвиняли в умысле на цареубийство или в знании об этом умысле, что большей частью было произвольной натяжкой.

Сто двадцать один человек был предан Верховному Уголовному суду. Над судебным делопроизводством немало потрудился Сперанский, разбивая осужденных на разряды по степени виновности. По приговору суда оставленные вне разрядов Пестель, Муравьев-Апостол, Рылеев, Бестужев-Рюмин и Каховский были повешены. По словам их единомышленника Александра Муравьева, «они искупили преступление, наиболее ненавистное для толпы: быть проводниками новых идей».

Большинство декабристов было осуждено в каторжные работы, некоторые наказаны без суда заключением в крепость или ссылкой. Из солдат, участвовавших в выступлении, был создан сводный полк, направленный на Кавказ, многие из них были подвергнуты телесным наказаниям. Суровость приговоров потрясла русское общество, навсегда испортила репутацию Николаю I.

По своим политическим представлениям члены тайных обществ были наиболее радикальной частью либерально-реформаторского движения, которое восходило к александровскому реформизму и конституционализму. Но для российского общества принципиальное значение имели не декабристские проекты преобразований, но избранный Пестелем и его соратниками способ достижения политических целей — военная революция. День 14 декабря потому навсегда вошел в общественное сознание, что это был, говоря словами декабриста Г. С. Батенькова, «первый в России опыт революции политической».

Дворянское общество, многие представители которого не скрывали своего сочувствия осужденным и разделяли их политические стремления, в целом отвергло декабристскую попытку добиться насильственного переворота. Осведомленная А. А. Оленина записала в дневнике: «Освободить родину — прекрасно, но проливать реками родную кровь есть первейшее из преступлений… Тот, кто увлекаясь пылкостью воображения, желает дать свободу людям, не понимающим силы слова сего, а воображающим, что она состоит в неограниченном удовлетворении страстей и корыстолюбия, тот, наконец, кто, ослепленный мнимым желанием добра, решается, для собственного величия, предать родину

междоусобию, грабежу, неистовству и всем ужасам бунта, тот не должен носить священного имени Русского».

Для самих декабристов опыт 14 декабря был горьким. Они переживали его как личную и национальную трагедию, и когда их позднее пытались поздравлять с годовщиной выступления, отвечали, что «14-е декабря нельзя ни чествовать, ни праздновать; в этот день надо плакать и молиться». Они не усомнились в верности своих основных программных положений, но в своем большинстве отвергли путь военной революции. Как писал позднее декабрист А. П. Беляев, «я и теперь сознаю в душе, что если б можно было одной своею жертвою совершить дело обновления Отечества, то такая жертва была бы высока и свята, но та беда, что революционеры вместе с собой приносят преимущественно в жертву людей, вероятно, большею частью довольных своей судьбой и вовсе не желающих и даже не понимающих тех благодеяний, которые им хотят навязать против их убеждений, верований и желаний… Я вполне убежден, что только с каменным сердцем и духом зла, ослепленным умом можно делать революцию и смотреть хладнокровно на падающие невинные жертвы».

Поражение декабристов оказало глубокое воздействие на российское общество. Надолго было скомпрометировано стремление к политическим преобразованиям, идущее не от верховной власти и ее самодержавной инициативы, но от радикального меньшинства. Более чем на полвека освободительное движение рассталось с республиканской идеей. Главный урок александровского времени, урок 14 декабря — необходимость соизмерять политические идеалы и реформаторские проекты с выработанными десятилетиями политическими навыками и общественными традициями, с уровнем развития народа.

Глава 20. Внешняя политика первой четверти XIX в.

§ 1. Европейская политика Российской империи

Крушение «старого порядка» в Западной Европе и Россия. Последнее десятилетие xviii в. прошло под знаком Французской революции, в ходе которой была свергнута династия Бурбонов, казнены король и королева, лишены привилегий и собственности аристократы, большая часть которых вынуждена была эмигрировать. Крушение старого режима означало торжество третьего сословия, приход к власти буржуазии. События Французской революции оказали громадное влияние на ход европейской и мировой истории. Революционная Франция вела войны с коалициями европейских монархов, отстаивая идеалы свободы, равенства и братства. В этих войнах получала закалку французская армия, выдвигались талантливые военачальники, среди которых первое место по праву занимал Наполеон Бонапарт.

В 1799 г., совершив государственный переворот, Наполеон стал первым консулом, а спустя пять лет, в 1804 г., провозгласил себя императором Франции. Военный гений Наполеона, в распоряжении которого находилась отлаженная военная машина, стал залогом успешных завоевательных походов, когда свергались неугодные правительства, перекраивались европейские границы. Конечной целью Наполеона было утверждение французской политической и экономической гегемонии в Европе. Его главным соперником была Англия, чей флот господствовал на море и чье промышленное и торговое превосходство губительно действовало на французскую экономику. Остальные европейские государства так или иначе были вовлечены в англо-французское противостояние. Европа вступила в период наполеоновских войн, где России было отведено особое место. Европейские дела, как и прежде, оставались главным направлением внешней политики России в начале XIX в. В системе европейских международных отношений российская дипломатия, опиравшаяся на общепризнанную мощь русской армии и на внутриполитическую стабильность, которая резко контрастировала с потрясениями, происходившими в других странах континента, играла роль главного противовеса агрессивной наполеоновской политики.

При Екатерине II российская дипломатия избегала прямого военного участия в защите старого порядка. Императрица прежде всего была озабочена тем, чтобы не допустить проникновения передовых идей в Россию, в чем и преуспела. Российское общество осталось равнодушным к революционному призыву Радищева, расправа с Новиковым и его единомышленниками дискредитировала просветительские идеи. На исходе екатерининского правления Россия виделась оплотом старогорежима, на который с надеждой взирала европейская аристократия.

Внешняя политика Павла I была принципиально иной. Проследить ее внутреннюю логику невозможно. Сначала он послал русские войска в Центральную Европу, где они, даже руководимые А. В. Суворовым, не имели успеха. Обвинив в вероломстве своих союзников, англичан и австрийцев, император отозвал войска и взял курс на сближение с первым консулом Франции. Отношения с Англией обострились до такой степени, что английский посланник в Петербурге поддерживал заговорщиков 11 марта.

Внешнеполитические приоритеты Александра I. Воцарение Александра I изменило характер российской внешней политики. Как и в екатерининские времена, ее стали отличать последовательность и целеустремленность, что не исключало гибкости и тактической изворотливости. Александр I был лучшим дипломатом своего времени. Его наставницей была Екатерина II, он учился у А. А. Безбородко и А. Р. Воронцова. Именно в сфере внешней политики внук сдержал обещание следовать «законам и сердцу» бабки. Ни на минуту не забывая о собственной безопасности и о необходимости поддержания устоев самодержавия, Александр I умело проводил политику, которая в конечном счете соответствовала национальным интересам России и привела страну к вершине ее европейского могущества.

Свою главную задачу молодой монарх видел в борьбе с «революционной заразой», которую для него символизировали императорская Франция и Наполеон. Здесь царь был принципиален и тверд, хотя нередко ему приходилось встречать непонимание и преодолевать изоляционистские настроения даже в ближайшем своем окружении. В Негласном комитете В. П. Кочубей доказывал, что России не стоит «беспокоиться тем, какой оборот примут дипломатические дела Европы». Сходные суждения высказывали канцлер А. Р. Воронцов и, позднее, А. А. Аракчеев. Александровская внешняя политика, особенно после Тильзита, резко осуждалась и широкими кругами дворянства, императора упрекали в слабости, в излишней уступчивости Наполеону.

Современники ошибались. Обстоятельства иногда вынуждали Александра I идти на компромисс с французским императором, но о подлинном согласии не могло быть и речи. В нарастании русско-французских противоречий, которые в конце концов привели к кампании 1812 г., не последнюю роль играла личная вражда Александра I и Наполеона. Из борьбы с величайшим полководцем нового времени русский царь вышел победителем, чему в немалой степени способствовала его умелая внешняя политика.

Природный дар дипломата Александр I продемонстрировал уже в первые часы своего царствования. В суматохе дворцового переворота он не забыл отдать приказ о прекращении движения казачьих частей, которые Павел I направил на поиски дороги в Индию. Бессмысленная демонстрация враждебности к Англии была оставлена. Озабоченный своим укреплением на престоле, Александр I проводил осторожную внешнюю политику, авантюры были не в его характере. Он исповедовал «свободу рук», что было разновидностью политики нейтралитета, уклонялся от участия в обязывающих военных союзах и коалициях. Помирившись с Англией, царь заявлял, что стремится к европейскому миру. Он не порвал с Францией, с которой в 1801 г. в Париже была подписана секретная конвенция о необходимости совместно решать немецкие и итальянские дела. Однако Наполеон быстро сумел отодвинуть Россию на второй план, обещав свое покровительство южногерманским государствам — Бадену, Вюр-тембергу, Баварии, чьи правители прежде ориентировались на Россию. В 1803 г. им был оккупирован Ганновер, что нарушало нейтралитет Северной Германии. Одновременно наполеоновская дипломатия стремилась разрушить русско-турецкое сотрудничество, провоцируя беспорядки и военные угрозы на Ионических островах, где были расположены русские войска.

Александр I и его ближайшее окружение вынуждены были пересмотреть политику «свободных рук». Возглавлявший ведомство иностранных дел канцлер А. Р. Воронцов был убежден, что «поправление внутреннего состояния государства важнее, конечно, для нас, всяких новых приобретений». Одновременно он был убежден в необходимости тесного союза с Англией для противостояния наполеоновской угрозе. Его всецело поддерживал брат С. Р. Воронцов, занимавший пост посла в Лондоне. Антинаполеоновские настроения выражали и «молодые друзья» императора, среди которых наибольшим влиянием во внешнеполитических вопросах пользовался Адам Чарторый-ский. Они были убеждены в неизбежности войны с наполеоновской Францией и в необходимости тесного союза с Англией. Чарторыйский, занимавший пост товарища министра иностранных дел, верил, что данный политический курс

приведет к восстановлению независимости Польши, что, разумеется, было иллюзией.

Противниками активного участия в европейских делах были такие влиятельные вельможи, как Ф. В. Ростопчин, П. В. За-вадовский, Н. П. Румянцев, А. Б. Куракин. Они полагали, что англо-французские противоречия лежат вне национально-государственных интересов России, что Наполеон вовсе не является олицетворением революционного начала и военное вмешательство в европейские дела обременительно для российских финансов.

Россия и антифранцузские коалиции 1805–1807 гг. Внешнеполитические разногласия в правящей среде были разрешены Александром I, для которого отказ от политики «свободных рук» был в значительной степени вынужденным и диктовался усилением наполеоновского могущества. Наполеон буквально провоцировал русского царя, которого недооценивал, считая безвольным и слабым. В 1805 г. Россия наряду с Англией, Австрией, Швецией и Неаполитанским королевством составила третью антифранцузскую коалицию. Для Александра I участие в коалиции было средством воспрепятствовать наполеоновской гегемонии в германских землях, в какой-то мере он разделял взгляды Чарторыйского, который мечтал о создании федерации славянских народов, где роль «старшего брата» играли бы поляки.

Стратегические планы, разработанные союзниками, оказались бесплодными. Адмирал Нельсон победил при Трафальгаре, что вынудило Наполеона отказаться от мысли о вторжении в Англию. Однако на суше третья коалиция потерпела сокрушительное поражение. Наполеон действовал быстро и решительно. В октябре 1805 г. австрийская армия была окружена в Ульме и капитулировала. 2 декабря 1805 г. в битве под Аустерлицем (Моравия) союзные русско-австрийские войска под общим командованием М. И. Кутузова были наголову разбиты. Александр I был при армии и под огнем, но продемонстрировал полное отсутствие качеств военачальника. Общественное мнение возлагало вину за небывалое со времен Нарвы поражение на него и на Кутузова. Слава досталось генералу П. И. Багратиону, который отличился под Шенграбеном, а после Аустерлица прикрывал отступление. Австрия вышла из войны, третья коалиция развалилась.

Противники войны с Наполеоном демонстративно порицали «молодых друзей» императора, указывали на необходимость нейтралитета в европейских делах. Ростопчин утверждал, что императору «не следовало путаться не в свое дело», В дворянских кругах нарастала тревога,

вызванная внутриполитическим положением, о котором тот же Ростопчин говорил: «Все рушится, все падает и задавит лишь Россию».

Однако Александр 1 отказался идти на сближение с Францией, и в следующем году стал инициатором создания четвертой антифранцузской коалиции, куда вошли Пруссия, Англия и Швеция. Россия не могла координировать действия союзников, Пруссия первой начала военные действия и в течение месяца была разбита. Наполеон вошел в Берлин, где подписал декрет о континентальной блокаде. Декрет запрещал всем союзным и подвластным Франции государствам торговать с Англией, покупать где бы то ни было ее товары и поддерживать с ней любые сношения. Английским судам закрывался доступ в европейские порты. Континентальная блокада должна была сокрушить экономическое могущество Англии.

Оставшись без союзников на континенте, Россия продолжала войну, бои шли в Восточной Пруссии. Наполеон, обращаясь к польской шляхте, обещал восстановление независимой Польши, что давало ему возможность дополнительного воздействия на Россию. Влиятельная придворная группировка, возглавляемая императрицей-матерью Марией Федоровной и А. Б. Куракиным, настоятельно высказывалась за прекращение войны, которую Россия фактически вела в одиночестве.

Тильзит. В июне 1807 г. под Фридландом русская армия потерпела поражение, французы вышли к границе России. Александр I вынужден был пойти на переговоры, которые состоялись в июне 1807 г. в Тильзите. Посреди Немана, который был пограничной рекой, был построен плот, где встретились русский царь и французский император. В ходе их бесед Александр I отверг предложение Наполеона быть императором Востока, предоставив тому оставаться императором Запада. На практике это означало бы вытеснение России из участия в европейских делах.

В Тильзите был подписан мирный договор и соглашение о наступательном и оборонительном союзе между двумя империями. По условиям мира создавалось Герцогство Варшавское, внешняя и внутренняя политика которого контролировалась Наполеоном и которое было средством давления на Россию. Россия также теряла свои позиции в Средиземном море, соглашаясь на занятие Францией Ионических островов. Однако главным и наиболее тяжелым следствием тильзитского свидания двух императоров стало присоединение страны к континентальной блокаде. Эта мера при сколько-нибудь последовательном ее проведении вела к быстрому разорению как поместного дворянства, которое экспортировало в Англию сельскохозяйственную продукцию, так и

купечества, торговавшего английскими товарами. Присоединение к континентальной блокаде вело к полному расстройству финансовой системы России, резкому понижению покупательной способности рубля. Тильзитский мир вызвал возмущение в России, Александр I сделался крайне непопулярен, он не был уверен даже в ближайшем своем сановном окружении и именно тогда приблизил к себе Сперанского и Аракчеева.

Русско-шведская война 1808–1809 гг. и ее последствия. Одним из решений, принятых в Тильзите, было начало Россией военных действий против Швеции, которая отказалась присоединиться к континентальной блокаде. Наполеон ссорил Александра I с недавним союзником и достигал своей цели чужими руками. Русско-шведская война, начавшаяся в марте 1808 г., вызывала недовольство в дворянстве и, что особенно беспокоило царя, в гвардии, Однако ход военных действий был успешен. Два корпуса русской армии, которыми командовали М. Б. Барклай де Толли и П. И. Багратион, совершили Ледовый поход через Ботнический залив и вынудили противника к подписанию в сентябре 1809 г. Фридрихсгамского мирного договора, по которому Финляндия отходила к России на правах особого Великого княжества.

Обустраивая Великое княжество Финляндское, Александр I умело использовал ситуацию для укрепления своего пошатнувшегося международного престижа. Далекая и мало кому известная тогда окраина Европы не имела прежде собственной государственности. По воле императора Финляндия получила Конституцию, которая гарантировала незыблемость религии, коренных законов, прав и преимуществ финского народа. В пределах Великого княжества Финляндского российский самодержец выступал как конституционный правитель, опиравшийся на выборный сейм.

Подчеркнутое уважение Александра I к коренным законам Финляндии проистекало не из внутреннего положения этой страны и не было вызвано требованием финского общества. Главным было его желание утвердить свою репутацию в глазах европейского общественного мнения как монарха, который правит, опираясь на законы, на политическую традицию и в согласии с народными желаниями. Тем самым он противопоставлял себя Наполеону, который не считается с правами народа и действует, используя грубую силу. Александр I наставлял близкого ему Новосильцева: «Самое могучее оружие, каким пользовались французы и которым они еще грозят всем странам, это общее убеждение, которое они сумели распространить, что их дело есть дело свободы и счастья народов». Император полагал необходимым вырвать у французов «это столь опасное оружие, и, усвоив

его себе, воспользоваться им против них же самих». Особое внимание он уделял «нравственной силе, которая называется общественным мнением». Внешнеполитический расчет Александра I вполне оправдался — именно с ним народы Европы стали связывать надежды на свое освобождение от наполеоновского владычества, видеть в русском царе оплот законности и порядка.

Обострение отношений между Россией и Францией. На этом фоне происходило ухудшение русско-французских отношений. Новая встреча Александра I и Наполеона в 1808 г. в Эрфурте зафиксировала противоречия, которые не находили разрешения. Россия отказывалась воевать против Англии и Австрии, Наполеон не желал выводить свои войска из Пруссии и Герцогства Варшавского. Одновременно он был раздражен ростом английского контрабандного экспортав Россию, чему попустительствовало русское правительство. Когда в 1809 г. Наполеон начал войну против Австрии, союзная ему Россия фактически демонстративно соблюдала нейтралитет.

После Эрфурта дело все очевиднее шло к войне. Наполеон сколачивал общеевропейскую коалицию, которая объединяла самые разные государства, от Испании до Пруссии и Австрийской империи, он демонстративно оккупировал Герцогство Оль-денбургское, принадлежавшее российской императорской фамилии. Александр I не дал согласия на брак своей сестры с французским императором, в 1811 г. установил таможенный тариф, невыгодный для французских товаров. Обе стороны наращивали военные силы, в Герцогстве Варшавском Наполеон концентрировал «Великую армию», предназначенную длявторжения в Россию. Русская военная агентура во Франции своевременно узнавала обо всех достойных внимания передвижениях наполеоновских войск. Особоговнимания заслуживали политические планы императора, который в 1811 г. заявлял: «Через пять лет я буду господином мира; остается одна Россия, но я раздавлю ее». Наполеоновская дипломатия не скупилась на планы раздела России, которые именно в это время стали достоянием европейской общественности. Российский посол в Париже А. Б. Куракин был уверен, что французский император стремится «поставить Россию в то положение, в котором она находилась до царствования Петра Великого, сделать ее азиатской державой, лишить того значения, которое она имеет в Европе».

§ 2. Отечественная война 1812 г.

Наполеоновское вторжение в Россию. Готовя нападение на Россию, Наполеон сумел мобилизовать военные силы фактически всей континентальной Европы. Однако добиться полной изоляции России ему не удалось. Весной 1812 г. Россия подписала со Швецией договор онейтралитете и заключила мир с Османской империей, который высвобождал силы русской армии. Одновременно, в предвидении войны, были объявлены дополнительные рекрутские наборы.

Вторжение Наполеона в пределы Российской империи началось в ночь на 12 июня 1812 г. Наполеоновские войска форсировали Неман, заняли Ковно. Русская армия стала отступать. Войска французов и их союзников имели значительный численный перевес, непосредственно во вторжении участвовало свыше 400 тыс. человек. Всего в кампании 1812 г. на стороне Наполеона действовало около 600 тыс. человек, что давало основание говорить о «Великой армии» как крупнейшей армии мира. Помимо французских частей, которые были ее главной ударной силой, в состав «Великой армии» входили войска Пруссии, Австрии, германских государств, итальянские, польские, испанские, голландские части. Это было подлинное нашествие двунадесяти языков. Многоплеменность наполеоновской армии была ее слабостью, солдаты не представляли себе политических целей кампании, их поддерживала воинская дисциплина и надежды поживиться в «богатой боярской Московии». Первоначально Наполеон рассчитывал разбить русскую армию в большом приграничном сражении и навязать Александру I выгодные для Франции условия мира. Он провозглашал: «Надо покончить этот поход одним громовым ударом». Вместе с тем он не отрицал возможности затяжной кампании, говоря: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце».

Наполеон рассматривал войну с Россией как заключительный этап установления своей гегемонии на Европейском континенте. Он не думал всерьез о мировом господстве, но твердо рассчитывал на победу в русской кампании, которая открывала бы перед ним возможность полностью перестроить систему международных отношений, поставив на колени не только Россию, но и Англию.

Против России, по сути, выступила коалиция европейских государств, правители которых зависели от Наполеона либо были его прямыми ставленниками. Однако международное положение России было отнюдь не безнадежным. Подписав накануне войны мирные трактаты с Турцией и Швецией, русское правительство обезопасило фланги. Оно могло рассчитывать на финансовую помощь Англии, что имело немаловажное

значение при расстроенных финансах. Наполеону не удалось изолировать Россию, что во многом объяснялось исключительно умелыми действиями российских дипломатов. С началом кампании 1812 г. Александр I форсировал заключение союза трех стран — России, Англии и Швеции, — направленного против императора французов. Союз содержал в себе мощный потенциал, реализованный в ходе освободительных походов русской армии 1813–1814 гг. Союзный договор был подписан и с законным испанским правительством, которое организовывало сопротивление французской оккупации на Пиренейском полуострове.

Если предпринимаемые дипломатические усилия соответствовали драматизму происходивших событий, то много хуже обстояло дело с планом кампании. В предвидении войны ни император, ни военное министерство не приняли однозначного решения о том, как вести военные действия, хотя было отлично известно, что излюбленная тактика Наполеона состоит в навязывании противнику генерального сражения, ожидаемая победа в котором гарантирует французскому императору выгодные условия мира. Александр I не верил в стратегические способности российских генералов, он недооценивал боевые качества русской армии. Главным поводом для беспокойства было то, что, хотя Россия почти постоянно вела пограничные войны, ее армия не имела опыта большой затяжной кампании. К началу 1812 г. около половины всех русских офицеров, в основном младших обер-офицеров, не имело боевого опыта. Основная часть офицерского корпуса (более трех четвертей) была молода, не старше тридцати лет, и недавно вступила в военную службу. Недостаточно хорошо было обучено и недавнее рекрутское пополнение. В этом отношении русская армия, бесспорно, уступала закаленным в боях французским ветеранам.

В начале войны русские войска были рассредоточены вдоль западной границы. 1-я армия Барклая де Толли прикрывала петербургское направление и насчитывала до 120 тыс. человек. Во 2-й армии Багратиона было немногим более 50 тыс., она действовала в центре, имея за спиной направление Смоленск — Москва. Между 1-й и 2-й армиями был разрыв в сто верст. Южнее располагалась Третья армия А. П. Тормасова, которая насчитывала свыше 40 тыс. человек. Александр I находился при армии, но ни он, ни Барклай де Толли, который одновременно занимал пост военного министра, действия войск не координировали. При известии о начале вторжения Александр I направил к Наполеону генерала А. Д. Балашова, предлагая мирное разрешение конфликта при условии отвода французских войск за Неман. Уверенный в победе, император французов отверг эти

предложения, и миссия Балашова осталась безрезультатной.

Русская армия начала отступление от границы. По настоянию авторитетных генералов Александр I отклонил первоначально одобренный им план, разработанный генералом К. Ф. Фу-лем, который предполагал сосредоточение армии Барклая де Толли на берегу Западной Двины в Дрисском укрепленном лагере. Сознавая свою неподготовленность в военных вопросах, Александр I покинул армию. После его отъезда Барклай де Толли принял решение уклоняться от генерального сражения и отступать на восток. Стратегически верное, это решение вызвало недовольство солдат и офицеров, а в генералитете сложилась «русская партия», которая интриговала против «немца Барклая». Ее представители поддерживали Багратиона, который считался учеником Суворова, а по старшинству производства в генеральский чин был выше Барклая де Толли. Багратион подчеркивал, что «война теперь не обыкновенная, а национальная», и до решения вопроса о главнокомандующем уклонялся от соединения с 1-й армией.

Смоленское сражение. Наполеону не удалось ни навязать пограничное генеральное сражение, ни разбить русские армии поодиночке. После изматывающего отступления 22 июля 1-я и 2-я армии соединились у Смоленска. Их общая численность составляла свыше 120 тыс. человек, заметно уступая силам французов, которые сосредоточили на главном направлении до 200 тыс. Под Смоленском произошло ожесточенное сражение, в котором отличились части под командованием генералов Д. П. Неверовского, Н. Н. Раевского, Д. С. Дохтурова. Город был разрушен наполеоновской артиллерией, русские войска продолжили отступление. Наполеон полагал, что кампания 1812 г. кончена, и сделал попытку завязать с Александром I переговоры о мире. Его предложение, переданное через генерала Н. А. Тучкова, осталось без ответа. Сохранив в своих руках всю полноту политического руководства, Александр I твердо решил вести военные действия до полного изгнания наполеоновской армии.

После Смоленска отступление 1-й и 2-й армий вызывало в войсках все большее недоумение. Общее руководство было ослаблено постоянными разногласиями между Барклаем де Толли и Багратионом. 5 августа Александр I был вынужден созвать чрезвычайный комитет, где высшие сановники империи высказались за назначение главнокомандующим М. И. Кутузова. Это стало победой общественного мнения, недовольного ходом кампании и демонстративно поддерживавшего старого генерала, о котором было известно, что его не любит император. 17 августа Кутузов прибыл в Царево-Займище, где находилась Ставка русской армии. Прибыв в Ставку,

Кутузов, обращаясь к солдатам, воскликнул: «С такими богатырями да отступать!» Тем самым он как бы выносил неодобрение действиям Барклая де Толли. Однако само отступление продолжалось. Стратегически оно было неизбежно. Кутузову было ясно, что целью Наполеона стала Москва, занятие которой противоречило его первоначальным планам, но было навязано ему отступлением русской армии.

Бородино. Не желая идти наперекор общему настроению армии, Кутузов принял решение о генеральном сражении, место для которого он выбрал у села Бородина близ Можайска. Здесь сближались две основные дороги на Москву и был удобный рельеф местности, который затруднял маневры больших масс кавалерии и позволял выгодно расположить артиллерийские батареи. Кутузов характеризовал эту позицию как одну «из наилучших, которую только на плоских местах найти можно». Правым флангом русской армии, где было сосредоточено две трети сил, командовал Барклай де Толли, именно его части прикрывали прямую дорогу на Москву. В центре позиций саперы оборудовали Курганную высоту, которая потом получила название батареи Раевского, по имени генерала, что командовал оборонявшими ее частями. Именно здесь шли наиболее ожесточенные бои. На левом фланге располагались войска Багратиона. Перед ними у деревни Шевардино был построен редут, к которому французская армия подошла утром 24 августа. Бои за Шевар-динский редут продолжались весь день и задержали перегруппировку наполеоновских войск. Только ночью Шевардинский редут был оставлен.

Рано утром 26 августа началось Бородинское сражение. Наполеон рассматривал его как желанное завершение кампании, как возможность уничтожить основные военные силы России. В этот день солдаты, офицеры и генералы наполеоновской армии отважно стремились к победе, их действия вызвали одобрение самого Багратиона. Но все их усилия разбились о стойкость русской армии. Для Кутузова генеральное сражение было средством обескровить французов, лишить их инициативы. Одновременно он стремился сохранить боеспособность русской армии, предвидя продолжение военных действий. В своем воззвании к армии он провозгласил: «Воины! Вот сражение, которого вы столько желали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас: она доставит нам все нужное, удобные квартиры и скорое возвращение в Отечество».

Соотношение сил противников было в пользу русских: примерно 150 тыс. против 135 тыс. французов, у русских было 640 орудий, у французов 587. Почти всю свою артиллерию Наполеон сосредоточил против Багратионовых флешей, которые были взяты, потом отбиты, потом

вновь захвачены французами под командованием маршала Нея. Во время контратаки был смертельно ранен Багратион. Генерал П. П. Коновницын, принявший на себя командование, отвел войска за Семеновский овраг. Среди дня началась борьба за батарею Раевского, которой французы сумели овладеть к вечеру. В разгар этой борьбы кавалерия Ф. П. Уварова и М. И. Платова совершила рейд в тыл французов. Наполеону нигде не удалось прорвать фронт русской армии. Исключительно упорно сражались части Барклая де Толли, который был в самых опасных местах.

Битва прекратилась в сумерках, когда силы противников были истощены. Об упорстве боев говорят огромные цифры потерь: не менее 30 тыс. у французов, более 40 тыс. у русских. Потери офицерского корпуса французской армии более чем в два раза превосходили потери русской стороны. Восполнить эти потери, равно как и убыль лучших генералов, Наполеон не мог ни при каких обстоятельствах. Позднее он отзывался о Бородинском сражении: «Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

Оставление Москвы. Итогом сражения стало дальнейшее отступление русской армии, которая, однако, сохранила боеспособность и могла рассчитывать на значительное подкрепление. Французы продолжили движение к Москве и после того, как на Совете в Филях Кутузовым было принято решение оставить город, 2 сентября вошли в нее. Здесь наполеоновских солдат ждало разочарование. Не было ни покорных бояр, ни богатой добычи. Город был пустынен. Жители покинули его вместе с армией. Принимая трудное решение об оставлении Москвы, Кутузов указывал: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор имею сохранить надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, то погибнут и Москва, и Россия. Приказываю отступать». Вступление в Москву привело к резкому падению дисциплины среди французов и особенно их союзников. Начались грабежи и мародерство, которые не могли остановить старшие офицеры. В разных концах города поджигались дома. Виновниками поджогов французы считали русских, русские — французов. Ясно одно: большой деревянный город, захваченный измученной вражеской армией, был обречен. В огне сгорели и запасы провианта, на который рассчитывал Наполеон. Из Москвы он трижды обращался к Александру I и Кутузову с предложениями о начале переговоров, что было оставлено без ответа. Несмотря на советы Аракчеева и министра иностранных дел Н. П. Румянцева, царь сдержал свое обещание вести войну до полной победы над французами.

Партизанское движение. По мере продвижения наполеоновской армии в глубь страны возрастающее влияние на ход кампании оказывало партизанское движение. Имея растянутые коммуникации, французы не справлялись с их охраной, и у них в тылу успешно действовали казачьи отряды и части легкой кавалерии. Эти партизанские отряды строго подчинялись приказам командования и вели «малую войну», которой Кутузов придавал большое значение и которая наносила противнику серьезный урон. Во главе их стояли опытные офицеры — Д. В. Давыдов, И. М. Вадбольский, В. В. Орлов-Денисов, А. Н. Се-славин, А. С. Фигнер, А. И. Чернышев. Среди задач, которые ставил перед ними Кутузов, было и развертывание народного партизанского движения: «Отобранным у неприятеля оружием вооружить крестьян. Мужиков ободрять подвигами». Наряду с частями регулярной армии в тылу французов стихийно возникало крестьянское сопротивление врагу, который мародерствовал, угонял скот, грабил и сжигал деревни. В Богородском уезде Московской губернии в сентябре — октябре действовал отряд под руководством крепостного крестьянина Г. М. Курина, куда входило свыше 5500 человек, их них до 500 конных. Отряд вооружался оружием, захваченным у французов. Герои крестьянского сопротивления большей частью неизвестны, но оно свидетельствовало о том, что война действительно стала народной. Один из русских офицеров подчеркивал, что «солдаты и мужики лучше согласятся погребстись под развалинами Отечества своего, нежели слышать о мире». Правда, есть и обратные примеры. Смоленский помещик Н. И. Энгельгардт, пытавшийся организовать партизанский отряд, был выдан своими крестьянами и расстрелян французами.

Тарутинский маневр. Наполеоновская армия пробыла в Москве более месяца. За это время стратегическая инициатива полностью перешла в руки Кутузова, который показал себя мудрым и дальновидным полководцем. По его инициативе был совершен блистательный Тарутинский маневр, когда, оставив Москву и отступая по Рязанской дороге, русская армия резко повернула на запад и перешла на Калужскую дорогу, где стала лагерем у деревни Тарутино. Лишь небольшой арьергард М. М. Милорадовича продолжал прежнее движение, вводя в заблуждение французский авангард, которым командовал Мюрат. Маршал более чем на сутки потерял основные части русской армии, и этой ошибки Наполеон не мог ему простить. Став в Тарутинском лагере, русская армия прикрывала тульские оружейные заводы, преграждала французам путь к отступлению через неразоренные южные губернии. Сюда постоянно поступали подкрепления, как регулярные части, так и ополченцы. За время

пребывания в Тарутинском лагере русская армия увеличилась до 120 тыс. И численный состав русской армии, и ее основные качественные показатели стали заметно превосходить французские силы. Кутузов готовил контрнаступление.

7 октября Наполеон отдал приказ об отступлении из Москвы. При этом он, правда безуспешно, пытался взорвать Кремль и кремлевские соборы. Французы пошли по Калужской дороге, думая прорваться к югу. 12 октября под Малоярославцем произошел кровопролитный бой, город несколько раз переходил из рук в руки. Исход сражения вынудил Наполеона отступать по разоренной Смоленской дороге. Части отступающей армии еще сохраняли боеспособность, но полностью потеряли маневренность, они превратились в огромный обоз, где перемешаны были больные и раненые, провиант и награбленное добро. От бескормицы происходил непрерывный падеж лошадей, французы лишались кавалерии и вынуждены былибросать артиллерийские орудия. В Смоленске Наполеон рассчитывал, основываясь на донесениях своих интендантов, пополнить запасы фуража и продовольствия, но интенданты обманули.

Изгнание наполеоновских войск из России. Русские войска настойчиво преследовали Наполеона, постоянно нанося ему урон. В сражении под селом Красное генерал М. А. Милорадо-вич уничтожил основные части арьергардного корпуса Нея. Кутузов поощрял активные действия, но должен был считаться и с крайней усталостью солдат, и с тем, что наступать приходилось по совершенно разоренной местности, где дважды прошла война. Он должен был беречь солдат. Главнокомандующий понимал, что с изгнанием неприятеля военные действия не прекратятся, он строил свои планы, думая об освобождении народов Европы.

Затянувшаяся кампания погубила основные силы «Великой армии». Ей грозило полное окружение. С юга двигалась Дунайская армия П. В. Чичагова, с севера наступал П. Х. Витгенштейн, который, прикрывая петербургское направление, разбил Сен-Сира и Удино. Важным естественным рубежом для отступавших стала река Березина, через которую Наполеон, обманув Чичагова, успел 14–16 ноября переправить более 20 тыс. человек. По дороге к Вильно, куда остатки армии пришли в декабре, французы жестоко страдали от наступивших холодов. 14 декабря последний наполеоновский солдат покинул пределыРоссии. Еще раньше император бросил войска и уехал в Париж. «Великая армия» перестала существовать. Из Вильно Кутузов писал императору: «Война закончилась за полным истреблением неприятеля».

Кампанию 1812 г. современники назвали Отечественной войной. Это

действительно была война русского народа, всех народов Российской империи за свободу и независимость. Вторжение Наполеона поставило под угрозу само существование государства, и это на время сплотило все слои российского общества, все сословия. Они действовали сообща и ощущали свою силу и свое единство. Народ стал активной, деятельной силой исторического процесса. Война, которую он вел, стала поистине народной. Отечественная война 1812 г. поразительно отличалась от тех военных кампаний, где действовали профессиональные армии и в которых Наполеон привык побеждать. Патриотический порыв одушевлял солдат, офицеров и генералов русской армии, и они во всех отношениях превосходили противника. Таланты полководцев, героизм солдат и офицеров, твердое политическое руководство стали слагаемыми великой победы.

Достигнута победа была дорогой ценой. За время боевых действий армия потеряла около 300 тыс. человек. Были полностью разорены основные сельскохозяйственные районы страны, пострадали как помещичьи имения, так и крестьянские хозяйства. Разрушены мосты, дороги и водные переправы, общий размер материального ущерба составил более одного миллиарда рублей, огромная для того времени сумма. От хозяйственного разорения 1812 г. крепостная Россия так и не сумела оправиться.

С исторической точки зрения война России Александра I и наполеоновской Франции может рассматриваться как столкновение двух социальных систем — отсталой крепостнической и передовой буржуазной. В этом столкновении безоговорочную военную победу одержала система, потенциал которой был почти исчерпан. Здесь нет никакого исторического парадокса: победил народ, для которого целостность и независимость государства были высшей ценностью.

Проекты европейского переустройства. Победоносное окончание кампании 1812 г. создало предпосылки для решающего влияния России в европейских делах. Стремясь утвердить гегемонию России на Европейском континенте, государственные деятели и дипломаты александровского времени не чувствовали себя связанными традициями и правовыми нормами «старого порядка», они ощущали себя не только освободителями, но и объединителями Европы, и предлагали решения, которые намного опережали свое время. На исходе кампании 1812 г. Александр I и его ближайшие политические советники разрабатывали план послевоенного устройства единой Европы, которая виделась им христианской и монархической. Они детально обсуждали не только общие принципы европейского единства, но и конкретные финансово-экономические

программы. Наибольший интерес в данном контексте представлял «Проект федеративной системы финансов и торговли с учреждением соответствующего банка», составленный Н. Н. Новосильцевым к началу 1813 г. Проект предусматривал создание общей для России и союзных ей держав «федеративной системы финансов и торговли». Предполагался выпуск для военных нужд «федеративных бумажных денег», гарантированных всеми державами антинаполеоновской коалиции. В Петербурге должен был быть создан центральный торговый банк, со времени учреждения которого отменялись все запрещения на ввоз в Россию товаров стран, участвовавших в «федеративной системе финансов». Билеты банка были обязательны к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской империи.

Министр финансов Д. А. Гурьев в докладе Александру I предлагал на период пребывания за границей русских войск выпуск специальных бумажных «федеративных денег» согласовывать с правительством той страны, на территории которой ведутся военные действия. Гурьев полагал, что Россия без промедления должна ввести в Пруссии «федеративные деньги» и договориться с Великобританией, какую часть всей суммы «федеративных денег», пущенных в обращение, она пожелает изъять после заключения мира за счет своей казны. Гурьев считал возможным условиться с союзными державами об их участии в выпуске «федеративных денег» и о способах последующего коллективного изъятия этих денег, которое можно было бы осуществлять или при помощи займа, или по заключении мира путем обмена «федеративных денег» на деньги каждой из держав. План Гурьева и Новосильцева был одобрен Александром I, но не получил поддержки союзников. России пришлось нести основное финансовое бремя войны, хотя в тогдашних условиях проект европейской «федеративной системы финансов и торговли» был вполне реален.

§ 3. Россия и создание Венской системы

Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. Изгнание Наполеона из России дало мощный толчок европейскому освободительному движению. Народы Европы поверили в возможность свержения чужеземного гнета, созданная для вторжения в Россию европейская коалиция стала распадаться. Ведущую роль в подъеме освободительной борьбы европейских народов и государств играла

российская дипломатия. Уже в декабре 1812 г. по ее инициативе была подписана Таурогенская конвенция, по которой прусский генерал Йорк, чей корпус воевал на стороне французов, заявлял о своем нейтралитете. В Пруссии и в германских землях начиналась освободительная война.

1 января 1813 г. русские войска перешли Неман. Кутузов начал кампанию 1813 г. В воззвании к немецкому народу он подчеркивал, что его войска «шествуют, преисполненны упования исполнить и для целого света, а наипаче и для Германии то, что оне совершили уже столь благоуспешно для своего Отечества, освободя оное от постыдного ига, коим оно угрожалось». В феврале был подписан Калишский договор с Пруссией о наступательном и оборонительном союзе. Вскоре русские войска освободили Берлин. Дальнейшее продвижение армии остановила смерть Кутузова в апреле 1813 г. На посту главнокомандующего его сменили Витгенштейн, а затем Барклай де Толли. Союзные русско-прусские войска действовали неудачно при Люцене и при Бауцене, отступали, и в мае было заключено перемирие.

Военные действия прекратились, но резко возросли дипломатические усилия Александра I по укреплению антинаполеоновской коалиции. Его достижением стал Теплицкий в августе союзный договор с Австрией, которая тем самым порывала с Наполеоном. Союзники были согласны в своем стремлении вернуть Францию к границам 1792 г., упразднить Герцогство Варшавское и Рейнский союз.

Возобновление военных действий показало изменение сил в пользу антинаполеоновской коалиции. На севере Германии высадились шведские войска. Наполеон не был уверен в своих ближайших союзниках. В августе произошло сражение под Дрезденом, где он одержал верх над союзной армией К. Швар-ценберга. В сражении отличились гродненские гусары, которые изрубили каре французской гвардии. Отход Богемской армии прикрывал отряд А. И. Остермана-Толстого, который занял оборонительную позицию возле Кульма. В бою отличился гвардейский Семеновский полк, где из строя выбыли почти все офицеры. Когда подошли основные силы под командованием Барклая де Толли, замкнулось кольцо окружения, прорвать которое смогла только французская кавалерия.

4—6 октября 1813 г. в сражении у Лейпцига, которое получило название «Битва народов», Наполеон потерпел тяжелое поражение. В начале боя мощный удар французов приняла на себя русская гвардия, стойкость которой дала возможность перегруппировать силы Богемской и Силезской армий и дождаться подхода Северной и Польской армий. В разгар битвы на сторону коалиции перешла армия саксонского короля,

давнего сторонника французского императора. Сам король был взят в плен. Русские войска первыми вошли в Лейпциг. Война приближалась к границам Франции, на территорию которой союзники вступили в январе 1814 г. Среди победителей постоянно возникали разногласия, которые александровская дипломатия улаживала не без труда. Австрия угрожала выходом из коалиции, и лишь Россия и Англия стояли за безусловное продолжение войны и за мирные переговоры, если Франция согласится на границы 1792 г. Наполеон лишился всех своих германских союзников, но склонен был к продолжению войны. Однако он был не в силах одолеть стремление европейских народов к независимости.

В феврале Россия, Австрия, Англия и Пруссия подписали Четверной трактат, где рассматривали вопросы послевоенного урегулирования. 18 марта 1814 г. Париж капитулировал. Капитуляцию принял русский генерал М. Ф. Орлов. На следующий день союзные войска во главе с Александром I вошли в город. Русский царь достойно нес славу победителя Наполеона и освободителя Европы. Наполеон отрекся и был сослан на остров Эльба.

Венский конгресс. Перед победителями стояла сложная проблема: восстановление и укрепление по всей Европе монархического принципа, установление новых европейских границ и определение статуса посленаполеоновской Франции. В конечном счете речь шла о создании такой политической системы, которая гарантировала бы европейский мир и безопасность и одновременно служила препятствием развитию революционных и национально-освободительных идей. Ведущая роль в решении этой задачи выпала Александру I и руководимой им российской дипломатии, главными деятелями которой были К. В. Нессельроде и Иоанн Каподистрия, знатный грек, перешедший на русскую службу. Без преувеличения можно сказать, что именно Александр I определял судьбы народов и государств в послевоенной Европе.

Основы новой политической системы, которая должна была гарантировать европейских монархов от повторения революционных потрясений, были заложены на Венском конгрессе. Душой и главной движущей силой конгресса, который начал работать осенью 1814 г., был Александр 1. В рескрипте русскому послу в Лондоне Х. А. Ливену он следующим образом рисовал взаимоотношения народов и правительств в новой, освобожденной им от Наполеона Европе: «Прежняя европейская система ниспровергнута революцией, то есть влиянием новых мнений на нравы и устаревшие порядки, расшатанные злоупотреблениями. Последствия революции уже не могут быть уничтожены и смениться внезапным возвратом к прежним установлениям. Отныне могут

существовать лишь порядки, основанные на гармонии интересов наций и правительств. Всякая другая система привела бы к разобщенности между правителями и народами».

К началу работы Венского конгресса державы-победительницы согласились с тем, что во Франции должна быть восстановлена власть Бурбонов, и французским королем был провозглашен Людовик XVIII, брат казненного Людовика XVI. Александр I отнюдь не был безусловным сторонником восстановления старого режима и полагал, что народ Франции должен сам решать свою судьбу. Вынужденный уступить настояниям союзников, желавших возвращения Бурбонов, он инициировал подписание французским королем Людовиком XVIII конституционной Хартии. В европейских делах царь охотно использовал конституционную дипломатию как инструмент утверждения российской гегемонии. Под его влиянием Венский конгресс гарантировал конституцию Швейцарии, подтвердил конституцию Нидерландов, содействовал принятию конституций отдельными германскими государствами. Александр I верил, что для европейских народов конституционное устройство является удобной формой поддержания внутреннего равновесия, смягчения социальной напряженности. Одновременно он полагал, что любое конституционное правление обречено на внешнеполитическую слабость и тем самым легко подвержено российскому влиянию.

Общие постановления Венского конгресса были основаны на принципах легитимизма (законности), которые подразумевали возвращение в Европе к порядкам, существовавшим до Французской революции и периода наполеоновских войн. По мере возможности восстанавливались старые государственные границы, возвращались к власти законные династии, реставрировались политические и, в ограниченной степени, социальные порядки. Режим Реставрации определял политическое развитие посленаполеоновской Франции, в которой был оставлен русский оккупационный корпус под командованием М. С. Воронцова. Защита принципов легитимизма предусматривала возможность интервенции, которую обязаны были осуществлять европейские монархи, если в той или иной стране, по их мнению, происходили возмущения, грозившие законным властям. Это было возведенное в норму международного права вмешательство во внутренние дела других государств.

Венская система европейской безопасности. Идеи легитимизма, поддержки законности в Европе и противодействия революционным потрясениям легли в основу внешней политики Александра I. Он по праву должен считаться создателем Венской системы, которую радикальные

современники называли «заговором монархов» против народов Европы, но несомненным достоинством которой был принцип политического равновесия, обеспечивший после длительного периода войн и революционных потрясений сорок лет мирного развития старой Европы. Высшим гарантом Венской системы выступал ее творец российский император Александр I, а сама система в первые годы своего существования была инструментом российской гегемонии на Европейском континенте.

Для России решения Венского конгресса, которые касались европейского государственно-политического устройства, были благоприятны. Среди всех проблем послевоенного урегулирования Александра I больше всего интересовало Герцогство Варшавское, на передаче которого России он безусловно настаивал. Польский вопрос стал, наряду с саксонским, главным на Венском конгрессе. Российская дипломатия не встречала здесь поддержки союзников и оказалась в фактической изоляции. Англия, Австрия и даже Франция, представленная на конгрессе Талей-раном, грозили России военным столкновением и утверждали, что присоединение Польши к российской короне угрожает делу мира в Европе.

На время споры были прекращены бегством Наполеона с Эльбы и возвращением его к власти во Франции. Наполеоновские «сто дней» завершились его поражением под Ватерлоо в июне 1815 г. и новым вступлением союзников в Париж. В сентябре 1815 г. там по настоянию Александра I был подписан знаменитый акт о Священном союзе, который стал основополагающим идеологическим обоснованием новой политической системы. Еще прежде, в конце мая, был подписан заключительный акт Венского конгресса, согласно которому карта Европы была радикально перекроена. Россия в частности получала бульшую часть Герцогства Варшавского, которое могло иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, «согласно тому образу политического устройства», что предоставит ему российское правительство. Именно опираясь на это решение Венского конгресса, Александр I предоставил Польше конституцию.

На Венском конгрессе была определена западная граница Российской империи, которая на протяжении столетия — до Первой мировой войны — оставалась стабильной и, несмотря на многочисленные военные и дипломатические угрозы, мирной.

Объективно это был главный исторический итог Отечественной войны 1812 г. и освободительных походов 1813–1814 гг., великое следствие

победы над Наполеоном.

В мае 1815 г. польские земли, отошедшие к России, получили статус автономного Царства Польского, населению которого были дарованы либеральная конституция, самоуправление, собственная армия и свобода печати. Российский император провозглашался царем (королем польским), его власть законодательно ограничивалась конституционной хартией. В Царстве Польском действовал двухпалатный сейм, нижняя палата которого избиралась прямым голосованием на основе имущественного ценза. Появление в составе Российской империи двух автономий — Великого княжества Финляндского и Царства Польского, наделенных конституцией, не было вызвано ни международной обстановкой, ни соображениями удобства внешней политики, ни, особенно в первом случае, характером их внутреннего политического развития. Александр і буквально настоял на даровании полякам конституции, не без труда преодолев сопротивление Каподистрии. Для него польский вопрос переставал быть вопросом внешнеполитическим, конституционная дипломатия перерастала в проблему будущего политического переустройства Российской империи.

Механизмом, который обеспечивал действие Венской системы и поддерживал основы Священного союза, были периодически созываемые международные конгрессы, где вырабатывались согласованные принципы европейской политики. Участие в этих конгрессах, как и их подготовка, вынуждали Александра I подолгу отсутствовать в России. Его постоянные путешествия заслужили ему репутацию «кочующего деспота». Если на первом конгрессе в Аахене в 1818 г. решались общие вопросы поддержания международного права и спокойствия, то в 1820 г. в Троппау европейские монархи столкнулись с проблемой революции, которая охватила Испанию, Португалию, итальянские государства. Во время работы конгресса было получено известие о восстании Семеновского полка, что было использовано австрийской и английской дипломатией для умаления роли Александра I как европейского арбитра. Последний конгресс состоялся в 1822 г. в Вероне. Уступая давлению союзных держав, Александр Іотказался от дипломатического урегулирования конфликтов. В борьбе с испанской революцией был использован принцип интервенции, и в Испанию были посланы французские войска. Это была цена, которую российская дипломатия согласна была заплатить за сохранение Венской системы.

Александр I как идеолог единой христианской Европы. Планы Александра Іпростирались много дальше послевоенного обустройства Европы. Священный союз, созданный по его инициативе, должен был объединить монархов России, Австрии и Пруссии как для борьбы с

революционной опасностью, так и для повсеместного утверждения христианских ценностей. В конечном счете речь шла о создании единой европейской христианской цивилизации, о политическом, религиозном и культурном объединении Европы. Для того времени, когда повсеместно народы стремились к созданию национальных государств, мысль о единой Европе звучала утопично, но это была поистине великая утопия. В акте о Священном союзе, написанном лично Александром I,содержалось обязательство трех христианских монархов и подвластных им народов: «Почитать всем себя как бы членами единого народа под именем христианской нации, поелику три союзные государя почитают себя аки постановленными от провидения для управления тремя областями сего одного народа, а именно: Австриею, Пруссиею и Россиею, исповедуя таким образом, что самодержец народа христианского, во многом единого, не иной есть, как тот, кому собственно принадлежит держава, поелику в нем едином обретаются сокровища любви, ведения и премудрости бесконечные, т. е. наш Божественный Спаситель, Иисус Христос».

Принципы единой христианской нации, не связанной церковными различиями и созданной во имя охраны христианской веры и европейского мира, воспринимались в Европе упрощенно как провозглашение борьбы с революционным духом эпохи, начало превращения России в «жандарма Европы». Об этом много писали английские и германские газеты того времени, для которых тема «русской опасности» стала одной из ведущих. Объективно это отражало стремление ослабить российскую гегемонию на Европейском континенте.

§ 4. Восточный вопрос

Османская империя и европейские державы. В начале XIX в, во внешней политике России Восточный вопрос не играл заметной роли. Греческий проект Екатерины II, который предусматривал изгнание турок из Европы и создание на Балканах христианской империи, главой которой императрица видела своего внука Константина, был оставлен. При Павле I Российская и Османская империи объединились для борьбы с революционной Францией. Босфор и Дарданеллы были открыты для русских военных кораблей, и эскадра Ф. Ф. Ушакова успешно действовала в Средиземном море. Ионические острова находились под протекторатом России, их портовые города служили базой для русских военных кораблей. Для Александра I и его «молодых друзей» Восточный вопрос был

предметом серьезного обсуждения в Негласном комитете. Итогом этого обсуждения стало решение о сохранении целостности Османской империи, об отказе от планов ее раздела. Это противоречило екатерининской традиции, но было вполне оправданно в новых международных условиях. Совместные действия правительств Российской и Османской империй обеспечивали относительную стабильность в Причерноморье, на Балканах и Кавказе, что было немаловажно на общем фоне европейских потрясений. Характерно, что противниками взвешенного курса в Восточном вопросе выступали выдвинувшиеся при Павле I Ф. В. Ростопчин, предлагавший детальные проекты раздела Османской империи, и слывший передовым Н. М. Карамзин, который считал распад Османской империи «благодетельным для разума и человечества».

В начале XIX в. для западноевропейских держав восточный вопрос сводился к проблеме «больного человека» Европы, каким считалась Османская империя. Со дня на день ожидали ее смерти, и речь шла о разделе турецкого наследства. Особенную активность в Восточном вопросе проявляли Англия, наполеоновская Франция и Австрийская империя. Интересы этих государств находились в прямом и остром противоречии, но в одном они были едины, стремясь ослабить растущее влияние России на дела в Османской империи и в регионе в целом. Для России Восточный вопрос состоял из следующих аспектов: окончательное политическое и экономическое утверждение в Северном Причерноморье, которое в основном было достигнуто при Екатерине II; признание ее прав как покровительницы христианских и славянских народов Османской империи и прежде всего Балканского полуострова; благоприятный режим черноморских проливов Босфора и Дарданелл, что обеспечивало ее торговые и военные интересы. В широком смысле Восточный вопрос касался и российской политики в Закавказье.

Присоединение Грузии к России. Осторожный подход Александра I к Восточному вопросу в определенной мере был связан с тем, что с первых шагов своего правления он должен был решать давнюю проблему: присоединение Грузии к России. Провозглашенный в 1783 г. протекторат России над Восточной Грузией носил в значительной мере формальный характер. Жестоко пострадавшая от персидского нашествия в 1795 г., Восточная Грузия, которая составляла Картли-Кахетинское царство, была заинтересована в русском покровительстве, в военной защите. По просьбе царя Георгия XII в Грузии находились российские войска, в Петербург было отправлено посольство, которое должно было добиваться, чтобы Картли-Кахетинское царство «считалось принадлежащим державе

Российской». В начале 1801 г. Павел I издал Манифест о присоединении Восточной Грузии к России на особых правах. После определенных колебаний, вызванных разногласиями в Непременном совете и в Негласном комитете, Александр I подтвердил решение отца и 12 сентября 1801 г. подписал Манифест к грузинскому народу, который ликвидировал Картли-Кахетинское царство и присоединял Восточную Грузию к России. Династия Багратионов отстранялась от власти, и в Тифлисе создавалось Верховное правительство, составленное из российских военных и гражданских лиц.

П. Д. Цицианов и его кавказская политика. Главноуправляющим Грузии в 1802 г. был назначен генерал П. Д. Цицианов, по происхождению грузин. Мечтой Цицианова было освобождение народов Закавказья от османской и персидской угрозы и объединение их в федерацию под эгидой России. Действуя энергично и целеустремленно, он в короткое время добился согласия правителей Восточного Закавказья на присоединение подвластных им территорий к России. На покровительство русского царя согласились Дербентский, Талышский, Кубинский, Дагестанский владетели. Против Гянджинского ханства в 1804 г. Цицианов предпринял успешный поход. Им были начаты переговоры с имеретинским царем, которые позднее завершились включением Имеретии в состав Российской империи. Под протекторат России в 1803 г. перешел владетель Мегрелии.

Успешные действия Цицианова вызвали недовольство Персии. Шах потребовал вывода российских войск за пределы Грузии и Азербайджана, что было оставлено без внимания. В 1804 г. Персия начала войну против России. Цицианов, несмотря на нехватку сил, вел активные наступательные действия — к России были присоединены Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства. Когда Цицианов принимал капитуляцию бакинского хана, он был предательски убит, что не сказалось на ходе персидской кампании. В 1812 г. персидский наследный принц Аббас-мирза был наголову разбит генералом П. С. Котляревским под Асландузом. Персы должны были очистить все Закавказье и пойти на переговоры. В октябре 1813 г. был подписан Гюлистанский мирный договор, по которому Персия признавала российские приобретения в Закавказье. Россия получала исключительное право держать военные суда на Каспийском море. Мирный договор создавал совершенно новое международно-правовое положение, что означало утверждение русской границы по Куре и Араксу и вхождение народов Закавказья в состав Российской империи.

Русско-турецкая война 1806–1812 гг. Активные действия Цицианова в Закавказье настороженно воспринимались в Константинополе, где

заметно усилилось французское влияние. Наполеон готов был обещать султану возвращение под его власть Крыма и некоторых закавказских территорий. Россия сочла необходимым согласиться на предложение турецкого правительства о досрочном возобновлении союзного договора. В сентябре 1805 г. между двумя империями был заключен новый договор о союзе и взаимопомощи. Важное значение имели статьи договора о режиме черноморских проливов, которые во время военных действий Турция обязалась держать открытыми для русского военного флота, одновременно не пропуская в Черное море военные суда других государств. Действие договора продолжалось недолго. В 1806 г., подстрекаемый наполеоновской дипломатией, султан сменил пророссийски настроенных господарей Валахии и Молдавии, на что Россия готова была ответить вводом в эти княжества своих войск. Султанское правительство объявило войну России.

Война, начатая турками в расчете на ослабление России после Аустерлица, велась с переменным успехом. В 1807 г., одержав победу под Арпачаем, русские войска отразили попытку турок вторгнуться в Грузию. Черноморский флот вынудил к сдаче турецкую крепость Анапа. В 1811 г. Котляревский штурмом взял турецкую крепость Ахалкалаки. На Дунае военные действия приняли затяжной характер до тех пор, пока в 1811 г. командующим Дунайской армией не был назначен М. И. Кутузов. Он разбил турецкие силы под Рущуком и у Слободзеи и вынудил Порту к заключению мира. Это была первая громадная услуга, оказанная Кутузовым России в 1812 г. По условиям Бухарестского мира Россия получила права гаранта автономии Сербии, что укрепляло ее позиции на Балканах. Кроме того, она получала морские базы на Черноморском побережье Кавказа и к ней отходила часть Молдавии между реками Днестр и Прут.

Греческий вопрос. Система европейского равновесия, установленная на Венском конгрессе, не распространялась на Османскую империю, что неизбежно вело к обострению Восточного вопроса. Священный союз подразумевал единение европейских христианских монархов против неверных, их изгнание из Европы. В действительности европейские державы вели ожесточенную борьбу за влияние в Константинополе, используя как средство давления на султанское правительство рост освободительного движения балканских народов. Россия широко пользовалась своими возможностями оказывать покровительство христианским подданным султана — грекам, сербам, болгарам. Особую остроту приобрел греческий вопрос. С ведома русских властей в Одессе, Молдавии, Валахии, Греции и Болгарии греческие патриоты

подготавливали восстание, целью которого была независимость Греции. В своей борьбе они пользовались широкой поддержкой передовой европейской общественности, которая рассматривала Грецию как колыбель европейской цивилизации. Александр I проявлял колебания. Исходя из принципа легитимизма, он не одобрял идею греческой независимости, но не находил поддержки ни в русском обществе, ни даже в Министерстве иностранных дел, где видную роль играл И. Ка~ подистрия, будущий первый президент независимой Греции. Кроме того, царю импонировала мысль о торжестве креста над полумесяцем, о расширении сферы влияния европейской христианской цивилизации. О своих сомнениях он говорил на Веронском конгрессе: «Ничто без сомнения не казалось более отвечающим общественному мнению страны, как религиозная война с Турцией, но в волнениях Пелопоннеса я усмотрел признаки революции. И воздержался».

В 1821 г. началась греческая национально-освободительная революция, которую возглавил генерал русской службы аристократ Александр Ипсиланти. Александр I осудил греческую революцию как бунт против законного монарха и настаивал на урегулировании греческого вопроса путем переговоров. Вместо независимости он предлагал грекам автономию в составе Османской империи. Восставшие, которые надеялись на прямую помощь европейской общественности, отвергли этот план. Не приняли его и османские власти. Силы были явно неравны, отряд Ипсиланти был разбит, османское правительство закрыло проливы для русского торгового флота, выдвинуло войска к русской границе. Для урегулирования греческого вопроса в начале 1825 г. в Петербурге собралась конференция великих держав, где Англия и Австрия отвергли российскую программу совместных действий. После того как султан отказался от посредничества участников конференции, Александр I принял решение о концентрации войск на турецкой границе. Тем самым он перечеркивал политику легитимизма и переходил к открытой поддержке греческого национально-освободительного движения. Русское общество приветствовало решимость императора. Твердый курс в греческом и, шире, Восточном вопросе отстаивали такие влиятельные сановники, как В. П. Кочубей, М. С. Воронцов, А. И. Чернышов, П. Д. Киселев. Их заботило возможное ослабление российского влияния среди христианского и славянского населения Балканского полуострова. А. П. Ермолов утверждал: «Иностранные кабинеты, особенно английский, нас виновными терпеливостию и бездействием поставляют пред всеми народами в невыгодном виде. Кончится тем, что в греках, нам приверженных, оставим мы справедливое на нас озлобление».

А. П. Ермолов на Кавказе. С именем А. П. Ермолова связано резкое усиление военно-политического присутствия России на Северном Кавказе, территории, которая была этнически разнородна и народы которой находились на самых разных уровнях социально-экономического и политического развития. Там существовали относительно устойчивые государственные образования — Аварское и Казикумыкское ханства, шамхальство Тарковское, в горных районах господствовали патриархальные «вольные общества», благоденствие которых в значительной степени зависело от удачных набегов на равнинных соседей, занимавшихся земледелием.

Во второй половине XVIII в. Северное Предкавказье, бывшее объектом крестьянской и казачьей колонизации, отделяла от горных районов Кавказская линия, которая простиралась от Черного до Каспийского моря и шла по берегам рек Кубани и Терека. Вдоль этой линии была проложена почтовая дорога, считавшаяся почти безопасной. В 1817 г. Кавказская кордонная линия была перенесена с Терека на Сунжу, что вызвало недовольство горских народов, ибо тем самым они были отрезаны от Кумыкской равнины, куда перегонялся скот на зимние пастбища. Для русских властей включение кавказских народов в орбиту имперского влияния было естественным следствием успешного утверждения России в Закавказье. В военном и торгово-экономическом отношении власти были заинтересованы в устранении угроз, что таила в себе набеговая система горцев. Поддержка, которую горцы получали со стороны Османской империи, оправдывала военное вмешательство России в дела Северного Кавказа.

Назначенный в 1816 г. на пост главноуправляющего гражданской части в Грузии и на Кавказе и одновременно командующего Отдельным корпусом генерал А. П. Ермолов считал своей главной задачей обеспечение безопасности Закавказья и включение в состав Российской империи территории горного Дагестана, Чечни и Северо-Западного Кавказа. От политики Цицианова, в которой сочетались угрозы и денежные посулы, он перешел к крутому пресечению набеговой системы, для чего широко применял вырубку лесов и уничтожение непокорных аулов. Ермолов ощущал себя «проконсулом Кавказа» и не стеснялся в применении военной силы. Именно при нем проводилась военно-экономическая и политическая блокада горных районов, он считал демонстрацию силы и военные экспедиции лучшим средством давления на горские народы. По инициативе Ермолова были построены крепости Грозная, Внезапная, Бурная, которые стали опорными пунктами русских войск.

Военные экспедиции Ермолова привели к противодействию горцев Чечни и Кабарды. Ермоловская политика вызывала отпор «вольных обществ», идейной основой сплочения которых стал мюридизм, разновидность ислама, приспособленная к понятиям горских народов. Учение мюридизма требовало от каждого правоверного постоянного духовного совершенствования и слепого повиновения наставнику, учеником, мюридом которого он становился. Роль наставника была исключительно велика, он соединял в своей особе духовную и светскую власть. Мюридизм накладывал на своих последователей обязанность вести «священную войну», газават, против неверных до их обращения в мусульманство или полного истребления. Призывы к газавату, адресованные всем горским народам, что исповедовали ислам, были мощным стимулом сопротивления действиям Ермолова и одновременно способствовали преодолению разобщенности народов, населявших Северный Кавказ.

Один из первых идеологов мюридизма Мухаммед Ярагский проповедовал перенесение жестких религиозно-нравственных норм и запретов в область социальных и правовых отношений. Следствием этого было неизбежное столкновение мюридизма, опиравшегося на шариат, свод мусульманского права, сравнительно новый для кавказских народов, с адатом, нормами обычного права, которые на протяжении веков определяли жизнь «вольных обществ». Светские владетели настороженно относились к фанатичной проповеди мусульманского духовенства, что нередко вело к междоусобиям и кровавой резне. Для ряда народов Кавказа, исповедовавших ислам, мюридизм остался чужд.

В 1820-е гг. противодействие прежде разрозненных «вольных обществ» прямолинейным и недальновидным действиям Ермолова переросло в организованное военно-политическое сопротивление, идеологией которого стал мюридизм. Можно говорить о том, что при Ермолове начались события, которые современники называли Кавказской войной. В действительности это были лишенные общего плана разновременные действия отдельных воинских отрядов, которые либо стремились пресечь нападения горцев, либо предпринимали экспедиции в глубь горных районов, не представляя силы противника и не преследуя никаких политических целей. Военные действия на Кавказе приняли затяжной характер.

Глава 21. Внутренняя политика Николая I

§ 1. Николаевское самодержавие

Политические представления Николая I. Вступив на престол, Николай I свою главную задачу в области внутренней политики видел в укреплении самодержавной власти. События 14 декабря, которые произвели на него огромное впечатление, он связывал со слабостью покойного императора, с его конституционно-реформаторскими начинаниями. Николая I беспокоило состояние умов в России, брожение, охватившее разные общественные слои, он связывал с влиянием европейского радикализма. Ему приписывали слова: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока, Божиею милостью, я буду императором».

Не обладая ни способностями Александра I, ни его политическим кругозором, он, став императором в тридцать лет, без колебаний принял на себя бремя правления, полагая, что их с избытком заменят твердая воля и работоспособность. У него был ясный систематический ум, отличная память, он хорошо разбирался в инженерном деле и, как все сыновья Павла I, был знатоком фрунта. В науке он ценил ее прикладную сторону, к просвещению относился подозрительно, презирая беспокойный «дух времени». Ему было присуще бездушное рационально-механистическое восприятие мира, правильное государственное устройство он понимал как работу хорошо налаженного механизма, которому подчинены дела и помыслы всех людей. Образцом для него была военная служба: «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого, никто не приказывает, прежде чем сам не научится повиноваться. Я смотрю на всю человеческую жизнь, только как на службу, так как каждый служит». Милитаризм был внутренней потребностью царя. По свидетельству его личного друга А. Х. Бенкендорфа, «развлечения государя со своими войсками, по собственному его признанию, единственное и истинное для него наслаждение».

Николай I искренне считал себя помазанником Божиим и твердо защищал самодержавную власть от любых посягательств. При нем самодержавие достигло своего апогея, когда весь ход государственных дел определялся лично императором, все нити государственного управления находились в его руках. Утверждая прерогативы самодержавия, Николай I

следовал политическим наставлениям Карамзина, которого он высоко ценил. Царь верил в самодержавную инициативу, но упрощенно представлял ее единственно как гарантию внутреннего спокойствия. Когда в 1830 г. во Франции началась революция и была свергнута династия Бурбонов, он рассуждал о том, что «Россию наиболее ограждает от бедствий революции то обстоятельство, что у нас со времен Петра Великого всегда впереди нации стояли ее монархи». Самодержавную власть он понимал как безграничное самовластное вмешательство в ход даже самых мелких государственных дел, как право распоряжаться судьбами подданных. Он сам определял мундирные цвета полков, редактировал сочинения Пушкина, указывал, какими должны быть построения кордебалета на императорской сцене.

Манифест 13 июля 1826 г . Николай I не простил декабристам их выступления. Он покарал их с «примерной жестокостью», не желая при этом знать, что расправа над ними противоречила российскому законодательству и давней политической традиции, которая обязывала монарха править, опираясь на первенствующее сословие. В день казни декабристов 13 июля 1826 г. был издан написанный Сперанским Высочайший манифест, который возвещал о суде над государственными преступниками: «Дело, которое мы всегда считали делом всей России, окончено; преступники восприяли достойную их казнь; Отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся». Важнейший документ николаевской эпохи, Манифест 13 июля утверждал незыблемость вековых устоев России: «В государстве, где любовь к монархам и преданность престолу основаны на природных свойствах народа, где есть отечественные законы и твердость в управлении, тщетны и безумны всегда будут усилия злонамеренных: они могут таиться во мраке, но при первом появлении отверженные общим негодованием они сокрушатся силою закона. В сем положении государственного состава каждый может быть уверен в непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящего, и спокойный в настоящем может прозирать с надеждою в будущее. Не от дерзностных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершаются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления».

В Манифесте 13 июля впервые были официально высказаны догматы, которые спустя несколько лет развил С. С. Уваров. Их важнейшей составной частью стало противопоставление России и Европы, русских и европейских политических, общественных и культурных идеалов: «Не в свойствах, не в нравах российских был сей умысел. Составленный горстию

извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную; но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее. Сердце России для него было и будет неприступно. Не посрамится имя русское изменою престолу и Отечеству». События «мгновенного мятежа», говорилось в Манифесте, соединили все сословия в преданности государю, «тайна зла долголетнего» раскрылась, «туча мятежа» была рассеяна. Единодушное соединение всех верных сынов отечества укротило зло, «в других нравах неукротимое». Манифест провозглашал: «Горестные происшествия, смутившие покой России, миновали и, как мы при помощи Божией уповаем, миновались навсегда и невозвратно».

Манифест обращал внимание российских подданных на нравственное воспитание детей: «Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, — недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам». Дворянству — «ограде престола и чести народной» — предлагалось стать «примером всем другим состояниям» и предпринять «подвиг к усовершенствованию отечественного, не чужеземного воспитания». Высказанный дворянству упрек знаменателен: император считал, что недовольное жестокой расправой над декабристами дворянское общество с ним в ссоре.

Манифест 13 июля заложил идейные основы николаевского самодержавия. В историю России оно вошло как первая попытка идеократического правления, когда целостная, повсеместно насаждаемая и жестко контролируемая система воззрений определяла основы внутренней и внешней политики, развитие просвещения и культуры, частную жизнь граждан. Поддержание социальной и политической стабильности, противостояние разрушительным европейским учениям требовали возведения «умственных плотин» и создания универсальной идеологической доктрины. Решать эту задачу выпало С. С. Уварову, который принадлежал к тем немногим николаевским сановникам, кто никогда не служил в военной службе. Однако царь ценил его политический кругозор, умение обращать на пользу самодержавию достижения европейской мысли.

Николаевская идеократия. Уваров был умен, прекрасно образован. В александровское время он был попечителем Петербургского учебного

округа, в 1818 г. стал президентом Академии наук. В общественной жизни слыл последователем Карамзина, входил в «Арзамас». В разгар борьбы с Наполеоном Уваров написал несколько французских брошюр, обращенных к европейскому общественному мнению, где идейно обосновал необходимость противостояния деспотизму. Он выражал надежду, что «цари, народы на могиле Бонапарта совместно принесут в жертву деспотизм и народную анархию». Революция была для него «грудой преступлений и бесполезных несчастий». Убежденный монархист, Уваров полагал, что республиканский строй «неприменим к современной системе великих европейских государств». Общеевропейским идеалом он считал легитимное правление, где «мощные барьеры обеспечивают гражданские свободы личности».

После 14 декабря арзамасский либерализм Уварова улетучился. В 1832 г. он был назначен на пост товарища министра народного просвещения. Его первым шагом стало очищение Петербургского университета, выразившееся в увольнении неугодных профессоров, вторым — ревизия Московского университета, где было раскрыто «дело Сунгурова»: студенты обвинялись в сочувствии польским повстанцам. Изучив причины «своевольства» студентов, он пришел к выводу: «Не ученость составляет доброго гражданина, верноподданного своему государю, а нравственность его и добродетели». Благодаря Уварову нравственность и добродетель стали категориями николаевской внутренней политики.

Стержнем уваровского отчета о ревизии Московского университета стала мысль привести всю культурную и общественную жизнь России «к той точке, где сольются твердые и глубокие знания с убеждением и теплою верою в истинно русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества». Отчет получил одобрение императора, Уваров стал министром народного просвещения. Находясь на этом посту, он окончательно систематизировал те воззрения, что стали основой николаевской идеократии и сводились к доктрине превосходства православной и самодержавной России над европейским Западом. Эти идеи лежали в основе манифестов Сперанского и Блудова, начала были изложены в поздних политических сочинениях Карамзина. Цель доктрины Уваров формулировал четко: «Изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими; исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в оных душах радушное

уважение к Отечеству».

Призванный императором к решению задачи, которая была тесно связана «с самою судьбою Отечества» и заключалась в том, чтобы «найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие», Уваров провозгласил национальными началами православие, самодержавие и народность. Он утверждал: «Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть… Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия». Следование основам православия и самодержавия отвечало давним традициям консервативной общественной мысли. Народность, понимаемая как особые свойства русского народа — покорность, смирение, долготерпение, потребовала пояснений: «Относительно народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться, она не требует неподвижности в идеях».

Доктрина Уварова идеально соответствовала представлениям Николая I о русском народе, о России и ее месте в мире. Внешнеполитические успехи, прочное внутреннее положение Российской империи как бы подчеркивали ее особое место в Европе, служили подтверждением правоты доктрины. Это была теория казенного патриотизма победоносной военной империи. Из нее вовсе не вытекала необходимость политической и экономической изоляции России, но весьма желательной представлялась изоляция идейная. Основанная на идее национальной исключительности и имперского превосходства, она стала необходимым и важным компонентом внутренней политики Николая I. Уваровская триада, которую иногда называют «теорией официальной народности», обеспечивала стабильность николаевской системы.

Доктрина Уварова претендовала на универсальность, она была обращена ко всем сословиям. По распоряжению Николая I в 1833 г. композитор А. Ф. Львов создал народный гимн на слова В. А. Жуковского. Львов вспоминал: «Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, годный для войск, годный для народа — от ученого до невежды». В этих словах отражено стремление николаевской идеократии к всеохватности и общедоступности. Однако проповедь казенного патриотизма, православия и народности, понимаемой в «русском духе», была заведомо неприемлема

для значительной части российских подданных, которые не были русскими и принадлежали к иной конфессии. Естественным ответом на нее стал национализм нерусских народов.

Преобразование императорской канцелярии. При воцарении неопытный Николай i не представлял хода работы государственной машины, но твердо знал, что ему не нужен первый министр. Впавший в глубокую депрессию Аракчеев был отстранен от «общегосударственных дел», что не означало отказа от основных принципов аракчеевщины. Вслед за Аракчеевым вскоре оказался не у дел популярный в армии А. П. Ермолов. Император доверял немногим, среди которых были лично ему близкие А. Х. Бенкендорф, И. Ф. Паскевич, А. Ф. Орлов. Влияние на дела сохранили начальник Главного штаба И. И. Дибич, министр финансов Е. Ф. Канкрин и министр иностранных дел К. В. Нессельроде.

Стремясь увеличить свое влияние на государственные дела, Николай I провел общее преобразование императорской канцелярии. Созданная в 1812 г. Собственная его императорского величества канцелярия первоначально занималась всеми делами, требовавшими решения императора. В январе 1826 г. прежняя канцелярия была переименована в I Отделение, и было образовано II Отделение, предназначенное для сборов и систематизации законов Российской империи. В июле того же года возникло III Отделение, затем их число увеличилось до шести.

В I Отделение все центральные ведомства должны были каждое утро доставлять сведения о своей деятельности и особо представлять дела, которые требовали личного рассмотрения царя. У Николая I возникала иллюзия, что государственные дела постоянно находятся под его контролем. Для повседневного вмешательства во все сферы правительственной деятельности и общественной жизни он использовал офицеров свиты. Генерал-адъютанты и флигель-адъютанты исполняли самые разные поручения. К примеру, С. Г. Строганов в 1826 г. ревизовал Московский университет, и по его представлению было запрещено преподавание философии.

Чтобы глубже разобраться во внутреннем состоянии империи, царь приказал делопроизводителю Следственного комитета А. Д. Боровкову составить свод мнений декабристов, высказанных ими в период следствия. Он часто их просматривал и оттуда «черпал много дельного». Для изучения возможности государственных преобразований 6 декабря 1826 г. был образован Секретный комитет во главе с давним сотрудником Александра I В. П. Кочубеем. Комитет должен был разобрать бумаги, оставшиеся в кабинете Александра I, где было немало проектов конституционных

преобразований и решения крестьянского вопроса. Туда же был передан свод показаний декабристов. Первостепенную роль в Комитете играл Сперанский, в котором Николай I нашел «самого верного и ревностного слугу с огромными сведениями, с огромною опытностию». Более всего членов Комитета занимали сословный вопрос и административные преобразования. Кочубей считал полезным обратить внимание правительства на «рабство» помещичьих крестьян, но призвал к осторожности, «удаляя всякую мысль о даровании мгновенно свободы».

По мнению членов Комитета, следовало освободить Государственный совет от административных и судебных дел, оставив в его ведении составление законов. Предлагалось разделить Сенат на Сенат правительствующий, куда входили бы министры, и Сенат судебный. Тем самым последовательно проводился принцип разделения властей. В низших местных учреждениях, волостных и сельских, усиливалось коллегиальное начало и допускались выборные должности, что могло служить ограничению чиновничьего произвола. Сословная реформа призвана была укрепить права дворянства. Главный принцип преобразований, предложенный Комитетом 6 декабря 1826 г., заключался «не в полном изменении существующего порядка управления, но в его усовершенствовании посредством некоторых частных перемен и дополнений, соответствующих истинным нуждам государства». Проработав более трех лет, Комитет прекратил свои заседания. План административных и сословных преобразований был отложен.

Кодификация законов. Важное место в системе николаевской идеократии было отведено II Отделению. Оно должно было заниматься кодификацией законов, ему же «в порядке верховного управления» вменялось в обязанность разрешать отступления от законов. Благодаря II Отделению император контролировал всю законотворческую деятельность. Отвергнув конституционные начинания Александра I, Николай I противопоставил им систему, которая давала возможность упорядочить российское законодательство и, как ему казалось, ограничить судебный и административный произвол местных властей. Он придавал важное значение кодификации законов, что подразумевало систематизацию действующего законодательства. Со времен Соборного уложения царя Алексея Михайловича накопилось много противоречивых установлений, что делало актуальной задачу создания нового всеобъемлющего законодательства, своего рода нового Уложения.

Отказавшись от мысли разработать новый юридический кодекс, Николай I поручил II Отделению, в работе которого главную роль играл

Сперанский, распределить в хронологическом порядке и подготовить к печати законы Российской империи от 1649 г. до конца царствования Александра I. Так возникло «Полное собрание законов Российской империи». Затем Сперанским и его сотрудниками были выбраны и распределены по соответствующим разделам те законы, которые должны были составить действующее законодательство. К 1832 г. был подготовлен знаменитый «Свод законов Российской империи», который начал действовать как «положительный закон» с 1 января 1835 г.

Николай I не поощрял стремление Сперанского вносить дополнения и изменения в действующее законодательство. Ему органически было чуждо творческое начало. Свод законов выполнял регламентирующую и стабилизирующую роль, но с его появлением ничего нового в административную и судебную практику самодержавия внесено не было. Объективно он укреплял всевластие бюрократии.

Первый раздел первого тома Свода законов носил название: «О священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти». Здесь были изложены правовые понятия, определявшие объем полномочий царя. Первая статья этого раздела гласила: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает». Это была апелляция к теории божественного права, которая в XIX в. давно устарела. Согласно дальнейшим статьям Российская империя управлялась на «твердых основаниях положительных законов, исходивших от самодержавной власти». Император становился единственным источником законности.

Свод законов знал принцип разделения властей, который особо тщательно оговаривался в отношении прав и обязанностей министерств. Власть законодательная, как составляющая ведение Государственного совета, и власть судебная, как принадлежащая Сенату и судебным местам, были исключены из их функций: «Существо власти, вверяемой министрам, принадлежит единственно к порядку исполнительному: никакой новый закон, никакое новое учреждение или отмена прежнего не могут быть установляемы властию министра». Особо подчеркивалось: «Никакое министерство само собою никого судить и никаких тяжб решить не может». Министерствам принадлежала исполнительная власть: «В порядке государственных сил министерства представляют установление, посредством коего верховная исполнительная власть действует на все части управления». Функциональное разделение властей, установленное Сводом законов, упорядочивало работу государственного механизма, но не могло

заменить отсутствия политической системы независимых и взаимно уравновешивающих ветвей власти. Император не только непосредственно осуществлял законодательные и исполнительные функции, но и постоянно вмешивался в решения судебных инстанций. Субъективное стремление Николая I к справедливости в таких случаях нередко вело к актам монаршего произвола.

III Отделение. В январе 1826 г. Бенкендорф подал царю проект «Об устройстве высшей полиции». Он предлагал создать политическую полицию, построенную на основах «строгой централизации» и простирающуюся на «все пункты империи». Реализация проекта была возложена на самого Бенкендорфа, который вскоре возглавил III Отделение собственной его императорского величества канцелярии. Одновременно он был шефом Отдельного корпуса жандармов. Штат III Отделения был немногочисленным, но его деятельность была эффективна. Оно располагало сетью тайных агентов в России и за границей.

На III Отделение было возложено наблюдение «за общим мнением и народным духом», сыск по политическим делам, надзор за общественными деятелями, писателями и учеными. Ему подчинялись секретные политические тюрьмы. Одновременно оно следило за иностранными подданными в России, осуществляя функции контрразведки, ловило фальшивомонетчиков, ведало расколом и сектантством, надзирало за действиями администрации, вело статистику крестьянских волнений. III Отделение должно было составлять ежегодные отчеты о состоянии умов в империи, представляемые императору. Призванное обеспечивать «безопасность престола и спокойствие государства», III Отделение было органом, который позволял императору контролировать полицейско-карательные функции. Его деятельность укрепляла личную власть Николая I, но объективно ослабляла государство, так как возникал чреватый конфликтами параллелизм в действиях III Отделения и Министерства внутренних дел.

IV, V и VI Отделения императорской канцелярии ведали воспитательными и благотворительными учреждениями, подготовкой реформы в государственной деревне, кавказскими делами. В целом императорская канцелярия, выполняя не только надзорные функции, подменяла собой соответствующие ведомства, ее деятельность неизбежно вносила дезорганизацию в работу государственного аппарата. Достигавшаяся при этом предельная централизация управления давала кратковременный эффект.

Цензура и образование. Цензура была важной частью николаевской

идеократии. Именно на цензурные инстанции возлагалась ответственность за состояние дел в литературе и театре, за общее состояние умов и народную нравственность. В 1826 г. император утвердил Цензурный устав, который современники назвали «чугунным». Был учрежден Главный цензурный комитет, который подчинялся Министерству народного просвещения. Цензурный контроль, помимо Цензурного комитета, осуществляли самые разные ведомства: Синод, Академия наук, Министерство императорского двора, университеты. Была цензура театральная, духовная, военная. Верховный надзор был обязанностью III Отделения, для которого общественное безмолвие было свидетельством успеха в овладении умами.

Цензурный устав 1826 г. требовал от цензоров «ограждения святыни престола, постановленных от него властей, законов отечественных, нравов и чести народной и личной от всякого, не только злонамеренного и преступного, но и неумышленного на них покушения». Цензоры обязаны были действовать согласно «политическим обстоятельствам и видам правительства», не пропускать сочинений, колеблющих христианскую веру и порицающих монархический образ правления или содержащих «предположения о преобразованиях каких-либо частей государственного управления». Для Николая I это был естественный ответ на реформаторские настроения прошлого царствования.

Устав 1826 г. требовал от цензоров контролировать не только политическую, но и литературную сторону сочинений, «ибо разврат нравов приуготовляется развратом вкусов». Произвол был столь велик, что два года спустя правительство вынуждено было дать новый Цензурный устав, где цензорам рекомендовалось не придираться к словам и отдельным выражениям.

Николай 1 охотно играл роль покровителя науки и высшего образования, хотя и полагал, что университеты являются рассадниками вольнодумства. Он понимал, что для государственной службы требуются подготовленные чиновники. В его царствование были открыты Технологический и Межевой институты, Училище правоведения, Военно-морская академия и другие специальные учебные учреждения. По университетскому Уставу 1835 г. лица, окончившие университет, получали чин 10-го или 12-го класса по Табели о рангах. Уваров наладил систему подготовки отечественной профессуры, способствовал заграничным командировкам молодых ученых, открывал новые кафедры.

Народные выступления и национальные движения. Серьезным испытанием для николаевского режима стали европейские революционные

потрясения 1830–1831 гг., восстание в Царстве Польском, холерные бунты в России, выступления матросов в Севастополе и военных поселян Новгородской губернии.

В июне 1830 г. недовольные карантинными мерами, установленными для предотвращения заболевания чумой, но сопровождавшимися грубыми злоупотреблениями властей, восстали матросы флотских и рабочих экипажей Севастополя. Военный начальник города Столыпин был убит, власти подавили выступление спустя несколько дней, стянув к городу крупные воинские части. Карантинные меры против эпидемии холеры в 1830–1831 гг. вызвали бунты в Тамбове и Петербурге, возбужденные толпы громили больницы, убивали врачей, которых считали виновниками эпидемии. Летом 1831 г. карантин стал поводом для восстания военных поселян в Старой Руссе. Восставшие убили нескольких офицеров, арестовали остальных и стали назначать командиров из своей среды. Волнения охватили почти все поселенные округа Новгородской губернии. Николай I заявил: «Бунт в Новгороде важнее, чем бунт в Литве, ибо последствия могут быть страшные». Беспорядки были подавлены военной силой, свыше четырех с половиной тысяч поселян были преданы суду. События 1830–1831 гг. были показателем острой социальной напряженности. Вяземский заметил: «Любопытно изучать наш народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной неволи к воле всемогущей оказывается здесь решительно. Изо всего, изо всех слухов, доходящих до черни, видно, что и в холере находит она более недуг политический, чем естественный».

В ноябре 1830 г. началось восстание в Варшаве, которое Николай I воспринял как личное оскорбление. За полтора года до этого, в мае 1829 г., он как польский король исполнил неприятный ему обряд коронации и присягнул на верность конституции. Против повстанцев, которые объявили о свержении династии Романовых с польского престола, были направлены войска И. И. Дибича, которого затем сменил И. Ф. Паскевич. К осени 1831 г. восстание было подавлено, что дало возможность Николаю I покончить с главным конституционным начинанием Александра I, с общественными надеждами на возвращение правительственного реформизма. В феврале 1832 г. был издан Органический статут, по которому Царство Польское объявлялось неотъемлемой частью Российской империи. Российский император делался наследственным обладателем польской короны, и отпадала необходимость отдельной коронации. Польский сейм был ликвидирован, польская армия распущена.

В 1847 г. на Украине было раскрыто тайное Кирилло-Ме-фодиевское

общество, организаторами которого были литераторы и историки Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, Н. И. Гулак, близок к обществу был поэт Т. Г. Шевченко. Правила общества были основаны на идеалах христианской нравственности, они предусматривали отмену крепостного права, равенство граждан и, главное, создание федерации славянских народов с центром в Киеве. Влияние его идей было незначительно. Однако глава III Отделения А. Ф. Орлов потребовал, чтобы цензура с особым вниманием следила за теми учеными и литературными сочинениями, «где дело идет о народности или о языке Малороссии и других подвластных России земель, не давая любви к родине перевеса над любовью к Отечеству, империи и изгоняя все, что может вредить последней любви, особенно о мнимых настоящих бедствиях и о прежнем, будто бы необыкновенно счастливом, положении подвластных племен».

Николаевское правительство и европейская «весна народов» 1848 г. Поводом для дальнейшего усиления цензурного гнета стала европейская «весна народов» 1848 г. Уже в феврале был создан Секретный комитет под председательством А. С. Меншикова для пересмотра издающихся в России журналов. От журналистов требовалось содействовать «правительству в охранении публики от заражения идеями, вредными нравственности и общественному порядку». По рекомендации этого комитета 2 апреля был учрежден Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений. Во главе его был поставлен генерал Д. П. Бутурлин. Задачей его комитета был сплошной просмотр всех печатных изданий, выходивших в России, надзор за цензорами, редакторами и издателями. Деятельность Комитета давала основание современникам говорить о стремлении правительства ввести в России единомыслие. Создание Комитета означало дальнейшее развитие идеократии. Последние годы царствования Николая I вошли в историю как «мрачное семилетие».

Действия правительства оправдали предсказание историка С. М. Соловьева: «Нам, русским ученым, достанется за эту революцию». Попытка Уварова выступить с благонамеренной защитой университетского преподавания привела к тому, что он был отправлен в отставку. Новый министр П. А. Ширинский-Шихматов ограничил преподавание политической экономии, философии и правовых дисциплин, поощрял занятия богословием. Резко сократилось число студентов, была повышена плата за обучение. Отлаженная образовательная система оказалась на грани развала. Соловьев констатировал: «Что же было следствием? Все остановилось, заглохло, загнило. Русское просвещение, которое еще

надобно было продолжать взращать в теплицах, вынесенное на мороз, свернулось». Реакция торжествовала.

На протяжении всего правления Николая I основной опорой самодержавия были доведенный до предела милитаризм, безграничная регламентация, бюрократическая централизация, они определяли прочность режима, которая долгое время удивляла Европу и внушала чувство бессилия его подданным. Такая политика создавала иллюзию стабильности, но в действительности обрекала страну на застой, на экономическое и социальное отставание от передовых европейских государств.

При Николае I самодержавная инициатива, измельчавшая во время аракчеевщины, перестала определять развитие страны. Передовое общество не шло за властью, как в екатерининские времена и в первые годы александровского правления, но находилось в постоянной к ней оппозиции. Присущее императору стремление сохранить незыблемыми устои самодержавия обрекало страну на консервацию обветшавшего сословного строя и крепостных отношений. Самодержавие из творческой силы исторического развития превратилось в режим личной власти, внешне могущественный, но безответственный и губительный для России.

§ 2. Социальная политика

Сословная регламентация. В николаевское время важнейшие решения по вопросам внутренней и внешней политики вырабатывались и принимались в обстановке строгой секретности, что соответствовало как личным склонностям царя, так и его пониманию хода государственных дел. Николай I с подозрением относился к любым проявлениям общественного мнения, не доверял он и корпоративным представлениям, даже когда они были облечены в верноподданническую форму и исходили от дворянства. Для него естественным было обсуждение серьезных тем в кругу доверенных сановников, огражденное канцелярской тайной. Само обсуждение происходило в Секретных комитетах, которые создавались по высочайшему распоряжению вне обычных государственных институтов. Членами комитетов были высшие государственные сановники по выбору императора, обязанные подпиской о неразглашении сведений о своих занятиях. Не допуская и тени гласности, Николай I ставил перед Секретными комитетами вопросы, связанные как с выработкой общих принципов государственного переустройства, так и с созданием частных

законодательных актов, в основном касавшихся социальной политики. Секретные комитеты возникали по усмотрению императора, и деятельность большинства из них была бесплодной.

С особой силой стремление опереться на высшую бюрократию сказалось при обсуждении сословной реформы, которая была поставлена в повестку работы Комитета 6 декабря 1826 г. Сохраняя незыблемыми самодержавие и крепостное право, Комитет предложил упорядочить сословную иерархию, оградить права дворянства и укрепить его имущественное положение. Для лиц, выдвинувшихся благодаря государственной службе, полученному образованию или приобретенным капиталам, предлагалось создать новые сословия — чиновных граждан, именитых граждан и почетных граждан. Новые сословия освобождались от подушного оклада, от телесных наказаний и рекрутского набора. Эта мера призвана была предотвратить проникновение в дворянское сословие чуждых ему элементов. Комитет 6 декабря планировал создать сословие «вольноотпущенных земледельцев» для крестьян, освобожденных помещиками с землей или без земли. Предложения Комитета в определенной мере легли в основу социальной политики Николая I.

Усмирив польское восстание, видя себя оплотом легитимизма в Европе, Николай I сделал попытку укрепить российское дворянство. В декабре 1831 г. было обнародовано Положение «о порядке дворянских собраний, выборах и службы по оным». По нему повышался имущественный ценз, необходимый для участия в дворянских выборах. Избирательным голосом обладали дворяне, имевшие не менее ста душ крестьян в пределах данной губернии или 3 тыс. десятин незаселенной земли. Мелкопоместные дворяне должны были объединяться, чтобы послать своего представителя для участия в голосовании. Состоятельные представители поместного дворянства получали преимущества при занятии выборных должностей в дворянских обществах. Губернские дворянские собрания наделялись правом делать представления правительству как о дворянских нуждах, так и по общим местным вопросам.

Ограничивался доступ в ряды дворянства, для чего в 1832 г. было учреждено новое сословие — потомственных почетных граждан, какими могли стать богатые купцы, ученые и лица свободных профессий. Создавалось сословие личных почетных граждан, куда входили низшие чиновники и лица, окончившие высшие учебные заведения. Потомственные и личные почетные граждане освобождались от телесных наказаний, подушной подати и рекрутской повинности. Мера, выдержанная в духе сословной регламентации XVIII в., отнюдь не снижала социальной

напряженности, скорее она подчеркивала привилегированное положение дворянства. Вопреки мнению Комитета 6 декабря 1826 г., Николай I не отменил права выслуги, но ограничил проникновение в дворянство выходцев из податных сословий.

Звание потомственного дворянина по закону 1845 г. приобреталось чинами 5-го класса, а не 8-го, как прежде, обер-офицер-ские чины и чины гражданской службы начиная с 9-го давали только личное дворянство.

Укреплению положения дворянства должен был служить Закон 1845 г. о майоратах, который разрешал превращать имения, где было свыше тысячи душ, в заповедные и передавать их в наследство старшему сыну. Это противоречило давним традициям дворянских разделов и не привилось. В целом действия Николая I по возвышению дворянства носили ограниченный характер, мелочная регламентация не могла остановить ослабления помещичьего хозяйства и в конечном счете была безрезультатна.

Крестьянский вопрос. Важное место в социальной политике Николая I занимал крестьянский вопрос, который император понимал прежде всего как вопрос об отмене крепостного права. На него обращал внимание царя уже глава Комитета 6 декабря 1826 г. Кочубей, который подчеркивал необходимость преемственности в подходе к его решению. Он напоминал о проектах предшествующего царствования, когда «направление умов и часто являвшиеся признаки нетерпеливого перенесения помещичьими крестьянами их рабства обращали внимание правительства к сему важному предмету». Николай I оставил напоминание Кочубея без последствий, но некоторые из тех, кто по поручению Александра I составлял записки по крестьянскому вопросу, принимали активное участие в его обсуждении и в новое царствование. Среди них выделялись генерал П. Д. Киселев и министр финансов Е. Ф. Канкрин. Само обсуждение крестьянского вопроса велось на протяжении всего николаевского правления в Секретных комитетах 1828, 1830, 1835, 1839, 1840, 1844, 1846 и 1848 гг. Последние два Комитета работали под председательством наследника престола великого князя Александра Николаевича.

Правительство не могло бесконечно испытывать долготерпение крепостных и дворовых людей. Статистика III Отделения свидетельствовала о неуклонном росте крестьянских волнений, которые в ряде случаев приходилось усмирять с помощью воинских команд, особенно тревожили учащавшиеся случаи расправ крепостных со своими помещиками. В поисках воли помещичьи крестьяне бежали в Новороссию и Предкавказье, уходили в города, в деревне упорно распространялись

слухи о близких переменах, которые не мог прекратить даже высочайший Манифест. По неполной статистике, число крестьянских волнений в 1820—1840-е гг. выросло в полтора раза. На тревожную тенденцию обращал внимание Бенкендорф, когда в секретном отчете за 1839 г. писал: «Дело опасное, и скрывать эту опасность было бы преступлением. Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же». Демонстрируя подлинно государственный подход, шеф III Отделения предлагал: «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа».

Николай I был вполне согласен со своим ближайшим сотрудником. В частных беседах он говорил о своем желании начать «процесс против рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян по всей империи». Выступая на заседании Государственного совета в 1842 г., он официально заявил: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным, и всякий помысел о даровании свободы крепостным людям был бы преступным посягательством на спокойствие государства». Суть дела изложена исключительно точно. Принципы, которыми руководствовался Николай I, были просты: невозможно игнорировать борьбу крепостных за волю, но действовать следует неспешно, ограждая интересы поместного дворянства, которое было первенствующим сословием и для которого владение крепостными душами было главной политической привилегией и основой экономического благосостояния. Самодержавие выступало в роли верховного арбитра, демонстрируя свое всевластие и зависимость от его инициатив любого сословия.

Главным инструментом смягчения социальной напряженности стала мелочная регламентация отношений между помещиками и крепостными крестьянами. На протяжении всего николаевского царствования выстраивалась система законодательных запретов, призванная показать правительственную заботу о крестьянах и ограничить помещичий произвол. В разные годы правительство последовательно запретило отдавать крепостных крестьян на заводы, продавать крепостных без земли или землю без крепостных, ограничило право помещиков ссылать крестьян в Сибирь, продавать их с публичного торга с раздроблением семейств, платить ими частные долги. По обоюдному соглашению помещики могли отпускать на волю дворовых без земли.

Среди Секретных комитетов, где обсуждали крестьянский вопрос, выделялся комитет 1835 г., который возглавлял председатель Государственного совета И. В. Васильчиков и куда вошли министр юстиции Д. В. Дашков, министр финансов Е. Ф. Кан-крин, М. М. Сперанский и П. Д. Киселев. Комитет должен был рассмотреть положение всего земледельческого населения России, обратив особое внимание на крепостных крестьян, чтобы решить задачу «нечувствительного возведения их от состояния крепостного до состояния свободы». В комитете столкнулись два подхода. Один, изложенный Канкриным, предлагал сосредоточить внимание на создании новых правительственных учреждений для управления казенными крестьянами. Иными словами, намечалась бюрократическая реформа, оставлявшая в стороне вопрос о крепостном праве. Другим был подход Сперанского, которого поддерживал Киселев. Они полагали, что за переменами в положении государственных крестьян должно последовать изменение в положении крепостных. Намечены были три этапа реформирования крепостной деревни. На первом работа крестьян на помещиков ограничивалась тремя днями в неделю, о чем говорилось еще в павловском законодательстве. На втором точно определялись крестьянские повинности, на третьем — крестьяне получали личную свободу, но без наделения землей. Временные рамки этапов не намечались. Это был вариант безземельного освобождения, в александровское время опробованный в Остзейском крае.

П. Д. Киселев и реформа государственной деревни. Практического значения для решения вопроса о крепостных крестьянах работа комитета 1835 г. не имела. Было принято предложение Канкрина начать преобразование с государственных крестьян. Однако останавливаться на этом Николай I не намеревался. Он одобрил позицию Киселева, которому заявил: «Ты будешь мой начальник штаба по крестьянской части». Было образовано V Отделение императорской канцелярии для разработки проекта реформы государственной деревни. Во главе его был поставлен Киселев, который имел репутацию способного администратора, в александровское время считался либералом и полагал, что «гражданская свобода есть основание народного благосостояния». Декабристы прочили его в состав временного правительства, что после личных объяснений с генералом Николай I оставил без последствий. В ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. войска, которыми он командовал, форсировали Дунай и заняли Шипкинский перевал.

Назначение Киселева свидетельствовало о серьезности намерений правительства начать преобразования в государственной деревне. В тот

период всех категорий государственных крестьян насчитывалось свыше 8 млн душ мужского пола, что составляло более 34 % всего податного сельского населения. Их положение весьма различалось в зависимости от местности и особенностей административного управления, но в целом оно было лучше, чем положение крепостных. После ревизии, проведенной в разных губерниях, по представлению Киселева в 1837 г. было создано Министерство государственных иму-ществ. Его попечительство распространялось на всех свободных сельских обывателей, которые объединялись в одно сословие государственных крестьян. Министерство должно было увеличить наделы в государственной деревне, что предусматривало наделение крестьян землей из государственного резерва и организацию их планомерного переселения; упорядочить оброчное обложение; улучшить приемы земледелия. Министром был назначен Киселев.

В короткое время он создал новую систему управления государственной деревней, которая строилась по вертикали: губерния — округ — волость — сельское общество. Вводилось выборное сельское и волостное самоуправление, создавались сельские и волостные судебные расправы для разбора мелких крестьянских тяжб. Все выборные из крестьян находились под опекой чиновников, для чего в каждой губернии учреждалась Палата государственных имуществ. Сохранялось общинное землепользование и периодические переделы земли. Была проведена реорганизация оброчной повинности, которая стала соотноситься с доходностью крестьянского надела. В деревне создавались кредитные кассы, которые выдавали нуждавшимся крестьянам ссуды на льготных условиях. Обязательной стала общественная запашка, которая должна была способствовать созданию зерновых резервов на случай неурожая. По России было создано свыше 3300 хлебных запасных магазинов. Эта разумная мера вызывала, однако, особое возмущение крестьян, недовольных принудительным изъятием зерна для складирования в хлебных магазинах.

Часть общественной запашки в обязательном порядке отводилась под посевы картофеля. Впервые эта мера была опробована после неурожая начала 1830-х гг. и привела к недовольству крестьян, у которых под картофель изымались лучшие земли. За неисполнение указаний властей им грозили телесные наказания и штрафы. В 1834 г. в некоторых губерниях начались волнения, которые были названы картофельными бунтами. Власти объясняли их крестьянским невежеством и незнанием приемов возделывания и уборки картофеля. В 1840–1843 гг. картофельные бунты

повторились на Урале и в Поволжье. Происходили столкновения государственных крестьян с войсками, в Оренбургской губернии по деревням расходились рукописные прокламации с призывами к неповиновению. В столкновениях с войсками крестьяне оказывали вооруженное сопротивление, были убитые и раненые. Тысячи крестьян были подвергнуты телесным наказаниям, многие сосланы в Сибирь. Картофельные бунты, в которых участвовало до полумиллиона крестьян, вынудили власти пойти на уступки. Обязательные посевы картофеля были отменены. Для Киселева это была неудача, которая свидетельствовала о невозможности полной регламентации крестьянской жизни.

С большим успехом решались вопросы народного образования и медицинской помощи в государственной деревне. В течение двадцати лет было заведено свыше 2,4 тыс. сельских приходских училищ, что способствовало повышению уровня крестьянской грамотности. По настоянию Киселева открывались училища для крестьянских девочек. В деревне организовывались медицинские и ветеринарные пункты. Под присмотром чиновников создавались образцовые государственные фермы, где крестьяне могли получить новые агротехнические навыки. Киселев как бы воплощал в жизнь рационалистические представления просветителей прошлого века. Он руководствовался такими категориями, как «разум» и «общая польза», пренебрегая экономическими соображениями.

В целом реформа Киселева улучшила положение государственной деревни, внесла позитивные изменения в быт государственных крестьян. Однако она не стала, как на то надеялся ее инициатор, первым шагом к преобразованию крепостной деревни, где помещичьи интересы резко ограничивали возможность бюрократического вмешательства.

Указ об «обязанных крестьянах». Большие надежды на решение вопроса о крепостных крестьянах Киселев возлагал на Комитет 1839 г. Обстановка секретности, окружавшая деятельность комитета, была столь велика, что он носил не идущее к его занятиям название — Комитет о повинностях в казенных имениях западных губерний. Итогом деятельности Комитета стал указ об «обязанных крестьянах», изданный в 1842 г. Его инициатором был Киселев, который развил и дополнил александровский указ о «вольных хлебопашцах». По указу 1803 г., отпуская крестьян на волю, помещик был должен наделить их землей. Киселев опасался, что последовательное применение этого закона может привести к переходу значительной части помещичьих земель в руки крестьянства. Он предостерегал: «Последствием сей меры было бы уничтожение самостоятельности дворянства и образование демократии из людей,

перешедших из крепостного состояния, мера сия противна государственному устройству, в котором дворянство, составляя необходимое звено, соединяющее верховную власть с народом, должно исключительно пользоваться правом владения заселенными землями».

Указ об «обязанных крестьянах» исходил из принципа нерушимости помещичьей собственности на землю: «Вся без исключения земля принадлежит помещику; это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может». Указ сохранял за помещиками полное право «вотчинной собственности на землю», крестьяне же получали от помещика участки земли в пользование за повинности, которые они были обязаны исполнять и нормы которых устанавливали помещики. Отсюда и их название — «обязанные крестьяне».

Хотя указ отдавал все на усмотрение помещиков, он вызвал в их среде беспокойство, прежде всего потому, что в крепостной деревне его восприняли как обещание воли. В нескольких губерниях даже произошли крестьянские волнения. Николай I снял беспокойство, заявив, что земля останется «навсегда неприкосновенной в руках дворянства». Практическое значение указа об «обязанных крестьянах» было невелико. До крестьянской реформы по нему было освобождено около 27 тыс. душ мужского пола.

В 1847 г. помещичьи крестьяне получили право выкупа при продаже имений за долги с публичных торгов. Это право было обставлено рядом условий, среди которых главным было внесение всей выкупной суммы сразу в месячный срок. Купившие волю крестьяне делались государственными, а выкупленная земля предоставлялась в пользование всей общине. Такие крестьяне назывались «безоброчными», поскольку не платили оброка за землю, обязательного для государственных крестьян. Указ 1847 г. вызвал интерес среди крестьян тех местностей, где были развиты промыслы и имелись наличные средства. К этому времени значительная часть помещичьих имений была заложена, и их продажа с торгов была вполне возможна. Уступая недовольству дворянства, правительство почти сразу ограничило действие указа необходимостью получить согласие помещика. Вьжупиться на волю по указу смогло не более тысячи крестьян мужского пола. Столь же ограниченный характер носил закон 1848 г., по которому помещичьи крестьяне могли покупать недвижимую собственность. Стать владельцем земли крестьянин мог только с согласия своего помещика. Все эти меры не касались основ крепостного строя и затрагивали ничтожное меньшинство крепостных крестьян.

Инвентари. Осторожный подход был характерен для правительства и

при составлении так называемых инвентарей, которое велось с 1844 г. в западных губерниях. Здесь, на территории Правобережной Украины и Белоруссии помещиками были в основном представители польской шляхты, многие из которых были замешаны в восстании1830—1831 гг. Стремясь ослабить их экономически, власти подготовили и провели инвентарную реформу, согласно которой правительственными чиновниками проводилось описание имений и четкое определение повинностей и земельных наделов крестьян. Сведения, занесенные в инвен-тари, в дальнейшем не подлежали изменению. Инвентарные правила не улучшили положение украинского и белорусского крестьянства, но они определили направление правительственного вмешательства в отношения между помещиками и крепостными. Дворянство восприняло инвентари как нарушение владельческого права, под его давлением они не были введены в Северо-Западном крае.

Итог правительственной политики в крестьянском вопросе был подведен Секретным комитетом 1848 г., где были отвергнуты все предложения о реформировании крепостной деревни и подчеркнута важность сохранения помещичьего землевладения, которое связывалось с существовавшими в стране политическими институтами: «Основанием России было и должно быть самодержавие, власть помещика как поземельного владельца есть орудие и опора самодержавной власти». Неспособность решить назревший крестьянский вопрос свидетельствовала о кризисе самодержавной инициативы, она предопределила конечную неудачу всей внутренней политики Николая I.

Городское самоуправление. Неудачной попыткой сословной регламентации стало преобразование городского самоуправления в 1846 г. Было разработано Положение об общественном управлении Петербурга, которое противоречило екатерининской Жалованной грамоте городам. В соответствии со строгим сословие-иерархическим принципом городское общество делилось на пять сословий. Высшим сословием считалось потомственное дворянство, что усиливало его позиции в органах городского самоуправления. Закон получил одобрение дворянства, которое ходатайствовало о его распространении и на другие крупные города, прежде всего на Москву. Одновременно он вызвал многочисленные нарекания купцов, мещан и ремесленников, которые усмотрели в нем стремление дворянства контролировать торговлю и промышленность.

В целом социальная политика Николая I была последовательна, но недальновидна. Она противоречила объективному ходу экономического и общественного развития России. Стремление сохранить и укрепить

сословное деление общества выявило узость социальной базы самодержавия, расширение которой было проблематично. Внутриполитическая стабильность обеспечивалась военно-полицейскими мерами и вела к резкому повышению роли бюрократического аппарата в управлении страной. Герцен писал: «Казарма и канцелярия стали главной опорой николаевской политической науки. Слепая, лишенная здравого смысла дисциплина, в сочетании с бездушным формализмом… таковы пружины знаменитого механизма сильной власти в России. Какая скудость правительственной мысли, какая проза самодержавия, какая жалкая пошлость!»

Следствием внутренней политики николаевского самодержавия стали политический и социальный застой, экономическая отсталость, падение престижа верховной власти внутри страны и изоляция России на международной арене. Подводя итоги николаевскому царствованию, его современник ОМ. Соловьев писал: «Фрунтовики воссели на всех правительственных местах, и с ними воцарились невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки. Смотр стал целью общественной и государственной жизни. Вся Россия 30 лет была на смотру у державного фельдфебеля».

Глава 22. Общественная мысль николаевской России

§ 1. Воззрения Чаадаева

Русское общество после 14 декабря. Правление Николая I началось картечными выстрелами на Сенатской площади, арестами передовых представителей дворянского общества. По свидетельству современника, в Москве аресты навели «всюду и на всех такой ужас, что почти всякий ожидал быть схваченным и отправленным в Петербург». В дворянском обществецарили испуг, стремление оправдаться. Оно, по словам Герцена, «при первом ударе грома, разразившегося над его головой после 14 декабря, растеряло слабо усвоенные понятия о чести и достоинстве». После расправы над декабристами, говоря словами Ю. Самарина, «в развитии нашей общественности последовал насильственный перерыв».

Немногие сохранили достоинство и верность принципам. Общественным подвигом стал отъезд жен декабристов в Сибирь, чему резко противилось правительство, но что соответствовало давнему обычаю, согласно которому жена разделяла судьбу мужа. Женщины выступали в роли хранительниц духовных и этических традиций. Хозяйка литературного салона А. П. Елагина благоговейно чтила имя сослуживца ее мужа Г. С. Батенькова. Дом Елагиных, «республика у Красных ворот», был средоточием умственной жизни Москвы, в нем царили свободомыслие и терпимость.

По итогам следствия по делу декабристов правительство опубликовало «Донесение Следственной комиссии». Составитель «Донесения» недавний либерал Д. Н. Блудов называл тайные общества «скопищем кровожадных цареубийц», а в планах заговорщиков находил «едва вероятное и смешное невежество». Он тщательно проследил воздействие на декабристов передовой европейской мысли и обвинил их в подражательности. Движение понималось как «зараза извне привнесенная». «Донесение» призвано было убедить общественное мнение в случайности появления в России тайных обществ, в оторванности декабристов от российской действительности, в непатриотичности.

Николаевские идеологи охотно вспоминали национальный подъем 1812 г., патриотический энтузиазм эпохи наполеоновских войн. В

действительности казенный патриотизм, возведенный в ранг правительственной политики, был противоположен, прямо враждебен общественным настроениям александровского времени, когда все — и петербургские сановники, и члены московского Английского клуба, и военная молодежь — верили в единство исторических судеб русского и других европейских народов, чуждались идеи русской исключительности. Заграничные походы русской армии освобождали Европу от наполеоновского владычества. Высокий патриотизм солдат и офицеров переплетался с осознанием общеевропейского единства. Об этом тонко писал Пушкин: «Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове “отечество”!»

Николай I и его сановники никогда публично не признавали закономерности освободительных идей в России. Однако более прав был князь П. А. Вяземский, который вошел в историю как «декабрист без декабря». Разделяя конституционные устремления декабристов, он не входил в тайные общества, не верил в успех заговора и полагал, что «оппозиция у нас бесплодное и пустое ремесло». После 14 декабря Вяземский прозорливо заметил, что «ограниченное число заговорщиков ничего не доказывает, единомышленников у них немало, а через десять — пятнадцать лет новое поколение придет им на помощь». Мнение Вяземского подтверждали нравственно-политические отчеты III Отделения, которые отмечали недовольство дворянской молодежи, «самой гангренозной части империи», настоящим порядком вещей: «Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разных формах и чаще всего прикрывающийся маской русского патриотизма». Молодежь мечтала о конституции, уничтожении рангов и о свободе. Опасным казалось возвращение к «идеям Рылеева» — объединение «в кружки под флагом нравственной философии и теософии».

Такого рода кружок составили члены Общества любомудрия, после 14 декабря прекратившие свои тайные собрания, но объединившиеся вокруг журнала «Московский вестник». Среди них были живы настроения политического либерализма александровского времени, что давало основания III Отделению характеризовать их как «истинно бешеных либералов», чьи суждения отзываются «явным карбонаризмом». Подозреваемый в сочувствии к декабристам любомудр и поэт Д. В.

Веневитинов был подвергнут кратковременному аресту. Когда в 1832 г. бывший любомудр И. В. Киреевский начал издавать журнал «Европеец», который уже названием своим утверждал мысль об общности путей русской и европейской культуры, то его программная статья «Девятнадцатый век» обратила на себя внимание Николая I. В статье И. В. Киреевский воспевал либеральные ценности, на что император заметил: «Под словом “просвещение” он понимает свободу, деятельность разума означает у него революцию, а искусно отысканная середина не что иное, как конституция». Журнал был запрещен, однако философские искания, начатые любомудрами, были продолжены.

Кружок Н. В. Станкевича. Огромное значение в истории русского общества имел кружок Н. В. Станкевича, который возник в среде студентов Московского университета в 1831 г. и просуществовал, подвергаясь постоянным изменениям, до 1840 г. Он объединил талантливых представителей после декабристского поколения, интересовавшихся немецкой философией. Углубление в системы Шеллинга и Гегеля не было для них самоцелью, смысл обращения к классической немецкой философии объяснял И. В. Киреевский, чье влияние на молодежь в ту пору было значительно: «Чужие мысли полезны только для развития собственных. Философия немецкая вкорениться у нас не может. Наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта». В философии искали ключ к познанию российской действительности, занятия ею были естественной формой отхода от политической проблематики декабристского времени и ступенью на пути к социальным вопросам, которые стали играть ведущую роль в общественной мысли 1840-х гг.

Общественно-политические представления членов кружка отличались неясностью, хотя, как утверждал позднее К. С. Аксаков, они держались направления «большею частью отрицательного». Свидетельством размытости возникавших общественных направлений, их слабой дифференциации было то, что кружок Станкевича дал таких разных деятелей, как радикальный демократ, в конце жизни пришедший к идеям социализма, В. Г. Белинский, славянофил К. С. Аксаков, западник и будущий идеолог самодержавия М. Н. Катков, теоретик анархизма и идеолог революционного народничества М. А. Бакунин. Характерно, что, будучи членами кружка, Белинский и Аксаков были связаны тесной дружбой, в основе которой лежала общность воззрений «на Россию, на жизнь, на литературу, на мир».

Расправа над декабристами, оставившая по себе долгую память, всеобъемлющий и эффективный контроль III Отделения над состоянием умов дали возможность николаевскому правительству изменить характер и формы общественной жизни в России. Если для александровского времени было характерно существование разного рода общественных организаций, чье возникновение и деятельность не всегда отвечали намерениям властей, то после 14 декабря их численность резко уменьшается, а возникающие вновь обречены на безвестность, вовлекают в свою орбиту немногих единомышленников и быстро распадаются. Общественное движение практически замирает. В отношении литературы и особенно журналистики Николай I был сторонником твердых мер, исполнителями которых были А. Х. Бенкендорф и С. С. Уваров. По настоянию Уварова в 1834 г. был запрещен журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф», который пытался следовать либеральным традициям александровского времени. Уваров докладывал царю: «Революционное направление мысли, которое справедливо можно назвать нравственною заразою, очевидно обнаруживается в сем журнале». Он обвинял Полевого в нелюбви к России и утверждал: «Декабристы не истреблены: Полевой хотел быть органом их». Крайне редко выдавались разрешения на новые периодические издания, в журналистике тон задавали Ф. В. Булга-рин и Н. И. Греч, которые следовали указаниям III Отделения.

Утверждение николаевской идеократии вело к тому, что в общественной жизни России мысль стала доминировать над делом.

Студенческие кружки. Подтверждением этому были слабые попытки следовать примеру декабристов. В 1827 г. несколько студентов Московского университета, возглавляемые тремя братьями Критскими, вели разговоры о своем «отвращении к монархическому правлению», которое возникло у них под воздействием сочинений Пушкина и Рылеева. Они говорили о желательности создания тайной организации, ближайшей задачей которой было бы составление прокламации, обличавшей преступление царя перед русским народом. Деятельность кружка была быстро раскрыта, а его члены посажены в крепость. Бенкендорф счел необходимым донести императору, что Московский университет служит «очагом заразы».

Серьезным испытанием для николаевского режима стали события 1830–1831 гг. Июльская революция во Франции, революция в Бельгии, волнения в германских и итальянских землях, польское восстание и холерные бунты всколыхнули общественность. Это было время вновь возникшего интереса к политике, мечтаний о перемене правительственного курса. Московский студент Я. Костенецкий свидетельствовал, что он и его

товарищи расправу с восставшей Польшей считали «несправедливою, варварскою и жестокою: в поляках видели страдальцев за родину, а в правительстве нашем — жестоких тиранов, деспотов». Костенецкий и его единомышленники составили кружок, который возглавил Н. П. Сунгуров. Молодые люди считали себя преемниками дела декабристов и «для возбуждения ненависти к государю и правительству» предполагали «разослать по всем губерниям прокламации к народу». Они строили планы восстания, возмущения «черни московской» и захвата арсенала. В 1831 г. все члены кружка были арестованы и судимы. Некоторые из них были приговорены к смертной казни, замененной каторгой и ссылкой.

Недовольство вышло далеко за пределы небольшого кружка. III Отделение отмечало стремление московских студентов «овладеть общественным мнением, вступить в связь с военной молодежью». Среди недовольных были те, кто ориентировался на опыт Западной Европы, и их оппоненты, мечтавшие о реформах в русском духе. Правительство ответило распространением слухов об угрозе военной интервенции западных держав, о необходимости сохранить целостность империи. Волна национализма и казенного патриотизма захлестнула общество. Высочайшие манифесты о событиях в Царстве Польском, писал Блудов, который, по замечанию Вяземского, «получил литературную известность прологами своими к действиям палачей». Взятие Варшавы в августе 1831 г., которое совпало с Бородинской годовщиной, царь и его окружение восприняли как знаменательное совпадение, как повод для патриотических манифестаций.

Казенное противопоставление России и Европы. Уваровская идеология казенного патриотизма, положенная в основу николаевской идеократии, довела до предела принципиальное политическое и идейно-культурное противопоставление России и Европы, присущееманифестам М. М. Сперанского и Д. Н. Блудова. Она была универсальна и предназначалась разным слоям русского общества. Казенные идеи усердно утверждались журналистами и университетскими профессорами, они излагались в школьных учебниках и звучали на театральной сцене. Герой пьесы знаменитого тогда драматурга Нестора Кукольника восклицал: «Да знает ли ваш пресловутый Запад, / Что если Русь восстанет на войну, / То вам почудится седое море, / Что буря гонит на берег противный!»

В сентябре 1832 г., начиная курс лекций в Московском университет, историк М. П. Погодин, который прочно связал свою ученую карьеру и общественную репутацию с идеями казенного патриотизма, использовал победу над Наполеоном как аргумент, доказывающий превосходство

России над Европой: «Отразив победоносно такое нападение, освободив Европу от такого врага, низложив его с такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни в ком и нужная всем, может ли чего-нибудь опасаться Россия? Кто осмелится оспаривать ее первенство, кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества, если только она сего пожелает?» Погодин утверждал, что александровским царствованием завершился европейский период русской истории, а Николай I начал ее «своенародный», национальный период.

Это было предельно ясно выраженный разрыв с традициями екатерининского и александровского времени, когда Россия понималась как неотъемлемая и притом важная в политическом отношении часть Европы. Воздействие казенного патриотизма, утверждавшего превосходство самодержавной России над Европой, на российское общество было глубоким. Ушло в прошлое привычное для общественного сознания историко-культурное сопоставление российских и европейских порядков. Ему на смену пришло и прочно укоренилось противопоставление российских и европейских политических и социальных институтов, идея особого русского пути.

Внедряемая николаевскими идеологами, эта идея была воспринята и теми, кто не склонен был безоговорочно следовать уваровским восхвалениям православия, самодержавия и народности. Но в противовес казенному тезису о превосходстве России над Европой в идейно слабой и организационно разрозненной либеральной среде николаевского времени возникает концепция об отсталости России, отсталости изначальной, метафизической. Первоначально эта концепция была формой противостояния официальной идеологии. В известной мере она способствовала осмыслению причин реального отставания крепостной России от буржуазных государств Европы. Споры о российском превосходстве или отсталости в 1830-е гг. стали главным содержанием идейной жизни, на долгие годы они определили характер русской общественной мысли.

«Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Прологом великого спора о прошлом, настоящем и будущем России, о ее месте в семье просвещенных европейских государств, о русском народе и его роли в мировой истории, об истинном и казенном патриотизме стало «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, опубликованное в журнале «Телескоп» в 1836 г. Боевой офицер 1812 г., друг Пушкина и декабристов Чаадаев был ключевой фигурой общественной жизни николаевского времени, более четверти века он был зачинателем идейных споров и их

непременным участником, до конца жизни оставаясь, по его словам, противником «разнузданного патриотизма». Русскому обществу остался неизвестен весь цикл «Философических писем», над которыми Чаадаев работал во второй половине 1820-х гг., следствием чего стало неполное и искаженное восприятие его целостной философско-политической системы.

Исключительное влияние на русское общество оказали идеи, высказанные в знаменитом первом «Философическом письме», авторская дата которого 1 декабря 1829 г. В этом письме Чаадаев провозгласил разрыв России и Европы. Он писал об убожестве русского прошлого и настоящего, о величии Европы, признав тем самым основное положение уваровской идеологии.

Его позиция была зеркальным отражением официальных воззрений. Он как бы вывернул наизнанку формулу Бенкендорфа: «Прошлое России было блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение». Идея единства исторических судеб России и Европы Чаадаевым была утрачена. Его «Философическое письмо» свидетельствовало о том, что давление николаевской идеократии на русское общество давало плоды.

В первом «Философическом письме» Чаадаев писал: «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя… Исторический опыт для нас не существует, поколения и века протекли без пользы для нас. Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили». Причины отсталости России он усматривал во влиянии православия, унаследованного от «жалкой, глубоко презираемой» европейскими народами Византии.

Чаадаев какрелигиозный мыслитель. Чаадаев называл себя христианским философом, был увлечен идеями католицизма. Согласно Чаадаеву прогресс человечества связан исключительно с христианством: «Одно только христианское общество действительно руководимо интересами мысли и души. В этом и состоит способность к усовершенствованию новых народов, в этом и заключается тайна их цивилизации. Здесь, в какой бы мере ни проявлялся другой интерес, всегда окажется, что он подчинен этой могучей силе, которая в христианском обществе овладевает всеми свойствами человека, подчиняет себе все

способности его разума, не оставляет ничего в стороне, заставляет все служить осуществлению своего назначения. И этот интерес никогда не может быть удовлетворен до конца: он беспределен по самой своей природе; поэтому христианские народы должны постоянно идти вперед».

Христианство Чаадаев ставил выше ислама или буддизма не с точки зрения догматической, но отдавая должное его роли в стирании национальных различий и создания предпосылок единения народов. Он всецело разделял идею христианского единства и в этом отношении был последователем александровской мечты о создании единой европейской христианской нации. Правда, в отличие от Александра I, под христианством Чаадаев понимал прежде всего католическую веру. Протестантизм он считал возвращением мира «в разобщенность язычества», а на православие возлагал ответственность в бесплодности русской истории и культуры, упрекал его в порабощении народа: «И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели. Эта ужасная язва, которая нас изводит, в чем же ее причина? Не знаю, но мне кажется, одно это могло бы заставить усомниться в православии, которым мы кичимся».

Противопоставление католичества и православия служило Чаадаеву для выявления противопоставления общественно более важного — свободы и рабства. Утверждая религиозное и культурно-историческое различие России и Западной Европы, он искал пути его преодоления, намечая для русского общества своеобразно понимаемый путь к свободе. Более ясно он писал об этом в адресованной Бенкендорфу записке: «Мы должны приложить наши старания к тому, чтобы создать себе общественную нравственность, которой у нас еще не имеется. Если нам удастся утвердить ее на религиозном базисе, как это первоначально было сделано во всех странах христианского мира, и перестроить всю нашу цивилизацию на этих новых основах, мы в таком случае окажемся на истинных путях, по коим человечество шествует к выполнению своих судеб».

Присоединение России к духовной общности европейских народов осуществимо, по Чаадаеву, только на религиозной основе. В общем цикле «Философических писем» Чаадаев выдвинул идею воссоединения церквей, которую он понимал как идею Вселенской Церкви: «Ничего не понимает в

христианстве тот, кто не замечает его чисто исторической стороны, составляющей столь существенную часть вероучения, что в ней до некоторой степени заключается вся философия христианства, так как именно здесь обнаруживается, что оно сделало для людей и что ему предстоит сделать для них в будущем. В этом смысле христианская религия раскрывается не только как система нравственности, воспринятая в преходящих формах человеческого разума, но еще как божественная вечная сила, действующая всеобщим образом в мире сознаний, так что ее видимое проявление должно служить нам постоянным поучением. В этом и заключается смысл догмата символа веры о единой Вселенской Церкви». Намного опережая свое время, Чаадаев формулировал идеи экуменизма, далекие от интересов русского общества.

Оживление общественной жизни. Будучи опубликованным, первое «Философическое письмо» потрясло мыслящую Россию. Герцен сравнивал его с выстрелом, прозвучавшим в ночи и разбудившим целое поколение. Читателей привлекали общественно-политические идеи Чаадаева, который сурово судил николаевскую Россию, с обидным для национального чувства скептицизмом отзывался о ее будущем. В политическом плане его концепция была направлена против самодержавия, он стремился показать ничтожество николаевской России в сравнении со странами Западной Европы. Именно эта сторона чаа-даевской статьи вызвала наибольшие споры, возмущение дворянского общества и гонения властей. По докладу Уварова Николай I объявил Чаадаева сумасшедшим, редактор журнала «Телескоп» Н. И. Надеждин был сослан. Упоминать в печати о статье было запрещено.

В литературных салонах Москвы первое «Философическое письмо» вызвало споры, которые привели к оживлению общественной жизни, к возникновению на рубеже 1830—1840-х гг. новых идейных течений, славянофильства и западничества. Прямых последователей у него было мало, немногие принимали безотрадный чаадаевский пессимизм, неверие в творческие силы русского народа, католические симпатии. Однако постепенно, под влиянием неустанной чаадаевской проповеди, сформировалось особое направление русской мысли — русский католицизм. Его последователи восприняли ту сторону чаадаевского учения, которая была обращена к будущему. Самым известным из них был И. С. Гагарин, который перешел в католичество, эмигрировал и был основателем Славянской библиотеки в Париже. В 1840—1860-е гг. он деятельно стремился к практическому воплощению чаадаевских экуменистических идей.

В передовом русском обществе очень немногие сохранили невосприимчивость к идее особого русского пути, к учению о превосходстве или, напротив, отсталости России. Среди тех, кто не принимал внеевропейской судьбы России, были Пушкин, решительно возражавший Чаадаеву, и будущий славянофил П. В. Киреевский, которого бесила «проклятая чаадаевщи-на». Он пытался найти путь, что позволил бы соединить неприятие казенного патриотизма с чувством национальной гордости. Деятельным утверждением идей истинного патриотизма, вкладом П. В. Киреевского в сокровищницу национальной памяти стало собирание народных песен, к которому он приступил в начале 1830-х гг.

Многие, подобно Чаадаеву, приняли навязанный николаевскими идеологами тезис о противоположности России и Европы, который был достаточно характерен для времени в целом. Трактовали его по-разному, чаще всего, следуя за Погодиным. Недавний любомудр В. Ф. Одоевский утверждал: «Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным и через несколько времени слишком простым: Запад гибнет! Девятнадцатый век принадлежит России».

Со временем эволюционировали взгляды на будущую рольРоссии и самого Чаадаева. Со второй половины 1830-х гг. он не склонен был считать николаевскую систему неустранимой помехой на пути превращения России в центр европейской цивилизации: «Мы призваны, напротив, обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого. Не смейтесь: вы знаете, что это мое глубокое убеждение. Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу».

К началу1840-х гг. такой подход, свидетельствовавший о сближении погодинской и чаадаевской позиции, стал неприемлем для той части передовой общественности, которая сохранила верность либеральным традициям александровского времени.

§ 2. Славянофильство и западничество

«Замечательное десятилетие». В историю русского общества1840-е гг. вошли как «замечательное десятилетие», как время обостренных духовных исканий и идейных споров. Передовые деятели, чьи убеждения сформировались в те годы, называли себя «людьми сороковых годов» и

гордились этим наименованием. Это было поколение либералов-идеалистов, которое действовало в атмосфере более живой, чем в предшествующее десятилетие. Средоточием общественной жизни была Москва, где в литературных гостиных блистали П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, А. И. Герцен. Заметная роль принадлежала воспитанникам Московского университета, для которого «замечательное десятилетие» было блестящей эпохой. Именно в Москве спустя несколько лет после публикации «Философического письма» были высказаны принципиально новые воззрения на характер русского исторического развития, на его взаимосвязь с европейским.

Участники московских споров соединились в два кружка, названия которых имели полемический характер: кружок западников и кружок славянофилов. В этих кружках были разработаны воззрения, которые принято именовать славянофильством и западничеством и которые в действительности были разновидностями раннего российского либерализма.

Западники и славянофилы много спорили. Эти споры были парадоксальным отражением их глубокого внутреннего единства, на которое указал Герцен: «Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но неодинакая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно».

Московские споры в конечном счете сводились к обсуждению вопроса о положении народа, о крепостном праве. Они сыграли исключительную роль в пробуждении общественного внимания к судьбе русской деревни. В крепостном состоянии люди сороковых годов единодушно видели врага русского народа. И. С. Тургенев вспоминал: «В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца — с чем я поклялся никогда не мириться… Это была моя Аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить».

Тургенев принадлежал к западникам, однако с ним вполне был согласен А. С. Хомяков, который писал Ю. Ф. Самарину: «Наша эпоха, может быть, по преимуществу зовет и требует к практическому

приложению. Вопросы подняты, и так как это вопросы исторические, то они могут быть разрешены не иначе, как путем историческим, т. е. реальным проявлением в жизни. Для нас, русских, теперь один вопрос всех важнее, всех настойчивее. Вы его поняли и поняли верно». Вопрос этот — крестьянский, вопрос о крепостном праве в России. Враг был общим.

Исторический смысл споров западников и славянофилов раскрыл их современник П. В. Анненков: «Между партиями таилась, однако же, одна связь, одна примиряющая мысль, более чем достаточная для того, чтоб открыть им глаза на общность цели, к которой они стремились с разных сторон… Связь заключалась в одинаковом сочувствии к порабощенному классу русских людей и в одинаковом стремлении к упразднению строя жизни, допускающего это порабощение или даже именно на нем и основанного».

Славянофильство и западничество, возникшие в условиях кризиса крепостных отношений, отразили попытки деятелей раннего российского либерализма создать целостные концепции преобразования страны. В основе своей спор западников и славянофилов был спором о выборе пути предстоящих буржуазных преобразований: европейском, который понимался западниками как универсальный, либо особом, русском, в возможность которого верили славянофилы.

Возникновение западничества и славянофильства было подготовлено всем ходом общественного развития после 14 декабря, к их окончательной кристаллизации привела публикация «Философического письма». Вслед за Чаадаевым славянофилы и западники приняли утверждение официальной идеологии о том, что «Россия — вне Европы». Даже Белинский, который стоял на позициях радикального западничества, писал: «Россию нечего сравнивать с старыми государствами Европы, в которых история шла диаметрально противоположно нашей, и давно уже дала и цвет, и плод».

Западники и славянофилы были близки в подходе к русскому прошлому, которое они считали отличным от прошлого европейских народов. При этом славянофилы воспевали светлый идеал Древней Руси, а западники отрицали саму мысль о сравнении древнерусского прошлого с великим европейским Средневековьем. Одни идеализировали старую Русь, другие рисовали ее одной черной краской.

Острые споры шли о будущем. Западники верили в европейское будущее России, восхищались делом Петра I и мечтали о дальнейшей европеизации страны. Россия не Европа, но она должна стремиться ею стать — примерный ход их рассуждений. Славянофилы порицали Петра I за раздор и насилие, внесенные в русскую жизнь, внимательно изучали

общину, в которой видели залог русского решения социальных вопросов, гарантию от «язвы пролетариатства». Россия не Европа, и до тех пор, пока это так, в ней невозможна революция, полагали славянофилы.

Не принимая крепостные порядки, славянофилы и западники единодушно подвергали сомнению и другие стороны николаевской системы, ее внутреннюю и внешнюю политику. Они отстаивали свободу совести, слова, печати, общественного мнения, принципиально отрицали революционные преобразования и верили в реформы, проведенные сверху. Для их общественных представлений было характерно стремление жить, как писал славянофил Самарин, «повернувшись спиной к вопросам политическим». Политическим интересам передового общества александровского времени — конституция, республика, военная революция — они противопоставляли социальные проблемы — крестьянская реформа, согласие сословий, общественное воспитание. Главным своим делом они считали прекращение крепостных отношений.

А. С. Хомяков и его единомышленники. Хомяков утверждал: «Глупо с нашей стороны давать себе вид политических действователей. По сущности мысли своей мы не только выше политики, но даже выше социализма». Хомяков исходил из представления о несправедливости общественного устройства как в Европе, так и в России. Вместе с тем он указывал на принципиальное отличие русского уклада жизни от европейского и это отличие он видел в «хлебопашественной общине». Согласно Хомякову английская и французская формы гражданского быта обрекают большинство населения на «вечное пролетарство», доводят «язву пролетарства до бесчеловечной и непременно разрушительной крайности». И тогда впереди «страшные страдания и революция».

Для России этот путь неприемлем и, по мнению Хомякова, невозможен, поскольку наличие общины позволяет избежать европейской борьбы «капитала и труда». Все члены общины «суть товарищи и пайщики», взаимопомощь является для них общественной обязанностью. Социальная борьба внутри общины исключена. Славянофильские представления об общине — социальная идиллия, во многом связанная с идеалами европейского социализма, и не случайно воззрения Хомякова и его единомышленников оказали заметное воздействие на герценовское учение о «русском социализме».

Исходная общность воззрений не препятствовала принципиальным спорам, начало которым было положено в 1839 г., когда И. В. Киреевский и А. С. Хомяков, поэт и философ, когда-то убеждавший Рылеева в недопустимости военной революции, обменялись посланиями, где

содержался ответ и Чаадаеву, и сторонникам официальной идеологии. Вместо противопоставления России и Европы Хомяков ставил вопрос по-иному: «Что лучше, старая или новая Россия? Много ли поступило чуждых стихий в ее теперешнюю организацию? Приличны ли ей эти стихии? Много ли утратила она своих коренных начал, и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?» Соглашаясь с Хомяковым, И. В. Киреевский заметил: «Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучшетеперь».

С этого обмена посланиями началась история славянофильства и славянофильского кружка. Зачинатели славянофильства пытались в форме историко-философских размышлений наметить программу российского либерализма. Хомяков указывал на прекрасное и святое значение слова «государство»; подчеркивал необходимость для России сильной центральной власти, но мечтал о времени, когда в «просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет Древняя Русь». Называя достоинства старой Руси, которые следует воскресить, Хомяков не столько идеализировал прошлое, сколько перечислял преобразования, необходимые николаевской России: «грамотность и организация в селах»; городской порядок, распределение должностей между гражданами; заведения, которые облегчали бы «низшим доступ к высшим судилищам»; суд присяжных, суд словесный и публичный. В допетровской Руси, считал Хомяков, не существовало крепостного права, «если только можно назвать правом такое наглое нарушение всех прав»; было равенство, почти совершенное, всех сословий, «в которых люди могли переходить все степени службы государственной и достигать высших званий и почестей». Не нарушалась свобода церкви. Власти собирали «депутатов всех сословий для обсуждения важнейших вопросов государственных». Хомяков излагал программу либеральных перемен, переведенную на язык исторических воспоминаний.

Вокруг А. С. Хомякова и И. В. Киреевского сложился славянофильский кружок, который объединял представителей дворянской общественности, получивших сходное образование и воспитание. Просуществовал кружок почти четверть века, его члены были хранителями либеральной традиции, играли роль общественной оппозиции правительству. Среди славянофилов были поэты, историки, экономисты, литературные критики, почти все они были связаны с Москвой и Московским университетом. Помимо зачинателей славянофильства,

видную роль в кружке играли К. С. и И. С. Аксаковы, П. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Д. А. Валуев, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский. Замечательной особенностью кружка было активное и равноправное участие в его делах женщин — А. П. Елагиной, Е. А. Свербеевой, Н. П. Киреевской, Е. М. Хомяковой, В. С. Аксаковой.

Признанным вождем славянофилов был А. С. Хомяков, который главной задачей считал воспитание общества на началах, указанных славянофилами. Эти начала он угадал в русском народе, отыскал в русской истории. Доказательством самобытности России он считал крестьянскую общину, которую понимал как союз людей, основанный на нравственном начале. Он утверждал: «Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его — не останется ничего; из его же развития может развиться целый гражданский мир». Он был устремлен в будущее и писал, обращаясь к «приятелю»: «Сделай одолжение, отстрани всякую мысль о том, будто возвращение к старине сделалось нашею мечтою. Одно дело: советовать, чтобы корней не отрубать от дерева и чтобы залечить неосторожно сделанные нарубы, и другое дело: советовать оставить только корни и, так сказать, снова вколотить дерево в землю. История светит назад, а не вперед, говорил ты; но путь пройденный должен определить и будущее направление. Если с дороги сбились, первая задача — воротиться на дорогу».

Огромное значение А. С. Хомяков, как и И. В. Киреевский, придавал православию — вере русского народа.

Из кружка Станкевича пришел к славянофильству К. С. Аксаков, чьи историко-публицистические работы богаты размышлениями о народе и народности, призывами «погрузиться в глубину русского духа». Он питал искреннюю неприязнь к «бесплодно-разрушительным революциям Европы», «безобразной бури Европейского Запада» противопоставлял «красоту тишины Европейского Востока». Он критиковал западную моду, делал попытки переодеться в русское платье. Одновременно он подчеркивал необходимость свободного развития всех народов, восклицая: «Да здравствует каждая народность!»

По его мнению, со времен Петра I самодержавие вело страну к революции. Сохранение петровской правительственной системы, которая делает из подданного раба, вызывает «революционные попытки, которые сокрушат, наконец, Россию, когда она перестанет быть Россией». Он обличал иго николаевского полицейского государства и рисовал идеальные отношения правительства и народа: «Правительству — неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая, народу — полная

свобода жизни и внешней, и внутренней, которую охраняет правительство. Правительству — право действия и, следовательно, закона; народу — право мнения и, следовательно, слова. Вот русское гражданское устройство! Вот единое истинное гражданское устройство!» По воззрениям К. С. Аксакова, народу принадлежали «неполитические» права: свобода слова, печати, общественного мнения, которому он придавал огромное значение: «Общественное мнение — вот чем самостоятельно может и должен служить народ своему правительству». Для выяснения общественного мнения власть обязана созывать Земские соборы.

В защите свободы слова К. С. Аксаков далеко превзошел всех деятелей раннего российского либерализма. Он писал брату Ивану: «Лучшеесредство уничтожить всякую вредность слова — есть полная свобода слова… Какой недостойный страх свободы! Все злое исчерпывается одним словом: рабство. Всякое благо исчерпывается одним словом: свобода. Надо, наконец, понять, что рабство и бунт неразлучны, это два вида одного и того же. Надо понять, что спасение от бунта — свобода».

Западники. Московский кружок западников сложился к 1842 г. Во главе его стоял Т. Н. Грановский. В университете он читал курс истории Средних веков и, по выражению Герцена, «думал историей, учился историей и историей впоследствии делал пропаганду». Он был кумиром московского студенчества, которое учил «сочувствию к Европе». Он воспитывал молодое поколение для «долгого служения нашей великой России, России, преобразованной Петром, России, идущей вперед и с равным презрением внимающей и клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, и старческим жалобам людей, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак, вызванный ими из могилы». На его публичные лекции собирались лучшие представители дворянского общества. Чтения Грановского отличали здравый подход к вопросу о национальном достоинстве, внимание к правам личности и к общественным условиям, обеспечивающим эти права. Он рассказывал о конституционных гарантиях и парламентском устройстве европейских стран, не скрывал своего неприятия казенного патриотизма, противостоящего европейскому просвещению. Обращение Грановского и его единомышленников к историческому опыту Западной Европы проистекало из неприятия крепостной действительности николаевской России. Идеал западников, писал И. С. Тургенев, «был свойства весьма определенного и однородного, хотя именовался и именуется доселе различно: наукой, прогрессом, гуманностью, цивилизацией — Западом, наконец».

В университете вокруг Грановского объединились молодые профессора С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, П. Г. Редкий, П. Н. Кудрявцев, А. И. Чивилев, чья общественная деятельность стала естественным продолжением научных занятий. Кроме коллег по университету к нему тяготели литераторы И. П. Галахов, В. П. Боткин, Н. Х. Кетчер, актер М. С. Щепкин. Во второй половине 1840 — начале 1850-х гг. московский кружок западников пополнили В. Ф. Корш, М. Н. Катков, И. К. Бабст, И. В, Вернадский, П. М. Леонтьев, Б. Н. Чичерин — фигуры, заметные в научном и общественном мире, но внутреннее единство оказалось нарушенным.

В спорах со славянофилами западники ощущали поддержку А. И. Герцена и Н. П. Огарева, но в их отношениях всегда дремали «зачатки злых споров 1846 года», когда герценовский материализм и атеизм был отвергнут Грановским. В следующем году Герцен уехал за границу.

Заметную роль играл петербургский кружок западников, который возглавлял Белинский, чье ближайшее окружение составляли литераторы П. В. Анненков, И. И. Панаев, И. Д. Галахов. Петербургское западничество отличалось от московского принципиальностью и бескомпромиссностью. Если Белинский постоянно обличал и высмеивал славянофилов, то Грановский высказывался за согласие западников и славянофилов. Его соратник Н, А. Мельгунов ждал даже появления третьей, высшей партии, которая признает необходимость и равнозначность обоих направлений и неоспоримо докажет, что «Россия есть Россия, но вместе и часть Европы».

К петербургским западникам примыкали писатели И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, А. Ф. Писемский, В. А. Соллогуб, М. Е. Салтыков-Щедрин, литературные критики А. В. Никитенко, А. В. Дружинин, В. Н. Майков, экономист В. А. Милютин, издатель журнала «Отечественные записки» А. А. Краевский. Влияние литераторов-западников на русских читателей было исключительно велико. Западнические «Отечественные записки» и «Современник», где сотрудничал Белинский, широко расходились по России. Салтыков-Щедрин вспоминал, как, «воспитанный на статьях Белинского», он «естественно примкнул к западникам».

Славянофилы в николаевское время постоянного печатного органа не имели, и образованная Россия судила об их учении из вторых рук, в пересказе, часто недоброжелательном. III Отделение поощряло Краевского к «помещению в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней».

Общественное мнение и крепостной строй. Славянофилы и западники постоянно стремились к возбуждению в общественном мнении вопроса о

крепостных отношениях. В 1841 г. западник А. П. Заблоцкий-Десетовский составил записку «О крепостном состоянии в России», в 1847 г. славянофил А. И. Кошелев опубликовал в «Земледельческой газете» статью, где доказывал преимущества «охотного», вольного труда перед трудом невольным.

Размышления над социальными вопросами подготовили славянофилов к зрелому восприятию событий 1848 г. Замечателен отклик Ю. Ф. Самарина на Февральскую революцию во Франции. Ученик Хомякова писал, что «в основе своей революция не есть политическая, а социальная», что «не столько форма правления вызвала против себя восстание, сколько слишком долго непризнанные требования рабочего класса». Утверждая, что европейская борьба «между представителями капитала и представителями труда» не касается России, он вместе с тем делал вывод: «нельзя сидеть сложа руки, лучше признать чистосердечно необходимость коренного преобразования и совершить его правомерным путем. Это, по-моему, лучшее и единственно возможное средство обессилить и победить коммунизм». Такой взвешенный либеральный подход Ю. Ф. Самарин пытался провести в жизнь, долгие годы работая над освобождением крестьян в России.

Крымскую войну люди сороковых годов восприняли как воплощение в николаевской внешней политике казенного тезиса об изначальной противоположности интересов России и Европы. Многих из них пугала мысль о возможности победы Николая I. Западник Е. М. Феоктистов вспоминал о настроениях в кружке Грановского: «Конечно, только изверг мог бы радоваться бедствиям России, но Россия была неразрывно связана с императором Николаем, а одна мысль, что Николай выйдет из борьбы победителем, приводила в трепет. Торжество его было бы торжеством системы, которая глубоко оскорбляла все лучшие чувства и помыслы образованных людей и с каждым днем становилась невыносимее. Ненависть к Николаю не имела границ».

В годы войны славянофилы и западники занялись разработкой конкретных проектов освобождения крепостных крестьян. Над обстоятельными записками о будущей реформе работали Самарин, Кавелин, Кошелев, Черкасский. Они чутко реагировали на нарастающее недовольство народа, на военные поражения и хозяйственные неурядицы и были озабочены тем, чтобы найти выход из политического и экономического кризиса, предотвратить социальный взрыв.

После воцарения Александра II отношение западников и славянофилов к правительству изменилось. Подчеркивая, что почин в осуществлении

реформ — прерогатива самодержавной власти, они взяли курс на сотрудничество с ней. Специальным органом, где обсуждались вопросы крестьянской реформы, стал издаваемый Кошелевым журнал «Сельское благоустройство». Самарин, Кавелин, Кошелев, Чичерин, Черкасский искали пути реализации тех идей, которые были высказаны в недавних московских спорах. Многие из них участвовали в работе губернских по крестьянскому делу комитетов и в Редакционных комиссиях, они показали себя умелыми и опытными практическими деятелями. «Человеком реформы» называли современники Ю. Ф. Самарина, чей вклад в дело освобождения крестьян был исключительным.

На почве практической работы в канун крестьянской реформы позиции западников и славянофилов неуклонно сближались. Они обретали единство, недоступное в николаевское время. В предреформенные годы они решительно отмежевались от Герцена и его антиправительственных призывов. Кавелин и Чичерин обратились к создателю Вольной русской типографии с программным письмом, где высказали уверенность, что «только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов». Разрыв между демократией и либерализмом, который в Соколовских спорах 1846 г. обозначился как разногласия по религиозно-философским вопросам, требовал четкого определения общественно-политической позиции. Кавелин и Чичерин сделали свой выбор, обратившись к А. И. Герцену со словами: «Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отзыва, и ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторской трибуной, возбуждает у нас лишь негодование и отвращение».

После 19 февраля 1861 г. кружки западников и славянофилов окончательно прекратили свое существование. Мнение остававшихся в живых участников споров сороковых годов выразил Черкасский: «В настоящую минуту и прежнее славянофильство, и прежнее западничество суть уже отжитые моменты, и возобновление прежних споров и прежних причитаний было бы чистым византизмом».

§ 3. Зарождение «русского социализма»

Европейские социалистические идеи и русское общество. Вторая четверть XIX в. была временем быстрого распространения в Европе социалистических идей, которые обретали силу во Франции, Англии и в германских землях. Разновидности социализма находили выражение в сочинениях мыслителей, политиков и модных писателей. Труды Сен-

Симона, Ф. Р. Ламеннэ, Ш. Фурье, В. Консидерана, Э. Кабэ, Б. Дизраэли, Р. Оуэна, Жорж Санд, позднее К. Маркса и П. Ж. Прудона входили в круг чтения просвещенной публики. Социалистическая идея была проста и привлекательна. В ее основе лежали отрицание принципа частной собственности, критика буржуазных отношений и вера в возможность построения общества, где не будет эксплуатации человека человеком. Такое общество именовалось коммунистическим. Объективной основой интереса к социализму были глубокие противоречия, характерные для раннебуржуазного общества, где свободная конкуренция не имела социальных ограничений, что порождало глубочайший антагонизм между богатыми и бедными. Кризис традиционного общества и повсеместное крушение «старого порядка» с их сословной определенностью воспринимались многими современниками как убедительное свидетельство необходимости новых общественных отношений.

Идеи социализма проникали и в Россию. Обличая подражательность дворянского общества, которое петровскими реформами было оторвано от русского народа, Хомяков высмеивал переменчивость общественных настроений от екатерининского к николаевскому времени. Он верно писал о том, как на смену энциклопедистам французского толка пришли немецко-мистические гуманисты, которых в настоящую минуту готовы потеснить «тридцатилетние социалисты». Зачинатель славянофильства заключал: «Грустно только видеть, что эта шаткость всегда готова брать на себя изготовление умственной пищи для народа. Это грустно и смешно, да, к счастью, оно же и мертво, и по тому самому не прививается к жизни». Хомяковское утверждение о том, что социализм в России мертв, что его идеи чужды простому народу, было опрометчиво. Более прав был обладавший поразительной социальной зоркостью Чаадаев, когда утверждал: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники».

Зарождение интереса к социалистическим учениям относится к началу 1830-х гг. и было связано с тем вниманием, с каким передовые слои русского общества следили за революционными переменами 1830–1831 гг. в Западной Европе, когда впервые социализм вышел на политическую арену. В 1831 г. среди студентов Московского университета сложился кружок, где главную роль играли А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Взгляды молодых людей, среди которых были Н. И. Сазонов, В. В. Пассек, Н. Х. Кетчер, Н. М Сатин, не отличались определенностью, они проповедовали «свободу и борьбу во все четыре стороны». Члены кружка исповедовали преклонение перед идеалами декабристов и Французской революции,

отвергали казенный патриотизм, сочувствовали восставшим полякам, читали западноевропейскую политическую литературу. Через три года после возникновения кружка его члены, обвиненные в пении «пасквильных песен», каковыми власти считали свободолюбивые песни Беранже, были арестованы и сосланы. Кружок Герцена и Огарева стал первым, где вполне определенно проявился интерес к идеям социализма, которые понимались как «целый мир новых отношений между людьми». Члены кружка обсуждали сочинения Фурье и Сен-Симона и, по словам Огарева, клялись: «посвятим всю жизнь народу и его освобожденью, основою положим социализм».

Молодые студенты были далеки от самостоятельной разработки социалистических идей. Столь же далеки от этого были многочисленные русские почитатели романов Жорж Санд, которая воспевала социальное равенство и равноправие женщин. Вместе с тем в обществе постепенно происходили перемены, которые дали основание И. В. Киреевскому заявить, что вопросы политические, занимавшие людей предшествующего поколения, удаляются на второй план и что передовые мыслители «переступили в область вопросов общественных».

В. Г. Белинский. Выдающуюся роль в этом процессе сыграл В. Г. Белинский. Литературный критик, чей журнальный дебют пришелся на середину тридцатых годов, он был подлинным властителем дум молодежи. На его статьях воспитывалось не одно поколение. И. С. Аксаков признавал: «Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни». В подцензурной печати Белинский умел отстаивать идеи подлинного демократизма, социальной справедливости и личной свободы. Он первым из русских публицистов заговорил о значении социальных вопросов, будущее решение которых он увязывал с отстаиванием прав свободной личности: «Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность».

Идейная эволюция Белинского была непростой, для него были характерны крайности, переход из одной стадии развития в другую. Общественные перемены, необходимость которых была для него очевидна, он связывал то с просвещением народа, то с самодержавной инициативой, то с революционными переворотами. В разное время он восторженно писал о якобинцах и Николае I. Сила Белинского заключалась в его искренности и умении убеждать. Начало «замечательного десятилетия» он встретил, примирившись с николаевской действительностью, которую он оправдывал, неверно понимая формулу Гегеля «все действительное

разумно». Преодолев «насильственное примирение», Белинский пришел к идее «воспитания в социальности». Его девизом в 1840-е гг. стали слова: «Социальность, социальность — или смерть!» Отсюда Белинский делал вывод: «Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови». Критика общественных отношений прошлого и настоящего — «отрицание — мой Бог» — связана у него с верой в золотой век будущего. Эта вера естественным образом вела к идее социализма, которая, как он признавал, «стала для меня идеей идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Все из нее, для нее и к ней».

Социализм Белинского — мечта о великой и свободной России, где нет ни крепостного права, ни самодержавного произвола. Его социалистическая идея заключала в себе и критику буржуазного общества, которую он вел с демократических и патриотических позиций: «Не годится государству быть в руках капиталистов, а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма. Для них война или мир значит только возвышение и упадок фондов — далее этого они ничего не видят».

Большое влияние на Белинского оказали идеи христианского социализма. Он писал: «Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос сдаст свою власть Отцу, а Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею».

В 1847 г., незадолго до смерти, Белинский написал знаменитое зальцбруннское письмо к Гоголю, которое стало его политическим завещанием. Критикуя «фантастическую книгу» Гоголя, его «Выбранные места из переписки с друзьями», содержавшую оправдание деспотизма и крепостничества, Белинский говорил о почетной роли русских писателей, в которых общество видит «своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности». Он описывал николаевскую Россию как страну, где «люди торгуют людьми», где «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». Отвергая религиозно-политические наставления Гоголя, он писал, что России «нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувствачеловеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по

возможности, их выполнение».

За чтение вслух этого письма Достоевский был приговорен к смертной казни. Итоговый вывод Белинского дает основание видеть в нем прежде всего твердого защитника права и гражданского достоинства, тех ценностей, что соединяли российский либерализм и российскую демократию: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого исполнения хотя тех законов, которые уже есть».

Белинский был беспощадным обличителем не только официальной идеологии, но и славянофильства. Западники причисляли его к «нашим». Но примечательно признание Герцена: «Кроме Белинского, я расходился со всеми». В философских спорах, которые вели люди сороковых годов, Белинский уступал многим, но его убежденность в необходимости стремиться к практическим действиям делала его, по словам И. С. Тургенева, «центральной натурой» своего времени. Под воздействием общения с Белинским Герцен писал: «Я было затерялся (по примеру XIX века) в сфере мышления, а теперь снова стал действующим и живым до ногтей, самая злоба моя восстановила меня во всей практической доблести, и, что забавно, на самой этой точке мы встретились с Виссарионом и сделались партизанами друг друга. Никогда живее я не чувствовал необходимости перевода, — нет — развития в жизнь философии». В общественной жизни России Герцен и Белинский действительно занимали особую позицию, выступая провозвестниками идей социализма. Прямых последователей у них было немного. К ним можно отнести Н. П. Огарева и М. А. Бакунина.

Кружок петрашевцев. Утверждению социалистических идей в России способствовал М. В. Буташевич-Петрашевский, воспитанник Царскосельского лицея, служивший переводчиком на петербургской таможне. В его обязанности входил досмотр иностранных книг, ввозимых в Россию, что дало ему возможность составить богатую библиотеку, которая включала социалистическую литературу. В середине 1840-х гг. в его квартире стала собираться передовая молодежь — чиновники, офицеры, студенты, литераторы. Они читали книги, некоторые из которых были запрещены в России, обсуждали их и делали попытки приложить прочитанное к российской действительности. На «пятницах» Петрашевского побывало немало известных людей: литераторы М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, А. Н. Плещеев, Н. Г. Чернышевский, художник П. А. Федотов. Помимо Петрашевского видную

роль играли люди из его ближайшего окружения: С. Ф. Дуров, Н. А. Спешнев, Д. Д. Ахшарумов, Н. С. Кашкин. Пропаганду социалистических идей среди студентов петербургского университета вел Н. Я. Данилевский, будущий автор книги «Россия и Европа».

Распространению передовых идей служил «Карманный словарь иностранных слов», который задумал Петрашевский. В нем объяснялись слова, ключевые для понимания систем Фурье и Сен-Симона, растолковывались идеалы Французской революции. Один из петрашевцев вспоминал: «Петрашевский с жадностью схватился за случай распространить свои идеи при помощи книги, на вид совершенно незначительной; он расширил весь ее план, прибавив к обычным существительным имена собственные, ввел своей властью в русский язык такие иностранные слова, которых до тех пор никто не употреблял, — все это для того, чтобы под разными заголовками изложить основания социалистических учений, перечислить главные статьи конституции, предложенной первым французским учредительным собранием, сделать ядовитую критику современного состояния России и указать заглавия некоторых сочинений таких писателей, как Сен-Симон, Фурье, Гольбах, Кабэ, Луи Блан».

Направление кружка Петрашевского было социалистическим. Глава кружка, как позднее отмечала следственная комиссия, «доводил посетителей своих до того, что они если и не все делались социалистами, то уже получали на многое новые взгляды и убеждения и оставляли собрания его более или менее потрясенными в своих верованиях и наклонными к преступному направлению».

Для Петрашевского социализм был не «прихотливой выдумкой нескольких причудливых голов, но результатом развития всего человечества». Среди социалистических систем он отдавал предпочтение учению Фурье, где основной упор делался на общественной организации труда, социальной гармонии и полном удовлетворении материальных и духовных потребностей личности. Фурье верил в силу примера и в мирный переход к социалистическим отношениям. Он пропагандировал фаланстер — ячейку будущего, и петрашевцы делали попытки введения фаланстеров в России. Русские фурьеристы были радикальнее Фурье, и на обеде, посвященном его памяти, Петрашевский говорил: «Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить». Там же выступил Ахша-румов, причудливо соединив красивую утопию, разрушительные принципы и убеждение в близости социалистических перемен, начало которым будет положено в России: «Разрушить столицы,

города и все материалы их употребить для других зданий, и всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах — вот цель наша. Мы здесь, в нашей стране начнем преобразование, а кончит его вся земля. Скоро избавлен будет род человеческий от невыносимых страданий».

Среди участников «пятниц» шли неопределенные разговоры о необходимости преобразований, под которыми понимались как «перемена правительства», так и усовершенствование суда, отмена сословных привилегий. Они говорили об устройстве России на федеративных началах, когда отдельные народы будут жить, основываясь на своих «законах, обычаях и правах».

Петрашевцы отвергали казенный патриотизм, порицали страну, где жизнь и воздух «отравлены рабством и деспотизмом». Особую ненависть вызывал Николай I — «не человек, а изверг». Петрашевцы критиковали все: правительство и бюрократический аппарат, законодательство и судебную систему. Они полагали, что «Россию по справедливости называют классической страной взяточничества». Главным злом русской жизни они считали крепостное право, когда «десятки миллионов страдают, тяготятся жизнью, лишены прав человечества». Отмена крепостного права виделась ими как мера, на которую обязано пойти само правительство. Петрашевский стоял за реформы, проведенные сверху, но в кружке допускались разговоры и о «всеобщем взрыве». Петрашевцы полагали, что все «зависит от народа». Радикально настроенный Спешнев утверждал, что будущая революция будет народным крестьянским восстанием и вызовет его крепостное право. Он даже разрабатывал план, как «произвести бунт внутри России через восстание крестьян». Его точку зрения разделяли немногие.

Под впечатлением европейских событий 1848 г. некоторые члены кружка, «пятницы» которого носили открытый характер, задумали создание тайного общества. Свою цель они видели в том, чтобы «не щадя себя, принять полное открытое участие в восстании и драке». Дальше разговоров дело не пошло, и позднее следствие признало, что «собрания Петрашевского не представляли собой организованного тайного общества».

Весной 1849 г. основных участников собраний у Петрашевского арестовали. Власти были хорошо информированы о том, что происходило на «пятницах», и решили положить предел опасным разговорам. Следствие по делу петрашевцев выявило столкновение интересов двух ведомств:

Министерства внутренних дел, которое настаивало на раскрытии серьезного антиправительственного заговора, и III Отделения, чины которого говорили о «заговоре идей». Приговор военного суда был суров: 21 человек, в том числе Петрашевский и Достоевский, были приговорены к расстрелу, который в последнюю минуту заменили каторжными работами. Главными пунктами обвинения были замыслы на ниспровержение государственного устройства и на «совершенное преобразование быта общественного». Любопытно, что Данилевский, не скрывавший своего участия в пропаганде фурьеризма, был наказан мягко, поскольку избегал разговоров на политические темы. Сами по себе идеи социализма не казались николаевским властям опасными.

Духовная драма А. И. Герцена. После 1848 г. интерес русского общества к идеям социализма не уменьшился. Герцен был непосредственным свидетелем революционных событий во Франции: свержение короля Луи-Филиппа, провозглашение республики, приход к власти последовательных выразителей интересов того класса, который он называл «мещанством» и который в действительности был буржуазией. Он приветствовал крушение старого порядка в Европе, гарантами которого были Николай I и Меттерних. Однако дальнейшее развитие революции стало для Герцена потрясением, его духовной драмой. Он видел, как новые власти ограничивали права простого народа, как республиканский генерал Кавеньяк расстрелял мирную демонстрацию парижских рабочих, выдвигавших социальные требования. Герцен пришел к разочарованию в политической революции и в «мещанской цивилизации» Запада, он утвердился в представлении о противоположности путей развития России и Европы. Духовная драма не означала разочарования в идеалах социализма.

Для Герцена европейские революционные потрясения стали прологом, репетицией будущего. В 1850 г. он обращался к славянофилам как бы от имени западников: «Любой день может опрокинуть ветхое социальное здание Европы и увлечь Россию в бурный поток огромной революции. Время ли длить семейную ссору и дожидаться, чтобы события опередили нас, потому что мы не приготовили ни советов, ни слов, которых, быть может, от нас ожидают? Да разве нет у нас открытого поля для примирения? А социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, — разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку».

Строя здание «русского социализма», Герцен, оторванный от России, заблуждался относительно западников и славянофилов. Социализм был чужд Хомякову и Грановскому, Самарину и Кавелину. Крестьянская

община, «открытая» славянофилами, была для них не предпосылкой социализма, как для Герцена, но условием, исключающим появление в России пролетариата. Герцена и славянофилов роднила вера в незыблемость общинных устоев. Герцен был уверен: «Уничтожить сельскую общину в России невозможно, если только правительство не решится сослать или казнить несколько миллионов человек».

Общинный социализм. Об этом он писал в статье «Россия», в цикле работ, созданных в разгар николаевского «мрачного семилетия». Немало позаимствовав у славянофилов, Герцен обратился к общине, которая существует в России «с незапамятного времени» и благодаря которой русский народ стоит ближе к социализму, чем народы европейские: «Я не вижу причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития, не вижу я также, почему цивилизация будущего должна непременно подчиняться тем же условиям существования, что и цивилизация прошлого». В этом утверждении суть герценовского «русского», или общинного, социализма. Для Герцена крестьянская община была залогом нравственного здоровья русского народа и условием его великого будущего. Русский народ «сохранил лишь одну крепость, оставшуюся неприступной в веках, — свою земельную общину, и в силу этого он находится ближе к социальной революции, чем к революции политической. Россия приходит к жизни как народ, последний в ряду других, еще полный юности и деятельности, в эпоху, когда другие народы мечтают о покое; он появляется гордый своей силой, в эпоху, когда другие народы чувствуют себя усталыми и на закате».

Герцен писал: «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владенья и общинного управления, — и идет вместе с работ — ничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука».

Экономические принципы крестьянской поземельной общины он понимал, вслед за славянофилами, как равенство и взаимопомощь, отсутствие эксплуатации, как гарантию того, что «сельский пролетариат в России невозможен». Он особо подчеркивал, что общинное землевладение противостоит принципу частной собственности и, стало быть, может быть основой построения социалистического общества. Он писал: «Сельская община представляет собой, так сказать, общественную единицу, нравственную личность; государству никогда не следовало посягать на нее; община является собственником и объектом обложения; она ответственна

за всех и каждого в отдельности, а потому автономна во всем, что касается ее внутренних дел». Принципы общинного самоуправления Герцен полагал возможным распространить на городских жителей и на государство в целом. Он исходил из того, что общинныеправа небудутограничивать права частных лиц. Герцен строил социальную утопию, это была разновидность европейского утопического сознания. Вместе с тем это была попытка разработать оригинальное социалистическое учение, основанное на абсолютизации исторических и социально-политических особенностей России. Со временем на основе построений Герцена развились теории русского, или общинного, социализма, которые стали сутью народнических воззрений.

Особое внимание Герцен обращал на уничтожение препятствий, которые мешают идти «навстречу социализму». Под ними он понимал императорскую власть, которая со времен Петра I вносит политический и социальный антагонизм в русскую жизнь, и помещичье крепостное право, «позорный бич», тяготеющий над русским народом. Первостепенной задачей он считал освобождение крестьян при условии сохранения и укрепления общинного землевладения. Инициативу в освобождении он предлагал проявить то российскому дворянству, то правительству, но чаще он говорил об освободительном характере будущей социальной революции. Здесь его взгляды не отличались последовательностью.

Вольная русская типография. В 1853 г. им была основана в Лондоне Вольная русская типография. Он говорил: «Если я ничего не сделаю больше, то эта инициатива русской гласности когда-нибудь будет оценена». Первым изданием этой типографии стало обращение к русскому дворянству «Юрьев день! Юрьев день!», в котором Герцен провозглашал необходимость освобождения крестьян. Его страшила пугачевщина и, обращаясь к дворянам, он предлагал им подумать о выгодности «освобождения крестьян с землею и с вашим участием». Он писал: «Предупредите большие бедствия, пока это в вашей воле. Спасите себя от крепостного права и крестьян от той крови, которую они должны будут пролить. Пожалейте детей своих, пожалейте совесть бедного народа русского».

Излагая основы нового учения — общинного социализма, Герцен пояснял: «Слово социализм неизвестно нашему народу, но смысл его близок душе русского человека, изживающего век свой в сельской общине и в работнической артели». В первом произведении вольной русской прессы было высказано предвидение: «В социализме встретится Русь с революцией». В те годы сам Герцен был далек от веры в скорое

наступление революционных событий в России, еще меньше об этом думал его адресат — российское дворянство. В другой листовке «Братьям на Руси» он призывал дворянское общество и всех передовых людей принять участие в общем деле освобождения. В николаевское время этот неопределенный призыв не был услышан.

Герцен был первым, кто заявил о возможности победы в России социалистической революции, которую он понимал как народную, крестьянскую революцию. Он же первым указал на то, что именно России суждено возглавить путь к социализму, по которому, как он верил, вслед за ней пойдут и остальные европейские народы. В основе герценовского предвидения: неприятие западного «мещанства» и идеализация русской общины. Его учение, основы которого он изложил в последние годы николаевского царствования, было заметным этапом в развитии европейской социалистической мысли. Оно свидетельствовало как об общности тех идейных исканий, что происходили в России и в Западной Европе, так и о тщетности усилий николаевских идеологов, о крахе николаевской идеократии.

В исторической перспективе стремление Николая I и его идеологов установить полный контроль над обществом было безрезультатным. Именно в его царствование возникли и идейно оформились либеральное и революционно-социалистическое направления освободительного движения, развитие и взаимодействие которых вскоре стали определять судьбу русской мысли, состояние общественной жизни и, в конечном итоге, судьбу России.

Глава 23. Внешняя политика Николая I

§ 1. Россия в системе европейских международных отношений

Охранение принципов легитимизма. Воцарение Николая I не привело к изменению международного положения России. Империя сохраняла первенствующее положение на континенте, она была желанным партнером и союзником для всех великих и малых государств Европы. Сильнейшая армия и отлаженная дипломатическая служба превращали российского самодержца в гаранта европейского мира и в опору монархических режимов Реставрации. События 14 декабря были восприняты европейскими роялистами как досадная случайность, они не поколебали их уверенности в прочности российского самодержавия. Высокопоставленные представители европейских монархов были посланы в Петербург, чтобы поздравить нового императора с твердостью и мужеством, проявленными при подавлении военного мятежа. Лорд А. Веллингтон утверждал, что Николай I «заслужил признательность всех иностранных государств и оказал самую большую услугу делу всех тронов».

Внешнеполитические представления Николая I не отличались глубиной и дальновидностью. Он верил в монархическую солидарность, основанную на принципах Священного союза, и полагал, что само Провидение назначило его охранять Европу от революционной опасности. Идеологические пристрастия и прямолинейная верность принципам легитимизма значили для него больше, чем здраво понимаемые государственные интересы Российской империи.

В отличие от старшего брата Николай I не имел вкуса к дипломатической интриге, никогда лично не участвовал в международных конгрессах. Ведение текущих дел он возложил на министра иностранных дел К. В. Нессельроде, на знания и исполнительность которого полагался. Информацию о политике европейских кабинетов он черпал из донесений, которые поступали от послов из Вены, Лондона, Парижа, Берлина. Эти посты занимали опытные дипломаты, прошедшие выучку при Александре I. Их суждениям царь, как правило, доверял. Специальные дипломатические поручения выполняли люди, лично ему близкие — И. И. Дибич, А. Ф. Орлов, А. С. Меншиков.

Когда возникала необходимость непосредственного участия в делах внешней политики, Николай I предпочитал вести двусторонние переговоры на высшем уровне, где он неизменно демонстрировал твердость, которая не всегда диктовалась необходимостью. Для императора была характерна вера в значительность его исторической миссии, что в международных делах выражалось в непреклонности и отсутствии дипломатической гибкости. Задачи внешней политики он подчинял идеократиче-ской утопии, что с особой силой проявилось во второй половине его царствования, когда угрозы и бряцание оружием подменили активную дипломатию.

Николай I в основном оставил без изменения внешнеполитические приоритеты последнего десятилетия александровского царствования. Как и прежде, главные дипломатические усилия были сосредоточены на европейском направлении, где вызывала озабоченность освободительная борьба народов, подрывавшая принципы легитимизма. Для российской дипломатии европейские дела естественным образом были связаны с решением Восточного вопроса, с необходимостью определить отношение к Османской империи, на которую не распространялись христи-анско-монархические идеи Священного союза.

Венская система, где Россия играла ведущую роль, обеспечивала европейское равновесие и вполне устраивала императора. Как и Александр I, он стремился закрепить добрые отношения с монархами Австрийской империи и Пруссии, видя в этом основу политической стабильности в Европе. Вскоре после воцарения он убеждал австрийского посла: «Вы можете смело уверить его императорское величество, что, как только он испытает нужду в моей помощи, силы мои будут постоянно в его распоряжении, как то было при покойном брате. Император Франц всегда найдет во мне усердного и верного союзника и искреннего друга».

К середине 1820-х гг. мечты Александра I о создании европейской христианской нации были окончательно забыты, но взаимодействие трех континентальных монархов оставалось обязательным условием сохранения легитимного порядка вещей. Священный союз не стал инструментом полной перестройки международных отношений, отошли в прошлое его периодически созываемые конгрессы, но система европейского равновесия продолжала работать. Главная роль в ее поддержании перешла к австрийскому канцлеру Меттерниху. Постоянной заботой российской дипломатии было поддержание ровных отношений с Великобританией: от взаимодействия двух великих держав — сухопутной и морской — зависел мир в Европе. Английская дипломатия подчеркнуто дистанцировалась от политики держав Священного союза, основанной на принципах

легитимизма, и Меттерних даже называл ее руководителя Д. Каннинга «носителем идей революции».

Решение греческого вопроса. Вступив на престол, Николай I унаследовал приобретший крайнюю остроту греческий вопрос, при решении которого он надеялся на укрепление русско-английского сотрудничества. Греческие дела он обсуждал с лордом А. Веллингтоном, который задавал тон в британском кабинете. Переговоры велись в Петербурге весной 1826 г. и завершились подписанием протокола, согласно которому Греция должна была получить автономию, а ее граждане — право на свободную торговлю, гарантии собственности и безопасности. Россия соглашалась на английское посредничество в греко-турецких переговорах. Для императора переговоры с победителем при Ватерлоо были успешным дипломатическим дебютом: он добился признания того, что при определенных условиях возможно не только совместное вооруженное выступление двух держав в поддержку греческой свободы, но и единоличное вмешательство России во внутренние дела Османской империи. Тем самым заложены были основы российской политики «свободы рук» на Балканах. Оценивая петербургские переговоры, Каннинг должен был признать, что Веллингтон позволил царю одурачить себя.

В июле 1827 г. Россия, Англия и Франция заключили Лондонскую конвенцию, где подтвердили принцип греческой автономии и заявили о возможности открытия военных действий, если Турция отвергнет их условия. К берегам Греции была послана союзная эскадра, которая разгромила флот Османской империи в битве при Наварине в октябре 1827 г. В ответ Порта закрыла проливы для русских торговых судов, что стало прологом русско-турецкой войны.

В европейских делах следствием Наваринской победы стал распад союза России с Англией и Францией. Фактически в одиночестве Россия добилась сначала широкой автономии для Греции, что закреплено было в Адрианопольском мирном договоре, а в 1830 г. поддержала провозглашение греками полной независимости. Для Николая I трудность греческого вопроса заключалась в том, что, поддерживая борьбу христианского народа за независимость и против османского гнета, он, с одной стороны, опирался на фундаментальные начала Священного союза, с другой — нарушал принципы легитимизма, против чего обычно он резко протестовал.

Революционные потрясения 1830–1831 гг. В 1830 г. пал режим Реставрации во Франции. Июльская революция свергла династию Бурбонов и привела к власти короля Луи-Филиппа. Николай I счел восшествие на

престол представителя Орлеанской ветви королевского дома узурпацией, продолжением «французского безумия», которое началось 14 июля 1789 г. Его брат великий князь Константин Павлович прямо заявил: «Мы отброшены на сорок один год назад».

Для Николая I Луи-Филипп навсегда остался «королем баррикад». Первоначально царь думал о военной интервенции и в беседе с французским послом заявил: «Никогда, никогда не смогу я признать того, что случилось во Франции». В Вену и в Берлин были посланы А. Ф. Орлов и И. И. Дибич для ведения переговоров о совместном военном выступлении. Однако их миссия не привела к успеху. Нового французского короля поддержали великие европейские державы, и Николай I отказался от мысли об интервенции. Россия признала Луи-Филиппа главой французского государства, однако статус российского представительства в Париже был понижен, Николай I не удостоил короля обращением «брат», и тем самым русско-французские отношения были надолго испорчены.

Вслед за революцией в Париже началось народное выступление в Брюсселе, которое привело к созданию временного правительства и провозглашению независимости Бельгии от Нидерландского королевства. Для Николая I бельгийская революция была личным оскорблением, поскольку его сестра была замужем за наследником голландского престола. Он вновь обратился к мысли «положить военной силою предел революции, всем угрожающей». По его убеждению, явное нарушение принципов легитимизма требовало совместного выступления европейских держав, он активно, хотя и безуспешно, склонял к этому Пруссию и Англию. Царь говорил: «Ни Бельгию желаю я там побороть, но всеобщую революцию, которая постепенно и скорее, чем думают, угрожает нам самим». Войска на западных границах империи были приведены в состояние боевой готовности, великий князь Константин Павлович начал мобилизацию находившейся под его командованием польской армии.

Осенью 1830 г. началось восстание в Царстве Польском, следствием чего стал более умеренный подход Николая I к европейским делам — сил на вооруженную интервенцию против революционной Европы у него не было. Он лишь оказал дипломатическую поддержку Австрии, когда начались волнения в подвластных ей итальянских землях. Независимость Бельгии получила международное признание, а Россию передовая европейская общественность стала воспринимать как «жандарма Европы», что было справедливо не столько в отношении действий, сколько в отношении намерений российского императора.

Определенную роль в смягчении интервенционистской позиции

императора сыграл И. Ф. Паскевич, который стал наместником в Польше. Под началом Паскевича царь служил в военной службе, звал того «отцом-командиром» и прислушивался к его политическим советам. Паскевич справедливо полагал, что спокойствие на западных границах Российской империи стоит неизмеримо выше, чем поддержание начал легитимизма.

Кризис Венской системы. После революционных потрясений 1830–1831 гг. Священный союз как целостная система утратил свое значение. Тем большую важность приобрели союзнические отношения России с Пруссией и Австрией. Российская дипломатия стремилась к созданию отлаженной системы взаимной помощи, основанной на согласии между тремя «северными монархами». В 1833 г. этими странами были подписаны Берлинские статьи, по которым они обязывались совместно действовать в бельгийских делах и защищать права Нидерландов. В том же году между Россией и Австрией была подписана так называемая вторая Мюнхенгрецкая конвенция о взаимной гарантии неприкосновенности польских владений двух империй. Конвенция содержала положения о военной помощи в случае нового восстания поляков. Оценивая итоги переговоров в Мюн-хенгреце, А. Х. Бенкендорф говорил: «Кабинеты Венский и Петербургский совершенно соединились в своей охранительной политике».

Вслед за этим в Берлине три великие монархические державы заключили тайное соглашение, где обязались поддерживать друг друга в борьбе с внутренними врагами и внешней опасностью. Этот договор воспроизводил знаменитый принцип Священного союза — право на интервенцию. Правда, провозглашенный принцип взаимопомощи трех монархов не распространялся на «дела Востока».

Соглашения 1833 г. служили укреплению Венской системы европейского равновесия. Объективно они были выгодны прежде всего Австрии, которую современники называли «тюрьмой народов» и власти которой были обеспокоены проблемой целостности империи. Верный принципам легитимизма, Николай I исключал возможность использовать слабость западного соседа России для поддержки освободительных движений славянских народов, к чему призывали чешские и хорватские идеологи панславизма. В русском обществе панславистские воззрения, идеи славянской солидарности разделяли немногие. К ним прежде всего можно было отнести представителя радикальной мысли М. А. Бакунина и умеренного консерватора М. П. Погодина. Их влияние было невелико, и правительство могло не обращать на них внимания. Проавстрийская ориентация российской внешней политики к началу 1840-х гг. стала столь

заметна, что в русском обществе, где гласное обсуждение международных вопросов не допускалось, стали объяснять чин вице-канцлера Нессельроде тем, что он состоит при канцлере Меттернихе. В действительности Нессельроде послушно выполнял волю императора и даже сожалел об ухудшении отношений с Англией, что объяснялось разногласиями по Восточному вопросу.

Для России союзные отношения с Австрией и Пруссией, в основе которых лежали не национально-государственные интересы, а идейные пристрастия императора, означали постепенное умаление ее роли в европейских международных делах. Николай I не доверял союзникам, обвинял их в слабости и даже заявлял: «Прежде нас было трое, а теперь осталось только полтора, потому что Пруссию я не считаю совсем, а Австрию не считаю более чем за половину». Это было сказано в 1846 г. после того, как австрийские власти с трудом подавили восстание поляков в Кракове.

Николаевская идеократия как оплот европейской реакции. Венская система окончательно рухнула в 1848 г., который стал годом европейских революций. В феврале пал режим Луи-Филиппа, во Франции установилась республика. Начались революционные волнения в германских государствах, в Пруссии, в итальянских землях и в Дунайских княжествах. Восстание рабочих и студентов в Вене покончило с министерством Меттер-ниха, который воспринимался как символ Венской системы. Одним из руководителей восстания в Дрездене был русский эмигрант Бакунин. Окончательно европейское равновесие было нарушено венгерской революцией, в ходе которой была провозглашена независимость Венгрии от Габсбургской империи. Европа переживала «весну народов», когда идеи национального освобождения соединялись с борьбой против абсолютизма и с выступлениями под лозунгами социального равенства и справедливости.

Европа старого порядка все свои надежды связывала с Николаем I. Первой реакцией Николая I при получении известий о февральской революции было обращение к гвардейским офицерам: «Седлайте коней, господа, во Франции провозглашена республика». Именно в 1848 г. царизм стал олицетворением европейской реакции, предметом ненависти передовой общественности, которая воспринимала Россию как оплот реакции и контрреволюции. Однако легитимное право на интервенцию было нелегко осуществить. У самодержавия не было ни одного надежного союзника в Европе; в самой Российской империи, особенно в Польше, было неспокойно.

По мере приближения революционных потрясений к границам России Николай I все большее внимание уделял превентивным мерам. По соглашению с турецким правительством он в июне 1848 г. ввел войска в Молдавию, а два месяца спустя подавил революцию в Валахии. В Петербурге был разгромлен кружок Петрашевского, на Украине — Кирилло-Мефодиевское общество. III Отделение арестовало и допросило славянофилов Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова, которых подозревали в панславистских замыслах.

Ослабление революционного натиска, которое следовало за утверждением нового буржуазного правопорядка, способствовало активизации внешней политики Николая I. Весной 1849 г. по просьбе австрийского императора Франца-Иосифа он принял решение реализовать право на интервенцию в отношении Венгерской Республики. Царь полагал, что он не только сокрушит мятежников и покончит с революционной опасностью у границ России, но и заслужит благодарность австрийских властей, что должно было, по его мнению, укрепить первенство России в Европе.

Венгерский поход был грубым политическим просчетом Николая I. Вступив на территорию Венгрии, армия под командованием Паскевича в короткое время вынудила республиканские войска сдаться. Австрийская империя была спасена от распада, но вместо благодарности ее правящие круги стали проводить антироссийскую политику, что в годы Крымской войны Николай I интерпретировал как «австрийскую измену». Венгерская кампания вызвала недовольство солдат и офицеров, особенно возмущенных поведением австрийских союзников. Один из участников похода вспоминал: «Почти каждый из нас, русских солдат и офицеров, чувствовал в то время себя участником общего несчастья венгерцев. Всем нам было грустно, тяжело». Передовая общественность восприняла победу реакции болезненно. И. С. Аксаков писал: «Гнусно и грустно. Всякая честная мысль клеймится названием якобинства, и торжество старого порядка вещей в Европе дает торжествовать и нашему гнилому обществу».

События 1848–1849 гг. покончили с Венской системой и создали новую расстановку сил. Паскевич предостерегал царя: «Направление умов в Европе отделило Россию от прочих государств. Россия остается одна постоянной в идеях монархических, в идеях порядка». Твердое противостояние Николая I революционным и освободительным процессам не могло остановить ход европейского политического и социального развития. Его следствием стала изоляция николаевской России, которая с очевидностью выявилась в канун и в ходе Крымской войны. Итоги

европейской внешней политики Николая I были плачевны: от былой гегемонии России в Европе не осталось и следа.

§ 2. Восточный вопрос. Россия на Кавказе

Проблема черноморских проливов. Опираясь на Петербургский протокол 1826 г., российская дипломатия вынудила османские власти подписать в октябре того же года Аккерман-скую конвенцию, согласно которой все государства получали право свободного прохода торговых кораблей через Босфор и Дарданеллы, что было исключительно важно для экономического развития Новороссии. Кроме того, Турция обязалась соблюдать установленные прежде привилегии Дунайских княжеств и не вмешиваться во внутренние дела Сербии. Однако греческий вопрос не был решен.

Николай I и его окружение не имели ясной программы ни в отношении Османской империи, ни в Восточном вопросе. Для экономики Юга России большую важность имел благоприятный режим проливов Босфор и Дарданеллы. В эти годы многократно увеличился вывоз товаров, прежде всего зерна, за границу из Одессы, Николаева, Херсона и Таганрога. Экономические интересы дворянства черноземных и новороссийских губерний диктовали необходимость контроля над морскими коммуникациями, но у правительства отсутствовало представление о путях достижения этой цели. Обретенная «свобода рук» на Балканах и в отношении Османской империи в целом, где Россия традиционно покровительствовала христианским народам, входила в противоречие с верностью принципам легитимизма и с неприятием панславистской агитации.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. Закрытие Турцией черноморских проливов для русских торговых судов побудило Николая Iк активным действиям. Русско-турецкая война, которая началась весной 1828 г., была прежде всего вызвана противоречиями в греческих делах. Однако царь не мог не обращать внимания на доклады Бенкендорфа, что землевладельцы жалуются на трудности «сбыта продуктов земледелия», а «застой торговли в Одессе лишает соседние губернии всяких доходов». Николай Iпризнавал, что дело заключается не только «в умиротворении Греции», но и в том, что, не имея возможности свободно сбывать свою продукцию через черноморские портовые города, помещики потеряли на этом уже несколько миллионов рублей.

Вступая в войну, царь с осторожностью думал о ее последствиях. В день обнародования манифеста о начале войны Нессельроде разослал в европейские столицы декларацию, где подчеркивалось, что Россия «с прискорбием» прибегает к войне и «не умышляет разрушения» Османской империи. Декларация не успокоила недавних союзников, и Веллингтон заявил, что «отныне не может быть речи об общих действиях Англии и Франции с Россиею».

Основные военные действия шли на территории Европейской Турции. Русская армия испытывала недостаток в продовольствии и обмундировании, страдала от эпидемических заболеваний. Форсировав Дунай, войска под командованием П. Х. Витгенштейна осадили крепости Шумла и Силистрия, осенью 1828 г. была взята Варна. Летом следующего года русская армия перешла Балканы и в августе заняла Адрианополь. Путь на Константинополь был открыт, но войска были остановлены, и начались переговоры о мире. Вопрос о занятии Константинополя обсуждался на заседании Секретного комитета под председательством Кочубея, который пришел к выводу, что «выгоды сохранения Оттоманской империи в Европе превышают ее невыгоды». К этому времени на Кавказском театре военных действий русская армия под командованием Паскевича, опираясь на поддержку местного христианского населения, взяла мощные крепости Каре, Баязет и Эрзерум, заняла портовые города Анапу и Поти. Турки повсюду терпели поражение.

Адрианопольский мирный договор был подписан в сентябре 1829 г. Россия получала дельту Дуная, за ней закреплялось Черноморское побережье Кавказа от Анапы до Поти. Османская империя признавала присоединение Грузии и Восточной Армении к России, что служило основой для решения пограничных вопросов. Договор провозглашал свободу торговой навигации в проливах, подтверждал автономию Сербии и Дунайских княжеств, давал автономию Греции. Он закреплял политическое присутствие России на Балканах и одновременно служил основой стабилизации отношений с Портой. По Адрианополь-скому миру Турции были возвращены Каре, Баязет, Эрзерум и часть Ахалцихского пашалыка. Стабилизировалась граница между двумя странами, что дало возможность русскому правительству приступить к планомерной организации внутреннего управления Закавказья. Однако оставалось неурегулированным международно-правовое положение горных районов Северо-Западного Кавказа, которые по Адрианопольскому договору переходили к России, что оспаривалось Великобританией, находившей поддержку в Константинополе. Сложным было положение в горном

Дагестане и Чечне. Все это превращало Северный Кавказ в объект постоянных разногласий между Россией и Османской империей.

Россия и Персия. Исход русско-турецкой войны окончательно определил западную часть границы Российской империи в Закавказье. Ее восточная часть стабилизировалась после войны, которую летом 1826 г. Персия объявила России. Власти Персии находились под сильным влиянием британских агентов, которые целенаправленно стремились к ослаблению российского влияния в Закавказье. Характеризуя их деятельность, А. П. Ермолов писал: «Англичан прикрепляют к персиянам деньги, кои они большими суммами расточают между корыстолюбивыми министрами и вельможами, а сии, во зло употребляя слабость шаха, наклоняют его в их пользу».

Наследник персидского престола Аббас-мирза возглавил армию, которая перешла Араке, захватила Елизаветполь и угрожала Тифлису Главнокомандующий русскими войсками Ермолов переоценил мощь персов и проявил нерешительность. С воцарением Николая I прочность его позиций на Кавказе оказалась под сомнением. Известна была взаимная нелюбовь нового императора и кавказского повелителя, который, кроме того, оставался под подозрением в причастности к движению декабристов. Повелением царя он был смещен, и на его пост назначен Паскевич, который перешел к наступательным действиям. Он разбил во много раз превосходящую персидскую армию под Елизаветполем, перенес военные действия на территории, которые находились под контролем Персии.

В 1827 г. русские войска взяли Эривань и Тавриз, после чего начались мирные переговоры. В феврале 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор, по которому к России отходили Эриванское и Нахичеванское ханства, определялась русско-персидская граница по Араксу и подтверждалось исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море. Выдающуюся роль в выработке условий Туркман-чайского трактата сыграл А. С. Грибоедов, вскоре затем назначенный министром-посланником в Персию. В январе 1829 г. толпы мусульманских фанатиков разгромили российское посольство в Тегеране, погибли Грибоедов и сотрудники посольства.

Туркманчайский мир, за который была заплачена столь высокая цена, способствовал освобождению армянского народа, юридически закрепил за Российской империей стратегически важные территории Закавказья, а в исторической перспективе способствовал стабилизации отношений с Персией. После его заключения и подписания Адрианопольского трактата началось административное переустройство грузинских, армянских и

азербайджанских земель, которое продолжалось несколько десятилетий.

Имперская политика социальной ассимиляции. Это переустройство шло в рамках обычной имперской политики, когда ограничение прав отдельных властителей сочеталось с социальной ассимиляцией верхних слоев закавказских народов. Повсеместно правительство подтверждало права знати на владение землей и крестьянами, привилегии духовенства, включая мусульманское, сохранение местных обычаев и правовых норм. Суть имперской политики хорошо сформулировал кавказский наместник М. С. Воронцов: «Не только не посягать на права высшего сословия, но всеми мерами стараться об ограждении и укреплении оного». При Воронцове процедура признания княжеского и дворянского достоинства в Грузии была облегчена настолько, что в этих званиях было утверждено около 30 тыс. человек. По его инициативе и вопреки первоначальному намерению Николая I в 1846 г. все земли, находившиеся в распоряжении азербайджанской знати к моменту присоединения ханств к России, были признаны ее безусловным и наследственным владением.

Успех политики социальной ассимиляции в Закавказье был очевиден. Армянская, грузинская и азербайджанская знать вошла в состав российского дворянства, сделалась незаменимой частью правительственной системы и без долгих колебаний отдала свои знания, опыт и авторитет укреплению российской государственности. К середине XIX в. в административно-территориальном отношении Закавказье, будучи разделено на губернии, немногим отличалось от Центральной России. Уже при Александре II была ликвидирована автономия Сванетии, Мег-релии и Абхазии.

На Северном Кавказе имперская политика социальной ассимиляции долгое время не приносила успеха главным образом потому, что в «вольных обществах» имущественная дифференциация была невелика и не выработалось четкого иерархического представления о знатности. Ситуация стала меняться по мере распространения мюридизма. Первые проповедники мюридизма объявляли себя шейхами и пророками, их проповедь не выходила за пределы нескольких аулов, и российские власти не воспринимали ее серьезно. Но уже в 1828 г. Мухаммед Ярагский провозгласил своего последователя Гази-Магомеда имамом, чья духовная и светская власть должна была распространяться на Дагестан и Чечню. Первый имам начал активные военные действия против неверных, напав на крепость Внезапная. России и ее многочисленным сторонникам среди горских народов был объявлен газават, что можно расценивать как призыв к

широкомасштабной кавказской войне.

Мюридизм на Северном Кавказе. Ответом Паскевича стало обращение к населению Дагестана, где Гази-Магомед обвинялся в возмущении спокойствия. Имаму объявлялась война, в которой кавказские генералы рассчитывали на скорый успех. Паскевич отказался от ермоловского плана покорения Кавказа и считал достаточным проведение отдельных военных экспедиций и строительство опорных пунктов. Войска Паскевича блокировали Гимры, один из центров мюридизма. После набега Гази-Магомеда на Кизляр, который был жестоко разграблен, Гимры в 1832 г. были взяты штурмом, имам погиб в сражении. К этому времени Паскевича уже не было на Кавказе, а действия его преемников не отличались ни военной предприимчивостью, ни стратегической дальновидностью. Кавказский корпус пополнялся медленно, его численности не хватало для контроля над большими горными территориями. Набеговая система, которую практиковали горцы, не встречала серьезного сопротивления, приводила к деморализации населения, жившего на равнине. Успешные набеги создавали преувеличенное представление о военных силах последователей мюридизма.

Второй имам Гамзат-Бек предпринял поход против Аварского ханства, земли которого он рассчитывал включить в состав своего государственного образования. Он предательски расправился с семьей аварских ханов и, в свою очередь, был убит. В 1834 г. третьим имамом стал Шамиль, чье долгое правление привело к созданию в горной части Чечни и в северных районах Дагестана имамата — теократического государства, где вся верховная власть, светская и духовная, была сосредоточена в руках имама. Шамиль был удачливый военный, умелый администратор, он пользовался огромным авторитетом как истинный правоверный. Он разделил имамат на округа, которыми управляли наибы. Его резиденцией был аул Ахульго. Основной силой Шамиля были мюриды, на чью верность и храбрость он полагался. Их число не превышало трех-четырех сотен. Но всего под свои знамена Шамиль мог собрать до 20–30 тыс. человек. Он получал поддержку деньгами и оружием от Османской империи, власти которой заверял в верности султану. Ему покровительствовал лондонский кабинет, и на английских судах нередко доставлялось оружие.

Внутренняя жизнь имамата определялась законами шариата и распоряжениями имама. Шамиль искоренял адат, беспощадно карал ослушников, широко использовал заложничество и постепенно разрушалстарые «вольные общества» и традиционную горскую систему

ценностей. Его наибы и мюриды обогащались за счет военных набегов и благодаря поборам, тяжесть которых ложилась на простой народ. Придворный историограф Шамиля признавал: «Наибы его оказались наибами порока. Подлинно были они бедствием для народа. Имам называл их верными управителями и поэтому делал вид, что не слышит жалоб тех, кому были причинены обиды».

Ведя газават, Шамиль до времени сдерживал недовольство своих подданных, переключая его на неверных. Но в конечном итоге ни его личная популярность, ни его безмерная жестокость не могли предотвратить процесс внутреннего разложения имамата, основным фактором которого стало социально-имущественное расслоение.

Николай I придавал большое значение делам на Северном Кавказе. Поздравляя Паскевича с завершением русско-турецкой войны, он писал: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Военные действия на Северном Кавказе не были активными и шли с переменным успехом. Не последнюю роль в этом играли постоянные перемещения в командовании Кавказского корпуса, некомпетентное вмешательство чинов Военного министерства и то обстоятельство, что для части старших офицеров война была средством материального обогащения. Отдельные командиры действовали самостоятельно, стремясь к частным победам и военным отличиям. В 1834 г. отряд генерала Ф. К. Клю-ге-фон-Клюгенау предпринял наступление против Шамиля и вытеснил того из Аварии в Северный Дагестан. Командование решило, что движение горцев в основном подавлено.

Ункяр-Искелесийский договор. Окончательное утверждение на Северном Кавказе Николай I связывал с успехами в Восточном вопросе, долгосрочную политику в котором определили военные и дипломатические победы России. После 1829 г. петербургский кабинет поверил в слабость Османской империи и стал рассматривать ее как удобного соседа, чье существование не вредит интересам России. Демонстрируя добрые намерения, правительство досрочновывело войска из Дунайских княжеств, сократило размеры турецкой контрибуции. Вскоре появилась новая возможность показать изменившееся отношение к Порте, целостность которой поставил под сомнение мятеж египетского паши. Египетские войска в 1832 г. разгромили султанскую армию, что заставило турецкие власти просить европейские кабинеты о помощи. Великие державы выступали за сохранение Османской империи, но только Россия оказала ей

прямую действенную помощь. На восточном берегу Босфора был высажен тридцатитысячный русский десант, а генерал Н. Н. Муравьев был послан в Александрию, чтобы вручить ультиматум египетскому паше. Николай I наставлял Муравьева: «Помни же как можно более вселять турецкому султану доверенности, а египетскому паше страху». Демонстрация силы принесла успех, и движение египетских войск на Константинополь было остановлено.

Со специальной миссией в турецкую столицу был послан А. Ф. Орлов, который в июне 1833 г. подписал в местечке Ун-кяр-Искелеси союзный договор о российской военной помощи султану в случае нового конфликта с египетским пашой. Россия выступала гарантом целостности Османской империи. Взамен она получала выгодный режим черноморских проливов, султан обязался закрыть Дарданеллы для военных кораблей европейских держав. Для флота России проливы оставались открыты. Закрытие Дарданелл обеспечивало безопасность Черноморского побережья России, а провозглашенный принцип совместной обороны проливов позволял контролировать их в случае военных действий. Это была блестящая победа российской дипломатии, немалый вклад в которую внес лично Николай I. Он проявил уместную твердость, отвергнув попытки Англии, Франции и Австрии пересмотреть Ункяр-Искелесийский договор.

Соотношение сил на Востоке изменилось. В 1833 г. была подписана секретная Мюнхенгрецкая конвенция (первая), по которой Россия и Австрия обязались поддерживать неприкосновенность Османской империи и действовать совместно в случае возникающих угроз на Востоке. Это соглашение давало возможность использовать противоречия между великими державами, противопоставляя Австрию ее недавним партнерам. Одновременно оно показало, что России трудно обходиться без союзников. Нессельроде был доволен тем, что в случае обострения Восточного вопроса «мы будем видеть Австрию с нами, а не против нас».

Главным противником России в Восточном вопросе была Англия, чьи экономические позиции на Ближнем Востоке постоянно укреплялись. В 1839 г. новый турецко-египетский конфликт вовлек все великие державы в дела Османской империи. Англия и Австрия поддержали султана, Франция — египетского пашу. Локальный конфликт превратился благодаря участию в нем великих держав в европейский кризис, который лишил Россию «свободы рук». Понимая, что режим проливов больше не зависит от двусторонних русско-турецких соглашений, Николай I встал на сторону султана, тем самым примкнув к лондонскому и венскому кабинетам. Это был противоречивый союз, продиктованный как данным ранее обещанием

сохранить целостность Османской империи, так и идеологическим неприятием «короля баррикад» и его политики.

Лондонские конвенции. В 1840 г, в Лондоне была подписана конвенция, где Россия, Англия, Австрия и Пруссия гарантировали нерушимость турецких границ и выступали против египетской независимости. Великие европейские державы провозгласили международный принцип закрытия в мирное время проливов для военных кораблей как России, так и других государств. Это был отход от соглашений 1833 г., но Николай I наиболее важным считал достигнутую дипломатическую изоляцию Франции. Он полагал, что закрытие проливов, «доколе Порта будет находиться в мире», выгодно России, хотя к этому времени ее действительное влияние на политику Константинопольского кабинета ослабло.

Спустя год была подписана вторая Лондонская конвенция с участием французов. Она выявила одиночество российской дипломатии, чьи успехи ревниво воспринимались другими странами. Судоходство в проливах ставилось под международный контроль, их режим Россия не могла определять путем двусторонних соглашений с Турцией. Проход военных кораблей через проливы в мирное время запрещался, и, таким образом, Черноморский флот лишался оперативного простора.

Конвенция 1841 г. означала отказ от принципов Ункяр-Искелесийского договора, она не обеспечивала безопасности южных рубежей Российской империи и была серьезной неудачей николаевской дипломатии. Ее следствием стало ослабление русского влияния на Балканах, особенно в Сербии и Греции. Попытки пересмотреть условия Лондонской конвенции 1841 г., оказав давление на английское правительство, успеха не имели и лишь привели к сближению позиций Англии и Франции, обеспокоенных демаршами России. Одновременно в этих странах крепли антирусские настроения. Быстро ухудшались отношения с Османской империей, власти которой умело использовали русско-британские и русско-французские противоречия. В короткое время Россия утратила свое громадное влияние на политику Порты, ее первенствующая роль в Восточном вопросе перестала быть бесспорной.

В 1844 г. Николай I посетил Лондон, где пытался добиться англо-русского соглашения по Восточному вопросу. Он убеждал своих собеседников, что Османская империя — «умирающий человек», что близится новый восточный кризис и Россия и Англия должны договориться о разделе сфер влияния, чтобы не допустить преобладания Франции. Он заявлял, что не хочет «ни единого вершка турецкой территории». Это

звучало неубедительно. Лондонские переговоры не привели к успеху.

Военные действия на Северном Кавказе. Обострение англо-российских противоречий отразилось на ходе кавказских дел, которые рассматривались противоборствующими великими державами в контексте Восточного вопроса. К началу 1840-х гг. Шамиль, умело используя предоставленнуюему военными властями передышку, сумел восстановить свои позиции. Далось это не без труда. В 1837 г. имам потерпел поражение от генерала К. К. Фези. Он должен был заключить перемирие, принял российское подданство и выдал заложников, однако через год вновь поднял восстание. В 1839 г. отрядом генерала П. Х. Граб-бе штурмом был взят аул Ахульго, но раненому Шамилю удалось скрыться. Благодаря бездействию кавказского командования он вновь подчинил своей власти Аварию и некоторые районы Дагестана, увеличив территорию имамата почти вдвое. Попытка Шамиля перенести военные действия на равнину Северного Дагестана была пресечена, но общее положение вызывало беспокойство Николая I. По его личному указанию новый кавказский наместник М. С. Воронцов в 1845 г. предпринял Даргинскую экспедицию с целью овладеть резиденцией имама — аулом Дарго. Отряд в составе 11 пехотных батальонов занял аул, но затем попал в засаду и вышел из окружения после жестокого боя, потеряв свыше полутора тысяч человек. Следствием Даргинской экспедиция стала перемена тактики: Воронцов вернулся к цицановской политике сочетания военных угроз, лести и прямого подкупа. Одновременно в лесах предгорий рубились просеки, что резко уменьшало возможность внезапных набегов. Шамиль был оттеснен в горы Дагестана и фактически оказался в осаде. Участились измены среди наибов, открытые формы приняло недовольство простых горцев.

§ 3. Крымская война

Дипломатическая изоляция. Крымская, или Восточная, война стала следствием противоречий между великими державами, которые выявились в 1840-е гг. Тогда определилась и основная расстановка сил, где на одной стороне были Османская империя, Англия и Франция, на другой — Россия. Действия николаевской дипломатии не отличались последовательностью. Она то шла на уступки, которые не были вынужденными, то не умела использовать выгодную для себя ситуацию. Со времен Лондонской конвенции 1841 г. Россия все чаще оказывалась в изоляции, что особенно наглядно проявилось после 1848 г. Иллюзорными оказались надежды

Николая I на «австрийскую благодарность» и на внешнеполитическую слабость республиканской Франции. Когда в 1851 г. Луи-Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот, а затем и провозгласил себя императором, стало ясно, что избежать столкновения с Францией не удастся: Наполеон III готовился взять реванш за поражение своего дяди, Наполеона I.

В начале 1850-х гг. разгорелся спор о Святых местах, суть которого заключалась в определении права православного или католического духовенства контролировать христианские святыни в Палестине. Поскольку решение зависело от султана, во владениях которого находились палестинские святыни, то спор вскоре приобрел характер международного конфликта, где противостояли Россия и Франция. В 1851 г., уступая настоянию французского посла, султан отдал предпочтение католикам. Для Николая I защита прав православной церкви была важна сама по себе как свидетельство его покровительства христианскому населению Османской империи. Одновременно он не мог допустить дальнейшего роста французского влияния в Константинополе. В начале 1853 г. в беседе с английским посланником он повторил свои прежние предложения о разделе части османских владений между Россией и Англией без участия Франции: «Я повторяю вам, что “больной человек” умирает, и мы ни в коем случае не должны позволить, чтобы такое событие застало нас врасплох. Мы должны прийти к какому-нибудь соглашению». Он говорил, что не претендует на занятие Константинополя, который «никогда не попадет в руки ни англичан, ни французов, ни какой-либо другой великой нации». Одновременно он вел речь о том, что Сербия, Болгария, Молдавия и Валахия должны стать самостоятельными, но «под моим протекторатом». Император не понимал глубины англо-русских противоречий, преувеличивал англо-французские разногласия. Прийти к соглашению с Англией ему не удалось, и он занял в Восточном вопросе непримиримую позицию. Взяв курс на развязывание войны, царь полагал, что речь идет о противостоянии со слабой, как ему казалось, в военном отношении Францией, которая не решится воевать против России. Еще менее его беспокоили военные силы Турции.

Стратегические просчеты. Цели войны определялись николаевским правительством достаточно расплывчато. Исходя из того, что Турция будет действовать в одиночестве, полагали возможным разбить ее военные силы на Балканах и в Закавказье, «наказать» султана и вынудить его к подписанию выгодного для России мира. Важное место занимали соображения повышения престижа Николая 1среди христианского и

славянского населения Османской империи, грядущее освобождение которого от мусульманского рабства воспевалось официальными публицистами. Вместе с тем вопрос о расчленении Османской империи не ставился.

В оценке ситуации император и его окружение допустили два главных просчета: преувеличение военной и в особенности военно-морской мощи России и непонимание масштабов международной изоляции страны. Если неверная картина мира основывалась на принципах идеократии, то ошибки в оценке военного потенциала имели иное происхождение. Милитаризм, положенный в основу государственной политики, создавал иллюзию силы, которую поддерживали парады и маневры. Русская армия была вымуштрована и обладала отличным офицерским корпусом. Однако этого было недостаточно в условиях, когда под влиянием промышленной революции западноевропейские армии переходили на принципиально новые образцы вооружения — нарезное стрелковое оружие, которое, уступая гладкоствольному в скорострельности, превосходило его в дальности и прицельной точности стрельбы, полевые пушки, заряжавшиеся с казенной части. Военный флот Англии и Франции оснащался паровыми судами с винтовыми двигателями, что резко повышало их скорость и маневренность……

Связи возможностей вести успешные боевые действия с экономическим положением страны Николай I и его генералитет не видели. Россия не обладала развитой системой внутренних коммуникаций, не вела серьезного железнодорожного строительства, техническое оснащение военной промышленности было недостаточным, не было стратегических запасов сырья и военного снаряжения, армия и флот не имели подготовленных резервов. Большая доля вины лежала на А. И. Чернышеве, который занимал пост военного министра до 1852 г. Молодым офицером он блестяще показал себя, будучи военным агентом в Париже, где добывал ценнейшую информацию о подготовке Наполеоном нападения на Россию, в кампанию 1812 г. был храбрым кавалерийским начальником. Однако двадцатилетие его министерства стали временем рутины и застоя, он готовил армию не к войне, но к высочайшим смотрам.

Начало войны. Неуступчивость Франции в споре о Святых местах побудила Николая I спровоцировать конфликт. В 1853 г. была объявлена частичная мобилизация, а в Константинополь направлен со специальной миссией Меншиков. Ему было поручено в ультимативной форме требовать от султанского правительства признания привилегий православной церкви. Меншиков должен был предложить султану заключить оборонительный

союз против Франции. В Константинополе царский посланец вел себя дерзко и, когда турецкое правительство, опираясь на закулисную поддержку лондонского и парижского кабинетов, отвергло его ультимативные требования, демонстративно прервал переговоры.

Россия ввела войска в Дунайские княжества, началась подготовка к форсированию Дуная. Стремясь предотвратить войну, великие державы — Англия, Франция, Австрия и Пруссия — подготовили так называемую Венскую ноту, призывая Порту соблюдать все прошлые русско-турецкие договоренности. Султан отверг Венскую ноту и потребовал вывести войска из Дунайских княжеств. В октябре Османская империя объявила войну России. В ответ Николай I обнародовал Манифест о войне с Оттоманскою Портою.

В ноябре 1853 г. Черноморский флот под командованием П. С. Нахимова наголову разбил турецкую эскадру в Синопской бухте. Это было последнее в военно-морской истории крупное сражение двух парусных флотов. Офицеры и матросы показали прекрасную боевую выучку, однако господство русского флота на Черном море было недолгим. В начале 1854 г. туда вошла англо-французская эскадра, что стало прологом войны России с европейской коалицией. Николай I разорвал дипломатические отношения с Англией и Францией и одновременно не сумел получить подтверждение нейтралитета Пруссии и Австрии. Изоляция России стала очевидным фактом.

Весной 1854 г. русская армия под командованием Паскевича перешла Дунай и осадила Силистрию. В ответ Франция и Англия объявили России войну. Союзная эскадра блокировала Балтийское побережье и крейсировала в Финском заливе. В апреле союзная эскадра подвергла бомбардировке Одессу. В болгарском портовом городе Варна сосредотачивался десант союзников, что побудило царя вывести войска из Дунайских княжеств, куда немедленно вступили австрийские части. Венский кабинет разработал «четыре пункта», которые предлагали России признать протекторат великих держав над Дунайскими княжествами, согласиться на международный контроль над устьем Дуная и на пересмотр Лондонской конвенции 1841 г., а также отказаться от исключительного права на покровительство христианским подданным султана. Все это должно было служить интересам европейского равновесия, о поддержании которого долгие годы заботилась российская дипломатия.

«Четыре пункта» могли стать основой для переговоров, на которые Николай I дал согласие. В ответ союзники потребовали ликвидации Севастополя как военно-морской базы и сокращения численности

Черноморского флота до четырех военных кораблей. Русский флот — 14 линейных кораблей, 6 фрегатов и 4 пароходофрегата — был блокирован в Севастополе. Англичане провели вызывающе бессмысленные бомбардировки Петропавловска-Камчатского и Соловецкого монастыря. Переговоры между воюющими сторонами, которые при посредничестве Австрии велись в Вене с июля 1854 г., в апреле следующего года были прерваны. Россия вынуждена была продолжать войну, утратив инициативу на суше и на море и при неблагоприятной дипломатической обстановке.

Оборона Севастополя. В сентябре 1854 г. началась высадка союзного десанта, основу которого составляли английские и французские части, в Крыму, в районе Евпатории. Первоначально общая численность армии вторжения составляла более 60 тыс. человек, что почти вдвое превосходило русские силы, находившиеся в Крыму. Назначенный главнокомандующим Меншиков недооценивал решимость и технические возможности союзников и за два дня до начала операции утверждал: «Неприятель никогда не мог осмелиться сделать высадку, а по настоящему позднему времени высадка невозможна». Высадившись, союзники начали движение на Севастополь. Меншиков пытался остановить их на реке Альма, но потерпел поражение. Русская армия отступила в глубь Крыма, к Бахчисараю, что Меншиков объяснял необходимостью сохранить связи с внутренними губерниями России.

Севастополь был оставлен под защитой частей гарнизона и военных моряков. По приказу Нахимова Черноморский флот был затоплен в Севастопольской бухте, что должно было осложнить действия кораблей противника. В конце сентября союзные войска приступили к осаде города. Защитники города в короткий срок создали на подступах к нему мощную систему укреплений, разработанную под наблюдением военного инженера Э. И. Тотлебена. После гибели фактического руководителя обороны адмирала В. А. Корнилова в начале октября во время первого штурма крепости общее командование принял на себя Нахимов. Стремясь помочь осажденным, полевая армия подошла к городу, однако октябрьские бои под Балаклавой, где была почти полностью уничтожена бригада английской легкой кавалерии, и Инкерманом не принесли удачи.

В феврале 1855 г. Меншикова сменил генерал М. Д. Горчаков, под чьим командованием русские войска в августе потерпели тяжелое поражение на Черной речке. Судьба Севастополя была предрешена. К началу лета против 40 тыс. севастопольского гарнизона действовала насчитывавшая 140 тыс. армия союзников. В июне, в день годовщины битвы при Ватерлоо, союзники предприняли решительный штурм

севастопольских укреплений, который был отбит с большими для них потерями. Душой обороны был Нахимов, который несколько дней спустя был смертельно ранен. 27 августа союзники предприняли очередной штурм Севастополя, в ходе которого был взят господствовавший над городом Малахов курган. По приказу Горчакова гарнизон оставил Севастополь, затопив последние корабли и взорвав укрепления. С падением Севастополя военные действия в Крыму прекратились.

Героическая оборона Севастополя показала стойкость солдат, матросов и офицеров и одновременно выявила военно-техническую отсталость армии и флота, неготовность России к современной войне. Не только севастопольский гарнизон, но и полевая армия были фактически отрезаны от источников пополнения, испытывали острый недостаток вооружения, боеприпасов и продовольствия: снабжение велось с использованием фур, в которые были запряжены волы, в распутицу оно прекращалось. Неслыханных размеров достигли интендантские злоупотребления. В войсках была велика эпидемическая смертность.

В определенной мере тяжесть военного поражения смягчали успешные действия русской армии на Кавказском театре, где еще в ноябре 1853 г. генерал В. О. Бебутов разгромил втрое превосходящие турецкие части при Башкадыкларе. Это означало предотвращение угрозы турецкого вторжения в Закавказье. На следующий год попытки турок перейти в наступление были отбиты. Русские войска взяли крепость Баязет и нанесли в октябре сокрушительное поражение главным объединениям противника при Кюрюк-Даре, после чего турецкая армия на Кавказе как боевая сила перестала существовать. Весной 1855 г. войска Н. Н. Муравьева блокировали Каре, гарнизон которого, руководимый английским генералом, в ноябре капитулировал. Современники сопоставляли взятие мощной крепости Карса с обороной Севастополя. Победы Кавказской армии создавали благоприятный фон для того, чтобы Россия дала официальное согласие на возобновление мирных переговоров.

Парижский мир. В разгар войны, 18 февраля 1855 г. умер Николай I, сказав перед смертью: «Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в том порядке, как желал». На престол взошел его сын Александр II, который постепенно осознал бесперспективность ведения войны. После получения известия о взятии Карса он принял новые австрийские предложения и пошел на уступки. В феврале 1856 г. в Париже началась работа конгресса, в которой участвовали Россия, Австрия, Англия, Франция, Турция и воевавшая на стороне союзников Сардиния. Вскоре к ним присоединилась Пруссия. Русскую делегацию возглавлял А. Ф. Орлов, верный друг

покойного императора, на долю которого выпало подвести итог николаевскому правлению. Во многом благодаря твердости и дипломатическому искусству Орлова условия Парижского мира, подписанного в марте, не отражали всей глубины военного и дипломатического поражения России.

Парижский трактат объявлял о нейтрализации Черного моря, что для России означало запрет иметь там военный флот и необходимость ликвидации крепостных сооружений и арсеналов. Фактически это вело к тому, что над ее южными границами повисла опасность нового вторжения, поскольку Османская империя и ее союзники могли провести через проливы свои военные эскадры, находившиеся в Средиземном море. Орлову удалось отстоять нерушимость российской границы в Закавказье, но южная часть Бессарабии и устье Дуная от нее отходили. Каре возвращался под власть Турции, но полностью восстанавливалась довоенная граница на Западном Кавказе. Турция признавала все Кавказское побережье Черного моря российским владением. Россия была лишена права единоличного покровительства Сербии, что подорвало ее позиции на Балканах. Дунайские княжества — Молдавия и Валахия, оставаясь под верховной властью Порты, сохраняли «независимое и национальное управление, а равно и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства». Особая конвенция о проливах подтверждала их закрытие для военных кораблей в мирное время, что можно рассматривать как небольшой успех российской дипломатии.

На Парижском конгрессе сложилась расстановка сил, которая получила название Крымской системы. Если Венская система определяла механизм доминирования России на континенте, то новая система имела антироссийскую направленность и подчеркивала политическую изоляцию страны. В результате недальновидности Николая I,дипломатических просчетов и военных неудач, Российская империя потеряла почти все, что было приобретено ею при Екатерине IIи Александре I.Завершив работу конгресса, Англия, Франция и Австрия подписали Тройственный союз, который гарантировал целостность Османской империи и выполнение Россией условий Парижского мирного договора. Государства-гаранты Парижского мира присвоили себе право вмешиваться во внутренние дела России. Национальное унижение стало закономерным финалом николаевской внешней политики.

В ходе Крымской войны русская армия потеряла убитыми, ранеными и ставшими жертвами эпидемических болезней до полумиллиона человек. Россия лишилась флота и мощной военно-морской базы на Черном море.

Военные расходы легли непосильным бременем на бюджет страны, дефицит которого вырос в шесть раз. Рекрутские наборы и чрезвычайные налоги обескровили народное хозяйство. Среди крестьян выросло недовольство крепостным правом, что в ряде губерний привело к серьезным волнениям. При наборе государственного ополчения по деревням распространялись слухи о том, что записавшиеся в ратники будут освобожденыот крепостной зависимости и получат в новороссийских губерниях земли и имущество. В результате целые волости шли в ополчение, крестьяне деревнями снимались с обжитых мест и бежали на юг, где, как они верили, их ждала воля. Военное поражение сопровождалось хозяйственным разорением и резким ростом социальной напряженности.

А.И. Барятинский на Кавказе. Одним из итогов Крымской войны стала активизация военных действий против Шамиля. В ходе войны не оправдались расчеты турецких и английских политиков на то, что Шамиль оттянет на себя значительные силы Кавказской армии. Он предпочитал укрываться в горах. Окончание войны привело к активизации военных действий против имамата. Россия и ее армия нуждались в победе, чтобы поскорее забыть бесславную Крымскую кампанию.

Главнокомандующим на Кавказе в 1856 г. был назначен А. И. Барятинский, чей боевой опыт был приобретен в стычках с горцами. Его отличали бесстрашие и благородство — командуя полком, он потратил немалые личные средства на оснащение его новейшим стрелковым оружием. Он был исключительно популярен не только среди солдат и офицеров, но и среди народов Северного Кавказа. Барятинский считал себя учеником Воронцова и не отказывался от его политики привлечения местной знати на сторону России. Говорили, что если за Шамилем идет палач, то за Барятинским — казначей. По свидетельству мусульманского наблюдателя, и простой народ, и особенно недавние приближенные Шамиля стали относиться к русским «с послушанием и повиновением». В горах царила страшная бедность и росла ненависть к Шамилю, который, как говорили, уничтожил больше своих соотечественников, чем солдат противника.

Новый главнокомандующий стратегически подавил Шамиля: русские войска решительно двинулись в глубь Чечни и Дагестана, где Барятинского встречали восторженно. Ему и его офицерам женщины подносили виноград, в его честь устраивали скачки. По свидетельству генерала Н. И. Евдокимова, чеченцы, «как дети, освободившиеся от жестокого надзирателя, с увлечением бросаются на все, что только запрещено

мусульманским уставом». Копившаяся внутри горского общества социальная напряженность находила выход в избиении знати. Барятинский формировал отряды из чеченцев-добровольцев, которые боролись против Шамиля. Штурмом был взят аул Ведено, откуда Шамиль с небольшим отрядом перебрался в Гуниб, где был плотно окружен. Ни жители аула, ни мюриды имама не желали сражаться. Отказ от газавата сулил им больше, нежели продолжение борьбы. Русский офицер Н. Волконский писал: «С той минуты, как закоснелые мюриды преображались в наших подданных, мюридизм улетал от них, словно пух на ветру». В августе 1859 г. Барятинский принял капитуляцию Шамиля. Война в Дагестане и Чечне завершилась. Имамат распался.

На Северо-Западном Кавказе стычки с черкесами шли до весны 1864 г., хотя почти сразу после пленения Шамиля на верность России присягнул одиниз главных предводителей черкесов Мухаммед-Эмин.

Военные действия на Северном Кавказе, продолжавшиеся несколько десятилетий, привели к существенным социальным и политическим переменам, которые затронули все горские народы. В меньшей степени перемены коснулись хозяйственной стороны их жизни и бытового уклада. Включение в состав России и необходимость подчинения требованиям российской администрации создавало для кавказских народов новую ситуацию, исходом из которой стала как адаптация к реалиям новой жизни, так и массовая эмиграция в пределы Османской империи. Для России «замирение Кавказа» означало облегчение бремени военных расходов и создание нормальных условий экономического развития региона.

Глава 24. Реформы Александра II

§ 1. Отмена крепостного права

Военные поражения и русское общество. Воцарение Александра II знаменовало перелом в настроении правительственных кругов и общественности. Неудачи в Крымской войне, дипломатическая изоляция, крестьянские волнения, экономический и финансовый кризис вызывали всеобщее недовольство и внушали беспокойство за прочность внутреннего положения России. Главным виновником военных поражений и социальных потрясений общественное мнение считало Николая I, чья политика в новое царствование стала подвергаться всеобщему осуждению. М. П. Погодин, который в николаевское время следовал идеологии казенного патриотизма, писал, обращаясь к новому императору: «Прежняя система отжила свой век. Сам Бог, взяв с поприща действий покойного государя, показал нам, что для России теперь нужна другая система». Видный чиновник П. А. Валуев написал записку «Дума русского», где характеризовал прошедшее царствование как время «всеобщей фальши» и доказывал необходимость свободы слова, совести и общественного мнения. В валуевской записке содержалась афористичная оценка системы николаевской администрации: «Сверху — блеск, внизу — гниль».

С первых дней царствования Александр II стал получать немало проектов, писем и записок, которые содержали призывы к проведению реформ. Главным мотивом всех обращений было настоятельное указание на необходимость скорейшей отмены крепостного права. В годы Крымской войны на крестьян легли тяжесть внеочередных рекрутских наборов и призыв в ополчение, разорительные повинности, которые они выполняли для нужд армии. Одновременно, стремясь остановить падение своих доходов, помещики повышали оброки, увеличивали нормы барщины. Массовое бегство стало обычной формой протеста крепостных крестьян, их социальная активность возрастала. В стране ежегодно происходило более 100 значительных крестьянских волнений. О нестерпимых «тяготах поселян» царь читал в отчетах Министерства внутренних дел, об «умножении нужды и бедности» ему писал глава III Отделения А. Ф. Орлов.

Погодин, чьи «Историко-политические письма» расходились по России во время Крымской войны, предсказывал наступление новой

пугачевщины: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев. Ледрю Роллен со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону кМадзини не перешатнется никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности, вот с которой стороны стена наша представляет проломы, — перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти без присмотра валится и грозит падением!»

С консерватором Погодиным был согласен эмигрант Герцен, который в письме к императору, опубликованному в «Полярной звезде», восклицал: «Дайте землю крестьянам, она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния».

Приступить к отмене крепостного права правительство вынуждала и тяжесть военного поражения. Новый министр иностранных дел А. М. Горчаков говорил Александру II: «Хорошо, что мы заключили мир, дальше мы воевать не в силах. Мир дает нам возможность заняться внутренними делами, и этим должно воспользоваться. Первое дело — нужно освободить крестьян, потому что здесь узел всяких зол». Военно-техническая отсталость страны была очевидна, а ее основная причина, по общему мнению, коренилась в крепостной системе. Неотложные меры по крестьянскому вопросу должны были успокоить страну, стабилизировать народное хозяйство и создать условия для модернизации армии и флота. По сути, речь шла о дальнейшей европеизации страны. Выражая настроения либеральной общественности, К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин писали: «Мы с горестью сознаем, что, несмотря на внешнее наше величие, мы перед народами европейскими все еще ученики; мы видим, что еще много и много нам предстоит работы прежде, нежели мы в состоянии будем померяться с этими могучими бойцами, владеющими всеми средствами образованного мира… Видно, еще не совсем они сгнили, это мы слишком больно чувствуем на своих боках».

Александр II как реформатор. Александр II не сразу решился начать реформировать крепостную деревню. Он не был склонен к поспешным действиям, в государственных делах придерживался принципа постепенности, говоря: «Не все делать вдруг». В отличие от отца Александр II не любил вникать в мелочи, избегал рутинной работы, но в критические моменты он проявлял недюжинную политическую волю и не боялся брать на себя ответственность за судьбу страны. Его кругозор был широк, он был разносторонне образован и умел вникать в суть трудных

государственных вопросов. Несомненным достоинством императора было умение выбирать сотрудников. Он был внимателен к советам, терпим к чужим мнениям, решения принимал, обстоятельно все взвесив, но всегда при этом исходил из твердо усвоенных представлений о незыблемости самодержавной власти. Александр II говорил: «Прежде всего я желаю, чтобы Правительственная власть была властью и не допускала никаких послаблений и чтобы всякий исполнял свято лежащую на нем обязанность. Вторая же обязанность: стремиться к постепенному исправлению тех недостатков в нашей администрации, которые все чувствуют, но при этом не касаясь коренных основ Монархического и Самодержавного правительства».

В трудные для России годы он стал воплощением возродившейся самодержавной инициативы. Либерально настроенный Н. А. Мельгунов в марте 1855 г. восклицал: «Мы все простираем руки к престолу и молим: простору нам, державный царь! Наши члены онемели; мы отвыкли дышать свободно. Простор нам нужен, как воздух, как хлеб, как свет Божий! Он нужен для каждого из нас, нужен для всей России, для ее процветания внутри, для ее ограждения и крепости извне». Славянофил А. И. Кошелев утверждал: «Все мы глубоко убеждены, что в обширной Российской империи одно самодержавие может удержать связь между ее различными частями, хранить в ней порядок и равно благоволить ко всем состояниям в государстве». Позднее, подводя итоги эпохи Великих реформ, западник К. Д. Кавелин напоминал, что в вопросе освобождения крестьян «высшее правительство стало с самого начала на гораздо более либеральную, верную и патриотическую точку зрения, чем вся масса дворянства», и что так называемая интеллигенция «постаралась испортить эмансипацию, насколько в ту минуту могла».

Сознавая глубину кризиса, в котором оказалась Россия, император предвидел сопротивление поместного дворянства, для которого разрушение крепостной системы означало потерю преобладающего влияния в политической и экономической жизни. Он говорил: «Мы не должны от себя скрывать, что Россия входит в новую, еще небывалую эру, и потому на будущее преступно было бы правительству смотреть, так сказать, сложа руки».

В период подготовки и проведения крестьянской реформы в окружении Александра II видную роль играли представители либеральной бюрократии, которые группировались вокруг его брата великого князя Константина Николаевича, который стоял во главе Морского министерства. Великий князь использовал свое административное положение и

принадлежность к императорской фамилии для того, чтобы расширять пределы гласности в крестьянском вопросе, смягчать прямые нападки поместного дворянства на либеральную бюрократию. Его приказы по Морскому министерству как бы выражали настроения в верхах и с восторгом читались передовыми людьми. Консерваторы называли его «главой революционной партии в России». Для него, как и для большинства либеральных бюрократов, была характерна при подготовке реформ ориентация на западные образцы, невнимание к тому обстоятельству, что Россия огромная крестьянская страна, традиции и социокультурный уровень которой резко отличают ее от небольших европейских стран, где значительна доля городского населения.

Со временем многие либеральные бюрократы из окружения Константина Николаевича заняли министерские посты. Традиции либеральной бюрократии восходили ко временам Сперанского. В николаевское время питомником либеральных бюрократов было Министерство государственных имуществ, которое возглавлял просвещенный бюрократ-реформатор П. Д. Киселев. Его племянниками были братья Н. А. и Д. А. Милютины. Его ближайшим помощником — А. П. Заблоцкий-Десятоес кий, подготовивший обстоятельную записку о необходимости уничтожения крепостного права.

При Сперанском и Киселеве либеральные бюрократы готовили государственные преобразования скрытно от глаз непосвященных и не чувствовали потребности в общественном внимании. В предреформенные годы атмосфера резко изменилась, возрос иакал политической борьбы, и гласность стала необходимым элементом реформаторской деятельности. Либеральная бюрократия нередко опиралась на поддержку общественности, вместе с тем ее представители не ставили под сомнение руководящую роль правительственных инстанций в разработке основ крестьянской реформы. Это признавалось и принималось общественными деятелями, и в 1858 г. И. С. Тургенев писал: «Всем в России известно, что в этом важном вопросе правительство идет в ногу с общественной мыслью всей страны».

Начало подготовки крестьянской реформы. Первое официальное заявление о желании правительства приступить к подготовке крестьянского освобождения было сделано Александром II в речи, произнесенной 30 марта 1856 г. перед представителями московского дворянства. Император заявил: «Слухи носятся, что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, и вы можете сказать это всем направо и налево; но чувство враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью,

существует, и от этого уже было несколько случаев неповиновения к помещикам». Царь указал на опасность бесконечно долгого сохранения крепостного права. Он сказал, что его «лучше отменить сверху, чем ждать, когда оно само будет отменено снизу». Это было точное выражение альтернативы, стоявшей перед правительством: либо реформирование деревни и решение крестьянского вопроса, либо ожидание народного возмущения.

Волеизъявление императора, понимаемое как ясное выражение самодержавной инициативы, вызвало появление проектов отмены крепостного права, написанных в основном дворянами и сходных в признании неизбежности крестьянского освобождения. Расхождения зависели от местных условий и размеров помещичьего хозяйства. В черноземных губерниях, где главную ценность представляла земля, предполагалось сохранить ее в руках дворянства при назначении небольшого выкупа за крестьянскую свободу. Проект полтавского помещика М. П. Позена доказывал, что крестьянское малоземелье обеспечит помещичье хозяйство дешевой рабочей силой и вместе с тем будет служить препятствием для ухода крестьян из деревни. В нечерноземных губерниях помещики готовы были предоставить крестьянам максимально возможное количество малоплодородной земли, но проявляли заинтересованность в больших размерах выкупа. Об этом говорилось в записке тверского помещика и общественного деятеля А. М. Унковского. Он и его единомышленники настаивали на скорейшем решении крестьянского вопроса, что считалось признаком либерализма, тогда как Позен отдавал предпочтение постепенности. В сохранении значительного переходного периода были заинтересованы помещики степной полосы, где преобладали крупные хозяйства и где не хватало рабочих рук. В проекте самарского помещика, славянофила и реформатора Ю. Ф. Самарина предусматривалось освобождение крестьян с землей при сохранении на десятилетний период обязательных барщинных работ. Сумма выкупа для степных помещиков была безразлична. Важную роль сыграла составленная Н. А. Милютиным записка об освобождении крестьян в имении великой княгини Елены Павловны. Проект предлагал освобождение крестьян сразу, с землей и за выкуп. Это были три составляющие будущей реформы.

Крестьянский вопрос обсуждался и в периодической печати, где задавала тон либеральная общественность. Общим здесь было признание ведущей роли правительства и взгляд на крестьянина как на «младшего брата», которого нужно постепенно поднять до понимания им его

гражданских прав и свобод. Особую позицию занимал Н. Г. Чернышевский, который на страницах «Современника» настаивал на немедленном освобождении крестьян с землей и без всякого выкупа. В основе такого взгляда лежала вера в то, что крестьянское освобождение откроет России путь к социализму.

В январе 1857 г. был образован Секретный комитет «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян». По составу и характеру деятельности он мало чем отличался от тех секретных комитетов, что создавались в николаевское царствование. Осенью того же года виленский генерал-губернатор и личный друг императора В. И. Назимов сумел уговорить дворянство вверенного ему края обратиться к верховной власти с просьбой об отмене крепостного права. Тем самым дворянство брало на себя инициативу подготовки реформы. Ответный высочайший рескрипт на имя Назимова от 20 ноября 1857 г. излагал первую правительственную программу реформы. Она сохраняла за помещиками право собственности на всю землю, предоставляя крестьянам в пользование земельные наделы за определенные повинности и предусматривая возможность выкупа усадьбы. Для подготовки реформы рескрипт предлагал учредить дворянские комитеты в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях. Рескрипт Назимову был разослан всем губернаторам и губернским предводителям дворянства и месяц спустя опубликован. Его появление означало гласно заявленное стремление правительства в возможно короткие сроки решить крестьянский вопрос. Вскоре, 5 декабря 1857 г., последовал аналогичный рескрипт на имя петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева. Это было прямое поощрение собственно великорусского дворянства за высказанное им желание приступить к обсуждению условий освобождения крестьян. Вслед за этим навстречу ясно выраженной самодержавной воле пошло дворянство остальных губерний.

Главный комитет по крестьянскому делу и Редакционные комиссии. В феврале 1858 г. Секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу, которому Александр II предложил руководствоваться следующими основами: «а) чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшен; б) чтобы помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены; в) чтобы сильная власть ни на минуту на месте не колебалась, отчего ни на минуту же общественный порядок не нарушался».

В течение года в Европейской России было создано 46 губернских комитетов по крестьянскому делу. Они состояли из выборных

представителей дворянства и назначенных членов от правительства, председательствовал в них губернский предводитель дворянства. В задачу комитетов входила подготовка проекта реформы для своих губерний. Губернские комитеты вынуждены были следовать самодержавной инициативе, но их большинство составляли крепостники, не готовые расстаться с дворянскими привилегиями. Нередко в комитетах возникали ожесточенные споры между ними и представителями либерального меньшинства. Однако при всей резкости столкновений российское дворянство было едино в стремлении сохранить свои сословные права и оградить имущественные интересы.

При Главном комитете в марте 1859 г. были учреждены Редакционные комиссии. Они должны были рассматривать материалы, присланные из губернских комитетов и составлять проекты общих законов об освобождении крестьян. В сущности, это была одна комиссия, которую возглавил генерал Я. И. Ростовцев; твердо проводивший волю императора. Заметное влияние на решение крестьянского вопроса оказывал министр внутренних дел СО Ланской. После смерти Ростовцева в феврале 1860 г. новым председателем Редакционных комиссий был назначен крепостник В. Н. Панин. Однако к тому времени исход крестьянской реформы не вызывал сомнений. Выдающуюся роль в Редакционных комиссиях играли либеральные бюрократы Н. А. Милютин, П. П. Семенов, Н. Х. Бунге, с ними деятельно сотрудничаливключенные в состав комиссий славянофилы Ю. Ф. Самарин и В. А. Черкасский. Ставший членом-экспертом Ю. Ф. Самарин писал в марте 1859 г. Н. А. Милютину: «Я придаю великую важность этому первому шагу допущения совершенно свободного совещательного элемента в государственном вопросе. Если дело поведено будет удачно и благоразумно, то может приохотить и на будущее время обращаться к этому же способу».

Разработанный Редакционными комиссиями проект «Положений о крестьянах» обсуждался депутатами от губернских комиссий, которые специально были вызваны в Петербург в августе 1859 г. и в феврале 1860 г. Депутаты «первого» и «второго» приглашений подвергли проект острой критике, смысл которой сводился к недовольству нарушениями прав дворянской собственности. Выражая дворянские настроения, Кошелев писал: «И прежде дворянство было недовольно некоторыми действиями правительства по крестьянскому вопросу, но, по крайней мере, просвещенное меньшинство помещиков стояло на стороне правительства и сильно ратовало в его пользу. Теперь и этим последним зажат рот, ибо нечего сказать в оправдание власти. Сама она действует почти

революционно, от других требует слепого, безответного повиновения». Некоторые депутаты увязывали будущую реформу с преобразованиями местной администрации и судебной системы, среди них зрела мысль о возможности конституционного ограничения самодержавной власти в интересах дворянства. Александр II отверг дворянские притязания.

В октябре 1860 г, редакционные комиссии завершили работу над проектом «Положений», и он поступил на обсуждение в Главный комитет, а затем и Государственный совет. Александр II был настроен решительно и, открывая заседание Государственного совета, заявил: «Всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства». В Государственном совете было принято предложение П. П. Гагарина о «дарственном наделе», которое предусматривало передачу помещиком по взаимному соглашению крестьянам даром четверти душевого надела, что вело к сохранению земельного фонда за дворянством.

Отмена крепостного права. 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Высочайший Манифест, где возвестил, что «крепостные люди получат в свое время полные права свободных сельских обывателей». Автором первого варианта Манифеста был Ю. Ф. Самарин, затем он был отредактирован московским митрополитом Филаретом (Дроздовым). Наряду с Манифестом было подписано «Положение 19 февраля о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», которое включало в себя 17 законодательных актов. Манифест был прочитан в церквах Российской империи 5 марта 1861 г.

На началах «Положения 19 февраля» в 1863–1866 гг. были проведены крестьянские реформы в Закавказье, Царстве Польском и в Бесарабии, осуществлено поземельное устройство государственных и удельных крестьян.

По «Положению 19 февраля» крестьяне получали личную свободу и право распоряжаться своим имуществом. В течение двух лет они обязаны были отбывать практически те же повинности, что и прежде. Они оставались на положении временнообязанных до тех пор, пока не переходили на выкуп. Помещики сохраняли право собственности на всю принадлежавшую им землю, однако были обязаны предоставить крестьянам «усадебную оседлость» за выкуп, а также полевой надел в постоянное пользование. С точки зрения поместного дворянства, фактически речь шла о насильственном отчуждении части принадлежавшей ему земельной собственности. Дворянство не простило этого либеральной бюрократии.

Поземельные отношения крестьян и помещиков фиксировались

уставными грамотами, добровольное подписание которых с обеих сторон было непременным условием перехода на выкуп. Для разбора споров между крестьянами и помещиками и надзора за возникавшими органами крестьянского самоуправления назначались мировые посредники из числа дворян данной губернии. Мировые посредники по-разному понимали свои задачи, среди них было немало либерально настроенных людей, но в целом они отстаивали дворянские интересы.

Крестьянское землепользование. Главным предметом споров в большинстве губерний был размер крестьянского надела. При подготовке реформы по настоянию Ю. Ф. Самарина и В. А. Черкасского было отвергнуто безземельное освобождение крестьян, которое могло привести к появлению сельского пролетариата. Земельный надел рассматривался как гарантия привязанности крестьянина к деревне, и одновременно он должен был удовлетворять вековое крестьянское требование земли.

Реформа 19 февраля решала земельный вопрос чрезвычайно запутанно. Нарушая право частной собственности помещиков на землю, она одновременно отвергала традиционное крестьянское воззрение, согласно которому вся земля, обрабатываемая крестьянином, принадлежала ему. Крестьяне получали надельную землю на правах общинного пользования, а после выкупа она становилась общинной собственностью. Выход из общины был предельно затруднен, отказаться от надела крестьянин не мог.

Нормы земельных наделов устанавливали в зависимости от местных условий, прежде всего от плодородия почвы. Европейская Россия была поделена на три полосы — нечерноземную, черноземную и степную. Внутри каждой из полос было еще более дробное деление. Для нечерноземной и черноземной полос устанавливались «высшая» и «низшая» нормы земельных наделов, для степной предусматривалась одна, «указная» норма. Если до освобождения крестьяне обрабатывали земли больше, чем им полагалось по нормам высшего душевого надела, то земля у них отрезалась. Если их фактические наделы не достигали низшей нормы, то земля к ним прирезалась. В черноземных губерниях отрезка доходила до 40–60 % крестьянского землепользования и справедливо рассматривалась крестьянами как их жестокое обезземеливание. В целом по России отрезка составила свыше 20 %. Прирезка, в основном в лесных районах Нечерноземья, не превышала 3 %. Возвращение отрезков было главным требованием крестьян на протяжении всего пореформенного времени.

Особенно тяжелым было положение тех крестьян, кто согласился на

получение бесплатного четвертного гагаринского надела. В основном это были крестьяне степных поволжских губерний, где была невысока арендная плата за землю. Крестьяне рассчитывали, что недостающую для правильного ведения хозяйства землю они будут арендовать у прежнего господина. В действительности арендная плата на землю стремительно росла, и крестьяне-дарственники оказывались в безвыходном положении. В целом крестьянская реформа привела к масштабному перераспределению земельного фонда, основная часть которого осталась за поместным дворянством, к обезземеливанию крестьянства и надолго сделала аграрный вопрос, вопрос о земле, главным вопросом русской жизни.

Выкупная операция. Важнейшей частью крестьянской реформы была выкупная операция. Сроки ее завершения не устанавливались, и переход крестьян на выкуп закончился лишь к концу XIX в. Правда, большинство крестьян вышло из категории временнообязанных раньше, чаще всего по одностороннему требованию помещиков. Содержание выкупной операции заключалось в установлении той суммы, которую крестьяне должны были платить за надельную землю и личную свободу. Эта сумма прямо не соотносилась с рыночной ценой земли. Она определялась со слов помещика, который указывал доходность своего имения за последние годы. Годовой доход, рассчитанный по максимуму, приравнивался к 6 %. Далее вычислялась такая сумма, которая, будучи положена в банк из расчета 6 % годовых, ежегодно приносила бы помещику его прежний доход.

При переходе на выкуп крестьяне должны были выплатить помещику сразу или, что бывало редко, в рассрочку около 20 % исчисленной выкупной суммы. Это были реальные деньги, которые помещик получал при любых обстоятельствах. Остальную сумму казна выплачивала поместному дворянству ценными бумагами, беря небольшой процент за техническое проведение выкупной операции. Реальная стоимость ценных бумаг — акций, государственных облигаций — при их массовом появлении на рынке не соответствовала номинальной. Она резко понижалась, и в действительности помещики в редчайших случаях и лишь спустя много лет могли получить всю выкупную сумму. Кроме того, правительство вычитало из нее всю помещичью задолженность казне.

Смысл выкупной операции заключался в сохранении благоприятных условий ведения хозяйства за теми помещиками, чьи хозяйства не находились в залоге, велись рационально и могли, используя полученные средства, приспособиться к новым социально-экономическим отношениям. Мелкопоместное дворянство обрекалось на вытеснение из хозяйственной

жизни и было вынуждено, получив на руки сравнительно большие для себя суммы, искать выход в военной или статской службе.

Кредитуя поместное дворянство, казна не оставалась в проигрыше. Крестьяне обязаны были выплачивать всю исчисленную выкупную сумму государству ежегодно в течение 49 лет. Выкупные платежи легли тяжелым финансовым бременем на крестьянское хозяйство, а сложное исчисление процентов на крестьянские недоимки привело к тому, что к моменту прекращения выкупных платежей в разгар Первой русской революции крестьяне выплатили сумму, которая примерно вдвое превышала расчетную и втрое — рыночную цену земли на момент освобождения. Долговременное финансовое закабаление крестьянства препятствовало развитию рыночных отношений в деревне, до предела обостряло социальные противоречия и было главной ошибкой проводившей крестьянскую реформу либеральной бюрократии.

Община и крестьянское самоуправление. «Положение 19 февраля» сохраняло общину, укрепляло общинное землевладение и вводило крестьянское самоуправление. На сохранении общины особо настаивали, исходя из славянофильских представлений, Ю. Ф. Самарин и В. А. Черкасский. В общине они видели средство, которое может предотвратить обнищание и пролетаризацию крестьянства, даст возможность избежать социального взрыва. Общинные порядки должны были заменить собой прежнюю попечительную власть помещика над крестьянами. Общинная круговая порука облегчала сбор платежей и исполнение повинностей.

Крестьянское самоуправление начиналось с сельского схода, на котором крестьяне-дворовладельцы избирали сельского старосту и представителей на волостной сход. Сельский сход устанавливал правила общинного землепользования, определял сроки передела земли. Волостной сход ведал составлением рекрутских списков и очередностью рекрутской повинности. Он же избирал старшину и создавал выборный волостной суд, действовавший на основе обычного права. Крестьянское самоуправление не было гарантией от помещичьего произвола, но в определенной мере служило росту крестьянского самосознания.

Крестьянские волнения. Получив свободу, крепостные крестьяне были крайне недовольны условиями «воли». Для борьбы с крестьянским недовольством использовались военные команды. Крестьяне отказывались от составления и подписания уставных грамот, веря, что взамен «подложной воли», которую им даровали помещики, они скоро услышат о подлинной «царской воле». Эта вера породила идею «слушного часа», наступление которого ожидали к 19 февраля 1863 г. — именно так

крестьяне понимали двухлетний срок введения в действие «Положения 19 февраля». Произвольное толкование этого документа крестьянином Антоном Петровым вызвало в апреле 1861 г. многотысячное выступление крестьян, центром которого было село Бездна Казанской губернии. При усмирении восставших воинской командой погибло, по официальным данным, около 100 человек. А. Петров был расстрелян по приговору военно-полевого суда. В 1862–1863 гг. крестьянам приходилось силой навязывать уставные грамоты, их сопротивление было сломлено после того, как они убедились, что никакой новой воли не будет, и разуверились в «слушном часе». Размах крестьянских волнений после отмены крепостного права оказался меньшим, чем опасались власти. Однако потенциал крестьянского недовольства был громаден и нашел свой исход в событиях начала XX в.

19 февраля 1861 г. было важнейшим событием в жизни России XIX в. Падение крепостной системы изменило традиционные основы российской государственности. Освобождение крестьян вело за собой преобразование всех социально-экономических отношений, меняло социальную структуру и правовые отношения. Его ближайшим следствием стали другие реформы, проведенные правительством Александра И. Значение крестьянской реформы отлично понимали современники. Славянофильская газета «День» писала: «19-м февраля 1861 года начинается новое летосчисление русской истории».

§ 2. Административно-правовая модернизация

Планы преобразований. Отмена крепостного права неизбежно влекла за собой преобразование в сфере центральной и местной администрации, судебной системы и норм права. В первую очередь требовались коренные изменения тех сфер государственного устройства и управления, что были основаны на крепостном труде и на полной полицейской зависимости крестьян от помещиков. Модернизация социальных отношений ставила в повестку дня вопрос о преобразовании сословной структуры российского общества, отказа от исключительных политических и хозяйственных привилегий отдельных сословий, утверждение объективно буржуазных начал всесословности и бессословности. Свобода предпринимательства, которая стала условием экономического развития страны, диктовала необходимость совершенствования финансовых институтов, отказ от мелочной регламентации.

В период подготовки крестьянской реформы ни правительство, ни активно действовавшие либеральные бюрократы, ни представители общества не поднимали вопроса о целостной системе реформ, о последовательном, поэтапном проведении преобразований. В среде либеральной бюрократии связь крестьянской реформы с необходимыми преобразованиями внутренней жизни страны понималась в самой общей форме. Ближайший помощник великого князя Константина Николаевича А. В. Го-ловнин составил неполный перечень неотложных преобразований: веротерпимость, реформа суда и полиции, уменьшение государственных расходов, отмена откупов, децентрализация административного управления. По мере развертывания реформаторской деятельности сфера преобразования расширялась. Россия переживала полосу административно-правовой модернизации.

После 19 февраля 1861 г. главной заботой правительства было успокоение сословий, которые в наибольшей степени затронула реформа. Уступкой поместному дворянству стала отставка главных правительственных деятелей по крестьянской реформе — министра внутренних дел С. С. Ланского и товарища министра Н. А. Милютина. Новым министром внутренних дел был назначен П. А. Валуев, умелый и образованный администратор. В сентябре 1861 г. он представил императору отчет об итогах первых шести месяцев проведения крестьянской реформы. Он отмечал, что «почти во всех губерниях» для наказания крестьян были использованы войска, но подчеркивал, что «в настоящее время общественный порядок водворен повсеместно». Валуев писал императору: «Двинув крестьянский вопрос, надлежало вместе с ним или вслед за ним двинуть и все другие». Записка получила высочайшее одобрение.

Ее первым следствием стало определение обязанностей Совета министров, который должен был стать местом обсуждения важнейших государственных вопросов. Совет работал под председательством царя, его заседания были похожи на заседания европейских кабинетов, ответственных перед представительными учреждениями.

В январе 1862 г. Валуев напечатал официальное сообщение о том, что готовятся реформы суда, земской и городской полиции, народного образования, государственной и удельной деревни. Важную роль в подготовке дальнейших реформ сыграли назначения на ответственные министерские посты видных представителей либеральной бюрократии: военным министром стал Д. А. Милютин, финансов — М. Х. Рейтерн, юстиции — Д. Н. Замятнин, народного просвещения — А. В. Головнин. Им

и их сотрудникам надлежало приступить к практической разработке намеченных реформ. Общий контроль над их подготовкой император оставил за собой.

Стабилизация финансовой системы. Важным свидетельством намерения правительства продолжать реформаторскую деятельность стало опубликование в январе 1862 г. росписи доходов и расходов Российской империи, которая до этого составляла государственную тайну. Публикация росписи воспринималась как торжество гласности в государственных делах, она была призвана восстановить доверие иностранных финансовых кругов к российскому правительству, поколебленное Крымской войной и слухами о громадном размере государственного долга. Обесценение рубля, отказ европейских денежных рынков предоставлять займы русскому правительству, расходы на проведение крестьянской реформы диктовали неотложность финансовых преобразований.

В 1860 г. был основан Государственный банк. Он заменил прежние казенные банковские учреждения — «сохранные казны», Государственный заемный и Государственный коммерческий банки. Задачей Государственного банка было централизовать кредитно-денежную политику. Деятельность банка должна была способствовать оживлению промышленности, торговли и сельского хозяйства. Однако этому мешало отсутствие средств на кредитование. Первым управляющим Государственного банка стал придворный банкир А. Л. Штиглиц, которого спустя шесть лет заменил представитель либеральной бюрократии Е. И. Ламанский. В 1862 г. Штиглиц удачно провел переговоры в Париже и Лондоне о предоставлении займов, но грандиозные петербургские пожары летом того же года, которые связывали с антиправительственной деятельностью нигилистов, восстание в Польше, вспыхнувшее в январе 1863 г., сделали заем на выгодных условиях невозможным. Ключевой финансовой мерой должна была стать денежная реформа, одобренная весной 1862 г. Она предусматривала введение свободного обмена бумажных денег на золотые и серебряные монеты. Отказ в кредитах привел к тому, что начавшийся обмен бумажных денег был прекращен. К идее денежной реформы правительство вернулось только в конце XIX в.

Крупную роль в стабилизации российской финансовой системы играл В. А. Татаринов, с 1863 г. занимавший пост государственного контролера. Он реформировал Государственный контроль — самостоятельное ведомство, которое следило за законностью поступления доходов, учитывало расход средств всеми государственными учреждениями. Государственный контроль получил право внезапных ревизий, кассовых и

фактических, практически всех ведомств за исключением Министерства императорского двора. Татаринов настоял на гласности бюджета, осуществил «единство кассы», что означало проведение всех государственных выплат и поступлений через одну структуру — Министерство финансов. Ведомства утратили право перебрасывать средства из одной статьи расходов в другую и скрывать источники доходов.

Была сделана попытка усовершенствовать налоговую систему. Правительство не решилось на предполагавшуюся отмену подушной подати и на то, чтобы переложить часть налогового бремени на плечи дворянства. Определенную дезорганизацию в систему финансовых поступлений вносили выкупные платежи. В условиях оскудения деревни и промышленного застоя повышать прямые налоги было бессмысленно и опасно.

Для улучшения сбора косвенных налогов была проведена отмена откупной системы. Особую ненависть населения вызывали винные откупа, повышая доходность которых откупщики производили и продавали водку низкого качества. В 1858–1859 гг. по стране прошло стихийное «трезвенное движение». Крестьяне более чем 30 губерний Европейской России на деревенских сходах принимали решение не пить вина, громили питейные заведения. «Трезвенное движение» давало выход социальной напряженности и свидетельствовало об определенных элементах сознательности в крестьянской среде, где отказ от пьянства стал рассматриваться как необходимое условие «лучшей доли». Правительство было напугано размахом «трезвенного движения», использовало для его усмирения войска, понизило цену на продукцию винокурения, ограничило злоупотребления откупщиков. С 1863 г. вместо откупной системы вводилась акцизная, что означало свободную продажу вина при условии выплаты акцизного сбора, который взимался специально созданными государственными акцизными учреждениями.

Земская реформа. Важнейшим событием в жизни России стало утверждение Александром II 1 января 1864 г. Положения о губернских и уездных земских учреждениях. Вопрос о местном управлении несколько лет рассматривался в Министерстве внутренних дел в комиссии под председательством Н. А. Милютина. Комиссия выработала проект организации управления в уездах, основанный на началах выборности и всесословности. При Валуеве разработка реформы местного управления была продолжена. Основные положения земской реформы были опубликованы в 1862 г. Идея оживления земской жизни была привлекательна, в ней видели средство противостоять административному

произволу на местах, преодолеть культурную и экономическую отсталость провинции.

Закон 1864 г. провозглашал создание земских учреждений в уездах и губерниях. Их распорядительными органами были уездные и губернские земские собрания, которые раз в год должны были решать организационные и финансовые дела. Постоянно действовали исполнительные уездная и губернская земские управы. В основе всей деятельности земских учреждений лежало право устанавливать местные сборы на текущие и особые нужды. К компетенции земств относились дела, связанные с «местными хозяйственными пользами и нуждами». Земские учреждения ведали вопросами благоустройства городов и сел, народного просвещения, медицины и здравоохранения, ветеринарного дела, социального призрения, страхования. Земствам надлежало осуществлять попечение о местной торговле и промышленности, устраивать местные пути и средства сообщения — дороги, мосты и паромные переправы, ведать пополнением хлебных магазинов, постройкой церквей и содержанием тюрем.

Земские учреждения переизбирались каждые три года, и земские выборы стали важным элементом общественной жизни. Проводились они по куриям, что означало деление избирателей на разряды, курии. Первую курию составляли дворяне-помещики, имевшие не менее 200 десятин земли, или лица, имевшие другую крупную недвижимую собственность. Во вторую курию входили гильдейские купцы, владельцы торгово-промышленных заведений и городские домовладельцы. Самая многочисленная третья курия была крестьянской. К ней принадлежали все кре-стьяне-дворовладельцы. Выборы по двум первым куриям были прямыми, по третьей — многоступенчатые: сельский сход — волостной сход — уездный съезд выборщиков. В число уездных и губернских гласных от третьей курии могли избираться представители дворянства и духовенства. От первой, очень немногочисленной курии избиралось столько же гласных, сколько и от двух других. Куриальная система отражала нежелание самодержавной власти и поместного дворянства терять контроль над местной жизнью. В итоге, будучи всесословными органами, земские учреждения в действительности находились под дворянской опекой. Дворянство было наиболее широко представлено в губернских и уездных земских управах, ведало распределением земских средств и принятием решений. В губернских земских управах дворян было около 90 %, крестьян только 1,5 %.

Многосторонняя административно-хозяйственная деятель-кость

земств понималась правительством как дополнение к работе бюрократической государственной машины и жестко регламентировалась. Земские учреждения были поставлены под контроль местной администрации, губернатор имел право «остановить исполнение всякого постановления земских учреждений, противного законам или общим пользам». Создав двухступенчатую структуру земских учреждений на уровне уезд — губерния, власти категорически отвергали идею «увенчания здания», т. е. создания общероссийского земского представительства. Многолетняя борьба земских деятелей, которые считали «увенчание здания» своей главной общественной задачей, не имела успеха.

С особым вниманием центральные и местные власти следили за деятельностью земских служащих, к которым относились врачи, учителя, ветеринары, статистики. Они составляли так называемый третий элемент и были наиболее общественно активны. Первыми двумя элементами считались земские гласные и члены управ. Земские служащие в массе своей были бескорыстны и искренне преданы делу служения народу, были проникнуты идеями просвещения и прогресса. Среди них было немало выдающихся местных деятелей, оставивших по себе благодарную память. Земства проделали огромную работу по развитию школьного и медицинского дела, по созданию системы страхования и кредита.

Первоначально земские учреждения вводились в великорусских губерниях, где преобладало русское дворянство. Только 34 губернии Центральной России попали в число тех, где создавались земства. Из сферы их деятельности была исключена Сибирь и те губернии Европейской России, где не было дворянского землевладения, а также национальные окраины. Опасение, что земские учреждения могут притязать на политическую роль, нашло отражение не только в географической ограниченности земской реформы. Специальными циркулярами запрещались контакты между земствами, публикация отчетов о земских собраниях.

Валуев пытался связать земскую реформу с реформой Государственного совета. Он разработал проект, согласно которому Государственный совет преобразовывался в двухпалатное представительное учреждение. Однако валуевская идея общенационального представительства была отвергнута императором как конституционная. Не был принят и сходный проект великого князя Константина Николаевича, который видел в создании «полупредставительных собраний» средство противостоять олигархическим дворянским притязаниям.

Городское самоуправление. Дополнением к земской реформе стало Городовое положение 1870 г. Оно готовилось более 10 лет и должно было преобразовать городское самоуправление. Необходимость в такой реформе была вызвана бурным развитием городов как центров промышленности и торговли, ростом городского населения. В более чем 500 городах России вводились всесословные органы городского управления, распорядительные Городские думы и исполнительные Городские управы. Они избирались на 4 года, и во главе их стоял городской голова. Избирательное право предоставлялось мужчинам старше 25 лет, плативším городские налоги и сборы. Избиратели делились на 3 разряда, курии, по размерам уплачиваемых налогов. Большинство городского населения — рабочие, мелкие служащие, разночинная интеллигенция, — не имевшее собственности и не плативšее налогов, в выборах не участвовало. Нормы представительства от курий были таковы, что в городских думах господствовали капиталисты-промышленники, купцы и дворяне-домовладельцы.

Органы городского самоуправления решали, как и земства, административно-хозяйственные вопросы: освещение, отопление и водоснабжение городов, городской транспорт, благоустройство улиц, очистка от мусора. Они строили школы, больницы, приюты для детей и престарелых, учреждения культуры. На свои средства городские думы должны были содержать пожарную охрану, городскую полицию, следить за благоустройством тюрем и казарм. В своей повседневной деятельности они были относительно независимы от местной администрации, заинтересованной в том, чтобы значительные денежные средства, получаемые от налоговых поступлений, служили развитию городского хозяйства. Любые политические инициативы органов городского самоуправления жестко пресекались. Когда в 1870 г. Московская городская дума обратилась к Александру II с адресом, где заявляла о своей поддержке дипломатических усилий Горчакова по отмене условий Парижского мира, то такое обращение было отвергнуто. Власти сочли содержавшиеся в адресе робкие пожелания свободы слова, совести и печати неприличным требованием конституции, городской голова В, А. Черкасский должен был уйти в отставку.

Судебная реформа. С особым вниманием современники следили за перестройкой российского судоустройства и судопроизводства. Создание современного суда было настоятельным требованием, которое стояло в одном ряду с отменой крепостного права. Старая судебная система вызывала всеобщее недовольство запутанностью судопроизводства,

которое велось в атмосфере канцелярской тайны, мздоимством судейских чиновников, медленностью прохождения дел, множественностью инстанций, которые решали дела разных сословий и ведомств. Правовед К. П. Победоносцев, впоследствии ставший оплотом правительственной реакции, писал в герценовских «Голосах из России»: «У нас нет никакого правосудия».

Главные начала судебной реформы разрабатывались юристами, среди которых выделялся С. И. Зарудный. После рассмотрения в Государственном совете Судебные уставы 20 ноября 1864 г. были утверждены Александром II. В указе Сенату, который должен был следить за их проведением в жизнь, император отмечал основные начала судебной реформы: «суд скорый, правый, милостивый, равный», «надлежащая самостоятельность» судебных учреждений. Задача заключалась в том, чтобы утвердить в народе «уважение к закону».

Новое судоустройство вводило равенство всех граждан перед законом, провозглашало принцип независимости судебной власти, гласность и состязательность судопроизводства. Вводились новые правовые институты: присяжные заседатели и присяжные поверенные. Суд состоял из нескольких инстанций. Для разбора малозначительных дел и мелких гражданских исков создавался выборный мировой суд, где мировой судья без участия адвокатов должен был обеспечить скорое решение дел с учетом «местных условий». Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями, в крупных городах — городскими думами; там, где не было земств, назначались местной администрацией. Мировой судья должен был удовлетворять имущественному и образовательному цензу. Приговор мирового суда мог быть пересмотрен уездным съездом мировых судей, что случалось редко.

Большинство дел решал коронный суд. Его низшей инстанцией был окружной суд, верхней — судебная палата, одна на несколько губерний. Председатели и члены судебных палат и окружных судов утверждались императором, они были несменяемы, что должно было гарантировать их от воздействия местной администрации. Отстранить их от должности можно было, только обвинив в уголовном преступлении. Независимы и несменяемы были судебные следователи, особые чиновники, которые вели предварительное следствие по уголовным делам. Все кандидаты на занятие судейских должностей должны были иметь юридическое образование. Значительная часть гражданских и уголовных дел решалась коронным судом с участием присяжных заседателей, которые выбирались из числа добропорядочных граждан мужского пола, не находящихся в услужении.

Присяжными заседателями могли быть крестьяне-дворовладельцы, но в их число не попадали ни рабочие, ни прислуга. Присяжные заседатели, числом 12 человек, олицетворяли независимое общественное мнение и должны были высказаться о виновности или невиновности обвиняемого или ответчика. Меру наказания определял судья. Судебные приговоры могли быть обжалованы в судебной палате либо в Сенате, который имел право отмены или пересмотра судебных решений.

Важной частью новой судебной системы стали присяжные поверенные, адвокаты. Они участвовали в процессе и в устном состязании со стороной обвинения, которую представлял прокурор, стремились смягчить участь своих подзащитных либо доказать их невиновность.

Действие судебных уставов 1864 г. не было распространено на окраины империи — на Прибалтику, Польшу, Сибирь, Среднюю Азию, север Европейской России. Новые судебные учреждения вводились постепенно, этот процесс завершился к концу XIX в. Судебная реформа 1864 г. утверждала нормы буржуазного права, ее подготовка и проведение выдвинули плеяду выдающихся судебных деятелей, она сумела изменить отношение общества к суду, превратив судебные заседания в общественное событие и средство воспитания правосознания. Вместе с тем судебная реформа не была последовательной, и суд, созданный на ее основе, не был подлинно бессословным.

По-прежнему особым порядком решались дела по военному ведомству и в среде духовенства. На основе обычного права и в самых разных инстанциях рассматривались дела среди народов, населявших окраины. Все это далеко отстояло от нормы равенства всех граждан перед законом и отражало правительственное стремление сохранить сословную структуру общества. Российское крестьянство, составлявшее громадное большинство населения России, свои гражданские тяжбы и значительную часть мелких уголовных дел решало в волостных судах, которые были органами сословного крестьянского самоуправления, где судьи из крестьян судили только крестьян. Волостные суды руководствовались нормами обычного права, традиционными представлениями о справедливости и выносили решения на основе здравого смысла. Подготавливая судебную реформу, правительство в 1863 г. отменило телесные наказания по приговорам гражданских и военных судов. Однако они сохранились для крестьян по риговору волостных судов. Юридическая неполноправность крестьянского населения была очевидной.

Тем не менее позитивные изменения были заметны. Известный земский деятель Г. Е. Львов свидетельствовал: «Личность крестьянина

была умалена, принижена, ограничена в своих правах, не была подчинена общему суду и закону, не пользовалась правами личной свободы, ее не уравняли с лицами других сословий. Так и жили мужики особым своим миром в исключительном положении. Не создали им прочного юридического положения, окончательной свободы они так и не получили, и тем не менее крестьянство в массе своей преодолевало все трудности, сумело расширить приложение своего труда в подсобных промыслах, в заработке по сторонам, пробираясь туда, куда ему были поставлены и законом, и социальными условиями непроходимые препятствия, и в общем, в пределах своего надела, с ограниченными потребностями своего быта, жило, в сущности, в достатке». Правда, следует признать, что суждение Львова исходило из представлений, характерных для традиционного общества.

Реформа системы народного образования. В 1863 г. был принят новый университетский устав. Он стал частью реформы системы народного образования, видную роль в проведении которой играл министр народного просвещения А. В. Головнин. Новые социально-экономические условия вызвали резкий рост потребности в образованных, профессионально подготовленных специалистах, и правительство должно было пойти на отмену ограничительных мер, принятых после 1848 г. Университетский устав 1863 г. был разработан комиссией с участием либеральной профессуры. Он восстанавливал основы университетской автономии, которая была дарована еще Александром I, при этом Варшавский, Дерптский и Гельсингфорсский имели особые уставы.

Каждый из пяти российских университетов — Московский, Казанский, Петербургский, Харьковский и Киевский — должен был иметь четыре факультета: медицинский, физико-математический, юридический и историко-филологический. Устав устанавливал выборность профессорского и преподавательского состава, определял руководящую роль Совета университета в чебныхи ученых делах. Обучение было платным, проступки студентов должны были рассматриваться особым университетским судом. Университеты получали право иметь собственную цензуру, выписывать без таможенного досмотра иностранную научную литературу. Устав повышал почти вдвое профессорское жалованье, а также статус университетских должностей в Табели о рангах. Эти меры должны были показать правительственную заботу о высшей школе.

В 1864 г. были разработаны положения, регламентирующие начальное и среднее образование. Инициатива открытия начальных школ передавалась общественным силам. В значительной степени это

диктовалось ограниченными финансовыми возможностями казны. Правительство оставляло за собой право контроля за преподаванием, для чего в уездных и губернских городах создавались училищные советы, возглавляемые архиереем и включавшие директоров училищ и представителей земств. Земские учреждения взяли на себя главную роль в создании системы начального образования. Земства выделяли средства на постройку школьных зданий, оплату труда учителей, на покупку пособий и учебников.

Наряду с земскими школами существовали частные начальные школы, казенные и министерские школы, входившие в систему Министерства народного просвещения, и церковно-при-ходские, находившиеся в ведении Синода. Начальные школы давали навыки чтения, письма и устного счета, в них преподавались Закон Божий и элементарные естественно-научные представления об окружающем мире. Начальная школа была бесплатной, классы были смешанными, в них одновременно учились крестьянские девочки и мальчики. Срок обучения колебался от двух до четырех лет.

Гимназический устав предусматривал создание всесословных семиклассных мужских гимназий, обучение в которых было платным. Гимназии делились на классические и реальные. Выпускники классических гимназий в значительном объеме изучали древние языки, латинский и греческий. Они имели право без экзаменов поступать в университет своего учебного округа. Власти полагали, что классическое образование препятствует усвоению материалистических идей. В реальных гимназиях, которые позднее были преобразованы в реальные училища, большее внимание уделялось точным наукам. Их выпускники пользовались льготами при поступлении в технические учебные заведения. Несмотря на декларированную общедоступность среднего образования, оно оставалось привилегией зажиточных слоев общества, способных вносить высокую плату за обучение.

Постепенно складывалась система женского образования, которой Россия прежде не имела. В губернских городах были открыты женские училища, дававшие среднее образование и аналогичные мужским гимназиям. Это были учебные заведения открытого типа для приходящих учениц. В 1870 г. они были превращены в женские гимназии. Женское образование должно было служить воспитанию будущих жен и матерей семейства. Число женских гимназий в России росло очень быстро. Сложнее обстояло дело с высшим женским образованием. К нему не были готовы ни профессура, ни студенчество. Допустив в 1861 г. свободное посещение женщинами университетских лекций на правах

вольнослушательниц, правительство вскоре запретило его. Взамен стали создаваться высшие женские курсы. Это были частные учебные заведения, имевшие университетские программы. Определенную стройность система женских курсов приобрела к 1876 г. Частный характер системы высшего женского образования и недостаток средств препятствовали его развитию. Кроме того, выпускницы курсов не имели доступа на государственную службу. Между тем в новых социально-экономических условиях росла потребность женщин в самостоятельном и гарантированном заработке. В 1864 г. женщины были допущены к работе телеграфистками в пределах княжества Финляндского. В начале 1870-х гг. правительство расширило сферу женскоготруда на государственной службе. Речь шла о занятиях счетоводством, воспитанием детей и медициной.

Цензурная реформа. В 1865 г. была проведена цензурная реформа. Старая система, которая требовала предварительного цензурного просмотра любой печатной продукции, препятствовала нормальной журнально-газетной деятельности, ориентированной на получение прибыли, делало невозможным издание ежедневных газет, сообщающих свежие новости и рассчитанных на массового читателя. Разработка цензурной реформы велась комиссией Д. А. Оболенского, которая полностью отвергала любые предложения общественных деятелей, основанные на требованиях гласности и свободы слова. Правительство не решилось полностьюотменить предварительную цензуру, но ввело, первоначально только для столичной печати, цензуру карательную. На практике это означало, что периодические издания могли выходить без предварительного просмотра их цензорами, но в случае, если в напечатанных статьях содержались предосудительные материалы, то на редактора и издателя накладывались денежные штрафы и административные кары. В определенных случаях периодическое издание могло быть закрыто либо временно приостановлено. Карательная цензура давала возможность динамичного развития газет и журналов, но обрекала их сотрудников на строгую самоцензуру.

Военная реформа. На много лет растянулось преобразование военного ведомства и реорганизация армии, настоятельная потребность в которых диктовалась поражением в Крымской войне. Большая часть преобразований была связана с деятельностью военного министра Д. А. Милютина. Исходя из необходимости облегчить бремя финансовых расходов, он уменьшил срок солдатской службы до 15 лет, предоставив солдатам после выслуженных семи лет уходить в отпуск, что привело к существенному сокращению армии в мирное время. При Милютине

изменились условия службы нижних чинов: отменены телесные наказания, строго расследовались случаипобоев солдат, было введено систематическое обучение солдат грамоте в ротных школах.

В 1864 г. им была проведена реформа местного военного управления, которая разделила территорию империи на военные округа. Военно-окружная система позволяла приблизить управление к войскам, обеспечивала быстрое проведение мобилизации и стала основой стабильности русской армии. В 1865 г. был учрежден Главный штаб, который стал центральным органом управления войсками. Была кардинально перестроена система подготовки офицеров: существовавшие прежде кадетские корпуса преобразовывались в военные гимназии, создавались военные училища, готовившие офицеров. Были созданы юнкерские училища, поступление в которые открывало доступ в офицерский корпус лицам недворянского происхождения. Создание стройной системы военного образования потребовало пересмотра программ и курсов Академии Генерального штаба и других академий.

Большое внимание уделялось боевой подготовке. Войска были разделены на полевые и местные, были упразднены армии и корпуса, пехота и кавалерия оснащены винтовками Бердана. Артиллерия получила первые нарезные орудия, заряжаемые с казенной части. Все эти мероприятия создали основу для введения всеобщей воинской повинности.

По Уставу о воинской повинности, утвержденному Александром II 1 января 1874 г., военную службу должны были отбывать все лица мужского пола в возрасте от 21 года до 40 лет. Срок действительной службы устанавливался в армии шесть, а на флоте семь лет с последующим пребыванием в запасе армии девять лет, флота — три года. После этого военнообязанные переводились в государственное ополчение, куда зачислялись и все, освобожденные от призыва. Реальный срок действительной военной службы зависел от образовательного ценза, что было проявлением сословных предпочтений. Окончившие начальную школу служили четыре года, гимназию — полтора, а лица, получившие высшее образование — полгода. Максимальный срок службы предусматривался для неграмотных, которые в армии обучались чтению, письму и счету. Воинская повинность способствовала резкому повышению грамотности мужского населения страны.

Военная повинность была всеобщей и всесословной, буржуазный принцип равенства был выражен в ней последовательнее, чем в любой другой реформе Александра И. Вместе с тем исполнение всеобщей воинской повинности предусматривало многочисленные льготы и изъятия,

значительная часть которых была связана с сословным происхождением и имущественным положением призывника. По религиозным и национальным мотивам освобождались от военной службынекоторые народы Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Поскольку штат армии мирного времени был меньше, чем общее число подлежащих призыву, то на действительную службу попадали далеко не все. В 1884 г. из 725 тыс. молодых мужчин было призвано 150 тыс., в 1900 г. из 1500 тыс. — 315 тыс. В целом действительную службу проходили 20–30 % лиц призывного возраста. Часть призывников освобождалась от военной службы по состоянию здоровья. Кроме того, не призывались: единственный кормилец малолетних братьев и сестер, единственный сын у родителей и те, чей старший брат служил на действительной службе. Таким образом, освобождалось до половины призывников. Остальные должны были тянуть жребий. Такая сложная система призыва создавала возможности для злоупотреблений.

Проведение военных реформ наталкивалось на сопротивление части генералитета, которую возглавлял фельдмаршал А. И. Барятинский. Милютина упрекали в ослаблении роли командного состава, в бюрократизации армии. События русско-турецкой войны 1877–1878 гг. показали высокую боеспособность частей и соединений, хорошую выучку солдат и офицеров. Военная реформа сделала армию современной, хотя и не изменила сословного характера офицерского корпуса. Недостатком милютинских преобразований было невнимание к интендантской части, что проявилось уже в русско-турецкую войну.

Великие реформы Александра II и прежде всего отмена крепостного права, даровавшая крестьянам личную свободу, создали условия для экономических и социальных перемен. Они стали предпосылкой всесторонней модернизации страны. В ходе реформ были внесены существенныеизменения в организацию местного управления, в систему народного образования, была полностью перестроена судебная система. Вместе с тем современники отмечали «недостроенность здания реформ». Великие реформы не затронули высших органов государственного управления, они не изменили сословной организации общества и не ослабили политической власти поместного дворянства. После реформ Александра II Россия оставалась единственной неограниченной самодержавной монархией в Европе.

Глава 25. Экономическое развитие пореформенной России

§ 1. Пореформенная деревня

Экономические последствия крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. Экономическое развитие пореформенной России по-разному проходило в промышленности и в сельском хозяйстве, в городе и в деревне, в центре и на окраинах. На пореформенный период, под которым принято понимать временной отрезок от падения крепостного права до конца XIX в., приходится два этапа становления раннеиндустриального общества: первые двадцать лет после реформы, когда завершился промышленный переворот и вместе с тем почти не изменились хозяйственные связи и социальные отношения в деревне, и второе двадцатилетие, время серьезных перемен во всем укладе российской экономики. Объективный характер перемен, их необратимость давали основание современникам на исходе пореформенного периода делать вывод об утверждении капиталистических отношений в России.

Решающее влияние на ход социально-экономического развития России оказала крестьянская реформа 1861 г. Ее главным непосредственным результатом стало освобождение крестьян от крепостной зависимости. Личная свобода была непременным условием перехода от традиционного общества, которое существовало в России на протяжении веков, к новым общественным отношениям. Освободившись от помещичьей опеки, крестьяне, даже ограниченные рамками мирской круговой поруки, получили относительную свободу передвижения, в определенной степени они могли располагать своим временем и выбирать род занятий. Крестьянское освобождение вело к глубоким социальным изменениям в деревне. Характер этих изменений определялся как взаимной экономической зависимостью крестьян и помещиков, их давними и устойчивыми хозяйственными отношениями, так и факторами внеэкономическими, главным из которых была не менее давняя взаимосвязь поместного дворянства и самодержавной власти.

Главным содержанием социальной жизни России был антагонизм двух основных сословий общества — крестьянства и поместного дворянства. Их противостояние уходило в глубину столетий и было вызвано прежде всего

принципиально разным подходом к вопросу о праве собственности на землю. Вековая традиция выживания каждого крестьянского двора при активном участии общины укрепляла общинное землевладение и землепользование, специфику ведения земледельческого хозяйства, обусловленную природно-климатическими факторами, что не способствовало вызреванию в крестьянской среде сколько-нибудь твердых традиций частной собственности на землю. Вдумчивый наблюдатель пореформенной деревни смоленский помещик А. Н. Энгельгардт писал: «У мужиков, даже самых наци-вилизованных посредниками, все-таки остается, где-то в мозгу, тайничок (по этому тайничку легко узнать, что он русский человек), из которого нет-нет да и выскочит мужицкое понятие, что земля может быть только общинной собственностью». Этот ментальный архаизм опирался на вековые традиции взаимопомощи общинников в критический момент жизни того или иного крестьянина. И после реформы широко распространены были «помочи», спасавшие земледельца от внезапной напасти. Община помогала и в противостоянии с помещиком и с местной властью.

Поземельная община. Частнокапиталистические отношения, нормы буржуазного права крайне медленно проникали в пореформенную деревню, их влияния было недостаточно, чтобы изменить или тем более ускорить процесс ломки старого традиционного общества. Отмена крепостного права, обезземелившая крестьян, но сохранившая поземельную общину, лишь обострила социальную борьбу в деревне.

Общинное землевладение полностью господствовало в Центрально-Черноземном регионе и частично в Центрально — Нечерноземных губерниях и на Юге России. Лишь в польских губерниях благодаря крестьянской реформе 1864 г. преобладало подворное землевладение. Правда, усилилось неравенство самих общин. Стремительно богатели селения, оказавшиеся вблизи железнодорожных станций, растущих торговых центров и т. п. Общинная чересполосица по-прежнему была причиной принудительного севооборота и одинакового для всех крестьянских хозяйств трехполья. Вместе с тем фискальные тяготы, лежавшие на общине, и неуклонное разорение части крестьянских хозяйств вели к внутриобщинной социальной дифференциации. При наделении землей во время общинных переделов в ряде районов вошел в обычай учет состоятельности и платежеспособности двора, а не простого числа мужских душ. Для многих крестьянских семей получение земли на новых членов было существенным стимулом к активизации рождаемости. Земельные переделы теряли уравнительный характер, на смену общинному

равенству шло имущественное и земельное неравенство. На территории исторического ядра Российского государства процесс расслоения привел к созданию в 60—70-е гг. XIX в. огромного слоя безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств, составлявших от 50 до 60 % всех крестьянских дворов. Круговая порука вела к тому, что неисправный плательщик попадал в кабалу к своим зажиточным односельчанам.

Имущественное неравенство внутри общины стало заметным, в повседневный обиход вошли такие понятия, как «кулаки-мироеды», «батраки». По данным земской статистики конца XIX в., у 20 % зажиточных крестьян было около 50 % посевной площади, в то время как у 50 % бедных дворов она составляла около 18 %. На один крестьянский двор у зажиточных крестьян приходилось 20 десятин земли, находившейся в пользовании, у бедных — около 3,5 десятины. У зажиточных крестьян было не только больше посевных площадей, но и больше лошадей, домашнего скота, инвентаря, сельскохозяйственных машин. Треть зажиточных крестьян нанимала батраков. Однако весь этот набор новаций не увеличивал короткое лето, ставящее жесткие ограничения на пути прогресса.

В пореформенное время разрушалась, несмотря на сопротивление правительства и дворянства, традиционная сословная структура общества, которая перестала соответствовать новым имущественным, правовым и социальным отношениям. Формально-юридическое сохранение сословных перегородок тормозило образование классов буржуазного общества. Тем не менее они неизбежно возникали в ходе противостояния труда и капитала. Однако эти процессы все еще затрагивали значительное меньшинство населения. Россия оставалась страной крестьянской и земледельческой.

Демографическая сословная структура. По сравнительно полным данным полицейского учета за 1867 г., в Российской империи жило 81,7 млн человек. В январе 1897 г. в России была проведена первая всеобщая перепись населения. Ее сведения вполне достоверны и дают возможность судить об основных демографических процессах, проходивших в пореформенное время. Общая численность населения страны составила 128 млн человек; без польских губерний и Финляндии — 116 млн. В сопоставимых границах Европейской России среднегодовой прирост в пореформенный период составлял 1,31 %, что было значительно выше показателей дореформенного времени. Увеличение происходило не за счет повышения рождаемости, которая оставалась примерно на одном уровне, а в результате снижения смертности. Однако средняя продолжительность жизни оставалась низкой и составляла 34 года, что в

первую очередь было связано с высокой детской смертностью. По демографической структуре Россия была страной молодых, где дети до 14 лет составляли примерно треть населения, а лиц старше 60 насчитывалось менее 7 %.

Перепись 1897 г. не знала вопроса о национальности. Вместо него был вопрос о родном языке. Около 47 % назвали родным языком русский. Вместе с теми, кто выбрал в качестве родного языка украинский и белорусский, они составляли 71 % населения. Примерно по 3 % указали в качестве родного языка казахский, еврейский и татарский. На уровне 1 % было число лиц, назвавших своим родным языком немецкий, армянский, башкирский, латышский и молдавский. Сведения о родном языке не были равнозначны этнической принадлежности.

В Европейской России жило около 80 % всего населения. Перепись 1897 г. зафиксировала относительно слабую миграцию населения. Всего только около 10 млн человек проживало не в тех губерниях, где они родились, что свидетельствовало о невысоком уровне социальной мобильности. Почти исключительно речь шла о крестьянской миграции. По-прежнему основной риток населения приходился на Юг России и степное Предкавказье; увеличивался поток переселенцев в Сибирь, где в рассматриваемый период среднегодовой рост населения превышал 4 %. Г. Е. Львов подчеркивал: «Сибирь под силу только мужику, оттого-то, несмотря на ее богатства и приволье, несмотря на то, что правительство продавало там на самых льготных условиях дворянам свободные земли, ни одного случая переселенияиз дворянского сословия туда не было. Дворянство искало другое, где полегче».

Рост населения страны в пореформенные десятилетия в полтора раза — хороший демографический показатель, который свидетельствовал об улучшении качества жизни основных категорий населения, хотя бедность, низкая бытовая культура и отсутствие элементарной медицинской помощи были неотъемлемой принадлежностью жизни крестьянства и городских низов.

Городское население росло опережающими темпами и увеличилось в два с половиной раза. Удельный вес горожан, согласно переписи, возрос до 13 %. В действительности в городах и фабрично-заводских поселениях жило значительно больше человек, но составители переписи не учитывали социальной динамики, придерживаясь устарелых сословно-правовых норм. По сравнению с периодом отмены крепостного права с 3 до 15 увеличилось число городов, население которых превышало 100 тыс. человек, Петербург и Москва стали городами с миллионным населением. Процесс урбанизации

быстро (в сравнении с прошлым) набирал силу и объективно свидетельствовал о размывании основ традиционного общества. Однако до европейских масштабов урбанизации России было еще далеко.

Крестьяне разных категорий вместе с казаками составляли свыше 80 % населения. Большинство из них постоянно жило в деревне и занималось сельским хозяйством. В конце XIX в. в России было около 525 тыс. сел и деревень, из них в Европейской России располагалось 93 %.

Сельскохозяйственное производство. В пореформенное время Россия сохраняла позиции ведущей аграрной державы. По общему объему сельскохозяйственного производства она находилась на первом месте в мире. В конце XIX в. доход от сельского хозяйства более чем в два раза превышал доход от промышленности. На рубеже XIX–XX вв. российское сельское хозяйство давало около четверти мирового производства хлебов, при этом до 50 % ржи и около 35 % ячменя. В России производилось 80 % льна и 17 % картофеля.

В пореформенное время структура сельскохозяйственного производства не претерпела существенных изменений. Сохраняли свое значение сложившиеся ранее районы торгового земледелия. Важно отметить, что к 80-м гг. XIX в. в Европейской России образовался единый аграрный рынок на основные виды товарных культур — рожь и овес. В рамках гигантской территории на макроуровне колебаний годовых цен в рамках 10-летнего цикла существовал единый механизм колебаний цен под действием закона стоимости.

К концу XIX в. изменилось соотношение площадей, занятых под посевы важнейших зерновых культур. До 22 % увеличились посевы пшеницы, заметно снизились посевы ржи и ячменя. В 1860—1870-е гг. в основных земледельческих районах Европейской России наблюдалось небольшое, до 6 %, увеличение посевов хлебов в крестьянских хозяйствах и сокращение их почти на 10 % у помещиков, что было свидетельством кризиса помещичьего хозяйства и отсутствия каких-либо принципиальных изменений в положении пореформенной деревни. Наблюдался медленный, но неуклонный рост валового производства хлебов как в помещичьем, так и в крестьянском хозяйстве. Почти на треть увеличились посадки картофеля крестьянами, что почти всегда было связано с его продажей на рынке.

Росла урожайность хлебов, причем на частновладельческих землях заметно быстрее, чем на крестьянских надельных. В целом урожайность зерновых по Европейской России составляла в 70-е гг. XIX в. сам-3,6, в 80-е гг. — сам-4,1, а в 90-е гг. — сам-4,8. Рост урожайности в определенной мере был связан с совершенствованием сельскохозяйственной техники и

агротехнических приемов, отчасти с влиянием новых производственных отношений, что вело к сокращению затрат труда. Сборы хлебов на душу сельского населения с 70-х по 90-е гг. XIX в. выросли в Северном регионе с 9,5 до 13 пудов; в Северо-Западном — с 13 до 14 пудов; в Центрально-Промышленном регионе — с 13 до 15 пудов; в Приуралье — с 21 пуда до 28 пудов; а всего в Нечерноземье — с 16 до 18 пудов. В Западном регионе Европейской России сборы не выросли. В пореформенное время стала более существенной роль картофеля. С учетом его (в переводе на зерно из расчета 3 пуда за 1 пуд зерна) душевой сбор в Нечерноземье вырос с 17 пудов до 20,4 пуда (зерновой сбор по-прежнему не превысил 18 пудов). В целом по Европейской России душевой сбор с учетом картофеля вырос с 21 пуда до 25 пудов. Для всего населения он вырос с 19 пудов до 21,5 пуда. Можно констатировать, что, несмотря на некоторый рост объема зерновой продукции, кардинальных изменений в пореформенный период не произошло. К концу века чистый сбор зерна (с вычетом посева), включая картофель, на душу населения едва достиг 3 четвертей (24 пудов).

Как и прежде, частыми были неурожаи, которые в иные годы принимали характер подлинных бедствий, поражавших целые регионы. Их основной причиной были природно-климатические факторы, которые делали большинство районов Европейской России зоной рискованного земледелия. На Юге России происходила эрозия почв, в Поволжье и Предкавказье — их запустынивание и засоление. В 1873 г. «самарским голодом» были охвачены губернии Среднего Поволжья, неурожайными были 1879, 1881, 1883, 1885 гг., засуха и неурожай стали причинами страшного голода 1891 г.

Крестьянское и помещичье хозяйство. В крестьянском хозяйстве сохранялось преобладание деревянной сохи (44 % от общего числа орудий подъема почвы) над стальным плугом (34 %) и деревянным плугом с железными лемехами (17 %). Ситуация усугублялась повсеместным сохранением устаревших приемов земледелия, что делало крестьянскую работу крайне тяжелой и малопроизводительной. Г. Е. Львов утверждал: «Едва ли в какой-либо другой стране земледельцы знают такой труд, как русские. Да и не только рядовые земледельцы, но и колонисты на новых диких землях, труд которых превышает обычные нормы, и те не сравняются с рядовым русским мужиком. Я видел жизнь земледельца в Европе, в Америке, Японии, Маньчжурии, колониста в Канаде, в канадской тайге, знаю работу русского мужика во всех частях Европейской России, Западной Сибири и на Дальнем Востоке, и впечатления юных лет и последующие в ближайшем соприкосновении с мужицкой работой и в

личном участии в ней говорят одно: такой тяжелой работы, как у нас, нигде нет».

Только в1880-е гг. по инициативе земских агрономов началась постепенная смена систем земледелия. Стремление к отказу от традиционного трехполья было вызвано тем, что в Европейской России были почти исчерпаны возможности посевных площадей, что ставило вопрос об отказе от экстенсивного земледелия. Во многих помещичьих, а отчасти и крестьянских хозяйствах переходили к посевам трав и кормовых культур, вводили клеверное поле в трехпольную систему, в передовых хозяйствах устанавливалась многопольная система земледелия.

Отмена крепостного права изменила правовое положение помещичьих крестьян. Сохранялась их сословная неполноправность, но они получили личную свободу и некоторые гражданские права: они могли заключать торговые сделки, открывать промышленные и торговые заведения, покупать на свое имя землю и другую недвижимость. Проведенное вслед за крестьянской реформой 1861 г. поземельное устройство удельных и государственных крестьян в основном уравняло их правовое положение с положением бывших помещичьих. Официально считалось, что в ходе реформы крестьяне получили в собственность свои земельные наделы. Однако общинное владение землей ограничивало крестьян, они были лишены права свободного распоряжения наделом, не могли продать его, и, по сути, речь шла об условном и временном держании. В пореформенное время площадь надельной земли в Европейской России выросла на8 %,что намного уступало росту сельского населения.

Социальное расслоение деревни вело к ее «раскрестьяниванию». Создавался рынок рабочей силы. Бедняки были вынуждены наниматься сельскохозяйственными рабочими к помещикам, занимались промыслами, уходили в город на заработки. Число батраков в 1897 г. составило3,5 млн человек. Малоземелье и невозможность прожить с надела вело к росту крестьянских промыслов, особенно развитых в нечерноземных губерниях. Промыслы давали в среднем до четверти дохода крестьянских хозяйств; у бедняков эта цифра превышала 30 %. Были целые нечерноземные уезды, особенно возле крупных промышленных центров, где нормальное земледелие пришло в полный упадок. Любопытно свидетельство земского статистика, служившего в самом конце XIX в. во Владимирской губернии: «Со словом “крестьянин” у нас связано представление о земледельце, в поте лица добывающем хлеб свой. Каково же удивление наблюдателя, когда он в целых округах не увидит ни одного лица мужского пола, умеющего взяться за соху, даже просто запрячь в телегу лошадь. Что ни мужик, то или

плотник, или каменщик, или фабричный, приходящий домой только отдохнуть и имеющий самое смутное представление о своей земле, которую обрабатывают женщины».

Помещичье хозяйство двух первых пореформенных десятилетий находилось в кризисе. Для его рационального ведения не хватало оборотных средств, рабочих рук, и, кроме того, у дворян почти полностью отсутствовали навыки частнопредпринимательской деятельности. Не везде были размежеваны крестьянские и помещичьи угодья, у помещиков сохранялась привычка использовать меры внеэкономического принуждения.

Малоземелье вынуждало крестьян входить с помещиком в соглашения, суть которых мало чем отличалась от старой барщинной системы. Это были отработки, когда помещичью землю крестьяне обрабатывали своим инвентарем и используя свой рабочий скот, взамен арендуя у помещика пашню и другие угодья. Иногда они просто отрабатывали помещику взятые взаймы денежные или зерновые ссуды. Свидетельством примитивных попыток приспособиться к новым товарно-денежным отношениям в условиях, когда наличных денежных средств в деревне было явно недостаточно, были издольщина и испольщина. При повсеместно распространенной издольщине крестьянская арендная плата за землю уплачивалась помещику обусловленной долей урожая. Разновидностью издольщины была испольщина, при которой арендная плата составляла половину урожая, каждый второй сноп. В неурожайные годы, когда издольщина не оправдывала ожиданий помещика, на крестьянина делался начет, отработать который он был должен, собрав следующий урожай.

Таким образом, крестьянская зависимость от помещика увеличивалась.

Отработки не регулировались отношениями свободного найма, это была кабала, в которую крестьянин вынужден был идти, поскольку помещик фактически обладал монополией земельной собственности. Крестьянская бедность, тяжесть выкупных платежей, низкая товарность крестьянского хозяйства фактически не давали надежды на улучшение положения: «прикупить земли» крестьянин не мог. Особенно охотно помещики сдавали в аренду отрезки, т. е. землю, которую крестьяне привыкли считать своей. В черноземной полосе это была самая привычная форма ведения и помещичьего, и крестьянского хозяйства, фактически продолжавшая крепостное право. Отработочная система обуславливала низкую производительность труда и в конечном счете вела к неконкурентоспособности помещичьего хозяйства. Такое положение

продолжалось достаточно долго, особенно в черноземных губерниях, хотя уже в 1880-е гг. выявилась ясная тенденция к уменьшению числа губерний, где господствовала отработочная система и увеличение числа тех, где в помещичьих хозяйствах утвердился вольный найм. В 1883 г. все крестьяне должны были быть переведены на выкупные платежи, которые с 1881 г. были снижены. В 1896 г. был вдвое снижен поземельный налог. Вместе с тем резко возросли косвенные налоги (на соль и т. п.) ив итоге сумма всех платежей крестьян достигала 71 % их чистого дохода, а у бедняков она превышала все доходы. Отсюда их голодное и полуголодное существование.

Переход на вольнонаемный труд с использованием помещичьего инвентаря начался в нечерноземных губерниях в первые пореформенные десятилетия. Близость к рынкам сбыта — Петербург, Москва, Нижний Новгород — определяла географию этого перехода. В черноземной полосе система вольного найма стала укрепляться позже и первоначально в тех уездах, что имели удобную транспортную связь с портовыми городами Причерноморья. Отказ от отработочной системы редко был окончательным. Неурожаи и плохая экономическая конъюнктура вели к тому, что помещики отказывались от использования наемных рабочих и возвращались к отработкам.

В структуре личной частной собственности на землю в Европейской России дворянское землевладение неуклонно сокращалось: от 80 % в 1877 г. до 61 % в 1905 г. Мелкое дворянство составляло свыше половины дворян-землевладельцев, а на его долю приходилось всего 3 % дворянского землевладения. Шел процесс дворянского оскудения. Его оборотной стороной была высокая степень концентрации дворянского землевладения. На долю крупных земельных собственников, у каждого из которых площадь имения превышала 1000 десятин, приходилось три четверти всех дворянских земель. Таких собственников в дворянском сословии в конце XIX в. насчитывалось около 8 %. Средний размер крупной помещичьей латифундии в пореформенное время практически не менялся и составлял свыше 4100 десятин. Крупное помещичье хозяйство играло главную роль в производстве товарной сельскохозяйственной продукции и в первую очередь товарного зерна. Помещики были главными экспортерами зерна на европейский рынок.

Аграрный кризис. В начале 1880-х гг. благодаря развитию пароходного сообщения в Европу хлынул поток дешевого заокеанского зерна из Северной Америки, Аргентины и Южной Африки. Произошло резкое падение хлебных цен, что привело к европейскому аграрному

кризису. Россию аграрный кризис затронул самым непосредственным образом, поскольку в 1880-е гг. она занимала первое место среди стран-экспортеров зерна и на ее долю приходилось свыше 35 % мирового вывоза.

За годы аграрного кризиса, который продолжался до середины 1890-х гг., цены на рожь упали почти вдвое — с 82 копеек за пуд в 1883 г. до 44 копеек в 1895 г. За этот период цены на озимую пшеницу упали со 109 до 57 копеек за пуд. Почти повсеместно производство ржи, которое занимало более трети всей площади посевов, стало убыточным. В годы кризиса продолжалось начавшееся еще в предреформенное время смещение центра зернового производства на Юг России и в степное Предкавказье. В Херсонской, Таврической, Бессарабской, Ека-теринославской, Донской, Саратовской и Оренбургской губерниях собиралось более половины всех сборов пшеницы и 25 % всех зерновых. Одновременно в Центрально-Черноземном и Центрально-Нечерноземном районах происходило сокращение площади посевов под хлеба, что деликатно именовалось оскудением центра.

Прибыльным оставалось выращивание ржи и особенно пшеницы на Юге России, который стал главным центром зернового производства. В годы аграрного кризиса быстро росли площади, занятые под картофель, в Европейской России они увеличились на 60 %. Один из путей преодоления кризиса заключался в развитии скотоводства. Поголовье скота в пересчете на крупный рогатый скот увеличилось в кризисные годы в целом по Европейской России почти на треть. В итоге в Западном, Северо-Западном и Прибалтийском регионах сосредоточилось около 60 % производства молока.

Социальным следствием аграрного кризиса стало увеличение масштабов отработок, издольщины и испольщины, крестьянского отхода. К концу века резко возросло среднегодовое число переселенцев: в 1885 г. оно не превышало 15 тыс. человек, к 1900 г. составило более 180 тыс. В годы аграрного кризиса росли крестьянские недоимки. В Центрально-Нечерноземном районе они превысили размер крестьянского налогообложения. Увеличилось крестьянское малоземелье. В наименьшей степени аграрный кризис затронул крупные помещичьи хозяйства, где увеличились посевы сахарной свеклы, технических культур, развивалось винокурение и животноводство. В частности за 40 лет посевы сахарной свеклы выросли в 5 раз. Процесс разорения мелких и средних помещичьих хозяйств в черноземной и в нечерноземной полосе принял необратимый характер. За период аграрного кризиса помещичье землевладение сократилось на четверть. К 1895 г. в Курской губернии было продано 88 %

мелких и средних поместий, в Екатеринославской — 70 %. Общая дворянская задолженность кредитным учреждениям к концу XIX в. составила 1,25 млрд руб.

После 1895 г. цены на зерно стали расти, аграрный кризис остался позади. Стабилизации положения способствовал промышленный подъем 1890-х гг., сопровождавшийся развитием железнодорожного транспорта, ростом городов и городского населения, ускорением денежного обращения, повышением спроса на сельскохозяйственную продукцию на внутреннем рынке. Приток капиталов в деревню и новые технические возможности вели к постройке сети элеваторов и постоянных зернохранилищ, что давало возможность производителям хлеба дожидаться выгодной рыночной конъюнктуры.

Однако деревня не вышла из глубочайшего социально-экономического кризиса. Российская деревня не знала после 19 февраля 1861 г. сколько-нибудь долгого периода спокойствия. Долгий и объективно трудный процесс экономической модернизации сельского хозяйства замедлялся наличием внеэкономических факторов: сохранением сословной структуры традиционного общества и политической власти поместного дворянства, сословной и правовой неравноправностью крестьянства. Серьезное дестабилизирующее влияние на положение помещичьего и крестьянского хозяйства, а следовательно, и на социальные отношения в деревне, оказал аграрный кризис 1880—1890-х гг. Раскрестьянивание и дворянское оскудение, уменьшение дворянского землевладения и крестьянское малоземелье оказывали решающее воздействие не только на социально-экономическую, но и на политическую жизнь страны. На исходе XIX в. положение в деревне обострилось настолько, что социальный взрыв стал неизбежен.

§ 2. Пореформенная промышленность

Промышленный капитализм. Представляя собой единый народно-хозяйственный комплекс, российская экономика всецело зависела от взаимодействия промышленности и сельского хозяйства. Основанное на праве частной собственности владение средствами фабрично-заводского производства и наем хозяевами предприятий вольных рабочих составляли суть промышленного капитализма. В пореформенное время развитие капиталистических отношений в промышленности шло быстрыми темпами и вело к превращению недавних выходцев из деревни, вчерашних крестьян,

в «рабочих с наделом». Их дети, выросшие в городе и не знавшие иной жизни, кроме жизни фабрично-заводской, становились потомственными пролетариями. Столь же быстро шло превращение гильдейского купечества, «капиталистах» крестьян и мелких торговцев в торгово-промышленную буржуазию. Этот двуединый процесс означал появление в России основных классов капиталистического общества: пролетариата и буржуазии.

Новые классы не находили места в сословной структуре традиционного общества, и динамика их численности трудно поддавалась учету. Неполные статистические данные свидетельствуют, что к концу XIX в. число квалифицированных наемных рабочих, занятых в крупном промышленном производстве и на железнодорожном транспорте, возросло вдвое по сравнению с первыми пореформенными годами. Эта категория пролетариата насчитывала к 1900 г. около 1,5 млн человек. Не менее миллиона рабочих было занято в строительстве, около 2 млн выполняли неквалифицированную работу, числясь чернорабочими. Большинство фабрично-заводских рабочих были выходцами из деревни, окончательно порвавшими с крестьянским трудом. Постоянные наемные рабочие составляли три четверти всех фабрично-заводских рабочих. В крестьянской стране промышленность долго зависела от сезонных сельскохозяйственных работ, и около четверти занятых в производстве составляли «рабочие с наделом», которые сохраняли связь с деревней.

Характерной чертой российской промышленности был высокий уровень концентрации рабочих на крупных предприятиях. В значительной мере это объяснялось запоздалым завершением промышленного переворота и высокой долей неквалифицированного ручного труда. В конце XIX в. около 70 % фабрично-заводских рабочих было занято на предприятиях, где насчитывалось не менее 100 человек.

По роду занятий к торгово-промышленным кругам перепись 1897 г. относила около 17 % населения. Однако в своем большинстве это были мелкие ремесленники и торговцы, чье положение не отличалось устойчивостью. В этой среде была высока степень социальной мобильности. К крупной торгово-промышленной буржуазии можно было отнести не более 25 тыс. семейств, или около 150 тыс. человек, что составляло 0,1 % населения страны.

Торгово-промышленная буржуазия имела разные источники пополнения. Помимо выходцев из разных сословий российского общества, в ее состав входили иностранные предприниматели, со временем принимавшие российское гражданство. Возникали династии

промышленников-капиталистов — Морозовы, Прохоровы, Гарелины, Алексеевы, Коншины, Гучковы, Коноваловы, Бобринские, Гукасовы, Терещенко, Поляковы, Гинц-бурги, Брокар, Абрикосовы, Катуар, Бродские. Российская буржуазия была многонациональной, но имела региональную специфику. Московская состояла из потомков великорусских «капиталистах крестьян» и купцов-старообрядцев, в Варшав-ско-Лодзинском районе господствовал немецкий и еврейский капитал.

Промышленный переворот. В пореформенное время в России завершился промышленный переворот. Освобождение крестьян привело к созданию рынка свободной наемной рабочей силы. После 1861 г. возникли все предпосылки для окончательного превращения мануфактурного производства в фабричное, для замены мускульной силы рабочего силой пара, для перехода к машинному производству и, как следствие, для утверждения и развития капиталистической промышленности.

К началу 1880-х гг. основная промышленная продукция стала производиться на фабриках и заводах с использованием машин и механизмов, приводимых в движение силой пара. К концу века завершался процесс превращения промысловых ткацких сел и деревень в фабрично-заводские поселки. В 1890 г. в 329 таких поселениях работала 451 тыс. рабочих, 52 % рабочих крупной промышленности. Фабричное производство на основе вольнонаемного труда оттеснило на второй план мануфактурное во всех ведущих отраслях. В конце 70-х гг. XIX в. на 50 тыс. механических ткацких станков производилось 58 % продукции текстильной отрасли. Фабрики давали три четверти текстильной и более 80 % металлообрабатывающей продукции, около 90 % продукции сахароварения (за 30 лет потребление сахара выросло втрое — до 6 фунтов в год на душу населения). Две трети необходимых для металлургии энергетических мощностей давали паровые машины и турбины. Ручной труд занимал ведущие позиции лишь в кожевенной, мебельной и в некоторых отраслях пищевой промышленности.

Железнодорожное строительство. Развитие пореформенной промышленности находилось в тесной связи с развитием транспорта и было в значительной степени им обусловлено. Поражение в Крымской войне, одной из причин которого была неразвитая транспортная сеть, показало необходимость широкого внедрения железных дорог по военно-стратегическим соображениям. Рост хлебного экспорта и внутреннего товарооборота также требовал создания современного транспорта, который был менее подвержен влиянию природно-климатических факторов, чем водный. В 1860—1870-е гг. строительство железных дорог было вызвано

потребностями сельского хозяйства и обеспечением стратегических интересов России. Железнодорожные линии должны были связать земледельческие районы с основными потребителями хлеба внутри страны и крупными портовыми городами на Балтийском и Черном морях.

В 1857 г. было создано Главное общество российских железных дорог, учредителями которого были крупные банкиры А. Л. Штиглиц, С. А. Френкель и др. Общество ставило задачей с помощью международного банковского капитала ускорить строительство. Им были к 1862 г. построены стратегическая Петербургско-Варшавская дорога и Московско-Нижегородская, которая связала два главных торговых центра. Железнодорожное строительство требовало больших капиталов. На частные средства строились железные дороги Москва — Ярославль и Москва — Саратов. Казна строила дорогу Москва — Курск. В 1860-е гг. Москва стала крупнейшим железнодорожным узлом страны. Для помощи частному железнодорожному строительству был образован в 1867 г. Железнодорожный фонд, куда вошли средства от продажи Аляски, а также от передачи в частные руки Николаевской, Одесской и Московско-Курской железных дорог. Позднее к ним добавились средства, полученные от размещения за границей акций российских железных дорог.

В 1860—1870-е гг. правительство выдавало частным лицам и земствам концессии на постройку и эксплуатацию железных дорог. Известными железнодорожными дельцами стали П. Г. фон Дервиз, К. Ф. фон Мекк, П. И. Губонин, С. С. Поляков. Казна предоставляла частному капиталу значительные льготы и гарантировала железнодорожным дельцам ежегодную 5-процентную прибыль. Нередко это вело к злоупотреблениям, когда строились ветки, не имевшие ни экономического, ни иного значения. Разрешения на их продажу выдавались высшими государственными сановниками и лицами, близкими к Александру II, за крупные взятки. Продажа земли под железнодорожное строительство по ценам значительно Еышерыночных была важным источником дохода как земских учреждений, так и представителей сановной аристократии. В эти годы пост министра путей сообщения последовательно занимали потомки Екатерины II и Г. Г. Орлова — А. П. и В. А. Бобринские.

Железнодорожный бум, в основе которого лежали неслыханные льготы, предоставляемые частным концессионерам, привел к тому, что к 1880 г. была построена железнодорожная сеть протяженностью 23 тыс. км, которая охватила около половины территории Европейской России. Уже к 1871 г. почти все железные дороги перешли в частные руки. Эксплуатировались они небрежно, и к 1880 г. их долг казне составил один

миллиард рублей. Железнодорожные «короли», тесно связанные с правительственным аппаратом и придворными кругами, строили быстро и много дешевле, чем казна, постоянно и грубо нарушали правила производства работ, не соблюдали технические условия, возводили дешевые деревянные мосты и укладывали рельсы, которые могли выдержать только легкие составы. Большинство железных дорог России не были оснащены необходимым для безопасного движения оборудованием, следствием чего были частые катастрофы. Скорость движения составов, как товарных, так и пассажирских, была много ниже расчетной. В 1873 г. министр путей сообщения А. П. Бобринский так определил состояние железнодорожного дела в стране: «Существование многих наших железнодорожных обществ — мнимо; фирмы их — фальшивы; правления их — неправильны; акционеры их — подставные; акции их — не реализованы, а Министерство путей сообщения вынуждено оставаться безвластным свидетелем действий, прикрытых законными формами, но противных целям правительства, предприятия и казны».

Вопиющие злоупотребления в строительстве и эксплуатации железных дорог вызывали постоянную критику общественности, но лишь в годы Восточного кризиса власти вынуждены были признать нетерпимость создавшегося положения. В канун русско-турецкой войны военный министр Д. А. Милютин констатировал, что железные дороги страны находятся в кризисном состоянии и «при введении армии на военное положение они окажутся решительно несостоятельными и поставят государство и армию в весьма большие затруднения». Министр усматривал в этом «большую национальную опасность». Среди железных дорог, состояние которых вызывало наибольшее беспокойство, были такие важнейшие в стратегическом и экономическом отношении магистрали, как Петербургско-Варшавская, Московско-Брестская, Одесская, Лозово-Севастопольская и некоторые другие, чья совокупная протяженность составляла около 12 тыс. км. Во время военных действий 1877–1878 гг. заторы на юго-западных дорогах делали невозможной быструю переброску войск, вынуждали военные ведомства отправлять не только кавалерийские, но и пехотные части походным порядком.

Недовольство военных кругов и экономический кризис начала 1880-х гг. вынудили правительство изменить железнодорожную политику и начать выкуп железных дорог в казну, оптимизируя и функции железных дорог и экономику в целом. Одновременно предполагалось вернуться к опыту постройки новых дорог за счет казны. На этом настаивал министр финансов А. А. Абаза, с которым был согласен Александр II. В 1880 г.

императором был утвержден Общий Устав российских железных дорог, что должно было упорядочить технико-эксплуатационные условия железнодорожного дела и поставить его под жесткий правительственный контроль. По сути, это означало начало серьезных преобразований. При Александре III в 1889 г. в Министерстве финансов был создан Департамент железнодорожных дел, среди функций которого был финансовый надзор за деятельностью всех частных железных дорог. Важную роль в упорядочении положения сыграла тарифная реформа 1889 г., которая превратила железнодорожные тарифы в инструмент государственной экономической и социальной политики. Гибкие тарифы давали возможность ускоренного развития отдельных регионов и отдельных отраслей народного хозяйства. Все более возрастало понимание военно-стратегического значения железнодорожного транспорта. Военный министр П. С. Ванновский докладывал Александру III: «Железные дороги составляют ныне наиболее могущественный и решающий элемент войны. Поэтому, несмотря даже на финансовые затруднения, желательно подравнять нашу рельсовую сеть с силой противника».

В 1880—1890-е гг. велось значительное казенное железнодорожное строительство на окраинах империи, обусловленное политическими, военно-стратегическими и в последнюю очередь экономическими соображениями. Были построены Закаспийская и Закавказские линии, начато строительство Сибирской. Общая протяженность введенных тогда в эксплуатацию казенных дорог составила 10,5 тыс. км. Крупными акционерными обществами были построены Московско-Казанская, Юго-Восточная, Московско-Киево-Воронежская, Владикавказская и другие дороги, протяженностью 12,5 тыс. км. Большое внимание уделялось строительству сети подъездных узкоколейных путей, обеспечивающих потребности заводов и фабрик. К концу XIX в. заметную роль в строительстве и эксплуатации железных дорог стал играть финансовый капитал, представленный Петербургским Международным и Русско-Азиатским банками. В эти годы железные дороги строились в Донбассе, Крыму, на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии, на Северном Кавказе и в Закавказье. Железнодорожная сеть охватила практически все губернии Европейской России.

Железные дороги изменили лицо страны, уклад жизни городского и сельского населения. Они служили преодолению провинциальной замкнутости, их сеть скрепляла единую народно-хозяйственную систему страны. Их строительство и эксплуатация были главным двигателем промышленного развития. Для России с ее пространствами

железнодорожное строительство имело исключительное значение, оно способствовало хозяйственному освоению территорий с огромным экономическим потенциалом, стимулировало переход к крупным формам организации производства. Главным железнодорожным центром была Москва, куда сходилось 18 линий железных дорог. Этот центр оставлял далеко позади остальные железнодорожные узлы.

В конце XIX в. железные дороги потребляли свыше трети добываемого в стране угля, почти половину нефтепродуктов, около 40 % продукции черной металлургии. Объем железнодорожных перевозок рос значительно быстрее, чем длина железных дорог. До начала XX в. основным грузом был хлеб, в 1860-е гг. он занимал свыше 40 % грузовых перевозок, затем эта цифра снизилась до 25 %. К концу XIX в. в железнодорожных перевозках возросла доля каменного угля, руды, металлов, нефти и нефтепродуктов. Перевоз этих хозяйственных грузов был главным делом железных дорог. Пассажирское железнодорожное движение было невелико и долгие годы оставалось малодоступным для деревенской и городской бедноты. Нередко крестьяне-отходники и мастеровые, проехав одну-две станции в дешевых вагонах третьего класса, выходили и шли пешком, чтобы, пройдя две-три станции, вновь сесть в поезд.

В пореформенный период завершилось техническое перевооружение водного транспорта. К концу века число пароходов превысило 2,5 тыс. Объем грузов, перевезенных по речным путям Европейской России, в 1862 г. составлял 365 млн пудов; к концу XIX в. он вырос в семь раз. На долю водного транспорта приходилось около трети груза, перевозимого по железнодорожным и водным путям. Основной транспортной системой речного судоходства оставалась Волга и ее притоки. На них приходилось около половины всех речных перевозок. По рекам везли хлеб, нефть, соль, на севере сплавляли лес.

Сохранял свое значение гужевой транспорт. На Кавказе, в Средней Азии и в Сибири он был основным средством транспортировки грузов. При неразвитой местной инфраструктуре он оставался важным фактором внутригубернских и внутриуезд-ных перевозок.

Промышленное районирование. Районирование и структура промышленного производства в пореформенное время существенно изменились, что в значительной степени было связано с развитием железнодорожного транспорта. В 1870-е гг. начался быстрый рост Донецкого, или Южного, промышленного района. Железные дороги предъявляли спрос на каменный уголь, который добывался в Донецком

каменноугольном бассейне, и осуществляли вывоз продукции в другие районы. Помимо каменного угля, Донецкий район располагал богатыми запасами руды Кривого Рога, что обеспечивало развитие здесь металлургического производства. Центром Донбасса стал горнорудный поселок Юзовка. Добыча угля в Донбассе в 1870 г. составляла всего 15 млн пудов, к 1913 г. она возросла более чем в сто раз. Доля Донбасса в добыче каменного угля в целом по России составляла в конце XIX в. свыше 90 %.

Потребности железнодорожного строительства и близость угольных шахт привели к быстрому росту черной металлургии Юга. В 1880—1890-е гг. здесь были построены два десятка хорошо оснащенных металлургических заводов. На них производилась выплавка мартеновской стали, были сооружены прокатные станы. На некоторых заводах вырабатывался высококачественный полосовой и сортовой металл, находивший широкий сбыт в России и шедший на экспорт. Заводы располагались в районе города Екатеринослава и непосредственно на угольных месторождениях. К концу XIX в. Юг стал основным поставщиком металла. Если в 1880 г. он давал всего 5 % выплавлявшегося в России чугуна, то к 1900 г. на его долю приходилось свыше 50 %. В абсолютных цифрах производство чугуна за эти годы выросло с 1,8 млн пудов до почти 50 млн. В развитии каменноугольной и металлургической промышленности Юга России заметную роль играл иностранный, преимущественно английский капитал, а также французский и бельгийский. Пролетариат Донецкого промышленного района в большинстве своем состоял из русских и украинцев.

Тяжелая промышленность Донбасса оттеснила на второй план уральские горные заводы, которые утратили доминирующее положение к 1890-м гг. На Урале поздно завершился промышленный переворот, его заводы отставали в технической оснащенности, здесь долго отсутствовало горячее дутье в домнах, бесконечно ремонтировалась изношенная техника. Такое же положение было и в ряде других центров (Алтайские, Луганские, Мальцовские, Олонецкие заводы за 1860–1877 гг. увеличили выпуск продукции всего на 10 %). Только со второй половины 80-х гг. техническая модернизация стала реальностью (внедрение бессемеровских конверторов, мартенов и т. п.). В итоге технического перевооружения на Урале рост производства в 1885–1899 гг. достиг 218 %, и около 70 % продукции шло на строительство Транссибирской магистрали.

Новым промышленным районом стал Бакинский, где началась промышленная добыча нефти. Развитие нефтяного производства шло исключительно быстрыми темпами. В 1864 г. здесь было добыто 538 тыс.

пудов, в 1901 г. — 673 млн пудов. На рубеже веков Бакинские нефтепромыслы давали до 95 % добычи нефти в России и около 50 % — мировой. Уже в конце 1870-х гг. здесь стали строиться нефтепроводы, нефтеперегонные заводы, в начале XX в. Баку был соединен нефтепроводом с Батуми. Бакинская нефть привлекала как местный, так и иностранный капитал, в частности шведский и английский. В нефтедобыче были заняты Нобели, Ротшильды, Мирзоевы, Ман-ташевы. Бакинский пролетариат был интернационален, примерно половину его составляли азербайджанцы, велика была доля русских и армян.

Центром текстильной промышленности стал Варшавско-Лодзинский район, продукция которого успешно конкурировала с занимавшей ведущие позиции текстильной промышленностью Центрально-промышленного района. Показательна судьба Лодзи. Благодаря промышленному производству, город развивался исключительно бурными темпами: в 1820-е гг. небольшое местечко Царства Польского насчитывало около 1000 человек, к концу XIX в. численность населения дошла почти до полумиллиона. Такого роста не знал ни один европейский город. Последовательно проводя имперский принцип национальной и конфессиональной терпимости, российская администрация сделала Лодзь местом, привлекательным для предпринимателей, ремесленников и мастеровых из Саксонии, Силезии, Чехии и Моравии. Протекционистская политика правительства, приток немецких технологий и еврейского капитала, дешевая рабочая сила превратили город во «второй Манчестер», где были построены современные хлопчатобумажные, шелкоткацкие, шерстяные, суконные фабрики, товар которых шел на внутренний рынок Российской империи. Лодзинский пролетариат был многонационален, его составляли поляки, немцы и евреи.

В пореформенное время сохранил и укрепил свои позиции Центрально-промышленный район. На его долю приходилось более 4/5 производства хлопчатобумажной и около 3/5 шерстяной и льняной промышленности, в которой работало 4/5 всех рабочих текстильной промышленности. Рост текстильного производства в существенной мере базировался на ввозе зарубежного оборудования. До 60 % его шло из Англии и Германии. Общий рост текстильной промышленности был близок к концу века к удвоению (в хлопчатобумажной промышленности — на 85 %, а в шелковой — на 95 %). В центре России были расположены такие ведущие паровозостроительные заводы, как Коломенский, Брянский и Сормовский. К концу века в России было семь таких заводов, ежегодно выпускавших 1200 паровозов (во Франции выпускалось 800, в Германии —

1400 паровозов в год). В Центральном районе производилась значительная часть продукции российского машиностроения. На его предприятиях работала почти половина всех фабрично-заводских рабочих страны. Пролетариат Центрально-промышленного района в основном составляли русские. В развитии новых отраслей производства — электротехнической, электрохимической — принимал участие германский капитал.

Во второй половине 80-х гг. и вплоть до конца столетия форсированными темпами развивалась прежде всего тяжелая промышленность, объем продукции которой увеличился в 4 раза, а численность рабочих — вдвое. В конце века вновь построенные предприятия насчитывали тысячи рабочих. В легкой промышленности кардинальные изменения произошли в самом конце столетия и в годы кризиса. Если в 80-е гг. крупные механизированные предприятия были редкостью среди огромной массы кустарного производства, то в конце XIX — начале XX в. во всех главных отраслях господствующее положение занимали крупные и крупнейшие предприятия.

В целом в ходе модернизации наметилась тенденция к созданию многопрофильных концернов. Вслед за этим развивались и множились акционерные общества и компании. К 1900 г. число их возросло до 1,5 тыс. с капиталом 2,5 млрд руб. Рост таких монопольных объединений четко наметился еще в 80-е гг. В тяжелой промышленности это картели (в отраслях металлообработки, горной, нефтяной промышленности, в стекольной отрасли и производстве стройматериалов). Экономическая независимость заводов-участников таких объединений была стеснена. В 90-е гг. картели выходили из тени через создание структур по продаже продукции, образование торговых домов и т. п. Для сбытовых монополий стали практикой организации синдикатов. Активную роль в этом процессе играли банки.

В области торговли по-прежнему ведущую роль играли ярмарки, число которых достигло 16 тыс. На 87 % это была торговля сельскохозяйственной продукцией. Однако крупнейшие ярмарки с оборотом более 100 тыс. руб. составляли около 1 % от их общего числа. В то же время в городах быстро прогрессировала стационарная магазинная торговля.

Противоречия капиталистического развития. В конце xix в. Россия по основным промышленным показателям — темпам роста производства, объему промышленной продукции, энерговооруженности, концентрации производства — входила в число четырех-пяти ведущих капиталистических государств тогдашнего мира. Однако уровень ее

сельского хозяйства (а это более 80 % населения) заметно отставал от уровня развития промышленности и существенно тормозил общий процесс модернизации страны. Налицо было неравномерное, диспропорциональное экономическое развитие, последствием которого стал глубочайший социальный кризис начала XX в.

Для промышленного развития пореформенной России была характерна предельная концентрация производства в отдельных регионах, что было обусловлено историческими и природохо-зяйственными факторами. Развитие этих регионов происходило бурными темпами. В них росли города, увеличивалась плотность населения, происходило накопление капиталов. Однако большая часть территории страны в промышленном отношении была развита крайне слабо. Практически полностью отсутствовала промышленность за Уралом и в Средней Азии. В Европейской России некоторые центры крупной промышленности, например Тула и Брянск, находились в окружении земледельческих районов с бедным крестьянским населением. Неравномерность в размещении промышленного производства усугубляла социальные диспропорции.

Пореформенная промышленность развивалась в условиях избыточного предложения дешевой и неквалифицированной рабочей силы, которую поставляла деревня. Для предпринимателей это означало возможность снижения издержек производства путем назначения низкой заработной платы рабочим и широкого применения ручного труда, что удручающе сказывалось на темпах технического перевооружения. Одновременно возрастала роль немногочисленных рядов квалифицированных промышленных рабочих, которые не встречали конкуренции на рынке рабочей силы и выступали с требованиями улучшения условий и повышения оплаты труда. Для этой категории рабочих была характерна повышенная активность в защите своих экономических интересов.

Рабочее движение вынуждало правительство идти на некоторую регламентацию отношений между фабрикантами и рабочими. В 1886 г. появился закон о штрафах, который регламентировал их взимание, определял их максимальный размер, запрещал расплачиваться купонами, хлебом и товарами. Расширялись права казенной фабричной инспекции, которая должна была утверждать правила внутреннего распорядка на заводах и фабриках. Была запрещена ночная работа для подростков и женщин. Фабричное законодательство вызвало недовольство предпринимателей, и его инициатор, министр финансов Н. Х. Бунге, вынужден был уйти в отставку. Идеолог реакции М. Н. Катков увидел в его

фабричном законодательстве «едва ли не социализм».

В пореформенное время российская промышленность стала органической частью международной хозяйственной системы. В ее развитии прослеживалась характерная для капиталистической экономики цикличность производства. В первые пореформенные годы промышленность переживала естественный спад, связанный с крушением крепостных отношений и перестройкой всего социально-экономического комплекса страны. Затем последовал короткий период грюндерства конца 1860—1870-х гг., когда железнодорожное и фабрично-заводское строительство шло рука об руку с лихорадочным учреждением акционерных обществ, частных банков и обществ взаимного кредита. Это было время масштабных биржевых спекуляций, создания дутых предприятий и быстрого падения котировки ценных бумаг. На рубеже 1870—1880-х гг. последовали финансовый кризис и спад промышленного производства, что было связано с европейским промышленным кризисом. Период грюндерства закончился массовым разорением банковских вкладчиков и держателей ценных бумаг.

Промышленное развитие 1880-х гг. отличалось крайней региональной и отраслевой неравномерностью. В конце десятилетия оно завершилось новым системным кризисом, который был частью спада мирового промышленного производства и сопровождался аграрным кризисом. В поисках выхода из тяжелой ситуации правительство предприняло целенаправленные усилия, которые привели к небывалому промышленному подъему, начавшемуся в 1893 г. Годы этого подъема были временем экономической модернизации России под эгидой государства.

§ 3. Экономическая модернизация конца XIX в.

Государственное регулирование экономики. Запоздалый, неполный и непоследовательный отказ от экономики, основанной на крепостном праве и регулируемой государством, предельно сократил в России стадию капитализма свободной конкуренции. Последние два десятилетия XIX в. в экономике России происходили изменения, означавшие переход на новую, более высокую стадию развития. Одним из проявлений этого перехода было усиление государственного регулирования экономики, что в российских условиях не вызывало затруднений, поскольку имелись давние традиции государственного вмешательства в экономическую жизнь, правительственного попечения о нуждах промышленности и сельского

хозяйства. На этом была построена политика ускоренной экономической модернизации, проводившейся в конце XIX в.

Историческая традиция и объективные условия — огромные российские расстояния и продиктованная этим необходимость эффективного государственного контроля над путями и средствами сообщения, крайняя неравномерность регионального экономического развития, избыточность населения в одних районах и малая плотность в других, а главное, бедность капиталами, вынуждавшая правительство их аккумулировать и перераспределять, — диктовали принципиально иной путь модернизации экономики, принципиально иную схему взаимоотношений государства и предпринимателей, чем в западноевропейских странах. Российское государство в лице Министерства финансов играло главную роль в проведении экономической модернизации.

На протяжении более двадцати лет три последовательно сменявших друг друга министра финансов — Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте — целенаправленно проводили политику всемерного поощрения и протекционизма национальной промышленности. Ими был взят курс на форсированную индустриализацию, успех которой должен был привести к модернизации всей экономики. Преобразование сельского хозяйства, изменение социальной структуры общества выступали как необходимое следствие экономической модернизации. В перспективе экономическая модернизация требовала обновления государственных институтов. Объясняя смысл деятельности своей и своих предшественников, С. Ю. Витте писал: «Создание своей собственной промышленности — это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы».

Министерство финансов контролировало практически все сферы российской экономики. В его распоряжении были громадные возможности: финансовая и тарифная политика, правительственная опека над отдельными отраслями промышленности и отдельными регионами, гарантии частному, в том числе иностранному, капиталу, регламентация отношений между фабрикантами и рабочими, ускоренное развитие государственных предприятий, где новейшие технические достижения сочетались с элементами давних нерыночных отношений. Государство выступало инициатором и единственным гарантом свободного предпринимательства, сфера действия подлинно частной инициативы была предельно сужена.

Вместе с тем министры финансов были против чрезмерного и некомпетентного вмешательства государства в экономическую и частную

жизнь. Бунге предостерегал от опасности воззрений, согласно которым «государству следует пахать, сеять и жать, а затем издавать все газеты и журналы, писать повести и романы, подвизаться на поприще искусств и науки».

Н. Х. Бунге. Назначенный на пост министра финансов в 1881 г., Бунге имел репутацию компетентного ученого-экономиста и безукоризненно честного человека. Он принадлежал к либеральной бюрократии, но при Александре III, которого привлекала идея развития национальной промышленности, сохранил и укрепил свои позиции. Бунге считал, что для успеха промышленной деятельности требуется «не столько материальная поддержка, сколько установление лучшего порядка посредством издания законов, примененных к современному развитию хозяйства. Россия отстала от всей Западной Европы в этом отношении на полстолетия». Он разработал и осуществил программу фабричного законодательства, с ним были связаны основные постановления правительства Александра III, регламентировавшие аграрные отношения. Он исходил из того, что «сила и влияние господствующих классов могут быть прочно основаны лишь на благосостоянии рабочего сословия». Он высказывался за установление более тесной связи между интересами рабочих и фабрикантов и считал, что участие рабочих в прибылях позволит решить социальный вопрос.

Одним из важнейших мероприятий Бунге стала отмена подушной подати (1886). Эта мера стала шагом на пути к отказу от сословного налогообложения, к замене его налогом на имущество. Бунге надеялся, что с отменой подушной подати повысится благосостояние крестьян, а казна восполнит убыль косвенными налогами и акцизами с вина, пива, сахара и табака. Однако его надежды не сбылись. Еще до его вступления на пост министра государственный долг составлялоколо 6 млрд руб., происходило обесценение рубля. Неурожаи 1883 и 1885 гг. подорвали непрочную финансовую систему, резко возрос бюджетный дефицит. Отставка Бунге была предрешена; он не мог противодействовать ухудшению состояния российских финансов и подвергался нападкам со стороны Победоносцева и Каткова.

И. А.Вышнеградский и его программа стабилизации. На его место был назначен Вышнеградский, ученый-технолог с мировым именем, удачливый делец-предприниматель. Своей главной задачей на посту министра Вышнеградский считал устранение бюджетного дефицита. Стремясь к бюджетному равновесию, он настаивал на сокращении расходов, особенно военных.

Он разработал программу стабилизации, целью которой было

достижение положительного сальдо расчетного баланса путем сокращения платежей по внешним долгам, сокращения импорта и увеличения экспорта. Он повысил ввозные пошлины на чугун и сталь, железную руду, паровые суда и сельскохозяйственные машины, на продукцию химической промышленности. Улучшая расчетный баланс, эти меры стимулировали отечественную промышленность и лежали в русле политики протекционизма, начало которой заложил Бунге. Смысл политики протекционизма позднее определил С. Ю. Витте: «Благодаря систематическому проведению протекционной системы и приливу иностранных капиталов, промышленность у нас быстро начала развиваться, и в мое управление министерством, можно сказать, прочно установилась национальная русская промышленность».

При Вышнеградском была разработана новая тарифная система, получившая название «менделеевской», поскольку в ее создании принимал участие Д. И. Менделеев. Были резко, иногда почти до запрета ввоза отдельных товаров, подняты таможенные ставки. Эти меры стали прологом длительной таможенной войны с Германией. Победа в этой войне была одержана при Витте, который объявил новые таможенные ставки минимальными для стран, проводивших режим благоприятствования по отношению к России. Ставки на германский экспорт еще более повышались. Опираясь на поддержку Александра III, Витте вынудил Германию к уступкам, которые были зафиксированы в торговом договоре 1894 г. Главным итогом жесткого контроля над импортом стало создание условий для ускоренного развития таких отраслей отечественной тяжелой индустрии, как черная металлургия, металлообрабатывающая промышленность, машиностроение, химическая промышленность.

Стабилизационная программа предусматривала форсирование российского экспорта, основу которого составляли хлеб, лес, лен, семена масличных растений. Ведущую роль играл хлебный экспорт, в Европу вывозились пшеница, рожь, ячмень и овес. В конце XIX в. Россия обеспечивала до одной трети пшеничного импорта Западной Европы. Вышнеградский создавал льготные условия кредитования производителям хлеба, прежде всего помещикам и зажиточным крестьянам черноземной и степной полосы. В их интересах он пересмотрел железнодорожные тарифы. Специальная комиссия занималась вопросами качества хлебной продукции, что повлекло за собой строительство сети элеваторов, хлебных платформ, оборудованных перегрузочных станций. Доля муки в хлебном экспорте долго не превышала 1 %, и Вышнеградский стал поощрять развитие мукомольной промышленности.

Усилия Вышнеградского дали плоды. Если до его прихода в Министерство финансов среднегодовой вывоз хлеба составлял 296 млн руб., то он сумел его увеличить до 342 млн. Меры Вышнеградского позволили удержать за русским хлебом европейский рынок, смягчить влияние аграрного кризиса на отечественное сельское хозяйство и достичь главного — положительного сальдо расчетного баланса России.

Если в 1886 г., накануне прихода Вышнеградского в Министерство финансов, сальдо расчетного баланса сводилось с дефицитом 152 млн руб., то в 1891 г. превышение доходов над расходами составило 42 млн руб. В эти же годы растет производство отечественного чугуна и стали: чугуна — 32 тыс. пудов в 1886 г. и 56 тыс. пудов в 1890 г., выплавка стали увеличилась с 36 тыс. пудов до 49 тыс.

Успех программы стабилизации Вышнеградского зависел не только от финансовых и экономических мер, но и от общественно-политической ситуации в стране. Это наглядно продемонстрировали события 1891 г., когда неурожай поразил восточные степные районы и принял форму бедствия, затронувшего территорию с населением около 40 млн человек. От голода и холеры умерло до полумиллиона жителей деревни. Голод 1891 г. выявил непрочность стабилизационных мер Вышнеградского, односторонность его надежд на форсирование хлебного экспорта. Общероссийский сбор пшеницы в 1891 г. был лишь на 1,7 % ниже, чем сбор благополучного 1886 г. Но южные и западные губернии, ориентированные на вывоз зерна в Западную Европу, продавали туда не только излишки, но и часть необходимого, тогда как Поволжье голодало. Министра обвинили в том, что его политика довела крестьян до голода, ему напомнили фразу, которая действительно звучала ужасно: «Недоедим, а вывезем».

Положение в деревне усугублялось тем. что Вышнеградский жестко взыскивал с крестьян недоимки.

Голод 1891 г. показал, что ни хлебный экспорт при невысоком уровне урожайности, ни ускоренное освоение степных и южнорусских районов рискованного земледелия, где создавались новые сельскохозяйственные центры России, не решают задачи подлинной экономической стабилизации в деревне. Помещичье землевладение и обусловленная природно-климатическим фактором крестьянская поземельная община предопределяли развитие сельскохозяйственного производства по экстенсивному пути. Однако и интенсивный путь не лишал сельское хозяйство прокрустова ложа короткого лета и засух. Так или иначе в 1892 г. Вышнеградский должен был оставить свой пост.

Реформы С. Ю. Витте. Министром финансов стал С. Ю. Витте, видный деятель железнодорожной отрасли. Его государственная карьера началась при Вышнеградском. На посту министра Витте пробыл до 1903 г. Он с успехом продолжал модернизацию промышленности, начатую его предшественниками. Витте создавал условия для притока в Россию иностранного капитала как в виде займов, так и в форме прямых вложений. Сырьевые и энергетические ресурсы страны, дешевая рабочая сила, устойчивая денежно-финансовая система и преувеличенные представления о социально-политической стабильности самодержавного строя делали Россию исключительно выгодной сферой приложения иностранного капитала. Его доля в акционерном капитале горной, металлообрабатывающей и машиностроительной отраслей превышала долю российского капитала. Иностранный капитал преобладал в тяжелой промышленности Юга России, разработке бакинской нефти, в золотопромышленности. Французские капиталы были в угледобыче, добыче и перегонке нефти, металлургии, машиностроении, в цементной промышленности. Английские капиталы — это нефть, цветные металлы, текстиль и строительство военных кораблей. Германские инвестиции шли в химическую промышленность, металлургию, железные дороги, добычу газа, кредитование. На иностранные (немецкие) деньги развивались такие новые отрасли, как электрохимическая, электротехническая, городское коммунальное хозяйство, производство новейших средств связи. Если в 1893 г. доля иностранного капитала по отношению ко всему акционерному капиталу составляла 27 %, то к 1900 г. она возросла до 45 %.

Этот курс на привлечение иностранного капитала был экономически оправдан, в его основе лежал тот факт, что Россия была страной, бедной капиталами, с ограниченными внутренними возможностями их концентрации и с высокой долей непроизводительных расходов. Попытки Вышнеградского и Витте использовать доходы сельскохозяйственного производства для нужд промышленной модернизации наталкивались на сопротивление поместного дворянства.

Воздействие иностранного капитала на том этапе не сказывалось на самостоятельности российской внешней и внутренней политики, хотя государственные и частные займы, делавшиеся во Франции, укрепляли прочность русско-французского союза. В итоге в 1881–1900 гг. в счет погашения процентов по займам и дивидендов за рубеж было вывезено 2,5 млрд руб., что в 1,5 раза больше объема всего иностранного капитала в России. Тем не менее казна выжала из крестьян ресурс для экономики (выкуп земли и т. д.). Витте подчеркивал: «Я совсем не боюсь иностранных

капиталов, почитая их за благо для нашего отечества, но я боюсь совершенно обратного, что наши порядки обладают такими специфическими, необычными в цивилизованных странах свойствами, что немного иностранцев пожелают иметь с нами дело». Однако европейцам были выгодны инвестиции в Россию…

Важным делом Витте стало введение винной монополии. Задуманная еще Вышнеградским в целях резкого увеличения поступлений в казну, винная монополия включала в себя розничную и оптовую торговлю крепкими спиртными напитками и очистку спирта. В 1894 г. винная монополия стала постепенно вводиться в губерниях Российской империи. К концу министерства Витте она охватила практически всю территорию страны. Она давала более 10 % бюджетных доходов.

Витте завершил конверсию российских внешних займов, которая была задумана еще Бунге и начала осуществлятьсяпри Вышнеградском. С 1888 г. на Парижской бирже обменивались 5-процентные и 6-процентные российские государственные облигации на облигации с более низким процентом и более длительными сроками погашения. Конверсия внешних займов России привела к переходу русских ценных бумаг на французский денежный рынок и к увеличению государственного долга. При Витте усилился рост частной и общественной задолженности зарубежным банкам, к 1903 г. внешнегосударственная задолженность достигла огромной по тем временам цифры 5800 млн руб.

Увеличение внешней задолженности на время решало финансовые проблемы страны, что дало возможность стабилизировать положение рубля и провести в 1897 г. денежную реформу, которая устанавливала золотой монометаллизм. Рост налоговых поступлений, добыча и покупка золота позволили Государственному банку увеличить золотую наличность до размера, который почти соответствовал сумме обращавшихся кредитных билетов. Кредитные билеты стали обмениваться на золото без ограничений. Денежная реформа Витте укрепила внешний и внутренний курс рубля, но в ее основе лежали финансовые и фискальные мероприятия, а не подлинная экономическая стабилизация.

Особенности российской экономической модернизации. С 1893 г. российская промышленность развивалась невиданно бурными темпами, за неполных семь лет объем промышленного производства более чем удвоился. Подъем сопровождался техническим перевооружением основных отраслей промышленности. Особенно быстро развивались отрасли тяжелой промышленности: металлургическая, машиностроительная, горнозаводская. Их доля в общем объеме промышленной продукции менее

чем за десять лет возросла с 30 до 46 %. Успехи экономической модернизации были очевидны. Возрастающая роль России в мировой системе хозяйства вполне соответствовала ее политическому авторитету и военному могуществу.

Однако экономическая модернизация носила ограниченный характер и практически не затронула сферу сельского хозяйства. При Вышнеградском и Витте возросли товарность и экспортные возможности российской деревни, но рост товарной продукции обеспечивался в основном ценой вовлечения в оборот новых земель и роста товарной продукции в силу вынужденных продаж и экономией на питании крестьянского хозяйства. Позиции поместного дворянства оставались непоколеблен-ными, и важнейший вопрос русской жизни — земельный — не был решен.

Противоречивы были политические и социальные последствия экономической модернизации. Ее успех не был успехом частнопредпринимательской деятельности. Государственное покровительство национальной промышленности, стимулируя рост экономики, тем не менее привело к тому, что стихией российских предпринимателей был не свободный рынок, а монопольные права, которые им предоставляло правительство. С особой силой это проявлялось в сфере взаимоотношений труда и капитала. Опираясь на правительственный аппарат, деятели российской промышленности извлекали сверхприбыли из эксплуатации рабочих. За исключением сравнительно небольших групп, сконцентрированных на государственных военных заводах, промышленные рабочие России зарабатывали меньше, чем в любой другой промышленно развитой стране.

Зрелость рабочего движения, совпавшая с периодом модернизации, не была по-настоящему осознана фабрикантами. Особенности становления и развития российского капитализма делали его представителей невосприимчивыми к идеям и практике социального реформизма и компромисса. Следствием этого была радикализация рабочего класса, а несомненная связь самодержавных институтов и капитала способствовала выдвижению рабочими не только экономических, но и политических требований. Ценой экономической модернизации стал возросший антагонизм между промышленным пролетариатом и буржуазией.

В конце 1899 г. российская промышленность ощутила первые симптомы кризиса, который в 1900 г. стал всеобщим, охватив все мировое хозяйство. Для экономики России он оказался особенно длительным и тяжелым. Первым предвестником спада стал европейский денежный кризис, что вынудило Государственный банк, а за ним и частные банки

сократить кредиты предприятиям, повысить ставки учетного процента. За этим последовало сокращение товарного кредита, массовые закрытия мелких и средних производств. Предприниматели искали выход в резком снижении заработной платы и в локаутах. Безработица в отдельных отраслях промышленности и в некоторых регионах достигала 40–50 %, что предопределило неизбежность грядущего острого и жестокого социального столкновения.

Кризис выявил неполноту экономической модернизации. Объективная потребность модернизации общества исторически была реализована прежде всего в варианте своего рода точечно-го развития промышленности в районах, щедро обеспеченных минеральным сырьем, рудой, и местах с готовой базой в виде очагов старинного мануфактурного производства. У российского социума, подавляющая часть которого была в цепких объятиях экстенсивного земледелия, не было ни сил, ни средств на повсеместный промышленный прорыв. Слабость крестьянского хозяйства, зажатого историческими судьбами в прокрустово ложе короткого лета, резко ограничивала пахотные возможности индивидуального хозяйства на огромной части государства, не говоря уже о капризах климата, что лишало страну перспективы стремительного и многократного роста урожайности. А только последнее обстоятельство могло бы дать промышленности огромный резерв рабочей силы, позволив ей в конкурентной борьбе достигнуть масштабов, достойных великой державы Европы. Тяжелые вериги аграрного вопроса опосредованно влияли на всю экономику России. В частности, исторически реальный отток населения из сельского хозяйства давал преимущественно неквалифицированную рабочую силу, «расхолаживая» темпы технического прогресса.

Таким образом, бурный подъем экономики конца XIX в., несмотря на беспрецедентные темпы развития, имел исторически ограниченный характер. Развитие производства, структурные изменения в промышленности не сопровождались социальными переменами. Экономическая модернизация оказалась ненужной поместному дворянству, располагавшему всей полнотой политической власти в стране, поскольку ее дальнейшее проведение требовало кардинального изменения существующих социальных отношений, модернизации политического строя. Изменить застой и рутину, царившие в верхах, оказалось не под силу даже энергичным министрам финансов. Бунге, Вышнеградский и Витте не сумели преодолеть косность, некомпетентность и безволие людей, которые решали судьбу России на рубеже XIX–XX вв.

Глава 26. Общественная жизнь второй половины XIX в.

§ 1. Русское общество эпохи великих реформ

Оттепель. Смерть Николая I и воцарение Александра II резко изменили характер общественной жизни в стране. Отличавшийся тонкой наблюдательностью поэт Ф. И. Тютчев, который после событий 14 декабря писал: «зима железная дохнула», время, наступившее после 19 февраля 1855 г., назвал «оттепелью».

В обществе, пережившем тридцатилетний застой, с восторгом были восприняты первые шаги нового императора, которые свидетельствовали о стремлении правительства к переменам. Были сняты запреты на выезд за границу, упразднен Бутурлинский комитет, было дано дозволение на издание новых журналов — славянофильской «Русской беседы» под редакцией А. И. Кошелева и западнического «Русского вестника», который стал редактировать М. Н. Катков. Важным общественным событием стало чествование в Москве героев Севастопольской обороны, на котором славянофил К. С. Аксаков произнес знаменитый тост во славу общественного мнения. Всеобщей потребностью стало ослабление цензурных запретов и та особая открытость в обсуждении наболевших вопросов, которую именовали гласностью. Гласность и свобода общественного мнения стали символами преодоления николаевской реакции, свидетельством стремления к прогрессивному развитию.

Настроения, которые были характерны для русского общества, хорошо передал И. С. Аксаков: «Кто не был свидетелем этой поры, тому и не представить себе, каким движением внезапно была объята Россия. Откуда ни возьмись, “общественное мнение”, — которого и существования не подозревали, и в принципе не признавали, — явилось такою неодолимой нравственной силой, которой никакая в мире живая, личная власть не могла сопротивляться. Словно неистовством вешних вод прорвало плотину, и помчался бурный мутный поток, неся на хребте — вместо льдин и мусора — протесты, укоры, беспощадную критику прошлого тридцатилетия и бесчисленные предположения реформ».

Разночинцы-шестидесятники. Общественное оживление, которое в России сопровождало начало каждого царствования, в это время имело

ясно выраженную реформаторскую направленность. Оно охватило не только столичное и провинциальное дворянство, но и разночинную интеллигенцию, роль которой в общественной жизни становилась все заметнее. Со временем эта часть русского общества стала именоваться шестидесятниками, отделяя себя тем самым от людей сороковых годов. По мнению шестидесятников, та полоса русской жизни, когда они играли важную общественную роль, началась в первый день царствования Александр II, 19 февраля 1855 г., и продолжалась до каракозовского выстрела 4 апреля 1866 г. У современников возникло представление о существовании особого явления общественной мысли — шестидесятничества, к которому принято было относить разнообразные стремления к радикальным переменам в политической и социально-экономической областях. Наиболее крайние шестидесятники нередко назывались нигилистами.

Для разночинной интеллигенции был характерен радикализм суждений, нетерпимость к чужим мнениям, неприятие старых бытовых и семейных традиций. Характеризуя шестидесятников, либеральный литератор А. В. Никитенко писал, что они «и не подозревают, какие они сами деспоты и тираны: как эти желают, чтобы никто не смел шагу сделать без их ведома или противу их воли, так и они желают, чтобы никто не осмелился думать иначе, чем они думают. А из этих тираний самая ужасная и тирания мысли».

Вольное слово Герцена. Огромную роль в переломе общественных настроений, наступившем с воцарением Александра II, сыграл А. И. Герцен, Вольная типография которого открыла доступ к свободному слову. В 1855 г. Герцен приступил в Лондоне к изданию альманаха «Полярная звезда», названием которого он утверждал преемственную связь и свое «кровное родство» с декабристами. Вслед за тем, в 1856 г., он стал печатать «Голоса из России», где находили место самые разные материалы, написанные на злобу дня. В 1857 г. совместно с Н. П. Огаревым А. И. Герцен стал издавать газету «Колокол», где события, происходившие в стране, «ловились на лету» и тотчас же обсуждались. «Колокол» имел в России множество тайных корреспондентов, среди которых были И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, бр. К. С. и И. С. Аксаковы, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин. Он был самым информированным изданием, влияние которого распространялось на правительственные круги. Чтение «Колокола» входило в распорядок дня Александра II. Первоначальная программа издателей «Колокола» была выражена призывом: «Освобождение слова от цензуры! Освобождение крестьян от помещиков! Освобождение податного

состояния от побоев!»

Герцен призывал к единению всех передовых людей, и либералов-идеалистов прошлого царствования, и разночинной молодежи: «Не завидуя смотрим мы на свежую рать, идущую обновить нас, а дружески ее приветствуем. Ей радостные праздники освобождения, нам благовест, которым мы зовем живых на похороны всего дряхлого, отжившего, безобразного, рабского, невежественного в России».

При начале издания «Колокола» Герцен верил в просвещенную инициативу дворянства, полагал, что Александр II станет преобразователем, подобным Петру I, и подчеркивал, что предпочитает «путь мирного, человеческого развития пути развития кровавого». Его поддерживал Огарев, который возлагал надежды на самодержавную инициативу: «В наше время Петр Великий с неутомимой деятельностью и гениальной быстротою уничтожил бы крепостное право, преобразовал бы чиновничество и возвысил бы значение науки. Тогда бы Россия отдохнула и ожила бы к новой, великой умственной и промышленной деятельности, правительство блистательно стало бы в уровень с современной задачей русского развития».

Либеральные идеи. Издания Герцена создали свободную трибуну для всех слоев образованного общества. Помимо настоятельных призывов к отмене крепостного права самые разные авторы писали в них о необходимости ослабления цензуры, об искоренении административного произвола. Чичерин обличал аристократию и утверждал, что «государство нуждается не в аристократах, а в людях». Ему принадлежало программное положение российского либерализма: «Надобно, чтобы каждый человек мог сознавать себя гражданином, призванным содействовать общему делу, а не рабом, могущим служить только орудием чужой воли; надобно, чтобы он не трепетал за каждое смело сказанное слово, а мог бы свободно высказывать мнение, которое считает полезным для отечества, не боясь быть за то призванным в III Отделение или сосланным в отдаленные губернии. Не прав мы желаем, ибо во всем полагаемся на царя, а просим только позволения возвысить голос и обсуждать то, что ближе всего касается нашего сердца, — благоденствие нашего Отечества».

Его единомышленник Кавелин убедительно доказывал, что «при казенном управлении никакая отрасль промышленности хорошо идти не может», и выступал за развитие свободного предпринимательства. Чичерину принадлежал знаменитый призыв: «Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех

направлений». Либеральные идеи требовалось облечь в форму конкретных мер, которые, по мнению Чичерина, «необходимы для благоденствия России». Он перечислял их: свобода от крепостного состояния; свобода общественного мнения; свобода книгопечатания; свобода преподавания; публичность всех правительственных действий; публичность и гласность судопроизводства.

Все это звучало ново и способствовало распространению либеральных и освободительных идей в России, куда герценов-ские издания проникали почти беспрепятственно.

Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Наряду с издателями «Колокола» большую роль в демократизации общественных настроений играли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, ведущие сотрудники некрасовского журнала «Современник». На страницах подцензурной печати они развивали идеи общинного социализма со смелостью, которая была недоступна распространенной тогда «обличительной литературе», понимавшей гласность как сведение счетов с отдельными представителями местной администрации. Чернышевский считал, что Россия могла учесть богатый опыт западноевропейского развития и, основываясь на нем, разумно использовать сохранившиеся общинные традиции крестьянства. У русского народа в середине века появились определенные преимущества при выборе путей социального развития. «Те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского как факт его народной жизни».

Добролюбов обличал «темное царство» социального неравенства, ждал наступления «настоящего дня» и почти открыто проповедовал борьбу против «внутреннего врага». Его литературно-критические статьи напоминали читателям о заветах Белинского. Пафос добролюбовских статей, их разночинский радикализм вскоре стали поводом для разрыва между шестидесятниками и либералами-идеалистами. Крупные русские писатели, прежде постоянно сотрудничавшие в журнале — И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, — прекратили печататься в «Современнике» и перешли в «Русский вестник», который наиболее последовательно выражал взгляды либеральной общественности.

Герцен вступился за «людей сороковых годов», что привело к долгой полемике между «Колоколом» и «Современником». Эта полемика отражала неопределенность, характерную дляпредреформенных лет, когда инициатива освобождения крестьян принадлежала правительству, а радикальная общественность проявляла нетерпимость и неумение найти

основу для совместных действий. Герцен верил в Александра II, а Чернышевский исподволь пропагандировал неизбежность крестьянской революции. В 1859 г. Чернышевский ездил в Лондон для встречи с Герценом, но результатом их объяснений стало дальнейшее расхождение их позиций.

Противоположные тенденции наблюдались в либеральной среде, где происходило сближение позиций западников и славянофилов, идейной основой которого стала формула Б. Н. Чичерина: «В настоящее время в России потребны две вещи: либеральные меры и сильная власть». Либеральная общественность признала преимущество самодержавной инициативы, отказалась от попыток самодеятельности и пошла на сотрудничество с правительством.

После 19 февраля 1861 г. произошла радикализация общественных настроений. Первоначально Герцен приветствовал освобождение крестьян, назвав Александра II Освободителем. Однако детальный разбор положения в сочетании с известиями о расправах над крестьянами дали основание Н. П. Огареву сделать вывод: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут». В крестьянских волнениях весны 1861 г. Герцен и Огарев видели «начальный рев» будущей бури и призывали разночинную молодежь «заводить» нелегальные типографии для ведения революционной агитации. Обращаясь к студентам, изгнанным из университетов, Герцен выдвинул лозунг: «В народ! К народу!» Этот призыв был услышан и лег в основу образа действий шестидесятников.

Программный характер приобрели слова из статьи Огарева, где, отвечая на вопрос, что нужно народу, автор писал: «Земля, воля, образование». Огаревский совет народу и разночинной молодежи звучал просто и понятно: «Шуметь без толку и лезть под пулю вразбивку нечего; а надо молча сбираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казной, и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную да правду человеческую». Исходя из представлений о близости крестьянского выступления, Огарев разрабатывал планы создания общероссийской революционной организации.

Заметно оживилось студенческое движение. Восприимчивая и отзывчивая часть общества — студенчество отстаивало свои корпоративные права и одновременно демонстрировало солидарность с крестьянством. Политическую окраску приобрела панихида, устроенная

казанскими студентами в апреле 1861 г. по крестьянам, расстрелянным в селе Бездна. Возле церкви собралось несколько сот учащихся, к которым с речью обратился профессор университета А. П. Щапов. Он говорил, что безд-ненские крестьяне «разрушили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто народ наш не способен к инициативе политических движений». Он обращался к погибшим крестьянам: «Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую желали приобресть в собственность и которая приняла вас мучениками в свои недра, — эта земля воззовет народ к восстанию и свободе». Свою речь он закончил словами: «Да здравствует демократическая конституция!» Отданный под надзор полиции, Щапов был позднее обвинен в связи с «лондонскими пропагандистами» и сослан в Сибирь.

В середине 1861 г. были введены «Временные правила», имевшие целью ограничить доступ в университеты. Отменялось освобождение бедных студентов от платы за обучение, запрещались студенческие сходки и депутации. В ответ студенты Петербургского, Московского и Казанского университетов прекратили занятия. 25 сентября в Петербурге студенты провели первую в России уличную демонстрацию. Студенческие волнения были серьезно восприняты правительством. Были проведены аресты вожаков студенчества и массовые исключения из университетов, наряду с этим уволены в отставку некоторые чиновники Министерства просвещения, что дало возможность молодежи осознать свою силу.

Выразителем ее настроений стал Н. Г. Чернышевский. Его идеи были изложены летом 1861 г. в прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», где содержался обращенныйк крестьянам призыв не губить себя до времени и ждать, когда «доброжелатели» объявят, что «пора, люди русские, доброе дело начинать». От имени «доброжелателей» сообщалось: «Мы уж увидим, когда пора будет, и объявление сделаем. Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят… А мы все люди русские и промеж вас находимся, только до поры до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем, как и вас просим, чтобы вы себя берегли». Авторство прокламации по доносу провокатора было приписано Чернышевскому, его арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. Через два года без всяких юридических доказательств он был осужден на каторжные работы.

Прокламационная кампания. Именно Чернышевский и его единомышленники стояли в центре прокламационной кампании, которая охватила Россию. Авторы прокламаций верили в близость крестьянской революции. Они обращались к разным слоям населения с призывами

неповиновения властям, предсказывали неизбежное народное восстание, предотвратить которое, как говорилось в листке «Великорусе», «патриоты не будут в силах и должны будут позаботиться только о том, чтобы оно направилось благотворным для нации образом». В лондонской типографии Герцена была напечатана прокламация «К молодому поколению», автор которой Н. В. Шелгунов утверждал, что если царь не согласится на глубокие преобразования, то «вспыхнет всеобщее восстание» и восставшие «придут к крайним мерам». Молодому поколению предлагалось составлять «кружки единомыслящих людей», искать союза с народом и солдатами. В духе идей «крестьянского социализма» прокламация утверждала, что России «нужен не царь, не император, не помазанник Божий, не Горностаева мантия, прикрывающая наследственную неспособность; мы хотим иметь главой простого смертного, человека земли, понимающего жизнь и народ, его избравший. Нам нужен не император, помазанный маслом в Успенском соборе, а выборный старшина, получающий за свою службу жалованье».

Огромное впечатление на современников произвела прокламация «Молодая Россия», появившаяся летом 1862 г. Ее автором был московский студент П. Г. Заичневский. Прокламация утверждала неизбежность революции «кровавой и неумолимой», которая «должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». Будущее страны «Молодая Россия» представляла как «республиканско-федеративный союз областей», состоящих из самоуправляющихся общин. Экономической основой будущего строя должны были стать земледельческая община и общественная фабрика. Заичневский разделял взгляды французского революционера О. Бланки, исповедовал тактику заговора и обещал от имени революционеров истребить императорскую партию и пролить, если потребуется, «втрое больше крови, чем пролито якобинцами». «Молодая Россия» обещала: «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика Русская; двинемся на Зимний дворец истребить живущих там».

Власти не сумели установить авторство Заичневского и охотно приписывали ее кровожадный экстремизм всему освободительному движению. Провокационные призывы «Молодой России» совпали с грандиозными пожарами в Петербурге, что дало возможность обвинять в поджогах студентов-нигилистов и дискредитировать представителей передовой общественности. В июне были закрыты журналы

«Современник» и «Русское слово», запрещены воскресные школы, служившие для агитации в народе, учреждена следственная комиссия по делам о политических преступлениях. Наряду с Чернышевским были арестованы Н. А. Серно-Соловьевич, Д. И. Писарев, ряд видных шестидесятников должен был эмигрировать.

Первая «Земля и воля». Неудачей закончилась попытка объединения подпольных кружков, разбросанных по стране. Начатая по инициативе Чернышевского, она привела к созданию общества «Земля и воля», которое осенью 1862 г. заявило о создании Русского центрального народного комитета. Им руководили вожак студенческой молодежи Н. И. Утин и редактор радикально-разночинного журнала «Русское слово» Г. Е. Благосветлов. Взгляды участников организации совпадали в желании общественных перемен, но в остальном были различны. Н. А. Серно-Соловьевич говорил: «У нас такая разноголосица, что нет двух человек, согласных в принципах или цели». Деятели «Земли и воли» через Герцена и Огарева вели переговоры с польскими революционерами о возможности совместного выступления. Весной 1863 г., по их расчетам, в России ожидалось крестьянское восстание. Когда эти надежды рухнули, общество, так и не раскрытое властями, объявило о самороспуске.

Оказать содействие польским повстанцам в 1863 г. радикальные шестидесятники не смогли. Создатель тайной офицерской организации А. А. Потебня перешел на сторону восставших, был схвачен и расстрелян. Провалилась попытка М. А. Бакунина доставить морем в Польшу оружие и добровольцев. Авантюрой был «казанский заговор», когда группа поляков и русской молодежи попыталась поднять восстание в Казанской губернии. Заговор был раскрыт, его организаторы казнены. Выступления Герцена против «гнусного умиротворения» Польши были отвергнуты подавляющим большинством российского общества и привели к полному падению влияния «Колокола». Мало кто разделял позицию Герцена: «Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимость Польше, потому что мы хотим свободы России».

Либеральная оппозиция. Первые признаки общественного спада стали заметны в 1862 г., когда правительство обрело уверенность в том, что разрозненные крестьянские выступления не перерастут в общероссийское крестьянское восстание. Тогда же выявилась неудача радикальной прокламационной кампании. Изменение общественных настроений сказалось на позиции либералов, группировавшихся вокруг «Русского вестника». В их среде возникает идея обратиться к Александру II с просьбой о введении в стране конституционного правления и даровании

политических свобод. Эта мера должна была, как считали Катков, Тургенев и их единомышленники, успокоить студенческую молодежь, смягчить дворянское недовольство крестьянской реформой и способствовать дальнейшей европеизации России. Сбором подписей под обращением занимался британский подданный А. Бенни, чья неумелая конспирация дала основание подозревать его в связях с III Отделением.

Много дальше либерально-западнической редакции «Русского вестника» шел издатель славянофильской газеты «День» И. С. Аксаков. В январе 1862 г. во время московских дворянских выборов он выдвинул проект самоупразднения дворянства как сословия. Он исходил из того, что после «великого дела 19 февраля» дворянство утратило старое сословное значение и потому должно вернуться в «земство», где произойдет его соединение с народом. В форме обращения дворянства к правительству Аксаков писал: «Дворянство, убеждаясь, что отмена крепостного права непреложно-логически приводит к отмене всех искусственных разделений сословий, считает долгом выразить правительству свое единодушное и решительное желание: чтобы дворянству было позволено торжественно, пред лицом всей России совершить торжественный акт уничтожения себя как сословия; чтобы дворянские привилегии были видоизменены и распространены на все сословия в России». Против этих последовательно либеральных идей бессословности выступили Чичерин, Кавелин, Катков. Правительство сочло необходимым официально отвергнуть предложение Аксакова.

Под влиянием аксаковского призыва в феврале того же года тверское дворянское собрание приняло постановление, в котором констатировало несостоятельность правительства. На экстренном собрании тверских дворян, говорилось, что осуществление реформ невозможно путем правительственных мер: «Свободные учреждения, к которым ведут эти реформы, могут выйти только из самого народа, а иначе будут одною только мертвою буквою и поставят общество в еще более натянутое положение». Тверские дворяне заявляли об отказе от своих сословных привилегий, требовали уравнения всех сословий и, идя в своем либерализме дальше Аксакова, выступали за созыв «собрания выборных всего народа без различия сословий». Одновременно они повторяли общелиберальные пожелания создания независимого суда, преобразования финансовой системы и введения гласности в административном управлении. Тверские мировые посредники приняли решение руководствоваться в своей деятельности не указаниями правительства, а постановлением дворянского собрания. Возникло дело о «тверских

посредниках», по которому 13 человек было посажено в Петропавловскую крепость. Тверской адрес 1862 г. стал высшей точкой либеральной оппозиционности эпохи Великих реформ.

Точку зрения И. С. Аксакова и тверских либералов разделяли немногие. Против либеральных толков о конституции, связанных с инициативой Бенни, выступил Самарин. Он перечислял необходимые для России преобразования: прекращение полицейского гонения раскольников, веротерпимость, гласность и независимость суда, свобода книгопечатания, упрощение местной администрации, преобразование налоговой системы, доступ всех сословий к просвещению. По его словам, «все это не только возможно без ограничения самодержавия, но скорее легче совершится при самодержавной воле». В глазах Самарина именно самодержавная инициатива выступала ускорителем прогрессивного развития России. Выгодная и понятная дворянскому меньшинству, конституция, по его мнению, могла лишить самодержавие его «народного» характера, посеять рознь между образованными классами и простым народом.

Позиция славянофила Ю. С. Самарина была близка его давнему оппоненту западнику К. Д. Кавелину. Он писал: «Мы уверены, что если бы каким-нибудь чудом политическая конституция досталась теперь в руки дворянства, то это была бы, конечно, самая горькая ирония над нынешним жалким его состоянием; она обнаружила бы вполне всю его несостоятельность и скоро бы пала и была забыта, как много конституций в Европе, не имевших твердых оснований в народе».

Дворянский конституционализм. Главным объектом каве-линских нападок была не провалившаяся инициатива Бенни, а возродившиеся в дворянском обществе планы конституционного ограничения самодержавия, которое, как считало большинство дворян, провело крестьянскую реформу с нарушением их прав. При этом, как правило, главная вина возлагалась на либеральную бюрократию.

К губернским дворянским съездам начала 1862 г. был приурочен выход в Лейпциге брошюры А. И. Кошелева, который обрушивался на бюрократию, «источник происшедших, настоящих и будущих бедствий для России». В традициях славянофильства он требовал созыва Земской думы «в Москве — в сердце России, поодаль от бюрократического центра». Политические идеалы Кошелева были использованы представителями консервативно настроенного дворянства. Вожди крепостнической фронды Н. А. Безобразов, В. П. Орлов-Давыдов, А. П. Платонов выступали с притязаниями на ограничение самодержавия и были убеждены, что правительство, отменив крепостное право и тем самым лишив помещиков

собственности и важных привилегий, должно поступиться частью своей власти. Они мечтали об «исправлении ошибки 19 февраля 1861 года» и отстаивали идею узкосословной дворянской конституции. В новых исторических условиях он повторяли олигархические дворянские проекты начала XIX в. Их целью было закрепление преобладания дворянства в политической жизни страны. Взгляды дворян-конституционалистов выражала газета «Весть», выходившая с 1863 г.

Дворянский конституционализм играл заметную роль в общественной жизни. В 1862–1865 гг. предложения Орлова-Давыдова и Платонова не раз сочувственно обсуждались в губернских собраниях петербургского и московского дворянства, в дворянских собраниях других губерний. В январе 1865 г. московское Дворянское собрание значительным большинством голосов приняло предложенный Орловым-Давыдовым адрес на высочайшее имя, который содержал пожелания олигархической конституции. В адресе говорилось: «Призванному вами, государь, к новой жизни земству, при полном его развитии, суждено навеки упрочить основу и крепость России. Довершите же, государь, основанное вами государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству. Повелите вашему верному дворянству с этой же целью избрать из среды себя лучших людей». За опубликование этого адреса «Весть» была закрыта, Орлов-Давыдов выслан из Москвы. Настроение дворянства было таково, что Александр II в беседе с молодым лидером московских дворян Д. П. Голохвастовым в сентябре 1865 г. был готов обещать в скором времени конституцию. Вместе с тем он пояснял свою позицию: «И теперь вы, конечно, уверены, что я из мелочного тщеславия не хочу поступиться своими правами! Я даю вам слово, что сейчас на этом столе я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что сделай я это сегодня — и завтра Россия распадется на куски. А ведь этого и вы не хотите».

Идеологи самодержавной власти. Здесь Александр II был прав. Польское восстание 1863 г. обратило внимание российской общественности на вопрос о государственном единстве империи, которое в либеральных и консервативных кругах стало пониматься как высшая ценность. Выразителем этих общественных настроений стал Катков. На страницах «Русского вестника» и редактируемой им газеты «Московские ведомости» он доказывал благодетельность самодержавной власти и самодержавной инициативы, отстаивал идею особого пути политического и социального развития России, обличал Герцена и Бакунина, в которых он

видел «изменников русскому делу». Перемена во взглядах недавнего западника-англомана и сторонника конституции была разительна, но она отвечала эволюции большинства российского общества. После каракозовского выстрела и представители олигархического дворянства «помирились» с верховной властью.

Идейно-теоретическое обоснование российский консерватизм получил в сочинении бывшего петрашевца Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», над которым он работал в середине 1860-х гг. Книга Данилевского содержала изложение оригинальной исторической концепции, в основе которой лежало представление о смене культурно-исторических типов, высшим из которых признавался славянский. Данилевский последовательно отстаивал идеи политического панславизма, писал о необходимости освобождения славянских народов силой русского оружия. Он мечтал о создании Всеславянской федерации «с Россией во главе, со столицею в Царьграде». Самодержавие он понимал как органичную форму государственной власти в России. Он утверждал, что Россия «составляет единственное обширное государство, имеющее под ногами твердую почву, в котором нет обезземеленной массы, в котором, следовательно, общественное здание зиждется не на нужде большинства граждан, не на необеспеченности их положения, где нет противоречия между идеалами политическими и экономическими». Основа российского экономического консерватизма, подчеркивал он, заключается «в крестьянском наделе и в общинном землевладении». Последнее утверждение — дань, которую российский консерватизм платил распространенной в обществе вере в особый путь развития России, основанный на крестьянской общине.

Нигилизм. В радикально-разночинной среде изменение общественных настроений нашло выражение в публицистике Писарева. Сидя в Петропавловской крепости, Д. И. Писарев помещал статьи в подцензурной печати, где учил, что долг честного человека состоит в разрешении вопроса «о голодных и раздетых людях». Он верил в социальное переустройство общества, которое будут осуществлять «мыслящие реалисты», вооруженные последними достижениями науки. Под его влиянием разночинная молодежь увлеченно занималась естествознанием, стремилась к распространению в народе грамотности и элементарных знаний о мире. Писарев проповедовал отрицание старых общественных норм, связывая утверждение нового порядка вещей как с мирной пропагандой, так и с возможностью радикального переворота.

Писарев был кумиром тех, кого именовали нигилистами и о ком говорили, что они «волос не стригут и в баню не ходят». Нигилистки,

напротив, ходили коротко стриженными. Нигилисты демонстративно презирали общественные условности, жили коммунами, отвергали собственность и традиционную мораль. Нигилизм был формой молодежного протеста. Последователей Писарева и сторонников Чернышевского разделял вопрос о роли народа в исторических событиях. Нигилисты недооценивали народные массы и верили в сильную личность, которую считали двигателем прогресса, тогда как разночинцы-шестидесятники сохраняли надежду на крестьянскую революцию. Споры между ними, шедшие на страницах «Современника» и «Русского слова», издание которых было возобновлено в 1863 г., вызвали «раскол в нигилистах» и свидетельствовали о необходимости выработки новых идей, объединяющих передовую молодежь. Знамением времени стал написанный в крепости роман Чернышевского «Что делать?» Опубликованный в «Современнике», он рисовал социалистические идеалы будущего, приближению которого должны были содействовать кружки и артели, создаваемые на общинных началах. Хрустальные дворцы, о которых мечтали герои романа, стали символом утопического сознания.

Идейный «раскол в нигилистах» отразился в деятельности студенческого кружка, возникшего в 1863 г. в Москве сначала как пензенское землячество. Руководил им студент Н. А. Ишу-тин. По примеру героев Чернышевского ишутинцы организовывали разного рода артели и производственные ассоциации, что неизменно кончалось неудачей. В 1865 г. среди них выделилась группа, именовавшая себя по названию низкопробного трактира, где она собиралась, группой «Ада». Она установила связи с петербургским подпольем, которое возглавлял И. А. Худяков. Члены группы уповали на героизм отдельной личности, способной на «поступок». Из «Ада» вышел Д. В. Каракозов, который, стремясь изменить ход истории, 4 апреля 1866 г. в Петербурге стрелял в Александра II. Покушение было неудачным, Каракозов был казнен, ишутинский кружок разгромлен.

В стране началась, по тогдашнему выражению, полоса «белого террора», за которой последовал спад общественной активности. Были окончательно закрыты «Современник» и «Русское слово», выражавшие взгляды радикальных шестидесятников. Правительственные репрессии в значительной степени предопределили судьбу идей социализма в России. Еще недавно излагаемые в подцензурной печати, они подверглись преследованию и запрещению и стали исключительным достоянием революционного подполья. В общественном сознании их стали связывать с насилием и террором.

Эпоха шестидесятых годов пришла к своему завершению.

§ 2. Народничество

Особый путь развития России. В первое пореформенное десятилетие происходило оформление идей русского социализма в стройную систему воззрений, которая получила название «народничества». Само понятие не отличалось определенностью и допускало различные толкования. Самые разные явления, объединенные интересом к народу и сочувствием к его тяжелой доле, именовались народничеством, которое было и идейным течением, и стилем эпохи. Сердцевину народничества составляли идеализированные представления о простом народе, о социальных отношениях в русской деревне. Народничество выросло из формулы Герцена: «Человек будущего в России — мужик».

Наибольшим влиянием в народнической среде пользовалось учение, которое связывало воедино особый характер русского общественного развития, основанного на существовании крестьянской поземельной общины, с верой в возможность благодаря этому прийти к установлению в России справедливых общественных отношений. Эти отношения понимались как социалистические. Народники постоянно вели споры о том, какие средства необходимо использовать для достижения социалистического идеала. Многие из них верили в эффективность революционного преобразования общества. Именно к ним приложима формула Г. В. Плеханова: «Под социалистами-народниками мы понимаем всех тех социалистов, по мнению которых община должна составлять главный экономический базис социалистической революции в России».

Наряду с революционным народничеством, временем расцвета которого стали 1870-е гг., всегда существовало мирное, либеральное народничество, особенно заметное в эпоху Александра III. Общей для всех народников была вера в самобытный путь развития России, в огромный социальный и экономический потенциал крестьянской поземельной общины, их объединяло неприятие капиталистических отношений. Все они были убеждены, что тем или иным путем Россия придет к социализму.

В эпоху Великих реформ действия разночинцев-нигилистов определяли идеи Герцена и Чернышевского. Представители радикально-демократической интеллигенции в своем большинстве разделяли надежды на близость народного восстания, с уверенностью смотрели в будущее и готовили себя к революции. Их идеалом был Рахметов, герой романа

Чернышевского «Что делать?». Своей непосредственной задачей радикальные шестидесятники считали создание подпольной организации, которая могла бы в нужный момент возглавить крестьянское выступление. По мере разочарования в близости крестьянской революции, в готовности народа подняться на борьбу с угнетателями, которая стала нарастать после 1863 г., в разночинной среде росло преклонение перед сильной личностью, для части нигилистически настроенной молодежи все больший интерес стали представлять идеи революционного терроризма. Первым практическим воплощением этих идей стал выстрел Каракозова.

Вслед за Бакуниным и Огаревым последователи русского социализма были непримиримыми противниками самодержавия и российской государственности. Для них свержение самодержавия было обязательным, хотя и не главным условием утверждения идеи социализма. Они склонны были недооценивать значение повседневной политической борьбы, с презрением относились к либеральной общественности. Неразрывно связанное с идеями социальной революции, народничество порождало нигилистическое отношение к правовому строю, конституционным гарантиям, вело к пренебрежению и прямому отрицанию гражданских свобод, к утрате навыков политической борьбы, и без того слабых в русском обществе.

Нечаевщина. С полной определенностью это выявилось в годы «белого террора». Волнения среди петербургских студентов в 1869 г. принесли известность С. Г. Нечаеву, малообразованному разночинцу, который сочетал беспредельную ненависть к самодержавию с политическим авантюризмом, склонностью ко лжи и провокации. Бежав за границу, он предстал перед Огаревым и Бакуниным как руководитель революционного комитета, якобы существующего в России. Совместно с Бакуниным он напечатал от имени мифической организации «Народная расправа» ряд листков и воззваний, обращенных к студенческой молодежи. Им был составлен получивший одобрение Бакунина «Катехизис революционера», который оправдывал все, самые грязные средства борьбы. Революционер, учил Нечаев, «знает только одну науку — науку разрушения, он презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все то, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все то, что помешает ему».

Вернувшись в Россию, Нечаев, широко используя методы провокации, попытался создать в Москве и Петербурге ячейки «Народной расправы». Добиваясь слепого подчинения, он методами шантажа вынудил

московскую ячейку убить студента И. И. Иванова, который выразил сомнение в нечаевских полномочиях. После убийства Нечаев вновь скрылся за границу. Процесс по делу нечаевцев проходил в 1871 г. и должен был, по мнению властей, дискредитировать революционное движение. Широкая публикация пропагандистских материалов нечаевцев дала обратный эффект: новое поколение молодежи обратилось к идеям революционного подполья, прониклось верой в русский социализм. Самого Нечаева, выданного Швейцарией как уголовного преступника, судили и заточили в Петропавловскую крепость, где он и умер.

М. А. Бакунин как идеолог народничества. Осудив не-чаевщину за безнравственность, деятели революционного подполья не подвергли сомнению нечаевское стремление создать тайную организацию. К этому стремились члены возглавляемого Г. А. Лопатиным «Рублевого общества», названного так по размеру вступительного взноса, и «долгушинцы», объединившиеся вокруг петербургского студента А. В. Долгушина. В начале 1870-х гг. в Петербурге возник кружок «чайковцев», где главную роль играли М. А. Натансон и Н. В. Чайковский. Члены кружка вели постоянную народническую пропаганду среди студентов, считая своей главной задачей подготовку кадров для революционного движения.

В 1871 г. чайковцы объединились с кружком С. Л. Перовской, составив «Большое общество пропаганды». Среди деятелей общества были П. А. Кропоткин, А. И. Желябов, Н. А. Морозов, Д. А. Клеменс, СМ. Кравчинский, С. Л. Перовская, С. С. Синегуб. Они читали нелегальную литературу, мечтали вести пропаганду в деревне. Внутри общества царила атмосфера нравственной чистоты и преданности делу революции. Почти все члены «Большого общества пропаганды» разделяли взгляды Бакунина, которые в то время господствовали в народнической среде.

М. А. Бакунин играл исключительную роль в революционно-социалистическом движении. В 1840-е гг., уехав за границу, он обосновал необходимость «полного уничтожения существующего политического и социального строя» и выдвинул положение, которое легло в основу программы революционного анархизма: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть». Бакунин принял деятельное участие в событиях европейской «весны народов» 1848 г. На Славянском съезде в Праге он отстаивал идею революционного решения славянского вопроса, призывал к созданию свободной всеславянской федерации, к разрушению исторических угнетателей славянства — монархий России, Пруссии, Австрии и Турции. Возникшая в результате победоносной революции угнетенного славянства (крестьян-общинников) и западноевропейского

пролетариата «великая, вольная славянская федерация, основанная на принципах общего равенства, свободы и братской любви», должна была решить как национальный, так и социальный вопросы, уравнять всех граждан и обеспечить их наделами земли, перешедшей в общенародное владение.

После разгрома Дрезденского восстания, Бакунин был выдан царскому правительству. Несколько лет он провел в крепости, где написал «Исповедь», предназначенную для Николая I.

В ней он каялся в своих революционных поступках, объясняя их заблуждениями молодости. Сосланный в Сибирь, Бакунин бежал через Японию и Америку в Европу, где стал видным деятелем революционного движения и идеологом анархизма. Его анархистское мировоззрение окончательно сложилось под впечатлением поражения польского восстания 1863 г., когда он разочаровался в революционном панславизме. Обращаясь к своим последователям, он утверждал: «У нас нет отечества. Наше отечество — всемирная революция».

В теории Бакунина главным было учение о государстве, которое он понимал как «исторически необходимое зло». Грядущая революция, по его мнению, должна была привести к разрушению любых форм государственного устройства. Он верил в «великий, спасительный принцип федерализма», противопоставлял государственному социализму Маркса свой общинный социализм. Решающую роль в борьбе за переустройство мира он отводил народу, «на Западе — фабричным и городским рабочим, у нас в России, в Польше и в большинстве славянских земель — крестьянам». Народам, полагал Бакунин, присущ инстинкт свободы, который толкает их на борьбу: «Учить народ? Это было бы глупо. Народ сам и лучше нас знает, что ему надо». Согласно Бакунину «каждая община составляет в себе замкнутое целое и не чувствует надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи». Отсюда делался вывод о важности общинного самоуправления и о «решительно враждебном» отношении общины к государству.

Бакунин отмечал: «Нужно быть ослом, невеждою, сумасшедшим, чтобы вообразить себе, что какая-нибудь конституция, даже самая либеральная и самая демократическая, могла бы изменить к лучшему это отношение государства к народу; ухудшить, сделать его еще более обременительным, разорительным, пожалуй — хотя это и трудно, потому что зло доведено до конца, но освободить народ, улучшить его состояние — это просто нелепость! Пока существует империя, она будет заедать наш народ. Полезная конституция для народа может быть только одна —

разрушение империи».

В Европе Бакунин повсюду имел немало сторонников, в России они назывались «бунтарями» и составляли большинство в революционном народничестве. Свои взгляды на задачи русского революционного движения Бакунин изложил в «Прибавлении А» к книге «Государство и анархия», изданной в 1873 г. Он обличал самодержавие и писал: «Народ наш глубоко и страстно ненавидит государство, ненавидит всех представителей его». Путь, который он предлагал и от которого ждал спасения, — «путь боевой, бунтовской». Он учил, что «всякий бунт, как бы неудачен он ни был, всегда полезен». Молодежь должна была взять на себя пропаганду революционных идей, ей предстояло идти в народ, звать к бунту, устанавливать «живую бунтовскую связь между разъединенными общинами». По его мнению, в народе был жив дух «Стеньки-Разинской и Пугачевской революции», неизбежность и близость новой народной революции казалась ему очевидной.

Революция в России понималась Бакуниным как составная часть мировой «Социальной Революции», ибо «в настоящее время существует для всех стран цивилизованного мира только один всемирный вопрос, один мировой интерес — полнейшее и окончательное освобождение пролетариата от экономической эксплуатации и от государственного гнета». Этот вопрос, учил Бакунин, не может решиться «без кровавой, ужасной борьбы».

Революционная этика П. Л. Лаврова. Бакунизм был привлекателен для радикальной студенческой молодежи. Очень немногие ее представители не разделяли бакунинского революционного оптимизма и отдавали предпочтение лавризму, течению, названному по имени его идеолога. П. Л. Лавров был видным представителем шестидесятников, автором популярных среди молодежи «Исторических писем», где он дал знаменитое определение: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости — вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом». Выведенная Лавровым «формула прогресса» воспринималась радикальной молодежью как непререкаемый социологический закон. Лавров утверждал, что самое важное значение для развития общества имеет человеческая потребность лучшего, «влечение к расширению знаний, к постановке себе высшей цели, потребность изменить все данное извне сообразно своему желанию, своему пониманию, своему нравственному идеалу, влечение перестроить мыслимый мир по требованиям истины, реальный мир — по требованиям справедливости».

После выстрела Каракозова Лавров был сослан в Вологодскую губернию, откуда с помощью Лопатина бежал за границу. Там он издавал журнал «Вперед!», который сыграл большую роль в организации «хождения в народ». Лавров учил, что интеллигенция находится в «неоплатном долгу» перед народом, просвещению которого и пробуждению к будущей революции она должна отдать все свои силы: «Нужно не только слово, нужно дело. Нужны энергичные, фанатические люди, рискующие всем и готовые жертвовать всем. Нужны мученики, легенда о которых переросла бы далеко их истинное достоинство, их истинную заслугу».

Постепенная пропаганда лавристов не сулила быстрого успеха, и они составляли меньшинство в революционном движении, но идея жертвенности стала важной составляющей революционной этики.

«Хождение внарод». Весной 1874 г. объединенные призывом «идти и бунтовать народ», который впервые провозгласил Герцен, бакунисты и лавристы предприняли массовую попытку «хождения в народ». Лишенное организационного единства, стихийное по характеру, оно стало проявлением жертвенного порыва молодежи. Степняк-Кравчинский вспоминал: «Движение это едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то крестовым походом, отличаясь вполне поразительным и всепоглощающим характером религиозных движений». Молодежь университетских центров покидала города, ехала на Дон, в Поволжье, где, по ее расчетам, были живы традиции Разина и Пугачева. Пропагандой было охвачено около 40 губерний.

Молодые люди переходили из деревни в деревню, звали крестьян к неповиновению властям, проповедовали идеи социализма. Прямые призывы к бунту чаще всего воспринимались крестьянами враждебно, социальную справедливость они воспринимали как призыв к переделу помещичьих земель. К осени движение было разгромлено, было арестовано более тысячи человек. Власти устроили над участниками «хождения в народ» процесс «193-х», который способствовал популяризации революционно-социалистических идей.

«Хождение в народ» выявило невозможность осуществления бунтарских идей Бакунина на практике, следствием чего стали попытки ведения длительной оседлой пропаганды, когда революционеры под видом учителей, фельдшеров, писарей селились в деревне.

Вторая «Земля и воля». К 1876 г. разрозненные подпольные группы объединились в организацию, названную «Земля и воля». Это было крупнейшее тайное общество революционных народников. В Николин

день, 6 декабря члены организации после молебна, который отслужили в Казанском соборе Петербурга за здравие Николая Чернышевского, устроили на площади демонстрацию, где подняли красное знамя с надписью «Земля и воля».

Программные требования землевольцев заключались в передаче всей земли общинам, в разделении Российской империи на части, «соответственно местным желаниям», в развитии общинного самоуправления. Достичь этого они надеялись «только посредство^! насильственного переворота», который они готовили, возбуждая народ к бунтам и стачкам и осуществляя «дезорганизацию власти». Их конечным идеалом была анархия и коллективизм. Особое внимание они уделяли выработке уставных требований, которые включали централизм, конспирацию, взаимный товарищеский контроль, подчинение меньшинства большинству. Душой организации был А. Д. Михайлов, который утверждал: «Если у нас не будет единства взглядов на наши взаимные отношения — это будет невыносимо и пагубно. Я первый постараюсь разрушить такой шаткий, жалкий и бессильный союз».

«Земля и воля» вела работу в деревне, создавая поселения своих последователей, однако крестьяне были глухи к пропаганде революционеров. Попытка Я. В. Стефановича и Л. Г. Дейча поднять в 1877 г. бунт среди крестьян Чигиринского уезда с помощью подложной царской грамоты провалилась и дискредитировала организацию. Дезорганизаторские акты «Земли и воли» первоначально носили характер мести и самообороны. В январе 1878 г. давняя участница народнического движения В. И. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, приказавшего подвергнуть телесному наказанию политического заключенного. Суд присяжных оправдал Засулич, что с энтузиазмом было воспринято либеральной общественностью.

Для части революционеров-народников вердикт суда стал показателем общественного сочувствия к их деятельности и подтолкнул на путь политической борьбы и индивидуального террора. Они стали устраивать покушения на правительственных чиновников, в августе 1878 г. Кравчинский убил кинжалом на улице Петербурга главу III Отделения Н. В. Мезенцова. Землевольцы стали рассматривать террор как средство воздействия на народ. Листок «Земли и воли» утверждал: «Следует поставить революционную партию в глазах крестьянства на то место, какое занимает у него его мифический царь». 2 апреля 1879 г. землеволец А. К. Соловьев стрелял в Александра II. Покушение оказалось неудачным, Соловьев был повешен.

В рядах «Земли и воли» назрел кризис. Сторонникам террора, «политикам», противостояли его противники, «деревенщики», отрицавшие значимость политической борьбы и готовившие социальную революцию. В июне 1879 г. состоялся съезд в Воронеже, который привел к компромиссу. Он оставил неизменной программу организации, но признал террор методом ведения политической борьбы. Участники съезда высказались за цареубийство. Последовательным противником террора был Г. В. Плеханов, который, оставшись в одиночестве, покинул съезд и вышел из организации. Вскоре на петербургском съезде произошел полный раскол. «Деревенщики» составили общество «Черный передел», а «политики» — «Народную волю».

Чернопередельцы не принимали террор, отказывались от ведения политической борьбы; они продолжали пропагандистскую деятельность в деревне, что не давало никаких видимых результатов и обрекало их начинания на неуспех. Спустя несколько лет организация распалась.

«Народная воля» и теория захвата власти П. Н.Ткачева. «Народная воля» объявила беспощадную войну самодержавию. Орган партии писал: «Из этой ожесточенной схватки нет другого исхода: либо правительство сломит движение, либо революционеры низвергнут правительство».

Народовольцы следовали теории Ткачева, революционера, который был осужден по делу нечаевцев, бежал за границу, где издавал журнал «Набат». Ткачев был идеологом русского бланкизма и доказывал, что с помощью заговора группа революционеров может захватить власть и, опираясь на нее, начать социалистические преобразования. «Только обладая властью, меньшинство может заставить большинство — то косное, рутинное большинство, которое не доросло еще до понимания необходимости революции и не уяснило себе ее цели и задачи, — заставить это большинство переустраивать свою жизнь сообразно с его истинными потребностями, сообразно с идеалом наилучшего и наисправедливейшего общежития».

Ткачев учил, что самодержавие «не имеет ничего общего с существующим социальным строем», оно «висит в воздухе», что дает возможность русским революционерам нанести несколько решительных ударов по «всеми покинутому правительству». Для успеха переворота нужна крепкая, сплоченная и дисциплинированная организация революционеров: «Только при такой организации революционеры, захватив власть, будут в состоянии защитить ее от притязания враждебных партий, интриганов, политических честолюбцев, только она даст им возможность подавить консервативные и реакционные элементы общества, только она

одна вполне отвечает потребностям борьбы, вполне соответствует типу боевой организации».

Считая, что русский крестьянин «коммунист по инстинкту, по традиции», он полагал осуществление идеалов социализма делом нетрудным, хотя и подчеркивал, что в недрах общинного строя быстро развиваются новые формы — «формы буржуазной жизни, развивается кулачество, мироедство; воцаряется принцип индивидуализма, экономической анархии, бессердечного, алчного эгоизма».

Ткачев писал: «Непосредственная цель революции должна заключаться ни в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственною властью и превратить данное, консервативное государство в государство революционное». Расчет на самостоятельное творчество народных масс означал, по Ткачеву, фактический отказ от революции: «Народ не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать, развиваться в направлении коммунистического идеала; потому при построении этого нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли».

Вслед за Ткачевым теоретики «Народной воли» считали возможным организацию политического переворота и свержение самодержавия. Они заявляли: «Именно устранившись от политической деятельности, мы загребаем жар для других, именно устранившись от политической борьбы, мы подготовляем победу для враждебных народу элементов, потому что при такой системе действий просто дарим им власть, которую были бы обязаны отстоять для народа».

Воля народа должна была быть объявлена Учредительным собранием, которое, как они верили, не могло не быть социалистическим по составу. Индивидуальный террор был для них главным средством борьбы за власть. Они скептически относились к крестьянству, которое при «всех усилиях со стороны партии поддержать и организовать его не в состоянии совладать с централизованным и прекрасно вооруженным врагом».

Народовольческий террор. Народовольцами была создана сильная, боеспособная организация, во главе которой стоял Исполнительный комитет. Вокруг него существовала система местных революционных групп, рабочих кружков и офицерских организаций. Революционный терроризм «Народной воли» сочувственно воспринимался западноевропейской общественностью, которую увлекал пафос героической борьбы с самодержавным деспотизмом. Российская либеральная общественность склонна была оправдывать террористическую

деятельность народовольцев тем, что в России нет условий для легальной политической борьбы.

Члены Исполнительного комитета были профессиональными революционерами, ведущую роль среди них играли А. Д. Михайлов, А. И. Желябов, Н. А. Морозов, С. Л. Перовская, Н. Е. Суханов, Л. А. Тихомиров, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко. Свои силы они сосредоточили на подготовке цареубийства, с осуществлением которого они связывали надежды на захват власти. В августе 1879 г. Исполнительный комитет вынес смертный приговор Александру II. В ноябре под Москвой был взорван царский поезд, в феврале следующего года устроен взрыв в Зимнем дворце. Покушения были неудачны, но создали преувеличенное представление о возможностях организации и вызвали кризис власти.

Энергия получившего диктаторские полномочия М. Т. Лорис-Меликова позволила правительству переломить ситуацию, изолировать народовольцев, лишив их общественного сочувствия, и приступить к планомерным арестам революционеров. В январе 1881 г. был разоблачен Н. В. Клеточников, который еще по заданию «Земли и воли» поступил на службу в III Отделение, а затем стал заведовать секретной частью в Департаменте полиции. Он не раз предупреждал народовольцев об опасности. Затем был схвачен Желябов, главный организатор всех покушений.

1 марта 1881 г. группа террористов, руководимая Перовской, убила Александра И. Несмотря на предостережения, император после большого перерыва покинул Зимний дворец, чтобы принять участие в разводе гвардейского караула. В его карету на Екатерининском канале была брошена бомба, взрыв не задел царя, но плохая организация охраны привела к тому, что в вышедшего из кареты Александра II была брошена вторая бомба, взрывом которой он был смертельно ранен.

Исполнительный комитет обратился к новому царю с письмом, где требовал созыва «представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни». Народовольцы перечислили условия, на которых они были согласны прекратить террор: общая амнистия по «политическим преступлениям», всеобщееизбирательное право, свобода слова, печати, сходок. Письмо было оставлено без ответа, основные силы «Народной воли» разгромлены, участники покушения казнены.

Попытки Фигнер и Лопатина сохранить «Народную волю» оказались неудачными. В 1882 г. провокатор С. П. Дегаев выдал военную организацию партии. После ареста в октябре 1884 г. Лопатина «Народная

воля» практически прекратила свое существование. С ней завершилась история революционного народничества, которое со временем превратилось в социально-революционное направление освободительного движения.

Либеральное народничество долгие годы находилось на периферии общественного внимания. Его сторонники ориентировались на сочинения В. П. Воронцова, Н. Ф. Даниельсона, Н. К. Михайловского, которые отстаивали мирный путь общественного преобразования. Михайловский развивал теорию «героев и толпы», истоки которой находились в сочинениях Писарева, и проповедовал освобождение личности. Он утверждал: «Предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова, и, может быть, русская буржуазия не съест русского народа; наложите на уста интеллигенции печать молчания — и народ будет наверное съеден».

Экономисты-народники внесли большой вклад в изучение пореформенной России. Они указывали на ухудшение положения крестьянства, писали о «вымирании деревни» и призывали «спасти общину». Воронцов доказывал «мертворожденность русского капитализма», насаждаемого правительством, идеализировал «народное производство». Им была выдвинута программа государственного регулирования экономики, благодаря которой крестьянство должно было повысить свое благосостояние, опираясь на кустарное производство. Даниельсон в 1892 г. уверял, что капитализм привел страну «к кризису, который подрывает все наше социальное и экономическое существование. Капитализм не в состоянии найти выход из него, выход этот может быть найден только в развитии тех основ, которые мы унаследовали от нашей прежней истории».

Под впечатлением разгрома «Народной воли» либеральное народничество выдвинуло теорию «малых дел», которую отстаивал Я. В. Абрамов. Он считал главной задачей разночинной интеллигенции повседневную работу в земских учреждениях, где можно быть близким к народу, просвещать его и помогать ему преодолевать хозяйственные трудности. Теория «малых дел» получила большую популярность в середине 1880-х гг. и вовлекла в культурную работу в деревне значительные слои молодежи. Эта сторона воззрений либеральных народников была близка влиятельному журналу «Русская мысль» и редакции ведущей газеты «Русские ведомости»: в конце XIX в. либеральные народники, среди которых к тому времени главную роль играл Михайловский, использовали свой авторитет для опровержения в подцензурной печати русского марксизма.

§ 3. Русский марксизм и рабочее движение

Положение фабричных рабочих. Пореформенная эпоха стала временем создания нового класса общества — потомственных пролетариев. Исследователь быта русских рабочих врач-гигиенист Ф. Ф. Эрисман свидетельствовал, что «прядильные и ткацкие отделения наших мануфактур выработали тип настоящего фабричного рабочего, часто родившегося на фабрике, выросшего в фабричных казармах, с ранних лет поступившего в качестве рабочего в фабричные мастерские и ни к чему, кроме фабричной работы, не приспособленного». Условия труда и быта рабочих были невероятно тяжелыми. Аграрное перенаселение обусловливало наличие огромной резервной армии труда и вело к дешевизне рабочей силы.

Продолжительность рабочего дня не регламентировалась и составляла 13–15 часов. Велика была доля женского и детского труда, которая на некоторых производствах доходила до 50 %. За свой труд женщины и дети получали половину, а порой и треть заработной платы рабочих. Высок был процент детского травматизма, нередки были смертные случаи. Только в 1882 г. правительство издало закон, который ограничивал продолжительность рабочего дня детей и запрещал их использовать на вредных производствах. Но даже эта скромная мера вызвала недовольство фабрикантов, которые привыкли быть полными хозяевами. Эрисман писал: «Наши фабрики представляли ни для кого не доступные государства в государстве». Чрезвычайно низкой была заработная плата рабочих. По свидетельству санитарного инспектора Е. М. Дементьева, она составляла минимум, обеспечивающий от голода, и давала «только возможность существовать полуживотной жизнью». Рабочие страдали от штрафов, которые достигали 40 % заработка, часто они обязаны были брать продукты в фабричной лавке по ценам выше рыночных. Жили они в перенаселенных бараках, нередко вынуждены были ночевать на рабочих местах. Они были лишены медицинской помощи, среди них был высок процент смертности.

Стачечное движение. Недавние выходцы из деревни, рабочие в первом поколении не умели отстаивать свои права. Недовольные притеснениями, они, не получив полного расчета, уходили с завода, подавали прошения властям, иногда громили фабричное оборудование и избивали заводскую администрацию. Однако уже в первое пореформенное десятилетие возникло стачечное движение, специфически рабочее средство

борьбы за свои права, характерное для капиталистической экономики и требовавшее определенной организации и сознательности. Около половины стачек того времени было связано с требованием повышения заработной платы.

Общественный резонанс получила стачка на Невской бумагопрядильной фабрике в Петербурге в 1870 г., когда бастовало около 800 рабочих. Власти отдали рабочих под суд, надеясь тем самым пресечь «самоуправные домогательства». На суде выявилась столь мрачная картина эксплуатации рабочих, что лишь несколько зачинщиков были приговорены к 3–7 дням ареста. Александр II остался недоволен мягким приговором, написав на докладе: «Весьма слабо». Два года спустя в стачке на Кренгольмской мануфактуре в Нарве участвовало до 6000 рабочих, против которых были использованы воинские части. Зачинщики были преданы суду и приговорены к каторжным работам.

Постепенно в рабочей среде стали выделяться настоящие вожаки, которыми руководило стремление к знаниям, к осмыслению причин своего тяжелого положения. Народнический публицист В. В. Берви-Флеровский отмечал: «Как ни велики страдания промышленной России, а все-таки это самая цивилизованная часть нашего отечества. Нигде рабочий не отличается в такой степени умственным и нравственным развитием».

Некоторые рабочие были связаны с народническими кружками и оставили заметный след в революционном движении. Речь рабочего П. А. Алексеева, которую он произнес на «процессе 50-ти» в 1877 г., в виде листовок расходилась по стране и, по признанию полиции, долгие годы служила «излюбленным орудием пропаганды». Алексеев предсказывал приближение времени, когда «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!».

Рабочие организации. Народническое движение оказало влияние на первые рабочие организации. В 1875 г. по инициативе пропагандиста-народника Е. О. Заславского в Одессе возник Южнороссийский союз рабочих, объединивший до 200 человек. Союз имел устав, написанный Заславским, и действовал конспиративно. В уставе утверждалось, что «рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества». Члены Союза должны были вести пропаганду «идей освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов» и стремиться к объединению всех рабочих Южнороссийского края. Просуществовал Союз недолго и был разгромлен полицией.

Другая рабочая организация возникла в Петербурге в 1878 г. Она объединила несколько рабочих кружков и получила название Северный союз русских рабочих. Видную роль в его создании сыграл В. П. Обнорский, который несколько лет проработал за границей, где познакомился с рабочим движением и деятельностью I Интернационала. У Союза была программа, которая предусматривала «ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого». Она требовала свободы слова, печати, права собраний и сходок. Обращаясь к русским рабочим, Обнорский, который был автором программы, писал: «В вас заключается вся сила и значение страны, вы — плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. За вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит успех социальной революции в России!» Примечательной особенностью рабочей программы было неприятие народнического отрицания политической борьбы, она особо подчеркивала, что именно «политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность убеждений и действия». Союз прекратил свое существование после того, как его активисты были арестованы.

Из среды Союза вышел С. Н. Халтурин, который, примкнув к народовольцам, осуществил в феврале 1880 г. взрыв в Зимнем дворце. После неудачного покушения на царя Халтурин скрылся и в течение двух лет состоял членом Исполнительного комитета «Народной воли». В 1882 г. он был казнен за участие в убийстве одесского прокурора. Судьба Халтурина — свидетельство того, что даже передовые революционно настроенные рабочие были далеки от социал-демократических взглядов, присущих западноевропейскому пролетариату этого времени. Борьба рабочих развивалась в общем русле народнического освободительного движения.

Морозовская стачка. Промышленный кризис начала 1880-х гг. вызвал массовые увольнения рабочих, снижение заработной платы на 40–50 %. Ответом рабочих стало массовое стачечное движение, в котором за годы с 1880 по 1884-й приняло участие больше человек, чем за предшествующее десятилетие. В следующие 5 лет в стачечном движении участвовало более 220 тыс. рабочих. Многие стачки отличала высокая степень организованности и наступательный характер. Журнал «Дело» констатировал: «Долго замалчиваемый у нас рабочий вопрос как будто вырос из земли и предстал перед нашими глазами».

Крупным событием в жизни России стала стачка на Никольской мануфактуре в Орехово-Зуеве, которая принадлежала Т. С. Морозову. Она

началась в январе 1885 г. разгромом фабричной лавки и квартир администрации, однако ее руководители — П. А. Моисеенко, Л. И Иванов, В. С. Волков — сумели придать стачке организованный характер. Владимирскому губернатору были вручены требования, выработанные по общему согласию рабочих. Главным было требование о государственном контроле заработной платы и условий найма. Администрация на уступки не пошла, по личному указанию Александра III были произведены массовые аресты. Произошло несколько столкновений с войсками. Преданные суду рабочие лидеры были оправданы. На 101 вопрос о виновности обвиняемых присяжные дали 101 отрицательный ответ. Катковские «Московские ведомости» прокомментировали это решение присяжных: «Вчера, в старом богоспасаемом граде Владимире раздался сто один салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса». На суде выяснилось, что, хотя Морозовы и принадлежали к просвещенной части купцов-предпринимателей, жизнь трудящихся на их фабрике была безрадостна. В газетах писали, что Морозовскую стачку надо понимать «не как единичное явление, а как звено громадного движения рабочих, охватившего за последнее время русские фабрики и коснувшегося почти всех центров нашей фабричной жизни».

Непонимание капиталистами важности социальных вопросов, стремление получать сверхприбыли за счет простого повышения норм эксплуатации вели к росту радикальных настроений в рабочей среде. Уже на ранних стадиях рабочего движения отстаивание профессиональных интересов сочеталось в нем с выдвижением политических требований. Власти и предприниматели недооценивали фабрично-заводских рабочих, не видели их огромной потенциальной силы. Между тем положение быстро и кардинально менялось. Позднее Плеханов писал: «В продолжение царствования Александра III ни в одном из наших общественных классов не происходило такой живой работы мысли, ни один из них не обнаружил такой огромной жажды знания, такого лихорадочного стремления к свету, как именно рабочий класс. Восьмидесятые годы были временем упадка нашей интеллигенции. Но эти же годы были временем умственного подъема русского народа и прежде всего передового отряда этого народа, наших промышленных рабочих. Одного этого довольно, чтобы ободрить всех истинных друзей народа и показать им, что их дело теперь гораздо ближе к своему торжеству, чем оно было когда-либо прежде».

Недооценка рабочего движения была характерна и для народников. Ситуация изменилась после того, как ряд деятелей «Черного передела» оказался в эмиграции, где они познакомились с социал-демократической

литературой и стали свидетелями успехов социал-демократии в рабочей среде.

Г. В. Плеханов и русский марксизм. В 1883 г. в Женеве Г. В. Плеханов и его единомышленники — В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов — создали первую русскую социал-демократическую организацию — группу «Освобождение труда». Задачи группы состояли в «распространении идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса» и в разработке «важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма». Такими вопросами члены группы считали разрыв с анархическими представлениями народников, признание необходимости политической борьбы с абсолютизмом и организацию русского рабочего класса «в особую партию с определенной политической программой».

Плеханов стал видным теоретиком марксизма и играл заметную роль в европейском социалистическом движении, он стоял у истоков марксистского направления освободительного движения. Позднее он вспоминал: «Лично о себе могу сказать, что чтение “Коммунистического манифеста” составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен “Манифестом” и тотчас же решил перевести его на русский язык». Для него теория Маркса навсегда осталась «ариадниной нитью», которая вывела его из лабиринта народнических противоречий. Работы Плеханова были посвящены творческому применению марксизма к российским условиям. «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» содержали критику народничества, обоснование важности политической борьбы. Плеханов критиковал народническую теорию захвата власти и шедший от О. Бланки лозунг «диктатуры меньшинства», противопоставляя им диктатуру пролетариата. Он писал: «Диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев». Огромное значение он придавал правильной революционной теории: «Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире».

Плеханов не разделял народнической надежды на самобытный путь социального развития России, отмечал факт разложения поземельной общины и развития капиталистических отношений. Его соратница Засулич утверждала, что надежды на социалистические качества русской общины лишены оснований и положение русских социалистов-народников безотрадно. Им остается лишь «заниматься более или менее обоснованными вычислениями, чтобы определить, через сколько десятков лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько

сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития, как в Западной Европе».

Говоря о задачах русских социалистов-марксистов, Плеханов писал: «Возможно, более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все другиеведут к поражению и бессилию». Плеханов верил в созидательные силы рабочего движения: «Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России».

В 1889 г. он выступил с речью на Парижском конгрессе II Интернационала, где заявил, что революционная интеллигенция должна «усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих».

Марксистские работы Плеханова расчищали почву для возникновения социал-демократического движения в России, в них были сформулированы цели, достижение которых определяло деятельность марксистов первого поколения. Главная из них — соединение марксизма с рабочим движением.

Программные положения русских марксистов были изложены Плехановым в 1885 г. В них содержались положения об исторической миссии рабочего класса, о низвержении абсолютизма как его первоочередной задачи. Они сочетали требования социальных реформ в интересах рабочих с указанием на необходимость общедемократических преобразований — введения конституции и всеобщего избирательного права, свободы слова, печати, совести, собраний и ассоциаций.

Деятельность группы «Освобождение труда» способствовала распространению марксистских произведений, вела к возникновению первых марксистских кружков в самой России. В 1884 г. студент Петербургского университета болгарин Д. Благоев создал группу, которая приняла название «Партия русских социалистов-демократов». Благоевцы предприняли попытку нелегального издания социал-демократической газеты, их взгляды были смесью марксизма и народничества. Несколько позже в Петербурге существовали марксистские кружки П. В. Точисско-го и М. И. Бруснева. Точисский утверждал, что «в России может быть

пригоден для революции только пролетариат». Группа Бруснева в 1891 г. провела первую маёвку. Маёвки, собрания и митинги рабочих, проводимые 1 мая, быстро получили распространение и стали главной формой демонстрации солидарности трудящихся. Первые марксистские кружки в России существовали недолго, их участники преследовались полицией, но само марксистское движение ширилось и крепло. В одном из провинциальных кружков, в Казани, к марксизму приобщился В. И. Ульянов (Ленин).

Глава 27. Внешняя и внутренняя политика последней трети XIX в.

§ 1. Внешняя политика и территориальная экспансия

Внешнеполитическая программа А.М. Горчакова. Поражение в Крымской войне и условия Парижского мира, которые привели к созданию Крымской системы, ограничили влияние России на европейские дела. Петербург перестал быть дипломатической столицей Европы. Весной 1856 г. Александр II отправил в отставку Нессельроде, на которого общественное мнение возлагало вину за внешнеполитические неудачи. Новым министром иностранных дел стал А. М. Горчаков. Опытный дипломат, он был известен в николаевское время своими выступлениями против проавстрийской ориентации, что долгое время мешало его карьере. Горчаков был умен, дальновиден и, в отличие от своего предшественника, склонен к принятию самостоятельных решений.

Возглавив Министерство иностранных дел, он разработал внешнеполитическую программу, одобренную императором.

Исходя из признания экономической и военной слабости страны, ее дипломатической изоляции, Горчаков говорил о необходимости преимущественного внимания к внутренним делам России, о ее стремлении к миру и о том, что она свободна в выборе союзников и средств для защиты своих национальных интересов. Он заявлял: «Россия не сердится, Россия сосредотачивается в себе». В сфере внешней политики это означало внимание к отношениям с соседними государствами и отказ от активной европейской политики.

Своей ближайшей задачей Горчаков считал расшатывание Крымской системы. Не обремененный союзническими обязательствами, он начал сближение с Францией. Во время коронации Александра IIв августе 1856 г. он дал понять французским дипломатам, что Россия готова согласиться «на любое увеличение территории Франции». Стороны сближало неприятие австрийской политики и стремление к совместным действиям на Востоке. В сентябре 1857 г. в Штутгарте произошла встреча Александра IIи Наполеона III,которая рассматривалась российскими дипломатами как выход из изоляции. Одним из результатов русско-французского взаимодействия стало согласие на объединение Дунайских княжеств, в

результате чего в 1859 г. возникло новое государство — Румыния. В том же году был подписан секретный договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Россия соглашалась поддержать политику Наполеона IIIв итальянском вопросе: французский император стремился играть ведущую роль в процессе объединения Италии, что объективно означало ослабление позиций Австрийской империи. Дальнейшего развития связи России и Франции не получили. Этому мешали давний спор о Святых местах, нежелание Парижа пересматривать нейтральный статус Черного моря и польский вопрос.

Польское восстание 1863 г. Воцарение Александра IIпривело к оживлению польского национального движения. По стране прошла волна патриотических манифестаций, одна из которых в феврале 1861 г. в Варшаве была разогнана силой. Вместе с тем власти провозгласили политику примирения, которую пытался проводить назначенный наместником великий князь Константин Николаевич. Он поручил разработку программы реформ влиятельному польскому аристократу А. Велёпольско-му. Тот подготовил указы об облегчении положения крепостных крестьян, о школьном образовании на польском языке, о восстановлении Варшавского университета. Это был отказ от николаевской политики, попытка предотвратить восстание, которое готовили «белые» и «красные».

«Белые» были связаны с польской эмиграцией. К ним принадлежала преимущественно шляхта, готовая сражаться во имя национальной независимости, но не желавшая решать крестьянский вопрос. Свои расчеты «белые» строили на ожидании дипломатической и военной помощи Англии и Франции. Партия «красных» состояла из людей демократических убеждений, которые понимали важность социальных вопросов. В октябре 1862 г. Велёпольский объявил о рекрутском наборе: по заранее составленным именным спискам в армию должны были призвать политически неблагонадежную молодежь. Это решение спровоцировало заговорщиков на открытое выступление, которое началось в январе 1863 г. внезапным нападением на военные гарнизоны небольших городов и местечек. Руководители восстания объявили о созданиивременного правительства и провозгласили независимость Польши. Политика примирения великого князя Константина Николаевича себя не оправдала.

Польское восстание 1863 г. серьезно повлияло на политику великих держав. Англия и Франция расценили польское восстание как предлог для вмешательства в дела России. Правительства двух стран предложили восстановить польскую конституцию и дать амнистию восставшим.

Горчаков отверг эти предложения. Он исходил из того, что польский вопрос есть внутреннее дело России, и блокировал предложение Наполеона III о созыве международного конгресса. Горчаков признавал, что польский вопрос является «камнем преткновения для всех держав», он предлагал российским дипломатам за границей прекратить любые обсуждения положения в Польше, но считал, что, избежав открытого вмешательства Англии и Франции, он укрепил позиции России в Европе и создал условия для ведения более активной внешней политики.

Для борьбы с восставшими правительство использовало военную силу. В августе 1863 г. Константин Николаевич был лишен всех постов в Царстве Польском, где подавлением восстания руководил генерал Ф. Ф. Берг. В Северо-Западном крае против восставших действовал генерал-губернатор М. Н. Муравьев. Надежды польских повстанцев на действенную помощь западных держав не оправдались, обострились противоречия между «белыми» и «красными», которые не могли прийти к согласию в крестьянском вопросе. Провозглашенный в сентябре 1863 г. диктатором Р. Траугутт не смог поднять крестьян на борьбу, и к лету 1864 г. восстание было подавлено.

Поддержку России в польском вопросе оказала Пруссия. В январе 1863 г. в Петербурге была подписана конвенция, которая предусматривала, что для восстановления порядка и спокойствия воинские части двух стран могут переходить через государственную границу, если это нужно для преследования повстанцев. Этим соглашением прусское правительство надеялось предотвратить распространение польского освободительного движения на своей территории и наладить добрые отношения с Петербургом, от позиции которого в немалой степени зависело объединение Германии.

Нота Горчакова и отмена ограничительных статей Парижского трактата. Во второй половине 1860-х гг. германский вопрос играл главную роль в европейской политике. После определенных колебаний Александр II и Горчаков поддержали претензии прусского министра-президента О. Бисмарка, стремившегося к его решению «железом и кровью». Были оставлены без внимания предостережения об опасности создания на западной границе Российской империи мощного военного государства. Горчаков полагал, что Россия выиграет, получив согласие Пруссии на пересмотр ограничительных статей Парижского мира.

В июле 1870 г. началась война между Францией и Пруссией. Ее исход перекроил карту Европы. Окончательно пала Крымская система. Поражение Франции привело к крушению режима Наполеона III и

образованию Парижской Коммуны. Победители провозгласили создание Германской империи, которая объединила многочисленные немецкие государства под эгидой Пруссии.

Российская дипломатия умело использовала поражение Франции, которая была главным гарантом Парижского трактата. В разгар военных действий осенью 1870 г. Горчаков разослал правительствам всех государств, подписавших трактат, ноту, где были названы многочисленные случаи нарушения договора 1856 г. Он заявлял, что Россия более не считает себя связанной обязательствами, которые касались нейтрализации Черного моря. Прежде всего речь шла о тягостном запрещении иметь там военный флот. Нота Горчакова вызвала недовольство в Англии, Австро-Венгрии и Турции. Франция была бессильна, ставший германским канцлером Бисмарк предложил созвать конференцию, которая начала работу в Лондоне в 1871 г. На ней была подписана конвенция, которая отменяла статьи о нейтрализации Черного моря, что стало дипломатической победой Горчакова. Россия получила право иметь военный флот на Черном море, укреплять южную границу. Началось возрождение Севастополя как главной военно-морской базы. Конвенция подтверждала принцип закрытия черноморских проливов в мирное время для военных судов всех государств, одновременного оговаривая право султана открывать их для дружественных и союзных держав. Отмена ограничительных статей Парижского трактата свидетельствовала о выходе из дипломатической изоляции. Она укрепила международное положение страны, повысила авторитет России на Балканах.

Союз трех императоров. Возникновение на западной границе Германской империи, правящие круги которой исповедовали идею нехватки жизненного пространства и необходимости «движения на Восток», представляло потенциальную опасность для России. Однако первоначально отношения между двумя странами складывались успешно. Александр II доброжелательно отнесся к германскому объединению и заслужил благодарность Бисмарка. В 1873 г. между странами была подписана военная конвенция о взаимопомощи. Она определяла, что если третья держава нападет на одну из договаривающихся сторон, то другая «в возможно кратчайший срок получит помощь в виде армии из двухсот тысяч человек боеспособного войска». Бисмарк рассчитывал использовать конвенцию против Франции, российская дипломатия видела в ней опору в противостоянии с Англией.

В том же году после интенсивных переговоров между Россией, Германией и Австро-Венгрией был подписан акт, который получил

название «Союз трех императоров». Британские дипломаты называли его «северным заговором». Это было соглашение династических монархов, которые объединились для борьбы с республиканскими и революционно-социалистическими идеями. Акт не содержал союзных обязательств, не снимал давних противоречий между Россией и Австро-Венгрией на Балканах и не предотвращал германскую политическую и экономическую экспансию на Восток. «Союз трех императоров» подчеркивал изоляцию Парижа, который недавно доминировал в европейских делах. Однако Горчаков высказывался против дальнейшего ослабления французских позиций и заявлял: «Нам нужна сильная Франция».

«Союз трех императоров» не выдержал первого испытания на прочность, когда Бисмарк попытался спровоцировать новую войну с Францией, что привело к «военной тревоге 1875 года». Александр II и Горчаков выступили против милитаристских устремлений Германии. После переговоров в Берлине Горчаков известил российские посольства, что «император покидает Берлин вполне уверенный в господствующих здесь миролюбивых намерениях. Сохранение мира обеспечено». Посланная из Эмса телеграмма проникла в европейскую печать в кратком виде: «Теперь мир обеспечен». Эмская депеша подчеркивала, что Россия возвращает себе ведущую роль в европейских делах.

Начало Восточного кризиса. Противоречия внутри «Союза трех императоров» выявились в период Восточного кризиса, начало которому было положено в 1875 г. В это время главной заботой российской дипломатии стало положение на Балканах и в Османской империи. Основой политики России было поддержание мира и стабильности на Востоке, для чего, по мнению Горчакова, было необходимо единство великих держав. Россия быстро восстанавливала свое политическое влияние среди балканского славянского и христианского населения. Горчаков говорил: «Я занят только христианами». Однако Россия не была готова к военному решению Восточного вопроса. Она не завершила модернизации армии, ее силы на Черном море были незначительны. Между тем недовольство христианского населения Боснии и Герцеговины дало толчок национальному и освободительному движению, которое привело к Восточному кризису.

Первой реакцией на события правительств России, Германии и Австро-Венгрии стало стремление показать единство трех держав в роли умиротворителей. Горчаков говорил о необходимости придерживаться принципа невмешательства. По его инициативе австро-венгерский министр Д. Андраши вручил султану ноту о необходимости проведения

административных реформ в Боснии, Герцеговине и Болгарии. Свидетельством миротворческих усилий России и ее партнеров стал Берлинский меморандум мая 1876 г. Султану предлагалось облегчить положение балканских народов, гарантировать права христиан и прекратить преследования повстанцев. Опираясь на поддержку английского правительства, Порта отвергла эти предложения и жестоко подавила апрельское восстание 1876 г. в Болгарии.

«Болгарские ужасы» вызвали возмущение в России. Общественность требовала решительных действий, под которыми подразумевалась война. Горчаков, несмотря на поддержку Александра II и министра финансов М. Х. Рейтерна, постепенно утрачивал контроль над событиями. В правительственных кругах образовалась «партия войны», представленная наследником престола великим князем Александром Александровичем, великим князем Константином Николаевичем, послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым. К ней примкнул военный министр Д. А. Милютин, который заявлял, что «нам нужен мир, но мир не во что бы то ни стало, а мир почетный, хотя бы его и пришлось добывать войной».

В июне 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Османской империи. Во главе сербской армии стал отставной генерал М. Г. Черняев. В России начался мощный подъем движения солидарности со славянскими братьями. Реальным выражением славянской солидарности стали отправка добровольцев в сербскую армию и всероссийский сбор пожертвований, на которые покупались продовольствие, оружие, боеприпасы и амуниция. Это стало стихийным откликом на известия о трагической участи болгарского и сербского населения. Кружки для сборов устанавливались в церквях, на станциях железных дорог, в театрах и в магазинах. Широкое распространение получили благотворительные концерты, вечера и гулянья, на которых выступали известные артисты. Эти действия координировали Славянские комитеты Москвы, Петербурга, Одессы. Добровольческое движение приобрело всенародный характер, и один из руководителей московского Славянского комитета И. С. Аксаков говорил: «Войну ведет помимо правительства сам русский народ». Либерально-консервативная общественность подталкивала правительство к войне.

Осенью по ультимативному настоянию российской дипломатии Порта согласилась приостановить военные действия против Сербии, которая терпела поражения. Тем самым было предотвращено занятие Белграда турецкими войсками. Однако общее развитие событий вело к большой войне на Балканах. В сентябре — октябре 1876 г. в Ливадии император провел ряд совещаний, чтобы определить цель и предмет военных

действий. Правительство готовилось к самостоятельным шагам в Восточном кризисе. К этому времени оно вынуждено было согласиться на требования венского кабинета удовлетворить его территориальные претензии на Балканах и не создавать там большого славянского государства.

В Константинополе шли непрерывные заседания конференции держав, подписавших Парижский мир. Обсуждались новый статус балканских стран, реформы в обеспечение прав христианских подданных Турции. В ответ султан в декабре 1876 г. обнародовал конституцию, которая уравнивала в правах христиан и мусульман, и отказался рассматривать предложения великих держав. Работа Константинопольской конференции стала излишней. Новый этап переговоров привел к подписанию в марте 1877 г. Лондонского протокола, где от Турции требовалось принять константинопольские предложения. Султан расценил это как вмешательство в дела Османской империи. Фактически это был ответ российскому императору, который выступал главным защитником балканских христианских народов.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Правительство Александра ii было вынуждено отказаться от переговоров и перейти к активным действиям, которые не соответствовали государственным интересам Российской империи. Сделанные страной первые шаги в направлении социальной модернизации требовали сосредоточения усилий на внутренних делах. Однако вопреки первоначальным намерениям Александра II и Горчакова Восточный кризис не был решен методами традиционной дипломатии. Под давлением Славянских комитетов и их панславистских лидеров, призывавших к решению «векового вопроса», возмущение либерально-консервативной общественности, недовольной дипломатической уступчивостью, и главное — под впечатлением народной солидарности со славянскими братьями правительство решилось на войну.

12 апреля 1877 г. Александр II подписал манифест о войне с Османской империей. Политические цели войны не были ясно определены и сводились к облегчению участи христианских народов Балканского полуострова и к уничтожению там турецкого владычества. Особое внимание придавалось решению болгарского вопроса. План войны предусматривал наступательные действия на Балканах и возможное занятие Константинополя.

Главным театром военных действий был Балканский, где численность турецкой армии заметно превосходила русскую. Назначенный главнокомандующим великий князь Николай Николаевич (старший) не

верил в боеспособность турецких войск и рассчитывал на быстрый успех. В начале лета была осуществлена блестяще организованная переправа через Дунай, во время которой отличились генералы И. И. Драгомиров и Ф. Ф. Ра-децкий. Затем войска разделились, и отряд генерала И. В. Гурко начал движение в направлении Тырново — Адрианополь. В штабе армии полагали, что война «скоро перенесется к окрестностям Царь-града». Русские части и болгарские ополченцы вышли к Шипкинскому перевалу, который после ожесточенного боя был взят частями Гурко и Радецкого. В августе они были контратакованы турецкой армией Сулеймана-паши. Гурко должен был отступить за Балканы, оставив на Шипке небольшие части, которые под командованием генерала Н. Г. Столетова несколько месяцев держали героическую оборону, что предотвратило турецкое вторжение в Северную Болгарию.

С июля основные военные действия велись возле хорошо укрепленной Плевны, которую обороняли войска Осман-паши к которой были прикованы главные силы Дунайской армии. Под Плевной наряду с русскими действовали и румынские части. В боях участвовала гвардия. Три штурма Плевны не принесли успеха. Не имея тяжелой артиллерии, войска несли большие потери. Военный министр Милютин писал царю: «Если будем по-прежнему рассчитывать на одно беспредельное самоотвержение и храбрость русского солдата, то в короткое время истребим всю нашу великолепную армию».

Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (старший) отказался от нового штурма и начал блокаду крепости. Военно-инженерные работы возглавил герой севастопольской обороны генерал Э. И. Тотлебен. Попытка Осман-паши вырваться из окружения потерпела неудачу, и в декабре он отдал приказ о капитуляции.

Взятие Плевны предопределило исход кампании. Пройдя по зимним балканским перевалам, части Гурко вступили в Софию. В районе Шипки в деревне Шейново Радецкий разбил и взял в плен армию Вессель-паши. Исход боя решили действия колонны генерала М. Д. Скобелева. Болгария была освобождена, турецкая армия прекратила активное сопротивление. Передовые отряды русских войск в январе 1878 г. без боя заняли Адрианополь, кавалерийские разъезды вышли к предместьям Константинополя.

К этому времени определился исход военных действий на Кавказском театре. В октябре 1877 г. русские войска разгромили турецкую армию у Аладжинских высот и осадили Каре, который турки, руководимые английскими военными инженерами, превратили в мощную крепость. В

ноябре после ночного штурма Каре был взят.

Сан-Стефанский договор. В безнадежной ситуации султанское правительство прекратило военные действия и перешло к переговорам. В Адрианополе было подписано перемирие, неясность условий которого не помешала протестам Англии и Австро-Венгрии. Английские корабли вошли в Мраморное море. 19 февраля 1878 г. недалеко от Константинополя, в Сан-Стефа-но, был заключен прелиминарный мирный договор, который завершил русско-турецкую войну. С русской стороны его подписал Н. П. Игнатьев. Согласно Сан-Стефанскому договору Сербия, Черногория и Румыния получали независимость, провозглашалась автономия Болгарии, Боснии и Герцеговины. Границы Болгарии определялись таким образом, что она получала выход и в Черное, и в Эгейское моря. Предусматривалась выработка конституции нового княжества под наблюдением комиссара от России. Автономная Болгария получала христианское правительство и князя, который утверждался Портою с согласия европейских держав. России возвращалась Южная Бессарабия и отходили крепости на Кавказе — Каре, Ардаган, Баязет и Ба-тум. Турция обязывалась уплатить значительную контрибуцию* Сан-Стефанский договор свидетельствовал, что Россия возвращала себе первенство на Балканах. По отношению к балканским христианским народам она выступала как держава-освободительница.

Берлинский конгресс. Против условий Сан-Стефано выступили Англия и Австро-Венгрия. Они требовали их пересмотра с участием всех великих держав. Бисмарк играл роль посредника. Россия вынуждена была согласиться на созыв конгресса в Берлине, который начал работать в июне 1878 г. Накануне велись интенсивные переговоры российских дипломатов в Лондоне и Вене, где стороны пришли к некоторому компромиссу. По секретному русско-английскому соглашению Россия отказывалась от плана создания Великой Болгарии. На Берлинском конгрессе российскую делегацию возглавляли А. М. Горчаков и посол в Лондоне П. А. Шувалов. Опасаясь оказаться в изоляции, они по многим вопросам вынуждены были согласиться на пересмотр условий Сан-Стефанского договора.

Решения Берлинского конгресса были оформлены в июле 1878 г. в трактате, который определил расстановку сил на Балканах и в Центральной Европе. Великие державы подтверждали статьи Сан-Стефано о независимости Румынии, Сербии и Черногории и об автономии Болгарии. К северу от Балканского хребта создавалось вассальное княжество с христианским правительством и национальной армией. Временное управление им сохранялось за российским комиссаром, пребывание там

русских войск ограничивалось девятью месяцами. Области к югу от Балканского хребта превращались в автономную турецкую провинцию Восточная Румелия. Македонские земли отходили под власть Порты. Российская дипломатия не имела сил в одиночестве отстаивать идею Великой Болгарии. Австро-Венгрия получала право на оккупацию и административное управление Боснии и Герцеговины, гарантировалась свобода плавания торговых судов по Дунаю. Россия закрепляла за собой часть Бессарабии, Каре, Ардаган и Батум. Подтверждались положения Парижского мира 1856 г. и Лондонской конвенции 1871 г., не затронутые новым соглашением.

Для Александра II и Горчакова день подписания Берлинского трактата стал, по их собственному признанию, самым черным днем в карьере. Протест панславистской общественности против уступчивости российской дипломатии выразил И. С. Аксаков, который на заседании Славянского общества произнес речь, где обрушился на тех, кто готов «по живому телу» расчленить Болгарию: «Нет таких и слов, чтоб заклеймить по достоинству это предательство, эту измену историческому завету, призванию и долгу России». Конгресс он понимал как открытый заговор против русского народа и видел в нем доказательство того, что «кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще к Европе Восточной нет ни предела, ни меры». По указанию Александра II Аксаков был выслан из Москвы, московское Славянское общество упразднено.

По выходе из Восточного кризиса Россия получила ослабленную экономику и расстроенные финансы, опасность новой европейской изоляции и революционное брожение внутри страны. Позднее, став императором, Александр III сказал: «Нашим несчастьем в 1876–1877 гг. было то, что мы шли вместе с народами, вместо того чтобы идти с правительствами, русский император всегда должен идти только с правительствами».

В царствование Александра II получил завершение процесс строительства империи, определение ее азиатской и дальневосточной границ. Территориальная экспансия на Восток отвечала призыву Горчакова о необходимости для России «сосредоточиться в себе».

Среднеазиатская политика. Особое внимание дипломатия Горчакова обращала на Среднюю Азию. По мнению министра, Россия не могла допустить там роста английского влияния. Важная роль отводилась налаживанию торгово-экономических отношений с Бухарским эмиратом, с Кокандским и Хивинским ханствами. Безопасность границ и благоприятный режим торговли стали главными приоритетами

горчаковской среднеазиатской политики, которая была составной частью русско-английского противостояния. В Министерстве иностранных дел считали, что «торговля есть основной клапан всей нашей политики в Средней Азии». Русские купцы были поставлены там в заведомо неравные условия, будучи вынужденными платить торговые пошлины в два-четыре раза выше, чем мусульмане. Дипломатические представители России отстаивали их интересы, оказывая давление на среднеазиатских правителей.

Горчаковскую политику неуклонного давления не разделяли власти Оренбургского и Туркестанского генерал-губернаторств, Военное министерство и особенно местные воинские начальники в Закаспии. Постоянно сталкиваясь с набегами кочевых племен на российские территории, с угоном пленных на невольничьи рынки Средней Азии, они стремились к военному решению вопроса. О военной помощи во время междоусобиц просили местные владетели. Нередко они проявляли инициативу, ставя Петербург перед свершившимися фактами. В николаевское время при Оренбургском генерал-губернаторе В. А. Перовском по берегам Сырдарьи были построены укрепления — Сырдарьин-ская военная линия. Тогда же был заложен город Верный, от которого до Семипалатинска шла Сибирская укрепленная линия, решение о соединении которых было принято в 1854 г. Перовский успешно отражал нападения кокандского хана, за которым стояла британская дипломатия.

В 1863 г. Александр II утвердил предложение военного министра о переходе к активным действиям в Средней Азии. Основой этого решения был фактор российско-британского соперничества. Сыграло роль и стремление установить границы империи по естественным рубежам. Русские части возглавил генерал М. Г. Черняев, направив главный удар против Кокандского ханства. Силы были неравны: при взятии Ташкента в 1865 г. русские войска потеряли убитыми 25 человек. В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, которое включало Сырдарьинскую и Семиреченскую области. Генерал-губернатором был назначен опытный администратор К. П. Кауфман, который получил право самостоятельного ведения военных действий и дипломатических переговоров со среднеазиатскими правителями.

Система управления Кауфманаосновывалась на началах постепенности и осторожности. Он избегал применять силу и полагал, что «всякая крутая мера принесет более вреда, чем пользы, и вызовет фанатизм и упорство народа». Кауфман надеялся «ввести внешний порядок и спокойствие, обеспечить необходимые государству средства от взимания

податей, установить мир с соседями и постепенно ввести население в состав Российской империи». Российские власти охраняли права мусульманского духовенства, не вмешивались в местные правоотношения. Огромное значение имело повсеместное запрещение всех форм рабства. Со временем потребности русской легкой промышленности привели к распространению посевов хлопчатника, что в свою очередь способствовало совершенствованию ирригации.

Кокандское ханство и Бухарский эмират, войска которого были разбиты в 1868 г. под Самаркандом, сохранили автономию, но их внешняя политика находилась под полным контролем России.

Дальнейшее проникновение в Среднюю Азию было связано с действиями против Хивинского ханства, чьи отряды совершали постоянные нападения на торговые караваны. В 1869 г. генералом Н. Г. Столетовым был заложен город Красноводск, откуда спустя четыре года началось наступление на Хиву. Хивинский хан вынужден был признать вассальную зависимость от России. Российские власти объявили о ликвидации рабства и работорговли, освободив до 40 тыс. невольников. Приведя, как он выражался, Хиву, Бухару и Коканд «к одному знаменателю», Кауфман на этом не остановился. В 1876 г. Кокандское ханство было упразднено и преобразовано в Ферганскую область.

Российско-британские противоречия. Продвижение России в Средней Азии крайне остро воспринималось правящими кругами Великобритании, которые усматривали в этом угрозу своим индийским владениям. Военный министр Милютин был сторонником наступательных действий, которые могли бы остановить англичан в Закаспии. Он предложил занять Ахалтекинский оазис и крепость Геок-Тепе. Выполнение задачи было возложено на генерала М. Д. Скобелева. В 1881 г. крепость была взята. В том же году в Тегеране была подписана конвенция о границах между Россией и Ираном. Фактически это был союзный договор, направленный против Англии. Иранский шах отказывался от претензий на Мерв, следствием чего стало добровольное присоединение жителей Мервского оазиса к России в 1884 г.

Это событие вызвало обострение русско-английских противоречий, которое привело к вооруженному конфликту. В 1885 г. войска афганского эмира, где ключевые позиции занимали английские офицеры, вышли на левый берег реки Кушка, где находились русские части. Эмир заявил о своих претензиях на туркменские земли. Произошло столкновение, которое закончилось отступлением афганской армии. Россия одержала важную военно-политическую победу. Ее следствием стало подписание ряда

соглашений, по которым устанавливалась российско-афганская граница по естественным водным рубежам. События 1885 г. укрепили престиж России в Средней Азии, ослабили там позиции Великобритании и способствовали тому, что в отношениях двух стран наметилась тенденция к смягчению противостояния. Ими спустя десять лет, в 1895 г., было заключено новое русско-английское соглашение, которое разграничивало сферы влияния на Памире. К Бухарскому эмирату, который находился в вассальной зависимости от России, отошли небольшие территории на правом берегу Пянджа. Присоединение Средней Азии к России завершилось.

Дальневосточная политика. Определенное внимание Министерство иностранных дел уделяло Дальнему Востоку. В 1858 г. в Айгуне был подписан договор с Китаем о возвращении России территорий по левому берегу Амура, плавание по которому разрешалось только русским и китайским судам. Создавались предпосылки для урегулирования пограничных вопросов, которые долгие годы оставались нерешенными. В том же году был заключен Тяньцзиньский договор о торговых и дипломатических отношениях между странами. Китайское правительство, опасавшееся колониальной экспансии Англии и Франции, было заинтересовано в добрых отношениях с Россией. В 1860 г. в Пекине по инициативе Н. П. Игнатьева было подписано новое соглашение, которое закрепило за Россией Уссурийский край. После этого началось быстрое освоение Приморья и Приамурья: был основан Владивостокский порт, стали строиться города Благовещенск и Хабаровск, расширилась русско-китайская торговля.

В 1867 г. Россия согласилась на предложение правительства США продать русскую часть Аляски и Алеутские острова. Это был акт доброй воли, вызванный желанием продемонстрировать дружественные отношения к стране, где недавно было отменено рабство. Во время Гражданской войны в Америке российские власти и общественность поддерживали северян и охотно проводили параллели между судьбами двух стран. На Аляске у России не было ни экономических, ни военно-политических интересов, и ее уступка получила общее одобрение.

В те же годы велись русско-японские переговоры о статусе Сахалина, который находился в совместном владении двух стран. Они завершились в 1875 г. подписанием Петербургского договора, по которому Япония соглашалась на переход Сахалина в полное владение России в обмен на передачу ей Курильских островов.

Россия как Тихоокеанская держава. Двусторонние соглашения, подписанные с Китаем и Японией, надолго определили политику России на

Дальнем Востоке, которая была осторожной и взвешенной. На Амур шло переселение крестьян из европейских губерний, в хозяйственный оборот вовлекались громадные природные ресурсы края, освоение которого сдерживалось недостатком рабочих рук и неразвитостью путей сообщения. Промышленный лов рыбы, производство древесины и добыча минерального сырья сулили огромные прибыли и привлекали внимание российских дельцов. В печати высказывались суждения, что будущее России связано с ее превращением в великую Тихоокеанскую державу.

В 1891 г. правительство приняло решение о начале строительства Сибирской железной дороги, которая должна была связать Петербург и Дальний Восток. В короткий срок предстояло построить отрезок магистрали от Челябинска до Владивостока протяженностью около 7 тыс. верст, возвести мосты на великих сибирских реках, преодолеть горы и болота. Это было уникальное инженерное сооружение, гордость русской технической мысли. Народно-хозяйственное и военно-стратегическое значение Великой Сибирской магистрали было исключительно велико. Она создавала условия для ускорения экономического развития края, позволяла наращивать военное присутствие в Тихоокеанском регионе.

В конце XIX в. царское правительство стало рассматривать этот регион как сферу своих интересов. Военные и военно-морские силы России на Дальнем Востоке были крайне незначительны, что до определенного времени не внушало беспокойства. Главным соперником России в борьбе за влияние на Дальнем Востоке считалась Япония, силы которой недооценивались.

В 1896 г. был заключен русско-китайский оборонительный союз, направленный против Японии. Россия получила концессию на строительство Китайско-Восточной железной дороги. Переговоры о концессии вел министр финансов Витте, что подчеркивало важность дальневосточной окраины в экономическом отношении. Было создано акционерное общество, которое должно было построить одноколейный участок Сибирской магистрали, проходивший по территории Маньчжурии до Владивостока, Порт-Артура и Дальнего. Общая протяженность КВЖД составляла свыше 2,5 тыс. км. Концессия была выгодна России. Маньчжурский вариант не только спрямлял Сибирскую магистраль и ускорял ее строительство, но и создавал предпосылки для российского утверждения в Северо-Восточном Китае.

В 1898 г. по инициативе Николая II с Китаем был заключен договор о долгосрочной аренде Ляодунского полуострова. Незамерзающий Порт-Артур становился базой Тихоокеанского флота. Царь рассматривал аренду

Порт-Артура как ответ на планы Японии, Англии и Германии по разделу Китая. Политическая цена этого решения была высока — Россия признала преобладание японских экономических интересов в Корее и соглашалась на превращение китайских портовых городов в военно-морские базы немцев и англичан.

Россия и становление болгарской государственности. После Берлинского конгресса русское правительство не возражало против возобновления «Союза трех императоров». После продолжительных переговоров в 1881 г. между тремя странами был подписан новый договор о благожелательном нейтралитете. К нему был приложен специальный протокол о разграничении сфер влияния России и Австро-Венгрии на Балканах. Княжество Болгария и Восточная Румелия (Южная Болгария) были отнесены к русской сфере влияния, Босния, Герцеговина и Македония — к австро-венгерской.

Болгарские дела занимали важное место во внешней политике Александра III, непосредственное руководство которой осуществлял министр иностранных дел Н. К. Гире. В 1885 г. болгарский князь Александр Баттенберг провозгласил воссоединение Северной и Южной Болгарии, что стало неожиданностью для российских дипломатов. События приобрели характер кризиса, следствием которого стало свержение Александра Баттенберга. Попытки грубого давления на правительство С. Стамболова привели к разрыву дипломатических отношений между Россией и Болгарией. В 1887 г., несмотря на противодействие российской дипломатии, болгарский престол занял Фердинанд Кобург. Россия утратила влияние на болгарские дела.

Болгарский кризис и обострение русско-австрийских противоречий делали излишним «Союз трех императоров». Последней попыткой его сохранения стал перестраховочный договор 1887 г., по которому Россия и Германия обязывались соблюдатьблагожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с третьей державой. С точки зрения канцлера Бисмарка, договор должен был помешать наметившемуся русско-французскому сближению. Для России он не имел принципиального значения и не помешал ведению таможенной войны, в ходе которой Витте добился существенных уступок от германского правительства. В 1891 г. был возобновлен Тройственный австро-германо-итальянский союз, первоначально заключенный в 1882 г. Это соглашение ограничивало влияние России на Балканах и стало главной побудительной причиной заключения русско-французского союза.

Русско-французский союз. В конце XIX в. отношения России и

Франции во многом определяли положение в Европе. Долгие годы соглашению двух стран, которые одинаково были заинтересованы в восстановлении европейского равновесия, мешали идеологические разногласия: Франция давала прибежище борцам с самодержавием, революционерам-террористам, российское правительство отвергало республиканские идеалы свободы, равенства и братства. Предубеждения преодолел Александр III.

Принимая эскадру французских военных кораблей в Кронштадте, он, стоя и отдавая честь, выслушал «Марсельезу» — гимн Франции и Великой французской революции. На современников это произвело громадное впечатление. В 1892 г. начальники генеральных штабов двух стран подписали военную конвенцию, которая носила оборонительный характер. В случае, если Германия нападет на Францию или Австрия на Россию, стороны, подписавшие соглашение, обязаны были оказать военную помощь, размеры которой были строго определены. В 1894 г. после обмена дипломатическими нотами русско-французский союз получил политическое оформление.

§ 2. Кризис имперской государственности

Эпоха «белого террора». Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. привело к изменению внутриполитического курса. Правительство использовало действия террориста-одиночки для последовательного ограничения гласности, для полицейских репрессий против шестидесятников, для внедрения в общественное сознание идей незыблемости вековых устоев самодержавной России и необходимости сохранения единства и целостности Российской империи. Предпосылки нового правительственного курса намечались событиями 1862–1863 гг., когда страну потрясли петербургские пожары и польское восстание. Не прекращая разработки намеченных реформ, власти встали на путь «белого террора».

Чудесное избавление государя, которого спас, отведя руку террориста, простой мещанин, вызвало волну народного и общественного энтузиазма. По стране шли патриотические манифестации, сословия демонстрировали свою преданность престолу. Одновременно и в правящих верхах и в обществе происходило осмысление небывалого в русской истории события — революционно-террористического акта, совершенного в столице империи среди дня и направленного против Царя-Освободителя.

Для выяснения всех обстоятельств покушения была создана Верховная следственная комиссия, во главе которой встал М. Н. Муравьев, усмиритель Северо-Западного края. Катковские «Московские ведомости» охотно подчеркивали его заслуги «в усмирении мятежа и прочном водворении там русского элемента», на него возлагали надежды, связанные «с восстановлением значения русского правительства». Пообещав не щадить никого и добраться до самых «корней заговора», Муравьев не смог выявить связи студенческого ишутинского кружка с оппозиционным движением. Однако само покушение подрывало позиции либеральной бюрократии, «константиновской партии». После того как следствие установило, что Каракозов был студентом, в отставку был отправлен министр народного просвещения А. Е. Головнин, который долгие годы был ближайшим сотрудником великого князя Константина Николаевича. Ему на смену пришел граф Д. А. Толстой. Новый министр должен был пресечь студенческие волнения и поставить университеты под полный правительственный контроль. Ушел в отставку и глава III Отделения, шеф жандармов князь В. А. Долгоруков.

П. А. Шувалов. Главой III Отделения стал молодой аристократ П. А. Шувалов. Современники сравнивали его с Аракчеевым и говорили о том, что с назначением Шувалова начинается вторая половина царствования — реакция и аракчеевщина. Военный министр Д. А. Милютин отмечал: «Все делается под исключительным влиянием гр. Шувалова, который запугал государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство, и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало».

Шувалов восемь лет был ближайшим советником Александра II. Назначение Шувалова ограничивало влияние в правительстве великого князя Константина Николаевича и либеральных бюрократов. Его приход к власти символизировал иссякание самодержавной инициативы, которая играла главную роль в проведении реформ. Шувалов был тесно связан с олигархическим дворянством и в определенной мере разделял конституционные воззрения газеты «Весть». Его назначение на высокий пост подчеркивало стремление самодержавия помириться с поместным дворянством.

Реформаторские усилия либеральной бюрократии, сплотившейся вокруг великого князя Константина Николаевича, ослабли задолго до 4 апреля, натолкнувшись на упорное сопротивление дворянского сословия, не желавшего лишаться полноты политической власти в стране. Намеченные реформы разрабатывались и вступали в действие благодаря

огромной инерционной силе бюрократического аппарата.

Шувалов не имел программы внутриполитических преобразований и не стремился к ним. Он считал, что опора на просвещенные слои дворянства обеспечит государственной власти необходимую крепость: «Нужно энергически поддерживать и восстанавливать дворянство и землевладение, так как без этих элементов, консервативных и здоровых, не может существовать правильно организованное общество».

Шувалов желал сохранить крупное поместное дворянство как политическое сословие, сделать его влияние в губернской и уездной жизни определяющим. Он видел свою задачу в упразднении общины или хотя бы в поощрении выхода из нее зажиточных крестьян, которые могли бы стать крупными арендаторами помещичьей земли. Однако он не проявлял настойчивости в проведении этих планов в жизнь и достиг немногого. Пытаясь вместе с фельдмаршалом А. И. Барятинским воспрепятствовать проведению милютинской военной реформы, он настаивал на уменьшении роли военного министра, что было отвергнуто Александром II. Не удалось провести через Комитет министров и идею представительства в Государственном совете крупных землевладельцев для защиты дворянских интересов.

Административная унификация и русификация. Выдвижение Шувалова совпало с заметным усилением в правительственной политике тенденций к административной унификации и русификации, проявление которых стало очевидно еще входе подавления польского восстания. Восстание 1863 г. поддержали шляхта, радикальная интеллигенция и католическая церковь, но польское крестьянство осталось в стороне. Для скорейшего успокоения Польши правительство 19 февраля 1864 г. издало указ о крестьянской реформе. В основу указа легли предложения Ю. Ф. Самарина, развитые Н. А. Милютиным и В. А. Черкасским. Польские крестьяне без выкупа получали всю землю, что находилась в их пользовании, и становились земельными собственниками. Поместья, принадлежавшие участникам восстания, конфисковывались, земля передавалась в распоряжение правительственных чиновников. Шляхетское землевладение ограничивалось, помещики были лишены полицейской власти над крестьянами, что было продиктовано желанием ослабить шляхту, игравшую главную роль в восстании. Крестьянская реформа в Польше, принципы которой были противоположны началам крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., достигла своей цели: был создан слой собственников, заинтересованных в политической и социальной стабильности. Одновременно правительство стремилось ограничить

влияние католической церкви, усилило политику русификации в области судопроизводства и народногообразования. Унифицировалось административное устройство Царства Польского, которое было разделено на десять губерний и стало называться Привислинским краем.

Административная унификация проводилась при Александре II и на других национальных окраинах — в Прибалтике, Финляндии, Бессарабии, Закавказье. Она сопровождалась более или менее последовательной русификацией школьного дела, насаждением русского языка не только в государственных учреждениях, но и в органах местного самоуправления.

Русификация и административная унификация не были эффективным инструментом управления и противоречили давним традициям управления империей. Фундаментальный принцип российской имперской государственности — принцип многообразия, что означало полное отсутствие какой-либо административно-политической, правовой, национальной, культурной или конфессиональной унификации. В период своего расцвета Российская империя гарантировала своим подданным, особенно тем из них, что стали подвластны ей сравнительно недавно, все те права, привилегии и преимущества, какими они обладали прежде. Именно так обстояло дело в Остзейском крае, в Закавказье, где правительство столкнулось с давней политической культурой Грузии, азербайджанских и армянских земель, в Финляндии, а также на территориях, которые отошли к России после разделов Польши, и на большей части Кавказа.

Российская имперская политика — политика национальной и конфессиональной терпимости. Именно она делала Российскую империю столь притягательной для выходцев из других стран — немцев, сербов, греков, болгар, армян, евреев, которые большими группами селились в стране и принимали участие в ее хозяйственном развитии.

При Александре I предпринимались попытки совершенствования имперской государственности. Одна из них была связана с идеями федерализма и легла в основу Государственной Уставной грамоты, другая содержалась в проекте П. И. Пестеля, где проводились принципы административной унификации и централизации. События 14 декабря 1825 г. и воцарение Николая I привели к тому, что были отвергнуты оба пути переустройства российской государственности. Император полностью отказался от александровской идеи эволюционного федерализма и вместе с тем не решился следовать по пути скорой и последовательной централизации.

Основой николаевской идеократии стала триада «православие, самодержавие, народность». Правительство поощряло разнообразные

проявления «русского духа», что означало распад сложившегося в екатерининские времена российского имперского сознания. Николай I и его преемники сознательно порвали с имперской традицией национальной и конфессиональной терпимости, что на исходе XIX в. было облечено в формулу «Россия — для русских».

При Николае I началась административная и правовая унификация, которая сопровождалась ограничением прав католиков, мусульман, иудаистов и представителей других конфессий, а также насильственной русификацией нерусских народов. Одновременно осуществлялась дискриминация и сегрегация отдельных народов — евреев, кочевых «инородцев» Сибири и Туркестана. Эту политику последовательно продолжали Александр II (особенно в Царстве Польском) и Александр III, при котором кризис имперской государственности принял необратимый характер. Следование ей исключало возможность модернизации политических институтов и социальных отношений и обрекало Российскую империю на несостоятельность.

Политика русификации была неэффективна и провокацион-на, естественным ответом на нее стал рост национализма нерусских народов. Н. Е. Врангель, в 1860-е гг. служивший в Польше, позднее утверждал: «Нужно сознаться, что наша политика, не только в Польше, но на всех окраинах, ни мудра, ни тактична не была. Мы гнетом и насилием стремились достичь того, что достижимо лишь хорошим управлением, и в результате мы не примиряли с нами инородцев, входящих в состав империи, а только их ожесточали, и они нас отталкивали. И чем ближе к нашим дням, тем решительнее и безрассуднее мы шли по этому направлению. Увлекаясь навеянной московскими псевдопатриотами идеей русификации, мы мало-помалу восстановили против себя Литву, Балтийский край, Малороссию, Кавказ, Закавказье, с которыми до того никаких трений не имели, и даже из лояльно с нами в унии пребывающей Финляндии искусно создали себе врага».

Внутриполитический кризис. В середине 1870-х гг. в России начался глубокий внутренний кризис. Его симптомами стали брожение в деревне, активизация действий революционеров, экономический и финансовый кризис. Разуверившись в Шувалове, Александр II в 1874 г. отправил его послом в Лондон. Либеральная общественность и немногие остававшиеся у власти либеральные бюрократы восприняли это как знак возвращения на путь реформ, что вовсе не входило в планы императора. Отстраненный от власти Шувалов констатировал бессилие власти: «Правительственные органы не в состоянии более поддерживать порядок». Александр II пытался

преодолеть правительственный кризис путем смены министров. Он отправил в отставку министра юстиции К. И. Палена, поставив тому в вину оправдательный приговор по делу Засулич. Ушел со своего поста министр финансов М. Х. Рейтерн, который противился войне на Балканах, давшей огромный бюджетный дефицит. Министром внутренних дел был назначен Л. С. Маков, боровшийся с крестьянскими волнениями путем циркуляров губернаторам, где требовал разъяснять крестьянам необоснованность их надежд на новый передел земли. Министерские перестановки не исправили положения, которое усугубил неурожай 1879 г. и мировой экономический кризис.

Обстановка в стране требовала неотложного решения двух вопросов: аграрного и конституционного. Необходимо было сократить обременительные крестьянские платежи, организовать предоставление крестьянам кредитов для покупки земли и их переселение на свободные казенные земли, что отчасти решало проблему малоземелья. Разработка российской администрацией во главе с А. М. Дондуковым-Корсаковым конституции для Болгарии широко обсуждалась в земских кругах, где были уверены, что Россия «созрела для конституционных учреждений» никак не меньше Болгарии. В обращенном к императору адресе харьковских земцев, говорилось: «Дай своему верному народу право самоопределения, которое свойственно ему от природы, дай ему милостиво то, что ты дал болгарам!»

Программные требования либеральных земских деятелей были изложены в 1879 г. в записке их лидера И. И. Петрунке-вича «Очередные задачи земства». Их составляли: свобода слова и печати, неприкосновенность личности, уничтожение административного произвола, создание льготной для народа налоговой системы, строгое соблюдение законов, в том числе самой властью. Все эти демократические новации, по словам Петрун-кевича, нельзя получить от действующего режима: «Поэтому мы не должны быть фигурантами в конституционной комедии, а, отвергнув всякую конституцию, данную сверху, будем настаивать на созыве Учредительного собрания». Земство «должно написать на своем знамени три положения: свобода слова и печати, гарантия личности и созыв Учредительного собрания».

Олигархическое дворянство в лице П. Д. Голохвастова в противовес земским требованиям конституции выдвигало давнюю славянофильскую идею о созыве Земского собора. Валуев вновь предложил реформировать Государственный совет, учредив при нем выборную нижнюю палату. Консерватор Р. А. Фадеев напоминал, что самодержавие — это «краеугольный камень русской истории в настоящем и будущем», что оно,

в сущности, представляет собой «наше родовое определение власти». Он предостерегал от возвращения к власти либеральной бюрократии: «Возможно ли помыслить, чтобы верховная власть, пожертвовавшая в сознании своей всесословности и потребностей будущего такою силою, как дворянская, захотела снова сузить под собой почву и основаться, хотя бы временно, на такой своей силе, каково нынешнее полукрасное и несвязное чиновничество? Есть ошибки, невозможные для вековых правительств». Его политическая программа была проста: «Весь устой русского государства исчерпывается ныне четырьмя словами: народная вера в царскую власть».

Диктатура Лорис-Меликова. Взрыв в Зимнем дворце, произведенный С. Халтуриным, привел к созданию 12 февраля 1880 г. Верховной распределительной комиссии, наделенной чрезвычайными полномочиями для борьбы с революционным терроризмом. Во главе комиссии был поставлен боевой кавказский генерал М. Т. Лорис-Меликов. После войны он хорошо зарекомендовал себя энергичной борьбой со вспышками чумы в Поволжье и решительными действиями против народовольцев на посту харьковского генерал-губернатора. Лорис-Меликов получил фактически диктаторские полномочия. Одновременно он отправил в отставку одиозного министра просвещения Д. А. Толстого, упразднил III Отделение, ослабил цензуру и лично объяснялся с влиятельными редакторами газет и журналов. Функции III Отделения он передал Департаменту полиции при Министерстве внутренних дел, инициировал сенаторские ревизии земских учреждений и настоял на отмене тяжелого для простых людей косвенного налога на соль. В августе 1880 г. Верховная распределительная комиссия была упразднена, и Лорис-Меликов стал министром внутренних дел. На этом посту он настойчиво стал проводить в жизнь программу, где значилось: «Возвышение нравственного уровня духовенства, реформа податная, дарование прав раскольникам, пересмотр паспортной системы, облегчение крестьянских переселений в малоземельных губерниях; преобразование губернских административных учреждений, установление отношений нанимателей к рабочим, наконец, надлежащее руководство периодической печатью».

Он был твердо убежден в необходимости для власти действовать в тесном согласии с «людьми благомыслящими». В обращении к жителям столицы он призывал их объединить усилия в борьбе с террористическими выступлениями, что дало основание говорить о лорис-меликовской «диктатуре сердца». Действуя жестоко и в полной мере используя возможности полицейского аппарата, он менее чем за год сумел разгромить

основные силы «Народной воли».

Лорис-Меликов убеждал императора: «Вывести Россию из переживаемого ею кризиса может только твердая самодержавная воля, но эта задача не может быть выполнена одними карательными и полицейскими мерами». Сочетание возрожденной самодержавной инициативы и либеральных мер должно было, по его мнению, умиротворить страну.

Александр II доверял Лорис-Меликову и ценил его усилия. Он одобрил представленный министром проект создания двух временных подготовительных комиссий из правительственных чиновников и сведущих лиц от дворянства и земства. Эти комиссии — административно-хозяйственная и финансовая — должны были рассматривать законопроекты до их внесения в Государственный совет. Это означало привлечение общественности к законотворческой деятельности.

Лорис-Меликов подготовил правительственное сообщение о созыве в Петербурге временных комиссий. Утром 1 марта 1881 г. Александр II сказал наследнику ивеликим князьям, что им сделан «первый шаг к конституции». Тогда же он распорядился обсудить проект на заседании Совета министров 4 марта. Вслед за этим он, вопреки возражениям Лорис-Меликова, выехал из дворца.

Взрыв на Екатерининском канале стал национальной трагедией.

Крах либеральной бюрократии. Обсуждение проекта Лорис-Меликова состоялось 8 марта на заседании Совета министров под председательством нового императора Александра III. Престарелый консерватор С. Г. Строганов заявил, что проект «ведет прямо к конституции». Программную речь произнес обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. Он говорил о несостоятельности политики реформ, называл либеральных бюрократов болтунами и предостерегал от введения в России конституции: «В такое ужасное время, государь, надо думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать». Лорис-Меликова поддержали министры просвещения, финансов и военный — А. А. Сабуров, А. А. Абаза и Д. А. Милютин.

Лорис-Меликов 12 апреля подал царю доклад, где намечались меры по улучшению положения крестьян, предлагались реформы местной администрации, высшей и начальной школы. Министр считал необходимым обеспечить «единство правительства и программы внутренней политики», привлечь к разработке и выполнению реформ общественных представителей. Император обсудил доклад на совещании с

министрами, но решения не принял. Победоносцеву он написал: «Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу».

Победоносцев написал текстманифеста, который был опубликован 29 апреля. Александр III объявлял своим подданным о возложенном на него «священном долге самодержавного правления» и заявлял: «Но посреди великой Нашей скорби глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело правления в уповании на Божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

Н.П. Игнатьев. Манифест «об охране самодержавия» вызвал отставку Лорис-Меликова и его единомышленников. Министром внутренних дел стал бывший посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, который считал необходимым продолжать искоренение крамолы при содействии общественных сил. Игнатьев понизил выкупные платежи, снял крестьянские недоимки, перевел временнообязанных крестьян на обязательный выкуп. Все это должно было служить улучшению экономического положения крестьян. В то же время было принято Положение о мерах к охранению государственного порядка, согласно которому та или иная местность могла быть объявлена властями на чрезвычайном положении, что давало возможность арестовывать и ссылать без суда любого российского гражданина.

В поисках средства политического преобразования России Игнатьев принял предложение обратившегося к нему И. С. Аксакова, который находил, что единственный выход из положения, «способный посрамить все конституции мира», — это Земский собор с прямыми выборами от сословий. Разработанный Аксаковым и Голохвастовым проект созыва в Москве в дни коронации Александра III совещательного Земского собора должен был показать единение царя с народом. Предполагалось, что общая численность избранных членов Собора составит три — три с половиной тысячи человек, из них около двух тысяч крестьян. Был подготовлен манифест, опубликование которого было намечено на 6 мая 1882 г. и приурочено к 200-летию последнего Земского собора. Узнав об этом, Победоносцев в ужасе писал царю: «Если воля и распоряжение перейдут от правительства на какое бы то ни было народное собрание — это будет революция, гибель правительства и гибель России». Катков на страницах «Московских ведомостей» поддержал Победоносцева. Игнатьева обвинили

в покушении на основы самодержавной власти и в намерении стать конституционным премьер-министром. Его проект был отвергнут, он получил отставку, и на пост министра внутренних дел был назначен Д. А. Толстой.

До известной степени карьера этого в прошлом либерального бюрократа повторяла путь, пройденный Сперанским, хотя Толстой и не обладал способностями и широтой кругозора последнего. В царствование Александра III он стал главным двигателем политики, направленной на пересмотр основных начинаний Александра II. Его усилия способствовали проведению целого ряда мероприятий, которые получили название «контрреформы» и должны были укрепить самодержавную власть и оградить привилегии поместного дворянства. Толстой действовал, опираясь на поддержку императора, однако контрреформы, имевшие откровенно продворянский характер, не составляли всего содержания внутренней политики Александра III.

Политический идеал Александра III. Воспитанник Победоносцева и знаменитого историка Соловьева, император любил и знал русскую историю, искренне верил в нерасторжимую связь монарха и простого народа. Его радовало прозвание «мужицкий царь». Однако подданных своих он ставил невысоко и самодержавное отношение к ним выразил фразой: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?» В повседневном обиходе он был неприхотлив, отличался здравым смыслом, был по характеру тверд и ценил твердость в других. Он был убежден в самобытности России, основу которой составляло «народное самодержавие». В государственных делах он был прямолинеен и смотрел на Российскую империю как на вотчину Романовых. Важнейшие решения по внутриполитическим вопросам принимались при его активном участии. К делам внешней политики царь испытывал нерасположение, не доверял великим европейским державам. Его правление Катков описывал следующими словами: «Из долгих блужданий мы наконец возвращаемся в нашу родную, православную, самодержавную Русь. Призраки бледнеют и исчезают. Мы чувствуем пробуждение».

Наряду с Победоносцевым Катков казался столпом нового царствования. Катковские статьи в «Московских ведомостях» нередко имели программный характер. Катков охотно выступал как рупор дворянской общественности, бесцеремонно критиковал либеральную бюрократию, прежний курс реформ и отдельных министров. Он сыграл заметную роль в подготовке сближения самодержавной России и республиканской Франции, утверждая, что германская экспансия угрожает

государственному единству России.

С подчеркнутым уважением Александр III относился к Победоносцеву, который когда-то давал ему уроки правоведения. О Победоносцеве говорили, что он хорошо знает, как не следует поступать, но не знает, что следует делать. Величайшей ложью своего времени он считал конституцию и утверждал, что любые конституционные изменения грозят российскому государству распадом: «Провидение хранило нашу Россию от подобного бедствия, при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар — всероссийский парламент. Да не будет». В разгар борьбы с Лорис-Меликовым он внушал своему высочайшему ученику: «…лучше уж революция русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок в земле; последняя есть яд для всего организма, разъедающий его постоянною ложью, которой русская душа не принимает». Синодальное управление Победоносцева вело к полному подчинению православной церкви государству, он быстро вызвал неприязнь к себе как церковных иерархов, так и православной общественности. Сложившееся положение ©. М. Достоевский охарактеризовал словами: «русская церковь в параличе».

Эпоха контрреформ. Как «мужицкий царь», Александр III проявлял неподдельное внимание к положению в деревне. По его настоянию проводились мероприятия, направленные на облегчение условий хозяйственной деятельности крестьян. В 1882 г. был учрежден Крестьянский поземельный банк. Для смягчения остроты аграрного вопроса он выдавал ссуды на покупку земли отдельным крестьянам и крестьянским товариществам. Банк регулировал переход части помещичьих земель крестьянам, которые менее чем за двадцать лет купили при его посредничестве около 5 млн десятин земли. В 1886 г. была отменена подушная подать, установленная во времена Петра I. Стремясь сохранить патриархальные устои в деревне, правительство препятствовало семейным разделам, содействовало укреплению поземельной общины, запрещая частые общинные переделы земли, не разрешало залог и продажу надельных земель. Было отменено право крестьянина досрочно выкупить свой надел и выделиться из общины.

Эти меры носили ограниченный характер и не решали проблемы малоземелья и общего обеднения деревни. Они находились в противоречии с попытками укрепления помещичьего хозяйства. В 1885 г., к столетию Жалованной грамоты дворянству, был учрежден Дворянский банк, который на льготных условиях давал ссуды под залог помещичьих земель.

Возвращение ссуд контролировалось нестрого. К концу XIX в. общая сумма выданных ссуд превысила один миллиард рублей. В интересах помещиков власти ограничили возможность крестьянского переселения и наказывали самовольных переселенцев.

Важнейшим мероприятием эпохи контрреформ было введение в 1889 г. института земских начальников. Земский участковый начальник назначался из местных потомственных дворян, он должен был обладать определенным имущественным и образовательным цензом, в его функции входил надзор за деятельностью крестьянских сельских и волостных учреждений. Он мог отменить постановление сельского схода, подвергнуть крестьян телесным наказаниям, аресту и штрафам. Его решения не подлежали обжалованию. Фактически речь шла о восстановлении полицейской власти помещиков над крестьянами, отмена которой была важнейшей частью Положения 19 февраля 1861 г. Правительство видело в земских начальниках «близкую к народу» твердую власть.

В 1890 г. была проведена одна из основных контрреформ — земская. Ее инициатором был Д. А. Толстой. Эта контрреформа обеспечила преобладание дворян в земских учреждениях, вдвое сокращала число избирателей по городской курии, ограничивала выборное представительство для крестьян. В губернских земских собраниях число дворян возросло до 90 %, а в губернских земских управах — до 94 %. Деятельность земских учреждений ставилась под полный контроль губернатора. Председатель и члены земских управ стали считаться состоящими на государственной службе.

Укреплению «государственного элемента» служила и городская контрреформа 1892 г. Она устраняла от участия в городском самоуправлении городские низы, значительно повышая имущественный ценз. В Петербурге и Москве в выборах могло участвовать менее 1 % населения. Были города, где число гласных городской думы равнялосьчислу участвовавших в выборах. Городские думы контролировались губернскими властями. Городская контрреформа находилась в вопиющем противоречии с проходившим процессом бурной урбанизации.

Правительство предпринимало некоторые шаги в направлении судебной контрреформы, оно ограничивало гласность судопроизводства по политическим делам, нарушало принцип несменяемости судей и судебных следователей, сужало круг дел, подлежащих рассмотрению присяжными заседателями. Однако на полный пересмотр судебных уставов 1864 г. власти не решились.

Увереннее действовали Толстой и его соратники в области народного

просвещения. По инициативе Каткова был введен в 1884 г. новый университетский устав, который, по сути, ликвидировал автономию университета. Ношение студентами форменной одежды сделалось обязательным, значительно повышалась плата за обучение. Министр народного просвещения И. Д. Деля-нов настоял на закрытии большинства высших женских курсов, он же в 1887 г. издал циркуляр, известный как циркуляр о «кухаркиных детях», где запрещал принимать в гимназии «детей кучеров, лакеев, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей».

В целом контрреформы не привели к принципиальным политическим и социальным изменениям. Меры, направленные на слом установившейся после реформ Александра II общественной структуры, не отличались последовательностью, их продво-рянский характер противоречил ходу экономического развития. В конечном счете они создавали обманчивое впечатление незыблемости самодержавного строя.

Обострение национального вопроса. Составной частью политики «народного самодержавия» было ограничение прав отдельных народов, обрусение окраин. В административных учреждениях Привислинского края и Финляндии насаждался русский язык, повсеместно делались попытки вести на нем преподавание в школах. Дерпт был переименован в Юрьев, и в Юрьевском университете русский язык вытеснил немецкий. Была введена процентная норма приема евреев в высшие и средние учебные заведения. Широкие масштабы получило наступление на конституционные права Финляндии. В 1890 г. был введен обязательный прием в Великом княжестве русской монеты, упразднена самостоятельность финляндской почты. При Николае II был изменен порядок издания законов и уничтожены самостоятельные финские войска.

Политика правительства в национальном вопросе поддерживалась консервативной общественностью, особенно газетой «Московские ведомости», где ведущую роль играл В. А. Грин-гмут. Идейный преемник Каткова, он утверждал, что при Александре III Россия «вернула себе политическую и духовную самостоятельность и укрепилась на своих истинно русских религиозных, государственных и национальных основах». Знамением времени стало ренегатство одного из вождей «Народной воли», идеолога революционного терроризма Л. А. Тихомирова, который после нескольких лет эмиграции раскаялся, подал прошение о помиловании, был прощен и вернулся в Россию. Он стал деятельным сотрудником «Московских ведомостей» и посвятил свой талант развитию идей «народного самодержавия».

В. С. Соловьев. О том, что «тираническая русификация», проводимая Александром III, губительна для России, которую нельзя представлять иначе, как «многонародное целое», много писал В. С. Соловьев, знаменитый философ и ведущий публицист либерального журнала «Вестник Европы». Он не уставал напоминать обществу, проникнутому идеями казенного патриотизма: «Патриотизм требует, чтобы мы хотели действительно практически помочь своему народу в его бедах». Выступая против политики русификации, он высказывал «два желания»: «1) чтобы все народы не только в Российской империи, но и вне ее читали Пушкина и других наших великих писателей на русском языке и 2) чтобы никто не мешал насильно какому бы то ни было народу нашей империи читать и всероссийских и местных писателей на своем родном языке».

Соловьевский идеал: Россия — «христианская семья народов». Соловьев предостерегал от «ненависти к инородцам и иноверцам» и подчеркивал: «Христианская семья народов не есть непременно семья христианских народов». Объективно Соловьев отстаивал давнюю традицию имперской терпимости, которой противоречила политика русификации и унификации. Власти оставили без внимания предостережение либерального мыслителя. Следствием их близорукой политики стало развитие национальных движений на окраинах империи, которые со временем получили антиправительственный и антигосударственный характер.

В последние годы царствования Александра III заметно оживилось общественное движение. Голод 1891 г. показал неэффективность бюрократическо-полицейских мер по предотвращению бедствия и по борьбе с его последствиями. Работа на голоде стала главным делом для интеллигенции, особенно провинциальной. Принимались меры внеправительственной помощи голодающим, велась большая разъяснительная работа о необходимости препятствовать запустыниванию, обмелению рек, истреблению лесов, что было следствием примитивных навыков хозяйственной деятельности. Несмотря на официальные запреты, земские деятели обменивались информацией, оказывали посильное содействие крестьянству пострадавших уездов.

Воцарение Николая II. Александр III умер в октябре 1894 г. Ему наследовал его старший 26-летний сын Николай II. О новом императоре было известно немного, но его молодость, ровный, спокойный характер и воспитанность первоначально вселяли надежды. Его восшествие на престол дало повод для целого ряда земских адресов и ходатайств, которые содержали призыв ввести конституционную форму правления. Для

Николая II это было неприемлемо. Отец всерьез не приобщал его к государственным делам, но внушил ему почти мистическую веру в то, что если «рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним и Россия рухнет». Его представления об окружающем мире и о своей роли в нем были просты и укладывались в формулу: «хозяин земли русской». В государственных делах Николай II был несчастлив, и символом его царствования стала Ходынская катастрофа, когда в мае 1896 г. во время коронационных торжеств в Москве на Ходынском поле из-за халатности властей произошла давка, в которой погибло, по официальным данным, 1389 человек и сотни были изувечены.

С вступлением Николая II на престол вновь возросло влияние Победоносцева, чьи взгляды определяли фанатичная нетерпимость к западным идеям прогресса и непонимание процессов, происходящих в России. Он внушал молодому царю, что самодержавная власть «не только необходима России, она не только есть залог внутреннего спокойствия, но и существенное условие национального единства и политического могущества государства». В специальной записке он предостерегал императора от попыток усовершенствования той «народной» системы управления, что была создана Александром III. Николай II последовал совету. В своей первой публичной речи в январе 1895 г. счел необходимым пресечь надежды на либеральные перемены и заявить о своей верности заветам отца: «Мне известно, что в последнее время слышались в нескольких земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начала самодержавия также твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель». Политическое заявление Николая II о бессмысленных мечтаниях означало принципиальный отказ от перемен в российской политической системе. В XX в. Россия вступала единственным европейским государством с самодержавной формой правления.

Глава 28. Культура России XIX в.

§ 1. Культура дореформенной России

Культура и национальное самосознание. В культуре первой половины XIX в. нашли завершение процессы, начало которым было положено в екатерининскую и даже Петровскую эпоху. Это была культура, выросшая на высоких идеалах Просвещения. Творцы культуры, художники, писатели, архитекторы, композиторы верили в ее высокое предназначение, в способность произведений искусства воспитывать человека — добродетельного гражданина и патриота. В творчестве деятелей искусства и культуры видны были отчетливые следы переклички с античными образцами; культура была неотделима от просвещения; во всех своих проявлениях она носила светский характер, культурные явления основывались на вере в преобразующую силу разума. В первой половине XIX в. произошли события, определившие дальнейшее развитие культуры: усилиями Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, А. С. Пушкина был выработан современный русский литературный язык, развитие и совершенствование которого стало основой формирования национального сознания. В то же время, обогащаясь достижениями западноевропейской культуры, формировались национальные школы в литературе, живописи, музыке, театре.

Огромную роль в становлении русского национального самосознания и в познании прошлого сыграла 12-томная «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Свой труд Карамзин предназначал всем слоям российского общества. Он посвятил «Историю» Александру I, но писал ее «для русских, для купцов ростовских, для владельцев калмыцких, для крестьян Шереметева». Историк воспевал добродетели народа, славу прошедших веков, он учил понимать преемственность поколений. А. И. Тургенев писал: «История его послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического управления и, Бог даст, русской возможной конституции. Она разъяснит нам понятия о России или, лучше, даст нам оные». Первые восемь томов «Истории государства Российского» вышли в 1818 г. небывалым для того времени тиражом — 3 тыс. экземпляров, и уже месяц спустя потребовалось новое издание. Пушкин утверждал, что именно Карамзин открыл для русской публики историю ее отечества. Бытовала шутка, что на улицах пустынно

потому, что все сидят по домам и читают «Историю» Карамзина. Прежде в России не было подобной исторической литературы, одновременно и научной, и художественной, написанной столь увлекательно, умно, ново и смело.

Важнейшими событиями, определившими общественно-культурную жизнь России, были Великая французская революция, провозгласившая идеалы свободы, равенства и братства, восславившая права человека и гражданина, и Отечественная война 1812 г., народный и освободительный характер которой в полной мере осознавался современниками. Генерал М. Ф. Орлов, принимавший капитуляцию Парижа, говорил: «Мы сражались против целой Европы, но целая Европа ожидала от наших усилий своего освобождения». Патриотический подъем 1812 г. выявил глубинную связь народной и дворянской культуры, поставил вопрос об освобождении крепостных, которые, как учил Карамзин, «тоже чувствовать умеют». Передовым людям России, которые определяли лицо эпохи, было унизительно видеть возвращение победителей Наполеона «под палку своего господина». Именно поэтому антикрепостнические настроения во многом определяли характер и содержание русской дореформенной культуры. Наконец, огромное воздействие на сознание современников и на ход культурных процессов оказали события 14 декабря 1825 г.

Народная культура. Дореформенная культура носила сословный характер. Крестьянство, составлявшее огромное большинство населения России, сохраняло верность традиционной культуре, содержание которой складывалось веками и было связано с повседневным бытом крестьянина, с его верованиями и обрядами, с навыками хозяйственной деятельности. Народная культура находила свое выражение в фольклоре, деревянном зодчестве, в традиционных народных промыслах, произведения которых нередко были подлинными шедеврами. Огромные пространства России, разнообразие природно-климатических и хозяйственных условий жизни определяли исключительное разнообразие форм традиционной культуры, которые находились в процессе постоянного взаимообогащения и вместе с тем именно в это время испытывали несомненное и прямое воздействие европейской культурной традиции, шедшей из столичных и губернских городов.

На народную культуру первой половины XIX в. накладывало отпечаток быстро растущее отходничество, когда массы крестьян перемещались в города, перенимали новые для сельской среды привычки, вкусы и внешний облик и переносили их в деревню. Очень медленно, нередко благодаря возвращавшимся на родину отставным солдатам, в

деревню стала проникать грамотность. В деревне стали появляться фабричные изделия, прежде всего ткани и мелкая домашняя утварь, традиционная мебель в богатых селах менялась на городскую, изменялись прически, головные уборы — так, в предреформенное время из обихода быстро исчезли тяжелые кички и кокошники, сменившиеся платками и косынками. В зажиточных крестьянских семьях мужчины стали носить одежду, приближенную к городской: «рубашку красную навыпуск, плисовые штаны, сапоги козловые, тонкого светло-синего сукна кафтан». В сельских домах стали появляться зеркала и лубочные картинки, женщины из зажиточных и среднего достатка семей приобретали привычку к покупным румянам, белилам, краскам для волос, душистому мылу, городским тканям. В селе распространился чай, вытеснивший традиционные напитки — взвары, сбитни.

Постепенно менялся внешний облик купцов и мещан. Если мещане продолжали носить кафтаны из цветного сукна, то купцы со второй четверти XIX в. стали предпочитать кафтанам длиннополые сюртуки. Облик купца дополняли «русские сапоги» с высокими голенищами. Смелым нововведением казались попытки молодых купцов, часто имевших богатый опыт общения с иностранными партнерами, носить галстук и стричь бороду. Городские женщины купеческого сословия решительно сменили традиционные русские головные уборы на шляпки. Внутреннее убранство городского русского жилища стало дополняться персидскими коврами разного качества, картинами, зеркалами. Перемены в купеческом и мещанском быту несколько нивелировали бытовые и сословные различия, усредняли вкусы городского обывателя, создавая тем самым предпосылки для возникновения единой городской культуры.

Рост градостроительства, оживление торговли и промышленности в первые десятилетия XIX в. стимулировали дальнейшее развитие народного декоративного искусства, в частности декоративную резьбу по дереву и камню. И в городах, и в деревнях получила широкое распространение богатая и разнообразная резная отделка фасадов жилых домов. Благодаря внедрению в обиход токарного станка стала более совершенной традиционная обработка деревянной домашней утвари, многие образцы которой представляли собой истинные произведения искусства. Совершенствовалась роспись по дереву, прежде характерная для северных — архангельских и вологодских — кустарей, а в первой половине XIX в. перешедшая к нижегородским, костромским, ярославским мастерам, усложнявшим орнамент. Деревянная скульптура малых форм, изображавшая, часто сатирически, представителей разных сословий

общества, стала отличительным промыслом подмосковного села Богородское. Тематически близкими богородским куклам стали статуэтки из фарфора, фаянса, терракоты, наиболее известными производителями которых были подмосковные мастера из села Гжель, достигшие совершенства в тонкости отделки и многоцветной росписи тонкой майолики. Широко прославились близкие к народным промыслам чугунное литье Каслинского завода, резьба по камню уральской Екатеринбургской, алтайской Колыванской, Петергофской гранильных фабрик.

Русская народная культура, особенно на Севере, хранила верность вековым традициям, огромную роль в поддержании которых играли песенное творчество, особенно духовные песни, и фольклор в целом. Крестьянин, его труд, его мировосприятие определяли содержание сказок, былин, поверий. Вместе с тем немалую роль в народных представлениях играли новые социальные образы: солдата, мастерового. Именно традиционная культура служила той добротной основой, на которую опиралась в своих лучших проявлениях русская культура дореформенного времени.

Золотой век российской культуры. Первая половина XIX в. была временем расцвета дворянской культуры, ее подлинным золотым веком. Она продолжала традиции российской имперской культуры и удовлетворяла потребностям всего дворянского общества, для которого знание русского языка было непременным условием социальной идентификации и успешной карьеры. Вместе с тем именно в этот период российская культура превращается в русскую, что связано с ростом национального самосознания и начавшейся демократизацией общества. Развиваясь в рамках единой европейской культуры, следуя ее лучшим образцам, она достигла той степени зрелости, которая вела к рождению шедевров мирового значения, к появлению гениальных мастеров, чье творчество и поныне остается недосягаемым. Процессы, определявшие развитие дворянской культуры, были тесно связаны с идейными исканиями и повседневной жизнью общества дореформенного времени. Культура золотого века была элитарной, обращенной к тонкому слою образованных людей. Творцы культуры и ее потребители находились в постоянном и тесном духовном общении, что многократно усиливало творческое начало, лежавшее в основе культурного процесса. Именно этим и объясняется высочайший взлет культуры золотого века.

Дворянская культура была городской и усадебной. В городах были сосредоточены редкие учреждения культуры — театры, музеи, художественные коллекции, библиотеки; в них находились типографии, где

издавались книги, журналы и альманахи; размещались университеты, специальные высшие учебныезаведения и гимназии. Принципиально новым явлением городской жизни с начала XIX в. стала быстро расширявшаяся розничная торговля, совершенно изменившая облик городских улиц, Так, з Москве после войны с Наполеоном множились магазины на Кузнецком мосту, Петровке, Неглинной, Появлялись огромные крытые пассажи Улицы застраивались продовольственными магазинами, ларьками, зеленными лавками, а также кофейнями и трактирами. Повседневная городская жизнь все больше приобретала характер публичности, некоторые трактиры и кофейни превращались в своеобразные клубы по интересам.

Городская «чистая» публика была главным потребителем печатной продукции, она посещала театры, и на нее были рассчитаны повсеместно организуемые гулянья и праздничные торжества. Явлением городской дворянской культуры были литературно-музыкальные салоны. Наиболее известными и оставившими яркий след в русской культуре были салоны З. А. Волконской и А. О. Смирновой-Россет. Там в свободном общении избранная публика обсуждала политические и светские новости, перед ней выступали приглашенные в Россию европейские знаменитости — певцы и музыканты, среди которых был Ф. Лист. Специфической функцией салонов и закрытых дворянских клубов, например Английского клуба в Москве, была выработка общественного мнения, выражение которого в печати часто было затруднено по цензурным соображениям. Там, по словам кн. П. А. Вяземского, «все носило отпечаток служения искусству и мысли».

Упадок крепостного хозяйства не отразился на судьбе усадебной культуры. Продолжалось усадебное строительство и развитие парковой архитектуры, хотя поместное дворянство утратило размах, присущий вельможам минувшего века.

Дворянские гнезда в интеллектуально-культурном отношении переживали эпоху расцвета. Для многих представителей дворянства усадьба была естественной средой обитания, деревенская жизнь располагала к досугу, который они занимали чтением, домашними спектаклями, иногда художественным творчеством или научными исследованиями. В эти годы достиг совершенства эпистолярный жанр. Установившаяся регулярность почтовых сообщений делала частные письма не только незаменимым источником информации, но и явлением культуры. Получение и чтение письма составляло событие в провинциальной жизни, что не раз было описано в классической русской литературе, например в гоголевском «Ревизоре».

Грамотность в крепостной России оставалась почти исключительно уделом привилегированных сословий — дворянства и духовенства, она была необходима чиновникам, офицерам, купцам и предпринимателям. В первой половине XIX в. в России было 3–4 % грамотных. У женщин уровень грамотности был существенно ниже. Если в дворянских семьях девочек стало принято учить наравне с мальчиками, то среди духовенства к особенно среди к)'печества грамотная женщина смотрелась «белой вороной». Постоянны были сетования на безграмотность сельского духовенства, на невозможность найти приказчиков и лавочных сидельцев, умеющих вести простые амбарные книги. С воцарением Александра I под воздействием общеевропейских политических и культурных процессов и благодаря целенаправленным усилиям правительства положение стало быстро меняться. В. Г. Белинский утверждал, что если к началу века к европейскому просвещению и образованности было причастно лишь высшее дворянство, то в первой четверти XIX в. — уже более многочисленное среднее дворянство, а в 1830—1840-е гг. «просвещение и образованность заметно распространились не только между средним сословием, но и между низшими классами; теперь не редкость образованные и даже просвещенные люди из купеческого и мещанского сословия».

Ланкастерские школы взаимного обучения, распространенные в армии в декабристское время и служившие обучению солдат, крестьянские школы, открытые в государственной деревне в ходе реформы Киселева, и потребности технических ремесел и городской магазинной торговли — все это способствовало усвоению навыков чтения, письма и счета выходцами из податных сословий. В начале XIX в. была создана единая система народного образования, которая предусматривала государственное попечение над начальной, средней и высшей школой. Возникли первые технические учебные заведения: Петербургский практический технологический институт, знаменитое Московское ремесленное училище.

Высшее образование было доступно немногим, и это обстоятельство во многом определяло общий культурный уровень эпохи. В начале века в стране средоточием университетского образования былМосковский университет. Благодаря целенаправленным усилиям Александра I и его «молодых друзей» были открыты Казанский к Харьковский, преобразованы Дерптский и Виленский университеты. В 1819 г. на базе Главного педагогического института был открыт Петербургский университет. Близкими к университетам по учебным планам были лицеи — Царскосельский, Демидовский (Ярославль), Нежинский, Ришельевский

(Одесса). Однако лицеи имели исключительно сословный, дворянский, характер и весь дореформенный период оставались привилегированными учебными заведениями. Воспитанниками лицеев были А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. М. Горчаков. Серьезное внимание стало обращаться на повышение уровня военного образования, которое сохраняло кас-тово-сословную направленность.

Университеты были более демократичны. В 1830-е гг., по свидетельству современника, в Московском университете не редкостью было, что «модный изящный сюртук или полуфрак безразлично усаживался с фризовой шинелью или выцвелым демикотоновым сюртуком или казакином». Росло число выпускников университетов, а среди них — число разночинцев с высшим образованием. Удельный вес разночинцев в общей массе учащихся к середине XIX в. в Пензенской гимназии, к примеру, составлял одну треть, в Нижегородской был гораздо выше — две трети. Среди студентов Петербургского университета разночинцы составляли 38 %, Казанского — 56 %, Московского — 57 %. Возросшая потребность в педагогах и образованных чиновниках привела к тому, что в 1840-х гг. в стране было 20 тыс. учителей, врачей и мелких служащих из разночинцев. Встречались отдельные не просто грамотные, но достаточно хорошо образованные крестьяне. Так, известны случаи, когда в крестьянских домах собирались личные библиотеки в 2–3 тыс. томов; некий бывший крепостной определил сына в гимназию и даже послал поступать в Ришельевский лицей, но подобные явления носили единичный характер.

С началом XIX в. стали возникать возможности для женского образования. Кроме закрытых институтов благородных девиц, предназначавшихся для девочек из дворянского и духовного сословий, открылись училища для «девиц обер-офицерского звания» в Петербурге и Москве, а также для дочерей гвардейских солдат и матросов Черноморского флота. Для солдатских дочерей в 1820-х гг. были открыты два училища в Петербурге, для дочерей матросов — в Севастополе и Николаеве. Росло число частных женских пансионов и школ, куда был широко открыт доступ для дочерей как дворян, так и состоятельных разночинцев.

Издательское дело. В дореформенное время происходили изменения в издательском деле. Росла книготорговля. В книжных лавках Петербурга и Москвы в начале XIX в. продавались сочинения Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шиллера. В 1801 г. в Москве была открыта книжная лавка П. Бекетова, ставшая своеобразным клубом московских

писателей. Множилось число читателей не только среди столичных, но и среди провинциальных дворян, купцов и мещан. В начале века главную роль играли казенные типографии, численность которых доходила до 55. В 1830-е гг. появляются крупные частные книгоиздатели, среди которых был прославленный А. Ф. Смирдин. В своей книгоиздательской деятельности Смирдин ориентировался на широкий слой читателей, его дешевые книги предназначались для небогатых людей. Он один из первых стал платить гонорары авторам. Литературный труд становится постоянным занятием и источником получения постоянного дохода. Смирдин был издателем журнала «Библиотека для чтения», тираж которого достигал 4–5 тыс. Журнал расходился по всей стране, в среднем на одну книжку журнала приходилось 10–15 читателей, что в совокупности было значительной читательской аудиторией. Спрос на периодическую печать постоянно увеличивался. В журналах появлялись новые произведения российских прозаиков и поэтов, печатались переводы. Звание «российский литератор» стало восприниматься как почетное.

Периодическая печать. По сравнению с XVIII в. значительно возросло число газет и журналов. Повысились тиражи, что было связано не просто с увеличением спроса, но, главным образом, с ростом технических возможностей печати. В начале XIX в. один из самых популярных журналов, карамзинский «Вестник Европы», выходил тиражом 1500 экземпляров. Менялся состав читателей, наряду с дворянством в круг подписчиков журналов входят разночинцы. Менялся и внешний облик журналов: вместо небольших изящных книжечек стали выходить объемистые тома «Современника» и «Отечественных записок». Интересным явлением культурной жизни стало появление, наряду с литературно-политическими, специализированных журналов по разным отраслям науки: «Горный журнал», «Военный журнал», «Русский земледелец» и др. С 1838 г. началось издание местных «Губернских ведомостей». Возникли и особые детские и женские периодические издания.

Журналистика привлекала внимание крупнейших литераторов. Основателем «Вестника Европы» в 1802 г. был Карамзин, которого на посту редактора сменил Жуковский. Журнал освещал политическую и культурную жизнь как России, так и Западной Европы, публиковал переводы первостепенных европейских литераторов. В 1808 г. С. Н. Глинкой был основан журнал «Русский вестник», который отличался патриотической направленностью, обличал галломанию и воспевал достославные подвиги предков. Позднее Николай I с удовольствием

вспоминал, что он учился русскому языку, читая журнал Глинки. Близкий к декабристским кругам «Сын Отечества» издавался Н. И. Гречем. В нем было напечатано знаменитое «Послание к русским» известного профессора А. П. Куницына о народном характере войны 1812 г., здесь же появилась резкая антинаполеоновская басня И. А. Крылова «Волк на псарне». Короткое время — 1823–1825 гг. — выходила «Полярная звезда», в которой печатался молодой Пушкин, были впервые обнародованы переводы из Шиллера В. А. Жуковского и поэма К. Ф. Рылеева «Исповедь Наливайки». «Полярной звезде» было суждено стать символом декабристского времени, это название стало преемственным в журналистике освободительного движения, его в разные годы переняли А. И. Герцен и П. Б. Струве.

Николай I и его министр С. С. Уваров резко ограничили возможность возникновения новых органов периодической печати, усилили цензурный контроль. Приметой николаевского времени стал журнальный триумвират, который составили стремившиеся к монополии на читательском рынке Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч и О. И. Сенковский. В 1834 г. был основан журнал «Библиотека для чтения», который долгие годы редактировал талантливый, но беспринципный Сенковский, известный под псевдонимом «Барон Брамбеус». Он стремился к занимательности и общедоступности журнала, публиковал самые разнообразные материалы — от романтических повестей до медицинских рекомендаций — и был ориентирован на массового провинциального читателя.

После 1825 г., в период жесткой цензуры николаевского времени, среди той части дворянского общества, где оставались неизжиты околодекабристские настроения, наиболее популярны были «Московский телеграф» Н. А. Полевого и «Телескоп» Н. И. Надеждина. Обвиненный в пропаганде европейского «ре-волюционаризма», «Московский телеграф» был запрещен по инициативе Уварова в 1834 г., что стало идейным и жизненным крушением для одаренного литератора и историка, выходца из купеческой среды Полевого. Спустя два года был закрыт «Телескоп», напечатавший первое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева.

В противовес рептильной проправительственной журналистике в 1836 г. Пушкин предпринял издание журнала «Современник», который позднее перешел в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева. В 1840-е гг. этот журнал был основным органом демократического направления, где печатались произведения «натуральной школы». Наряду с «Современником» заметную роль в пропаганде передовых идей играл журнал А. А. Кра-евского «Отечественные записки». Его ведущим сотрудником был В. Г. Белинский, который стал кумиром и властителем

дум молодого поколения.

Доступ к журналам и книгам облегчали публичные библиотеки, которые возникали в губернских и некоторых уездных городах. В 1814 г. была открыта Императорская Публичная библиотека в Петербурге. Появились коммерческие библиотеки, крупнейшей из которых была Смирдинская. В стране стала возникать сеть книжной магазинной торговли, что было свидетельством роста культурных запросов.

Наука и просвещение. Главными центрами науки и просвещения были Академия наук и университеты. В 1841 г. к Императорской Академии наук была присоединена Российская академия, что закрепило организационное единство всей системы научных исследований в России. Огромную роль в собирании российских древностей играли археографические экспедиции Академии наук, руководимые П. М. Строевым. Важные открытия были сделаны в исследованиях физических явлений. В 1802 г. В. В. Петров описал свойства электрической дуги и показал возможность ее применения в освещении и металлургии. Академик Б. С. Якоби много сделал для развития электротехники, мировую славу ему принесло изобретение гальванопластики. Совместно с П. Л. Шиллингом он работал над усовершенствованием электромагнитного телеграфа. В 1839 г. стала действовать подземная телеграфная линия Петербург — Царское Село. В том же году была основана хорошо оснащенная Пулковская обсерватория, где долгие годы работал выдающийся астроном академик В. Я. Струве.

Учеными России были сделаны замечательные открытия. Ректором Казанского университета был гениальный Н. И. Лобачевский, чья система неевклидовой геометрии была подлинным переворотом в математике. Крупный вклад в развитие математических знаний внесли академики М. В. Остроградский и В. Я. Буняковский. В Московском университете работали выдающиеся ученые — историки М. П. Погодин, С. М. Соловьев, зоолог К. Ф. Рулье, историк права К. Д. Кавелин, основоположник терапии и военной гигиены М. Я. Мудров.

В 1830-е гг. создается система подготовки университетской профессуры, которая предусматривала посылку молодых ученых за границу на стажировку. При университетах читаются публичные лекции. Так, еще с 1803 г, пристальным вниманием общества пользовались лекции профессоров Московского университета. Н. М. Карамзин отмечал, что там можно встретить знатных московских дам, купцов, студентов Заиконоспасской академии и людей всякого звания, которые «бглубокой тишине и со вниманием устремляют глаза на профессорскую кафедру».

Прославленными лекторами были Т. Н. Грановский, С. П. Шевы-рев. В начале века при Московском университете возникло Общество испытателей природы, задачей которого было содействие успехам естественных наук. Вслед за ним появились Общество истории и древностей российских и Общество любителей российской словесности. Открытые заседания этих обществ были важным событием научно-культурной жизни.

Центром изучения растительного и животного мира, проведения научных исследований стал Никитский ботанический сад в Крыму, начало которого относится к 1812 г. В Москве были открыты Ботанический и Зоологический музеи, заложен Ботанический сад.

В 1845 г. в Петербурге было создано Русское географическое общество, которое стало одним из самых авторитетных в научном мире. В его работе принимали участие Ф. П. Литке, П. П. Семенов-Тян-Шанский, возглавлявший Общество в течение десятилетий. Семенов занимался географией, геологией, ботаникой, энтомологией; он особенно прославился исследованием Тянь-Шаня, предпринятым им в 1856–1857 гг. Оно явилось толчком к целой серии исследований Средней и Центральной Азии.

По инициативе Академии наук организуются многочисленные географические, гидрографические и геофизические экспедиции, которые исследуют огромные территории России — побережье Северного Ледовитого океана, Западную и Восточную Сибирь, Дальний Восток. В ходе полярных экспедиций была доказана возможность Северного морского пути, под руководством Ф. П. Литке составлено подробное описание труднодоступных районов.

Открытия, сделанные русскими путешественниками, во многом изменили картину мира. В 1803–1806 гг. было совершено первое российское кругосветное путешествие на кораблях, которыми командовали И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисян-ский. В 1821 г. кругосветная экспедиция под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева открыла Антарктиду. В ходе экспедиции Г. И. Невельского в 1840–1850 гг. была доказана судоходность устья Амура и то, что Сахалин является островом.

Сентиментализм и романтизм. В дореформенное время происходила быстрая смена форм художественного сознания, творческих методов, художественных и стилевых направлений. Эта смена была обусловлена внутренними законами развития искусства, но одновременно находилась в прямой связи с изменениями общественной атмосферы. На рубеже XVIII–XIX веков наметился отход от рационализма просветителей, который регулировал нормы классицизма. В Россию проникает сентиментализм,

вершиной которого стала «Бедная Лиза» Карамзина. Сентиментальная литература противопоставляла разуму чувства, писала о «естественном человеке» и о богатстве его духовного мира. В своеобразной форме сентименталисты утверждали идеалы равенства, создавая некую идиллическую картину взаимоотношений помещиков и крестьян. Сентименталисты в своих произведениях использовали традиции живого русского разговорного языка. Они, как писал В. Г. Белинский, преобразовали русский литературный язык, «совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины» и приблизили к естественной русской речи. Острым оппонентом литературного новаторства сентименталистов выступало общество «Беседа любителей русского слова» под председательством А. С. Шишкова. Участниками «Беседы» были известнейшие деятели культуры А. А. Шаховской, Н. С. Мордвинов, министр просвещения А. К. Разумовский. Сторонники Карамзина создали в противовес «Беседе» общество «Арзамас», где пропагандировали необходимость преодоления отживших канонов классицизма. В «Арзамас» входили Д. Н. Блудов, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин и другие выдающиеся литераторы. К середине 1810-х гг. с изменением общественно-культурной обстановки, под влиянием тревожных событий войны 1812 г., с уходом идей сентиментализма с европейской литературной сцены идейное размежевание в русской литературе между сторонниками и противниками современного языка переросло в новое литературно-культурное течение — романтизм. Писатель-декабрист А. А. Бестужев так объяснял его появление: «Воображение, недовольное сущностью, алчет вымыслов».

Нежная чувствительность сентиментализма преодолевалась в произведениях романтической школы, особенно в поэтическом творчестве В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева. Романтизм воспевал свободу и независимость личности. Однако общая для романтиков неудовлетворенность реальностью воплощалась в творчестве по-разному. Представители одного направления романтизма жаждали борьбы и подвигов, в основе многих романтических произведений лежала героизация бунтаря, человека сильных и глубоких страстей. Романтический идеал подчеркнуто отталкивался от повседневности, у некоторых романтиков протест против мирового зла принимал формы сочувствия освободительным идеям. Так, литераторы-романтики К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев-Марлинский, В. К. Кюхельбекер играли видную роль в декабристском движении. Иная идейная концепция вызвала к жизни приглаженный, салонный романтизм. Его эпигоны искали выход в

идеализации прошлого, в мистических размышлениях. Представленные поэзией В. Г. Бенедиктова и драматургическими творениями Н. В. Кукольника, идеи пассивного ухода от действительности были необычайно популярными в николаевское время.

С романтической литературой связана постановка проблемы народности, что имело принципиальное значение для процесса формирования национального самосознания. От первоначальных представлений о народности как простонародности, самобытности, что было характерно для творчества С. Н. Глинки, М. Н. Загоскина, литература пришла к утверждению народности как системы духовных ценностей, созданных ходом русской истории и постоянно находящихся в развитии. С обращением к народности было связано собирание фольклора П. В. Киреевским и В. И. Далем.

Великая русская литература. Невозможно переоценить значение творчества А. С. Пушкина, который утвердил первенствующую роль литературы в национальной культуре. Поэт мятежного романтизма, проводник революционных идей декабризма, Пушкин в своем творчестве последовательно прошел все этапы развития русской словесности: его ранние произведения созданы в классицистическом духе, от романтических творений, в которых, как писал А. А. Бестужев о поэме «Цыганы», «сверкают молнийные очерки вольной жизни и глубоких страстей», он перешел к реалистическому направлению и стал у истоков русского реализма. Его «Евгений Онегин» был, по словам Белинского, «в высшей степени народным произведением». Реализм Пушкина с особой силой проявился при его обращении к историческим сюжетам, в которых он ставил вопрос о роли народных масс в политической истории страны. Поэзия и проза Пушкина завершили процесс преобразования и формирования русского литературного языка.

Развитие русской драматургии предопределили пушкинский «Борис Годунов» и гениальная комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», Грибоедов был первым автором, для которого условность сцены не стала препятствием при обращении к живому разговорному русскому языку. Не случайно «Горе от ума», по выражению Пушкина, разошлось на пословицы.

От предельного романтического индивидуализма «Демона» с его гимном гордому одиночеству непокоренной личности к психологическому реализму «Героя нашего времени», в котором нашла выражение трагедия мыслящего русского человека 1830-х гг., лишенного возможности плодотворно применить свои силы, знания, ум и энергию, прошел путь М.

Ю. Лермонтов. Жизнь поэта была трагически коротка, но он оставил величайшие образцы мировой лирической поэзии.

Реалистическая проза и драматургия были представлены в творчестве Н. В. Гоголя, который придал русскому реализму резко выраженную критическую направленность. В комедии «Ревизор» он зло высмеивал порочность, невежество и продажность бюрократии. Его «Мертвые души» были и лирической поэмой, и сатирой на николаевскую Россию, он достиг совершенства в типизации художественных образов. Поэма вызвала большую литературную и общественную полемику, карикатурное изображение русской действительности — отчаянную критику. «Многие помещики считают вас своим смертельным, личным врагом», — писал Гоголю С. Т. Аксаков. В. Г. Белинский, возражая литераторам, утверждавшим, что натуральная школа, у истоков который стоял Гоголь, является результатом влияния французской литературы и не имеет почвы в русских условиях, писал, что «в лице писателей натуральной школы русская литература пошла по пути истинному и настоящему, обратилась к самобытным источникам вдохновения и идеалов, и стоит теперь на первом плане».

В 1840-е гг. русская литература ответила на запросы времени, обратившись к реалистическому изображению жизни крепостной деревни, провозглашая гуманистические и антикрепостнические идеи. Окончательно утвердилась натуральная школа, лучшими представителями которой были Д. В. Григорович, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров. Гоголевская тема «маленького человека» получила развитие в ранних произведениях Ф. М. Достоевского.

Русская поэзия и проза первой половины XIX в. была беспредельно многообразной — от философско-романтической лирики Ф. И. Тютчева до грустных песен А. В. Кольцова. Главной тенденцией дореформенной литературы было утверждение реализма.

Русская сцена. В начале XIX в. еще сохраняли свое значение домашние театры богатых вельмож. Только в Москве их было около 20. Наиболее известны были театры гр. Н. П. Шереметева в Кускове и Останкине, гр. С. П. Апраксина на Знаменке, кн. Н. П. Юсупова в Харитоньевском переулке. Однако постепенно закрытые крепостные театры пришли в упадок и под влиянием растущего общественного интереса уступили место открытому общедоступному театру. В провинции получила развитие частная антреприза. К 1820-м гг. не только в столицах, но и во многих губернских городах существовали постоянные театральные коллективы. Наиболее известны были театры Г. В. Гладкова в Пензе, П. В.

Есипова в Казани. В роли антрепренеров выступали помещики, они комплектовали труппы из собственных и приглашенных крепостных актеров. Расширение числа участников театральною действа и зрителей играло важную роль зкультурной жизни городского населения.

Однако театральная культура первой половины XIX в. в первую очередь была связана с деятельностью императорских театров. Они определяли репертуарную политику, формировали вкусы публики. В Петербурге это были Александрийский и Мариинский театры, где долгое время господствовали каноны классицизма. На петербургской сцене блистали классические трагические актеры В. А. Каратыгин и Е. С. Семенова. В Москве спектакли шли в Большом театре и в открывшемся в 1825 г. Малом. По признанию современников, спектакли Малого театра значили для москвичей больше, чем университетские лекции, — они просвещали и воспитывали.

Начало XIX в. было отмечено ожесточенной борьбой новых направлений в искусстве против классицизма. Основанный в 1808 г. первый русский театральный журнал «Драматический вестник» резко выступал против входящей в моду сентиментальной драмы и ратовал за сохранение незамутненной чистоты канонов театрального классицизма. На страницах журнала развертывалась бурная полемика, в которой участвовал И. А. Крылов, чьи театральные рецензии были направлены против условностей традиционных классицистических форм. Его соратником был известный театральный деятель П. А. Плавильщиков, драматург, в пьесах которого впервые была сделана попытка вывести образы простых людей русской деревни. Он был и талантливым актером, стремившимся, по его словам, «поймать в трагедии природу», т. е. вникнуть в глубины человеческой души, воплощая на сцене образы героев не в канонической декламационной манере, а исходя из психологической трактовки роли. Подобный подход был поистине новаторским.

К реалистическому исполнению стремились многие актеры начала XIX в.: блестящий С. Н. Сандунов, исполнитель роли мольеровского Скапена; поборник «мещанской драмы» В. П. Померанцев; знаменитая трагическая актриса Е. С. Семенова и ее партнер А. С. Яковлев, создавший великолепного Карла Моора из «Разбойников» И. Ф. Шиллера.

Славой русской сцены стали П. С. Мочалов, занятый в романтическом репертуаре, и М. С. Щепкин, с именем которого связано становление реализма на русской сцене. Романтические, сильные образы Мочалова вызывали полемические дискуссии на страницах журналов 1830-х гг., в ходе которых его игра сравнивалась с игрой другого выдающегося актера

начала XIX в… трагика В. А. Каратыгина, которого Белинский упрекал в том, что у него все «подделано, придумано, изыскано и получено прилежным изучением». Петербургская актерская школа, представителем которой был Каратыгин, постоянно сравнивалась с московской, которую наряду с Мочаловым олицетворял Щепкин. Гениальный актер Малого театра, он, по выражению Герцена, «создал правду на русской сцене». Кредо Щепкина — идейность театрального искусства — побуждало его ставить перед зрителями актуальные жизненные проблемы. Созданные им образы Фамусова («Горе от ума») и Городничего («Ревизор») стали шедеврами театрального искусства.

Музыка. Тенденции перехода от сентиментализма к романтизму и реализму, характерные для всего искусства первой половины XIX в., проявлялись и в русской музыке. Недосягаемые образцы романтического балета были даны в постановках Ш. Дидло. В императорских театрах ставились балеты на музыку К. А. Кавоса, А. А. Алябьева, романтические оперы А. Н. Верстовского. Его опера «Аскольдова могила» выражала характерное для романтизма обращение к историческим сюжетам и эпосу, в котором зафиксированы народные представления о своем прошлом. Под влиянием сентиментализма в начале XIX в. создавалась уникальная школа русского романса, часто корнями уходившего в народное песенное творчество. Необычайная популярность романсов Алябьева («Соловей»), А. Е. Варламова («Красный сарафан»), А. Л. Гурилева («Матушка-голубушка») была вызвана глубокой связью с песенным народным творчеством. Традиции русского романса, заложенные Алябьевым, Варламовым и другими, были продолжены А. С. Даргомыжским. Опера Даргомыжского «Русалка» стала музыкальной интерпретацией темы «маленького человека». Он смело вводил в музыкальные произведения сюжеты из обыденной жизни, широко пользовался народными песенными мелодиями; его новаторский подход проявился в использовании мелодического речитатива, в котором он достиг высокого мастерства.

Создание национальной русской музыки связано с именем М. И. Глинки, опера которого «Иван Сусанин» (в последующей редакции «Жизнь за царя») заложила основы народной музыкальной драмы и стала событием культурной жизни страны. Он, по словам ценителя музыки В. Ф. Одоевского, возвысил «народный напев до трагедии». Творчество Глинки поражало современников разнообразием музыкальных форм, им была написана сказочно-эпическая опера «Руслан и Людмила», оркестровые сочинения, вокальные циклы. Он стал первым русским музыкальным классиком, его творчество получило европейское признание.

Архитектура. Величие и могущество Российской империи с огромным размахом отразила архитектура. На рубеже XVIII и XIX вв. наряду с усилением хозяйственной и политической роли возрастало культурное значение городов. Приток населения в города вызвал активное градостроительство. Многие здания надстраивались, украшались; создавались новые большие кварталы жилых домов. Монументальные здания часто сооружались казной, поскольку должны были грандиозным внешним видом олицетворять уважение к размещавшимся в них государственным учреждениям. Почти во всех губернских городах воздвигались массивные каменные «присутственные места», располагавшиеся обычно в центре рядом с внушительными губернаторскими домами. В первые годы XIX в. особенное внимание уделялось столице империи — Петербургу, который приобрел воспетый А. С. Пушкиным «строгий, стройный вид». Значительная часть набережных Невы, Мойки, каналов, особенно в центральных частях города, были отделаны гранитом.

Особенностью российской градостроительной концепции второй половины 1810—1820-х гг. была идея единого ансамблевого строительства. Особенно удачно она была осуществлена в Петербурге, что резко выделило его среди большинства городов Российской империи. В начале XIX в. создаются непревзойденные ансамбли Дворцовой площади с аркой Главного штаба, Стрелки Васильевского острова, где Тома де Томон воздвиг Биржу с мощной колоннадой. По проектам гениального К. И. Росси сооружается комплекс зданий Сената и Синода, возле которых по планам А. Монферрана возводится Исааки-евский собор; ансамбль зданий Александрийского театра с прилегающей к нему улицей, идущей невообразимо стройной и четкой дугой. Традиции позднего классицизма нашли совершенное выражение в архитектуре русского ампира, которая воплотилась в творчестве А. Д. Захарова, построившего здание Адмиралтейства, призванное связать в один градостроительный узел главные парадные магистрали столицы, и создателя Казанского собора А. Н. Воронихина. Развернулось строительство Казарм для императорской гвардии. Был построен классицистический Манеж для конногвардейцев. Особое внимание градостроители Петербурга уделяли незаселенным тогда островам невской дельты. Тысячи людей были брошены на осушение болот и расчистку лесных зарослей; острова застраивались загородными дворцами и дачами, которые быстро превратились в привлекательные места летнего отдыха знати и горожан. Каменноостровский дворец стал, например, излюбленной летней резиденцией Александра I.

Если внешний вид Петербурга во многом определяли творения Росси, то главным архитектором послепожарной Москвы был О. И. Бове, по проектам которого сооружен Манеж с необычно смелыми и совершенными инженерными конструкциями; создан ансамбль Театральной площади со зданиями Большого и Малого театров и замкнутым низкой оградой «плац-парадом»; около Кремля разбит Александровский сад. После 1812 г. Москва не просто восстанавливалась, но преображалась, камень постепенно вытеснял дерево, старый одно-двухэтажный город уходил в прошлое. Было создано украшение города — Бульварное кольцо; река Неглинка, чьи мутные воды не украшали центр, спрятана в подземную каменную трубу. Были восстановлены разрушенные стены и башни Кремля, восстановлен и заново оформлен Д. И. Жилярди Московский университет. Берега Москвы-реки облицевали камнем и оградили решетками; были построены новые мосты, соединившие Замоскворечье с центральной частью города. При этом темпы строительства поражали: город обновился менее чем за десять лет.

Стремление к созданию городских ансамблей было заметно не только в столицах. Так, в Одессе, одном из самых молодых в то время имперских городов, в 1828 г. по проект}' А. И. Мельникова в Приморский бульвар, идущий параллельно береговой линии, был вписан строго очерченный комплекс полукруглых зданий, образовавших открытую с моря площадь с памятником герцогу Ришелье в центре. В следующем десятилетии площадь была соединена с берегом моря широкой каменной лестницей и приобрела еще более величественный и парадный облик. Следы пышного ансамблевого строительства можно фрагментарно проследить также в оформлении центральных кварталов Казани, Ярославля, Твери, Симбирска и других городов.

Замена деревянных частновладельческих строений каменными происходила повсеместно, в первую очередь у состоятельных домовладельцев-дворян. Купцы и богатые мещане старались им подражать. Сдвиги в социальном составе городского населения ярко описал А. С. Пушкин: «Ныне в присмиревшей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травою, и садом, запущенным я одичалым. Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность в ней оживилась и развилось с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством».

Облик городов менялся с ростом их хозяйственного или политического значения. Так, с переносом в 1817 г. Макарьевской ярмарки в Нижний

Новгород там был воздвигнут огромный Гостиный двор из 60 корпусов; монументальныецерковные и гражданские сооружения возводились в городах Поволжья: Троицкий собор в Симбирске и Казанский университет ни в чем не уступали столичным зданиям; бурно развивались города Предкавказья — Ставрополь, Пятигорск, Екатеринодар.

Развитие архитектуры николаевского времени в значительной мере определили личные вкусы императора, его пристрастие к мелочной регламентации. Был разработан Альбом фасадов, по образцам которого должны были строиться каменные здания в губернских и уездных городах. Смешение стилей привело к появлению особого русско-византийского стиля, который был воплощен архитектором К. А. Тоном при строительстве Большого Кремлевского дворца и храма Христа Спасителя.

Изобразительное искусство. Тесным образом с идеями имперского величия была связана монументальная скульптура, которая была ориентирована на традиции классицизма. В 1818 г. по проекту И. П. Мартоса на Красной площади в Москве был воздвигнут памятник Минину и Пожарскому. Героизации Отечественной войны 1812 г. служили созданные Б. И. Орловским памятники Кутузову и Барклаю де Толли, поставленные перед Казанским собором. Всемирную славу получили работы П. К. Клодта, чьи совершенные композиции украсили Аничков мост в Петербурге.

В области изобразительного искусства в начале века ведущие позиции сохраняла Императорская академия художеств, где было правильно поставлено обучение художников и создана система их профессионального совершенствования. В Академии поддерживались идеи классицизма, прогрессивные для предыдущего века с его требованиями идеальной правильности рисунка и строгой гармонии композиции. На стыке 1810—1820-х гг. академическая эстетика, достигнув вершины в библейско-мифологической тематике, абсолютизировав каноны античного искусства, вынужденно уступала веяниям нового века. Выдающуюся роль в развитии русской живописи сыграл К. П. Брюллов. Чистый представитель традиций академической живописи, автор изысканных парадных портретов, в главном своем произведении «Последний день Помпеи», над которым он работал в начале 1830-х гг., нашел не только новые выразительные средства, но и впервые в русской живописи показал трагическую судьбу не отдельной личности, но народа. Традиционная пластическая форма сочеталасьв его громадном полотне с напряженным исканием романтической живописности. Н. В. Гоголь дал творчеству художника исторически верное определение: «Он принадлежит совершенно вкусу

нашего времени, который вообще выбирает сильные кризисы, чувствуемые целой массой». Романтическая трактовка образов, созвучная социальному напряжению дореформенного общества, присутствовала во многих портретах Брюллова, например бпортрет! Ю. П. Самойловой, с яркостью костюмов и мятежностью огненно-красного занавеса.

Романтическое направление в живописи было представлено в портретах О. А. Кипренского, оставившего один из лучших прижизненных портретов А. С. Пушкина, в жанровых сценах А, О. Орловского.

Поиски народности привели А. Г. Венецианова к созданию картин, в которых идеализированная в духе сентиментализма патриархальность крестьянской жизни сочеталась с реализмом в передаче красоты русской природы. Он стал основоположником венециановской школы, его ученики, молодые художники, развивали традиции созданного им бытового жанра, отказавшись от нарочитой стилизации и академических условностей.

Религиозно-нравственные искания А. А. Иванова претворились в его огромном произведении «Явление Христа народу», где типичные для академической живописи евангельские мотивы обрели мощь и выразительность. Над картиной художник работал более 20 лет, ища художественные средства передачи пути личности к духовному прозрению. «Мы живем в эпоху приготовления для человечества лучшей жизни», — считал художник. Полотно попало в Россию накануне крестьянской реформы 1861 г. и было воспринято обществом как призыв к свободе. «Гениальной и самой народной русской картиной» назвал его И. Е. Репин, а И. Н. Крамской писал, что «“Явление Христа народу” укажет многим из молодого поколения их назначение».

Вне стен Академии художеств проходила деятельность В. А. Тропинина, чьи камерные портреты были народными вполном смысле этого слова и стали вехой на пути развития русской живописи от сентиментализма к реализму. Его отличительной чертой была склонность к бытовым мотивам в сочетании с некоторой идеализацией в изображении простых людей, пронизанная искренностью и теплотой. Его портрет Пушкина, более интимный, чем у Кипренского, стал подлинным шедевром.

Своего рода вехой на пути развития русской живописи XIX в. стало творчество П. А. Федотова. Его работы находились в прямой связи с сатирическими произведениями Н. В. Гоголя и писателей натуральной школы. Жанровая живопись была для художника не просто средством передать трагикомедию городской повседневности, но давала возможность постановки больших социальных проблем. Федотов, начав с острых сатирических зарисовок военного быта в пору своей службы в одном из

гвардейских полков, позже нашел свою тему в суровом обличении убогой морали и духовной пустоты. Первая выставленная им в 1848 г. на академической выставке картина «Свежий кавалер», изображавшая чиновника, чванившегося только что полученным орденом, который выглядел злой пародией на грязном халате, накинутом подобно античной тоге, произвела сильное впечатление на прославленного к тому времени Брюллова: «Поздравляю вас, вы победили меня». Демократизм и реализм творчестваФедотова оказали впоследствии огромное влияние на живопись передвижников.

§ 2. Культура пореформенной России

Школьное дело и народная грамотность. В пореформен ное время значительно выросла потребность в грамотных иобразованных людях. Начала создаваться достаточно стройная система народного образования, которое должно было охватить значительные слои населения. Народная неграмотность служила препятствием для экономического и политического развития страны, она ставила под вопрос возможность ее модернизации. Пореформенная эпоха заложила реальное основание начальной сельской школе. В сельских школах, земских и церковно-приходских, к концу1890-х гг. обучалось около3,5 млн учащихся, из них около четверти составляли девочки. За сорок лет после отмены крепостного права уровень грамотности населения заметно повысился. Если к 1860 г. доля грамотных во всей массе жителей составляла не более 7 %, то к 1897 г. она поднялась выше 21 %. 11ри этом процент грамотных, находящихся в активном трудовом возрасте, в возрастной категории от 10 до 39 лет, был выше и достигал примерно 25–33 %. Грамотность городского населения к концу XIX в. превышала грамотность сельского примерно в два с половиной раза. В деревне грамотных мужчин было в два с половиной раза больше, чем женщин. В городах среди молодых мужчин грамотных было больше половины, среди женщин — более трети. Вместе с тем только треть крестьянских детей училась в школе, среднее образование имело 4 % населения, а доля лиц с высшим образованием не превышало одного процента. Большую роль в повышении уровня грамотности сыграла военная реформа, в основе которой лежало убеждение, что солдат должен уметь читать, писать и считать.

Среди населения росло убеждение в необходимости быть грамотным, и значительная часть деревенских жителей приобретала грамотность и

начатки знаний путем самообразования. В эпоху 1860-х гг. возникла сеть воскресных школ для взрослых, что отвечало народной тяге к знаниям. В деревню все активнее стала проникать книга. В общем потоке книг, шедших к сельскому населению, наряду с лубочными и религиозными изданиями заметное место стала занимать художественная и образовательная литература. Массовые передвижения населения после реформы 1861 г., отходничество, перемещение сельских жителей в город и обратно в деревню размывали разобщенность между отдельными местностями, постепенно меняли культурные привычки и потребности основной массы населения — крестьянства.

Общая динамика преодоления неграмотности, внимание, которое уделялось народной школе, средства, которые выделялись на развитие школьного дела правительством, земскими учреждениями, церковью и частными лицами, давали основание говорить о том, что в области народного образования происходили кардинальные перемены. К концу века успехи в деле народного обучения были очевидны.

Правительство и общество были одинаково заинтересованы в преодолении неграмотности. Была проведена реформа школьного дела, усовершенствована система подготовки учителей для народных школ. Теоретическое и практическое значение имели труды знаменитого педагога К. Д. Ушинского. В 1860— 1880-е гг. в два с половиной — три раза возросло число учащихся гимназий. К середине 1890-х гг. в мужских средних школах всех ведомств было более 150 тыс. учащихся.

Высшее и среднее образование. Развитие промышленности диктовало необходимость серьезных изменений в народном образовании, создании реальных училищ, торгово-коммерческих и профессиональных школ. Развивается сеть высших специальных учебных заведений, где готовились горные и путейские инженеры, инженеры-механики, агрономы и землеустроители. Под давлением общественности правительство пошло на создание средних, а затем и частных высших учебных заведений для женщин. В период крестьянской реформы стали появляться открытые женские училища, преобразованные затем в гимназии. К середине 1890-х гг. в стране насчитывалось около 200 женских гимназий, 30 женских институтов и около 60 епархиальных училищ. В общей сложности в них обучалось более 75 тыс. учащихся. Первые зародыши высшего женского образования появились на рубеже 1860—1870-х гг. Особо выдающуюся роль в становлении высшей школы для женщин сыграли петербургские Бестужевские женские курсы. И. М. Сеченов по праву называл их «настоящим женским университетом». Высшие женские курсы

открывались также в Москве, Киеве, Казани.

Число студентов университетов з среднем за период между 1862 и 1895 г. возросло примерно втрое, и к 1900 г. их насчитывалось около 17 тыс. При этом менялся социальный состав студенчества. Так, по данным журнала «Образование» за 1897 г., в Петербургском университете доля детей дворян и чиновников составляла около 70 %, в Харьковском — около 40 %. Университеты стали существенным фактором культурной и научной жизни. Крупную роль в общественном и научном прогрессе играли не только столичные университеты, но и у ниверситеты Киевский, Харьковский, Новороссийский (в Одессе), Казанский, Юрьевский (Дерптский); в конце 1880-х гг. был основан университет в Томске.

Интеллигенция как фактор российской культуры. В пореформенное время в России возник и сложился особый слой образованных людей, который получил название «интеллигенция». Первоначально так называли представителей радикального разночинства, стремясь противопоставить их традиционным носителям культуры — крестьянству и дворянству. Одним из первых это возникшее на русской почве слово стал употреблять славянофильский публицист И. С. Аксаков, когда он писал о людях, оторванных от народа и проникнутых преклонением перед западными культурными и общественными ценностями. Со временем под интеллигенцией стали понимать лиц умственного труда, потребность в котором возрастала по мере модернизации России. Интеллигенция была всесословна, что во многом определяло демократизм ее убеждений. К ней относились земская, техническая, творческая, научная интеллигенция, педагоги, врачи, адвокаты и журналисты. Пореформенная интеллигенция, руководствуясь народническими представлениями о необходимости «возвращения долгу» народу, много сделала для народного образования и просвещения, для нее работа в деревне нередко была внутренней необходимостью.

Представители демократической интеллигенции претендовали на роль выразителей интересов народа, на представление его нужд и чаяний в литературе и культуре. Интеллигенция активно участвовала в освободительном движении, где ее демократизм часто принимал крайние формы революционной жертвенности. Для интеллигентского сознания было характерно непременное наличие «властителей дум», чьи идеи были путеводной звездой в служении народу и в повседневной жизни. В разные годы в роли «властителей дум» выступали Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, П. Л. Лавров, Л. Н. Толстой, Н. К. Михайловский. Демократизация культуры в пореформенное время, утрата ею

специфически дворянских черт во многом была связана с ростом роли и влияния интеллигенции. Отныне именно интеллигенция была как главным создателем, так и потребителем культурных ценностей: художественной и научной литературы, журналов и газет, посетителями выставок, музеев, театров, концертов.

Особое место занимала народная интеллигенция, куда входили грамотные, тянувшиеся к знаниям и культуре представители крестьянства и фабрично-заводских рабочих. Часто именно они были посредниками между «господской» культурой образованных сословий и традиционной культурой народных масс.

Книжное дело. В конце XIX в. Россия стала третьей страной в мире по количеству названий выпускаемой литературы. Важнейшими предпосылками для развития книгоиздательства были рост бумажной промышленности и распространение типографий по всей стране. Книги стали печататься не только в столицах, но и Киеве, Казани, Тифлисе, Риге, Одессе. В стране было свыше 1000 типографий, где выходило до 10 ООО названий книг в год, что в 5,5–6 раз превышало среднегодовой выпуск книг в период 1861–1865 гг. В 1895 г. появилось около 11,5 тыс. книг, из них три четверти на русском языке; кконцу века заметно увеличился выпуск книг на латышском, эстонском, грузинском, еврейском, армянском языке. Не редкостью были тиражи в 3–5 тыс. экземпляров. Книги издавались правительственными учреждениями (главным образом это были официальные издания), научными учреждениями и высшими учебными заведениями, общественными организациями и органами местного самоуправления. Главное место в издательском деле принадлежало частным фирмам. Крупными книгоиздателями были И. Д. Сытин и А. С. Суворин. Книгоиздательская фирма А. Ф. Маркса стремилась монополизировать издание и торговлю произведениями русской литературы. Большим спросом пользовалась учебная и естественно-научная литература. Долгие годы ее крупнейшим издателем был Ф. Ф. Павленков. Он ввел в круг читательских интересов целые серии: «Жизнь замечательных людей»; «Популярно-научную библиотеку»; «Пушкинскую библиотеку», дешевую серию произведений классической литературы. Видную роль в книгоиздательском деле России играли также М. О. Вольф, М. М. Стасюлевич, товарищество «Издатель» О. Поповой.

Книги поставлялись читателям разными путями. В городах росла сеть книжных лавок и магазинов. Со второй половины 1860-х гг. до конца 1890-х гг. их число увеличилось почти в шесть раз и составило около 3 тыс. В Петербурге открылся книжный склад «Посредник», чьей задачей было

провозглашено распространение в народе книг «возможно лучшего содержания по удешевленной цене». В 1890-е гг. улучшенные и дешевые народные издания заметно обгоняют выпуск лубочных изданий.

В сельской местности книгами торговали земские книжные склады. Долгие десятилетия сохраняли значение странствующие продавцы-разносчики, торговавшие в розницу, так называемые офени. Снабжали деревню книгами и общественные организации, такие, как состоявший при «Вольном экономическом обществе» Петербургский комитет грамотности.

Развивалось библиотечное дело. К концу XIX в. в России была создана широкая библиотечная сеть. Она включала народные библиотеки-читальни, земские библиотеки, библиотеки при книжных складах и магазинах. В начале 1890-х гг. число городских библиотек и читален, учрежденных общественными организациями и органами самоуправления, достигало 700–800. В деревнях земства и крестьянские общества открывали небольшие библиотечки, которых к концу XIX в. насчитывалось несколько тысяч. Пользование библиотеками было по большей части бесплатным. Выдающееся место в культурной и научной жизни России занимали крупнейшие книгохранилища — Публичная библиотека и Библиотека Академии наук в Петербурге и Библиотека Румянцевского музея в Москве.

Появление новых полиграфических машин удешевило издание газет и журналов, способствовало повышению их тиражей. К началу 1870-х гг. выходило около 350 периодических изданий, к 1900 г. их число превысило тысячу. В пореформенное время все более растет издание, распространение и влияние газет. Роль общероссийских газет играли «Московские ведомости» М. Н. Каткова и особенно «Новое время» А. С. Суворина, который обладал монополией на торговлю газетами на станциях железной дороги. В среде либеральной интеллигенции были популярны московские «Русские ведомости». Широкое распространение получила провинциальная печать. Профессия журналиста стала рядовым занятием «интеллигентного труженика».

Периодическая печать. К середине XIX в. окончательно определился специфически русский тип журналов, рассчитанных на вкусы образованного читателя, так называемые толстые журналы, обычно ежемесячные, общественно-политическое направление которых не менялось десятилетиями. Там помещались литературно-художественные, публицистические, научные, критико-библиографические материалы. В 1866 г. возобновился либерально-профессорский «Вестник Европы», выходивший под редакцией М. М. Стасюлевича. Издаваемый Катковым «Русский вестник» печатал на своих страницах ведущих русских

писателей, его редактор твердо отстаивал ценности единой и великой самодержавной России. Традиции демократической журналистики поддерживали «Отечественные записки», которые редактировал М. Е. Салтыков-Щедрин, и «Русское богатство», которое издавала артель писателей народнического направления. Периодические издания выходили не только на русском, но и на языках ряда других народов.

Наука. Развитие науки в пореформенной России в значительной степени определялось потребностями промышленности. Наряду с Академией наук и университетами серьезный вклад в ее развитие вносили научные общества, которые существовали на частные и общественные средства. Одним из главных направлений их работы была популяризация естественно-научных знаний, что определялось огромной в те годы верой в могущество науки, в безграничные возможности человека. Активизировался обмен опытом между российской наукой, которая, по словам К. А. Тимирязева, вступила в полосу «блестящего расцвета естествознания», и западноевропейской наукой.

Высшим научным учреждением оставалась Академия наук. В ее состав входили выдающиеся исследователи разных областей знаний, такие, как математики В. Я. Буняковский, П. Л. Че-бышев, А. А. Марков, химик Н. Н. Бекетов, астроном Ф. А Бредихин, биолог А. О. Ковалевский, геолог А. П. Карпинский. Важными центрами научной мысли были университеты. «Современник» в середине 1860-х гг. утверждал, что «во многих отраслях науки представители нашей университетской учености не только не уступают, но даже превосходят своими достоинствами представителей учености академической». Крупную роль в развитии фундаментальной науки играли специальные высшие школы — Медико-хирургическая (Военно-медицинская) академия, Технологический и Горный институты в Петербурге, Петровская сельскохозяйственная академия под Москвой и Московское высшее техническое училище, Харьковский технологический институт, Рижский политехникум и др.

Большую роль в развитии естественно-научной и технической мысли и в пропаганде технических знаний играли научные общества. В дореформенное время их число было невелико: Вольное экономическое общество, Минералогическое и Русское географическое общества, Московское общество испытателей природы, Общество любителей российской словесности при Московском университете. В пореформенную эпоху работа ранее созданных обществ оживилась, одновременно создавались новые. Одно из ведущих мест занимало основанное в 1866 г. Русское техническое общество, имевшее многочисленные отделения. Оно

организовывало технические выставки, его члены читали лекции в столицах и в провинциях. В Обществе в разные годы работали Д. И. Менделеев, В. В. Морковников, А. С. Попов, П. Н. Яблочков, Н. Е. Жуковский.

Серьезный вклад в науку внесли Русское химическое общество, Русское астрономическое общество; целый ряд естественно-научных обществ появился на Урале и в Поволжье; в Сибири, Средней Азии и на Кавказе были открыты отделения Географического общества.

Одним из старейших математических обществ Европы было московское Математическое общество, основанное в 1864 г. Мировое признание получили труды математика П. Л. Чебы-шева, который сделал важнейшие открытия в математическом анализе, теории чисел, теории вероятности. Он одним из первых оформил характерную особенность русской науки — стремление к тесному взаимодействию теории и практики. Чебышев положил начало выдающейся петербургской математической школе, из которой вышли такие прославленные математики, как А. А. Марков, А. М. Ляпунов; с его школой была связана Софья Ковалевская.

В области физических исследований всемирную известность получили труды А. Г. Столетова, автора исследований фотоэлектрических явлений, заложивших основу современной электроники, и Н. А. Умова, который занимался проблемой движения энергии. Ф. А. Бредихин известен как автор учения о ко-метных формах.

Крупные достижения были достигнуты в области геологии. Следствием необходимости освоения огромных пространств России было последовательное и планомерное изучение русскими учеными различных регионов страны. Так, А. А. Иностранцев составил подробные описания Донецкого бассейна, Урала, Кавказа; И. В. Мушкетов — Средней Азии; И. Д. Черский — Сибири. Геологическим прошлым Европейской России и Урала занимался А. П. Карпинский. Крупнейшим минералогом был В. И. Вернадский, положивший начало новой науке — геохимии. Классический труд его учителя В. В. Докучаева — «Русский чернозем», вышедший в 1883 г., лег в основу новой дисциплины — научного почвоведения. Докучаев разработал учение о географических зонах, дал научную классификацию почв. Неоценимое практическое значение имели предложенные им меры борьбы с засухой. Разработка методики постоянных сейсмологических наблюдений, создание сейсмологии как науки связаны с именем Б. Б. Голицына.

В пореформенное время была продолжена традиция крупных

географических экспедиций. Несколько из них — на Урал, Тянь-Шань и Памир — возглавлял Г. Н. Потанин. Исследование Центральной Азии принесло известность Н. М. Пржевальскому, который был первым европейцем, побывавшим во многих районах Тибетского нагорья. Составленные им описания его экспедиций 1867–1885 гг. демонстрируют, кроме богатейших научных результатов, незаурядные литературные достоинства. П. А. Кропоткин занимался географическим и геологическим изучением Сибири. Антропологические и этнографические исследования в Юго-Восточной Азии вел Н. Н. Миклухо-Маклай; собранный им материал об Океании и ее населении он трактовал в духе единства видов и родства рас. К числу наиболее крупных деятелей географических наук относится А. И. Воейков, автор капитального исследования «Климаты земного шара, в особенности России», заложившего основы мировой климатологии.

1860–1870-е гг. считаются золотым веком российской химии. Профессорами Казанского университета Н. Н. Зининым и А. М. Бутлеровым была создана научная школа в исследованиях по органической химии. Зинин был первым президентом Русского химического общества, открытого в 1868 г., которое позднее преобразовалось в Русское физико-химическое общество. В 1869 г. великим Д. И. Менделеевым был сформулирован один из фундаментальных законов естествознания, на основе которого создана знаменитая периодическая таблица. Круг исследований Менделеева был энциклопедически разнообразен: он занимался учением о растворах, проблемами воздухоплавания, метрологии и др. Как писал СИ. Вавилов, химия в трудах Менделеева «получила новую основу, реформировавшую все химическое мышление».

Уровень биологической науки определялся трудами И. М. Сеченова и И. П. Павлова, которые получили мировое признание. «Отец русской физиологии» Сеченов напечатал в 1863 г. капитальный труд «Рефлексы головного мозга». Первоначальное название исследования — «Попытка ввести физиологические основы в психические процессы» — было изменено по цензурным соображениям и объясняет его огромный не только научный, но и общественный резонанс. Павлов, крупнейший физиолог, чья деятельность началась в 1870—1880-х гг., был учеником и единомышленником Сеченова. Ему первому из русских ученых была присуждена в 1904 г. Нобелевская премия. В области зоологии прославились А. О. Ковалевский и И. И. Мечников, создавшие сравнительную эволюционную эмбриологию. Позже Мечников стал заниматься сравнительной патологией и микробиологией, достигнув в них выдающихся результатов. Он стал основоположником иммунологии,

открыв явление фагоцитоза и обосновав учение о защитных свойствах организма. Эти труды принесли ему Нобелевскую премию. Выдающуюся роль в изучении физиологии растений имели работы К. А. Тимирязева, исследователя процесса фотосинтеза, заложившего основы научной агрономии.

В 1895 г. А. С. Попов на заседании Русского физико-химического общества сообщил об изобретении им радиотелеграфа. Выдающимися электротехниками были П. Н. Яблочков, создавший дуговую лампу и первым осуществивший трансформацию переменного тока, и А. Н. Ладыгин, который изобрел лампу накаливания.

Большое научное значение играли съезды специалистов в различных областях знаний. В 1861 г. по инициативе К. Ф. Кесслера и Н. И. Пирогова состоялся съезд естествоиспытателей, а зимой 1867/68 г. — всероссийский съезд естествоиспытателей и врачей. До конца 1890-х гг. подобных съездов прошло более десяти. Если в первых съездах принимали участие сотни приглашенных, то позднейшие собирали до нескольких тысяч ученых. С 1885 г. проходили медицинские «Пироговские съезды», имевшие большой общественный резонанс. Регулярно созывались археологические съезды, которых с 1869 по 1899 г. состоялось 11. Значительное распространение получили местные и всероссийские сельскохозяйственные съезды, на которые собирались практики земледелия и скотоводства, агрономы, землемеры, мелиораторы, биологи. Съезды периодически издавали «Записки», «Труды», «Протоколы», сообщавшие научной общественности о достижениях науки.

Рост мирового рынка, усложнение народно-хозяйственных связей сопровождался развитием не только экономических, но и научных контактов. Русские ученые совершали длительные поездки в зарубежные научные центры, участвовали в лабораторных и экспериментальных исследованиях, выступали с научными речами и курсами лекций, печатали свои труды в зарубежной научной литературе, где пользовались значительной популярностью. К. Н. Тимирязев говорил в 1894 г.: «Возьмите теперь любую книгу иностранного научного журнала, и вы почти наверное встретите русское имя». Россия не раз становилась местом международных научных съездов, ее представители участвовали в международных конгрессах за границей.

В области гуманитарных наук важное научное и общественно-культурное значение имела публикация составленного В. И. Далем «Толкового словаря живого великорусского языка», над которым он работал почти полвека. В России была сильная школа общего и сравнительного

языкознания, представленная именами А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, В. Ф. Миллера, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, оставивших ценные труды по грамматике и синтаксису русского языка, по истории русского народного эпоса, по изучению фольклора и языков народов Прибалтики, Кавказа, Украины.

Сравнительно-историческим литературоведением занимались многие известные русские ученые. Во второй половине XIX в. продолжали исследования древнерусской литературы Ф. И. Буслаев и И. И. Срезневский, а также Н. С. Тихонра-вов, занимавшийся также изданием сочинений Гоголя. Изучению творчества Пушкина и изданию его произведений посвятил себя П. В. Анненков. Большую известность получили работы С. А. Венгерова, библиографа, который также занимался пушкиноведением. Труды в области сравнительно-исторического литературоведения были созданы А. Н. Веселовским. Литературовед и фольклорист А. Н. Афанасьев, публиковавший в 1850—1860-х гг. знаменитый сборник «Народные русские сказки», а также сборник «Народные русские легенды», в конце 1860-х гг. выпустил трехтомный труд «Поэтические воззрения славян на природу».

Вторая половина XIX в. была необычайно богата историческими исследованиями. Наиболее крупным явлением в пореформенной историографии были труды по русской истории С. М. Соловьева, чья 29-томная «История России с древнейших времен» была наивысшим достижением дореволюционной исторической науки и навсегда вошла в российскую науку и культуру. Ученик и преемник Соловьева на кафедре русской истории Московского университета, В. О. Ключевский занимался проблемами социальной и экономической истории, историей крепостного права и крестьянства, процессом хозяйственного освоения земель. Разнообразные проблемы русской истории разрабатывали Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин, С. Ф. Платонов, В. И. Семевский. Русская наука выдвинула крупных исследователей Древнего мира — египтолога В. С. Го-ленищева, ассириолога М. В. Никольского, историков античности Ф. Ф. Соколова, В. В. Латышева. Большие достижения мирового уровня были достигнуты в разнообразных вопросах всеобщей истории. Первостепенную роль играл профессор Московского университета В. И. Герье, его учеником был Н. И. Кареев, занимавшийся аграрными отношениями средневековой Франции. Его труды, как и исследования В. И. Лу-чицкого, получили высочайшую оценку во французской историографии. Целую школу в Англии создал другой ученик Ге-рье, П. Г. Виноградов. Мировое признание получили византинисты В. Г.

Васильевский, Ф. И. Успенский; И. П. Минаев стал основателем выдающейся русской индологической школы. В. П. Васильев и Н. Я. Бичурин заложили основы китаеведения.

Особое внимание научной и широкой общественности привлекали работы экономистов и статистиков. Громадный материал был собран Скалдиным (Ф. П. Еленев) в очерках «В захолустье и в столицах», в книге В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», Ю. Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах».

С расширением научной деятельности увеличивалось число периодических научных изданий. Если в 1855 г. в стране выходило 61 научное или специализированное издание, из них 44 в Петербурге, 10 в Москве и 7 в провинции, то к 1900 г.* общее их число выросло до 525: 263 в Петербурге, 83 в Москве, 179 в провинции.

Урбанизация. Промышленное развитие ускорило процессурбанизации. Город стал постоянной средой обитания значительных масс населения, скученность городской жизни и ее ускоренный ритм вели к созданию особой городской культуры, которая до определенной степени противопоставляла себя дворянской усадебной культуре и традиционной народной культуре. Городская жизнь стала заметно отличаться от жизни деревенской. В крупных городах стал развиваться общественный транспорт, первоначально это были конки, линии конно-железной дороги, в конце XIX в. их стал вытеснять трамвай. В таких городах, как Петербург, Москва, Варшава, Рига, Одесса, Баку, строились доходные дома в 5–6 этажей, появились водопровод, канализация, электрическое освещение.

В 1880-е гг. начали создаваться городские телефонные станции. С 1855 г. стали осуществлять прием и передачу частных телеграмм. Телеграфная сеть быстро распространилась по стране, охватывая прежде всего крупные города и промышленные центры. Телеграфное сообщение ускоряло передачу информации, служило преодолению огромныхрасстояний. Благодаря ему происходила утрата населением эпистолярной культуры, со временем появился особый телеграфный стиль устного и письменного общения. Города были средоточием учреждений науки и культуры, в них проживало большинство грамотного населения страны. Горожанам была прежде всего адресована книгоиздательская продукция, на их внимание была рассчитана периодическая печать.

Делу народного просвещения служили музеи и разнообразные выставки. В 1860-е гг. появились первые общедоступные естественно-

научные музеи и выставки. В 1872 г. в Москве были открыты Исторический и Политехнический музеи, первоначальные собрания которых составили материалы проводившейся в тот год Всероссийской политехнической выставки, развернувшие большую научно-просветительскую работу. Промышленные и сельскохозяйственные выставки — всероссийские, в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, и местные — организовывались регулярно и привлекали громадное число посетителей. Основные музеи были сосредоточены в Петербурге (в частности музеи Академии наук) и в Москве. Вместе с тем почти во всех губернских и во многих уездных городах появились местные музеи, экспонаты которых давали представление о природных богатствах края и его истории. Были созданы крупные военно-исторические музеи: Артиллерийский, Кавказский, Инженерный, Музей оружия в Туле. В 1898 г. в Петербурге в Михайловском дворце был открыт Русский музей императора Александра III, где была собрана богатейшая коллекция русского искусства.

Возрастает роль крупных и средних предпринимателей и купцов в развитии культуры. К началу 1880-х гг. «Вестник Европы» отмечал появление нового типа буржуа, который начинает поддерживать своими капиталами «умственные и художественные» интересы, учреждает стипендии, покровительствует ученым обществам и культурным объектам. В 1880-е гг. была открыта для посещения Художественная галерея П. М. и ОМ. Третьяковых, которая затем была передана в дар Москве. На средства и по инициативе купца А. А. Бахрушина был создан Литературно-театральный музей. Много сделали для развития искусства и культуры С. И. Мамонтов, М. П. Беляев, К. Т. Солдатенков, Н. А. Варгунин.

Театр. Развитие русской сцены определялосьтворчеством А. Н. Островского, который начинал еще в николаевское время. Островский создал национальный репертуар, он выступал как новатор-драматург, воспитатель актеров, как организатор театрального дела. Его драмы и комедии играли актеры императорских театров, они шли повсюду в провинции. Оригинальные пьесы Островского, яркие по форме, глубокие по содержанию, впервые многогранно отражавшие русскую жизнь, увлекали и зрителей, и актеров. С 1853 г., когда на сцене впервые проявилась драматургия Островского, началась новая эра русского театра. Островский создал русскую актерскую школу, совершенным воплощением которой был Малый театр. Этот «Дом Щепкина и Островского» занимал ведущее положение в русском драматическом искусстве. Значительная часть крупнейших русских драматических актеров связали свою жизнь с

Малым театром. Его называли театром актера. Целую эпоху в истории русского театра составило творчество М. Н. Ермоловой, «героической симфонии русского театра», как назвал ее К. С. Станиславский. Она была величайшей трагической актрисой, актрисой героического пафоса и могучих порывов. Ее игра воспринималась разночинной интеллигенцией как отголосок гражданственных идей. Навсегда вошли в историю театра А. И. Южин-Сумбатов, создававший героико-романтические образы; П. М. Садовский, чье имя неотделимо от имени Островского и о котором «Современник» писал: «Счастлив писатель, нашедший такого истолкователя и исполнителя своих произведений, счастлив и актер, нашедший писателя, доставившего ему возможность обнаружить всю силу, великость и разнообразие своего таланта»; Г. Н. Федотова, выдающаяся актриса высокой комедии и одновременно трагедии и драмы; О. О. Садовская, А. П. Ленский, многие другие. Это был театр демократической интеллигенции, лучшие актеры России считали честью выступить на его подмостках.

В Петербурге крупнейшим драматическим театром был Александрийский. Его столичное местоположение несколько сковывало связи с общественностью, но и на его подмостках блистали замечательные актеры. Самые последние предреформенные годы были временем триумфа крупнейшего драматического актера А. Е. Мартынова, прославившегося исполнением ролей в пьесах Островского и Тургенева. Он оставил целую школу петербургских актеров — М. Г. Савину, величайшую комедийную актрису, прославившуюся одновременно и в ряде драматических ролей; П. А. Стрепетову, о которой Островский, считая ее феноменальной исполнительницей, писал: «Ее среда — женщина низшего и среднего классов общества, ее пафос — простые, сильные страсти». Особое место в театре занимали великие актеры К. А. Варламов, переигравший более тысячи комических и драматических ролей, артист интуиции, и В. Н. Давыдов, в котором видели достойного наследника Щепкина и Мартынова.

Малый и Александрийский театры сыграли крупную роль в утверждении национального репертуара, в развитии русской сценической культуры.

В пореформенное время окрепла и оживилась провинциальная сцена. Этому способствовало как развитие антрепренерской деятельности, так и возрастающие культурные запросы публики. Одновременно повышался общественный престиж актерской профессии. Быстро росло число тех, кто посвятил себя служению сцене. Важную роль в развитии театрального дела играли актерские биржи в Москве и некоторых других городах, куда

ежегодно стекались служители театра в поисках более выгодных контрактов. Уже в первые пореформенные годы в стране было более 100 городов, где гастролировали театральные труппы. Большинство торгово-промышленных губернских городов к концу XIX в. имело более или менее постоянные театры в зимний сезон. Хорошими устойчивыми театрами славились Харьков, Киев, Тифлис, Ростов-на-Дону, Воронеж, Казань, Самара. На провинциальной сцене не было равных Н. Х. Рыбакову, замечательному трагику, блестящему исполнителю пьес Шекспира и Островского. Выдающимися актерами были В. Н. Андреев-Бурлак, М. Т. Иванов-Козельский, Н. П. Рощин-Инса-ров, Е. Я. Неделин.

Значительную культурную роль играли театральные общества. В Москве с конца 1860-х гг. серьезное значение приобрела деятельность театра при «Артистическом кружке» — объединении деятелей искусства, которое возникло по инициативе А. Н. Островского и Н. Г. Рубинштейна. Широко известны были «Народный театр», устроенный в 1872 г. при Всероссийской политехнической выставке в Москве; «Пушкинский» театр А. А. Бренко, актрисы Малого театра, основавшей театральное товарищество, его преемник, «Русский драматический театр» Ф. А. Корша. В 1888 г. состоялся первый спектакль любительской труппы «Общества искусства и литературы», организатором и режиссером которого был К. С. Станиславский. В первые годы 1890-х гг. началась преподавательская деятельность В. И. Немировича-Данченко, который вместе со Станиславским, руководствуясь идеей новаторства театра и актерского творчества, на исходе XIX в. создали Московский Художественный театр, открывший новый этап в развитии мирового театрального искусства.

Национальный музыкальный театр развивался несколько медленнее драматического. В Петербурге до конца 1880-х гг. первенствовала постоянная итальянская опера. Русская оперная музыка при поддержке нового пореформенного зрителя завоевывала себе место постепенно, но неуклонно. Два крупнейших театра — Большой в Москве и Мариинский в Петербурге — живо привлекали общественное мнение своими постановками опер Римского-Корсакова, Даргомыжского, Мусоргского, Рубинштейна. В Петербурге блистали О. А. Петров (бас), Д. М. Леонова (контральто), Ф. П. Комисаржевский (тенор), Ф. И. Стравинский (бас), многие другие. Гордостью Москвы второй половины XIX в. были А. Д. Александрова-Кочетова и ее ученица Е. П. Кадмина, в 1860—1870-е гг. несшие на себе почти весь репертуар Большого театра. Публика и критики любили и ценили П. А. Хохлова и Б. Б. Корсова (оба — баритон). Одновременно как антипод казенного оперного театра возникло новое

музыкальное объединение — «Московская русская частная опера» под покровительством мецената С. И. Морозова и при участии художников В. М. Васнецова, В. Д. Поленова, В. А. Серова, К. А. Коровина и др. Труппа формировалась из восприимчивой к новаторству молодежи, на сцене мамонтовской оперы были открыты таланты Ф. И. Шаляпина, Н. И. Забелы-Врубель, А. В. Секара-Рожанского.

Со второй половины XIX в. заметно активизировалась провинциальная оперная сцена. Прекрасные оперные спектакли пользовались громадной популярностью в Киеве («третьей музыкальной столице России»), Одессе, Харькове, Тифлисе, Риге, Саратове.

Музыкальное искусство. Вторая половина XIX в. стала вершиной творчества русских композиторов, развития музыкальной критики и теории музыки. Наступил перелом в организации музыкального образования в России, и поддержке национальной музыки служила деятельность Русского музыкального общества, основанного в Петербурге в 1859 г. по инициативе А. Г. Рубинштейна. В пореформенное время отделения Общества были открыты в Москве, Киеве и других городах. В 1862 г. была создана Петербургская консерватория, в 1866 г. — Московская. Музыкальная культура пореформенного времени определялась композиторами Могучей кучки, кружком, где ведущую роль играл М. А. Балакирев. С ним были тесно связаны М. П. Мусоргский, Ц. А. Кюи, Н. А. Римский-Корсаков, А. П. Бородин. Продолжая традиции Глинки, они утвердили национальную школу в музыке. Ими были созданы такие великие произведения, как «Борис Годунов» и «Хованщина» Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина, «Снегурочка» Римского-Корсакова. Новая русская музыкальная школа (Могучая кучка) исповедовала, по словам Стасова, «отсутствие предрассудков и слепой веры, стремление к национальности и крайнюю наклонность к программной музыке». Она призывала обращаться к народному мелосу, к сюжетам и мотивам из отечественной истории и современного народного быта. В определенной оппозиции к Могучей кучке стоял А. Г. Рубинштейн, который отвергал крайности новаторских дерзаний и указывал на необходимость преемственного развития музыки, считая русскую музыку составной частью общеевропейской.

Вершиной мировой музыкальной культуры стало творчество П. И. Чайковского. Он был гениальным художником-реалистом, порой не чуждым романтических мотивов. Ему принадлежали шедевры балетного, оперного, симфонического и камерного музыкального искусства. Классикой лирической оперы явились «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», балеты «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик»,

поставленные главным балетмейстером петербургского Императорского театра М. И. Петипа, стали образцами хореографического искусства.

Уровень музыкальной культуры в России в значительной степени определялся той легкостью, с какой давали согласие на гастроли крупнейшие европейские дирижеры и исполнители. Охотно и подолгу в России выступал И. Штраус.

Реалистическая литература. В пореформенное время литература по-прежнему продолжала играть первенствующую роль в национальной культуре. Господствующим идейным и художественным направлением в культуре пореформенной России был реализм. Реалистическое отображение действительности было тем требованием, которое интеллигенция предъявляла искусству. В разночинной среде господствовало убеждение, что искусство должно следовать за жизнью, непосредственно служить делу улучшения материальных условий жизни людей и совершенствованию социальных отношений. Упрощенное, утилитарное понимание роли искусства проповедовалось Д. И. Писаревым и охотно принималось нигилистами. Борясь с таким толкованием искусства, Достоевский имел основание сказать, что его апологеты ставят «сапоги выше Шекспира». Как противовес утилитарному направлению возникло «чистое искусство», поклонники которого провозглашали примат эстетики над социальностью.

Стремление к объективному отображению жизни в сочетании с высокими идеалами нравственности и общественного служения определяло художественное творчество великих реалистов и вело к созданию произведений мирового значения. Русский роман, русская опера и балет во второй половине XIX в. определяли уровень европейского искусства.

Творчество И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова вызывало всеобщий интерес, находилось в самом ядре общественных споров. Образы, созданные великими реалистами, вошли в читательское сознание. Русские писатели умели соединять жизненную достоверность изображения с глубокой силой художественного обобщения. Их творчество было тесным образом связано с постановкой и решением общественных задач. Они осуждали обломовщину и нигилизм, обличали зло и неправду русской жизни, отстаивали идеалы прогресса и христианскую нравственность. Тургенев находился в центре европейской художественной жизни, его творчество воспринимали как эталон Г. Флобер, Г. Джеймс, Г. Мопассан, для которых он являлся признанным авторитетом и учителем. Тургенев был блестящим мастером построения сюжета,

поэтичности речи, жизненности характеристик и лиричности героев. Он заявил о себе как великий мастер социально-психологического романа и близкой к роману большой повести, где неповторимо яркими штрихами отражена судьба дворянской и разночинной интеллигенции 1840—1870-х гг.

Выдающимся мастером реалистического романа был И. А. Гончаров. Первый роман его своеобразной трилогии, связанной, по мысли автора, с идеей перехода «от одной эпохи русской жизни к другой», — «Обыкновенная история», — появился еще в конце 1840-х гг. и нанес, как говорил Белинский, страшный удар по романтизму, мечтательности, сентиментализму, провинциализму. «Обломов», вышедший в 1859 г., и «Обрыв» (1869) звучали как беспощадный приговор феодально-крепостнической России, но одновременно противопоставляли порочную мораль новых людей старой дворянской морали.

Напряженный психологизм Достоевского, мастера социально-философского романа, предопределил развитие европейской прозы XX в. Исповедуемое Л. Н. Толстым учение о непротивлении злу насилием вышло далеко за пределы России и Европы, ему следовали в Индии, Китае и Японии. Под влияние Толстого подпало творчество многих западных литераторов, таких, как Р. Роллан, А. Франс, Т. Манн, Д. Голсуорси, Б. Прус.

Рядом с великими реалистами были такие художники слова, как Н. С. Лесков и А. Ф. Писемский, которые в эпоху 60-х гг. активно противостояли «новой морали» Н. Г. Чернышевского и его героев. Создателем новой формы литературного произведения стал А. И. Герцен, «Былое и думы» которого во многом предвосхитили поиски М. Пруста.

Последняя четверть XIX в. стала временем расцвета малой литературной формы. В это время выдвинулись Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, А. П. Чехов. В 1890-е гг. наряду с реалистическим направлением в литературе стало развиваться новое, непривычное массовому демократическому читателю, получившее название «символизм» и окончательно оформившееся в начале XX в.

Живопись и скульптура. После Федотова реализм стал определять развитие изобразительного искусства. В эпоху шестидесятых годов завершилось формирование национальной школы живописи. Общественный отклик получил «бунт 14-ти»: выпускников Императорской академии художеств, которые в 1863 г. отказались писать работу на заданную тему. Молодоепоколение художников начало борьбу с парадной живописью академизма, с превалированием библейских и мифологических

сюжетов, за свободу творчества. Возглавляемые И. Н. Крамским, они пошли на разрыв с академическим искусством. Уйдя из Академии, они объединились в «Артель петербургских художников», которая стала профессиональным обществом, выполнявшим разнообразные заказы, и одновременно подобием трудовых коммун, которые возникали в то время под влиянием идей Чернышевского. В 1870 г. «Артель» составила основу Товарищества передвижных художественных выставок, целью которого была демонстрация в городах России реалистических полотен. Масштабы деятельности Товарищества расширялись год от года, к 1886 г. 15-я выставка передвижников объездила 14 городов. Наиболее удачные передвижные выставки становились крупными общественными событиями. Среди первых передвижников выделялись В. Г. Перов, Н. Н. Ге, Г. Г. Мясоедов. Для передвижников было характерно внимание к социально-бытовому жанру, сочувственная трактовка крестьянской тематики. Многие художники работали в городском жанре, уделяли пристальное внимание судьбе «маленького человека», — В. Е. Маковский, Н. А. Ярошенко.

Частью национального сознания стала пейзажная живопись передвижников, представленная работами И. И. Шишкина, Ф. А. Васильева, А. К. Саврасова, И. И. Левитана. В трактовке передвижников пейзаж достиг подлинного реализма, утверждал национальную тему, раскрывал красоту родины. Особое место в русской живописи занимал И. К. Айвазовский. Более полувека он изображал на своих романтических полотнах море и морскую стихию, достигнув в этом непревзойденного совершенства.

Подлинным новатором, автором монументальных полотен и психологически изощренных портретов был И. И. Репин. Великолепное мастерство сочеталось у художника с вниманием к запросам современности. Всемирную славу принесла ему картина «Бурлаки на Волге», впервые выставленная в 1872 г. Она была воспринята обществом как подлинно народное эпическое полотно. Громадный психологический дар Репина проявился в обширнойгалерее созданных им портретов Стасова, Писемского, Толстого, Мусоргского и др.

В области исторической живописи прославился В. И. Суриков, для которого было характерно внимание к переломным моментам русской истории — «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Покорение Сибири Ермаком». Мастером батальной живописи был В. В. Верещагин, создавший цикл картин о русско-турецкой войне. Его творчество отметило новый этап в русской и мировой батальной живописи, он отрицал парадное

изображение войны, его неприкрашенная истина демонстрировала явную антивоенную направленность. Особый тип исторической живописи создал В. М. Васнецов, художник русского народного эпоса, былины, сказки. Его работы неизменно привлекали внимание публики, отвечали ее потребности знать русское прошлое и предлагали ответ на вопрос о роли народа в истории.

Замечательным мастером портрета был В. А. Серов, «Девочка с персиками» которого поражала жизненной свежестью, богатством колорита и предвосхищала отход от подчеркнуто прозаической манеры письма передвижников.

Борьба за преодоление академических канонов велась и в скульптуре. Одним из первых обратился к жанровым темам Ф. Ф. Каменский, создавший еще в 1860-х гг. «Мальчика-скульптора», «Вдову с ребенком». Крупнейшим скульптором пореформенного времени был М. М. Антокольский, чьи работы находились в русле реалистической традиции передвижничества. Произведением «Иван Грозный» (1871), которое Тургенев назвал шедевром по историческому проникновению, психологии и выполнению, Антокольский начал серию скульптурных очерков русской истории: «Петр I», «Нестор-летописец», «Ермак» и др. Автор утверждал, что в своих произведениях он воспевает будущность России.

В 1880 г. в Москве был открыт памятник Пушкину, созданный А. М. Опекушиным. Пушкинские торжества, сопровождавшие открытие памятника, собрали в Москве Достоевского, Тургенева, Островского, Аксакова и стали важным общественным событием. С речью на празднике выступил Достоевский, призыв которого смириться, отказаться от противостояния власти и послужить родной земле, привлек всеобщее внимание, но был отвергнут демократической интеллигенцией. Памятник Пушкину стал высшим достижением творчества Опекушина, но ему принадлежат и другие великолепные скульптуры: Суворов, Державин, Румянцев. Прекрасные памятники создал М. О. Микешин, автор «Тысячелетия России» в Великом Новгороде, Богдану Хмельницкому в Киеве.

К концу XIX в. русская наука, литература и искусство в лучших своих проявлениях вышли на мировой уровень, стали неотъемлемой составной частью общеевропейского культурного процесса, их успешное развитие во многом определялось давними устойчивыми традициями служения России и ее народу.

Хронологическая таблица

1672–1725 гг. — годы жизни Петра I. 1682 г. — стрелецкое восстание в Москве.

1682–1696 гг. — совместное царствование Петра и Ивана Алексеевичей. Регентство царевны Софьи (до 1689 г.).

1686 г. — «вечный мир» с Польшей.

1687 г., 1689 г. — Крымские походы русских войск под командованием князя В. В. Голицына.

1689 г. — стрелецкое восстание в Москве.

1695 г., 1696 г. — Азовские походы Петра I (взятие в 1696 г. Азова).

1696–1725 гг. — единодержавное правление Петра I.

1697–1698 гг. — «Великое посольство» в страны Западной Европы.

1698 г. — стрелецкий бунт и казни стрельцов в Москве.

1699 г. — начало военной реформы и создания регулярной армии.

1699 г., январь— указ о самоуправлении городов.

1699 г., ноябрь— заключение договора о союзе России с Данией и Саксонией против Швеции (Северный союз).

1700 г., 1 января— введение нового летосчисления.

1700 г., 13 июля— заключение мирного договора России с Турцией (переход к России Азова и Таганрога).

1700–1721 гг. — Северная война.

1700 г. — основание Невьянского и Каменского железоделательных заводов на Урале.

1700 г., 19 ноября— поражение русской армии под Нарвой.

1701 г. — открытие в Москве школы математических и навигационных наук и артиллерийской школы.

1702 г. — издание первой русской газеты «Ведомости».

1702 г. — ввод Уктусского железного завода на Урале.

1703 г., май— основание Санкт-Петербурга.

1703–1708 гг. — строительство Вышневолоцкого канала.

1705–1706 гг. — восстание в Астрахани.

1705–1711 гг. — волнения башкир и народов Поволжья.

1707 г. — создание Медицинской школы в Москве.

1707–1708 гг. — восстание на Дону под предводительством К. Булавина.

1708 г., 28 сентября— победа русских войск над шведским корпусом

при деревне Лесной.

1708–1710 гг. — учреждение губерний.

1709 г., 27 июня— Полтавская битва.

1710 г. — взятие русскими войсками в ходе Северной войны Выборга, Риги и Ревеля.

1711 г., 22 февраля— учреждение Сената.

1710–1713 гг. — война России с Турцией.

1711 г. — Прутский поход.

1711 г., 12 июля— Ясский мир.

1712 г. — открытие инженерной школы в Москве и артиллерийской — в Петербурге.

1713 г., 13 июня— Адрианопольский мир с Турцией.

1714 г., 23 марта— указ о единонаследии.

1714 г., 27 июля— победа русского флота при Гангуте.

1715 г. — основание Морской академии.

1716 г. — «Воинский устав» Петра I.

1718 г. — дело царевича Алексея.

1718–1720 гг. — Аландский конгресс.

1718–1721 гг. — реформа государственного управления, учреждение коллегий.

1718–1721 гг. — «Морской устав» и «Регламент адмиралтейский».

1718–1727 гг. — первая ревизская перепись населения.

1719 г. — областная реформа, разделение губерний на провинции.

1720 г., 27 июля— победа русского флота над шведской эскадрой при острове Гренгам.

1720 г., ноябрь— «вечный мир» с Турцией.

1721 г. — учреждение Главного магистрата и городских магистратов.

1721 г. — ликвидация патриаршества и учреждение Святейшего Синода.

1721 г. — создание системы гарнизонных школ для подготовки унтер-офицеров.

1721 г. — указ о разрешении купцам покупать крестьян к фабрикам и заводам.

1721 г. — принятие Петром I титула императора.

1721 г., 30 августа— заключение Ништадтского мира между Россией и Швецией. Окончание Северной войны.

1722 г., 24 января— принятие «Табели о рангах».

1722 г., 5 февраля— указ Петра i о престолонаследии.

1722–1723 гг. — Каспийский поход.

1724 г. — введение подушной подати.

1724 г. — введение системы паспортов для крестьян-отходников.

1724 г., июнь— Константинопольский договор России с Турцией о разграничении владений в Закавказье.

1725–1727 гг. — царствование Екатерины I.

1725–1727 гг. — ввод в действие Екатеринбургских заводов на Урале.

1725 г. — открытие Академии наук в Петербурге.

1725–1730 гг. — Первая Камчатская экспедиции В. Беринга и А. И. Чирикова.

1726–1730 гг. — Верховный тайный совет.

1727–1730 гг. — царствование Петра ii.

1730–1740 гг. — царствование Анны Ивановны.

1730 г., декабрь— отмена указа о единонаследии.

1731 г. — учреждение Сухопутного шляхетского корпуса. Начало формирования системы сословного образования.

1733–1743 гг. — Вторая Камчатская экспедиции В. Беринга.

1735 г. — Гянджинский договор с Персией.

1735–1739 гг. — русско-турецкая война. Походы русской армии в Крым.

1736 г. — указ о «вечноотданных» к фабрикам и заводам работниках.

1741–1743 гг. — русско-шведская война.

1741–1761 гг. — царствование Елизаветы Петровны.

1750 г. — основание Ф. Г. Волковым первого русского профессионального театра в Ярославле.

1752 г. — учреждение Морского шляхетского корпуса.

1753 г. — отмена внутренних таможенных сборов. 1755 г. — основание Московского университета.

1757–1762 гг. — участие России в Семилетней войне.

1757 г., 19 августа— победа русских войск в битве при Грос-Егерсдорфе.

1758 г. — учреждение Артиллерийского и инженерного шляхетского корпуса.

1759 г., 1 августа— победа русских войск над прусскими в битве при Кунерсдорфе.

1760 г., 28 сентября— занятие русскими войсками Берлина.

1760–1763 гг. — волнения приписных крестьян на Урале и в Приуралье.

1760 г. — универсал гетмана К. Г. Разумовского, затруднявший переходы крестьян на Украине.

1760 г. — предоставление дворянам права ссылать своих крестьян на поселение в Сибирь.

1761–1762 гг. — царствование Петра III.

1762 г., 18 февраля— манифест о вольности дворянства.

1762–1796 гг. — царствование Екатерины II.

1764 г. — «дело Мировича».

1764 г. — секуляризация церковного землевладения.

1764 г. — ликвидация на Украине гетманства и учреждение Малороссийского генерал — губернаторства.

1765 г. — предоставление дворянам права ссылать своих крестьян на каторгу.

1765 г. — манифест о начале Генерального межевания земель.

1767 г. — запрещение крестьянам подавать жалобы на помещиков.

1767–1768 гг. — деятельность Уложенной комиссии.

1768–1774 гг. — русско-турецкая война.

1770 г., 25–26 июня; 7 июля и 21 июля— победы русского флота при Чесме и войск П. А. Румянцева при Ларге и Кагуле.

1772 г. — первый раздел Польши.

1773–1775 гг. — крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева.

1774 г., 10 июля— подписание Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

1775 г. — «Учреждение о губерниях».

1775 г. — указ о свободе заведения промышленных предприятий во всех отраслях промышленности.

1775 г. — упразднение Запорожского войска; введение системы губернского управления на Дону.

1780 г. — Декларация о вооруженном нейтралитете в связи с англо-американской войной.

1782 г. — организация «Комиссии об учреждении училищ»; начало создания системы народных училищ.

1783 г. — ликвидация Крымского ханства, вхождение его территории в состав России. Основание Севастополя.

1783 г. — законодательное оформление крепостного права в Левобережной Украине.

1783 г., 24 июля— Георгиевский трактат с Восточной Грузией.

1785 г., апрель— Жалованные грамоты дворянству и городам.

1787–1791 гг. — русско-турецкая война.

1788–1790 гг. — русско-шведская война.

1789 г. — победы войск А. В. Суворова при Фокшанах (21 июля) и Рымнике (11 сентября).

1790 г., 11 декабря— штурм Измаила.

1790 г. — издание А. Н. Радищевым «Путешествия из Петербурга в Москву».

1791 г., 29 декабря— подписание Ясского мирного договора России с Турцией.

1793 г. — второй раздел Польши.

1794 г. — восстание в Польше под руководством Т. Костюшко.

1795 г. — третий раздел Польши.

1796–1801 гг. — царствование Павла i.

1797 г., 5 апреля— издание указа о престолонаследии.

1798–1800 гг. — средиземноморский поход русского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова.

1799 г. — итальянский и швейцарский походы А. В. Суворова.

1801 г., 11 марта— дворцовый переворот. Убийство Павла i.

1801–1825 гг. — царствование Александра I.

1803 г., 20 февраля— указ о «вольных хлебопашцах».

1804 г. — издание первого цензурного устава (утверждение предварительной цензуры рукописей).

1804–1813 гг. — война России с Персией.

1805–1807 гг. — участие России в третьей и четвертой антинаполеоновских коалициях.

1805 г., ноябрь— сражение при Аустерлице.

1806–1812 гг. — война России с Турцией.

1807 г., 25 июня— мирный и союзный договоры России с Францией в Тильзите.

1810 г., 1 января— учреждение Государственного совета.

1812 г., 16 мая— Бухарестский мирный договор России с Турцией.

1812 г., 12 июня— вторжение наполеоновской армии в Россию. Начало Отечественной войны.

1812 г., 4–5 августа— сражение под Смоленском.

1812 г., 26 августа— Бородинское сражение.

1812 г., 12 октября— сражение под Малоярославцем, победа русской армии.

1812 г., 25 декабря— изгнание наполеоновских войск из пределов России.

1813–1815 гг. — заграничные походы русской армии.

1813 г., 4–7 октября— сражение при Лейпциге («Битва народов»).

1813 г., 12 октября— Гюлистанский мирный договор с Персией.

1814 г., сентябрь— 1815 г., май— Венский конгресс.

1815 г., сентябрь— создание Священного союза.

1816–1818 гг. — учреждение военных поселений в России.

1816–1817 гг. — первая тайная декабристская организация «Союз спасения».

1818–1821 гг. — декабристская организация «Союз благоденствия».

1821–1825 гг. — Северное и Южное общества декабристов.

1825 г., 14 декабря— восстание декабристов в Петербурге.

1825 г., 29 декабря— 1826 г., 3 января — восстание Черниговского полка.

1825–1855 гг. — царствование Николая I.

1826 г., 3 июля— учреждение iii Отделения собственной его Императорского величества канцелярии.

1826–1833 гг. — кодификация законов.

1826–1828 гг. — война России с Персией.

1828 г., 10 февраля— заключение Туркманчайского мирного договора России с Персией. Присоединение к России Восточной Армении.

1828–1829 гг. — война России с Турцией.

1829 г., 2 сентября— заключение мирного договора с Турцией в Адрианополе.

1830 г., ноябрь — 1831 г., октябрь— польское восстание.

1832–1840 гг. — кружок Н. В. Станкевича.

1833 г., 26 июня— Ункяр-Искелесийский договор России с Турцией.

1837–1841 гг. — реформа управления государственными крестьянами П. Д. Киселева.

1839–1843 гг. — денежная реформа Е. Ф. Канкрина.

1842 г., 2 апреля— указ «Об обязанных крестьянах».

1845–1849 гг. — деятельность тайного кружка М. В. Буташе-вича-Петрашевского.

1853–1856 гг. — Крымская война.

1854 г., сентябрь — 1855 г., август— оборона Севастополя.

1855–1881 гг. — царствование Александра ii.

1856 г., 18 марта— Парижский мирный трактат между Россией, Францией, Англией, Турцией, Австрией, Сардинией и Пруссией.

1857 г., 3 января— учреждение Секретного (с 18 февраля 1858 г. — Главного) комитета по крестьянскому вопросу.

1858 г., январь — 1859 г., декабрь— деятельность губернских комитетов по крестьянскому делу.

1859–1860 гг. — деятельность Редакционных комиссий.

1860 г., 31 мая— учреждение Государственного банка.

1861 г., 19 февраля— отмена крепостного права в России.

1863 г., январь — 1864 г., август— восстание в Польше.

1863 г., 18 июня— принятие нового Университетского устава.

1864 г., январь— земская реформа.

1864 г., 20 ноября— издание Судебных уставов.

1867 i., 18 марта— договор с США о продаже российских владений в Северной Америке.

1870 г. — городская реформа.

1870 г. — образование Товарищества передвижных выставок.

1873 г. — создание «Союза трех императоров».

1874 г., 1 января— устав о воинской повинности.

1876–1879 гг. — деятельность народнической организации «Земля и воля».

1877–1878 гг. — русско-турецкая война.

1878 г., 19 февраля— подписание Сан-Стефанского мирного договора России с Турцией.

1878 г., 1 июня — 1 июля— Берлинский конгресс.

1879 г., август— раскол «Земли и воли». Возникновение «Народной воли» и «Черного передела».

1881 г., 1 марта— убийство Александра II.

1881–1894 гг. — царствование Александра III.

1881 г., 6 июня— возобновление «Союза трех императоров».

1883 г. — создание группы «Освобождение труда» Г. В. Плеханова.

1885 г., 7—17 января— стачка на Морозовской мануфактуре в Орехово-Зуеве.

1887 г., 6 июня— договор («перестраховочный») России с Германией.

1891–1905 гг. — строительство Сибирской (Транссибирской) железной дороги.

1893 г., 8 июня и 14 декабря— законы о неотчуждаемости крестьянских наделов.

1894–1917 гг. — царствование Николая II.

1897 г., 3 января— денежная реформа С. Ю. Витте.